ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

ВПЕРВЫЕ
ПОД ОДНОЙ
ОБЛОЖКОЙ!

Урсула
ЛЕ ГУИН

Волшебник Земноморья

4 РОМАНА
И 4 РАССКАЗА
ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО
ЦИКЛА!

Эксмо

Урсула
ЛЕ ГУИН

Волшебник Земноморья

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Урсула

ЛЕ ГУИН

Волшебник Земноморья

Урсула
ЛЕ ГУИН

Волшебник Земноморья

•

Гробницы Атуана

•

На последнем берегу

•

Техану

•

Рассказы

МОСКВА
ЭКСМО
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Урсула

ЛЕ ГУИН

Волшебник Земноморья

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 820 (73)
ББК 84(7США)
Л 33

Ursula K. LE GUIN
A WIZARD OF EARTHSEA
Copyright © 1968 by Ursula K. Le Guin
THE TOMBS OF ATUAN
Copyright © 1971 by Ursula K. Le Guin
THE FARTHEST SHORE
Copyright © 1972 by Ursula K. Le Guin
THE LAST BOOK OF EARTHSEA
Copyright © 1990 by Inter-Vivos Trust for the Le Guin Children
STORIES
Copyright © 1963...1970 by Ursula K. Le Guin

Ле Гуин У.
Л 33 Волшебник Земноморья: Фантастические произведения / Пер. с англ. И. Тогоевой. — М.: Изд-во Эксмо, 2007. — 800 с.

ISBN 5-699-10721-5

Первый же роман знаменитого цикла о Земноморье поставил Урсулу Ле Гуин в ряды выдающихся мастеров фэнтези, наряду с Дж. Р. Р. Толкиеном и К. Льюисом. В замысловатом лабиринте сказочной страны Земноморье немудрено и заблудиться, но ведомому фантазией и талантом Урсулы Ле Гуин читателю не грозит столь незавидная участь. Продуманный до мелочей, раскрашенный сочными красками мир заключает в себе неповторимое обаяние, под власть которого уже попали миллионы любителей фантастики во всем мире.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006
© Перевод. И. Тогоева, 2002

ISBN 5-699-10721-5

Моим братьям — Клифтону, Теду, Карлу

В молчании – слово,
А свет – лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней...

Создание Эа

1

ВОИНЫ В ТУМАНЕ

Остров Гонт — это, по сути дела, одиноко стоящая гора, вершина которой издали видна над бурными водами Северо-восточного моря. Гонт славится своими волшебниками. Немало гонтийцев из высокогорных селений и портовых городов, вытянувшихся вдоль узких заливов, отбыло в иные государства служить властителям Архипелага: кто в качестве придворного волшебника, кто просто в поисках приключений, скитаясь по всему Земноморью от острова к острову и зарабатывая на жизнь колдовством.

Говорят, что самым великим из этих волшебников и уж, во всяком случае, величайшим из путешественников был некий гонтиец по прозвищу Ястреб-перепелятник, в конце концов ставший не только Повелителем Драконов, но и Верховным Магом Земноморья. О жизни его повествуется в эпическом сказании «Подвиг Геда» и во многих героических песнях, но эта наша история — о тех временах, когда слава еще не пришла к нему и не были еще сложены о нем песни.

Он родился в уединенной деревушке под названием Десять Ольховин, примостившейся высоко в горах прямо над Северной Долиной. От деревни террасами к морю спускались пастбища и пахотные земли, а по берегам реки Ар, извивавшейся в долине, виднелись крыши других селений; выше был только лес, к вершине он уступал место голым скалам, покрытым снегом.

Имя, которое он носил ребенком, Дьюни, было дано

ему матерью; и это единственное, кроме самой жизни, что она успела ему дать, потому что умерла прежде, чем мальчику исполнился год. Его отец, деревенский кузнец, бронзовых дел мастер, был мрачным неразговорчивым человеком, и поскольку шестеро братьев Дьюни были значительно старше его и один за другим уже покинули родной дом, отправясь работать в другие селения Северной Долины — земледельцами, моряками, кузнецами, в семье не осталось души, способной дать ребенку хоть каплю тепла.

Он вырос дикарем, словно мощный сорняк, этот высокий быстрый мальчик, гордый и вспыльчивый. С другими деревенскими мальчишками он пас коз на крутых горных пастбищах у впадающих в реку Ар ручьев, а когда у него достало сил, чтобы раздувать большие кузнечные мехи, отец сделал паренька своим подмастерьем, и наградой ему служили колотушки да розги.

Однако особого толку от Дьюни не было. Он вечно где-то пропадал, скрывался, бродил по дальним лесам, плавал в омутах реки Ар, очень быстрой и холодной, как и все речки Гонта, или забирался по скалам и утесам на такую высоту, где лес кончался и можно было увидеть море — бескрайние северные воды, посреди которых самым ближним островом был Перрегаль.

В одной деревне с Дьюни жила сестра его покойной матери. Она присматривала за мальчиком, пока тот был совсем маленьким, однако у нее и своих дел хватало, так что, едва ребенок смог как-то обходиться без помощи взрослых, тетка и вовсе перестала обращать на него внимание. Однажды, когда Дьюни было лет семь и он не успел еще ничего узнать ни о волшебстве, ни о колдовских силах, ни о магии, он услышал, как тетка не то плачет, не то поет, уговаривая своего козла слезть с тростниковой крыши избушки, и не успела она пробормотать какой-то стишок, как упрямое животное тут же спрыгнуло на землю.

На следующий день, когда Дьюни пас коз на лугу возле Верхнего Перевала, он крикнул им те самые слова, которые услышал накануне, совсем не ведая, ни зачем они, ни что они значат:

Нот хирт мок мэн
хиолк хан мерт хан!

Он проорал стишок во все горло, и козы подошли к нему. Примчались со всех ног и беззвучно обступили, неотрывно глядя прямо в душу черными зрачками своих желтых глаз.

Дьюни засмеялся и громко повторил стишок, что давал над козами такую власть. Козы придвинулись еще ближе, толкаясь вокруг него.

И тут он почувствовал страх, так близко были их толстые острые рога, странные глаза, такая удивительная тишина висела вокруг. Мальчик попробовал убежать, вырваться из этого кольца, но козы по-прежнему держали его в плену, бежали следом, пока, наконец, все вместе они не добрались до деревни — плотное кольцо коз, словно связанных одной веревкой, а в середине этого кольца — Дьюни, зареванный и орущий что было сил. Выбежали соседи и криками попытались разогнать коз, смеясь над незадачливым пастушком. Следом прибежала и тетка Дьюни; она смеяться не стала. Только что-то шепнула козам, и животные вновь принялись как ни в чем не бывало блеять и щипать траву на лугу, освобожденные от заклятия.

— Пойдем-ка со мной, — сказала тетка Дьюни.

И повела его к себе в избушку, где жила совершенно одна. Дети сюда обычно не допускались, да они и боялись этого места.

Избушка была низкой, темной, без окон и вся пропахла травами, которые пучками были развешаны на просушку на центральной балке под крышей: мята, волшебная трава моли[1], тимьян, тысячелистник, куриная слепота, водосбор, какие-то водоросли, дьявольское копытце, пижма и лавровый лист. Тетка уселась у очага, скрестив ноги и искоса поглядывая на мальчика сквозь косые пряди черных волос, спросила, что именно он сказал козам и знает ли, что это за слова. Обнаружив, что он не понимает ровным счетом ничего, хоть и сумел заколдовать коз, заставив их слушаться и следовать за ним, тетка окончательно уразумела, что в ее племяннике заключена магическая сила.

Пока он был только сыном ее сестры, она не обраща-

[1] Траву моли Одиссей получил от Гермеса и, подмешав в напиток, одержал победу над волшебницей Киркой (Цирцеей). — *Здесь и далее прим. перев.*

ла на него внимания, но теперь, сама будучи ведьмой, она смотрела на Дьюни новыми глазами. Тетка похвалила мальчика и сказала, что может научить его другим стишкам-заклинаниям — какие ему больше понравятся: например, можно заставить улитку высунуться из раковины или призвать к себе ястреба из поднебесья.

— О да, научи меня вызывать ястреба! — воскликнул Дьюни, уже совсем позабыв о том страхе, что нагнали на него козы, и с удовольствием слушая похвалы тетки своей сообразительности.

Ведьма сказала:

— Но, если я назову тебе подлинное имя ястреба, ты никогда не должен говорить его другим детям.

— Честное слово, не скажу!

Она улыбнулась его невинной горячности:

— Что ж, будь по-твоему. Но раз ты дал мне слово, я тебя на слове и ловлю. Язык твой будет связан до тех пор, пока я не сочту нужным освободить его, но даже и тогда ты, хоть и обретешь снова дар речи, не сможешь произнести при ком-либо то слово, которому я тебя научу. Мы должны хранить тайны своего ремесла.

— Ладно, — сказал мальчик, ибо не было у него ни малейшего желания делиться какими бы то ни было тайнами с приятелями; наоборот, ему хотелось знать то, чего не знали они, и делать то, чего они сделать не могли.

Дьюни сидел спокойно, а тетка тем временем собрала свои патлы в пучок, застегнула пряжку на талии и снова уселась, скрестив ноги, бросая горстями в очаг какие-то листья, от которых повалил густой дым, заполнивший и без того темную избушку. Потом ведьма запела каким-то странным, переменчивым голосом — то высоким, то низким, словно ее устами пел кто-то другой, и пение это все продолжалось и продолжалось, пока мальчик не перестал понимать, во сне все это происходит или наяву, а рядом с ним безотлучно сидела черная ведьмина собака с красными от дыма глазами, которая ни разу даже не тявкнула, потому что не лает никогда. И тут вдруг тетка заговорила с Дьюни на каком-то непонятном языке и заставила его повторять за ней длинные заклинания и отдельные слова, потом наконец колдовство свершилось, и он застыл в полной неподвижности.

— Говори! — приказала ведьма, проверяя силу заклятья.

Говорить он не мог, но засмеялся.

Тут уж сама тетка испугалась заключенной в мальчике магической силы: ведь это было самое сильное из ведомых ей заклятий. Она стремилась обрести власть не только над речью или молчанием Дьюни, но и связать его волю, обязать служить ей одной и помогать во всех ее колдовских деяниях. И все же, хоть заклятье подействовало, он засмеялся. Ведьма не сказала больше ни слова. Лишь обрызгала огонь в очаге чистой водой, чтобы окончательно погасить его, и разогнала дым; потом дала мальчику напиться. Когда же воздух совсем очистился от дыма и Дьюни вновь обрел способность говорить, тетка научила его тому единственно верному, подлинному имени ястреба, на которое лишь и должна отзываться эта птица.

Так Дьюни совершил свой первый шаг по очень долгому пути — длиной в целую жизнь, — которым теперь предстояло ему следовать. Путь этот привел его к погоне за страшной Тенью, и он попал в такие края, что лежат за неведомыми морями и простираются до самых границ темного царства смерти. Но пока что открывшийся перед ним путь казался ему светлой широкой дорогой.

Когда Дьюни убедился, что, стоит ему произнести подлинное имя сокола и тот камнем падает с небес к нему на плечо или садится на запястье, покачивая могучими крыльями, словно ловчая птица во время княжеской охоты, ему до смерти захотелось узнать побольше таких вот настоящих имен, и он явился к тетке и стал молить ее назвать ему имена ястреба-перепелятника, скопы, орла и других хищных птиц. Для того чтобы выучить эти дающие власть слова, он готов был делать все, что ему велела ведьма, хотя далеко не все это было ему по душе.

На острове Гонт есть поговорка «Слабый, как женские чары», но существует и другая — «Опасный, как женские чары». Обе они справедливы, а потому, если колдунья из деревни Десять Ольховин и не обладала особой магической силой, да и вообще злой не была, но, хоть она и не знала общения с Древними Силами Земли, кое-каким колдовством все же владела и частенько использовала его для разных подозрительных дел и обмана, потому что была женщиной невежественной и жила среди темного, невежественного народа. Тетка Дьюни ничего не знала ни о Равновесии, существующем во Вселен-

ной, ни о Великом Пути, который ведом настоящим волшебникам, преданным своему делу и никогда не произносящим без нужды ни единого слова Истинной Речи, не говоря уж о заклинаниях. У этой же непросвещенной женщины было готово заклинание на любой случай жизни, и вечно она плела какие-то козни. Колдовство ее по большей части, правда, оказывалось сущей ерундой и притворством, да она и не очень-то умела отличать настоящие заклинания от фальшивых. Зато она знала множество проклятий, и ей, например, гораздо лучше удавалось наслать на кого-то болезнь, чем вылечить ее. Как и все деревенские колдуньи, она умела варить любовное зелье; впрочем, готовила она и другие, весьма, надо сказать, отвратительные напитки, разжигающие в человеке ревность и ненависть. Но об этом она предпочитала помалкивать и учила своего юного племянника честному волшебству — по мере сил, разумеется.

Сначала самым большим удовольствием для Дьюни, который был еще совсем ребенком, оказалась его магическая способность подчинять себе диких птиц и зверей. Честно говоря, этим своим умением он наслаждался всю жизнь. Деревенские дети, которые часто видели его на горных пастбищах в обществе зачарованной им птицы, прозвали его Ястребком, или, точнее, Ястребом-перепелятником; так приобрел он ту кличку, которой пользовался потом всегда, даже после того, как узнал свое подлинное имя.

Ведьма вечно твердила ему, что колдун может обрести над людьми неограниченную власть, сулящую славу и богатство, и он стал еще старательнее изучать колдовскую премудрость. И очень в этом преуспел. Тетка нахваливала его, деревенские дети стали его бояться, сам же Дьюни не сомневался, что скоро станет великим колдуном. Так, постепенно запоминая все новые и новые волшебные слова и заклинания, он выучился почти всему, что знала и сама ведьма: не так уж и много знала она, однако вполне достаточно для обыкновенной деревенской колдуньи, и более чем достаточно было этих знаний для мальчика, которому едва минуло двенадцать лет. Тетка рассказала Дьюни все, что знала о травах и траволечении, об умении отыскивать предметы, связывать живые существа волшебным словом и сбивать с пути, научила его раскрывать многие

двери и некоторые тайны. Она рассказала ему все, что помнила из легенд о Великих Подвигах, спела ему все известные ей героические песни, назвала все слова Истинной Речи, которые узнала когда-то у одного колдуна. А у предсказателей погоды и бродячих фокусников, часто посещавших селения Северной Долины и Восточного Леса, мальчик научился всяким трюкам и забавным шуткам, а также — созданию иллюзий. При помощи одного из таких несложных заклятий он в трудный для селения час и показал, сколь велика волшебная сила, заключенная в нем от рождения.

В те времена славилась своим могуществом империя Каргад. Основу ее составляли четыре больших острова, расположенных между Северным и Восточным Пределами: Карего-Ат, Атуан, Гур-ат-Гур и Атнини. Говорили там на языке, не похожем ни на один другой язык Архипелага и Пределов. Населяли Каргад белокожие и светловолосые варвары, свирепые любители кровавых битв и запаха сожженных городов. За год до описываемого времени они успешно захватили острова Ториклы и хорошо укрепленное государство на острове Торхевен, явившись туда на своих бесчисленных судах под красными парусами. Известия об этом достигли уже северного побережья Гонта, однако правители острова были заняты собственными пиратскими вылазками, так что им и дела не было до чужих бед. Вскоре под натиском каргов пал остров Спиви, выжженный и превращенный в пустыню; все его жители были увезены и проданы в рабство. Даже и теперь Спиви по-прежнему весь в руинах. Гонимые жаждой завоеваний, карги поплыли на север, к Гонту, и несметное множество их высадилось с тридцати больших галер в Восточном Порту. Сломив сопротивление горожан, они захватили порт, сожгли его, оставили свои корабли под охраной части воинов в устье реки Ар и стали подниматься вверх по течению, разрушая все на своем пути и зверски расправляясь не только со скотиной, но и с людьми. Они двигались по направлению к Северной Долине несколькими отрядами, грабя и убивая. Беженцы из разоренных каргами селений разнесли весть о грядущей беде по высокогорным деревням, и вскоре жители Десяти Оль-

ховин тоже увидели, что горизонт на востоке тонет в черном дыму, а те, кто ночью поднялся к Верхнему Перевалу, ужаснулись: долина внизу сверкала огнями пожаров там, где еще вчера колыхались в полях созревшие хлеба и в садах на деревьях краснели плоды; все теперь пожирало ненасытное пламя, а бóльшая часть домов и амбаров уже лежала в руинах.

Некоторые из жителей деревни поспешили укрыться в оврагах и лесах; остальные приготовились драться не на жизнь, а на смерть, впрочем, некоторые вообще не делали ничего, лишь причитали да плакали. Ведьма была среди тех, кто бежал из деревни, и теперь скрывалась одна в пещере на крутом откосе Каппердинга, заклятьями затворив вход. Отец Дьюни, кузнец, остался; он не мог расстаться со своей плавильней и горном, со своей кузней, где трудился полсотни лет. Всю последнюю перед боем ночь он не покладая рук превращал имевшийся в запасе металл в наконечники для копий, а остальные тут же надевали эти наконечники на рукоятки от мотыг и грабель, потому что не было времени крепить их по-настоящему. В деревне не водилось иного оружия, кроме охотничьих луков да коротких ножей, ибо горные жители Гонта в общем миролюбивы; остров славился отнюдь не воинами, а козлокрадами, морскими пиратами и волшебниками.

С рассветом пришел густой белый туман, как это часто бывает осенним утром высоко в горах. Возле своих избушек и домов, беспорядочно разбросанных по склону горы, стояли жители Десяти Ольховин и ждали, держа в руках свои луки и только что изготовленные копья, не зная, далеко ли, близко ли карги; стояли в полной тишине, вглядываясь в густой туман, скрывавший от их глаз предметы, расстояния и опасности.

Там же был и Дьюни. Он всю ночь проработал в кузне, качая огромные мехи, питавшие воздухом огонь. Теперь усталые руки его так дрожали и болели, что он едва мог держать копье, которое сам себе выбрал. Он не представлял, как будет участвовать в сражении и чем вообще сможет помочь и себе, и односельчанам. Сердце его екнуло при мысли о том, что он умрет, насаженный на копье какого-нибудь карга, а ведь он еще так юн. Тогда придется ему отправиться в страну Тьмы, так и не узнав собственного настоящего имени, так и не став мужчиной. Он

посмотрел на свои тонкие руки, покрытые холодными капельками осевшего на кожу тумана, и пришел в ярость от собственного бессилия, ибо знал, какое в нем таится могущество, да только не умел выпустить его наружу, не умел им воспользоваться. Дьюни старательно перебирал в памяти самые разнообразные заклинания, пытаясь найти такое, которое могло бы помочь гонтийцам победить каргов или хотя бы дать его односельчанам надежду на спасение. Но одного лишь горячего желания недостаточно, чтобы выпустить волшебную силу на свободу, для этого нужно уменье.

Туман начинал рассеиваться под лучами горячего солнца, всходившего прямо над вершиной горы, и уплывать крупными ватными облаками, обрывками дымчатой вуали, и жители деревни увидели, что вверх по склону движется отряд захватчиков. Воины были в бронзовых шлемах, поножах и нагрудниках из толстой кожи, инкрустированных полированным деревом и бронзой. Вооружены карги были мечами и длинными копьями. Поднявшись по обрывистому берегу реки Ар, они подошли уже совсем близко; уже можно было разглядеть их белокожие лица, расслышать отдельные слова их ужасного говора. Этот отряд состоял примерно из ста каргов — не так уж и много, однако сейчас в деревне оставалось всего восемнадцать мужчин и юношей.

Острая потребность что-то немедленно предпринять наконец вызволила знания Дьюни из плена: видя, как рассеивается и тончает завеса тумана, он вспомнил вдруг заклинание, которое могло бы оказаться весьма полезным. Некий старый предсказатель погоды, пытаясь залучить мальчика себе в ученики, кое-чему обучил его. Один из этих трюков назывался «плетение тумана»; здесь применялось заклинание, которое на время как бы собирает весь туман в одно место, и человек, владеющий искусством иллюзий, может при этом придавать собранному туману самые разнообразные волшебные и загадочные формы, которые, впрочем, весьма недолговечны и почти сразу расплываются и тают. Дьюни, конечно же, таким мастерством не обладал, но у него и намерения были совсем иные. Главное — суметь использовать туман в своих целях. Быстро и громко он сказал вслух, как велика и где кончается деревня Десять Ольховин, затем произнес за-

клинание, в ткань которого вплел волшебные слова, помогающие скрыть предметы от глаз чужака, а под конец успел выкрикнуть волшебное слово, что связывает заклятье и заставляет волшебство продлиться как можно дольше.

Однако едва он это сделал, как отец влепил ему такую затрещину, что мальчик упал.

— Тихо ты, дурак! Придержи свой болтливый язык да спрячься, коли не можешь драться!

Дьюни поднялся на ноги. Ему хорошо были слышны голоса каргов где-то у большого тисового дерева на противоположном конце деревни, возле дома дубильщика кож. И не только голоса, но и бряцанье доспехов и оружия, однако из-за тумана видно их не было. Туман окутывал деревню настолько плотной пеленой, что стало почти темно, словно наступил вечер; мир вокруг как бы исчез, растворился в тумане, так что с трудом можно было различить очертания собственных рук.

— Я же всех нас спрятал, — упрямо и тихо проговорил Дьюни; голова у него все еще гудела от отцовского подзатыльника, а применение двух заклятий сразу отняло все силы. — Я продержу здесь этот туман так долго, как только смогу. Собери людей и веди их к Верхнему Перевалу.

Кузнец уставился на сына так, словно тот был духом, порожденным этим таинственным сырым туманом. До него не сразу дошел смысл слов Дьюни, однако, осознав сказанное, он тут же бросился собирать остальных. Двигался кузнец совершенно бесшумно — ведь ему были знакомы каждый поворот изгороди, угол каждого дома родной деревни. Сквозь серый туман стал пробиваться красноватый отсвет: это карги подожгли тростниковую крышу одного из домов. Но в саму деревню пока не входили, а ждали на ее нижнем конце, надеясь, что туман все же рассеется и добыча сама попадет к ним в руки.

Дубильщик — это его дом подожгли карги — послал двух своих мальчишек, и те шныряли у каргов перед самыми носами, дразнили их, улюлюкали, а потом исчезли снова, растворились, как дым за стеной тумана. Между тем старшие мужчины, пробираясь за изгородями, перебегая от дома к дому, подошли к врагам совсем близко, и с тыла на каргов неожиданно посыпался град стрел и копий, поразивших многих, ибо карги стояли кучей. Один из них упал, пронзенный копьем, наконечник которого

еще хранил тепло наковальни. Другие были ранены стрелами. Каргов охватила ярость. Они бросились было вперед, чтобы сровнять с землей жалких соперников, но повсюду был один лишь туман. В тумане со всех сторон слышались голоса, и карги, спотыкаясь в белесой мгле, пошли на эти голоса со своими огромными, украшенными перьями и перепачканными кровью копьями. С яростными воплями они прошли всю деревню насквозь, даже не подозревая, что она уже кончилась, потому что хотя время от времени и видели рядом дома, но дома эти тут же снова скрывались в густом сером тумане. Гонтийцы поднимались в горы поодиночке, большая их часть ушла уже довольно далеко, ведь местность была им хорошо знакома, однако некоторые, в основном дети и старики, двигались медленнее. Догоняя отставших, карги пускали в ход копья или мечи и воинственно выкликали имена своих белокожих Богов-Близнецов с острова Атуан:

— Вулуа! Атва!

Почувствовав, впрочем, что земля под ногами стала уж больно неровной и вовсе не похожа на деревенскую улицу или дорогу, некоторые из каргов начали останавливаться, но большая их часть по-прежнему стремилась вперед, отыскивая призрачную деревню, преследуя неясные, расплывчатые тени ее жителей, которые ускользали из-под самого носа. Туман вокруг, казалось, ожил, задвигался, фигуры людей в нем то возникали, то исчезали вновь. Часть отряда каргов преследовала призраков-гонтийцев до самого Верхнего Перевала, где склон круто обрывался над одним из притоков реки Ар; там призраки вдруг как бы растаяли в тумане, а их преследователи попáдали прямо в невидимую пропасть. В пронизанном солнечными лучами тумане стало видно, как они один за другим летят с тридцатиметровой высоты в мелкие заводи прямо на острые камни. А те, кто отстал и лишь потому остался в живых, остановились на самом краю обрыва и долго стояли, прислушиваясь.

И тут в сердца каргов вошел ужас, ибо они в густом тумане натыкались лишь друг на друга, не обнаруживая рядом ни одного жителя деревни. Наконец воины собрались вместе на склоне холма и стали спускаться, но откуда-то из тумана то и дело появлялись проклятые призраки и наносили каргам удары ножами и копьями. Карги

бросились бежать и беспорядочной толпой, спотыкаясь и не говоря ни слова, бежали вниз до тех пор, пока не вылетели вдруг из-под густого слепящего облака и не увидели прямо перед собой реку, расположенные куда ниже деревни овраги, и все это было залито солнцем, нигде ни клочка тумана. Они остановились, собрались в кучу и дружно оглянулись назад. Стена волнистого влажного серого тумана подступала к тропе вплотную, скрывая все, что лежало за ней. Из этой стены вывалились еще двое или трое каргов, загнанных и спотыкающихся, с длинными копьями на плечах. Ни один из захватчиков в ту сторону больше даже не посмотрел. Все разом двинулись по склону горы вниз, спеша прочь от этого заколдованного места.

Однако в селениях, расположенных в самой Северной Долине, карги утолили-таки свою жажду битвы. Жители Восточного Леса, от Оварка до самого побережья, послали своих мужчин на битву с захватчиками. Отряд за отрядом спускались гонтийцы с гор, преследуя стремительно отступавших к побережью каргов. Достигнув пляжей чуть выше Восточного Порта, захватчики обнаружили, что корабли их сожжены; им пришлось биться с хозяевами Гонта у самой кромки воды, и битва шла до тех пор, пока не осталось в живых ни одного карга, а пески устья Ар не стали бурыми от крови. Потом кровь смыл прилив.

Утром, после битвы в деревне Десять Ольховин и у Верхнего Перевала, сырой серый туман еще повисел немного, потом вдруг поднялся, рассеялся, растворился и уплыл куда-то вдаль, словно его и не бывало. Люди растерянно озирались, стоя на ветерке под утренними лучами солнца. Повсюду валялись тела мертвых каргов; их длинные спутанные светлые волосы были в крови. Неподалеку лежал и деревенский дубильщик, принявший благородную смерть в бою.

В нижнем конце деревни все еще догорал дом, подожженный каргами. Люди бросились тушить пожар, потому что сражение уже закончилось и они победили. На деревенской улице у высокого тиса они обнаружили одиноко стоявшего Дьюни, сына кузнеца; он не был ранен, но не произносил ни слова и явно был не в себе, словно его заколдовали. Односельчане прекрасно понимали, что этот мальчик сделал для них. Они отвели его домой и бросились искать ведьму, нашли ее и стали умолять выйти из пещеры и спасти парнишку, который отвел от них смертельную опасность, ведь живыми остались все, кроме четверых убитых каргами, и уцелело все имущество, если не считать все еще догоравшего дома.

Тетка не обнаружила на теле Дьюни ни одной раны, однако мальчик по-прежнему не говорил ни слова и, похоже, не слышал, когда к нему обращались; он не спал и не мог принимать пищу. И не было рядом волшебника, у которого достало бы могущества снять с него эти чары. Тетка его, ведьма, была бессильна. Она лишь сказала: «Он истратил все свои силы».

Пока Дьюни лежал вот так, в тихом беспамятстве, история о мальчике, что заколдовал туман и насмерть перепугал каргов толпой волшебных теней, стала известна по всей Северной Долине, ее услышали жители Восточного Леса и дальних горных селений, она достигла даже противоположной стороны острова — главного порта, Морских ворот Гонта. И вот на пятый день после битвы в устье реки Ар в деревню Десять Ольховин явился чужеземец, не молодой и не старый, закутанный в плащ, но с непокрытой головой. В руке он легко сжимал толстый дубовый посох ростом с него самого. Человек этот спустился не от верховий реки Ар, откуда чаще всего приходили в деревню люди, а, напротив, поднялся по крутому, поросшему лесом берегу ее откуда-то снизу. Деревенские кумушки сразу решили, что это волшебник, а когда он еще и сказал им, что умеет лечить, то они прямо-таки потащили его к дому кузнеца. Отослав прочь всех, кроме отца мальчика и его тетки, незнакомец склонился над постелью, возложил руку на лоб Дьюни, потом легонько коснулся его губ.

Дьюни медленно сел, озираясь по сторонам. Через некоторое время он заговорил, и к нему постепенно начали возвращаться силы и аппетит. Его немного покормили, напоили, и он снова лег, не сводя темных пытливых глаз с незнакомца.

— Не простой ты, видно, человек, — проговорил кузнец, обращаясь к пришельцу.

— Этот мальчик тоже будет не простым человеком, — ответил тот. — История о том, что проделал он с туманом ради спасения своей деревни, достигла Ре Альби, моей

родины. И я пришел сюда для того, чтобы дать ему настоящее имя, если верно то, что он еще не прошел обряда имяположения и посвящения в мужчины.

Ведьма шепнула кузнецу на ухо:

— Братец, так ведь это точно великий чародей из Ре Альби, Огион Молчаливый, тот самый, что остановил землетрясение!..

— Господин, — сказал кузнец, нисколько этими словами не обескураженный, — моему сыну через месяц исполнится тринадцать, но мы хотели отложить его посвящение до праздника Солнцеворота.

— Пусть имя будет ему положено как можно скорее, — настаивал волшебник, — ибо оно ему необходимо. У меня пока есть здесь и другие дела, однако я вернусь к тому дню, который вы сами выберете. А захотите, я потом возьму мальчика с собой и, если он окажется достаточно смышленым, сделаю своим учеником или, по крайней мере, позабочусь о том, чтобы он получил образование, соответствующее тому дару, которым обладает. Держать в неведении душу и ум прирожденного мага очень-очень опасно.

Мягок был голос Огиона, но такая в нем чувствовалась уверенность, что даже искушенный в жизни кузнец согласился с каждым его словом.

В день, когда Дьюни исполнилось тринадцать, а случилось это ранней осенью, той чудесной порой, когда деревья еще не сбросили своего яркого лиственного наряда, в деревню из своих странствий по острову Гонт вернулся Огион и состоялась церемония имяположения. Тетка-колдунья «взяла» у Дьюни его прежнее имя, то, которым во младенчестве нарекла его мать. Безымянным и нагим вошел он в холодные струи реки Ар там, где среди валунов, под нависшими утесами кружит темный омут. В этот миг солнце закрыли облака и вода подернулась рябью. Выбравшись из омута, мальчик двинулся к противоположному берегу, дрожа от холода в ледяной воде, но ступал медленно, выпрямившись во весь рост, как подобает. Когда он вышел на берег, ждавший там Огион протянул мальчику руку, крепко сжал ее в своей и шепнул ему подлинное его имя: Гед.

Так с помощью великого волшебника Огиона свершилось имяположение Геда.

Празднество еще далеко не закончилось, и деревенские жители веселились вовсю, еще полно было всяких угощений и выпивки, а приглашенный из Долины певец распевал песнь за песней о подвигах Повелителя Драконов, когда маг Огион тихонько сказал Геду:

— Довольно, мальчик. Попрощайся со своими, и пусть праздник продолжается.

Гед быстро собрался в дорогу: он взял прекрасный, выкованный отцом специально для него бронзовый нож, кожаную куртку, которую вдова погибшего дубильщика подогнала ему по росту, и ольховый посох, заколдованный для него теткой. Это, собственно, было все, чем он владел кроме надетых на него рубашки да штанов. Простившись с отцом и теткой — единственными близкими ему на всем свете людьми, — Гед еще раз поглядел на привольно раскинувшуюся на горном склоне деревню, на берега быстрой реки и двинулся в путь со своим новым другом и Учителем, вверх по крутой тропе, по опавшей листве, среди ярких красок и теней ранней осени.

2

ТЕНЬ

Раньше Гед думал, что, став учеником великого волшебника, он сразу же овладеет его ремеслом и тайнами магии, станет понимать язык диких зверей, лесных растений и листьев на деревьях и, произнеся одно лишь нужное слово, сможет повелевать ветрами и превращаться во что угодно. Например, они с Учителем могли бы превратиться в оленей или орлов и быстрее ветра домчаться от Десяти Ольховин до Ре Альби.

Но все оказалось совсем не так. Они с Огионом шли и шли: сначала спустились в Долину, потом двинулись на юго-запад вокруг горы, ночуя в маленьких деревушках или прямо под открытым небом, словно жалкие бродячие фокусники или какие-нибудь лудильщики посуды, а то и просто как нищие. Никаких волшебных мест они не видели, ничего особенного не происходило. Дубовый посох волшебника, на который Гед сначала взирал с ужасом и

любопытством, оказался самым обыкновенным тяжелым посохом, на который Огион опирался при ходьбе. Прошло три дня, потом еще четыре, а ни одного волшебного слова так и не было произнесено, во всяком случае, Гед их от Огиона не слышал. И он пока не узнал ни одного нового имени, ни единой руны, ни одного заклинания.

Хоть Огион и был на редкость молчаливым, но он так мягко и спокойно обращался с Гедом, что тот вскоре утратил весь свой благоговейный страх перед волшебником и как-то, набравшись храбрости, дерзко спросил:

— Когда же начнется мое обучение, сударь?

— Оно уже началось, — сказал Огион.

Повисло молчание: Гед очень старался удержать в себе то, что ему хотелось выпалить немедленно. И все-таки не удержал:

— Но я же совсем ничему не выучился!

— Потому что еще не понял, чему я тебя учу, — ответил волшебник, продолжая двигаться по тропе своим спокойным размеренным шагом. Они были как раз где-то между Оварком и Уиссом.

У Огиона, как и у большинства гонтийцев, была смуглая, с медным отливом кожа, седая голова, тело сухое и поджарое, как у гончей, и он был совершенно неутомим. Он редко говорил что-нибудь, мало ел, а спал еще меньше. У него были удивительно острые зрение и слух, и часто на лице его появлялось такое выражение, словно он к чему-то прислушивается.

Гед ему не ответил. Не всегда просто ответить волшебнику.

— Ты, конечно, хочешь узнать как можно больше заклинаний, чтобы пользоваться ими, — сказал Огион, продолжая уверенно идти вперед. — Но из этого колодца ты и так вычерпал уже слишком много воды. Подожди. Хочешь стать взрослым — терпи. Хочешь стать настоящим волшебником — в десять раз больше терпи. Это что за травка у тропы?

— Земляничный лист.

— А вон то?

— Не знаю.

— Его называют острец. — Огион остановился и указал концом своего посоха на небольшое растеньице, чтобы Гед повнимательнее пригляделся к нему. Мальчик сорвал сухой стебелек и спросил, потому что Огион так больше ничего и не прибавил:

— Учитель, а какой в нем прок?

— Никакого, насколько я знаю.

Гед некоторое время продолжал держать растение в руке, шагая рядом с Огионом, потом отбросил его в сторону.

— Когда ты познаешь этот острец во всех его сезонных ипостасях, станешь различать его корни, листья, цветы, запах и форму семян, тогда сможешь узнать и его настоящее имя: ведь понять сущность предмета гораздо важнее, чем выяснить, какая от него польза. А какова, например, польза от тебя самого? Или от меня? Приносит ли пользу гора Гонт или Открытое Море? — Огион умолк и прошагал еще минут двадцать, пока наконец не договорил: — Чтобы слышать других, самому нужно молчать.

Мальчик нахмурился. Неприятно сознавать собственную глупость. Однако он сдержал свои чувства и решил отныне быть терпеливым и послушным, чтобы Огион в конце концов согласился научить его хоть чему-нибудь. Он жаждал знаний, жаждал обрести могущество! Порой, однако, ему начинало казаться, что он мог бы узнать куда больше у любого травника или деревенского колдуна, и, по мере того как они с Огионом все дальше и дальше уходили на запад, в дикие леса, расположенные за Уиссом, Гед все больше дивился, отчего Огиона считают таким уж великим чудодеем. Ведь когда шел дождь, Огион даже не пытался произнести заклятие, известное любому предсказателю погоды, и послать тучу в другую сторону. В странах, где колдуны встречаются буквально на каждом шагу — а таковы, например, Гонт или Энлад, — можно видеть, как грозовое облако порой прямо-таки слоняется по небу с места на место из-за того, чье заклятье оказалось сильнее, пока наконец не разражается ливнем над морем, где дождь может спокойно идти себе сколько угодно. Но Огион позволял дождю пролиться именно там, где собирались тучи. Он просто находил ель погуще и укладывался под ней на ночлег. Геду тоже ничего не оставалось, как свернуться калачиком среди веток, с которых капала вода, и, промокнув насквозь, мрачно удивляться, что за польза в необычайном могуществе Огиона, если какая-то там «высшая мудрость» не позволяет ему этим могущест-

вом воспользоваться; он порой даже жалел, что не пошел в ученики к старому предсказателю погоды из Северной Долины; там он, по крайней мере, спал бы в сухом месте. Вслух он, разумеется, ничего этого не говорил. Ни единого слова не произнес. А Учитель его, улыбнувшись, засыпал под проливным дождем.

Приближалось зимнее солнцестояние, и в горах начались первые обильные снегопады. К этому времени Гед с Огионом добрались наконец до Ре Альби. Этот город был расположен почти у голых скал на вершине Гонта, высоко, у самого Большого Перевала. Ре Альби и значило «гнездо ястреба». Отсюда видно было далеко вокруг, не только залив и башни Главного порта острова, но и корабли, проплывающие между Сторожевыми Утесами, а еще дальше, на западе, можно было различить голубые горы Ораней, самого дальнего из островов Внутреннего Моря.

Дом волшебника, хотя и был достаточно просторным и прочным, сложенным из бревен, с настоящим очагом и каменным камином, а не какой-то ямой в земляном полу, все же очень походил на хижины в Десяти Ольховинах: в нем была одна-единственная жилая комната, к которой был пристроен хлев для коз. У западной стены имелось некое подобие алькова, где спал Гед. Над его жесткой постелью было окно, выходящее на море, но большую часть времени ставни приходилось держать закрытыми из-за свирепых северо-западных ветров, которые дули всю зиму. В теплом сумраке этого дома провел Гед долгие месяцы, слушая, как снаружи хлещет дождь, или завывает ветер, или тихо-тихо падает густой снег; он изучал знаменитые Шестьсот Ардических Рун и был очень доволен этим, ибо лишь знание рун дает настоящее владение мастерством волшебника, без них заучивание наизусть заклинаний и заговоров — пустая трата времени. Ардический язык, распространенный на Архипелаге, обладал теперь не большей магической силой, чем все остальные современные языки, но корнями своими он уходил в Истинную Речь, где все существа и предметы были названы своими подлинными именами. Понимание Истинной Речи и начинается с изучения рун, созданных еще в те времена, когда острова Земноморья только поднимались из глубин океана.

И все-таки по-прежнему не происходило вокруг ничего чудесного или колдовского. Всю зиму — только тяжелые страницы Книги Рун, стук дождя по крыше, падающий за окном снег; Огион, вдоволь набродившись по обледенелым склонам и заснеженным лесам или навозившись в сарае, где обитали его козы, входил в дом, стучал башмаками, сбивая снег, и до вечера сидел в тишине у камина. Долгое сторожкое молчание волшебника как бы заполняло собой комнату, все пространство вокруг и внутри Геда, и порой ему казалось, что он совсем забыл, как звучат обыкновенные слова; поэтому, когда Огион наконец говорил что-нибудь, это выглядело так, словно именно он впервые изобрел человеческую речь. Хотя слова его были самыми обыкновенными и обозначали очень простые вещи — хлеб, воду, погоду, сон.

Когда наступила весна — скоротечная и солнечная, — Огион часто посылал Геда за травами с горных лугов и позволял ему гулять сколько душе угодно; Гед бродил по берегам напоенных весенними дождями ручьев, по лесам, по влажным, зеленеющим на солнце полям. Он был счастлив и возвращался домой лишь к ночи, но о травах, впрочем, не забывал. Все время высматривал нужные растения, карабкаясь по кручам, блуждая по лесам и полям, переходя вброд речки и болотца. Обследуя окрестности Ре Альби, он каждый раз приносил домой что-нибудь новое. Как-то раз он вышел на лужайку меж двух ручьев, где в изобилии росли белые цветы под названием «всесвятка», которые встречаются редко и очень ценятся лекарями. Поэтому он и на следующий день отправился туда же, но на этот раз его опередили; девочку, собиравшую цветы на лужайке, он знал: она была единственной дочерью старого Лорда Ре Альби. Он бы с ней и заговаривать не стал, но девочка сама подошла к нему и весело поздоровалась:

— А я тебя знаю! Ты — Ястребок, ученик нашего волшебника. Расскажи мне что-нибудь о колдовстве. Пожалуйста!

Он смотрел вниз, на цветы «всесвятки», которые касались подола ее белоснежной юбки; он очень смутился, нахмурился и еле слышно что-то буркнул в ответ. Но она продолжала непринужденно болтать, сама нимало не смущаясь, не таясь, и он постепенно оттаял. Девочка была высокой и хрупкой, примерно его лет, с очень светлой,

почти белой кожей; в деревне говорили, что мать ее родом то ли с самого Осскила, то ли откуда-то из тех, далеких краев. Волосы девочки, длинные и прямые, падали черным водопадом ей на спину. Геду она показалась страшно некрасивой, но все же доставить ей удовольствие хотелось, хотелось вызвать ее восхищение, даже восторг. Она упросила его рассказать всю историю с туманом, заставившим отступить воинов-каргов, и слушала так, будто была потрясена до глубины души. Однако не сказала ни слова похвалы. И скоро свернула разговор на другое.

— А ты можешь призывать к себе птиц и зверей? — спросила она.

— Могу, — ответил Гед.

Он знал, что в скалах над лугом есть гнездо сокола, и призвал птицу ее подлинным именем. Сокол прилетел, но не сел на руку Геду: девочка пугала его. Потом сокол пронзительно вскрикнул, взмахнул широкими крылами и поднялся ввысь вместе с восходящим потоком воздуха.

— Как называется колдовство, что заставляет сокола прилетать по твоему зову?

— Заклятие дружбы.

— А ты можешь призвать, например, душу умершего?

Он решил, что девчонка насмехается над ним: ведь сокол не совсем подчинился его заклятью. Смеяться над собой он ей позволить не мог.

— Смогу, если захочу, — спокойно сказал он.

— А разве не трудно и не опасно это — вызывать духа?

— Да, это, конечно, непросто, но вовсе не опасно, — он даже плечами пожал.

На этот раз он был почти уверен, что в глазах ее светится восхищение.

— А изготовить любовное зелье ты можешь?

— Для этого особого мастерства не требуется.

— Да, правда, — согласилась она. — Это любая деревенская колдунья умеет. А заклинание Превращений ты знаешь? Умеешь сам во что-нибудь превращаться? Говорят, все волшебники это могут.

И опять он не был уверен, что она над ним не издевается, а потому и на этот раз ответил:

— Сумею, если захочу.

Она тут же начала просить его превратиться во что-

нибудь — в ястреба, быка, огонь, дерево. Он на какое-то время отвлек ее, сказав потихоньку тайные слова, которыми пользовался в таких случаях Огион; но потом, когда она стала прямо-таки умолять его, не сумел отказать наотрез; кроме того, ему и самому захотелось проверить, не напрасно ли он так расхвастался. В тот день он быстро ушел, сказав, что Учитель давно ждет его дома, и на следующий день на лужок не ходил. Но через день пришел снова, уговаривая себя, что совершенно необходимо собрать как можно больше колдовских белых цветов. Девочка была уже там. Они вместе бродили босиком по болотистому лугу, срывая тяжелые белые соцветия. Светило весеннее солнышко, и она щебетала так же весело, как любая девчонка-пастушка из его родной деревни. Снова расспрашивала его о колдовстве и, широко раскрыв глаза, слушала все, что бы он ни говорил, и он, конечно, снова начал хвалиться. Когда же она опять попросила его превратиться во что-нибудь, а он снова попробовал отшутиться, она посмотрела на него, откинув черные волосы с лица, и прямо спросила:

— Ты что, боишься?

— Нет, не боюсь.

Она улыбнулась чуть презрительно и заключила:

— Ты, должно быть, просто слишком молод.

Этого он стерпеть не мог. Лишних слов говорить не стал, но решил непременно доказать девчонке, на что способен. Он пригласил ее снова прийти сюда завтра, если ей так уж хочется превращений, и, пока от нее отделавшись, вернулся домой. Огиона нигде видно не было, наверно, где-то бродил. Гед прошел прямо к книжной полке и снял с нее те две волшебные Книги, которые Учитель еще никогда в его присутствии даже не открывал.

Гед искал заклинания Превращений, но он разбирал руны еще очень медленно, да и понимал из прочитанного маловато, так что найти нужного никак не мог. Это были очень древние Книги; Огион получил их от своего учителя Гелета Прозорливого, а Гелет — от Великого Мага из Перрегаля, и цепочка эта уходила к самому началу времен, когда слагались первые мифы. Письмена были странными, почерк мелкий, со многими исправлениями и вставками, сделанными разными людьми между строк, и все эти люди теперь давно уже стали прахом. Но тем не менее

кое-что из прочитанного Геду все-таки удавалось понять, к тому же он ни на минуту не забывал о насмешливых вопросах той девчонки. В итоге он впился глазами в страницу, где было начертано заклинание, вызывающее мертвых из могил.

Он читал эти магические слова, выбираясь из головоломки рун и иных символов, и ужас овладевал им. Теперь глаза его были словно прикованы к тексту; он не смог бы поднять их, не произнеся заклятие целиком.

Когда же наконец он поднял голову, то увидел, что в доме совсем темно. Все это время он читал без света совершенно неразличимые теперь слова. Его все сильнее охватывал ужас, он будто прирос к стулу и страшно замерз. Потом, оглянувшись, заметил, что возле закрытой двери скорчилось нечто темное, бесформенное, похожее на обрывок чьей-то черной тени, своей чернотой выделяющейся даже в окружающей ее тьме. Казалось, что нечто тянется к нему, что-то шепчет, зовет его, но понять смысл произносимых им слов Гед не мог.

Дверь внезапно распахнулась настежь. Вошел кто-то высокий, окруженный ярким белым сиянием. Громко и яростно зазвучал его голос, и черная тень исчезла, шепот ее затих, заклятье было снято.

Темный ужас улетучился из души Геда, но новый страх охватил его, ибо это Огион, Великий Маг, стоял в распахнутых дверях, объятый светом, а на конце его дубового посоха горел белый огонь.

Волшебник молча прошел мимо Геда, зажег лампу и убрал Книги на полку. Потом обернулся к мальчику и сказал:

— Никогда не произноси больше этого заклятия — лишь в тех случаях пользуются им, если жизни твоей угрожает смертельная опасность. Ты открыл Книги, чтобы найти именно это заклинание?

— Нет, Учитель, — прошептал Гед, сгорая от стыда, и рассказал Огиону, что именно искал он там и почему.

— Разве ты забыл? Ведь я уже как-то говорил тебе: мать этой девочки, жена Лорда Ре Альби, — известная чаровница.

И правда, Огион однажды говорил об этом, но Гед пропустил его слова мимо ушей, зато теперь убедился,

что его Учитель никогда и ничего не говорит ему просто так.

— Сама эта девушка уже наполовину ведьма. Возможно, именно ее мать сделала так, что вы встретились и заговорили друг с другом. Возможно, именно она раскрыла Книгу на нужной ей странице, которую ты и прочел. Она служит совсем не тем силам, которым служу я. Мне неведомы ее намерения, но я знаю, что мы с ней враги. А теперь, Гед, слушай меня внимательно. Неужели ты ни разу не задумывался о том, что всякая сила окружена опасностью точно так же, как источник света — тьмой? Колдовство — вовсе не игра, оно не предназначено для забав или удовлетворения простого тщеславия. Подумай об этом, ибо каждое слово, каждое действие, связанное с нашим искусством, с волшебством, говорится и совершается либо во имя Добра, либо во имя Зла. Прежде чем что-то сказать или совершить, ты непременно должен узнать цену, которую за это заплатишь!

Мучительный стыд заставил Геда воскликнуть:

— Но откуда же мне знать обо всем этом, Учитель, если ты ничему меня не учишь? Я уже сколько живу у тебя, а все еще ничего особенного не сделал, ничего особенного не видел...

— Зато теперь ты видел кое-что особенное, — ответил ему волшебник. — Там, в темноте возле двери. Хорошо, что я вовремя вошел.

Гед молчал.

Огион опустился на колени, положил в камин дров и разжег огонь, потому что в доме было холодно. Потом, по-прежнему стоя на коленях, спокойно проговорил:

— Гед, юный мой сокол, ты ведь здесь не на привязи и не в услужении у меня. Не ты пришел ко мне — я к тебе. Ты еще слишком молод, чтобы сделать свой выбор, но я за тебя его сделать не могу. Если хочешь, я отправлю тебя на остров Рок, где изучают Высокие Искусства. Любым из них ты сможешь овладеть в совершенстве, ибо велика заключенная в тебе сила. Надеюсь, она сильнее твоей гордыни. Я бы, пожалуй, оставил тебя здесь, при себе, потому что обладаю именно тем, чего тебе самому недостает, но против твоей воли я не пойду. А теперь выбирай: Ре Альби или Рок.

Гед стоял молча; в душе его царило смятение. Он успел

уже полюбить этого человека, который некогда излечил его одним лишь своим прикосновением и не имел в душе ни капли зла; он любил Огиона, но узнал об этом лишь сейчас. Гед взглянул на дубовый посох волшебника, прислоненный к каминной полке, и вспомнил тот светлый огонь, что выжег, изгнал зло, притаившееся во тьме, и ему страшно захотелось остаться с Огионом, бродить с ним по лесам, уходить далеко и надолго, учась быть молчаливым. Но в душе кипели иные страсти, усмирить которые было Геду не под силу, — стремление к славе, жажда деятельности. Путь Огиона к подлинному Мастерству казался ему каким-то чересчур долгим, окольным, тогда как уже сейчас можно было бы раскрыть свой парус навстречу морским ветрам и плыть прямо в Открытое Море, плыть к острову Мудрецов, где воздух пронизан волшебством, где в толпе почитателей ходит по земле сам Верховный Маг Земноморья.

— Учитель, — сказал он, — я поеду на остров Рок.

Итак, через несколько дней, солнечным весенним утром они с Огионом спустились по крутой тропе, ведущей от Перевала к главному порту Гонта, находившемуся в четырех часах ходьбы от Ре Альби. У городских ворот, украшенных резными фигурами драконов, стражники, завидев мага, преклонили пред ним колена и обнажили шпаги в почтительном приветствии. Они узнали его и оказывали ему эту честь не столько по приказу короля, сколько по собственной доброй воле, ибо десять лет назад Огион спас город от страшного землетрясения, которое до основания разрушило бы богатые, украшенные башнями дома, завалило бы камнями узкий пролив между Сторожевыми Утесами. Тогда словами Истинной Речи Огион успокоил гору, как успокаивают испуганного зверя, и дрожь в ее теле прошла. Гед уже кое-что слышал об этом и сейчас, с изумлением увидев, как вооруженная стража преклоняет колена перед его тихим Учителем, снова вспомнил эту историю с землетрясением. Он почтительно, едва ли не со страхом взглянул на Огиона, но лицо волшебника оставалось, как всегда, спокойным.

Они спустились к причалам, где начальник порта уже спешил навстречу Огиону — поздороваться и спросить, чем может ему служить. Тот ответил, что им требуется попасть на остров Рок, и тут же был назван корабль, готовый взять Геда пассажиром и направляющийся дальше, в Открытое Море.

— Они охотно наймут вашего ученика как заклинателя погоды, если он этим мастерством владеет, — предложил начальник порта. — У них на борту такого человека нет.

— Он немного умеет управляться с туманом и облаками, но только не с морскими ветрами, — сказал Огион, легко сжав рукой плечо Геда. — Не пытайся колдовать над морем и штормами, Ястребок; ты пока еще совсем к ним не привык. Господин начальник, а как называется это судно?

— «Тень». Они с Андрадских островов. Направляются в Хорт, везут меха и слоновую кость. Корабль хороший, Мастер Огион.

Лицо мага потемнело, когда он услышал название корабля.

— Что ж, так тому и быть, — сказал он. — Передай это письмо Ректору Школы, Ястребок. И попутного тебе ветра! Прощай!

И все. Огион повернулся и быстро пошел вверх по улице от причалов. Гед оторопело смотрел, как он уходит — его Учитель.

— Ну, парень, пошли, — окликнул его начальник порта и повел к дальнему пирсу, где «Тень» уже поднимала свои паруса, готовясь к отплытию.

Трудно поверить, чтобы на небольшом острове, на утесах, нависающих прямо над бескрайним морем, мог вырасти человек, который ни разу за всю жизнь не ступил в лодку и не обмакнул даже палец в соленую воду, однако на Гонте это часто случалось. Земледельцы, пастухи, охотники или ремесленники — в общем, сухопутные жители — воспринимают океан как неспокойное царство соленой воды, совершенно им чуждое. Для них деревня, расположенная в двух днях ходьбы от дома, — уже чужая земля, а остров на расстоянии одного дня плавания — вообще нечто почти нереальное, покрытое дымкой и существующее где-то за горизонтом, то есть не имеющее ничего общего с той твердой землей, по которой ступают они сами.

Вот и у Геда, который никогда раньше не спускался на побережье, порт Гонт одновременно вызывал и ужас и восхищение: большие дома и башни из камня, причалы и

пирсы, волноломы и доки, и сама гавань, где толпилось не менее полусотни разных судов; где на берегу вверх килем лежали лодки и стояли галеры, ожидая ремонта; где далеко на рейде стояли, подняв весла и спустив паруса, большие корабли; где матросы перекликались между собой на самых различных и странных наречиях, а портовые грузчики с тяжелым грузом на спине ловко лавировали между бочками, ящиками, кольцами каната и штабелями весел; где бородатые купцы в отороченных мехом одеждах тихо переговаривались друг с другом, пробираясь по скользким камням у самой воды; где рыбаки разгружали корзины с уловом, а бондари спешно обивали обручами бочки для рыбы; где корабелы, не переставая, стучали своими молотками; где нараспев предлагали свой товар продавцы моллюсков; где капитаны зычными голосами перекрывали любой шум, отдавая приказания команде, — и за всем этим просторный, молчаливый, залитый солнцем залив! Вид и звуки огромного порта ошеломили Геда; со смятенной душой шел он за своим провожатым к широкой пристани, где была пришвартована «Тень». Наконец он был представлен капитану.

Тот перебросился несколькими словами с начальником порта и согласился взять Геда пассажиром до острова Рок, ведь просил за него сам Великий Маг Огион. Начальник порта ушел, оставив мальчика на попечение капитана «Тени», высокого толстого человека в красном плаще, отороченном мехом зверька пеллави, какие обычно носят купцы с Андрадских островов. На Геда шкипер даже не взглянул, только буркнул:

— Парень, а ты заклинать погоду умеешь?

— Умею.

— И ветер вызвать можешь?

Гед вынужден был сказать «нет», поэтому шкипер велел ему пристроиться где-нибудь подальше и не путаться под ногами.

Вдоль бортов уже рассаживались гребцы; судно нужно было вывести на рейд до наступления ночи и отплыть с отливом — перед рассветом. Не путаться у других под ногами оказалось довольно-таки трудно, но Гед устроился вполне удачно, вскарабкавшись на кучу связанных вместе и прикрытых шкурами тюков на корме. Оттуда он и наблюдал за приготовлениями к отплытию. Гребцы перепрыгивали на борт судна прямо с причала — сильные, крепкие, с огромными кулаками, — а грузчики тем временем с грохотом вкатывали на судно бочки с водой и устанавливали их под скамьями для гребцов. Осанистое, хоть и тяжело груженное, судно словно пританцовывало от нетерпения на мелкой зыби у причала, и кормчий уже занял свое место справа от ахтерштевня, ожидая приказаний шкипера, стоявшего на мостике. Форштевень судна был украшен изображением Древнего Змея Андрада.

Наконец шкипер что-то рявкнул и «Тень» отошла от причала; две гребные шлюпки должны были теперь отбуксировать судно на рейд.

— Весла на воду! — снова проревел шкипер, и огромные весла взметнулись в воздух — по пятнадцать с каждой стороны. Гребцы склоняли могучие спины в такт ритму, который отбивал на барабане парень, стоявший рядом со шкипером.

Судно понеслось по волнам легко, словно чайка, шум и суматоха большого города внезапно остались где-то позади. Они вышли в тишину залива и увидели за кормой острый пик горы Гонт, которая, казалось, нависла надо всем морем. В узком проливе под защитой южного из Сторожевых Утесов был брошен якорь. Здесь нужно было ждать рассвета.

В команде корабля было человек семьдесят, некоторые почти такие же юные, как Гед, но все уже прошедшие обряд посвящения. Молодые матросы часто звали его поесть и выпить вместе с ними и, в общем, были добры к нему, хотя и грубоваты. И очень любили всякие шутки и подначки. Конечно же, они стали звать его Козьим Пастырем, потому что родом он был с Гонта, но больше никаких шуток в его адрес себе не позволяли. Он был таким же высоким и сильным, как эти пятнадцати-шестнадцатилетние подростки, за словом в карман не лез, за добро платил добром, на насмешки отвечал тем же, так что он вполне пришелся ко двору и с первого же вечера стал жить по морским законам и учиться искусству мореплавания. Капитана это вполне устраивало — для пассажиров-бездельников на борту просто не было места.

Там и для команды-то места было маловато, на этой неудобной для людей беспалубной галере, и матросы теснились вперемежку с оснасткой и грузом. Впрочем, Гед в

особых удобствах не нуждался. Первую ночь он провел на принайтованных, завернутых в шкуры тюках палубного груза с северных островов, любуясь весенними звездами над заливом и далекими желтоватыми огоньками далекого города за кормой; он засыпал, просыпался, и радость переполняла его. Перед рассветом начался отлив. Подняли якорь, и судно плавно вышло в открытое море меж Сторожевыми Утесами. Когда восходящее солнце окрасило пурпуром вершину горы за кормой, они подняли дополнительный верхний парус и взяли курс на юго-запад через Гонтийское море.

Легкий ветерок играл в парусах, когда они прошли меж островами Барниск и Торхевен, и на второй день вдали завиднелся остров Хавнор — Великий Остров, сердце всего огромного Архипелага. Три дня они плыли вдоль его зеленых берегов, но ни разу не причаливали, и прошло еще много лет, прежде чем Геду удалось впервые ступить на эту землю, увидеть белые башни столицы Хавнора — главнейшего порта и центрального города их мира.

Одну ночь они простояли на рейде в гавани Кембермаута, северного порта на острове Уэй, а следующую — вблизи маленького городка у самого выхода из залива Фелкуэй. Потом обогнули самый северный мыс острова О и вошли в узкие проливы Эбавнора. Здесь пришлось спустить паруса и взяться за весла; берега островов были совсем близко то с одной, то с другой стороны, и постоянно с «Тенью» обменивались приветствиями встречные суда, большие и маленькие, грузовые и торговые. Некоторые из этих судов прибыли из Дальних Пределов и везли странные товары, пробыв в плавании несколько лет; некоторые, напротив, перепархивали, словно воробьи, с одного острова на другой. Двигаясь по-прежнему к югу, «Тень» выбралась наконец из густонаселенных проливов Эбавнора, оставила далеко за кормой остров Хавнор, миновала живописные острова Арк и Илиен, чьи украшенные башнями города террасами спускались к морю, и навстречу дождю и все усиливающемуся ветру стала пробиваться через Внутреннее Море к острову Рок.

Ночью, поскольку ветер крепчал и стал почти штормовым, убрали паруса и мачту и весь следующий день шли на веслах. Длинное судно было устойчивым на волне, легко и изящно разрезая нарастающие валы, однако

кормчему у длинного рулевого весла не было видно ничего, кроме сплошной стены дождя. Они шли на юг, ориентируясь лишь по компасу и совершенно не представляя себе, мимо каких земель в данный момент проплывают. Гед слышал, как матросы поговаривают о мелях к северу от Рока и об опасных Борильских Скалах к востоку от него; кое-кто вообще считал, что они уже давно отклонились от курса и вышли в Открытое Море, южнее острова Камери. А ветер все крепчал, и верхушки высоких волн под его порывами взлетали вверх пенистыми гривами, но судно упрямо держало курс на юг, по ветру. Гребцы все чаще сменяли друг друга, самые молодые садились за одно весло по двое; Гед греб с остальными на равных — он делал это с тех пор, как «Тень» покинула порт Гонта. Отдыхая от гребли, они вычерпывали воду, потому что волны постоянно захлестывали судно. Все трудились не покладая рук, пытаясь одолеть валы, в порывах ветра подобные курящимся вулканам, а дождь изо всех сил хлестал своими ледяными струями по спинам людей, и голос барабана, отбивающего ритм, доносился сквозь шум бури, словно глухие удары сердца.

Кто-то сменил Геда у весла, сказав, что его зовет шкипер. Дождь потоками стекал с капюшона капитанского плаща, но он продолжал невозмутимо стоять на своем мостике, как пузатый винный бочонок. Глядя на подошедшего Геда сверху вниз, шкипер спросил его:

— Можешь утихомирить этот ветер, парень?

— Нет, капитан.

— А в железе толк знаешь?

Шкипер имел в виду, не может ли Гед заставить стрелку компаса точно показать им путь к острову Рок, независимо от того, где в данный момент находится север. Это умение — одна из тайн морских волшебников; и снова Гед вынужден был сказать «нет».

— Что ж, — проревел, перекрывая шум бури, шкипер, — тогда придется тебе подыскать судно, которое отвезет тебя обратно на Рок из Хорта. Рок сейчас, должно быть, где-то к западу от нас, а развернуться при такой волне можно только с помощью волшебства. Так что придется идти к югу.

Геду не слишком-то все это пришлось по душе: он уже наслушался всяких историй о городе Хорте, в котором

закон никому не писан и полно подозрительных кораблей, которые крадут людей и продают их в рабство где-то на островах Южного Предела. Снова сев к веслу со своим напарником, крепким пареньком с Андрада, Гед едва различил в шуме ветра рокот барабана и увидел, как жалостно мотается и мигает под порывами бури фонарь на корме — жалкие вспышки света на фоне сплошной темной стены дождя. Он неотрывно смотрел на запад, напряженно работая веслом, и вдруг, когда судно в очередной раз взлетело на гребень волны, на мгновение увидел меж облаков проблеск света над темной, словно дымящейся водой. Ему показалось, что это последний луч заката, вот только свет был не красный, закатный, а светлый и яркий.

Его напарник сам света увидеть не успел, зато заорал на все судно. Кормчий тоже стал всматриваться в даль и, когда Гед увидел свет снова, тоже заметил его, однако крикнул, что это всего лишь закатный луч. Тогда Гед попросил одного из парней, черпавших воду из трюма, подменить его на минутку и пошел на нос корабля, с трудом удерживаясь на ногах и каждую минуту рискуя быть смытым за борт. Пробравшись между скамьями для гребцов и грузами, загромождавшими корабль, Гед уцепился за резную фигуру на носу и крикнул шкиперу:

— Капитан! Держите на свет! Это остров Рок!

— Никакого света я не вижу! — проревел шкипер, но не успел закрыть рот, как увидел там, куда указывал Гед, ясный спокойный свет над беснующимся морем. Свет увидели и все остальные.

Вовсе не ради своего пассажира, а единственно желая спасти судно от шторма, шкипер тут же отдал команду взять курс на свет. Однако Геду сказал:

— Ты, парень, уверенно говоришь, словно морской волшебник, но вот тебе мое слово: если ты, да еще в такой шторм, заведешь нас не туда, я тебя собственными руками в море брошу, и плыви тогда к Року сам!

Теперь они вынуждены были выгребать против волны. Это было нелегко: волны, бьющие в борт судна, упорно сталкивали его к югу, качка была ужасной, вычерпывать воду приходилось не разгибая спины, гребцы внимательно следили, чтобы весла от качки не вылетели из уключин и не посшибали их за борт. Под мчащимися по небу грозовыми тучами было темно, как ночью, но теперь все

постоянно видели мелькающий на западе свет, и этого было достаточно, чтобы держать курс, пусть медленно, но все же продвигаться к цели. Наконец ветер стал понемногу слабеть, а свет впереди, напротив, все ширился. Гребцы еще сильней налегли на весла, и судно вдруг вынырнуло из-под завесы дождя, буквально одним взмахом преодолев границу между бурей и покоем чистого неба, на котором догорал закат, отражаясь в тихой воде залива. За пеной прибоя поднимался высокий округлый зеленый холм, а у его подножия на берегу раскинулся город, где в небольшой гавани мирно покачивались суда.

Кормчий, опираясь на свое длинное весло, крикнул:

— Эй, капитан! Это настоящая земля или колдовство?

— Держись за нее покрепче да смотри не упусти, чурбан ты безмозглый! Гребите, гребите скорей, жалкие потомки рабов! Это же гавань Твила, а над ней ихний Холм — каждому дураку ясно! А ну, навались!

Под рокот барабана они, слаженно работая веслами, вошли в залив. Там вода была гладкой как зеркало и можно было услышать голоса людей наверху, в городе, звон колокола, а издалека доносились свист и шипение морской бури. Темные тучи клубились в небе на востоке, на севере и на юге километрах в полутора от острова. Но над самим Роком в ясном и тихом небе одна за другой появлялись первые звезды.

3

ШКОЛА ВОЛШЕБНИКОВ

Эту ночь Гед провел на судне, а рано поутру, простившись со своими первыми среди моряков друзьями, пошел в город; вслед ему летели самые добрые пожелания. Город Твил был невелик, его высокие дома теснились вдоль нескольких круто поднимающихся в гору узеньких улиц. Геду, однако, Твил показался настоящим большим городом, и, не зная дороги, он спросил первого встречного, где можно найти Ректора Школы Волшебников. Человек искоса посмотрел на него, но ответил не сразу. Потом сказал:

— Мудрым спрашивать ни к чему, а глупцам и расспросы не помогут.

С этими словами он удалился, а Гед продолжал подниматься по одной из улочек вверх, пока не вышел на площадь, с трех сторон окруженную обычными домами с остроконечными крышами, крытыми черепицей; с четвертой стороны там была стена какого-то большого строения, и первый ряд маленьких окошечек в ней располагался выше каминных труб всех остальных домов. Это была то ли какая-то крепость, то ли замок со стенами из мощных каменных глыб. На площади расположился небольшой рынок, между прилавками ходили люди, а Гед снова задал свой вопрос, но теперь уже какой-то старухе с корзиной мидий. Та ему ответила:

— Не всегда можно обнаружить Ректора Школы там, где он есть, но иногда встречаешься с ним, где его и быть-то не может.

И пошла себе дальше, зазывая покупателей.

В углу могучей стены строения виднелась маленькая дверка. Гед подошел и громко постучался. Старику, открывшему дверь, он сказал:

— У меня письмо от волшебника Огиона с острова Гонт, мне нужно найти Ректора здешней Школы, но никаких загадок и насмешек я больше слушать не желаю!

— Это здесь, — мягко ответил старик. — А я здешний Привратник. Входи, если сможешь.

Гед шагнул, и ему показалось, что он переступил порог, однако так и остался на площади перед дверью.

Он еще раз шагнул и снова оказался стоящим снаружи. Привратник с той стороны порога наблюдал за ним добрыми глазами.

Гед не столько растерялся, сколько рассердился: ему показалось, что шутки над ним продолжаются. Голосом и рукой он сотворил заклинание, открывающее двери, которому давным-давно научила его тетка; это, можно сказать, была жемчужина в известном ей наборе заклятий, и Гед владел им хорошо. Но здесь орудие из арсенала деревенской ведьмы не действовало: слишком могущественные силы не давали ему войти.

Потерпев поражение, Гед продолжал стоять возле двери. Потом взглянул на старика, который терпеливо ждал за порогом.

— Я не могу войти, — нехотя проговорил наконец Гед. — Может быть, ты поможешь мне?

Привратник ответил:

— Назови свое имя.

И снова Гед застыл в молчании, ибо человеку не подобает просто так произносить вслух свое подлинное имя — только в случае смертельной опасности.

— Меня зовут Гед, — громко сказал он. И перешагнул через порог открытой двери. И тут ему показалось, что, хотя площадь позади вся была залита солнечным светом, некая тень скользнула оттуда следом за ним.

А еще он увидел, обернувшись, что дверь, в которую он только что вошел, сделана вовсе не из дерева, как ему показалось, а из слоновой кости, причем без единого шва или трещинки: как он узнал позже, дверь была вырезана из зуба Великого Дракона. Она была великолепно отполирована, и сквозь нее слабо просвечивал снаружи солнечный свет; на ее внутренней стороне было вырезано Древо Жизни с тысячью листьев.

— Добро пожаловать, сынок, — сказал Привратник, закрывая за ним дверь, и, не говоря больше ни слова, провел его по бесконечным залам и коридорам во внутренний дворик, где-то в глубине гигантского строения. Над двориком сияло открытое небо, по краям дворик был выложен мраморными плитами, а на маленькой зеленой лужайке под юными деревцами, в солнечном свете взлетала ввысь струйка фонтана. Здесь Геду пришлось некоторое время подождать в одиночестве. Он стоял неподвижно, и сердце его неспокойно билось: он как бы ощущал чье-то невидимое присутствие, воздействие неких неведомых сил и все глубже осознавал, что дворец этот построен не только из могучих каменных глыб, но и скреплен волшебством, куда более прочным, чем камень. Гед находился сейчас в самом сердце этого Дома Мудрецов, хотя прямо над ним было открытое небо. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним стоит какой-то человек: незнакомец, одетый в белое, наблюдал за ним сквозь падающие струи фонтана.

Когда глаза их встретились, в ветвях дерева громко пропела какая-то птица. И в эти мгновенья Гед понимал и язык этой птицы, и слова, которые шептала вода в фонтане, и значение меняющихся форм облаков в небесах;

он знал, откуда прилетел и где уляжется ветерок, колышущий листву; ему даже показалось, что и сам он — всего лишь слово, которое обронил солнечный свет.

Миг этот пролетел, и Гед, как и мир вокруг него, стал прежним или почти прежним. Он сделал несколько шагов, преклонил колена пред Верховным Магом и протянул ему письмо, написанное Огионом.

Верховный Маг Неммерль, Хранитель острова Рок, был очень стар; говорили, что он старше всех в Земноморье. Голос его дрожал и немного напоминал птичий, во всем облике сквозила доброжелательность. Волосы, борода и одежда Неммерля — все было белым; казалось, медленное течение времени вымыло из его души и тела все темное и тяжелое и он стал похож на белый легкий кусок плавника, сотню лет носившийся по морским волнам.

— Глаза мои стары, — сказал он дрожащим своим голосом. — Прочти-ка мне это письмо, сынок.

Гед взял письмо и начал громко читать вслух. Оно было написано ардическими рунами, и в нем сообщалось немногое:

Лорд Неммерль! Посылаю вам того, кто станет величайшим из волшебников Гонта, если ветер у него будет попутный.

Письмо было подписано не подлинным именем Огиона, которого Гед пока что не знал, а его собственной руной, обозначавшей сомкнутые уста: Молчаливый.

— Добро пожаловать, коли тебя посылает к нам тот, кто держит на привязи землетрясения! Я всегда любил, когда молодой Огион приезжал сюда с Гонта. А теперь, сынок, расскажи мне о морях и чудесах, которые видел за время путешествия.

— Это действительно было чудесное путешествие, господин мой! Вот только вчера шторм разразился.

— Что за корабль привез тебя сюда?

— «Тень», торговое судно с Андрадских островов.

— Кто послал тебя сюда?

— Я приехал по своей воле.

Верховный Маг посмотрел на Геда, отвернулся и начал что-то приговаривать на непонятном языке себе под нос, словно дряхлый старец, погрузившийся в воспоминания об иных временах и землях. Но среди этого невнятного бормотанья Геду послышались те слова, что пропела тогда на дереве птица и прошептала вода в фонтане. Неммерль не ворожил и не произносил заклинаний, но некая сила в его голосе перевернула всю душу Геда, и он в растерянности ощутил, что как бы перенесся в таинственную бескрайнюю пустыню и стоит там один среди движущихся вокруг теней. И тем не менее он явственно сознавал, что одновременно находится посреди залитого солнцем дворика и слушает журчание воды в фонтане.

Большая черная птица подошла к ним по траве со стороны каменной террасы. Это был ворон с острова Осскил. Он почти касался края одежды Верховного Мага, остановившись с ним рядом и искоса поглядывая на Геда. Ворон был абсолютно черный, клюв как кинжал, а глаза как самоцветы. Он три раза стукнул клювом по белому посоху, на который опирался Неммерль, и старый волшебник перестал наконец бормотать и улыбнулся.

— Беги сынок, играй, — сказал он Геду, словно малому ребенку.

Гед еще раз преклонил колена, а когда поднялся, то Верховного Мага уже нигде не было. Только черный ворон стоял и смотрел на Геда, подняв клюв так, словно собирался еще раз клюнуть исчезнувший посох.

Потом он сказал на том языке, который, как полагал Гед, вполне мог быть языком острова Осскил.

— Терренон уссбук! — прокаркал ворон. — Терренон уссбук оррек! — И удалился столь же важно, как и пришел.

Гед повернулся, намереваясь покинуть дворик и размышляя, куда бы ему пойти, но тут из-под арки навстречу ему вышел высокий юноша и весьма церемонно приветствовал его, склонив перед ним голову.

— Меня зовут Джаспер, я сын Энвита, Лорда Эолга с острова Хавнор. Сегодня я в вашем полном распоряжении, готов показать Большой Дом и ответить на все вопросы, насколько смогу, разумеется. Как мне называть вас, господин мой?

Геду, жителю глухой горной деревушки, еще не бывавшему в компании сынков знатных и богатых людей, тут же показалось, что парень просто над ним издевается: все эти «в вашем полном распоряжении» и «господин

мой»! Все эти поклоны и расшаркивания! Он коротко буркнул в ответ:

— Ястребом меня называют.

Незнакомец выждал какое-то время, словно полагал, что последуют более вежливые пояснения, однако, не получив таковых, выпрямился и чуть отвернулся. Он был двумя-тремя годами старше Геда, очень высокий, движения и осанка исполнены строгого изящества. Ишь, словно на танцах, воображала, подумал Гед. Джаспер, одетый в серый плащ с отброшенным на спину капюшоном, прежде всего повел новичка в гардеробную, где тот, являясь уже учеником Школы, смог бы подобрать себе такой же плащ по росту и любую другую одежду. Гед выбрал темно-серый плащ, надел его, и Джаспер сказал:

— Ну вот, теперь ты один из нас.

У Джаспера была привычка слегка улыбаться, обращаясь к другим, и Геду казалось, что за каждым его вежливым словом кроется насмешка. А потому он мрачно возразил:

— Разве одежда делает волшебника волшебником?

— Нет, — ответил спокойно Джаспер. — Зато я слышал, что мужчину делает мужчиной умение вести себя. Ну а теперь куда?

— Куда хочешь. Я этого дома не знаю.

Джаспер провел его по коридорам, показал открытые внутренние дворики и обширные закрытые залы Большого Дома, библиотеку — комнату с тысячью полок, где хранились полные всякой премудрости книги и инкунабулы с рунической письменностью, показал Зал Большого Камина, где вся Школа отмечает обычно праздники; потом отвел наверх, в башни и мансарды, где размещались маленькие комнатки-спальни для учеников и Учителей. Комната Геда была в Южной башне, из ее окна виднелись островерхие крыши Твила, а за ними море. Как и во всех остальных комнатах, мебели в ней не было никакой, если не считать набитого соломой тюфяка в углу.

— Мы здесь живем очень просто, — сказал Джаспер. — Но, я надеюсь, ты возражать не станешь?

— Я к такому привык. — И, стараясь показать, что он не менее вежлив, чем этот заносчивый парень, Гед прибавил: — Но мне кажется, самому тебе сначала было трудновато.

Джаспер посмотрел на него, и выразительный взгляд его сказал куда больше слов: «Что, собственно, ты можешь знать о том, к чему я, княжеский сын из Хавнора, привык?» Однако вслух он всего лишь предложил:

— Ну, теперь пойдем дальше, вот сюда.

Внизу ударили в гонг, и они спустились в трапезную к обеду. За общим Длинным Столом они сидели вместе с сотней остальных мальчиков и юношей. Каждый сам приносил себе еду, обмениваясь шутками с поварами через кухонные окошки, возле которых на тарелки нагружали неимоверное количество съестного, испускавшего аппетитный парок. Каждый садился за Длинный Стол где хотел.

— Говорят, — пояснил Джаспер Геду, — что не имеет значения, сколько человек одновременно сядет за этот стол: места всегда хватит для всех.

И точно, места хватало как для многочисленных стаек младших учеников, с веселой болтовней поглощавших огромные порции еды, так и для старших, в серых плащах, застегнутых у горла серебряными пряжками; старшие сидели значительно тише, парами или поодиночке, с мрачными сосредоточенными лицами, словно обремененные тяжкими думами и заботами. Джаспер и Гед сели рядом с плотно сбитым парнем по имени Ветч, который в основном отмалчивался и с энтузиазмом поглощал яства. Он говорил с акцентом, свойственным жителям островов Восточного Предела, и был очень темнокожим, почти черно-коричневым, а не медно-смуглым, как Гед и Джаспер, а также большинство жителей Архипелага. Ветч был прост в обращении, и манеры его не отличались изысканностью. Покончив с обедом, он что-то проворчал по поводу его качества и, повернувшись к Геду, сказал:

— По крайней мере, это не иллюзия, которых здесь слишком много. Годится, чтобы брюхо набить.

Гед не совсем его понял, но почувствовал к новому знакомцу некоторую симпатию и был доволен, когда после обеда парень присоединился к ним.

Втроем они спустились в город, чтобы Гед хоть немного освоился. Улиц в Твиле было маловато, да и те недлинные, и юноши свернули и стали бродить прямо между островерхими домами, петляя так, что заблудиться ничего не стоило. Странный это был город, и странные

люди жили в нем — рыбаки, рабочие, ремесленники, как и везде, но настолько привыкшие к колдовству, которое постоянно было в ходу на Острове Мудрецов, что и сами казались наполовину колдунами. Они разговаривали (как уже успел убедиться Гед) загадками, и ни один из них и глазом не моргнул бы, если бы у него перед носом юноша превратился, например, в рыбу или полетел по воздуху, словно птица, какой-нибудь дом; они прекрасно знали, что это всего лишь проделки учеников Школы, и продолжали тачать сапоги или разделывать очередную баранью тушу.

Выйдя через дверь в задней стене Школы, трое юношей поднялись по склону Холма, сделали круг по садам и по деревянному мосту перебрались на другой берег чистой речки Твилберн. Потом, не сговариваясь, побрели по лесам и лугам на север. Тропа, петляя, вела их вверх. Они проходили по дубовым рощам, где на земле лежали густые тени: несмотря на то что день был очень ясный, солнце сюда не проникало. Одну из этих рощ, слева от тропы, Гед все не мог как следует рассмотреть. Она неизменно оставалась на некотором отдалении, хотя все казалось, что тропинка вот-вот нырнет туда. Гед даже не смог разобрать, что за деревья в этой роще. Ветч, поймав его недоуменный взгляд, мягко пояснил:

— Это Имманентная Роща. Мы туда пока войти не можем...

На жарких, залитых солнцем пастбищах цвели желтые цветы.

— Это горицвет, — сказал Джаспер. — Растет там, где ветер уронил золу от сожженных селений Илиена, когда Эррет-Акбе защищал Внутренние Острова от Повелителя Огня.

Он сорвал подсохшее соцветие, подул на него, и золотистые семена легко отделились и разлетелись во все стороны, сверкая, как искры, в лучах солнца.

Тропа по-прежнему шла вверх, огибая основание зеленого Холма правильной округлой формы, поросшего одной лишь травой, того самого, который Гед увидел с палубы корабля, когда «Тень» вплывала в зачарованные тихие воды залива Рок. Здесь, на склоне Холма, Джаспер остановился.

— Дóма, в Хавноре, я много слышал о гонтских колдунах, которые якобы славятся своим мастерством, и мне давно уже хотелось узнать, на самом ли деле они такие замечательные мастера. Вот теперь среди нас есть настоящий гонтиец и стоим мы на волшебном Холме Рок, чьи корни уходят глубоко, к самому центру земли. Здесь обретает силу любое заклятье. Покажи нам что-нибудь, Ястребок. Как вы там делаете свои фокусы?

Гед, смущенный и застигнутый врасплох, молчал.

— Да не торопись ты, Джаспер, — сразу попытался вмешаться Ветч. — Пусть немного пообвыкнет.

— Он уже обладает либо мастерством, либо врожденной магической силой, иначе Привратник не впустил бы его. Почему бы ему не изобразить что-нибудь прямо сейчас, а не потом? А, Ястребок?

— У меня есть и мастерство, и сила, — сказал Гед. — Но объясни, чего именно хочешь ты от меня.

— Иллюзий, конечно, фокусов, миражей. Вот смотри!

Подняв палец, Джаспер произнес несколько странных слов, и там, куда он указал пальцем, среди зеленой травы заблестела тонкая струйка воды, потом стала шире, превратилась в быстрый ручей, который ринулся по склону вниз. Гед опустил в воду руку — рука стала мокрой; он выпил несколько глотков — вода была холодной. И все же ничьей жажды вода эта не утолила бы: то была всего лишь иллюзия. Еще одним словом Джаспер остановил воду, и травы под солнцем тут же высохли.

— Теперь твоя очередь, Ветч, — сказал он, как всегда холодно улыбаясь.

Ветч угрюмо поскреб в затылке, но все же взял в руки немного земли и начал над ней напевать что-то невнятное, разминая ее своими пальцами, придавая ей какую-то форму, сжимая ее и поглаживая; и вдруг появилось маленькое существо, похожее на шмеля или мохнатую муху, которое с гудением облетело Холм, вернулось обратно и растаяло в воздухе.

Гед, глядя на это, совсем упал духом. А что умеет он, кроме самого примитивного деревенского колдовства, вроде заклинаний, сзывающих домой коз, да изготовления зелья от бородавок? Ну еще какие-то слова, передвигающие с места на место тяжелые мешки или заделывающие треснувшие горшки.

— Я таких фокусов, как вы, не делаю, — сказал он.

Для Ветча этих слов было вполне достаточно, и он хотел было уже идти дальше, но Джаспер вскинулся:

— Это почему же?

— Колдовство — не игра. Мы, гонтийцы, не развлекаемся колдовством — ни для удовольствия, ни для похвальбы, — высокомерно ответил Гед.

— А для чего же вы им пользуетесь? — продолжал мучить его Джаспер. — Для денег?

— Нет!.. — Но придумать в ответ что-то еще и скрыть собственное незнание, спасая гордость, он не сумел. Джаспер засмеялся, впрочем довольно беззлобно, и повел их дальше вокруг Холма. Гед тащился сзади, надувшись и вконец расстроившись: он понимал, что вел себя как последний дурак и винил в этом Джаспера.

Ночью, когда он, закутавшись в плащ, улегся на тюфяке в своей холодной каменной келье, среди мрачного безмолвия Большого Дома, мысли об этом загадочном месте, о бесконечных заклинаниях, о вечном колдовстве, творившемся здесь, обволокли его тяжелым облаком. Вокруг царила непроницаемая тьма, и душу Геда объял ужас. Теперь он мечтал о том, чтобы в данную минуту оказаться где угодно, только не на острове Рок. Но тут дверь его комнаты отворилась и вошел Ветч, над головой которого, покачиваясь, плыл маленький голубоватый шарик — волшебный огонек, освещавший ему путь вместо свечи. Ветч спросил, нельзя ли ему немножко поболтать с Гедом, и, получив разрешение, стал расспрашивать того о Гонте, а потом с большим воодушевлением рассказал о своих родных островах Восточного Предела. Например, о том, как тихим вечером над морем с островка на островок долетает дым от деревенских очагов, так близко эти островки находятся друг к другу. Назывались они ужасно смешно: Корп, Копп и Холп, Венвей и Вемиш, Иффиш, Коппиш и Снег. Когда Ветч нарисовал пальцем на каменных плитах пола очертания этих островов, то линии стали слабо светиться, словно серебряные, а потом потухли. Ветч учился в Школе уже три года и скоро должен был получить звание колдуна; для него вся эта магическая чепуха, вроде светящихся линий, была столь же привычна и свойственна, как птице — умение летать. Однако самым большим его талантом, тем мастерством, которому он не смог бы научиться ни у кого, была удивительная доброта. В ту ночь

он от всей души предложил Геду свою вечную дружбу, верную и честную, на что Гед, разумеется, не мог не ответить взаимностью.

И в то же время Ветч дружил также с Джаспером, который в первый же день оставил Геда в дураках. Гед этого забывать не собирался, и, похоже, Джаспер тоже — он по-прежнему разговаривал с Гедом вежливо и с той же насмешливой улыбкой. А тот не мог допустить, чтобы гордость его была задета, и поклялся доказать своему сопернику и всем остальным, среди которых Джаспер был заводилой, сколь велика на самом деле его, Геда, сила — когда-нибудь, при случае. Ведь ни один из команды Джаспера, каким бы изощренным ни было их мастерство в создании иллюзий, не смог пока спасти целую деревню силой собственного волшебства. И только о нем, о Геде, написал Огион, что он будет когда-нибудь величайшим волшебником Гонта.

Питая этими надеждами свою гордость, Гед все силы отдавал работе: урокам и ремеслам, изучению фольклора и истории — тому мастерству, которому учили его одетые в серые плащи Мастера с острова Рок, метко прозванные Великой Девяткой.

Каждый день несколько часов он проводил на уроках Мастера Регента: изучал героические песни о великих Деяниях Древних, баллады о мудрости предков, начиная с древнейшей — «Песни о создании Эа». Потом вместе с дюжиной других учеников практиковался у Мастера Ветродуя в искусстве управления погодой и ветрами. Все светлые весенние дни они проводили в заливе, на легких лодках, упражняясь в заклинании волн, усмирении штормовых валов и создании волшебного ветра. Мастерство заклинателя погоды очень сложное и запутанное, и частенько Гед чувствовал, что в голове у него полная неразбериха; лодчонка его вдруг начинала плыть задом наперед или сталкивалась с чьей-то еще лодкой, причем избежать столкновения оказывалось невозможно, хотя вокруг был совершенно пустой залив, где вполне можно было не только разминуться, но и потерять друг друга из вида; или вдруг все трое пассажиров его лодки вынуждены были заняться плаванием, потому что сама лодка неожиданно исчезала под возникшей неизвестно откуда огромной волной. В иные дни бывали куда более спокойные

путешествия по берегу с Мастером Травником, который учил их тому, ЧТО, КАК и ДЛЯ ЧЕГО растет на земле; а Мастер Ловкая Рука учил их показывать фокусы, создавать иллюзии и еще всяким несложным чудесам, самым простым в искусстве Превращений.

По всем этим предметам Гед успевал отлично и за один только месяц обогнал тех, кто уже целый год учился на острове Рок. Особенно легко давались ему всякие фокусы и иллюзии, казалось, что он умеет их делать от рожденья, лишь нужно было ему об этом напомнить. Старый Мастер Ловкая Рука был человеком мягким и добросердечным, он не уставал радоваться изяществу и красоте того искусства, которым дарил своих учеников. Гед вскоре совсем перестал его стесняться и спрашивал то об одном заклинании, то о другом, и всегда Мастер улыбался и показывал, как сделать то, чего хотелось Геду. Как-то раз, задумав наконец пристыдить Джаспера, Гед спросил, когда они с Мастером были одни в Комнате Иллюзий:

— Учитель, все эти чудеса очень похожи; зная одно, ты уже знаешь и все остальные. Кроме того, едва лишь кончается действие заклятья, рассеивается и иллюзия. Вот я сейчас превращу этот камешек в бриллиант, — что он и сделал, сказав нужное слово и должным образом махнув рукой, — а как мне поступить, чтобы бриллиант продолжал оставаться бриллиантом? Как навсегда наложить Заклятье Превращения, чтобы оно не кончилось? Как закрепить его?

Мастер Ловкая Рука посмотрел на драгоценный камень, блестевший и переливавшийся на ладони Геда. Потом прошептал одно лишь слово — *ток*, — и на ладони оказался обычный серый камешек, никакой не бриллиант, а самый простой осколок горной породы. Учитель взял его и переложил на собственную ладонь.

— Это гранит; *ток* — его подлинное имя, — сказал он, взглянув своими кроткими глазами на Геда. — Это кусочек того, из чего сделан сам остров Рок, маленькая частица суши, на которой живут люди. *Ток* — это его сущность. И сам он — незаменимая частица мироздания. Путем превращений или иллюзий ты можешь заставить его выглядеть бриллиантом, или цветком, или мухой, или человеческим глазом, или языком пламени... — Он называл эти предметы, и камешек моментально превращался

в каждый из них, едва успевало отзвучать сказанное слово, и тут же снова возвращался к своей исходной форме. — Все это только иллюзии. Иллюзии обманывают чувства; порой благодаря им человек видит, слышит и чувствует, что предмет выглядит иначе. Но суть предмета иллюзии изменить не способны. Чтобы превратить этот камешек в бриллиант, нужно изменить его подлинное имя. А чтобы сделать это, сынок, даже с самой малой частичкой мирозданья, нужно изменить весь мир. Сделать это можно. Это правда. Мастер Метаморфоз владеет этим искусством, и ты этому выучишься в свое время. Но никогда не совершай Превращений — ни с камешком, ни даже с песчинкой, — пока не поймешь, какие добрые и злые последствия это вызовет. Мир наш пребывает в гармонии, в Великом Равновесии. Сила волшебника, способного вызывать души мертвых и совершать Превращения, может нарушить миропорядок. Она очень опасна, эта сила. Опаснее всех других. Сила эта дается лишь вслед за Знанием, а используется лишь при необходимости. Зажженная свеча непременно порождает тени...

Он снова посмотрел на камешек.

— Гранит ведь тоже вещь хорошая, знаешь ли, — сказал он уже не столь мрачным тоном. — Если бы острова Земноморья были сделаны из бриллиантов, туго бы нам пришлось. Радуйся иллюзиям, сынок, но пусть скалы остаются скалами.

Он улыбнулся, но Гед был разочарован. Каждый раз, как он пытался выведать у любого из Магов тайну посерьезнее, те сразу начинали говорить, почти как Огион: о Равновесии, и опасности, и еще об этой Тьме... Ведь нет сомнений, что настоящий волшебник, который давно наигрался со всякими детскими забавами вроде иллюзий и перешел к настоящему искусству — к Заклинаниям душ и Превращениям, — вполне способен делать то, что ему нравится, поддерживая в мире это самое Равновесие так, как ему хочется, и отгонять прочь всякую тьму своим собственным волшебным светом.

В коридоре Гед встретил Джаспера. С тех пор как Геда стали по всей Школе хвалить за успехи, Джаспер разговаривал с ним, пожалуй, несколько дружелюбнее, однако еще более насмешливо.

— Что-то ты, Ястребок, больно мрачен, — сказал он на этот раз. — Что, чудеса-фокусы не удаются?

Как всегда, стремясь не уступить сопернику ни в чем, Гед ответил, вроде бы не замечая насмешки:

— Меня тошнит от фокусов и от иллюзий тоже. Все это годится лишь для того, чтобы развлекать лордов, изнывающих от скуки в своих замках и поместьях. Единственное настоящее волшебство, которому меня пока научили на острове Рок, это зажигать волшебные огни да немного управлять погодой. Все остальное — глупости.

— Даже глупости опасны — в руках глупца, разумеется, — сказал Джаспер.

Гед вздрогнул, словно ему дали пощечину, и угрожающе шагнул в сторону Джаспера, но тот только улыбнулся с самым невинным видом, как бы показывая, что и намерения не имел кого-либо оскорбить, как всегда, грациозно поклонился и ушел.

Гед так и остался стоять, и сердце его горело ненавистью; про себя он поклялся непременно превзойти Джаспера и не просто в искусстве создания иллюзий, а в настоящем поединке. Он больше не позволит, чтобы этот надменный княжеский сынок смотрел на него свысока.

Гед и не пытался задуматься, почему, собственно, Джаспер непременно должен так уж сильно ненавидеть его самого. Он знал только причину собственной ненависти к Джасперу. Остальные ученики весьма быстро поняли, что с Гедом им не сравниться ни в физических упражнениях, ни в прилежании, и говорили о нем — кто с восхищением, кто с завистью:

— Он ведь прирожденный волшебник, разве за ним угонишься?

Один лишь Джаспер никогда не хвалил Геда, но никогда его и не избегал; просто посматривал на него свысока и всегда чуть улыбался. А потому один лишь Джаспер был ему настоящим соперником; и его совершенно необходимо было выставить на всеобщий позор.

Он не замечал или не желал замечать, как в этом соперничестве, которое он холил и лелеял как проявление собственной гордости, растет нечто очень опасное, родственное той самой Тьме, о которой мягко предупредил его тогда Мастер Ловкая Рука.

Когда Гед не бывал охвачен одной лишь слепой яростью, то прекрасно сознавал, что на самом деле он никакой не соперник Джасперу, как и любому другому из старших учеников, и тогда он снова с прежним прилежанием и рвением брался за работу.

К концу лета, правда, занятия несколько утратили интенсивность, стало оставаться больше времени для досуга. Ученики развлекались гонками на заколдованных шлюпках в заливе, устраивали состязания иллюзионистов во внутренних двориках Большого Дома, а долгими вечерами в рощах начиналась немыслимая игра в прятки, когда невидимы были и те, кто спрятался, и те, кто искал, так что среди деревьев слышались лишь смех и чьи-то голоса да мелькали порой, словно гоняясь друг за другом, неяркие волшебные огоньки.

С наступлением осени ученики Школы с новыми силами вернулись к работе, и каждый занялся чем-то для него новым. Так что первые несколько месяцев пребывания Геда на острове Рок пролетели удивительно быстро, наполненные бурными эмоциями и всяческими чудесами.

Зимой дело обстояло по-другому. Его вместе с еще семью мальчиками отправили на дальний конец острова, на самый крайний северный его мыс, где возвышалась Одинокая Башня. Там отшельником жил Мастер Ономатет, которого звали еще очень странным именем, не имевшим значения ни на одном известном людям языке, — Курремкармеррук. Вблизи от Башни на много километров в округе не было ни единой мастерской или фермы. Мрачно высилась она над северными утесами, мрачные серые тучи плыли и плыли над зимним морем, и конца не было спискам, рядам и кругам имен, которые должны были запомнить восемь учеников Мастера Ономатета. Курремкармеррук восседал среди них на высоком стуле в самой верхней комнате Башни и писал столбцы тех имен, которые необходимо было выучить до полуночи, когда волшебные чернила вновь исчезали, не оставляя на чистом листе пергамента ни следа. В комнате вечно царил полумрак, было очень холодно и очень тихо, слышался лишь скрип пера Мастера да тяжкие вздохи учеников, которые до полуночи торопились запомнить название каждого мыса, каждой деревушки, каждой бухточки, узкого пролива, фиорда, канала, гавани, мели, рифа и каждой скалы где-нибудь близ берегов Лоссоу или

другого небольшого островка в Пельнийском море. Если кто-то из учеников жаловался, Учитель мог и ничего не сказать, а просто удлинить список на сегодня или же мог, например, заявить: «Тот, кто хочет повелевать морями, обязан знать подлинное имя каждой капельки воды в них».

Гед порой тоже вздыхал, но не жаловался. Он понимал, что в этой пыльной и, казалось бы, бессмысленной куче слов, которые требуется запомнить, скрываются подлинные имена всех людей, предметов и мест на земле, то самое могущество Истинной Речи, которого он так жаждал; и знания эти лежали, подобно кладу, на самом дне сухого колодца. Магия — это и есть точное знание подлинного имени предмета. Примерно так сказал им Курремкаррук в их первый вечер в Башне и больше никогда не повторял этого, но Гед его слов не забыл.

— Многие из могущественных магов, — сказал Мастер Ономатет, — потратили всю свою жизнь, чтобы отыскать имя всего лишь одной-единственной вещи, одно-единственное скрытое слово Истинной Речи. И все же списки имен еще не закончены. И никогда не будут закончены — до конца света. Слушайте и сами поймете, почему. В нашем мире под солнцем и в другом, где солнца нет, многое не имеет ничего общего ни с людьми, ни с человеческой речью и существуют силы куда могущественнее наших. Но настоящими волшебниками могут считаться лишь те, кто помимо ардического языка Земноморья знает Истинную Речь, от которой язык этот произошел.

Истинной Речью и сейчас пользуются драконы, ее слова звучали в устах Сегоя, создавшего острова Земноморья, они лежат в основе нашей магии — священных песен, заклинаний и чар. Слова Истинной Речи — в искаженном, порой до неузнаваемости, виде — скрываются среди слов ардического языка. Мы называем пену морскую словом *сукиен*, оно состоит из двух корней Истинной Речи — *сук* — «перо» и *иниен* — «море». *Перья морские* — вот что такое пена. Но повелевать пеной морской нельзя, называя ее *сукиен*; для этого нужно непременно знать ее настоящее имя, которое в Истинной Речи звучит как *Эсса*. Любой колдунье известно хотя бы несколько таких слов Истинной Речи, а уж настоящий маг знает их довольно много. Но на самом-то деле их куда больше, и

смысл некоторых затерялся в веках, некоторые всегда были тайной, многие же известны лишь драконам и Древним Силам Земли, кое-какие неведомы никому; и ни один человек не может узнать их все. Ибо Истинная Речь не имеет пределов.

В этом все и дело. Ну хорошо, допустим, что море вообще называется красивым словом *иниен*. Но для того, что мы называем Внутренним Морем, в Истинной Речи есть свое слово. Поскольку ничто не может обладать двумя подлинными именами, то, стало быть, слово *иниен* может означать лишь «все море, за исключением Внутреннего». И, конечно же, это вовсе не настоящее его значение, ибо существует еще бесчисленное множество морей, заливов и проливов, каждый из которых имеет собственное имя. Поэтому если у какого-нибудь мага, морского волшебника, достанет спеси пытаться командовать бурей или штилем на всем пространстве океана, то он должен включить в свое заклятие не одно слово *иниен*, но все слова Истинной Речи, служащие именами каждой полоске воды у берегов бесчисленных островов Архипелага и Пределов, каждой капле в тех морях, где кончаются все известные магам имена. Таким образом, то, что дает нам волшебную власть над миром, ее же и ограничивает. Во власти мага находится лишь то, что непосредственно его окружает, то, что он может назвать точным и полным именем Истинной Речи. И это хорошо. Если бы это было не так, козни злых волшебников или безрассудство добрых и мудрых уже давным-давно привели бы к попытке тех или других изменить то, что изменить нельзя, и тогда неизбежно нарушился бы закон Мирового Равновесия. Море, забыв свои границы, обрушилось бы на наши острова, где нам и так постоянно угрожает опасность, и древняя тишина океана поглотила бы все людские голоса и все подлинные имена безвозвратно.

Гед много думал над этими словами, и они глубоко запали ему в душу. Но даже столь важные занятия не сделали этот долгий год, проведенный в Одинокой Башне, более легким, а погоду менее дождливой; правда, в конце года Курремкаррук сказал Геду: «Ты начал хорошо!»

Но больше не прибавил ни слова. Волшебники говорят только правду, и правдой было то, что все знания в области Истинной Речи, которые тяжким трудом приоб-

рел Гед в течение этого года, — лишь начало того, чему он должен отныне посвятить всю свою жизнь. Его отпустили из Одинокой Башни раньше остальных, ибо он преуспел в изучении курса значительно быстрее, но это была единственная награда ему за усердие.

В начале зимы он пешком отправился на юг острова в полном одиночестве и по пустынным тропам, пролегавшим в стороне от селений. Если ночью шел дождь, он не произносил ни единого заклинания, чтобы отвести непогоду, потому что этим здесь, на острове Рок, ведал Мастер Ветродуй, и шутить с ним не стоило. Как-то раз Гед спрятался от дождя под большим хвойным деревом; он улегся, завернувшись в плащ, и стал вспоминать своего старого Учителя Огиона, который, наверно, сейчас еще не вернулся из очередного осеннего похода по горам Гонта и тоже ночует под открытым небом, под голыми ветвями деревьев, сквозь которые падает холодный дождь, стеной стоящий вокруг спящего на земле волшебника. Воспоминания эти вызвали у Геда улыбку, он давно заметил, что мысли об Учителе всегда приносят ему душевный покой. С миром в душе он и уснул, а вокруг него в холодной тьме бормотал дождь. Проснувшись на рассвете, Гед поднял голову и увидел, что дождь прекратился и что в складках его плаща укрылся и спит маленький зверек. Гед очень удивился: это был отак, которого человеку увидеть очень трудно.

Отаки водятся только на четырех южных островах Архипелага — на Роке, Энсмере, Поди и Уотхорте. Это зверьки небольшие, с блестящей коричневой или полосатой шерсткой и крупными яркими глазами. Зубы у отаков крепкие и острые, а нрав довольно свирепый; приручить их почти невозможно. Они молчаливы и не издают обычно ни характерного свиста, ни крика; порой кажется, что они вообще лишены голоса. Гед погладил спящего отака, и тот проснулся, зевнул, показав маленький коричневый язычок и белые зубы, но не испугался.

— Отак, — сказал ему Гед, а потом, припомнив те тысячи слов Истинной Речи, что принадлежат миру зверей и которые он выучил в Одинокой Башне, назвал зверька его подлинным именем. — *Хёг!* — и спросил: — Пойдешь со мной? — Отак уселся на его раскрытой ладони и стал умываться.

Гед пристроил зверька к себе на плечо, в складки капюшона, и двинулся в путь. Так, пассажиром у него на плече, отак и ехал дальше. Иногда он в течение дня соскакивал на землю и удирал в лес, но всегда возвращался обратно, а однажды даже принес пойманную им лесную мышь. Гед засмеялся и сказал, чтобы отак сам ел свою добычу, потому что им нужно торопиться: сегодня ночью должен состояться праздник Солнцеворота. И вот в дождливых сумерках Гед обогнул Холм Рок и увидел сквозь пелену дождя, что над крышей Большого Дома играют и кружат яркие волшебные огоньки, и вскоре его радостно встречали друзья и Учителя в залитом светом зале, где в каминах горел огонь.

Геду показалось, что он вернулся домой — ведь настоящего дома, куда он мог бы вернуться, у него не было. Он с радостью вглядывался в знакомые лица, но весь засиял, когда навстречу ему вышел Ветч с широкой улыбкой на темнокожем лице. Гед за год соскучился по другу гораздо больше, чем ему казалось. Этой осенью Ветч был посвящен в колдуны и больше уже не считался учеником, но это ничуть не смутило обоих юношей, они сразу заговорили друг с другом, и Геду показалось, что в эти первые часы их встречи он рассказал Ветчу больше, чем кому-либо за целый год, проведенный в Одинокой Башне.

Отак по-прежнему сидел у него на плече, удобно устроившись в складках капюшона, и не спрятался даже тогда, когда все уселись за Длинный Стол, накрытый по случаю праздника в Каминном зале. Ветч подивился крошечному созданию и даже протянул было руку, чтобы его погладить, но отак в ответ только злобно щелкнул своими острыми зубами. Ветч засмеялся:

— Знаешь, Ястребок, тот, к кому благоволят дикие звери, удостоится и беседы с Древними Силами Земли; камни и ручьи заговорят с ним человеческими голосами.

— Известно, что волшебники с Гонта часто приручают диких животных, похожих на себя, — сказал Джаспер, который сидел по другую руку от Ветча. — У нашего Лорда Неммерля есть ворон, а в героических песнях говорится, что Красный Маг с острова Арк водил повсюду на золотой цепочке дикого кабана. Но никогда я не слышал, чтобы кто-то из волшебников носил в капюшоне собственного плаща крысу!

При этих словах все засмеялись, и Гед засмеялся вместе со всеми. То была ночь веселья, и ему приятно было в компании друзей ощущать тепло и радость этого праздничного вечера. И все-таки шутка Джаспера, как и всегда, заставила его скрипнуть зубами.

В те дни в Школе гостил король острова О, сам весьма известный колдун. Он был когда-то учеником Верховного Мага Неммерля и приезжал порой на Рок, чтобы принять участие в зимнем празднике Солнцеворота или в Долгом Танце — летом. С ним была его жена, юная и прекрасная, со свежим медно-смуглым лицом; на ее черных волосах поблескивала украшенная опалами корона. Редко случалось, чтобы женщине было позволено сидеть вот так в зале Большого Дома, и некоторые из старых Учителей посматривали на нее косо, неодобрительно. Зато молодежь глаз оторвать от нее не могла.

— Для такой, — сказал Ветч Геду, — я бы уж расстарался, самые лучшие чары применил... — Он вздохнул и засмеялся.

— Она всего лишь женщина, — ответил Гед.

— Принцесса Эльфарран тоже была всего лишь женщиной, — возразил Ветч, — но ради нее был опустошен весь Энлад, ради нее погиб великий герой и Великий Маг из Хавнора, а остров Солеа скрылся в глубинах морских.

— Старые сказки, — сказал Гед. Но тоже начал посматривать на королеву острова О, пытаясь понять, встречается ли в действительности у простых смертных такая красота, как о том говорится в старинных легендах.

Мастер Регент исполнил «Подвиг юного короля», и потом все вместе они спели веселую Зимнюю песню. Потом, во время небольшой паузы, как раз перед тем, как всем подняться из-за стола, Джаспер подошел к камину, где сидела королева О, и заговорил с ней. Джаспер выглядел уже вполне взрослым молодым человеком, высоким и красивым; его плащ у горла был перехвачен серебряной пряжкой — символом того, что он, как и Ветч, уже посвящен в колдуны. Дама улыбнулась его словам, и опалы на ее черных волосах засверкали еще ярче. Тогда с разрешения Учителей, кивком головы выразивших свое согласие, Джаспер сотворил для нее настоящее чудо. Из каменного пола выросло белое дерево. Ветви его коснулись потолочных балок зала, и на каждой веточке, на каждом сучке

повисло по золотому яблочку, сверкавшему, как солнце, — ведь это было само Древо Жизни. Внезапно с ветвей дерева слетела совершенно белая птица с хвостом, как снежная метель, и золотые яблоки, померкнув, превратились в семена, подобные хрустальным каплям. Капли с тихим звоном, напоминающим стук дождя по стеклу, падали вниз, и зал сразу же наполнился сладостным ароматом, а дерево закачалось, на нем распустились листья, похожие на розовое пламя, и белые цветы, похожие на звезды. И тут иллюзия пропала. Королева острова О вскрикнула от удовольствия и склонила свою убранную сверкающими каменьями головку к молодому колдуну, чтобы воздать ему хвалу за тонкое мастерство.

— Поедем с нами, ты будешь с нами жить на О-токне, можно ли ему поехать, мой лорд? — спросила она скороговоркой, как ребенок, одновременно у Джаспера и своего сурового супруга.

Однако Джаспер ответил быстрее:

— Когда я выучусь мастерству настолько, что стану достоин моих здешних Учителей — и твоей похвалы, о моя королева! — тогда я охотно приеду и вечно буду служить тебе.

В тот вечер Джаспер доставил удовольствие всем в зале, кроме Геда. Гед вместе с остальными хвалил Джаспера, но в душе говорил себе: «Я бы мог сделать лучше!», испытывая горькую зависть, отравившую ему весь остальной праздник.

4

ТЕНЬ НА СВОБОДЕ

В ту весну Гед редко видел Ветча и Джаспера: они уже стали колдунами и теперь проходили курс высшей магии под руководством Мастера Путеводителя в таинственной недоступности Имманентной Рощи. Гед оставался в Большом Доме и готовился стать колдуном, то есть волшебником, не имеющим волшебного посоха; он учился заклинать ветер и управлять погодой, отыскивать потерянные предметы и запутывать следы, а также — тонкому искус-

ству составления заклинаний и их толкования; он изучал различные сказания и песни, медицину и знахарство, познавал секреты трав и деревьев. Оставшись ночью один в своей келье, он зажигал волшебный фонарик над книгой и разбирал Старшие Руны и Руны Эа, которыми пользуются при составлении Великих Заклятий. Знания так легко давались ему, что среди студентов пошли слухи: дескать, Мастера́ давно уже считают этого гонтийца самым способным из тех, кто когда-либо учился в Школе. Но еще больше слухов ходило про отака, которого считали духом, специально сменившим личину для того, чтобы нашептывать слова Мудрости прямо в ухо Геду; вспоминали и о том, что во́рон Верховного Мага Неммерля некогда приветствовал только что прибывшего в Школу Геда как «грядущего Верховного Мага». Но верили ученики этим сплетням или нет, любили они Геда или недолюбливали, большая их часть все-таки восхищалась им и признавала своим вожаком, особенно когда — правда, крайне редко — на него находило безудержное веселье и он становился заводилой во всех забавах, что длились без конца весенними вечерами. Зато в остальное время он был вечно занят, держался гордо, ровно, независимо и слегка отчужденно. Среди учеников, не считая отсутствующего в данный момент Ветча, друзей у Геда не было, да он никогда и не думал, что ему кто-то нужен.

Ему было пятнадцать — слишком мало, чтобы уже овладеть Высшими Искусствами и стать настоящим магом, то есть получить волшебный посох. Однако Гед так быстро, например, усваивал все тонкости искусства иллюзий, что Мастер Метаморфоз, сам человек еще не старый, начал заниматься с ним отдельно от остальных и учить его подлинным заклятьям Воплощенья. Он объяснил, как трансформировать вещь в нечто совсем иное, давая ей на все время действия заклинания новое имя. Подобное переименование неизбежно влечет за собой перемены в именах и характерах вещей, окружающих трансформированный предмет. Метаморфоз говорил Геду и об опасности, сопряженной с подобным превращением; опаснее всего, когда волшебник перевоплощается сам и может попасть в ловушку собственного заклятья. Потихоньку-полегоньку, зачарованный легкостью, с какой его ученик впитывал знания, молодой Мастер начал не только рассказывать Геду об этих тайнах. Он обучил его сперва одной, потом другой Великой Трансформации и дал прочитать книгу об искусстве Воплощений. Сделав это без ведома Верховного Мага, он поступил легкомысленно, хоть и без злого умысла.

С Гедом занимался и Мастер Заклинатель, но это был человек суровый, старый и мрачный, умудренный тем глубинным и страшноватым волшебством, которому учил других. Здесь были отнюдь не иллюзии, а самая настоящая магия; здесь вызывались такие силы, как свет, тепло, магнитное притяжение; здесь менялась форма тел, цвет, звук, и все изменения извлекались Мастером из бездонных кладовых энергии Вселенной, запасы которой неизменны и непоколебимы, сколько бы человек ни заклинал и ни использовал их. Ученики Мастера Метаморфоза уже умели немного управлять погодой, ветрами и морем, но именно Мастер Заклинатель впервые показал им, почему настоящий волшебник пользуется такими заклинаниями только в случае крайней необходимости, ибо призывать столь могучие силы земли означает изменять и саму землю, неотъемлемой частью которой являются и все люди, в том числе и волшебники.

— Дождь, что прольется на острове Рок, обернется, возможно, засухой на Осскиле, — говаривал Мастер Заклинатель, — а штиль в Восточном Пределе обрушится штормом и страшными бедами на Западный, если не до конца представляешь себе конечную цель своих действий.

Что же касается вызывания реальных людей и предметов, а также душ мертвых и Невидимого, то об этих Высших заклинаниях — вершине возможностей человеческого воображения — он своим ученикам едва намекнул. Раз или два Гед пытался вызвать Мастера Заклинателя на более откровенный разговор об этих таинствах, но Мастер молчал и лишь смотрел на него пристально и мрачно, пока Гед, совсем смутившись, не прекращал свои вопросы.

И действительно, порой ему становилось не по себе даже при самых несложных заклинаниях, каким учил его Мастер. На отдельных страницах Книги Заклинаний ему встречались руны, которые он знал, хотя не мог вспомнить, где видел их. Иногда в заклятьях попадались слова, которые ему произносить было неприятно. Они словно

на мгновение пробуждали воспоминания о тенях в темной комнате, о запертой двери, о том, как тянулись к нему черные бесформенные призраки из угла... Он гнал эти воспоминания прочь и продолжал заниматься делом. «Эти мгновения страха и тьмы, — говорил он себе, — всего лишь тень моего собственного невежества. Чем больше я буду знать, тем меньше стану бояться, а когда достигну полной силы и получу волшебный посох, то смогу не бояться ничего в мире, абсолютно ничего».

Наступил второй месяц лета, и вся Школа вновь собралась на празднование Лунной Ночи и Долгого Танца, которые на этот раз совпали и превратились в двухдневный бал, что случается лишь раз в пятьдесят два года. В течение всей первой ночи, самой короткой в году и отмеченной полной луной, флейты играли прямо в полях, а узкие улочки Твила были заполнены грохотом барабанов, горящими факелами и пением, которое разносилось далеко над залитым лунным светом заливом. С восходом солнца певцы запели героическую песнь о деяниях Эррет-Акбе, и в ней рассказывалось, как были возведены белые башни Хавнора, о путешествиях Эррет-Акбе с самого древнего острова Эа по всем островам Архипелага и Пределов и о том, как, добравшись наконец до самого края Западного Предела, там, где начинается Открытое Море, он повстречался с драконом Ормом; и о том говорилось в сказании, как останки Эррет-Акбе в искореженных доспехах покоятся, смешавшись с костями дракона, на берегу пустынного острова Селидор, но меч героя красуется на вершине самой высокой башни Хавнора и все еще светится красным, когда закатное солнце опускается в воды Внутреннего Моря. Едва песнь была допета до конца, начался Долгий Танец. Жители Твила, Учителя и ученики Школы, крестьяне окрестных деревень — все вместе танцевали в теплой пыли на улочках и тропах, ведущих к гавани и пляжам, под гром барабанов, гудение труб и пение флейт, и сумерки медленно окутывали остров. Люди танцевали, спускаясь прямо в море, всю ночь напролет при полной луне, и музыку заглушали лишь хлопки откупориваемых бочонков с вином. Когда на востоке стало светлеть, люди двинулись, по-прежнему в танце, от берега моря вверх по улочкам к центру города; барабаны теперь смолкли, но флейты негромко играли, пронзительно взвизгивая порой. То же самое происходило в ту ночь на каждом острове Архипелага: один и тот же танец, одна и та же музыка, связывающая воедино разделенные морем земли.

Когда Долгий Танец кончался, бóльшая часть людей заваливалась спать на весь день, вечером же все снова собирались — на пирушку по случаю праздника. Несколько юношей из Школы, младших учеников и старших, уже посвященных в колдуны, тоже собрались в одном из двориков Большого Дома, прихватив с собой из трапезной всякой вкусной снеди, чтобы отметить этот день в более узком кругу. Там были Ветч, Джаспер и Гед, а с ними еще человек шесть или семь; к их компании присоединились также несколько учеников, которых на праздничные дни отпустили из Одинокой Башни, ибо Долгий Танец вытащил на свет даже отшельника Курремкармеррука. Юноши ели, пили, смеялись и развлекались разными трюками, которые вполне могли бы украсить двор любого короля. Один из учеников, например, осветил двор сотней волшебных звездочек, похожих на самоцветы; звездочки вспыхивали точно в промежутках между настоящими звездами на фоне темного неба, и казалось, что дворик опутала тонкая волшебная сверкающая сеть. Двое других юношей играли в кегли; шары у них были из зеленого огня, а кегли сами собой отскакивали в сторону и убегали прочь, едва светящийся шар приближался к ним. Все это время Ветч сидел, удобно скрестив ноги, прямо в воздухе и поедал жареного цыпленка. Один из учеников попытался было с помощью заклятья опустить его на землю, но Ветч только поднялся чуточку повыше, чтобы было не достать, и продолжал, улыбаясь как ни в чем не бывало, сидеть в воздухе. Время от времени он отбрасывал в сторону обсосанную косточку цыпленка, которая тут же превращалась в сову, с уханьем улетавшую прочь сквозь сеть волшебных звездочек. Гед стрелял в этих сов стрелами из хлебного мякиша, сбивал их, и едва они касались земли, как иллюзия тут же исчезала и на земле оставалось лишь то, из чего все и возникло: куриная косточка да хлебный мякиш. Гед тоже попытался присоединиться к Ветчу и посидеть с ним в воздухе, но поскольку не знал ключа и не мог запереть заклинание, то, чтобы удержаться на месте, непрерывно хлопал в воздухе руками, как пытающаяся

летать курица, и все до упаду хохотали над тем, насколько смешно у него это получается. Гед еще немного подурачился, чтобы доставить удовольствие зрителям, и сам посмеялся вместе с ними, потому что после двух ночей сплошных танцев, музыки, лунного света и волшебства ощущал странную обреченность и смятение и готов был к самому неожиданному повороту событий.

Наконец он легко опустился на землю и сразу встал на ноги, оказавшись рядом с Джаспером. Джаспер, который и не думал смеяться, отодвинулся от него и прошипел:

— Тоже мне, Ястреб, а сам и летать-то не умеет!..

— Никак это ты, Джаспер? Краса всей Школы! — Гед не остался в долгу и, ухмыляясь, обернулся к соседу. — О, бриллиант среди волшебников и колдунов, краса и гордость Хавнора, ослепи же нас, смиренных, своим блеском!

Тот парень, что подвесил над двориком танцующие волшебные звездочки, послал одну из них к Джасперу, и она закружилась, сверкая, над самой его головой. Вопреки обыкновению чуть утратив хладнокровие, Джаспер раздраженно смел огонек ладонью и забросил его подальше в ночную тьму.

— Осточертели мне ваши детские выходки, глупая болтовня и шутки, — сказал он.

— Никак стареешь, парень, — заметил сверху Ветч.

— Может, тебе больше по душе тишина и полумрак? — вставил один из ребят. — Тогда лучше Одинокой Башни места не найти.

— Чего ты все-таки от нас хочешь, Джаспер? — спросил его Гед.

— Я хочу находиться в обществе равных мне! — отрезал Джаспер. — Пошли, Ветч. Пусть детишки сами забавляются своими игрушками.

Гед моментально оказался прямо у него перед носом.

— Чем уж таким особенным обладают некоторые молодые колдуны, чего не хватает нам, непосвященным? — с угрозой спросил он. Голос его звучал довольно спокойно, но все вокруг застыли как вкопанные: казалось, соперники вот-вот выхватят из ножен несуществующие мечи.

— Силой волшебства, — сказал Джаспер.

— Я готов помериться с тобой этой силой при любых условиях.

— Ты вызываешь меня на поединок?

— Да.

Ветч прямо-таки рухнул на землю и с мрачным видом встал между ними.

— Колдовские поединки в Школе запрещены, и вам это прекрасно известно. Так что немедленно прекратите!

Оба, Гед и Джаспер, стояли молча; они действительно знали, что таков закон острова Рок, как знали и то, что Ветч сейчас действует во имя любви, а сами они — во имя ненависти. Но гнев их, к сожалению, не только не улегся, но запылал еще жарче. Чуть отодвинувшись, словно для того, чтобы лишь Ветч мог его расслышать, Джаспер проговорил со своей холодной улыбкой:

— Мне кажется, тебе еще раз следует напомнить нашему приятелю-пастушку о соблюдении закона, который его же и охраняет. Он, похоже, уперся. Неужели он действительно полагает, что я намерен принять его вызов? Вызов деревенского парня, пропахшего козами, какого-то недоучки, который не знает еще и Первой Трансформации?

— Джаспер, — сказал Гед, — разве тебе что-нибудь известно о том, что я знаю и чего нет?

И, не произнеся больше ни слова — во всяком случае, никто ничего услышать не успел, — Гед на мгновение исчез, а там, где он только что стоял, захлопал крыльями крупный сокол, в пронзительном крике разевая крючковатый клюв. Через несколько секунд Гед снова стоял на прежнем месте, освещенный пламенем факелов, и не сводил с Джаспера темных глаз.

Джаспер лишь изумленно отшатнулся, однако тут же взял себя в руки, пожал плечами и уронил:

— Иллюзия!

Остальные потрясенно бормотали что-то себе под нос.

— Нет, это не иллюзия. Это настоящее Превращение. И довольно. Послушай, Джаспер... — попытался урезонить его Ветч.

— Да, этого, конечно, вполне довольно, чтобы доказать, что он тайком из-за спины Мастера Метаморфоза успел кое-что прочитать в Книге Воплощений. Ну и что? Нет, пастушок, давай-ка покажи нам что-нибудь еще.

Мне, например, приятно смотреть, как ты сам себе роешь яму. Чем сильнее ты стараешься доказать, что не лыком шит, тем лучше видно, каков ты на самом деле!

Ветч отвернулся от Джаспера и мягко попросил Геда:

— Ястребок, будь мужчиной, прекрати это и пойдем со мной...

Гед улыбнулся другу, но ответил лишь:

— Подержи, пожалуйста, Хёга немножко, ладно?

И сунул в руки Ветчу отака, как всегда сидевшего у него на плече. Зверек никогда никому не позволял, кроме Геда, разумеется, даже прикасаться к себе, но тут охотно пошел к Ветчу, взобрался по его рукаву и устроился на плече, свернувшись клубком и не сводя больших блестящих глаз с хозяина.

— А теперь, — сказал Гед своему сопернику по-прежнему спокойным тоном, — докажи, если сможешь, свое превосходство, Джаспер.

— Ничего доказывать я не намерен, пастушок. Но тебе я все-таки дам урок. А заодно смотри, не упусти и свой единственный шанс. Зависть гложет тебя, как червь яблоко. Так давай выпустим червя на волю. Однажды, помнится, на вершине Холма ты хвастал, что волшебники с Гонта в детские игры не играют. Давай прямо сейчас отправимся туда, и ты покажешь нам, на что же они, эти волшебники с Гонта, способны. А потом, может быть, я тебе немножко поколдую.

— Да, очень хотелось бы посмотреть, — ответил Гед.

Младшие ученики, привыкшие к тому, что он вспыхивает при малейшей насмешке или оскорблении, изумленно смотрели на него: Гед был на редкость спокоен. Ветч тоже смотрел на него, но во взгляде его читалось отнюдь не изумление, а растущий страх. Он вновь попытался вмешаться, но Джаспер сказал:

— Хватит, не вмешивайся, Ветч. Так как? Используешь ли ты тот единственный шанс, что я предоставлю тебе, пастушок? Может быть, ты покажешь нам фокус? Например, огненный шар? А может, произнесешь заклинание, излечивающее коз от чесотки?

— А тебе от меня чего хотелось бы, Джаспер?

Джаспер лишь пожал плечами.

— С меня вполне хватит, если ты сумеешь вызвать душу умершего.

— Смогу.

— Не сможешь! — Джаспер смотрел ему прямо в глаза, из-под его вечной равнодушно-презрительной маски словно внезапно вырвались языки гневного пламени. — Не сможешь. Нет! Ты только хвастаешься...

— Клянусь своим подлинным именем, я это сделаю!

На мгновенье все в ужасе застыли.

Вырвавшись из объятий Ветча, который изо всех сил старался удержать его, Гед бросился со двора, не оглядываясь назад. Танцующие над головами юношей волшебные огоньки погасли, умерли. Джаспер, секунду поколебавшись, последовал за Гедом. Остальные беспорядочной толпой тоже двинулись на Холм, молчаливые, заинтригованные, испуганные.

Вершина Холма черной громадой высилась во мраке летней ночи — в той непроглядной тьме, какая бывает перед восходом луны. Уже сама эта гора, где свершилось столько чудес, действовала подавляюще, словно в воздухе вокруг них повисла некая тяжесть. Когда они поднялись по склону, то явственно почувствовали, сколь глубоки корни Холма Рок, глубже, чем море, и уходят они в само древнее огненное чрево земли, в самые ее сокровенные недра. Они остановились на восточном склоне. Над округлой вершиной, над черной травой у них под ногами висели неподвижные звезды. Царило полное безветрие.

Гед чуть отошел в сторону от остальных и поднялся выше по склону, потом обернулся и ясным голосом спросил:

— Джаспер! Чей дух мне вызвать?

— Вызови любой. Ни один тебя не послушается, — голос Джаспера слегка дрожал, возможно от гнева.

Гед сказал мягко и чуть насмешливо:

— Ты что, боишься?

Даже если Джаспер что-то и ответил ему, Гед дожидаться не стал. Теперь соперник был ему безразличен. Теперь, на вершине Холма, в душе его исчезли ненависть и гнев, сменившись полной уверенностью в себе. Завидовать больше никому не стоило. Гед и сам знал, как велика его сила этой ночью, на темном склоне зачарованного Холма: сейчас он был куда могущественнее, чем когда-

либо. Сила заполнила его существо до краев, он даже дрожал, едва сдерживая ее, рвущуюся наружу. Теперь он знал, что на самом деле Джаспер куда слабее его и послан Судьбой лишь для того, чтобы именно в эту ночь привести его, Геда, сюда; что он ему никакой не соперник, а просто слуга Судьбы. Под ногами Гед чувствовал корни горы, уходящие глубоко вниз, во тьму, а над головой видел сухие далекие огни звезд. Все в пространстве между этими звездами и тьмой под его ногами сейчас подчинялось ему, готово было ему служить. Сейчас он стоял в самом центре мира.

— Не бойся, — сказал он, улыбаясь. — Я вызову дух женщины. А женщины не стоит бояться. Я вызову прекрасную Эльфарран, о которой поется в «Подвиге Энлада».

— Она умерла тысячу лет назад, кости ее покоятся далеко, на дне моря Эа, а может быть, на свете и не было никогда такой женщины...

— Разве годы и расстояния что-нибудь значат для мертвых? Разве наши песни лгут? — спросил Гед с той же мягкой насмешливостью и прибавил: — Смотри сюда, в пространство между моими руками. — Потом отвернулся и неподвижно застыл.

И вот торжественным медлительным жестом простер он руки свои как бы в приветствии — так начинают Великое Заклинание, вызывая души мертвых. И начал говорить.

Он прочитал это, записанное с помощью рун, заклинание по крайней мере два года назад, еще в книге Огиона, но с тех пор ни разу этих рун не видел. Тогда он прочитал их во тьме. И во тьме он теперь словно бы снова читал их, перед ним как бы открылась в ночи нужная страница. Однако сейчас он хорошо понимал, что именно читает, и выговаривал заклинание громко, слово за словом, и ясно видел перед собой рунические символы, сплетающиеся в слова Истинной Речи, и помогал волшебству звуком собственного голоса, движениями тела и рук.

Все остальные молча стояли и смотрели, словно оцепенев; потом понемногу юношей начала сотрясать дрожь — это вступало в силу Великое Заклинание. Голос Геда звучал по-прежнему негромко, но как-то изменился, словно в глубине его таилась неведомая музыка, да и слова, что

произносил он, тоже были его друзьям неведомы. Гед умолк. Внезапно откуда-то из травы с ревом взвился вихрь. Гед упал на колени и громко позвал кого-то, а потом распростерся на земле, словно желая обнять ее. Когда же он снова с трудом приподнялся, то в напряженных вытянутых руках будто держал нечто темное и настолько тяжелое, что дрожал от усилия, пытаясь встать с этим грузом на ноги. В лабиринте спутанных трав на склоне Холма застонал горячий ветер. Даже если звезды и светили по-прежнему в небесах, то теперь никто уже их не видел.

Слова заклятья с шипеньем и страшным бульканьем срывались с губ Геда, а потом он вдруг ясным и громким голосом выкрикнул:

— Эльфарран!

И снова позвал он ее по имени:

— О, Эльфарран!

И в третий раз:

— Эльфарран!

Бесформенная темная масса, которую он только что поднял с земли, вдруг распалась. В образовавшуюся щель вырвался бледный луч, между землей и поднятыми руками Геда образовался слабо светящийся овал. В нем на мгновение шевельнулась некая человеческая фигура: это была высокая женщина, оглядывающаяся назад через плечо. Лицо ее было прекрасно, печально и исполнено страха.

Лишь на секунду сверкнул перед ними дух Эльфарран. Затем желтоватый овал света меж поднятых рук Геда стал ярче, расширился, разросся — сверкающая брешь в черноте земли и ночи, прореха в ткани мирозданья. Сквозь нее вырвался нестерпимо яркий огонь, и по неровному краю быстро и осторожно скользнуло нечто, похожее на сгусток черной тени. И с яростью бросилось Геду прямо в лицо.

Отпрянув назад и шатаясь под тяжестью этой твари, Гед крикнул коротко и хрипло. Маленький молчаливый отак, с плеча Ветча наблюдавший за происходящим, тоже вдруг громко заверещал и бросился в атаку на врага.

Гед, извиваясь, упал на землю, борясь с напавшей на него тварью, а яркая щель во вселенской тьме над ним все ширилась и расползалась. Наблюдавшие за происходящим ученики не выдержали и сбежали, а Джаспер низко

склонился к земле, пряча глаза от ужасного света. Один лишь Ветч бросился вперед к другу на помощь. И только он один сумел как следует разглядеть этот сгусток тьмы, ужасное существо, вцепившееся в Геда и терзавшее его плоть. Оно было похоже на черного зверя размером с ребенка, хотя все время то увеличивалось, то уменьшалось; оно было лишено головы, а стало быть, лица или морды; зато Ветч различил четыре когтистые лапы, которыми тварь душила свою жертву и рвала ее плоть. Юноша взвыл от ужаса, но все же попытался голыми руками оттащить чудовище от Геда. Однако не успел он его коснуться, как застыл словно камень, не в силах двинуться с места.

Непереносимо яркий свет чуть померк, и края прорехи медленно сомкнулись. Рядом послышался чей-то голос, звучавший так тихо, как шепчутся листья на дереве или журчит вода в маленьком фонтане.

Снова засияли звезды, а трава на склоне Холма засеребрилась в лунном свете — как раз всходила луна. Ночь была спасена, излечена от смертельного недуга. Вновь восстановилось равновесие между светом и тьмой. Черная тварь исчезла. Гед, раскинувшись, лежал на спине, руки его по-прежнему были судорожно воздеты к небесам, словно он все еще приветствовал кого-то, вызванного заклинанием из могилы. Лицо юноши было покрыто запекшейся кровью, и на рубашке виднелись большие черные пятна. Маленький отак, дрожа, прятался за его плечом, а над юношей стоял старик, чьи белые одежды слабо мерцали в лунном свете: Верховный Маг Неммерль.

Конец волшебного посоха Неммерля серебристо поблескивал у самой груди Геда. Шепча что-то, Маг коснулся посохом сердца юноши, потом его губ. Гед вздрогнул, разлепил губы и стал жадно хватать воздух ртом. Тогда старый Неммерль отвел посох и оперся им о землю; голова его была опущена, он едва стоял на ногах, утратив последние силы.

Ветч обнаружил, что снова может двигаться. Он огляделся и увидел, что вокруг много народу, в том числе и Мастер Заклинатель, и Мастер Метаморфоз. Серьезное волшебство не обходится без их помощи, и они умеют при надобности моментально оказаться там, где эта помощь требуется. Однако ни один из них не оказался так быстр, как Верховный Маг Неммерль. Прибывшие чуть

позже помощники обступили Верховного Мага; остальные, в том числе и Ветч, поспешили отнести Геда к Мастеру Травнику.

Всю оставшуюся ночь Мастер Заклинатель провел на вершине Холма Рок — на страже. Ничто не шелохнулось там, где прорвана была ткань мирозданья. Ни одна тень не проползла тайком по склону Холма при свете луны, выискивая щель, чтобы попасть обратно в царство смерти. Видимо, той твари удалось бежать от Неммерля, удалось преодолеть невидимые волшебные стены, охраняющие остров Рок, и теперь она вышла в широкий мир и где-то там спряталась. Если бы Гед в ту ночь умер, черная тварь могла бы попытаться последовать за ним в обитель смерти или в иное царство, из которого явилась сюда; этого-то и ждал Мастер Заклинатель, но Гед остался жив.

Его уложили в постель, и Мастер Травник обработал рваные раны у него на лице, на шее и на плечах. Раны были страшные, глубокие. Черная кровь не свертывалась в них, а продолжала течь, несмотря на все заговоры и повязку из паутины и волшебной травы перриот. Гед лежал, ничего не видя и не слыша, и лихорадка пожирала его, как огонь — сухое дерево, и не находилось заклинания, способного погасить этот огонь.

Неподалеку, во внутреннем дворике у фонтана, лежал Верховный Маг Неммерль, столь же недвижимый, но совсем холодный: на его застывшем лице жили одни глаза, неотрывно следившие, как падает просвеченная лунным светом струя воды в фонтане да подрагивают залитые серебром листья деревьев. Те, кто был подле него, не пытались произносить заклинания или применять какое-то лечение. Порой Мастера́ тихонько переговаривались между собой, а затем снова обращали внимательные взоры на своего повелителя. Он лежал неподвижно, его ястребиный нос, высокий лоб и седые волосы казались добела вымытыми струями лунного света. Для того чтобы овладеть неуправляемым заклятьем и отогнать страшную тень от Геда, Неммерль отдал всю свою волшебную силу, вместе с которой покинули его тело и силы физические. Теперь он умирал. Но смерть для Великого Мага, не раз бродившего по сухим осыпающимся кручам ее царства, — дело необычное: умирающий Маг уходит не вслепую, а, напротив, твердо зная свой путь. И когда Не-

ммерль смотрел куда-то вверх, сквозь листву, его друзья не знали, видит ли он земные звезды, блекнувшие на исходе ночи, или звезды иного мира, которые никогда не появляются и не исчезают, но вечно светят над холмами царства мертвых.

Исчез куда-то ворон с Осскила, бывший любимцем Мага Неммерля целых тридцать лет. Никто не видел, куда и как он исчез.

— Он летит впереди, — сказал Мастер Путеводитель, не отходивший от ложа умирающего.

Наступил день, теплый и ясный. Тихи были улицы Твила и сам Большой Дом. Никто не осмеливался говорить в полный голос, лишь ближе к полудню в башне Мастера Регента громко заговорили, будто прощаясь с кем-то, колокола.

На следующий день Девять Мастеров Школы собрались в Имманентной Роще под темными деревьями. Но даже там они дополнительно окружили себя девятью непроницаемыми стенами тишины, чтобы ни единая живая душа, ни одна враждебная сила не узнала о том, что они говорят, чтобы никто и ничто не смогло повлиять на них во время выборов нового Верховного Мага Земноморья. Избран был Геншер с острова Уэй. Незамедлительно снарядили корабль, который должен был пересечь Внутреннее Море и привезти в Школу нового Ректора. Мастер Ветродуй стоял на корме, повелевая волшебным ветром в парусах; корабль быстро вышел из гавани и скрылся вдали.

Но ничего этого Гед не знал. Почти целый месяц жаркого лета провел он в забытьи, ничего не видя и не слыша, только временами громко и жалобно стонал, будто раненый зверь. Наконец терпенье и умелые руки Мастера Травника сделали свое дело, и раны на теле Геда стали затягиваться, лихорадка оставила его. Понемножку он, похоже, начинал и слышать, хотя так ни разу и не заговорил. В ясный осенний день Мастер Травник отворил ставни в комнате Геда. С той темной ночи на Холме перед глазами у него была лишь тьма. Теперь Гед увидел дневной свет и солнце в небе. Он спрятал изуродованное свое лицо в ладони и заплакал.

Но даже к началу зимы говорил он все еще с трудом, заикаясь на каждом слове, и Мастер Травник держал его при себе, надеясь постепенно вернуть ему душевные и

физические силы. Была ранняя весна, когда Травник наконец выпустил Геда на волю, для начала послав его присягнуть на верность Верховному Магу Геншеру, поскольку Гед не мог присутствовать на общей церемонии.

Никому из учеников не разрешалось в течение долгого времени навещать Геда, так что теперь, когда он проходил мимо, некоторые удивленно спрашивали: «А кто это?» Раньше он был гибким, сильным, ясноглазым юношей. Теперь — хромал, двигался неуверенно, опустив голову; левая сторона его лица была исполосована белыми шрамами. Гед равно избегал знакомых и незнакомых людей и, выйдя от Травника, сразу пошел в тот внутренний дворик с фонтаном, где некогда ожидал появления Верховного Мага Неммерля; теперь здесь же его поджидал Геншер.

Верховный Маг, как и подобает, был в белом плаще и, будучи уроженцем острова Уэй, отличался очень темной кожей. Черные глаза его прятались под густыми бровями.

Гед преклонил колена и присягнул новому Верховному Магу. Геншер некоторое время хранил молчание.

— Я знаю, ЧТО ты совершил, — сказал он наконец. — Но мне неизвестно, КЕМ ты стал теперь. Я не могу принять твоей присяги.

Гед поднялся с колен и вцепился рукой в ствол молодого деревца, росшего рядом с фонтаном, чтобы успокоиться. Он по-прежнему с трудом подбирал слова, обращаясь к Геншеру:

— Я должен покинуть остров Рок, господин мой?

— А ты этого хочешь?

— Нет.

— Чего же ты хочешь?

— Остаться. Учиться. Уничтожить... зло...

— Сам Неммерль не смог этого сделать. Нет, на мой взгляд, тебе уезжать с Рока не стоит. Только здесь ты под защитой Мастеров и созданных ими волшебных стен, которые непреодолимы для сил зла. Если же сейчас ты покинешь Рок, то высвобожденное тобой зло незамедлительно отыщет тебя и проникнет в твою душу; оно подчинит тебя себе, и ты превратишься в оборотня, управляемого той тварью, которую выпустил в наш солнечный мир. Тебе следует оставаться здесь до тех пор, пока у тебя не достанет сил и мудрости, чтобы защитить себя от этого

детища тьмы — если когда-либо это вообще станет возможным. Теперь же черная Тень, несомненно, поджидает тебя. Видел ли ты ее с тех пор?

— Во сне, господин мой. — Гед помолчал и вдруг заговорил с болью и стыдом: — Лорд Геншер, я не знаю, что это было — то, что вызвал я заклинаньем, то, что бросилось на меня тогда...

— Я тоже не знаю. У этой Тени нет имени. Ты от рожденья наделен волшебной силой, но неправильно использовал ее, произнеся заклятье, с которым справиться не сумел, не ведая, что заклятье это способно нарушить Равновесие, гармонию света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла. И руководили тобой гордыня и ненависть. Так удивительно ли, что случилась такая беда? Ты вызвал дух умершей, но вместе с ним в наш мир пробралась нежить. Незваной явилась она сюда оттуда, где ничто не имеет подлинных имен. Порожденная злом, сила эта жаждет творить зло и постарается использовать для своих целей тебя. Неумелым колдовством ты лишь придал ей сил, она обрела власть над тобой, и теперь вы с ней связаны. Это тень твоего невежества и самонадеянности, твоя собственная тень. А есть ли имя у твоей тени?

Гед, потрясенный до глубины души, еле стоял на ногах. Наконец он вымолвил:

— Лучше бы я умер...

— Кто ты такой, чтобы решать, что лучше! Ты, за которого Неммерль отдал собственную жизнь?.. Здесь ты, по крайней мере, в безопасности. Будешь жить здесь и учиться дальше. Говорят, ты был способным учеником. Так что продолжай заниматься своим делом. И приложи максимум усилий. Это все, что ты теперь можешь.

Так Геншер завершил свою речь и сразу же исчез, как это делают все Маги. Фонтан по-прежнему искрился в солнечных лучах, и Гед некоторое время любовался его струями, слушая пение воды и думая о Неммерле. Когда-то именно здесь, в этом дворике, он почувствовал себя словом, произнесенным солнцем. Теперь свое слово сказала тьма: одно лишь слово, но нельзя было удержать его.

Гед покинул дворик и направился в свою прежнюю комнату в Южной Башне, которую оставили за ним. Там он и сидел в одиночестве, пока гонг не позвал учеников на ужин. В трапезной Гед ни с кем из сидящих за Длинным Столом и словом не обмолвился и почти не поднимал головы, стараясь не замечать даже тех, кто вполне дружески приветствовал его. Поэтому через день-другой все оставили его в покое. И сам он постоянно стремился к одиночеству, страшась невольно словом или делом сотворить зло.

В Школе не было видно ни Ветча, ни Джаспера, и он даже не спрашивал о них. Ученики, среди которых он когда-то считался заводилой и лучшим из лучших, давно обогнали его, так что всю весну и лето он занимался с младшими. Да и среди них не блистал: слова любого заклятья, даже самого простого, он произносил запинаясь, руки не слушались его, и он постоянно ошибался.

Осенью Геду предстояло вновь отправиться в Одинокую Башню, чтобы пройти очередной курс у Мастера Ономатета. Уроки эти, которых он некогда так страшился, теперь доставляли ему удовольствие, потому что искал он тишины и покоя, когда нет надобности произносить заклинания или пользоваться магической силой, которая — он это знал — все еще была заключена в нем самом.

Накануне вечером в комнату Геда зашел некто в коричневом дорожном плаще, держа в руке дубовый посох с железным наконечником. Завидев посох волшебника, Гед поднялся.

— Ястребок!..

Гед вскинул глаза: голос был знакомый. Перед ним стоял Ветч, как всегда спокойный, плотный, широкоплечий. Его темнокожее грубоватое лицо стало более мужественным, взрослым, однако улыбка была все та же. На плече у Ветча свернулся маленький полосатый зверек с блестящими глазами.

— Он жил у меня, пока ты болел, и теперь даже жалко с ним расставаться. А уж до чего мне жаль расставаться с тобой, Ястребок! Но я уезжаю домой. Эй, Хёг! Ну-ка ступай к своему настоящему хозяину!

Ветч погладил отака, снял с плеча и опустил на пол. Зверек подбежал к жалкому ложу Геда, уселся там и принялся умываться; сухой коричневый язычок, похожий на сухой листик, так и мелькал. Ветч засмеялся, но Гед не смог выдавить даже улыбки. Он низко склонился, спрятав лицо, и только поглаживал отака.

— Я думал, ты ко мне больше не придешь, Ветч, — с трудом выговорил он, вовсе не думая никого упрекать.

Однако Ветч ответил:

— Я просто не мог! Мастер Травник запретил мне навещать тебя; а с самого начала зимы я все время был заперт в Имманентной Роще, пока не получил волшебный посох. Послушай: когда тоже получишь свой посох, приезжай ко мне, в Восточный Предел. Я буду ждать. Там у нас города маленькие, и живут в них веселые и добрые люди, а волшебников всегда принимают очень хорошо.

— ...получу посох... — еле слышно пробормотал Гед, слегка пожал плечами и попытался улыбнуться.

Ветч посмотрел на него, и взгляд его был не таким, как всегда: в нем, пожалуй, любви меньше не стало, но то был уже взгляд настоящего и мудрого волшебника. Он мягко подбодрил друга:

— Ты же не навечно привязан к острову Рок.

— Ну... я, например, мог бы и впредь помогать Мастеру Ономатету в Одинокой Башне; мог бы стать одним из тех, что всю жизнь разыскивает среди древних книг и звезд забытые слова Истинной Речи... Может быть... Может быть, так я смогу больше никому никогда не вредить, даже если и пользы особой от меня не будет...

— Может быть, и так, — сказал Ветч. — Но хоть я и неважный провидец, все же вижу дальше тебя, и видятся мне вовсе не запертые комнаты с книгами, а далекие моря, драконы, изрыгающие пламя, башни больших городов и многое другое из того, что видит в поднебесье летящий ястреб.

— А что... что ты видишь в моей прежней жизни? — спросил Гед и резко вскочил; тень его метнулась при этом с пола на стену. Потом он отвернулся и медленно проговорил, заикаясь: — Однако куда ты сам держишь путь и чем намерен заниматься?

— Отправлюсь домой, повидаю братьев и сестренку. Я тебе о ней много рассказывал. Когда я уезжал, она была совсем крошкой, а теперь скоро пройдет обряд имяположения. Странно даже подумать об этом! Потом, наверно, стану волшебником на одном из наших островов. Ах, с каким удовольствием я еще поговорил бы с тобой, но корабль мой отплывает сегодня ночью и отлив уже начался. Ястребок, если когда-либо путь твой пройдет близ Восточного Предела, заезжай ко мне непременно. Если же я понадоблюсь тебе, призови меня именем моим: Эстарриол.

Тут Гед впервые поднял свое покрытое шрамами лицо и встретился взглядом с другом.

— Эстарриол, — сказал он, — мое имя Гед.

Они тихо простились. Ветч повернулся, прошел по каменным плитам дворика и навсегда покинул остров Рок.

Некоторое время Гед стоял, не в силах двинуться с места, потрясенный до глубины души, оглушенный тем великим даром, который только что получил. Ибо это был поистине великий дар: Ветч открыл ему свое подлинное имя.

Никто не знает подлинного имени человека, кроме него самого и его имядателя. С течением времени можно доверить эту тайну близкому человеку — брату, жене или другу, — но и они никогда не должны произносить это имя, если его может услышать кто-то третий. В присутствии других людей они, как и все остальные, должны называть человека обычным именем или прозвищем: Ястребок, Ветч, Огион, что, кстати, значит «еловая шишка». Если даже простые люди скрывают свои подлинные имена, доверяя их лишь самым близким, то уж, конечно, волшебники, тая в себе опасность для других и в то же время постоянно подвергаясь угрозе со стороны темных сил, должны проявлять в отношении своего подлинного имени особую осторожность. Тот, кому известно подлинное имя человека, держит в руках и всю его жизнь. Потому-то для Геда, утратившего веру в себя, дар Ветча был свидетельством непоколебимой веры друга, то есть самым драгоценным из даров.

Гед присел на свою лежанку и погасил волшебный огонек; исчезая, тот издал слабый запах болотного газа. Юноша погладил отака, уютно свернувшегося клубочком у него на коленях и так крепко спящего, словно никогда с этих колен и не слезал. В Большом Доме царила полная тишина. Гед вспомнил, что сегодня канун дня его имяположения, совершенного Огионом. С тех пор прошло уже четыре года. Он вспомнил холод горной реки Ар, которую переходил вброд нагим и безымянным. Потом стал вспоминать светлые заводи, где любил плавать; деревню Десять Ольховин на лесистом склоне горы Гонт; утрен-

ние тени на пыльной деревенской улице, огонь в горне деревенской кузни, раздуваемый мехами; зимние дни, хижину ведьмы, пропитанную загадочными ароматами, с тяжелым от курений воздухом. Он давно уже не думал об этом. Но сегодня, когда ему исполнялось семнадцать, все как бы вернулось вновь: события всех прошлых лет, все те места, где он побывал за свою короткую, но уже поломанную жизнь, в одно мгновение всплыли в его памяти и легко сложились в целостную картину. Он снова наконец понял — после этих долгих, горьких, бессмысленно прошедших лет, — кто он такой и где находится.

Но куда дальше поведет его жизненный путь, Гед не ведал и страшился узнать.

На следующее утро он отправился через весь остров к Одинокой Башне; отак, как всегда, уютно устроился у него на плече. В этот раз Геду понадобилось не два, а целых три дня, чтобы добраться туда, и он устал, едва держался на ногах, когда наконец впереди над шипящим, плюющимся пеной морем, на самом северном мысу завиднелась Башня. Внутри все было как прежде — темно и холодно; и Курремкармеррук восседал на своем высоком стуле и составлял длинные списки имен. Он глянул на Геда и, не поздоровавшись, буркнул, словно тот никуда отсюда не уходил:

— Отправляйся-ка спать: усталая голова плохо варит. Завтра можешь взять книгу о Деяниях и учить оттуда имена Создателей.

К концу зимы Гед вернулся в Большой Дом и был посвящен в колдуны. На этот раз Верховный Маг Геншер принял его присягу. С тех пор Гед начал заниматься Высшими Искусствами и куда более сложными заклинаниями. Это были уже не просто иллюзии, а настоящая магия; Гед готовился получить посох волшебника. Болезни и несчастья, постигшие его в тот злополучный день, с течением времени как бы отступили; руки обрели былую ловкость, и все же он уже не был так сметлив, как раньше, получив слишком долгий и тяжелый урок — урок страха. Но даже когда он произносил самые опасные заклинанья Созидания и Воплощения, это никаких вредных последствий не вызывало. В конце концов Геду даже стало казаться, что Тень, которую он выпустил в этот мир, возможно, утратила свою силу или же просто удалилась в

иные миры: она больше не являлась ему во снах. Однако в глубине души он понимал, что все эти надежды тщетны.

От Мастеров Школы и из древних мудрых книг Гед узнал все, что мог, о существах, подобных той твари, которую упустил тогда; впрочем, известно о них было немного. Ни одно из них не было описано или упомянуто прямо. В лучшем случае встречались отдельные и не совсем внятные намеки на нечто, столь же чудовищное. Тень явно не была ни призраком, ни творением Древних Сил Земли, и все же казалось, что она имеет и к тому и к другому определенное отношение. Вот только какое? В книге «О естестве драконов», которую Гед штудировал с особым вниманием, ему попалась одна история о давным-давно умершем Повелителе Драконов, который попал во власть одной из Древних Сил некоего Говорящего Камня, который и теперь лежит на прежнем месте в одной из северных стран. «По велению Камня, — говорилось в книге, — человек тот воззвал душу из могилы, и она явилась из царства мертвых, но заклятье было искажено по воле Камня, и на этот свет вместе с душой покойника явилось нечто незваное, и оно пожрало душу взывавшего, проникло в его плоть и в обличье его ходило по земле меж людей, уничтожая их». Но в книге той не говорилось ничего об облике чудовища и о том, чем же вся эта история закончилась. Мастера ничего определенного по этому вопросу сказать не могли. Нежитью назвал его когда-то Верховный Маг; «Это существо с того света», — сказал Метаморфоз; а Мастер Заклинатель просто ответил: «Не знаю».

Мастер Заклинатель часто приходил и сидел возле Геда, пока тот болел. Он, как всегда, был мрачен и суров, но теперь Гед понял, какая самоотверженная у него душа, и очень его полюбил.

— Не знаю, — сказал Мастер Заклинатель. — Об этой вещи я могу предположить только одно: вызвать ее в наш мир смогла лишь очень могущественная сила, возможно, единственная в мире и обладающая неповторимым голосом — твоим голосом, Гед. Но почему это так и что это значит, я тоже не знаю. Ты все узнаешь сам. Должен узнать. Или умереть. Или хуже, чем умереть... — Голос Мастера звучал тихо, он мрачно смотрел на юношу. — Ты, мальчишка, решил, что волшебник — это тот, кто может

все на свете. Когда-то и я так думал. И все мы. А правда на самом деле в том, что чем человек сильнее душой, чем больше он знает, какой бы жизненный путь он ни избрал, путь этот кажется ему все уже и уже, пока в конце концов он не перестает видеть его перед собой, а только делает то единственное, что должен делать...

Когда Геду исполнилось восемнадцать, Верховный Маг послал его к Мастеру Путеводителю. То, что изучают в Имманентной Роще, не принято особенно обсуждать за ее пределами. Говорят, что там никогда не звучит ни одно заклинание, и все же Роща эта — место совершенно волшебное. Иногда деревья в ней видимы, иногда нет, и сама Роща не всегда находится на одном и том же месте, и даже не в одной и той же части острова Рок. Говорят, что сами деревья из Рощи разумны и мудры. Говорят, что Мастер Путеводитель постигает свою изысканную магию именно от деревьев, и если когда-либо деревьям этим суждено умереть, то вместе с ними исчезнет и его мудрость; тогда же поднимутся волны морские и затопят острова Земноморья, которые Сегой поднял из глубин океана задолго до того, как были сложены самые первые мифы, и все те земли, где живут теперь и люди и драконы, исчезнут.

Но это лишь слухи; волшебники об этом говорить не любят.

Прошло несколько месяцев, и однажды, весенним днем, Гед вернулся в Большой Дом, не имея ни малейшего представления о том, чем будет заниматься дальше. У ворот Школы, там, где начинается тропа, что ведет через поля к вершине Холма, его поджидал старик, которого Гед вначале не узнал. Потом он пораскинул мозгами и понял, что это Привратник, впустивший его в школу, когда он впервые, пять лет назад, пришел сюда.

Старик поздоровался с ним, назвав его подлинным именем, и спросил:

— Знаешь, кто я такой?

Теперь Гед вспомнил, что всегда говорилось раньше о Девяти Мастерах с острова Рок, хотя сам он знал лишь восьмерых: Ветродуй, Ловкая Рука, Травник, Регент, Метаморфоз, Заклинатель, Ономатет и Путеводитель. Вроде бы девятым считали Верховного Мага. С другой стороны,

когда выбирали Геншера, то для этого встречалась вся Девятка.

— Я думаю, что ты Мастер Привратник, — сказал Гед.

— Да. Гед, ты завоевал право войти в Школу, назвав свое имя. Теперь же назови мое и обретешь свободу и постоянную возможность выйти отсюда. — Старик улыбнулся и стал ждать.

Гед молчал. Конечно же, он знал тысячу способов и приемов, позволявших установить подлинные имена вещей и людей; это уменье было частью той науки, которую он превзошел на острове Рок и без которой всякая магия была бы практически бесполезной. Но узнать подлинное имя волшебника, Мастера, — совсем другое дело. Имя Мага спрятано очень тщательно, и его труднее отличить от прочих слов, чем одну сельдь от другой среди огромного косяка в водах океана; и охраняется это имя лучше, чем логово дракона. Колдовство, направленное на то, чтобы выведать эту тайну, непременно столкнется с еще более могущественным колдовством; любые хитроумные изобретения потерпят крах; попытки разведать что-то окольным путем будут исподволь пресечены, а попытка узнать что-нибудь силой неизбежно и самым губительным образом обернется против предпринявшего ее.

— Уж больно маленькую щель оставляешь ты в своих воротах, Мастер Привратник, — сказал наконец Гед. — Придется, видно, мне посидеть здесь до тех пор, пока я достаточно не похудею, чтобы пролезть в эту щель.

— Сиди, пожалуйста, сколько хочешь, — сказал, улыбаясь, Привратник.

Гед чуть отошел и уселся под ольхой на берегу речки, отпустив отака поиграть и поохотиться близ илистых берегов на раков. Солнце садилось, но, несмотря на позднее время, закат сиял яркими красками — ведь весна была в разгаре. В окнах Большого Дома зажигали лампы и светились волшебные огоньки, а внизу у подножия Холма улицы Твила уже заволокла тьма. Над крышами домов ухали совы, над темной водой реки бесшумно носились летучие мыши, а Гед все сидел и думал, как бы ему — силой, хитростью или колдовством — узнать имя Привратника. И чем больше он думал, тем меньше видел для того возможностей, несмотря на все приемы ведовства, которым обучился на Роке за пять лет.

Он улегся прямо на землю и проспал всю ночь под открытым небом, а отак устроился на ночлег у него в кармане. Когда же взошло солнце, Гед быстро подошел к воротам Школы и постучался. Мастер Привратник открыл ему.

— Учитель, — сказал Гед, — я недостаточно силен и не могу силой вызнать твое имя; у меня не хватает также ни мудрости, ни хитрости, чтобы выведать его обманом. Так что я готов стать либо твоим учеником, либо слугой — как ты сам пожелаешь — до тех пор, пока удача не улыбнется мне и ты не ответишь на один лишь мой вопрос.

— Что это за вопрос? Задай его.

— Как твое имя?

Привратник улыбнулся и назвал ему свое подлинное имя; и Гед, повторив его, в последний раз вошел в Большой Дом.

Когда же он снова покинул его, то одет был в темно-синий плащ, дар жителей Лоу-Торнинга, куда теперь направлялся в качестве волшебника. В руках он держал волшебный посох ростом с него самого, сделанный из тиса и с бронзовым наконечником. Мастер Привратник простился с ним и специально для него отпер заднюю дверцу Большого Дома, сделанную из резной кости; и Гед пошел вниз по улицам Твила к пристани, где ждал его корабль, покачиваясь на воде, ярко блестевшей в утренних лучах солнца.

5

ДРАКОН С ОСТРОВА ПЕНДОР

К западу от острова Рок меж двух крупных островов, Хоск и Энсмер, разбросано множество мелких островков. Их так и называют: Девяносто Островов. Из них ближе всех к Року расположен Серд, а дальше всего — Сеппиш, который омывают воды Пельнийского Моря. Впрочем, толком никогда так и не было известно, сколько этих островов в действительности, потому что если считать только те, где есть пресная вода, то получается не больше се-

мидесяти, а если учитывать каждую скалу или риф, то количество их переваливает за сотню, а может, и гораздо больше. Многое зависит и от приливов. Островки расположены порой совсем близко друг к другу, и, когда даже спокойные воды Внутреннего Моря во время прилива начинают бурлить и пениться меж тесных берегов, там, где во время отлива можно насчитать целых три острова, над приливной волной едва виднеется один. И все же, несмотря на бурные волны приливов и отливов, любой ребенок на Девяносто Островах, едва научившись ходить, уже умеет и грести, и владеет собственной маленькой лодочкой; женщины частенько перебираются с островка на островок попить с соседкой чайку; коробейники прямо с воды зазывают купить у них товар, ритмично работая при этом веслами. Все в этом краю передвигаются по соленым водам морским, словно по дорогам, и мешают им разве что сети, натянутые прямо через проливы от одного дома до другого для ловли мелкой рыбешки под названием «турбис», жир которой составляет основу благополучия Девяноста Островов. В этом краю всего несколько мостов, ни одного крупного города, зато множество крестьянских и рыбацких селений. Каждые десять-двадцать островков объединяются в некие подобия округов; один из них, самый западный, и назывался Лоу-Торнинг. Острова, входившие в Лоу-Торнинг, были обращены не к Внутреннему Морю, а к безбрежным водам Великого Океана, к самому отдаленному острову Архипелага — Пендору, захваченному драконами. Дальше острова Пендор располагался за широкой безлюдной полосой моря Западный Предел.

Для нового волшебника жители островов приготовили дом на холме, среди зеленых ячменных полей. От западных ветров дом укрывала целая роща деревьев, сейчас сплошь покрытых красными цветами. С порога виднелись соломенные крыши других домов, окруженных такими же рощицами и садами, а дальше — многочисленные островки и на них очень похожие друг на друга дома, поля и холмы; между островами синели яркие извивающиеся ленты проливов. Жилище Геда, хоть и убогое — с земляным полом, без окон, — все же было лучше той хижины, где он появился на свет. Жители Лоу-Торнинга, со священным трепетом взиравшие на молодого волшебни-

ка с острова Рок, все просили прощения за столь скромное помещение.

— У нас совсем нет строительного камня, — оправдывался один.

— У нас тут богачей нет, зато хоть не голодает никто, — прибавил другой.

А третий сказал:

— По крайней мере, в этом доме всегда будет сухо: я сам позаботился о том, чтобы кровля была сделана на совесть.

Что же касается Геда, то этот домик ему казался настоящим дворцом. Он от всей души поблагодарил старейшин общины, после чего они — все восемнадцать — довольные отправились по домам: каждый на собственной лодке к собственному островку. Теперь им предстояло рассказать соседям-рыбакам и их женам, что новый волшебник — парень странный и вида мрачного, говорит мало, но справедлив и совсем не гордый.

Впрочем, Геду на первых порах и гордиться-то было особенно нечем. Волшебники, обучавшиеся в Школе на острове Рок, обычно уезжали в большие города или в замки богатых лордов. Простые же рыбаки, вроде жителей Лоу-Торнинга, чаще всего могли позволить себе содержать разве что ведьму или в лучшем случае колдуна, способного заговаривать рыбачьи сети и лодки да немного лечить животных и людей. Но в последние годы старый дракон с острова Пендор дал потомство: говорили, что в разрушенных башнях замка свили гнезда целых девять драконов и волочат теперь свои покрытые чешуей туши по мраморным лестницам и галереям. Когда-нибудь, гонимые особенно жестоким голодом, и без того достаточно сильным на их мертвом острове, они неизбежно должны были добраться до соседних островов. Уже не раз видели, как четверо из них кружили над юго-западным побережьем Хоска, однако пока не спускались, а сверху высматривали стада овец, амбары и жилые дома. Голод у драконов пробуждается медленно, но удовлетворить его трудно. Потому-то жители Лоу-Торнинга и отправили на остров Рок нижайшую просьбу прислать к ним настоящего волшебника, который смог бы защитить их и все западные земли от страшной угрозы, и Верховный Маг счел их страхи обоснованными.

— В этих местах ты не обретешь ни покоя, ни славы, ни богатства; возможно даже, что тебе и рисковать не придется ни разу, — сказал Верховный Маг в тот день, когда Гед получал свой волшебный посох. — Поедешь?

— Поеду, — ответил Гед, и не только из одного послушания.

С той ночи на вершине Холма его желание бежать славы и всего показного стало столь же сильным, каким было когда-то желание этой славы добиться. Теперь он постоянно сомневался в себе и страшился любых грядущих испытаний себя в качестве волшебника. Но тем не менее одно лишь упоминание о драконах вызвало в нем жгучее любопытство. На Гонте уже многие столетия драконов не видывали, и ни один из них даже не приближался к острову Рок — во всяком случае, настолько, чтобы его можно было почуять, увидеть или определить в пространстве волшебным зрением. Чаще всего они служили темой сказок, легенд, героических песен — то есть были героями преданий, а не реальной жизни. В Школе Гед прочитал о драконах все, что можно было найти в древних книгах, но одно дело читать о них и совсем другое — встретиться лицом к лицу. И вот перед ним открылась такая великолепная возможность, и он совершенно искренне ответил Геншеру: «Поеду».

Верховный Маг кивнул головой в знак согласия, но глядел мрачно. Помолчав, он спросил:

— Скажи мне, боишься ли ты покидать остров Рок? Или, напротив, стремишься его покинуть?

— И то и другое, господин мой!

Геншер снова кивнул.

— Я не уверен, что поступаю правильно, отпуская тебя, ибо только здесь ты в безопасности, — медленно роняя слова, проговорил он. — Я не вижу, что ждет тебя впереди. Путь твой скрывается во мгле. А там, в северных краях, тебя поджидают порождение Зла и, может быть, сама смерть. Впрочем, что это за сила и где именно ты встретишься с ней, я сказать не могу: все твое прошлое, настоящее и будущее как бы в тумане. Когда сюда прибыли гонцы из Лоу-Торнинга, я сразу подумал именно о тебе, потому что это место кажется мне относительно безопасным, да и находится оно далеко на западе — там со временем ты мог бы набраться сил. Но я не уверен, су-

ществует ли такое место на земле, где ты действительно был бы в безопасности, и не знаю, куда ведет твой путь. Мне очень не хочется посылать тебя в неизвестность, во тьму...

Первое время дом среди цветущих деревьев и сам островок внушали Геду покой и светлую радость. Он частенько посматривал на запад, в небеса, настроив свой волшебный слух на неуловимый, далекий шорох чешуйчатых крыл. Но ни один дракон так и не появился вблизи острова. Гед ловил с причала рыбу и ухаживал за садом. Порой он целыми днями, сидя под цветущим деревом, обдумывал одну-единственную страницу, строку или даже слово из тех мудрых книг, что привез с собой. Отак же спал рядом с ним или охотился на мышей в гуще трав и цветов. А еще Гед лечил жителей Лоу-Торнинга, предсказывал погоду и заклинал ветры, если его об этом просили. Ему, могущественному волшебнику, и в голову не приходило стыдиться столь примитивных просьб — ведь и в его роду были простые ведьмы, а вырос он среди еще больших бедняков, чем эти люди. Однако местные жители редко обращались к Геду с просьбами и отчасти побаивались его: и потому, что он настоящий волшебник с Острова Мудрецов, а также — из-за неразговорчивого характера и покрытого шрамами лица. Было в нем что-то такое, хоть он и выглядел совсем молодым, что держало людей на расстоянии.

И все же Гед нашел себе друга по имени Печварри — лодочника с соседнего островка. Они познакомились у причала, когда Гед, проходя мимо, остановился и стал смотреть, как лодочник прилаживает к ботику мачту. Заметив это, тот глянул на волшебника, ухмыльнулся и сказал:

— Ну вот, почти месяц возился. Небось ты-то в минуту все сделал бы, только слово нужное сказать надо, да, господин мой?

— Сделал бы, наверно, — откликнулся Гед, — может, и быстрее, да только ботик скорее всего уже через минуту затонул бы или пришлось бы все время шептать заклятья. Но, если хочешь... — он вдруг запнулся.

— Что хочу, господин?

— Вообще-то ботик у тебя прекрасный! И никаких заклятий ему не требуется. Но, если хочешь, я могу сделать так, чтобы лодка эта никогда не давала течи и, что бы ни случилось, всегда возвращалась домой с моря.

Он говорил не очень уверенно, боясь своим предложением обидеть умелого лодочника, но лицо Печварри просияло.

— Этот ботик делал я для сына, и если ты, господин волшебник, еще поколдуешь над ним, будешь так милостив, я тебе век от всего сердца служить стану.

Лодочник выбрался на причал и горячо пожал Геду руку, снова и снова выражая ему свою благодарность.

Потом они часто работали вместе — мастерили новые лодки или чинили старые, и Гед своими заклинаниями делал замечательную работу Печварри еще лучше, а взамен учился у лодочника его мастерству и искусству править лодкой на море без помощи магии: искусство это держалось в тайне от учеников Школы на острове Рок. Гед, Печварри и его маленький сын Айоэт нередко уплывали далеко в море по проливам на самых различных судах, под парусом или на веслах, пока Гед в полной мере не овладел ремеслом моряка, и к этому времени дружба между ним и Печварри стала уже делом решенным.

Но как-то поздней осенью сынишка лодочника сильно заболел. Мать его привезла с острова Теск колдунью, известную травницу, и день или два все шло, казалось бы, на поправку. Как вдруг ночью, когда на море бушевал жестокий шторм, в дверь Геда загрохотал кулаками Печварри. Он умолял спасти сына, и Гед со всех ног бросился за ним; они вскочили в лодку, навалились на весла и помчались по бурным волнам к дому лодочника. Мальчик был распростерт на лежанке; его молчаливая мать сгорбилась у изголовья, а колдунья не переставая жгла корень корли и повторяла нараспев заклинание Нагиана — с ее точки зрения, это были лучшие средства от данной болезни. Однако она шепнула Геду:

— Господин волшебник, мне кажется, что у мальчика красная лихорадка; он не переживет этой ночи...

Когда Гед склонился над ребенком и коснулся его лба, он понял, что колдунья права, и на мгновение отшатнулся. За долгие месяцы его собственной тяжкой болезни Мастер Травник открыл ему немало секретов врачевания,

и самым главным из них был следующий: умерь боль раненого тела, лечи его болезни, но, если умирает душа, отпусти ее.

Мать мальчика, заметив его резкое движение, поняла все и в отчаянии громко заплакала. Печварри топтался возле нее, приговаривая:

— Господин Ястреб непременно спасет нашего мальчика. Нечего плакать, жена! Он теперь здесь, наш волшебник, и он спасет малыша.

Услышав жалобный плач женщины и чувствуя, как сильно Печварри верит в него, Гед растерялся: он не знал, что ему предпринять, боясь разочаровать этих несчастных людей. Решив, что ошибся в диагнозе, он попытался спасти мальчика, сбивая жар, и пообещал другу:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Гед обмывал мальчика холодной дождевой водой, которую родители непрерывно меняли, благо лило как из ведра, произносил различные заклинания, но ничто не помогало, никакие слова не имели силы, и вдруг Гед понял, что ребенок умирает у него на руках.

И тогда, призвав на помощь все свои магические силы и совершенно позабыв об угрожающей ему самому опасности, Гед послал свою душу вслед за душой ребенка, пытаясь вернуть его в этот мир. Он позвал мальчика по имени: «Айоэт!» — и ему показалось, что внутренним слухом своим уловил слабый отклик. Тогда Гед продолжил погоню, время от времени называя имя ребенка. Вскоре он увидел и его самого: мальчик быстро бежал далеко впереди Геда вниз по склону какой-то мрачной горы или холма. Не было слышно ни звука. Над головой висели совсем иные, чем здесь, звезды, но Гед почему-то знал названия чужих созвездий: Сноп, Ворота, Рулевой, Древо... Созвездия эти в черных небесах не двигались и не гасли: солнце никогда не всходило в этом мире. Пытаясь догнать умирающего мальчика, Гед зашел слишком далеко в царство смерти.

Осознав это, он увидел, что остался на склоне темного холма один. Повернуть назад оказалось трудно, очень трудно. Но он все-таки повернул. С огромным усилием сделал шаг вверх по склону холма, потом еще один. Так, благодаря лишь чудовищным усилиям воли, шаг за шагом продвигался он к вершине. И каждый следующий шаг был тяжелее предыдущего.

Звезды в небе не двигались. Ни разу не вздохнул ветерок над покрытым густым слоем пыли склоном. Во всем этом бескрайнем царстве тьмы двигался лишь он один, медленно взбираясь вверх. Поднявшись на вершину холма, Гед увидел невысокую каменную стену. Перелезть через нее было бы нетрудно, но прямо за ней лицом к нему стояла Тень.

Она не напоминала обличьем своим ни человека, ни зверя. У нее как бы вообще не было формы, очертания ее расплывались, и все же Тень что-то сердито шептала, обращаясь к нему, Геду, хотя слов было не разобрать.

И она стояла по ту сторону стены, где была жизнь, а он — там, где смерть.

И теперь ему либо нужно было спускаться назад, в пустынные земли, в лишенные света города мертвых, либо перешагнуть через стену, к жизни, туда, где поджидала его бесформенная тварь, порождение Зла.

Он высоко поднял свой волшебный посох, зажав его в руке. И тут силы словно вернулись к нему. Когда он изготовился прыгнуть через невысокую стену прямо на Тень, посох внезапно вспыхнул белым, ослепительным в этой сумеречной стране светом. Гед прыгнул, почувствовал, что падает, и свет померк в его глазах.

Вот что в этот момент увидели Печварри, его жена и колдунья: молодой волшебник запнулся посреди заклинания, какое-то время стоял неподвижно, держа ребенка на руках, потом бережно опустил маленького Айоэта на постель, распрямился и стоял молча, зажав свой посох в руке. Внезапно он высоко поднял посох, и на конце его сверкнул белый огонь, похожий на шаровую молнию, и тут все вещи в доме как бы ожили, задвигались сами собой. Когда же наблюдавшие это пришли в себя от изумления, то увидели, что молодой волшебник лежит ничком на земляном полу рядом с постелью, где покоится мертвое дитя.

Печварри решил было, что и Гед тоже умер. Жена его тихо плакала, сам же он был потрясен до глубины души. Однако колдунья, кое-что разумевшая в магии и слышавшая о тех краях, куда может попасть настоящий волшебник, позаботилась, чтобы Геда, совершенно безжизнен-

ного и холодного, все же не считали покойником, объяснив, что юноша как бы болен или скорее зачарован. Его отнесли домой, и старая ведьма осталась, чтобы присмотреть за ним, а заодно и выяснить, уснул ли он навсегда или все же очнется.

Маленький отак спрятался где-то на чердаке, как всегда, когда в дом приходили чужие, и оставался там, а дождь все хлестал и хлестал по стенам, и огонь в очаге погас, в дом тихонько прокралась ночь, заставив старуху клевать носом. Тогда из своего убежища вылез отак, забрался на постель, где неподвижно и почти не дыша лежал его хозяин, и своим сухим, похожим на коричневый листок язычком начал вылизывать его пальцы и ладони; лизал долго, заботливо, потом, пристроившись поближе к подушке, стал лизать виски Геда, покрытую шрамами щеку и, особенно нежно, закрытые глаза. Очень медленно, постепенно нежные эти прикосновения привели Геда в сознание. Он открыл глаза, не понимая, где побывал, где находится теперь и что это за слабый серый свет вокруг. За окном разливалась заря. И отак, засыпая, привычно свернулся у плеча своего хозяина.

Позже, когда Гед вспоминал и обдумывал события той ночи, он понял, что, если бы кто-то живой не коснулся его, утратившего душу, и не позвал обратно в этот мир, он вполне мог бы остаться в стране мертвых навсегда. Лишь слепая инстинктивная мудрость зверей, которые вылизывают своих раненых сородичей, желая утешить их и успокоить, спасла его, но в этой мудрости отака Гед видел нечто родственное собственной своей волшебной силе, нечто глубинное, как и чародейство, связанное с Древними Силами Земли. С этого времени он навсегда уверовал в единство по-настоящему мудрых людей со всеми прочими живыми существами, люди это или бессловесные твари, и в последовавшие годы скитаний немало усилий приложил к тому, чтобы научиться понимать тех, кто погружен в безмолвие, — глаза животных, полет птиц, величественные медлительные жесты деревьев.

Теперь он впервые совершил невредимым тот переход через Порог и обратно, который с открытыми глазами может совершить лишь настоящий волшебник и который даже самому великому магу всегда грозит страшной опасностью. Но в этот мир вернулся он навстречу горю и

страху. Он горевал из-за своего друга Печварри, а страх испытывал из-за себя самого. Он до сих пор так и не смог узнать, почему тогда Верховный Маг боялся отсылать его далеко от Рока и что именно застилало пеленой его, Геда, путь так, что даже сам Геншер не смог разглядеть его будущее. А путь его застилала сама Тьма, и поджидала его на этом пути та безымянная тварь, что этой Тьмой была порождена и не принадлежала к миру живых. Та Тень, которую он сам выпустил из небытия или невольно создал. В стране мертвых, у самой границы между жизнью и смертью, она ждала его долгие годы. И дождалась. Теперь она будет следовать за ним по пятам, выискивая момент, чтобы подобраться поближе, отнять у него силы, высосать из него жизнь и завладеть его личиной.

В первое время во сне тварь виделась Геду в облике странного медведя, лишенного головы и глаз. Он думал, как она бродит вокруг, ощупывая стены его дома и пытаясь проникнуть внутрь. Эти сны не снились ему с тех пор, как зажили рубцы, нанесенные когтистыми лапами. Теперь Гед просыпался в поту, его бил озноб, а старые шрамы на лице и плече воспалялись и болели.

С тех пор начались плохие времена. Когда Тень снилась ему или когда он слишком много думал о ней, его всегда охватывал леденящий ужас; разум и силы покидали его, он казался себе глупым и каким-то растерянным. Страх перед Тенью безумно злил его, но он ничего не мог с собой поделать. Ему очень нужна была поддержка, вот только чья и против кого? Ведь тварь эта была лишена плоти и не принадлежала ни к миру живых, ни к миру мертвых; она не имела имени и вообще была как бы Ничем, и обладала лишь одним: страшным могуществом, не подчиняющимся законам земной живой жизни, которое он сам некогда дал ей. Единственное, что он о ней теперь знал точно, — это то, что Тень связана именно с ним и через него постарается осуществлять свои планы, будучи его творением, плодом его непросвещенной деятельности. Но в каком обличье явится она в этот мир, сама не имея плоти и формы, каким способом найдет его и когда — этого Гед не знал.

Свой дом и весь островок он окружил самыми разнообразными волшебными преградами. Однако все это требовало так много сил, что Гед понял, что скоро израсхо-

дует их все только на эту защиту, и жителям Лоу-Торнинга не будет от него никакого проку, особенно если с острова Пендор все-таки прилетит хоть один дракон.

И снова ему приснился сон; но на этот раз ему снилось, что Тень проникла внутрь дома, шевелится возле двери во тьме и старается до него дотянуться. Она снова шептала слова, которых он не понимал. Гед в ужасе проснулся и зажег волшебный огонь; он осветил каждый уголок, чтобы убедиться, что в доме никого нет. Потом подкинул дров в очаг и уселся там, освещаемый языками пламени и слушая, как осенний ветер шуршит в соломенной кровле и свистит в высоких голых деревьях вокруг дома. Долго сидел он в задумчивости. В сердце проснулся былой гнев. Не станет он беспомощно ждать, сидя словно в ловушке на этом островке и бормоча бесполезные заклятья! Но сразу решиться вылезти из своей норы он не мог: если он просто уедет отсюда, то нарушит договор с жителями островов, беззащитными перед ужасной угрозой. Оставался только один путь.

На следующее утро Гед отправился на лодке к главной пристани Лоу-Торнинга, отыскал вождя общины и сказал ему:

— Я вынужден буду покинуть эти края: мне грозит опасность, а стало быть, и вам тоже. А потому прошу вас разрешить мне отправиться на остров Пендор и там попробовать сразиться с драконами или еще каким-либо образом решить эту задачу и выполнить вашу главную просьбу. Только тогда я с чистой совестью смогу уехать отсюда. Если же мне суждено погибнуть, то это может случиться и здесь, особенно если сюда пожалуют драконы. Так что давайте решим все заранее и не откладывая в долгий ящик.

Вождь был настолько потрясен, что у него отвисла челюсть. Он долго смотрел на Геда и наконец сказал:

— Господин Ястреб, а ты знаешь, что там девять драконов?

— Говорят, что восемь из них еще молодые.

— Зато старый...

— Говорю тебе, я должен уехать отсюда. И прошу сперва разрешить мне попытаться избавить вас от страшной угрозы.

— Ну, как хочешь, господин мой, — мрачно сказал вождь.

Все, кто слышал этот разговор, сочли, что молодой волшебник сошел с ума или просто лезет на рожон. С мрачными лицами провожали Геда островитяне, не надеясь увидеть его снова. Некоторые намекали, что парень просто хочет сбежать и, обогнув Хоск, укрыться во Внутреннем Море, бросив их в беде; другие же, в том числе и Печварри, были уверены, что волшебником овладело безумие и он ищет смерти.

По крайней мере четыре поколения островитян прокладывали курс своих кораблей так, чтобы держаться как можно дальше от острова Пендор. Ни один маг не являлся сюда, чтобы открыто вступить в бой с драконом, к тому же Пендор лежал вдали от населенных земель и основных морских путей, и правили островом и морями вокруг пираты и работорговцы, злобные воинственные люди, которых ненавидели все обитатели юго-запада Земноморья. Именно поэтому никто даже и не пытался отомстить за погибшего правителя острова Пендор, когда дракон внезапно напал на него — он со свитой как раз пировал в одной из башен замка — и мигом превратил в пепел всех, кто там был, а остальных жителей, оставшихся в живых после побоища, загнал в море и утопил, несмотря на их жалобные стоны и плач. Заваленный трупами, неотмщенный Пендор остался в полной власти дракона, и он правил там, поселившись в развалинах замка и охраняя свою сокровищницу, полную награбленного добра, принадлежавшего ранее не одному поколению прежних правителей не только Пендора, но также Пална и Хоска.

Все это Геду было прекрасно известно, не говоря уже о том, что со дня прибытия в Лоу-Торнинг он постоянно вспоминал все когда-либо слышанное или читанное о драконах и строил различные планы. Взяв курс на запад и впустив в паруса волшебный ветер — то есть без помощи весел или ветра, не пользуясь тем ремеслом, которому его обучил Печварри, — Гед наложил заклятье, державшее судно по курсу, и неотрывно смотрел вперед. Вскоре он увидел, как на горизонте, между небом и морем, медленно поднимается мертвый остров Пендор. Гед жаждал, чтобы встреча его с драконами произошла как можно скорее (потому он и прибегнул к помощи волшебного

ветра), ибо страшился оставшегося позади больше, чем того, что ждало его впереди. Но уже к концу первого дня путешествия страх в нем сменился какой-то веселой яростью. Наконец-то он по собственному желанию шел навстречу опасности, и чем ближе была эта опасность, тем сильнее росло в нем ощущение полной, абсолютной свободы. Возможно, он и находился на краю смерти, но проклятая Тень явно не осмелилась последовать за ним — дракону в пасть. По серому морю катились белые барашки волн, и серые тучи неслись над головой, подгоняемые северным ветром. Гед мчался на запад, и волшебный ветер наполнял паруса его лодки, и вскоре завиднелись скалы Пендора, пустынные улицы городов и полуразрушенные башни дворцов.

При входе в неглубокую, полумесяцем выгнутую бухту Гед снял заклятие и остановил суденышко, которое теперь тихонько покачивалось на волнах. Громким голосом он воскликнул:

— Выходи, властелин Пендора! Гнездо твое в опасности!

Волны тяжело бились о берега, словно посыпанные пеплом, и голос Геда в шуме прибоя звучал едва слышно, но у драконов слух тонкий. И вот уже один взлетел со стены разрушенного городского дома, повиснув в воздухе как огромная летучая мышь. Потом, шурша перепончатыми крыльями и чешуйчатым телом, он кругами в потоках северного ветра стал спускаться к тому месту, где находился его противник. У Геда екнуло сердце при виде этого существа, как бы явившегося из сказок Земноморья, но он засмеялся и снова крикнул:

— Эй ты, ветряной червяк! Ступай, позови Старого Дракона!

Ему было ясно, что при всей своей величине это всего лишь детеныш, отпрыск Старого Дракона и драконихи из Западного Предела. Некогда она сделала кладку яиц в одной из залитых солнцем разрушенных башен Пендора и улетела прочь, как это делают все драконихи, оставив папашу следить за потомством, которое, подобно обычным, но только ужасного вида ящерицам, постепенно выползало из скорлупы.

Молодой дракон отвечать не стал. Он был, собственно, не так уж и велик, длиной, пожалуй, не больше сорокавесельной галеры; огромного размаха кожистые крылья только подчеркивали, какое тощее и слабое пока у него тело. Молодой дракон не достиг еще должных размеров и не способен был ни на устрашающий чудовищный рев, ни на подлинную драконью хитрость. Он спикировал прямо на Геда, стоявшего в покачивавшейся на волнах лодчонке, разинул длинную зубастую пасть, так что Геду оставалось только связать юному ящеру крылья одним коротко произнесенным заклятьем, и тот, подобно каменной глыбе, со страшным шумом рухнул в море. Серые волны сомкнулись над ним.

За первым драконом последовали еще два, поднявшиеся от подножия самой высокой башни города. В точности, как и первый, они спикировали на Геда, и в точности, как и первого, он обоих связал заклятьем и утопил в море; пока еще ему ни разу не пришлось даже поднять свой волшебный посох.

Еще через некоторое время с острова вылетело сразу три дракона. Один из них был гораздо крупнее остальных, и из пасти его вырывались языки пламени. Двое меньших летели, гремя крыльями, прямо на Геда, зато большой весьма ловко, сделав круг, зашел сзади, стремясь сжечь и Геда, и его лодку своим огненным дыханием. Ни одно заклятие не смогло бы подействовать на троих сразу, потому что нападали они с разных сторон — двое с севера, один с юга. Успев осознать это, Гед произнес заклятье Превращения и тут же взмыл в небеса в обличье дракона.

Расправив широкие крылья и выставив когти, он атаковал тех, что летели к нему с севера, обжег их пламенем, а потом повернулся к третьему, более крупному и тоже изрыгавшему пламя. В потоках ветра над серыми волнами оба дракона сжимались пружиной, щелкали челюстями и стремительно бросались в атаку, окруженные дымом и пламенем. Изменив маневр, Гед резко взмыл вверх; противник, последовавший за ним, немного отстал. И тут Гед-дракон сложил крылья и камнем бросился вниз, подобно ястребу, выставив страшные когти, вонзил их в шею и бок врага, увлекая вниз и его. Черные крылья дракона с Пендора дрогнули, и черная драконья кровь крупными каплями закапала в море. Он вырвался из когтей Геда и полетел низко над водой, припадая на одно крыло, обрат-

но к острову, где, видно, и спрятался в каком-нибудь колодце или разрушенной башне.

Гед немедленно принял свой прежний вид и спустился в лодку, ибо страшной опасностью грозит длительное пребывание в обличье дракона. Руки юноши были покрыты ожогами от ядовитой драконьей крови, а волосы на голове опалены огнем из страшной пасти, но Гед этого даже не замечал. Он выждал лишь несколько секунд, чтобы перевести дыхание, и снова воззвал:

— Шестерых видел я, пятеро убиты, говорят, что всего вас десять. Так выходите же, червяки!

Ничто не шелохнулось на острове, не прозвучало ни звука в затянувшейся тишине, лишь волны с грохотом обрушивались на скалы. Потом Гед заметил, что самая высокая башня будто бы медленно меняет свои очертания, вытягиваясь то в одну сторону, то в другую, словно расправляя огромные руки. Он опасался древнейшей магии, которой владеют лишь драконы, волшебники весьма могущественные и коварные, волшебство которых не похоже на людское; но уже через мгновение понял, что это не иллюзия и не магия, а реальность. То, что он принял за странный выступ на башне, — оказалось плечом Старого Дракона, который медленно расправил чудовищные крылья и взлетел.

Когда он выпрямился во весь рост, его чешуйчатая, увенчанная острыми шипами голова с тремя языками вознеслась выше самой высокой башни, а передние лапы опирались на развалины старинных домов, как на осколки камней. Чешуя темно-стального цвета словно полированная отражала свет солнца. Дракон был жилистый и поджарый, словно гончий пес, и огромный, как гора. Гед в ужасе смотрел на него. Никакая героическая песня или легенда не смогла бы подготовить человека к восприятию подобного. Юноша уже видел перед собой глаза дракона, и это едва не погубило его, потому что в глаза эти смотреть нельзя. Гед с трудом отвел взгляд от маслянистых зеленых глаз, что следили за ним, и поднял перед собой волшебный посох, казавшийся теперь тонким прутиком, хворостинкой.

— Восемь сыновей было у меня, маленький волшебник, — сказал Старый Дракон иссушающим душу могучим голосом. — Пятеро погибли, один умирает — довольно. Логово мое тебе не захватить, хоть ты и убил их.

— Мне не нужно твое логово и твои сокровища тоже.

Желтый дымок с шипением вырвался из ноздрей дракона: так он смеялся.

— Может, высадишься на берег и посмотришь на него, маленький волшебник? На мои сокровища стоит посмотреть.

— Нет, дракон.

Драконы в родстве с ветром и огнем и неохотно вступают в бой над морем. Пока что это было единственным преимуществом Геда, и он не желал его терять; но узкая полоска морской воды, отделявшая его лодчонку от гигантских серых когтистых лап, не внушала ему уверенности.

Особенно трудно было не смотреть в зеленые сторожкие глаза.

— Ты еще очень молодой, волшебник, — сказал дракон. — Я не знал, что люди вступают в силу такими молодыми.

Он, как и Гед, пользовался Истинной Речью, потому что драконы до сих пор говорят только на этом языке.

Кроме того, Истинная Речь обязывает людей говорить только правду; а драконов — нет. Это их родной язык, и они могут лгать на нем, выворачивая его слова наизнанку, так что почти невозможно порой догадаться, каков их смысл; драконы как бы загоняют неосторожного слушателя в лабиринт этих слов-зеркал, каждое из которых вроде бы отражает правду, но не дает ее понимания и не ведет ровным счетом никуда. Во всяком случае, Гед об этом давно уже был предупрежден, и слова дракона слушал недоверчиво, каждое подвергая сомнению, хотя все они казались простыми и ясными.

— Ты пришел сюда, чтобы просить моей помощи, маленький волшебник?

— Нет, дракон.

— И все же я мог бы помочь тебе. Вскоре тебе понадобится помощь — против того, кто охотится за тобой в темноте.

Гед онемел.

— Кто же этот охотник? Назови мне его имя!

— Если бы я мог назвать его имя... — Гед заставил себя замолчать.

Желтый дымок поднялся над длинной головой дракона, вырвавшись из ноздрей, похожих на круглые огненные печи.

— Если бы ты мог назвать его имя, то мог бы, наверно, и повелевать им, маленький волшебник. Возможно, его имя тебе мог бы назвать я, если бы как следует его разглядел. А для этого нужно, чтобы оно подошло поближе к тебе. И оно непременно подойдет, если ты подождешь его тут. Оно догонит тебя повсюду, где бы ты ни был. Так что если не хочешь, чтобы оно приближалось к тебе, ты должен неустанно бежать, бежать и бежать от него. А оно будет следовать за тобой по пятам. Хочешь ли ты узнать его имя?

Гед снова застыл в молчании. Откуда дракону известно, что он выпустил Тень? Не мог же он просто догадаться, как не мог и знать имя Тени. Ведь Верховный Маг сказал, что имени у нее нет. Однако драконы обладают особой мудростью; род их куда старше человеческого. Лишь очень немногие из людей способны догадаться, что именно в том или ином случае дракону известно и откуда. Таких людей называют Повелителями Драконов. Геду пока что ясно было только одно: если этот дракон, что вполне возможно, говорит правду, то он действительно способен рассказать Геду об этой Тени и назвать ее имя, тем самым дав ему власть над ней. Но даже если все это так, даже если он говорит правду, то делает это лишь только в своих собственных интересах.

— Не часто, — проговорил наконец Гед, — драконы предлагают человеку свои услуги.

— Зато кошка почти всегда играет с мышью, — сказал дракон, — прежде чем съесть ее.

— Но я явился сюда вовсе не за тем, чтобы играть с тобой в кошки-мышки, дракон. Я пришел, чтобы заключить с тобой сделку.

Острый как меч, но, по крайней мере, раз в пять длиннее самого длинного из мечей хвост дракона метнулся, словно ядовитое жало гигантского скорпиона, над чешуйчатой спиной ящера, над башнями города. Сухо прошелестел его голос:

— Я не заключаю сделок ни с кем. Я просто беру то,

что мне нужно. Что ты можешь предложить мне из того, что я не смог бы взять сам?

— Безопасность. Твою безопасность. Поклянись, что никогда не станешь летать над островами, лежащими к востоку от Пендора, и в ответ я дам тебе клятву, что никогда не причиню тебе никакого зла.

Жуткий звук, похожий на шум далекого горного обвала, вырвался из глотки дракона. Пламя заплясало в его пасти и на конце похожего на трезубец языка. Он распрямился во весь рост, громоздясь над руинами городских башен.

— Ты осмеливаешься предлагать это мне? Ты мне угрожаешь? Чем же это?

— Твоим именем, Йевод!

Голос Геда чуть дрогнул, когда он произносил это имя, но он выговорил его громко и ясно. И Старый Дракон застыл, словно каменное изваяние. Прошла минута, другая, и Гед, по-прежнему стоявший в своей жалкой, раскачивающейся на волнах скорлупке, широко улыбнулся. Он играл в опаснейшую игру, поставив на кон собственную жизнь против всего лишь догадки, не слишком точной информации, выуженной из старинных преданий о жизни драконов, которые он столь внимательно изучал на острове Рок. Еще тогда Гед предположил, что это, возможно, и есть тот самый дракон, что испоганил западное побережье острова Осскил во времена прекрасной Эльфарран и Морреда, а потом был изгнан с Осскила неким волшебником по имени Эльт, великим знатоком подлинных имен. И эта догадка оказалась верной!

— Мы с тобой равны, Йевод. Ты владеешь могучей силой, а я — твоим именем. Так станешь заключать со мной сделку?

Но дракон медлил с ответом.

Многие годы этот дракон властвовал на острове, где всюду среди побелевших костей и поломанных доспехов валялись покрытые пылью золотые нагрудные пластины, украшенные изумрудами; здесь он любовался играми своих сыновей, похожих на больших черных ящериц; здесь его дети учились летать, прыгая с полуразрушенных башен и утесов вниз; здесь он подолгу спал на солнце, и сон его не тревожил ни звук человечьего голоса, ни парус в морской дали. Он был уже очень стар, и тяжело было отряхнуть

груз лет и встретиться лицом к лицу с этим молодым волшебником, его хрупким противником, чей волшебный посох заставил Йевода, Старого Дракона, содрогнуться от страха.

— В моей сокровищнице ты можешь выбрать любые девять камней, — прошипел он наконец, испуская клубы дыма. — Самые лучшие. Так что воспользуйся этой удачей. Потом уходи!

— Мне не нужны твои камни, Йевод.

— Куда же подевалась людская алчность? В прежние времена на севере люди очень любили блестящие камушки... Но я знаю, что тебе действительно нужно, волшебник. Я ведь тоже могу обеспечить тебе безопасность, ибо знаю единственное средство, которое могло бы спасти тебя. За тобой по пятам следует Ужас. Я назову тебе его имя.

У Геда екнуло сердце, и он стиснул свой посох, застыв в неподвижности, как и дракон. Мгновение он боролся с неожиданно возникшей надеждой на спасение.

Но он заключал сделку с драконом не ради собственной жизни. Только один-единственный раз мог он одержать верх над этим чудовищем. И он подавил страстное желание спасти себя, сделав то, что должен был сделать.

— Я не об этом прошу тебя, Йевод.

Произнося имя дракона, он чувствовал, что как бы держит это огромное существо на крепком тонком поводке, петлей стянувшем чудовищу шею. В неподвижном, устремленном на Геда взгляде дракона сосредоточилось, казалось, все древнее зло и бесконечно глубокое понимание людской натуры; Гед видел чудовищные стальные когти, каждый длиной с руку мужчины, твердую как камень чешую и языки пламени, пляшущие в полуоткрытой пасти. Но тонкий поводок вокруг шеи исполина стягивал ее все теснее и теснее. И Гед потребовал снова:

— Йевод! Поклянись именем своим, что ни ты, ни твои сыновья никогда не появитесь больше близ островов Архипелага.

Внезапно выдохнув целый сноп пламени и искр, дракон проревел:

— Клянусь! Клянусь своим именем!

Воцарилась полная тишина, и Йевод склонил огромную свою голову.

Когда же он снова поднял ее и глянул в морскую даль,

волшебника уже не было; парус его суденышка белым лоскутком летел по волнам куда-то к востоку, к богатым сокровищами островам Внутреннего Моря. И тогда в гневе Старый Дракон Пендора поднялся и тяжестью своей сокрушил ближайшую башню до основания и огромными крыльями разметал ее обломки по всей округе. Но данная клятва связывала его, он остался на острове и никогда не летал больше в сторону Архипелага.

6

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

Едва остров Пендор скрылся из вида, Гед, все время смотревший на восток, снова ощутил, как страх закрался ему в сердце: страх перед Тенью. Опасность, которую представлял собой дракон, была совершенно ясной, очевидной; теперь же возвращался тот прежний, безнадежный и бесформенный ужас, и плыть навстречу этой неведомой опасности оказалось очень трудно. Гед остановил волшебный ветерок и поплыл дальше, подгоняемый лишь обычным ветром, не спеша: спешить ему больше не хотелось. К тому же он не совсем ясно представлял, что делать дальше. Он должен бежать — так сказал дракон; но куда? На остров Рок, подумал он; там, по крайней мере, он окажется под защитой и всегда сможет воспользоваться советом Мудрых.

Однако сначала все равно нужно было попасть в Лоу-Торнинг и рассказать островитянам о сделке с драконом. Едва пролетел слух, что волшебник вернулся — на пятый день своего отсутствия! — по крайней мере половина жителей Лоу-Торнинга и соседних островов явилась, кто пешком, кто на веслах, к его дому. Люди окружили Геда, жадно глядели на него и, раскрыв рот, слушали. Он честно рассказал, как было дело, и тут же послышался чей-то голос:

— А кто это видел? Всех этих убитых и заколдованных драконов? Чудеса да и только! А что, если он...

— Умолкни! — грубо оборвал сомневавшегося вождь общины, который, как, впрочем, и большинство остро-

витян, знал, что волшебники, конечно, обладают особой манерой рассказывать истории, они могут и не говорить порой всей правды, держа ее при себе, но если уж волшебник сам о чем-то рассказывает, то так оно точно и было. И в этом суть его мастерства. А потому островитяне подивились, порасспрашивали и вскоре почувствовали, что страх перед драконами с Пендора улетучивается, исчезает, и радость охватила их души. Они толпились вокруг своего молодого волшебника и без конца просили его снова и снова рассказывать обо всем. С каждым часом людей становилось все больше, и каждый хотел услышать историю о драконе из собственных уст Геда. Впрочем, к вечеру соседи знали ее лучше него самого. Уже и местные певцы подобрали подходящую старинную мелодию и вовсю распевали «Песнь о Ястребе». Костры разожгли не только на островах Лоу-Торнинга, но и на более далеких, расположенных к югу и востоку от него. Рыбаки громко перекликались на своих лодках, передавая друг другу радостную весть, которая птицей перелетала с островка на островок: зло побеждено, драконы из Пендора не прилетят сюда никогда!

Эта ночь, единственная за последнее время, принесла Геду радость. Ни одна тень не смогла бы подобраться к нему при свете всех этих факелов и костров, которые в честь праздника сияли на каждом холме, на каждом пляже; хоровод смеющихся танцоров постоянно окружал Геда, ему пели хвалебные песни, в воздухе туманной осенней ночи раскачивались факелы, разрезая тьму яркими лучами, как ни старался ветер погасить их.

На следующий день Гед повстречался с Печварри, который сказал:

— Я и не знал, что ты так силен, господин мой.

И в голосе его звучал страх — ведь когда-то он осмеливался считать Геда своим другом, но слышен в нем был и упрек: Гед не смог спасти от смерти маленького мальчика, хоть и сумел победить драконов. После слов Печварри стыд и нетерпение вновь ожили в душе Геда; только в первый раз чувства эти погнали его к Пендору, а теперь из-за них ему приходилось покидать Лоу-Торнинг. И хотя островитяне с радостью оставили бы его у себя навсегда — они по-прежнему неустанно прославляли его и буквально носили на руках, — Гед на следующий же день

покинул домик на холме, не взяв с собой ничего, кроме книг и посоха; отак, как всегда, сидел у него на плече.

Геда повезли из Лоу-Торнинга двое молодых парней, которые, сидя на веслах, очень гордились столь важной миссией. Они плыли меж судов, толпящихся в узких проливах, под самыми балконами и эркерами домов, нависших прямо над водой, мимо причалов Неша, влажных пастбищ Дромгана, мимо дурно пахнущих маслодавилен Гита — и всюду слава о подвиге молодого волшебника летела впереди него. Всюду люди насвистывали «Песнь о Ястребе», стоило лодке Геда показаться вблизи; всюду Геда упрашивали погостить хотя бы ночку и рассказать о битве с драконом. Когда же наконец они добрались до Серда, капитан корабля, которого Гед попросил довезти его до Рока, лишь поклонился в ответ и сказал:

— Это великая честь для меня и моей команды, господин волшебник!

Итак, Гед покинул Девяносто Островов, но едва корабль вышел из гавани Серда и поднял паруса, как с востока налетел сильнейший ветер, не дававший судну двигаться вперед. Это было очень странно: холодное ясное небо, казалось, не предвещало бури. От Серда до Рока было всего несколько часов пути, так что судно продолжало плыть, несмотря на то что ветер усилился. Как и большинство торговых судов Внутреннего Моря, корабль этот имел один большой косой парус, который легко было повернуть, чтобы поймать нужный ветер, а капитан, бывалый моряк, не без оснований гордился своим искусством. Так что, меняя галс то к югу, то к северу, они все же продвигались к востоку. Встречный ветер принес тучи, дождь, разразилась настоящая буря, и возникла опасность, что корабль вот-вот опрокинется.

— Господин Ястреб, — сказал шкипер молодому волшебнику, стоявшему рядом, как и подобает почетному гостю — хотя какие уж тут почести: ливень промочил всех до нитки и люди выглядели жалкими в облепившей их одежде, — господин Ястреб, не могли бы вы сказать словечко этому ветерку?

— Как близко мы теперь от Рока?

— Осталось меньше половины пути. Но за этот час мы вовсе не сдвинулись с места.

Гед произнес заклятье, ветер стал дуть потише, и ка-

кое-то время судно довольно хорошо шло на восток. Потом вдруг откуда-то с юга со свистом принеслись новые сильные ветры, и корабль опять стало сносить к западу. Облака кипели и клубились в небе; в гневе капитан проревел:

— Этот чертов ветер дует сразу со всех сторон! Только волшебство сможет помочь нам в такой шторм, господин мой.

Гед был мрачен, он не очень-то верил, что заклятье поможет, но корабль и команда оказались в опасности из-за него, а потому он все-таки поднял свой посох и коснулся им паруса. И тут же корабль, рассекая волны, понесся прямо на восток, а шкипер мгновенно повеселел. Но понемногу, хоть Гед и не снимал заклятия, волшебный ветер начал терять свою силу, потом и вовсе ослабел, и корабль, на мгновение застыв в неподвижности, сник совсем, паруса его обвисли, а беснующиеся волны швыряли судно, как скорлупку. Потом загрохотал гром, сверкнула молния, корабль завертелся, подпрыгнул, словно испуганная кошка, и лег носом на север.

Гед что было силы уперся плечом в мачту, которая почти завалилась набок, и прокричал:

— Поворачивай к Серду, шкипер!

Шкипер пожал плечами и прокричал в ответ:

— Ни за что! У меня на борту могущественный волшебник, а я сам — лучший здешний моряк, да и корабль этот прочнее любого из многих — и чтобы мне повернуть назад?!

Но, когда судно вновь повернулось вокруг своей оси, словно килем попав в водоворот, а самому шкиперу пришлось ухватиться за ахтерштевень, чтобы не смыло за борт, Гед повторил:

— Оставь меня в Серде, капитан, и плыви куда хочешь. Это не просто буря, с которой твой корабль справился бы шутя. Этот ветер выпущен против меня.

— Против тебя, одного из волшебников Школы?

— А ты, капитан, разве никогда не слыхал о Ветре Рока?

— О да, слышал; он не пускает злые силы на Остров Мудрых. Но какое это имеет отношение к тебе, Повелитель Драконов?

— Дело тут не во мне, а в моей Тени, — кратко и непонятно ответил Гед, как и подобает волшебнику; и больше не прибавил ни слова.

Все то время, что они на большой скорости с надутыми парусами под ясным небом мчались по морю к порту Серд, Гед молчал. Тяжело было у него на душе, страх леденил сердце, когда он побрел вверх по улочкам Серда прочь от гавани. Приближалась зима, дни становились короче, и скоро сгустились сумерки. С наступлением темноты постоянная тревога Геда возросла, как всегда; теперь ему казалось, что каждый поворот таит угрозу, и он лишь усилием воли заставлял себя не оглядываться каждую минуту, словно опасаясь, что кто-то неожиданно нападет на него сзади. Вскоре он вошел в гостиницу, принадлежавшую морской общине Серда, где за одним столом и почти бесплатно с удовольствием пировали путешественники и купцы, которые могли потом и переночевать все вместе в том же длинном зале с балками под потолком. Такие гостиницы есть на всех процветающих островах Внутреннего Моря.

За обедом Гед отложил кусочек мяса для отака, а потом, сидя у камина, вытащил зверька из складок своего капюшона, где тот прятался весь день, и попытался накормить его, поглаживая по спинке и нашептывая:

— Хёг, Хёг, малыш ты мой бессловесный...

Но зверек есть не стал и снова забрался в карман Геда — спрятался. Его поведение и ощущение тупого страха при одном только виде черной тьмы, сгустившейся по углам огромной комнаты, говорили Геду, что ужасная Тень совсем близко.

Никто здесь его не знал: все гости приплыли с других островов и еще не слышали «Песни о Ястребе». Ни один из них с Гедом даже не заговорил. Он выбрал себе местечко, улегся, но глаз не сомкнул всю ночь. Глядя на балки над головой и слушая дыхание незнакомых спящих людей, он пытался определить свой дальнейший путь, решить, куда идти теперь и что предпринять, но тут же отбрасывал любой вариант, любой план, словно приговоренный к нерешительности. Страшная Тень, казалось, поджидала его на любом из всех возможных путей. Только Рок был от нее свободен, но на Рок попасть он не мог: ему мешали высшие, древнейшие заклятья, что хранили

остров от злых сил. И раз Ветер Рока поднялся против него, значит, Тень совсем рядом.

Тварь эта не имела тела, не могла видеть солнечный свет и явилась из царства Тьмы, где нет ни солнца, ни времени, ни направления. И вот она тащилась за Гедом сквозь череду дней, через все моря нашего солнечного мира, но увидеть ее можно было лишь во сне или во тьме. До поры до времени она лишена была плоти или, по крайней мере, оболочки, видимой при свете солнца; ведь почти так и говорится в «Подвиге Хоуда»:

Небо светлеет. Кончается ночь,
Из тени выходит земля,
Виденья снов уносятся прочь
В обитель Тьмы короля...

Но, если Тени удастся проникнуть в Геда, она вытянет из него все силы, отберет плоть, теплое и живое его тело, и лишит воли — главного, чем он жив пока.

Вот что в итоге сулила Геду судьба, и он понимал: существует множество хитрых уловок, чтобы отправить его навстречу смертельной опасности, ведь Тень каждый раз, приблизившись к нему, становилась сильнее, и, вполне возможно, она и сейчас уже достаточно сильна, чтобы использовать в своих целях злые силы или злых людей; она могла, например, дать Геду ложный знак в пути или заговорить с ним голосом кого-то из незнакомцев. Он ясно ощущал сейчас, что в ком-то из этих людей, спящих в обширном зале с балками под потолком, таится, найдя убежище в чьей-то подлой душонке и выжидая, темная тварь, которая наблюдает за Гедом и по-прежнему питает свои силы его слабостью, его неуверенностью, его страхом.

Вынести это было невозможно. Он должен довериться судьбе, и пусть она ведет его сама. С первыми же холодными проблесками зари Гед поднялся и пошел под блекнувшими в небесах звездами к гавани, решив сесть на первый попавшийся корабль, который согласится взять его на борт. Какая-то галера у причала грузила на борт бочки с рыбьим жиром. Она отплывала с восходом в главный порт Хавнора. Гед попросил шкипера взять его пассажиром. Посох волшебника обычно служит на судах и пропуском и платой. Геда взяли охотно, и уже через час корабль вышел из гавани. Юноша приободрился, увидев,

как сорок мощных весел разом поднялись в воздух и зарокотал барабан, задавая гребцам бодрый ритм.

И все же он пока совершенно не представлял себе, что будет делать в Хавноре и куда направится дальше. Можно дальше, на север — не все ли равно? Тем более что он сам северянин. Может, отыщется корабль, который довезет его от Хавнора до Гонта; тогда ему, возможно, снова удастся увидеть Огиона. Или лучше найти корабль, плывущий в Дальние Пределы, где Тень потеряет его след и прекратит преследование. Кроме этих, весьма смутных идей, у Геда не было никакого конкретного плана, и ни одного пути, ведущего к ясной цели, он перед собой не видел. Пока он должен лишь бежать, спасаться...

На второй день пути благодаря сорока мощным веслам они еще до заката вошли в холодные воды гавани порта Оррими, что на восточном берегу острова Хоск. Торговые галеры во Внутреннем Море предпочитают каботажное плавание и на ночь стараются по возможности укрыться в каком-нибудь порту. Гед сошел на берег, потому что было еще совсем светло, и побрел наобум по крутым улочкам портового городка, погруженный в свои мысли.

Оррими — город старый; прочные его здания из камня обнесены высокими стенами — на случай нападения не признающих законов диких племен центральной части острова Хоск; пакгаузы в порту напоминают крепости, а дома купцов, украшенные башнями, прячутся за каменными оградами. И все же Геду, бродившему в тот вечер по улицам, все эти могучие укрепления казались чем-то призрачным, бесплотным, скрывавшим лишь черную пустоту; а прохожие, спешившие по своим делам, представлялись не настоящими людьми, а немыми тенями. На закате он снова вернулся в порт, и даже там, в широкой полосе солнечного света на вечернем ветру море и земля показались ему одинаково мрачными и молчаливыми.

— Куда спешите, господин волшебник?

Кто-то неожиданно окликнул его из-за спины. Обернувшись, он увидел мужчину, одетого в серое, с тяжелым деревянным посохом, но только не волшебным. Лицо незнакомца было скрыто капюшоном плаща, и красные лучи закатного солнца на него не попадали, но Гед почувствовал, что невидимые глаза прямо-таки впились в

него. Отшатнувшись, он поднял руку, и его волшебный посох оказался между ним и незнакомцем. Тот вкрадчиво спросил:

— Вы чего-то боитесь?

— Того, что вечно следует за мной по пятам.

— Ах так? Но я же не ваша тень.

Гед стоял молча. Он понимал, что этот человек, кто бы он ни был, вовсе не то, чего он боится: он был вполне живой и не походил ни на Тень, ни на оборотня. Вокруг царила какая-то странная, колючая тишина, вечер окутал все загадочной дымкой, но голос незнакомца звучал вполне по-человечески, а под плащом явственно ощущалось довольно-таки плотное тело. Теперь он откинул капюшон и обнажил странно приплюснутую, лысую голову. Лицо его было покрыто морщинами, выглядел он стариком, хотя по голосу об этом трудно было бы догадаться.

— Я вас не знаю, — сказал человек в сером, — но все же думаю, что встреча наша не случайна. Мне приходилось слышать историю о юноше, покрытом шрамами, который пробился сквозь Тьму и стал великим властелином, чуть ли не королем. Не знаю, имеет ли эта история отношение к вам. Но вот что я вам скажу: ступайте ко двору Терренона, если вам нужна шпага для поединка с Тенью. Волшебного посоха для такого поединка недостаточно.

Надежда и недоверие боролись в душе Геда, порожденные этими словами. Постигший мудрость подлинного волшебства скоро начинает понимать, что лишь очень и очень немногие из его встреч действительно назначены судьбой, злой или доброй.

— А в каких краях находится дворец Терренона?

— На острове Осскил.

Слово «Терренон» на мгновение вызвало в памяти Геда яркую картину: черный ворон на зеленой траве, искоса поглядывающий на него блестящими, как самоцветы, глазами и говорящий странные слова; однако слова те забылись.

— Остров этот, кажется, пользуется дурной славой, — сказал Гед, не сводя глаз с человека в сером и пытаясь определить, кто же он такой. Что-то в нем было от колдуна, даже от волшебника; и в то же время, хотя речь его и была исполнена достоинства, в его облике проскальзывало нечто жалкое, какая-то униженность чувствовалась в нем, и взгляд его походил на взгляд больного, или узника, или раба.

— Вы же с Рока, господин мой, — ответил он Геду. — Волшебники с Рока считают, что иное, чем у них, волшебство всегда дурно.

— Но что вы за человек?

— Просто путешественник, торговый агент из Осскила; здесь я по делу, — сказал человек в сером.

Гед решил прекратить свои расспросы, и старик, смиренно пожелав ему спокойной ночи, двинулся по узенькой извилистой улочке вверх, прочь от порта.

Гед вернулся к причалам, не решив еще, стоит ли ему принимать во внимание советы незнакомца, и посмотрел на север. Красный отсвет заката быстро меркнул, исчезая с холмов, окружающих гавань, и с поверхности неспокойного моря. Спустились серые сумерки, за ними по пятам пришла ночь.

Внезапно решившись, Гед торопливо подошел к какому-то рыбаку, укладывавшему свои сети в плоскодонку, и окликнул его:

— Не знаешь ли, идет сегодня какой-нибудь корабль к северу — на Семел или на Энлад?

— Вон тот длинный корабль из Осскила; он, наверно, остановится на Энладе.

Гед, по-прежнему торопливо, направился к указанному судну — шестидесятивесельному, длинному, как змея, с высоким, украшенным резьбой и мозаикой из раковин лото носом, с красными уключинами для весел; на каждом его борту черной краской была написана руна Сифл. Судно выглядело на редкость мрачно, но казалось быстрым и было полностью готово к отплытию. Вся команда была на борту. Гед отыскал капитана и попросил взять его пассажиром до Осскила.

— Заплатить можешь?

— Я умею заклинать ветер и еще кое-что...

— Это я и сам умею. А что, больше тебе заплатить нечем? Ни гроша, что ли?

В Лоу-Торнинге островитяне заплатили Геду, как смогли, — пластинками из слоновой кости, которые используются на Архипелаге в качестве денег; он ни за что не хотел брать больше десяти, хотя они настаивали, что-

бы он взял больше. Гед предложил слоновую кость шкиперу, но тот только головой покачал.

— Нет, это у нас за деньги не считают. Так что если тебе платить нечем, то у меня на борту для тебя места нет.

— Может, нужен гребец? Я служил когда-то на галере.

— Да, у нас двоих не хватает. Что ж, раз так, занимай свое место, — согласился шкипер и перестал обращать на Геда внимание.

Итак, сунув свой посох и сумку с книгами под скамью, Гед на десять тяжких дней превратился в гребца на осскильской галере. С рассветом они вышли из Оррими, и весь первый день Гед думал только о том, как бы справиться с веслом. Левая рука у него двигалась не очень хорошо, изуродованная старыми шрамами, а его умение ловко орудовать легкими веслами, плавая по бесчисленным проливам Лоу-Торнинга, для галеры годилось мало, не хватало и тренировки, приходилось без конца налегать, налегать и налегать на длинное весло под неумолчный рокот барабана. Смена гребцов происходила каждые два-три часа, но передышки хватало Геду лишь для того, чтобы все его мускулы окончательно задеревенели; тут как раз приходило время возвращаться к веслу. На второй день стало еще хуже; но потом он как-то притерпелся, и дело пошло на лад.

Между членами этой команды не было той теплоты, как на борту «Тени», которая впервые привезла его с Гонта на остров Рок. Моряки с Андрадских островов и с Гонта являются еще и торговыми партнерами, тогда как торговцы с Осскила на своих судах используют либо рабов, либо наемных гребцов, которым платят маленькими золотыми монетками. Золото очень ценится на Осскиле. Но отнюдь не служит источником добрых отношений между людьми, как, впрочем, и между драконами, которые тоже очень любят золото. Поскольку половина гребцов на этом судне были рабы, трудившиеся даром, то офицеры превращались скорее в надсмотрщиков, причем довольно жестоких. Никогда, разумеется, кнут их не касался спин тех гребцов, что работали за плату или за проезд; но о какой дружбе могла идти речь, если твоего соседа постоянно могут избивать кнутом? Напарники Геда и между собой-то говорили мало, а с ним — еще меньше. Все они в основном были с Осскила и говорили не на ар-

дическом языке Архипелага, а на одном из северных диалектов. Это были люди суровые, светлокожие, с черными длинными усами и гладкими прямыми волосами. Геда они прозвали между собой Келуб, что означало «краснолицый», но особого уважения к нему не выказывали, скорее — какую-то осторожную недоброжелательность. Да и Геду тоже что-то не хотелось заводить среди них друзей. Даже в общем могучем ритме гребли, будучи одним из таких же шести десятков гребцов, он на этом судне, мчащемся по серым водам океана, чувствовал себя беззащитным изгоем. Когда судно останавливалось на ночлег в очередном порту, он, усталый, заворачивался в свой плащ и засыпал, но без конца просыпался: его мучили дурные сны, которых он не мог припомнить проснувшись. Беспокойство, казалось, висело над этим кораблем и его командой, опутав его словно паутиной, и ни одному человеку на судне Гед не доверял.

Все гребцы, свободные граждане Осскила, носили на бедре длинный нож, и однажды, когда их смена гребцов сошлась за полуденной трапезой, один из напарников спросил Геда:

— Ты что же, раб или клятвопреступник, Келуб?

— Ни то, ни другое.

— Тогда чего ж ты без ножа? Драться боишься? — продолжал, усмехаясь, этот человек по имени Скиорх.

— Нет.

— Думаешь, твоя собачонка за тебя заступится?

— Это отак, — заметил другой гребец, прислушивавшийся к ехидным вопросам Скиорха, и что-то еще прибавил по-осскильски, от чего Скиорх нахмурился и отвернулся. Но, прежде чем он успел отвернуться, Гед заметил, как странно вдруг изменилось его лицо: оно будто вдруг расплылось, черты его смазались, словно что-то подействовало на него изнутри, украдкой выглянуло из его глаз, чтобы увидеть Геда. Однако уже через минуту Скиорх снова выглядел как обычно, и Гед, специально посмотревший на него еще раз, решил, что все это — лишь его собственный страх, отразившийся в чужих глазах. Но в ту ночь, когда они бросили якорь в порту Исен, его мучили страшные сны, и во снах к нему приходил Скиорх. Гед при любой возможности стал избегать встреч с ним, и

ему показалось, что Скиорх тоже его избегает. Больше они не сказали друг другу ни слова.

Проплыли мимо и скрылись за горизонтом снежные вершины гор Хавнора; они остались южнее, окутанные туманами приближающейся зимы. Потом на веслах они прошли по узкому проливу, ведущему в море Эа, где некогда утонула Эльфарран, миновали остров Энлад и два дня простояли на рейде близ города Берила — воспетой в легендах белоснежной столицы острова Энлад. Во всех портах, куда бы они ни заходили, команду держали на борту и на берег никого не пускали. Наконец, освещенные лучами утренней зари, они вышли на веслах в Осскильское море, навстречу северо-западным ветрам, которые вольно дули здесь, не встречая препятствий, из пустынного Северного Предела. И за два дня пройдя это жестокое море, они в сохранности доставили свой груз в порт Нешам, торговый центр Восточного Осскила.

Гед увидел низкий берег, иссеченный дождем и ветром, серый город, будто скорчившийся за длинными волноломами, защищавшими пристань, а над городом — безлесые вершины и мрачные снеговые тучи. Далеко позади остались пронизанные солнцем воды Внутреннего Моря.

Портовые грузчики поднялись на борт, чтобы освободить трюмы от дорогих товаров — изделий из золота и серебра, драгоценных камней, тончайших шелков и ярких южных гобеленов, до которых столь охочи правители Осскила. Наемные гребцы получили расчет и собирались уходить. Гед остановил одного из них, чтобы узнать, как найти Терренон; до сих пор недоверие удерживало его от рассказов, кто он, откуда и что ищет на Осскиле, но теперь он оказался один в совершенно чужом краю, и нужно было хотя бы спросить дорогу. Человек, которого он остановил, отмахнулся, говоря, что понятия не имеет о таком замке, и ушел, но Скиорх, слышавший их разговор, вдруг вмешался:

— Замок Терренон? Это на вересковой пустоши. Мне как раз в ту сторону.

Такого попутчика Гед никогда бы не выбрал, однако делать было нечего: сам он не знал ни языка, ни дороги. «К тому же, — подумал он, — все мои предосторожности тщетны: я ведь и сюда дороги не выбирал. Сюда меня

приплыть *заставили*, как теперь заставляют идти дальше». Он накинул капюшон, взял в руку посох, в другую — сумку с книгами и двинулся следом за осскильцем по улицам города и дальше, куда-то в горы, покрытые снегом. Маленький отак не пожелал ехать на плече, а спрятался в кармане его куртки из овечьего меха, под плащом, как обычно делал, когда наступали холода. Холмы перемежались открытыми всем ветрам бескрайними вересковыми пустошами. Скиорх и Гед шли молча, словно зима все вокруг сковала заклятьем тишины.

— Далеко нам? — спросил Гед через час-полтора, когда вокруг давно уже не осталось ни одного деревенского селения, ни одной уединенной фермы, и вдруг вспомнил, что у них с собой совсем нет еды. Скиорх на минутку повернулся к нему, поправил капюшон и сказал:

— Нет, недалеко.

Лицо его было ужасно — бледное, жестокое, грубое, — но Гед не боялся никого из людей, хотя мог бы, наверно, испугаться того, куда человек с таким вот лицом может его завести. Он согласно кивнул, и они пошли дальше. Дорога казалась шрамом на покрытой первым снегом поверхности земли, среди голых кустов. Иногда в сторону отходили другие тропки. Теперь, когда в воздухе больше не чувствовалось запаха дыма от каминов Нешама, в сгущающихся ранних сумерках, казалось, не было больше ни единого знака, указывающего какой-либо путь, а следы их уже успели скрыться под снежной пеленой. Ветер неизменно дул с востока. Они провели в пути уже несколько часов, и Геду показалось, что вдали, за холмами на северо-западе, на фоне темного неба мелькнула тонкая светлая черточка, нечто похожее на маленький зуб. Но свет короткого дня стремительно угасал, и на следующем витке дороги он не смог получше рассмотреть эту светлую черточку — башню или дерево?

— Мы идем вон туда? — спросил он, указывая пальцем.

Скиорх ничего не ответил, но продолжал брести тяжелой походкой, закутавшись в свой грубый плащ с островерхим, отороченным мехом капюшоном, какие носят на Осскиле. Гед размашистой походкой поспевал следом. Они зашли очень далеко, Гед совсем отупел после долгого плавания, тяжких дней и ночей, проведенных на судне, и сейчас буквально спал на ходу. Ему начинало ка-

заться, что он всю жизнь бредет и будет вот так брести рядом со своим молчаливым спутником через погруженную в молчание сумеречную страну. Настороженность и воля притупились в нем. Он шел, словно в бесконечно долгом сне, шел никуда.

Отак проснулся и завозился у него в кармане, и вместе с ним проснулся слабый неясный страх в душе Геда. Юноша заставил себя выговорить:

— Ночь приближается, снег идет. Далеко еще, Скиорх?

Тот даже не обернулся и ответил не сразу:

— Недалеко.

Но голос его звучал странно — не как голос человека, а будто зверь хрипло пытается что-то выговорить неумелой пастью.

Гед остановился. Вокруг расстилались пустые, окутанные сумраком холмы. Перепархивали редкие снежинки.

— Скиорх! — позвал Гед, тот остановился и обернулся. Под островерхим капюшоном лица не было.

Прежде чем Гед успел произнести заклятье Превращения или призвать на помощь иную магическую силу, оборотень невнятно проскрипел его имя:

— Гед.

Теперь не подействовало бы ни одно заклятье: Гед был заперт собственным именем в своем настоящем обличье. Теперь ему предстояло биться с врагом без всякой магической защиты. И никого из волшебников он тоже не мог призвать: в этом чужом краю вряд ли кто-нибудь пришел бы к нему на помощь. Он стоял один перед смертельным врагом, и единственным оружием его был тисовый посох, зажатый в правой руке.

Тварь, пожравшая душу Скиорха и его плоть, использовала лишь его оболочку. Скиорх-оборотень шагнул к Геду, и руки его, будто руки слепого, ощупью потянулись к нему. Ярость и ужас затмили сознание Геда, он с размаху опустил посох, просвистевший в воздухе, на капюшон, под которым скрывался лик твари. Капюшон и плащ бессильно свалились на землю, словно внутри была пустота, ничто, потом, странно извиваясь и хлопая, снова распрямились и встали во весь рост бывшего Скиорха. Тело оборотня лишено подлинной плоти и использует, словно призрачную скорлупу, форму человеческого тела, и эта

нереальная плоть облекает вполне реальное зло. Подергиваясь и извиваясь, словно под порывами ветра, Тень, простирая руки, приблизилась к Геду и попыталась схватить его, как это было тогда, на Холме Рок: если бы это ей удалось, она покинула бы тело Скиорха и проникла бы внутрь Геда, захватила бы его душу и стала бы повелевать им — таково было ее главное желание. Гед снова ударил Тень своим тяжелым посохом, который уже дымился, сбил ее с ног, но она поднялась снова, и он снова ударил, а потом вдруг выронил посох — тот вспыхнул ярким пламенем и обжег ему руку. Гед отступил, потом вдруг резко повернулся и побежал.

Он бежал, и, наступая ему на пятки, за ним мчался оборотень; оборотень пока не мог обогнать свою жертву, но и не отставал ни на пядь. Гед не оглядывался. Он бежал, бежал, бежал по бесконечной сумеречной равнине, и спрятаться было негде. Еще раз оборотень хриплым свистящим голосом окликнул его по имени, но это, хоть и лишало Геда волшебной силы, не могло все же отнять у него силу физическую, не могло заставить его остановиться. И Гед бежал.

Ночная тьма окутала охотника и преследуемого, легкий снежок скрыл тропу, и Гед больше не мог различить ее. В голове у него молотом стучала кровь, горло горело, как обожженное, он, пожалуй, больше уже и не бежал, а, спотыкаясь на каждом шагу, брел вперед, но все же неутомимый преследователь, казалось, не в состоянии был схватить его, хотя почти касался его плеча. Он что-то шептал, бормотал, звал Геда по имени, и Гед понимал, что всю жизнь слышал этот шепот где-то там, у самого порога слышимости, но лишь теперь смог как следует расслышать его, и он должен, должен был завопить от ужаса, сдаться, остановиться... Но упрямо, хоть и с трудом, двигался вперед, боролся изо всех сил, брел и брел вверх по склону холма, бесконечному и едва различимому в темноте. Ему казалось, что где-то впереди должен быть свет и слышался голос, вроде бы звавший его с высоты: «Иди! Иди!»

Он хотел было откликнуться на зов, но голос у него пропал. Слабый свет стал ярче, он как бы просачивался из-под ворот прямо перед ним; стен он видеть не мог, зато ворота видел отчетливо. Гед остановился, и тут обо-

ротень ухватил его за плащ, скользя по нему руками, пытаясь покрепче обхватить его. Собрав последние силы, Гед рванулся в эти светящиеся ворота, хотел было обернуться и закрыть их перед оборотнем, но ноги уже не держали его. Он споткнулся, ища в воздухе опоры, какие-то огни вспыхнули и поплыли у него перед глазами. Он почувствовал, что падает, что кто-то подхватил его, но совершенно истерзанная душа его не выдержала, и он провалился в темноту.

7

ПОЛЕТ ЯСТРЕБА

Гед очнулся и в течение долгого времени чувствовал одну лишь радость: он все-таки остался жив. Еще очень приятно было снова увидеть свет, самый обычный яркий свет солнца, заливавший все вокруг. Ему казалось, что он плывет по волнам этого света, как на лодке по дивным тихим водам. Потом наконец он осознал, что лежит в роскошной постели, в какой ему еще ни разу в жизни не доводилось спать. Рама кровати покоилась на четырех резных высоких ножках, перины были огромные, шелковые, воздушные; именно они давали ощущение дивного плавания по спокойной воде; над постелью висел малиновый полог, защищавший от сквозняков. С двух сторон полог был приподнят, и Гед стал разглядывать незнакомую комнату с каменными стенами и полом, с тремя высокими окнами, за которыми виднелись вересковые пустоши, голые, бурые, покрытые пятнами снега и освещенные неярким зимним солнцем. Комната, должно быть, находилась высоко от земли, потому что вид из окон открывался широкий.

Пуховое одеяло из нежного сатина соскользнуло на пол, когда Гед сел, и тут он обнаружил, что одет в некое подобие туники из шелка и серебряной парчи, будто лорд. На стуле рядом с постелью для него были приготовлены сапоги из мягчайшей, словно перчатка, кожи и отороченный мехом пеллави плащ. Гед еще немножко посидел, тихо и тупо покачиваясь, как под воздействием неких

чар, потом встал и поискал свой посох. Но посоха нигде не было.

Вся ладонь и пальцы его правой руки были обожжены, рана смазана целебной мазью и перевязана. Только теперь он почувствовал боль от страшного ожога и ощутил, как ноет все его тело.

Некоторое время Гед стоял не двигаясь. Потом прошептал:

— Хёг... Хёг... — негромко, без особой надежды, потому что свирепый и преданный ему зверек тоже куда-то исчез. Маленькое бессловесное существо, верный друг, что некогда вернул его к жизни, позвав его душу из царства смерти.

Был ли отак, как всегда, с ним рядом, когда прошлой ночью они спасались бегством? Случилось ли это вчера или много ночей назад? Он ничего не знал. Все было темно и неясно в его душе: оборотень, горящий посох, бегство, невнятный шепот, ворота... Ничего не помнил он достаточно ясно. Ничто даже теперь не было понятно до конца. Гед еще раз прошептал настоящее имя своего любимца, но ответ услышать уже не надеялся, и на глазах его показались слезы.

Где-то далеко прозвонил маленький колокольчик. Ему нежно откликнулся другой, совсем рядом с его комнатой. Дверь у него за спиной отворилась, и вошла какая-то женщина.

— Ну, здравствуй, Ястребок! — сказала она с улыбкой.

Молодая и стройная, она была одета в белое с серебром платье; волосы, прижатые серебряной сеткой к голове, падали вдоль спины темным водопадом.

Гед неуклюже поклонился.

— Мне кажется, ты не помнишь меня.

— Не помню вас, госпожа?

Он никогда раньше не видел столь прекрасной женщины, да еще одетой так, чтобы красота ее засияла еще ярче. Разве что однажды, когда королева острова О со своим супругом приезжала к ним в Школу на праздник Солнцеворота. Только та была подобна яркому пламени свечи, а эта походила на холодный ясный свет месяца.

— Я так и думала, что ты меня не узнаешь, — сказала женщина и снова улыбнулась. — Но хоть ты и забывчив, здесь тебя рады видеть как старого друга.

— Где это здесь? Где я? — спросил Гед, все еще скованный в движениях и едва ворочая языком. Он чувствовал, что ему не только трудно говорить с ней, но трудно отвести от нее глаза. Княжеские одежды на нем были ему непривычны; каменные плиты, на которых он стоял, казали́сь чужими, враждебными, да и сам воздух вокруг — тоже: и он, Гед, тоже как бы не был самим собою — или тем, кем был прежде.

— Этот за́мок называется Терренон. Мой муж и повелитель, которого зовут Бендереск, правит этими землями — от вересковых пустошей Кексемта на севере до горного хребта Ос; в его доме также хранится самый драгоценный камень в мире по имени Терренон. Ну а меня здесь, на Осскиле, все зовут Серрет, что значит на их языке «серебро». А тебя, как я знаю, иногда называют Ястребом, и ты получил звание волшебника на Острове Мудрых.

Гед посмотрел на свою обожженную руку и, чуть помолчав, сказал:

— Не знаю, кто я теперь. Когда-то я действительно обладал магической силой. Но, наверно, утратил ее навсегда.

— Нет! Ты ее не утратил, а даже если это и так, то стократ обретешь ее здесь. Здесь ты в безопасности, ты недосягаем для того, что гналось за тобой, друг мой. У этого замка мощные стены, и сделаны они не только из камня. Здесь ты сможешь отдохнуть и набраться сил. А также обрести великое могущество и новый волшебный посох, который никогда не обратится в золу, обжигая твои ладони. Случается, что путь зла порой имеет и хороший конец. А теперь идем со мной, позволь мне показать тебе наши владения.

Она была так мила и нежна, что Гед едва слышал, что именно она говорит, до глубины души тронутый уже одним только обещанием покоя и счастья, которое звучало в ее голосе. Он последовал за хозяйкой замка.

Его комната и в самом деле находилась высоко над землей — в башне, что острым зубом торчала на вершине холма. Он шел за Серрет по мраморным лестницам, веером спускавшимся в богато убранные залы, мимо высоких окон, смотревших то на север, то на запад, то на юг, то на восток, — и повсюду замок окружали невысокие

коричневые холмы до самого горизонта, безлюдные, лишенные деревьев, неподвижные, сливающиеся вдали с блеклым зимним небом. Лишь далеко на севере виднелись на фоне синего неба остроконечные белые вершины гор, а на юге можно было угадать яркий блеск морской воды.

Слуги отворяли перед ними двери и отступали в сторону, пропуская свою госпожу и Геда; все они были белокожими суровыми уроженцами Осскила. У Серрет тоже кожа была светлой, но она, в отличие от слуг, хорошо знала ардический язык и даже, как показалось Геду, говорила на нем с гонтским акцентом. Вечером Серрет представила Геда своему мужу Бендереску, хозяину замка Терренон. Он был раза в три старше своей жены — старик с белоснежными седи́нами и печальными глазами, худой как щепка. Лорд Бендереск приветствовал Геда с мрачноватой холодной любезностью и просил его оставаться в замке так долго, как он пожелает. Оказалось, что говорить им в общем-то не о чем: Бендереск не спросил Геда ни о его путешествиях, ни о враге, что преследовал юношу до самых ворот замка; ничего об этом не спросила и Леди Серрет.

Если это и было странно, то лишь отчасти — столь странным и необычным было это место и те обстоятельства, при которых он попал сюда. Геду казалось, что сознание его так ни разу до конца и не прояснилось. Он словно не мог видеть вещи такими, какие они есть. Случайно оказался он в этом замке с мощными стенами, и все же случайность эта была, безусловно, предопределена. А может быть, это вовсе и не было случайностью. Так или иначе, но все линии его пути сошлись именно здесь. Он ведь направлялся куда-то на север, потом незнакомец в Оррими посоветовал ему искать помощи в замке Терренон; корабль из Осскила будто специально ожидал его, а Скиорх привел его прямо сюда. Что из этого было подстроено охотящейся за ним Тенью? А может быть, ничего? Может, он, как и его преследователь, был завлечен сюда некоей иной силой: Гед под воздействием ее чар, а Тень — за ним следом. Просто она при первой же возможности завладела душой Скиорха в своих собственных целях. Наверно, так оно и есть, ибо Тень, по словам Серрет, не смела войти в замок, и Гед не ощущал никаких

признаков ее тайного присутствия — с тех пор как очнулся в башне. Но тогда что же привело его сюда? Сюда вряд ли можно попасть случайно; даже его пока неповоротливый разум сознавал это. Ни один чужестранец не приближался к этим воротам. Башня стояла в стороне, повернувшись спиной к дороге, ведущей в Нешам, ближайший к замку город. Ни один человек не входил в замок, ни один не покидал его. За окнами Терренона расстилались безлюдные вересковые пустоши.

Из окон этих без конца смотрел Гед, оставшись в одиночестве. День проходил за днем, но в душе его по-прежнему царило смятение, сердце болело и он все время мерз. В башне всегда было холодно, несмотря на роскошные ковры и шпалеры, скрывающие камень пола и стен, несмотря на богатые одежды на меху, несмотря на отделанные мрамором камины. Этот вечный холод пробирал до костей, заползал в самую их сердцевину, и казалось, что спастись от него невозможно. А сердце Геда к тому же леденил неизбывный стыд, когда он вспоминал, как встретился с врагом лицом к лицу, был повержен и спасался бегством. Мысленно он встречался со всеми Мастерами Школы. Среди них были и хмурый Геншер, Верховный Маг Земноморья, и Неммерль, и Огион, и даже тетка-колдунья, что научила его первому заклинанию: все они неотрывно смотрели на Геда, и он понимал, что не оправдал их веры в него. Ему хотелось попросить у них прощения, воскликнуть: «Если бы я не убежал, Тень завладела бы мной: она ведь уже забрала всю силу у Скиорха и часть моей силы тоже — я не справился бы с ней. И она знала мое имя! Я был вынужден бежать. Ибо волшебник, ставший оборотнем, — ужасное орудие Зла и разрушения. Я был вынужден...» Но они не желали ему отвечать. Видение исчезало, и он вновь смотрел на падающий снег, мелкий и бесконечный, на пустынные земли за окном, ощущая отупляющий и все усиливающийся холод, пока ему не начинало казаться, что душа его мертва и никаких ощущений, кроме бесконечной усталости, в нем больше не осталось.

Подвергая себя бесконечному самоуничижению, он подолгу оставался один в своей комнате. А когда выходил оттуда, был молчалив и скован. Душу его смущала красота хозяйки замка; в этом богатом, изысканном, благонравном и чужом доме он чувствовал себя обыкновенным козлопасом, никогда не покидавшим родную деревню.

Он оставался в одиночестве, сколько и когда хотел, а если тяжкие мысли совсем уж одолевали его и он не мог больше смотреть на падающий снег за окном, то встречался с Серрет в одной из боковых комнат нижнего этажа башни, украшенных шпалерами, и они беседовали у горящего камина. Душе хозяйки замка, казалось, не хватало веселья, она никогда не смеялась, хотя улыбалась часто. От одной-единственной ее улыбки у Геда становилось легче на душе. С ней он начинал забывать и свою скованность, и свой позор. Вскоре они почти каждый день сходились для беседы — долгой, спокойной, ленивой — подальше от прислуги, вечно вертевшейся возле Серрет, у камина или у окна в одном из высоких залов старинной башни.

Лорд Бендереск бóльшую часть времени проводил в своих покоях, выходя лишь по утрам на прогулку по засыпанному снегом внутреннему двору замка, и был при этом похож на старого волшебника, который всю ночь напролет варил волшебный напиток. Когда он за ужином встречался с Гедом и Серрет, то сидел молча, посматривая на свою молодую жену тяжелым, алчным взглядом. И Геду становилось жаль ее. Она казалась ему белой козочкой в клетке, белой птицей с обрезанными крыльями, прикованной к обручальному серебряному кольцу на пальце старика. Она была украшением сокровищницы Бендереска — тщательно охраняемым. Когда Гед оставался с ней наедине, то всегда старался развеселить ее, развлечь, впрочем, как и она его.

— А каков он, тот драгоценный камень, что дал имя вашему замку? — спросил он ее как-то раз, когда они вдвоем остались за столом и сидели над пустыми уже тарелками из золота и пустыми золотыми кубками при неверном свете свечей.

— Ты разве никогда не слышал о нем? Это ведь очень знаменитый камень.

— Нет. Мне известно лишь, что лорды Осскила славятся своими сокровищницами.

— Ах, что все сокровища по сравнению с ним! Хочешь на него посмотреть?

Она улыбнулась, одновременно ободряюще и чуть на-

смешливо, словно сама чуточку боялась того, что предложила, и повела Геда из столовой по узким коридорам куда-то вниз, в подземелье, потом остановилась у запертой двери, которой он никогда раньше не замечал. Ее-то и отперла Серрет серебряным ключом, глядя на Геда снизу вверх с той же ободряющей улыбкой. За первой дверью был небольшой коридор, потом вторая дверь, которую она отперла уже золотым ключом; а за второй дверью — третья, которую могли отворить лишь слова Великого Заклятия. За этой последней дверью открылась маленькая комнатка, похожая на камеру в донжоне: пол, стены, потолок — все из грубого камня; никакой мебели; комната была совершенно пуста.

— Ты его видишь? — спросила Серрет.

Гед огляделся и в свете свечи своим острым глазом волшебника отметил один из камней в полу. Такая же грубая влажная плита, как и все, но он чувствовал исходящую от этого камня таинственную силу, которая как бы в голос заявляла о себе. Дыхание замерло у него в груди, он ощутил слабость. Это было само основание башни, главный камень ее фундамента, и он был холодный, мертвяще ледяной; в комнате тоже царил могильный холод, и ничто никогда не смогло бы согреть ее. Камень этот принадлежал к миру Древних Вещей: могущественная и ужасная сила, заключенная внутрь каменной глыбы. Гед не ответил Серрет — просто застыл в молчании, и она, бросив на него быстрый любопытный взгляд, указала на камень сама.

— Вот. Это Терренон. Тебе, наверно, интересно знать, зачем мы такую драгоценность храним в самом глубоком и дальнем подземелье?

Гед по-прежнему не отвечал, молчаливый и настороженный. Возможно, она задала этот вопрос нарочно, однако Геду все же казалось, что Серрет не очень-то хорошо осведомлена об истинной природе Камня, раз говорит о нем столь легкомысленным тоном: слишком мало знает о нем, чтобы его бояться.

— Скажи мне, в чем его сила? — спросил он наконец.

— Терренон появился на свет еще до того, как Сегой поднял острова Земноморья со дна морского. Он был рожден одновременно с нашим миром и умрет вместе с ним. Время для него — ничто. Возложи на него руку, задай любой вопрос — он ответит, но в соответствии с твоей собственной магической силой. Он может говорить — если сумеешь услышать. Он может рассказать о том, что было, есть и будет. Он предсказал твое появление здесь задолго до того, как ты попал на этот остров. Будешь сейчас что-нибудь спрашивать у него?

— Нет.

— Тебе он ответит.

— У меня пока нет такого вопроса, который хотелось бы задать ему.

— Он мог бы рассказать, — продолжала Серрет вкрадчиво, — как тебе одержать победу над врагом.

Гед стоял, будто проглотив язык.

— Ты боишься его? — недоверчиво спросила она.

Он ответил:

— Да.

В мертвенном хладе подземелья, отгороженного от мира каменными стенами и заклятьями, тускло светила единственная свеча в руке Серрет. Помолчав, она снова глянула на Геда, глаза ее сверкнули.

— Ястреб, — сказала она, — ты его не боишься!

— Но с этим духом я говорить не стану, — ответил Гед, глядя ей прямо в лицо. И продолжал с мрачной серьезностью:

— Госпожа моя, дух, что заключен в этом камне, заперт затворяющим заклятьем, и заклятьем ослепляющим, и волшебными силами замка, но это не потому, что ему нет цены, но потому, что он может служить источником великого зла. Не знаю, что тебе сказали о нем, когда ты приехала в этот замок. Но ты так молода и добра душой, ты никогда не должна не только касаться этого Камня, но даже смотреть на него. Ибо он опутает тебя злыми чарами.

— Но я возлагала на него руку и не раз говорила с ним и слышала его речь. Никакого зла он мне не причиняет.

Она повернулась, и они пошли назад, заперев за собой все три двери, по бесконечным коридорам наверх, где на широкой лестнице горели факелы, и она наконец смогла погасить свою свечу. Они тут же расстались, едва сказав друг другу несколько слов на прощание.

В ту ночь Гед почти не спал. Но отнюдь не мысли о Тени не давали ему покоя — они почти оставили его; их затмили воспоминания о том страшном Камне, что слу-

жит опорой замку Терренон. И еще Гед все время вспоминал обращенное к нему лицо Серрет, в свете свечи ясное и загадочное одновременно. Снова и снова чувствовал он на себе тот ее взгляд и пытался понять, что скрывалось за ним, когда он отказался дотронуться до Камня; чего в ее глазах было больше тогда — разочарования или боли. Когда Гед наконец лег в постель, шелковые простыни были холодны как лед; сон его был тревожен, он все время думал о Камне и о странном выражении глаз Серрет.

На следующий день он отыскал ее в полукруглом зале с серыми мраморными стенами, залитом лучами закатного солнца. Здесь она часто проводила послеобеденные часы, забавляясь со своими служанками или занятая плетением кружев. Гед сказал ей:

— Леди Серрет, я был дерзок с вами. Прошу простить меня.

— Дерзок? Нет, нисколько, — ответила она задумчиво и снова повторила: — Нет-нет...

Потом отослала служанок и, оставшись с ним наедине, посмотрела ему в лицо.

— Гость мой и друг, — сказала она, — ты видишь очень ясно, но все же недостаточно глубоко. На Гонте и Роке учат высокой магии. Но не всей. Здесь Осскил, Страна Ворона. Здесь не говорят на ардическом языке Архипелага, здесь маги не имеют особой власти, да они и маловато знают об Осскиле. Здесь встречаются вещи, неведомые мудрецам с южных островов, и некоторые из этих вещей не числятся ни в одном из списков слов Истинной Речи. Человек всегда страшится неведомого. Но тебе здесь бояться нечего. Более слабому — да, конечно. Но не тебе. В тебе от рождения заключена такая сила, которая способна управлять Камнем в потайном подземелье. Это я знаю. И именно поэтому ты находишься здесь.

— Я не понимаю...

— Это потому, что супруг мой Бендереск не был до конца откровенен с тобой. Я же буду откровенна. Подойди, сядь рядом.

Он присел рядом с ней на широкий, покрытый ковром подоконник. Закатное солнце светило теперь прямо в окно, заливая их своим лишенным тепла светом; внизу на вересковых пустошах — там, где вчерашний снег, ковром укрывший землю, так и не растаял, пролегли длинные тени.

Теперь она говорила почти нежно:

— Бендереск, лорд и хозяин замка Терренон, не может использовать то, что хранит в своем подземелье, не может заставить Камень исполнять его приказы. Не могу этого и я — ни одна, ни с мужем вместе. Ни у него, ни у меня нет для этого ни должного мастерства, ни могущества. У тебя есть и то и другое.

— Откуда тебе это известно?

— От самого Камня! Я же говорила: это он предупредил о твоем появлении. Он знает, кто его хозяин. Он давно ждал тебя. Еще до того, как ты родился. Ждал того, кто сможет повелевать им. Того, кто сможет заставить Камень Терренона отвечать на любые вопросы и выполнять все, что ему прикажут. Того, кто обладает властью над собственной судьбой, а это уже — достаточная сила, чтобы сокрушить любого врага, человека или существо из иного мира. Сила предвидения, могущество, богатство и волшебное мастерство с помощью Камня смогут подчинить даже самого Верховного Мага Земноморья! Спрашивай — много ли, мало ли захочешь узнать — все в руках твоих! Проси.

Снова она вскинула на него свои странные ясные глаза, и взгляд ее был так пронзителен, что он вздрогнул, будто от холода. И еще в лице ее был страх, словно она нуждалась в его помощи, но была слишком горда, чтобы просить о ней. Гед растерялся. Рука ее лежала поверх его руки; прикосновение это было легким, тонкая рука Серрет казалась очень светлой на фоне его смуглой кожи. Он сказал умоляюще:

— Серрет! Но у меня нет уже былого могущества, тебе это лишь кажется... Я погубил, истратил те силы, какими некогда обладал. Я не могу помочь тебе. Ничем. Но вот что я знаю твердо: Древние Силы Земли — не для людей! Они никогда не принадлежали им и в руках людей могут лишь разрушать. Зло всегда кончается злом. Меня сюда не заманили, меня сюда *привели*, и та сила, за которой я следовал, постепенно разрушает меня. Я ничем, ничем не могу помочь тебе.

— Когда волшебник считает, что его силы на исходе, порой оказывается, что он наполнен иной, куда более

могущественной силой, — сказала Серрет, улыбаясь так, будто все его сомнения были не более чем детскими страхами. — Возможно, мне больше известно о том, что именно привело тебя сюда. Разве не заговаривал с тобой некто на улицах Оррими? Это был наш посланник, один из слуг Терренона. Когда-то он и сам был волшебником, но распростился с волшебным посохом, чтобы служить силе, куда более могущественной. И вот ты приехал на Осскил, потом на вересковой пустоши пытался сражаться с Тенью, используя свой деревянный посох. Нам едва удалось спасти тебя — тварь, следовавшая за тобой, оказалась куда хитрее, чем мы думали, и успела уже высосать достаточно твоих сил... Только тень может одержать верх над тенью. Только тьма может победить тьму. Послушай, Ястребок! Что нужно тебе, чтобы победить ту, что караулит за стенами замка?

— Мне нужно то, чего я узнать не могу. Ее подлинное имя.

— Камень Терренон, которому ведомы рождения и смерти всех существ, а также имена всех нерожденных и бессмертных — все, что существует в мире света и в мире тьмы, назовет тебе ее имя.

— А какова цена?

— Платить вовсе не нужно. Я же сказала: он подчинится тебе, станет твоим рабом.

Потрясенный, в полном смятении, Гед не отвечал. Теперь она обеими руками сжимала его руку, заглядывая ему в лицо. Солнце скрылось в туманной дымке на горизонте, даже воздух вокруг них, казалось, замутнился, но лицо Серрет при этом стало как бы еще ярче и прекраснее, озаренное гордостью и торжеством: она понимала, наблюдая за Гедом, что воля его поколеблена. И прошептала тихонько:

— Ты будешь могущественнее всех людей, станешь королем среди них. Будешь править ими, а я буду править вместе с тобой...

Гед резко вскочил на ноги, сделал всего лишь один шаг, и пелена как бы спала у него с глаз: за углом у самого окна стоял и, слегка улыбаясь, внимательно слушал их Лорд Бендереск.

Все стало на свои места. Гед посмотрел на Серрет, все еще сидевшую на подоконнике:

— Тьму побеждает свет, — заикаясь сказал он, — только свет!..

И, сказав это, он ясно увидел, будто слова эти и были тем светом, что разогнал мрак в его душе, как на самом деле его завлекли, заманили в этот замок, как использовали его страх, заставляя плыть на север, и как эти люди, добившись своего, держали бы его в своих руках. Да, конечно, благодаря им он спасся от Тени, но только потому, что они не желали отдавать его ей, пока он не станет рабом Камня. Но едва лишь это свершилось бы, они тотчас впустили бы Тень в замок: ведь оборотень — куда лучший раб, чем живой человек. Единожды дотронувшись до Камня или заговорив с ним, он безвозвратно пропал бы. И все же Тень не смогла тогда захватить его целиком, и даже Камень этого не сумел — во всяком случае, пока. Он ведь тогда, в подземелье, почти поддался его могуществу. Почти. Но внутреннего согласия не дал. А злу почти невозможно овладеть непокорной, не поддающейся ему человеческой душой.

Он стоял между этими людьми, которые поддались воле Камня, которые согласились, предались ему, и смотрел то на одного, то на другого. Бендереск подошел ближе.

— Я же говорил тебе, — сухо начал он, — что этот человек ускользнет прямо у тебя из рук, Серрет. Колдуны с твоего Гонта — далеко не такие дураки. Зато сама ты вела себя глупо, женщина, хотя ты и с Гонта: рассчитывая обмануть одновременно и его и меня, пытаясь нас обоих заворожить своей красотой и использовать Терренон в собственных целях, ты просчиталась. Я — хозяин Камня, один лишь я! И вот что сделаю я с неверною женою: *Екаврое аи ёльвантар...*

Это было Заклятье Превращений, и длинные руки Бендереска уже поднялись, чтобы во мгновение ока женщина, в ужасе закрывшая руками лицо, стала отвратительной тварью — свиньей, собакой или безумной уродливой каргой. Но Гед шагнул вперед и ударил по воздетым рукам Лорда, произнеся одно лишь слово. И хотя волшебного посоха у него больше не было, да и находился он в чужой стране, в обители зла и темных сил, все же воля его оказалась сильнее. Бендереск застыл как изваяние; его затуманенный, исполненный ненависти взгляд уперся в Серрет.

— Скорей, — проговорила та дрожащим голосом. — Скорей, Ястреб, бежим отсюда, пока он не вызвал слуг Камня!..

И тут словно эхо разнеслось по всей башне, по каменным плитам пола, по стенам — странный сухой дрожащий шепот. Казалось, заговорила сама земля.

Схватив Геда за руку, Серрет повлекла его за собой по коридорам и залам, вниз по длинной винтовой лестнице. Они выбежали во двор замка, где все еще не угас последний голубоватый луч дневного света над грязным затоптанным снегом. Трое суровых слуг преградили им путь, словно подозревая, что Гед и Серрет совершили преступление против хозяина замка.

— Становится темно, хозяйка, — сказал один, а другой прибавил: — Сейчас вы все равно выехать не сможете.

— Прочь с дороги, мразь! — крикнула Серрет и что-то прибавила на шипящем диалекте Осскила.

Слуги отшатнулись, потом, скрючившись, повалились наземь, извиваясь от боли. Один из них громко стонал и кричал.

— Мы должны выйти через ворота, другого выхода отсюда нет. Ты видишь их? Ты можешь найти их, Ястреб?

Она тянула его за руку, но он все же медлил:

— Что за заклятье ты применила против них?

— Я пустила им в кости расплавленного свинца; они умрут. Скорей, говорю тебе, иначе он освободит слуг Камня, а я не могу сама найти ворота — на них страшные чары! Скорей!

Гед не понимал, что она имеет в виду: сам он видел заколдованные ворота так же ясно, как и арки-проходы в стене внутреннего двора, через которые можно было попасть к внешней стене. Они прошли в одну из арок, потом по нетронутому снегу — к воротам; он произнес заклятье, открывающее двери, и провел Серрет в ворота замка Терренон.

Серрет сильно изменилась, пока они шли по залитому вечерним голубым светом двору и проходили в ворота: и в мрачном свете вересковых пустошей она оставалась красивой, но теперь от красоты ее веяло чем-то яростным, колдовским, и Гед наконец вспомнил, кто она: дочь Лорда Ре Альби и колдуньи из Осскила. Это она насмехалась над ним в зеленых лугах близ дома Огиона много-много

лет назад; это она заставила его найти и прочесть заклинание, которое выпустило на волю Тень. Но Гед недолго думал об этом; сейчас все его мысли были заняты главным врагом, который, должно быть, поджидал его где-то неподалеку, возле стен замка. Тень вполне могла по-прежнему иметь облик Скиорха или просто прятаться во тьме, сливаясь с ней, чтобы исподтишка напасть на Геда, захватить его живую плоть и душу, поработить их. Он чувствовал ее близость, но пока не видел. Однако, оглядываясь вокруг, заметил вдруг в нескольких шагах от ворот что-то темное, наполовину засыпанное снегом. Он наклонился и бережно поднял его с земли. Это был мертвый отак; нежная короткая шерстка покрыта запекшейся кровью, маленькое легкое тельце окоченело.

— Превращайся же во что-нибудь! Превращайся скорее, они идут! — пронзительно крикнула Серрет, сжимая его руку и указывая на башню, которая в сумерках казалась огромным белым зубом. Из узких щелевидных окон ее нижнего этажа выбирались наружу и устремлялись к ним какие-то черные твари с широкими длинными крыльями; они медленно кружили над стенами замка, над склоном холма, где, совершенно беззащитные, стояли Гед и Серрет. Чудовищный шепот, который они слышали в замке, стал громче, сама земля стонала и дрожала у них под ногами.

Сердце Геда захлестнула волна гнева, горячей ярости, ненависти к этим жестоким смертоносным тварям, к людям-предателям, что заманили его в ловушку и теперь вели на него загонную охоту.

— Превращайся! — пронзительно вскрикнула Серрет и, выдохнув заклинание, обернулась серой чайкой, взмывшей в небеса. Но Гед медлил; он сорвал какую-то былинку, сухую и хрупкую, сиротливо торчавшую из-под снега там, где упал мертвым его отак. Он поднял ее и заговорил с ней словами Истинной Речи, и растение стало наливаться соками, расти, а когда Гед умолк, в руке у него оказался настоящий волшебный посох. Он не вспыхивал смертоносным огнем, когда крылатые черные твари из замка Терренон камнем падали на Геда с небес, но лишь начинал светиться ясным белым волшебным светом, что не дает жара, но гонит прочь тьму.

Слуги Камня вновь изготовились к атаке, неуклюжие

громоздкие твари из такого далекого прошлого земли, когда в помине не было ни человека, ни птиц, ни драконов; давным-давно уже свет не видывал таких существ, лишь злобное могущество Камня способно было вызвать их к жизни — ведь в памяти его хранились образы всех тварей и вещей, когда-либо существовавших в этом мире. Бесконечные атаки слуг Камня еще более участились. Гед видел, каких острые, похожие на лезвие косы когти рассекают над ним воздух, его тошнило от исходившего от них могильного смрада. Он яростно направо и налево раздавал удары своим посохом, горем и гневом его созданным из стебелька пожухлой травы. И вдруг все чудовища разом поднялись в воздух, словно стая ворон с трупа, и молча, крылатой тучей понеслись в том направлении, куда улетела в обличье серой чайки Серрет. Страшные широкие крылья, казалось, едва шевелились, однако каждый их взмах намного сокращал расстояние до невидимой пока цели, и вряд ли чайка могла уйти от столь неумолимой и стремительной погони...

Оставшись один, Гед в то же мгновение превратился в хищную птицу, но не в ястреба-перепелятника, как тогда на Роке, а в настоящего сокола-сапсана, что может лететь быстрее стрелы, быстрее мысли. На своих гладких мощных крыльях полетел он вслед за своими преследователями. Сгущались сумерки, среди туч проглядывали яркие звезды. Впереди Гед увидел черное косматое пятно — крылатые твари разом устремились вниз, к какой-то одной точке, ясно видимой на фоне бледного золотистого неба. Гед-сокол пулей влетел прямо в середину черной стаи, и стая распалась, черные твари отлетали от него, словно брызги воды от брошенного с силой камешка. Но жертву свою они уже настигли. У одного чудовища пасть была вымазана кровью, белые перья пристали к когтям другого, а над бескрайними равнодушными водами океана нигде не было видно серой маленькой чайки.

Тем временем слуги Камня изготовились к новой атаке на Геда, угрожающе выставив железные свои клювы и разинув страшные пасти. Он стрелой взмыл в небо и, оказавшись над ними, издал клич сокола, клич ярости и победы, и стрелой полетел вдоль низких берегов Осскила, мимо его бесконечных волнорезов, далеко вытянувшихся в море, — прочь отсюда.

Крылатые слуги Камня с каким-то хриплым карканьем еще некоторое время покружились на одном месте, потом один за другим медленно потянулись назад, к расположенным в срединной части острова вересковым пустошам. Древние Силы Земли не смеют преодолевать морские пространства, они привязаны к определенному острову, к определенному месту на нем, к определенной пещере, камню или роднику. Назад, назад неслись черные тени, в свое убежище, в замок Терренон, где хозяин его Бендереск, видя их возвращение, то ли плакал, то ли смеялся. А Гед летел дальше и дальше на мощных своих крыльях, опьяненный скоростью, летел, как не ведающая цели стрела, как вечная мысль, летел над морем Осскила к востоку, туда, где дуют зимние ветра, где господствует ночь.

Огион Молчаливый в ту осень особенно поздно вернулся в Ре Альби из своих странствий. Еще менее разговорчивым и более замкнутым стал он с возрастом. Новый правитель Гонта, живущий на побережье, так и не услыхал от него ни слова, хотя сам поднимался в Ре Альби, надеясь получить у старого волшебника помощь и совет для одной из своих пиратских экспедиций на Андрадские острова. Огион, который не раз беседовал с пауками, покачивающимися в своей паутине, и вежливо раскланивался с деревьями, не удостоил лорда своим вниманием, и тот удалился из Ре Альби несолоно хлебавши. Возможно, у Огиона было неспокойно на душе, ибо он все лето и осень провел в одиночестве высоко в горах и лишь теперь, незадолго до зимнего Солнцеворота, вернулся к родному очагу.

Наутро после своего возвращения Огион встал поздно, ему захотелось чаю, и он отправился за водой к роднику, бившему чуть ниже по склону. Кромку озерца, наполненного живой родниковой водой, сковал ледок, а сухие травы меж скал белыми узорами разрисовал иней. Было уже довольно позднее утро, однако солнце еще по крайней мере с час не должно было появляться из-за могучего плеча горы: весь западный Гонт, от прибрежных пляжей до горной вершины, спал в тени; здесь царила тишина, и чистый воздух позванивал от морозца. Огион

смотрел на лесистые склоны, на бухту внизу, на серую безбрежность моря; вдруг над ним забила крыльями крупная птица. Он прикрыл глаза рукой, глянул вверх, и тут сокол-сапсан упал с небес и преспокойно уселся к нему на запястье подобно обученной ловчей птице. Сокол тут же нахохлился и затих, хотя на нем не было ни ремешка, ни какой-либо ленты на шее, ни колокольчика. Когти его крепко сжимали запястье Огиона; гладкие крылья подрагивали; круглый золотистый глаз смотрел равнодушно. Это был совершенно дикий сокол.

— Ты что же, сам посланник или чье-то послание принес? — ласково спросил у птицы Огион. — Ну ладно, пойдем...

Заслышав его голос, сокол встрепенулся и посмотрел на него. Огион на минуту остановился, помолчал и сказал:

— Когда-то, кажется, именно я дал тебе имя... — И быстро прошел к себе в дом, неся вновь застывшую в неподвижности птицу на запястье.

Дома он пересадил сокола на каминную полку и дал ему напиться. Но тот пить не пожелал. Тогда Огион начал творить заклятье, очень медленно, осторожно плетя магическую паутину больше руками, чем словами. Закончив заклятие и закрепив его, он мягко позвал:

— Гед...

На сидевшего на каминной полке сокола он при этом не смотрел, но специально выждал немного и лишь потом обернулся и пошел навстречу юноше, который с бессмысленным выражением лица стоял, дрожа, у камина, где пылал огонь.

Гед был в богатых чужеземных одеждах — меха, шелка, серебряное шитье, — только вот одежды эти висели клочьями и задубели от морской соли. Сам же юноша пребывал в каком-то мрачном отупении; волосы космами свисали прямо ему на лицо, покрытое страшными шрамами.

Огион снял с юноши нарядный, как у принца, плащ, отвел его в альков, где тот когда-то спал, будучи учеником в этом доме, и заставил лечь; потом прошептал сонное заклятие и вышел из дому, оставив его в покое. Он ни слова спрашивать не стал, сознавая, что сейчас Гед совершенно не понимает человеческой речи.

В детстве Огион, как и все мальчишки, считал, что

нет ничего интересней игры в превращенья, когда с помощью волшебства можно принять любое обличье — человека или зверя, дерева или облака — и притворяться кем угодно. Но, став настоящим волшебником, он познал цену такой игры, ибо в ней таится опасность утратить собственное «я», заиграться и забыть, кто ты в действительности, променяв игру на реальность. И чем дольше человек остается в чужом обличье, тем сильней эта опасность. Любому ученику Школы известна история волшебника Борджера с острова Уэя, который очень любил превращаться в медведя и превращался в него все чаще и чаще, пока медвежья сущность не подменила в нем человеческую и он не стал настоящим медведем, а став им, разорвал в лесу собственного маленького сына, и тогда на него была объявлена охота, окончившаяся гибелью Борджера. Никто даже не представляет, сколькие из дельфинов, что резвятся в водах Внутреннего Моря, некогда были людьми, и людьми мудрыми, но в какой-то момент забывшими и о мудрости, и о собственном имени, променяв их на веселые игры в морских волнах.

Гед принял обличье сокола в ярости и отчаянье. Покидая Осскил, он думал лишь о том, чтобы лететь быстрее слуг Камня, быстрее ужасной Тени, чтобы спастись, бежать с этого холодного гиблого острова, попасть домой. Жестокость и бесстрашие, свойственные соколам, были сродни его собственным и легко проникли ему в душу; а стремительность соколиного полета давала юноше ощущение радости и свободы. Так миновал он остров Энлад, опустившись на землю лишь для того, чтобы напиться из дикого лесного озерка, гонимый страхом перед Тенью, что следовала за ним по пятам. Миновал и большой морской пролив под названием Челюсти Энлада, летел все дальше и дальше на юго-восток. Справа остались холмистые берега Оранеи, слева — горы острова Андрад, а впереди было одно лишь море; и, наконец, из волн морских встала неколебимо одна застывшая волна с белой шапкой, которая все росла и росла, постепенно приобретая знакомые очертания острова Гонт. В течение всего долгого полета, не прекращавшегося ни днем, ни ночью, Гед не расставался с крыльями и опереньем сокола, видел все его глазами и, отринув собственные мысли, воспринимал лишь то, что требуется соколу: необходи-

мость утолить голод, направление ветра, конечную цель полета.

Цель была выбрана верно. Таких мест, где он снова мог бы превратиться в человека, на Роке было несколько, но на Гонте — только одно.

Снова став собой, Гед был очень молчалив и казался диковатым. Огион по-прежнему ни слова у него не спрашивал, только дал ему мяса и воды, позволив сколько угодно сидеть у огня. Нахохлившийся Гед мрачно сидел у камина, очень похожий на крупного, усталого и сердитого сокола. Наступила ночь, и он уснул. Пришел еще день, и, наконец, на третье утро он вошел в комнату, где сидел волшебник, приблизился к камину, в котором плясало пламя, и вымолвил:

— Учитель...

— Здравствуй, сынок, — откликнулся Огион.

— Я вернулся к тебе, Учитель, таким же, каким ушел отсюда. Глупцом. — Юноша говорил хриплым баском. Волшебник чуть улыбнулся и усадил Геда напротив, поближе к огню, потом начал готовить чай.

Падал снег, первый снег на Гонте в ту зиму. Окна в доме Огиона были плотно закрыты ставнями, но мокрый снег стучал по крыше, застилая все вокруг тяжелым плотным мягким белым одеялом. Многие часы провели они у огня, и Гед рассказал своему старому Учителю обо всем, что произошло с тех пор, как он уплыл с Гонта на судне под названием «Тень». Огион не задал ни одного вопроса и, когда Гед кончил рассказывать, еще долгое время сидел молча, спокойно размышляя о чем-то. Потом поднялся, принес хлеб, сыр и вино, поставил на стол, и они вместе поужинали. Покончив с едой, они прибрали за собой, и Огион наконец заговорил:

— Да, шрамы у тебя страшные, парень.

— У меня больше нет сил бороться с этой тварью, — ответил Гед.

Огион только покачал головой. Потом продолжал:

— Странно... У тебя ведь хватило сил, чтобы победить колдуна в его собственном доме, там, на Осскиле. И у тебя хватило сил, чтобы не попасть в ловушку Древних Сил и отбиться от слуг Камня. А на Пендоре у тебя хватило сил победить дракона...

— На Осскиле мне просто повезло, сила тут ни при

чем, — ответил Гед и содрогнулся, вспомнив, как кошмарный сон, мертвящий холод замка Терренон. — Что же касается дракона, то я знал его подлинное ими. А у той твари, что охотится за мной, никакого имени нет.

— У всех вещей есть имена, — сказал Огион так уверенно, что Гед не решился повторить слова Верховного Мага Геншера о том, что силы тьмы, подобные этой, имен не имеют. Дракон на острове Пендор ведь тоже предлагал тогда назвать ему имя Тени, но Гед не слишком полагался на честность и искренность дракона, как не поверил и обещаниям Серрет насчет того, что Камень расскажет ему все, что он пожелает узнать.

— Если у этой Тени и есть имя, — сказал он наконец, — то, по-моему, она его мне не скажет...

— Нет, конечно, — сказал Огион. — Но ведь и ты не собирался говорить ей свое имя. Тем не менее оно стало ей известно. На вересковых пустошах Осскила она назвала тебя подлинным именем, которое дал тебе я. Это очень, очень странно...

Он снова впал в задумчивость. И в конце концов Гед не выдержал:

— Я пришел к тебе за советом, я не намерен прятаться здесь, Учитель. Не желаю я, чтобы эта тварь явилась и сюда, а она скоро это сделает, если я тут останусь. Однажды ты уже выгонял ее — из этой самой комнаты...

— Нет, то было всего лишь предвестие беды, тень Тени. Я не смог бы прогнать настоящую — теперь нет. Это сделать смог бы только ты сам.

— Но я перед ней бессилен. Неужели нет такого места... — И Гед умолк, так и не закончив своего вопроса.

— Такого места нет, — мягко сказал Огион. — Только больше не занимайся превращениями, Гед. Этой твари только того и нужно: разрушить твое «я». И ей, надо сказать, это почти удалось, когда ты слишком долго пробыл в обличье сокола. Нет, я не знаю, куда следует тебе идти, но одна мысль относительно того, что тебе следует делать, у меня есть. Хоть и трудно сказать тебе такое.

Гед напряженно молчал, он жаждал услышать любую правду, и Огион наконец вымолвил:

— Ты должен идти в другую сторону.

— В другую?

— Если пойдешь в прежнем направлении, то так или иначе продолжишь свое бегство, и куда бы ты ни попал,

везде встретишь опасности и зло, ибо это зло направляет тебя и само следует за тобой по пятам. Свой путь избирать должен ты сам. Ты сам должен начать поиски того, кто тебя ищет. Должен начать охоту на собственного преследователя.

Гед молчал, слушал.

— Когда-то на берегу реки Ар я дал тебе имя, — сказал старый волшебник, — на берегу той реки, что рождается высоко в горах и впадает в море. Человеку хотелось бы увидеть цель, к которой он движется, но увидеть ее он не может, пока не повернет назад, пока не вернется к своим истокам, не сохранит память о них в душе своей. Если он не хочет стать щепкой, бессильной в водах несущего ее ручья, то должен сам стать ручьем, стать сильнее влекущего его течения — и пройти путь от истоков до устья на берегу моря. Ты вернулся на Гонт, ты вернулся ко мне, Гед. Так заверши же круг, найди сокровенный источник и то, откуда он черпает свои силы. Там — твоя надежда и твое могущество.

— Там, Учитель? — в ужасе спросил Гед. — Но где?

Огион не ответил.

— Если я поверну назад, — помолчав, сказал Гед, — если я, как ты говоришь, начну охоту на своего же преследователя, то охота эта, по-моему, будет недолгой. Ведь главное желание Тени — встретиться со мной лицом к лицу. И она дважды уже делала это и дважды одерживала надо мной верх.

— Третий раз — волшебный, — заметил Огион.

Гед медленно обвел глазами знакомую комнату.

— Но если она полностью подчинит меня себе, — сказал он, споря то ли с Огионом, то ли с самим собой, — то овладеет и моими знаниями, и моей силой. Она воспользуется ими. Пока что она угрожает мне одному, но тогда моими руками она станет вершить страшное зло.

— Это так. Но только если она победит тебя.

— ...А если я снова стану спасаться бегством, она, конечно же, отыщет меня снова... К тому же силы мои истощены... — Гед задумался; потом вдруг резко повернулся и встал перед Магом на колени. — Я встречался с великими волшебниками, я достаточно долго прожил на Острове Мудрых, но только ты — мой настоящий Учитель, Огион. — В голосе его звучала любовь и какая-то мрачная радость.

— Хорошо, — сказал Огион, — что ты это понял. Лучше поздно, чем никогда. Но придет еще время, и ты сам станешь моим учителем... — Он встал, подкинул в камин дров и, когда пламя разгорелось, повесил над огнем чайник; потом накинул куртку из овчины и сказал: — Пойду посмотрю, как там мои козы. А ты пока последи за чайником, парень.

Он вернулся, весь занесенный снегом, и долго отряхивал свои меховые сапоги. С собой он принес длинную тисовую дубинку и всю вторую половину короткого зимнего дня и еще после ужина старательно строгал ее ножом, при свете лампы отделывал шлифовальным камнем, нашептывал какие-то заклятия и бесконечное число раз проводил рукой по гладкой деревяшке, нащупывая невидимые глазу огрехи. За работой Огион несколько раз принимался что-то напевать. Гед, еще не совсем окрепший, начинал дремать под эти песни, и ему казалось, что он снова стал ребенком, снова живет в хижине тетки-ведьмы в Десяти Ольховинах, а ночь кругом снежная, в темноте виден лишь огонь в камине, воздух в теткином доме пропитан запахами трав и дыма... Гед далеко-далеко уносился на крыльях сна под те протяжные волшебные песни, что пел Огион, а пел он о героях древности, что боролись с темными силами и побеждали или погибали со славой в бою.

— Ну вот, — сказал наконец Огион и протянул Геду готовый посох. — Верховный Маг после окончания Школы дал тебе тисовый посох. Хороший выбор. Я с ним согласен. Сначала я хотел сделать из этой дубинки стрелу для большого лука, но так, пожалуй, будет лучше. Спокойной ночи, сынок.

У Геда не хватило слов, чтобы выразить Учителю свою благодарность. Он повернулся и пошел в свой альков. Огион, глядя ему вслед, сказал — но так тихо, что Гед услышать не мог:

— Удачного тебе полета, о юный мой сокол!

Наступил холодный рассвет, Огион проснулся и обнаружил, что Геда в доме уже нет. Он лишь оставил весточку, по волшебной традиции сделанную серебряными буквами на каминной доске. Буквы уже начинали тускнеть и расплываться; Огион едва успел прочесть: «Учитель, я вышел на охоту».

8

ОХОТА

Гед вышел из дому еще затемно и по дороге, ведущей из Ре Альби вниз, успел к полудню добраться до побережья. Огион заранее приготовил ему отличную гонтскую обувь, рубашку, кожаную куртку и запас белья вместо роскошных одежд Осскила, но на случай зимних холодов Гед все же прихватил с собой великолепный теплый плащ, отороченный мехом пеллави. В этом самом плаще, держа в руках лишь высокий посох темного дерева, подошел Гед к воротам города, и стражники, что стояли, прислонясь к столбам в виде резных драконов, с первого взгляда признали в нем волшебника. Они склонили копья, пропустили его без единого вопроса и долго смотрели ему вслед, пока он шел по улицам к гавани.

На набережной и в доме Морской Гильдии он поспрашивал насчет кораблей, что намерены плыть на север или на запад — к Энладу, Андраду, Оранее. Все отвечали, что ни одно судно не выйдет уже из гавани, поскольку близится зимний Солнцеворот, и что рыбаки почти перестали плавать даже до Сторожевых Утесов — уж больно ненадежна погода осенью.

Геду предложили пообедать чем бог послал — волшебнику редко приходится просить, чтобы его накормили. Он немного побыл в компании портовых грузчиков, корабелов и заклинателей ветра, наслаждаясь их скупо роняемыми словами, их медлительно-ворчливой гонтской манерой вести беседу. Ему очень хотелось остаться здесь, на Гонте, забыть о своей магической силе и приобретенных знаниях, забыть обо всех страхах и мирно жить, как все эти люди, на родной, дорогой, до боли знакомой земле. Но то были лишь мечты. Цель же у Геда была иная. Так что он недолго задержался в порту, узнав, что больше корабли в море не выйдут, и двинулся вдоль берега залива. Вскоре он добрался до одной из многочисленных маленьких деревушек, что разбросаны по всему северному побережью Гонта. Здесь он стал расспрашивать рыбаков, нет ли у кого продажной лодки. Лодка нашлась.

Ее хозяин был суровым старым рыбаком. Лодка — четыре метра в длину, обшитая внакрой, — была такой ветхой и так пропускала воду, что едва ли годилась для плавания по морю вообще, и все же хозяин запросил за нее высокую цену: заклятье от морской погибели на целый год для него самого и для его сына. Гонтские моряки не боятся ничего на свете, даже волшебников — только моря.

Такие заклятия, широко распространенные в северной части Архипелага, по правде говоря, еще ни разу не спасли никого ни от штормового ветра, ни от высокой волны; однако заклятье, сплетенное тем, кто хорошо знает местные воды и понимает в морском деле, все же дает кое-какую защиту. Гед, наводя чары, постарался честь по чести; он колдовал всю ночь и весь день, не упустив ни одной мелочи, и делал все уверенно и тщательно, хотя за это время не раз, томимый страхом, он мысленно улетал далеко в страну тьмы, надеясь там отыскать поджидающую его Тень и узнать, как, когда и где в следующий раз встретится с ней. Когда морское заклинание было закреплено, Гед почувствовал, что совсем обессилел. Он переночевал в хижине рыбака, в гамаке, сплетенном из китовых кишок, и утром поднялся весь пропахший сушеной рыбой; чуть позже он направился вниз, в бухточку близ Северного Мыса, где причалена была его лодка.

Он столкнул ее на воду, и вода сразу стала заполнять дырявую посудину. Ступая мягко и легко, словно кот, Гед залез в лодку, выровнял погнутые доски, поменял сгнившие деревянные гвозди, помогая себе и плотницким инструментом, и колдовством, как когда-то вместе с Печварри в Лоу-Торнинге. Деревенские жители собрались на берегу, но слишком близко не подходили; они молча смотрели, как ловко он работает, время от времени тихо произнося какие-то непонятные слова. Эту работу Гед тоже сделал хорошо; терпеливо подогнал каждую дощечку, и теперь лодка стала вполне прочной и надежной. Потом с помощью заклятья он укрепил посох, подаренный ему Огионом, в качестве мачты и приделал к нему крепкую деревянную поперечину в метр шириной. С поперечины спускался сотканный им из ветра и волшебных слов квадратный парус, белый, как снег на вершине горы Гонт. Наблюдавшие за волшебным ткачеством женщины с завистью вздохнули.

Стоя рядом с мачтой, Гед надул парус легким волшеб-

ным ветерком, лодка вышла из бухточки и взяла курс на Сторожевые Утесы. Когда молчаливо наблюдавшие рыбаки увидели, что давно прохудившаяся шлюпка быстро скользит по волнам под белым парусом, легкая и опрятная, как птица-перевозчик, то разразились радостными криками, смехом, и Гед, на мгновение оглянувшись назад, увидел, как они приветливо машут ему вслед, стоя на холодном ветру в тени Северного Мыса, над которым виднелись заснеженные поля на склонах Гонта, чья вершина скрывалась в облаках.

Меж Сторожевых Утесов он вышел прямо в Гонтийское Море и взял курс на северо-запад, чтобы мимо северных берегов Оранеи вернуться назад тем же путем, каким прилетел сюда в обличье сокола. Иного плана у него пока не было. Пытаясь догнать сокола, мчавшегося без отдыха дни и ночи наперекор всем ветрам из Осскила, Тень вполне могла отстать и пока что скитаться в поисках его следа; впрочем, она могла и выйти прямо на него — тут ничего определенного сказать было нельзя.

Если только она навсегда не вернулась в царство смерти, то, разумеется, не упустит случая встретиться с Гедом, открыто идущим ей навстречу по волнам моря.

Он мечтал встретить ее в море, если этому все равно суждено случиться. Он и сам не понимал, почему так опасается встретить Тень снова на твердой земле. Глубины морские порождают порой бури и разных чудовищ, но силы зла рождаются не в морях: их порождает земля. И в том царстве Тьмы, куда однажды попал Гед, не было ни моря, ни быстрых рек, ни ручьев. Смерть предпочитает пустыню. И хоть море само по себе тоже было опасным в ту пору зимних штормов, но опасность эта и сам капризный нрав моря казались Геду даже какой-то защитой, предоставленной ему судьбой. В крайнем случае, если бы Тень встретилась ему здесь, над этими бурными водами, думал он, то можно было бы, крепко обхватив ее и удерживая тяжестью собственного тела и грузом смерти, рухнуть прямо в море, утопить ее в темных морских глубинах и ни за что не размыкать смертельных своих объятий, чтобы эта тварь никогда не смогла подняться вновь из океанской бездны. И тогда хотя бы смерть его искупит наконец-то зло, которое он выпустил в мир живых.

Гед плыл по волнам бурного холодного моря, а над

ним плыли низкие тучи, похожие на серый огромный саван. Дул попутный северо-западный ветер, так что Геду нужно было лишь поддерживать созданный его волшебством парус, который сам поворачивался в нужную сторону, помогая могучему природному ветру нести суденышко все дальше и дальше. Без этого было бы трудновато держать утлую лодчонку прямо по курсу при такой волне. Гед зорко глядел по сторонам, высматривая врага. Жена старого рыбака дала ему с собой две буханки хлеба и кувшин с водой, так что, поравнявшись с атоллом Кэмебер, единственным островком между Гонтом и Оранеей, он поел и напился воды, с благодарностью вспомнив молчаливую женщину с острова Гонт, что позаботилась о незнакомце. Все дальше и дальше уплывал он от этого крохотного островка, забирая все больше к западу и по той влаге, что висела в воздухе над морем, определяя, что над островами, вполне возможно, уже выпал снег. Кругом стояло безмолвие, разве что слегка поскрипывала лодка да слабо шлепали о борта волны. Ему не встретилось ни одного судна, ни одна птица не пролетела у него над головой. Все было недвижимо, лишь играли волны да тучи неслись по небу, как и тогда, во время его соколиного полета, — на восток, только сам он теперь плыл на запад. Тогда он тоже видел внизу лишь серое море, как теперь — серые тучи над собой.

Горизонт впереди был пуст. Гед, измученный тщетными попытками разглядеть хоть что-нибудь сквозь дождливую дымку, встал на ноги. Он сильно продрог.

— Ну, давай же, — бормотал он, — нападай, чего же ты ждешь, проклятая тварь?

Ответа не было, и ничто темное не шевельнулось в туманном воздухе над мрачным морем. И все же Гед отчетливо сознавал, что Тень где-то совсем близко, что она, слепая, неуверенно ищет в холодных волнах его след. И, не выдержав, он закричал во весь голос:

— Я здесь! Я, Гед-Ястреб, вызываю тебя на поединок!

Скрипнула лодка, плеснула о борт волна, чуть зашипел ветер в белом парусе. Летели мгновения. Гед ждал, держась одной рукой за мачту из тисового посоха и вглядываясь в леденящую влажную пелену, медленно, неровными клоками плывущую к северу. Прошло еще несколь-

ко минут, и сквозь завесу моросящего дождя Гед увидел, что Тень приближается.

С телом осскилианского гребца Скиорха было покончено; Тень преследовала свою жертву по всем волнам и морям уже не в обличье оборотня и не в виде немыслимого зверя, что набросился на него тогда на вершине Холма Рок и позже являлся во снах. Теперь она как бы обрела некую материальную оболочку, видимую даже при свете дня. Неотступно преследуя Геда — и особенно во время поединка на вересковой пустоши, — она вытянула из него немало сил, всосала в себя его энергию, а то, что сейчас он сам призвал ее, назвавшись своим подлинным именем при свете дня, придало ей еще большее сходство с живым существом. Она теперь определенно напоминала человека, но, сама будучи тенью, тени не отбрасывала. Она появилась со стороны пролива Челюсти Энлада и двигалась к Гонту, едва различимая в дымке дождя уродливая тварь, сгибающаяся под напором ветра. Холодный дождь хлестал сквозь нее.

Поскольку Тень слепил свет, да и не она сама нашла Геда, а он вызвал ее на поединок, то юноша заметил ее раньше, чем она его. Оба узнали друг друга сразу; они узнали бы друг друга везде — в мире живых существ или в мире теней.

Окруженный страшной пустыней зимнего моря, Гед прямо перед собой видел ту тварь, что внушала ему такой ужас. Ветер, похоже, отнес Тень чуть в сторону от лодки, и высоко вздымавшиеся волны не давали юноше как следует разглядеть своего врага. Однако Тень по-прежнему приближалась, и было неясно, сама ли она движется или ее несет к нему ветер. Наконец она заметила Геда. И хоть сердце его застыло при воспоминании о том леденящем прикосновении, о той черной боли, что некогда пыталась прервать в нем жизнь, он все же терпеливо ждал и не двигался. А потом вдруг призвал сильный волшебный ветер, парус надулся, и лодочка стрелой понеслась по серым волнам прямо навстречу чудовищу, несущему в себе смерть.

Тень заколебалась, как бы в порывах ветра, и в полном молчании повернулась и понеслась прочь.

Она мчалась прямо на север, и так же быстро преследовала ее лодка Геда, а волны и ветер били ему в лицо, и юноша, призвав на помощь всю свою магическую силу,

понукал и понукал суденышко, как подгоняет гончих псов охотник, когда выходит на загнанного зверя. Такой мощный ветер надувал теперь его парус, что никакая обычная парусина не выдержала бы. Лодка неслась по волнам, словно клочок морской пены, нагоняя спасающуюся бегством Тень.

И тут Тень сделала странный полукруг, на мгновение исчезла из виду, потом появилась вновь, став более расплывчатой и неясной; теперь она гораздо меньше походила на человека — скорее на облако, клок темного тумана, влекомый бешеным ветром прямо к острову Гонт.

Сказав волшебное слово, Гед круто развернул лодку, которая, как дельфин подпрыгнув в воде, понеслась вдогонку за Тенью, становившейся в дождливой пелене все менее различимой. Снежная крупа, смешанная с ледяным дождем, хлестала Геда по спине, по левой щеке; вперед видно было не дальше чем метров на сто. Шторм становился все сильнее, и вскоре Тень совсем пропала вдали, но Гед был уверен, что по-прежнему идет по ее следу, словно это был след крупного зверя, отчетливо отпечатавшийся на снегу, а не бесплотного духа, летящего над водой. И хоть теперь ветер был уже попутный, Гед все же помогал лодке двигаться быстрее, так что пена клубами вылетала из-под носа его суденышка, которое на бешеной скорости взлетало на очередную волну, а потом с размаху шлепалось днищем о воду.

Безудержная роковая погоня продолжалась долго, и день начинал меркнуть. Гед понимал, что после нескольких часов бешеной гонки должен теперь находиться где-то южнее Гонта, ближе к острову Спиви или к Торхевену. Впрочем, вполне возможно, он уже проскочил мимо обоих островов прямо в Открытое Море. Он не в силах был более точно определить свое местонахождение, да это, впрочем, было ему безразлично. Он был занят охотой, шел по следу, и страх бежал впереди него, как гончий пес.

Вдруг совсем неподалеку он увидел Тень. Природный ветер стихал, яростный дождь со снегом уступал место влажному клочковатому густому туману. Сквозь этот туман Гед на мгновение и углядел Тень, летящую куда-то вправо от него. Он произнес заклятье, повернул румпель и бросился вдогонку, хотя плыть приходилось почти вслепую: туман быстро сгущался, кипя клубами там, где плас-

ты его встречались с волшебным ветром, поднятым Гедом. Плотная серая пелена заполнила собой все пространство вокруг лодки, оказавшейся как бы в некоем бесформенном храме, под сводами которого умирали свет, видимость и звук. Однако Гед только еще начал произносить разгоняющее туман заклятье, как снова увидел Тень — по-прежнему справа от лодки и очень близко. Она двигалась совсем медленно; сквозь очертания ее головы, все еще напоминающие человеческую, проплывали клочья тумана. Гед еще раз повернул лодку, полагая, что теперь-то уж загонит выбившегося из сил врага на твердую землю, и в тот же миг Тень исчезла, а его лодка врезалась прямо в прибрежные скалы, скрытые густой пеленой. Гед едва не вылетел в море, но успел ухватиться за мачту-посох прежде, чем ударила очередная волна. Это была огромная волна; она подбросила лодчонку и швырнула ее о скалы так, как это делает человек, желающий разбить крепкую раковину.

Прочным и поистине волшебным был посох, сделанный Огионом. Он не только не сломался, но прекрасно поддерживал своего хозяина на воде. Не выпуская его из рук, Гед успел глубоко нырнуть под очередную нахлынувшую и очень высокую волну, вынырнул и оказался вне полосы прибоя. Ослепнув от соленой воды, задыхаясь, он старался все же держаться на поверхности и что было сил сопротивлялся могучим толчкам моря. За скалами виднелась полоска песчаного пляжа — Гед заметил ее, в очередной раз взлетев на волне. Собрав все силы, с помощью волшебного посоха он устремился к спасительному берегу. Но приблизиться не мог: волны, разбиваясь о скалы, крутили его, точно щепку, и уносили назад в море, а холод морских глубин быстро высасывал тепло из тела. Юноша все больше слабел и вскоре уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Он перестал видеть перед собой скалы и полоску песка на берегу и не сознавал более, куда несут его волны. Лишь рев их был слышен вокруг; волны ослепляли его, душили, пытались утопить...

Вдруг прямо перед ним из густого тумана как бы вспухла гигантская волна, подхватила его, перевернула и швырнула, словно обломок плавника, на песок, оставив наконец в покое это измученное тело.

Гед по-прежнему обеими руками сжимал тисовый

посох. Волны поменьше тщетно пытались стащить юношу обратно в море, чтобы растерзать там; туман над ним то рассеивался, то снова густел; потом снова пошел снег с дождем.

Много времени прошло, пока Гед наконец смог пошевелиться. Потом поднялся на четвереньки и медленно пополз вверх по берегу, подальше от полосы прибоя. Его окружала непроницаемая ночная тьма, но он что-то шепнул своему посоху, и на конце его повис маленький волшебный огонек. Так он понемногу продвигался вперед, к дюнам, но был настолько избит и обессилен и так замерз, что ползти по мокрому песку под свист штормового ветра оказалось невероятно тяжело, тяжелее всего, что когда-либо приходилось ему делать в жизни. Один или два раза ему показалось, что шум моря и ветра стих, а песок под ним превратился в пепел, и он, как когда-то, вновь почувствовал немигающий взгляд чуждых этому миру звезд у себя на затылке, однако головы так и не поднял, упрямо продолжая ползти вперед. И через некоторое время услышал и собственное запаленное дыхание, и яростный вой ветра; почувствовал, как ледяные струи дождя хлещут ему в лицо.

В конце концов движение немного согрело его, а когда он заполз в дюны, где дождь и ветер свирепствовали меньше, то даже сумел подняться на ноги. Гед произнес заклинание, и светящийся шар на конце посоха стал больше и ярче, рассеивая черную плотную тьму, обступившую его со всех сторон. Опираясь на свой посох и без конца спотыкаясь, юноша двинулся в глубь острова. Вскоре, поднявшись на гребень очередной дюны, он снова услышал море, почти затихшее у него за спиной, и понял, что практически прошел островок насквозь. Точнее, это был обычный риф, крошечный клочок суши среди безбрежного океана.

Гед был слишком измучен, чтобы предаваться отчаянию, но все же некое подобие рыдания вырвалось у него из груди, и он застыл в неподвижности, опираясь на посох. Потом, понурив голову, побрел влево, чтобы ветер дул в спину, пытаясь отыскать во впадине меж дюн хоть какое-то убежище среди обледеневшей полеглой морской травы. Когда он приподнял посох, чтобы получше оглядеться, то вдруг заметил какой-то слабый отблеск на самом

краю освещенного круга: это блестела мокрая от дождя стена какой-то хижины.

Хижина была настолько маленькой и хлипкой, словно ее построил ребенок. Гед стукнул своим посохом в низенькую дверь. Но никто не открыл. Гед толкнул дверь и вошел внутрь, для чего ему пришлось согнуться почти пополам. Впрочем, в хижине выпрямиться в полный рост он тоже не смог. В очаге краснели угли, и в этом неясном свете Гед разглядел человека с седыми длинными волосами, скорчившегося от ужаса у противоположной стены, и еще кого-то — неясно, женщину или мужчину, — выглядывавшего из-под кучи тряпья и шкур на полу.

— Я не причиню вам зла, — прошептал Гед.

Они не ответили, Гед переводил взгляд с одного лица на другое. Глаза хозяев хижины стали бессмысленными от ужаса. Когда юноша наконец положил свой посох, тот, что лежал под грудой тряпья, захныкал и совсем спрятался. Гед снял плащ, тяжеленный, насквозь пропитанный водой и покрытый ледяной коркой, разделся догола и осторожно придвинулся к очагу.

— Дайте чем-нибудь накрыться, — попросил он. Он сильно охрип и говорил с трудом; от холода у него стучали зубы, и дрожь сотрясала все тело. Если старики и поняли его, то ни один все равно не ответил. Гед протянул руку и взял с убогой лежанки какие-то лохмотья — когда-то это скорее всего было козьей шкурой, но теперь под толстым слоем жира разобрать было невозможно. Тот, что прятался под кучей тряпья, даже застонал от страха, но Гед уже не обращал на это внимания. Он насухо вытерся и просипел:

— Дрова-то у вас есть? Разожги-ка огонь пожарче, старик. Я ведь случайно попал к вам и ничего дурного не замышляю.

Старик не пошевелился и смотрел на него как в столбняке.

— Ты не понимаешь меня? Разве ты не знаешь ардического? — Гед подумал и снова спросил: — Может, ты говоришь по-каргадски?

Старик с готовностью кивнул — как старая печальная марионетка, которую дернули за веревочку. Но это был единственный вопрос, который Гед мог задать по-каргадски, так что беседа их на том и закончилась. Юноша сам

нашел сложенное у стены топливо, сам разжег огонь, потом жестами попросил напиться: он наглотался морской воды и испытывал страшную жажду. Старик с поклоном указал на огромную раковину, полную пресной воды, и подтолкнул к очагу еще одну раковину с ломтиками вяленой рыбы. Гед, скрестив ноги, уселся у огня, немного поел и напился воды. По мере того как силы и разум начали возвращаться к нему, он попробовал понять, куда попал. Даже с помощью волшебного ветра он не смог бы доплыть до островов Каргада. Этот островок явно находился в Открытом Море, восточнее Гонта, но западнее Карего-Ат. Казалось невероятным, чтобы на столь крошечном и пустынном клочке земли, по сути дела отмели вокруг рифа, могли жить люди. Может, это изгнанники? Или потерпевшие кораблекрушение? Но он был слишком измучен, чтобы ломать над этим голову.

Гед все время переворачивал плащ, сушившийся у огня. Сначала и очень быстро высох серебристый мех пеллави, которым плащ был подбит; и как только сама шерстяная материя немного подсохла и отогрелась, Гед завернулся в плащ и растянулся прямо на полу у очага.

— Ступайте спать, бедолаги, — сказал он своим молчаливым хозяевам, уронил голову на песчаный пол хижины и тут же заснул.

Трое суток провел Гед на безымянном островке. Проснувшись на первое утро, он почувствовал, как невыносимо болит каждая мышца; его сотрясал озноб и одолевала слабость. Он валялся, как жалкий обломок плавника, в хижине у очага весь первый день и всю последующую ночь. Утром он все еще ощущал боль в одеревеневших мускулах, однако чувствовал себя почти здоровым. Он натянул высохшую и хрустящую от морской соли одежду — стирать ее было не в чем, пресной воды здесь явно не хватало — и вышел из хижины под серое небо, на продуваемый всеми ветрами берег, чтобы понять, куда обманом завлекла его проклятая Тень.

Это была скалистая отмель тысячи полторы шагов в ширину и чуть больше в длину, со всех сторон окруженная мелководьем и рифами. Здесь не росло ни единого деревца или куста, ни единой травинки, только склонялись под ветром морские водоросли. Старик со старухой жили здесь в полном одиночестве среди водной пустыни.

Хижина их стояла в распадке меж дюн. Она была построена, точнее сложена, из плавника — принесенных морем кусков дерева и веток. Воду брали в маленьком примитивном колодце возле хижины; на вкус вода была солоноватой. Питались старики моллюсками и рыбой, свежей и вяленой, а также собранными у скал водорослями. В хижине имелся небольшой запас костяных иголок и рыболовных крючков, сухожилий для рыболовных снастей и топлива. Рваные шкуры оказались вовсе не козьими, как Гед решил вначале; они принадлежали пятнистым котикам. Как раз на таких островках котики и устраивают свои лежбища и выводят детенышей. Пожалуй, кроме котиков, в эти дикие края не заплывает никто. И старики боялись Геда вовсе не потому, что приняли его за духа, и не потому, что он был волшебником, но всего лишь потому, что он оказался обычным человеком. Они давно забыли, что в мире есть другие люди, кроме них двоих.

Тупой ужас, завладевший старым мужчиной в первые же мгновенья, ни на минуту не отпускал его. Если ему казалось, что Гед подошел слишком близко и может до него дотронуться, он тут же пытался, прихрамывая, убежать и мрачно поглядывал из-под копны спутанных грязных седых волос. Старуха сначала, стоило Геду чуть шевельнуться, со стонами скрывалась под грудой рванья; однако, лежа в полузабытьи на полу у очага, он видел, как она подползала к нему поближе, всматривалась в его лицо странным, туповатым, каким-то ищущим взглядом, а через некоторое время даже принесла ему напиться. Когда же он приподнялся, чтобы принять у нее раковину, она в ужасе выронила ее и разлила всю воду. Тогда она заплакала, вытирая глаза прядями серо-седых волос.

Сейчас старушка внимательно наблюдала, как он пытается из плавника и остатков своей лодки, выброшенных на берег, создать нечто, способное плавать по морю, работая грубым каменным веслом, позаимствованным у старика, и помогая себе заклятьями. Это была не починка старой лодки и не постройка новой — здесь не хватило бы дерева ни на то, ни на другое, — так что колдовство оказалось совершенно необходимым. И все же старуха наблюдала не столько за тем, что и как он делает, сколько за ним самим; боязливое выражение не сходило с ее лица. Впрочем, через некоторое время она все-таки потихоньку

приблизилась — принесла подарок: горсть мидий, которые собрала на скалах. Гед тут же при ней съел их сырыми и мокрыми от морской воды. Он горячо поблагодарил ее, после чего старушка, казалось, набралась смелости, пошла в хижину и вернулась снова, неся в руках какой-то узелок из обрывка шкуры. Застенчиво заглядывая Геду в лицо, она развернула узелок и показала ему то, что там хранилось.

Это было маленькое детское платьице, вышитое шелком и жемчугом, все в пятнах соли, пожелтевшее от времени. На крошечном лифе жемчужинами был вышит знакомый Геду знак: двойная стрела Богов-Близнецов Империи Каргад; над этим символом красовалась королевская корона.

Старуха, морщинистая, грязная, в уродливой одежде из котиковых шкур, показала пальцем сначала на шелковое платьице, потом на себя и улыбнулась — нежной, бесхитростной улыбкой маленькой девочки. Из крохотного потайного кармашка на юбочке она достала и протянула Геду небольшой кусочек темного металла — то ли часть какого-то сломанного браслета, то ли половинку кольца. Гед смотрел на загадочный обломок, лежавший у нее на ладони, но она знаками показала, чтобы юноша взял его, и не отставала до тех пор, пока он не принял подарка; тогда она удовлетворенно кивнула, улыбнулась, словно удалась какая-то давняя ее затея, и снова бережно завернула платьице в грязную шкуру. Потом поплелась обратно в хижину, чтобы спрятать там свою единственную драгоценность.

Гед столь же бережно спрятал половинку сломанного кольца, или браслета, в карман, ибо сердце его было полно сострадания. Теперь он догадывался, что эти двое — скорее всего дети одного из лордов Каргада, которых тиран-император, опасаясь проливать невинную кровь, сослал на этот необитаемый остров, не заботясь о том, выживут ли здесь дети или умрут вдали от родины и в полном одиночестве. Один из них был тогда, наверно, мальчиком лет восьми от роду, а другая — пухленькой малышкой, принцессой в шелковом платьице, расшитом жемчугом; дети не погибли и с тех пор жили здесь совсем одни — сорок, пятьдесят, шестьдесят лет на скалистом острове в океане — принц и принцесса Страны Одиночества.

Конечно же, он не знал, справедлива ли его догадка, и не узнал об этом до тех пор, пока, много лет спустя, поиски кольца Эррет-Акбе не привели его в Империю Каргад, в священные Гробницы Атуана.

Его третья ночь на островке закончилась светлым и спокойным рассветом. Это был день зимнего солнцестояния, самый короткий день в году. Маленькая лодочка, созданная из обломков умелыми руками и волшебством, была готова. Гед попытался сказать старикам, что может отвезти их на любой из ближайших островов — на Гонт, на Спиви или на Ториклы; даже готов был оставить их где-нибудь на пустынном берегу Карего-Ат, если бы они того пожелали, хоть море у берегов Каргада всегда было опасным для жителей Архипелага. Но они ни за что не хотели покидать свой пустынный бесплодный островок. Старушка, похоже, просто не понимала, что Гед хотел выразить с помощью жестов и тихого голоса; старик все понял — и решительно отказался: его воспоминания об иных странах и людях были связаны лишь с кровавыми кошмарами, жуткими криками и воинами-гигантами. Гед прочитал все это по его лицу, когда старик несколько раз отрицательно покачал головой в ответ на все предложения юноши.

Итак, утром третьего дня Гед наполнил бурдюк из котиковой шкуры пресной водой и, поскольку не мог иначе отблагодарить стариков за кров и пищу, особенно старую женщину, которой ему очень хотелось что-нибудь подарить в ответ, сделал для них то, что мог: наложил заклятье на солоноватый ненадежный родничок. И вода струей забила из этого источника, поднявшись сквозь камни и песок, и была она вкусна и прозрачна, словно в горном ручье. Маленький колодец стариков стал неиссякаемым. Именно поэтому крошечный островок этот — всего-то песчаные дюны и острые скалы — нанесен теперь на все карты и даже получил название; моряки называют его Островом Родниковой Воды. Но нет больше и следа жалкой хижины, а зимние шторма за многие годы уничтожили все, что оставалось на острове от тех двоих, что провели там жизнь и умерли в одиночестве.

Старики спрятались в хижине и больше не выходили — словно боялись увидеть, как Гед уплывает на своей лодке в безбрежные воды. Природный ветер с севера наполнил волшебный парус, и суденышко быстро помчалось по морю к югу.

Теперь эта погоня уже представлялась Геду довольно сомнительным предприятием: он хорошо понимал, что охотится за неведомой дичью, к тому же находящейся неизвестно где. Теперь он вынужден был полагаться лишь на собственные догадки и предчувствия, да еще — на везение, то есть охотиться так, как раньше Тень охотилась на него самого. И охотник, и дичь сбивали друг друга с толку. Гед терялся от собственной неспособности увидеть Тень при свете дня и ощутить своего врага во плоти; Тень же при свете была слепа и не способна бороться с материальным противником. Одно лишь теперь стало ясно Геду: он перестал быть жертвой и стал охотником. Хотя бы потому, что Тень, обманом заманив его на скалы, вполне могла бы разделаться с ним, когда он лежал полумертвый на берегу или полз в темноте через дюны; однако она не воспользовалась своей властью. Обманув его, она сразу же бежала и не осмеливалась теперь встретиться с ним лицом к лицу. Все это подтверждало правоту Огиона: эта тварь никогда не сможет воспользоваться силой Геда, если он сам станет преследовать ее. Значит, он должен продолжать охоту, гнаться за своим врагом, хоть след его почти утрачен и ничто не может указать ему путь в безбрежности океана, разве что поможет попутный ветер да неясная догадка или предчувствие подскажет, куда — на юг или на восток — должен он теперь плыть.

В преддверии ночи Гед заметил вдали, чуть левее курса, длинную, едва видимую полоску земли — берег какого-то большого острова, должно быть, Карего-Ат. Сейчас он как раз находился в наиболее оживленном сплетении морских путей каргов, этих белокожих варваров. Гед внимательно и неустанно оглядывал морские просторы, чтобы вовремя заметить любое крупное судно и уйти в сторону. А в воспоминаниях его вновь и вновь всплывал тот подсвеченный красным туман — утро из его детства в деревне Десять Ольховин; вновь перед ним мелькали воины с перьями на шлемах, горящий дом, запах дыма... Вспоминая это, он вдруг спокойно осознал, что на этот раз Тень ускользнула от него при помощи его же собственной уловки — загнав его в туман, который будто выта-

щила из прошлой жизни своего врага, а потом, лишив видимости, бросила лодку на смертельно опасные скалы.

Гед по-прежнему плыл на юго-восток, и остров скрылся из глаз еще до наступления полной темноты. Но теперь ночь овладела этой половиной мира. Провалы между волнами казались заполненными жидкой чернотой, хотя на гребешках их еще играл красноватый отблеск заката. Гед громко спел «Зимнюю песню» и другие песни из «Сказания о подвигах Молодого Короля», какие припомнил. Ведь эти песни поют на празднествах в честь Солнцеворота. Голос его звучал ровно, однако безбрежная немота моря глушила его чистый звук. Быстро спускалась ночь, появились яркие зимние звезды.

В течение всей этой самой долгой в году ночи он не спал: смотрел, как плывут у него над головой звезды — прямо в промежуток между согнутой левой рукой и рулевым веслом — и тонут в далеких темных водах справа по борту, а непрерывно дувшие зимние ветры несли и несли его на юг по волнам невидимого во тьме океана. Он засыпал разве что урывками и сразу же просыпался, словно от толчка: ведь лодка, на которой он плыл, по-настоящему лодкой вовсе и не была и больше чем наполовину состояла из заклятий и колдовства, соединявших разрозненные доски и куски плавника, которые — если б только он позволил заклятью Воплощения чуть-чуть ослабнуть — тут же распались бы и поплыли в разные стороны. Да и парус, сотканный из магических нитей и воздуха, недолго продержался бы на таком ветру, если бы Гед заснул. Он просто исчез бы, словно вздох. Гед применил могущественные заклинания, но если цель не слишком значительна, то и сила этих заклятий недолговечна, а потому время от времени их следует укреплять, так что спать было никак нельзя. Конечно, он мог бы преодолеть этот путь куда легче и быстрее в обличье сокола или дельфина, но Огион не зря советовал избегать превращений. Гед знал цену советам Огиона, а потому и плыл к югу на утлой лодчонке под движущимися на запад звездами. Но вот долгая ночь подошла к концу, и первый день нового года засиял над морем.

Вскоре после восхода солнца Гед увидел впереди землю, но лодка едва двигалась: был почти полный штиль. Гед наполнил парус несильным волшебным ветерком и

направил лодку к берегу. И тут страх вновь завладел его сердцем, тот самый леденящий душу страх, что заставил его когда-то свернуть с избранного пути, бежать, спасаться. Но теперь этот страх вел его, словно запах — охотничьего пса, словно хорошо заметный след когтистых лап огромного зверя, который в любую минуту может напасть на тебя из зарослей. Гед ясно чувствовал: враг близко.

Странный это оказался остров, и непонятными были его постепенно вырисовывающиеся очертания. То, что издали казалось сплошной отвесной каменной стеной, распалось на несколько скал, или, точнее, скалистых островков, между которыми в узких проливах, словно в тунелях, стремительно неслась вода. Гед изучил немало лоций и карт в Одинокой Башне у Мастера Ономатета, но они в основном имели отношение к островам Архипелага и Внутренних Морей. А он теперь вышел в Открытое Море, в его восточную часть, и остров этот был ему совершенно неизвестен. Впрочем, о географии он думал недолго. Мысли его почти полностью занимала предстоящая встреча с тем ужасом, что таится среди этих покрытых лесом утесов, коварно поджидая его. Но Гед жаждал этой встречи.

Увенчанные мрачными деревьями утесы нависали прямо над его лодкой, похожие на высокие темные неприветливые башни. Сильный прибой у скал с ног до головы заплевал его пеной и брызгами; между тем парус, надутый волшебным ветром, увлекал лодку куда-то в узкий, шириной не больше двух галер, пролив, ведущий в глубь острова. Море в этом коридоре беспокойно металось и билось о крутые скалы, почти отвесно уходившие в темную глубокую воду, на поверхности которой отражался холодный свет горных вершин. Здесь было безветрие; царила полная тишина.

Тень обманом заманила его на вересковые пустоши Осскила, обманом выбросила на скалы в тумане; может, это очередная ее уловка? Он ли загнал сюда эту тварь, или это она завлекла его в ловушку, Гед пока не понял. Он знал, что бесконечно измучен страхом, а потому должен непременно идти вперед, сделать наконец то, на что решился: довести охоту до конца, прогнать этот ужас к его истокам. Он осторожно плыл на веслах, внимательно обводя глазами каждый выступ на скалистых утесах, под-

нимавшихся по обе стороны. Солнечный свет остался далеко позади, в море. Здесь, в узком проливе, было почти темно. Отсюда выход на простор океана казался далекими светящимися воротами. Все выше и выше, почти смыкаясь над головой, поднимались утесы; он приближался к основанию горы, породившей эти скалы. Пролив становился все уже. Гед с трудом продвигался по темному коридору, каменные стены которого были изрыты пещерами. Путь ему преграждали огромные валуны, на которых скрючились карликовые деревья; корни их наполовину висели в воздухе. Все казалось мертвым, недвижимым. Близился конец пролива — у высокой гладкой массивной скалы, где последние морские волны слабо плескались в узеньком, шириной с небольшой ручей, пространстве. Валуны, подгнившие стволы упавших деревьев, длинные корни подмытых растений оставляли совсем мало места для лодки. Ловушка. Темная ловушка в самом чреве безмолвной горы. А в ловушке он, Гед. Вокруг — ни впереди, ни позади — не двигалось ничто. Все замерло, оцепенело. Дальше пути не было.

Гед развернул лодку, осторожно подталкивая ее волшебными словами и веслом, чтобы не удариться о бесконечные валуны и не запутаться в заполонивших все корнях и ветвях деревьев. Он уже готов был призвать волшебный ветер, чтобы вернуться назад, в море, как вдруг слова заклятья замерли у него на устах, а сердце в груди похолодело. Гед оглянулся: прямо у него за спиной в лодке стояла Тень.

Если бы он хоть мгновение промедлил, то неминуемо пропал бы; но он был наготове и успел крепко схватить тварь, дрожавшую и извивавшуюся в его руках. Никакое волшебство теперь помочь ему не могло, лишь сила собственных рук да жажда жизни, восставшая против этой нежити. В атаку он бросился молча; от его резкого броска лодка качнулась и хлебнула воды. Нестерпимая боль хлынула по рукам прямо в грудь, в сердце, у него перехватило дыхание, леденящий холод заполнил душу, и ему показалось, что он ослеп, ибо в руках своих не видел ничего — только тьму, пустоту.

Гед, спотыкаясь, шагнул вперед и, чтобы не упасть, ухватился за мачту: внезапно глаза его вновь прозрели. Он увидел, как вырвавшаяся из его рук Тень, содрогаясь,

собралась в комок и поднялась в воздух. Она распростерлась у него над головой, словно черный дым на ветру, потом свернулась в кольцо и унеслась прочь бесформенной дымкой, летя низко над водой прямо к ярко освещенному выходу из пролива в море.

Гед рухнул на колени. Маленькая, волшебством его созданная лодка сильно качнулась и с трудом сохранила равновесие на неспокойной воде. Ее хозяин свернулся на дне клубком, странно оцепенев и не в силах думать ни о чем, пытаясь лишь набрать в грудь побольше воздуха; но тут холодная вода, начавшая протекать в лодку прямо под Гедом, напомнила, что за волшебным суденышком надо следить. Юноша встал, по-прежнему держась за мачту-посох, и как можно тщательнее сотворил заклятье Воплощения снова. Он продрог до костей, был измотан до предела, руки и плечи его, покрытые ранами, болели. Ему даже показалось, что лучше, может быть, просто остаться здесь, в темноте, где море проникает в чрево горы, заснуть и долго-долго спать, покачиваясь на слабых волнах.

Он не знал, возникло ли это желание вследствие чар, навеянных Тенью перед бегством, или из-за ее ледяного смертельного прикосновения, или просто из-за того, что он давно уже не ел и не спал, израсходовав последние силы. И Гед решил в любом случае не сдаваться; он поднял волшебный ветер и двинулся по проливу туда, куда умчалась черная Тень.

Ужас исчез. Но не было и радости. Погоня кончилась. Он больше не был ни жертвой, ни охотником. В третий раз он встретился с Тенью лицом к лицу после того, как по собственной воле искал ее. Он схватил ее руками, но не удержал, хотя теперь между ними создалась необычайно прочная связь, кольцо без единой трещины. Больше не требовалось преследовать Тень, вынюхивать ее след, несмотря на стремительное бегство. Теперь их встреча неизбежна, предопределена, и произойдет она в назначенном судьбой месте; это будет их последнее свидание.

Однако до той поры не будет Геду ни сна, ни покоя; ни днем, ни ночью; ни на земле, ни на море. Теперь он знал, и невероятно тяжела была эта истина: вовсе не требовалось исправлять некогда им совершенное — требовалось лишь завершить начатое.

Гед прошел меж темными утесами, и перед ним рас-

кинулся морской простор. На небе разливалась заря, свежий ветер дул с севера.

Он напился солоноватой воды, остававшейся еще в бурдюке из котиковой шкуры, и поплыл вдоль берега острова на запад, пока не добрался до широкого пролива. Невдалеке был виден другой остров. Теперь он узнал это место, призвав на помощь все свои знания восточной части Открытого Моря. Это были острова под названием Руки — Западная и Восточная, — вытянувшие свои узловатые скалистые «пальцы» на север, словно пытаясь дотянуться до островов Каргада. Гед поплыл дальше между островами, а когда к полудню небо заволокло штормовыми тучами, высадился на берег; это была южная оконечность западного из островов. Он издали заприметил небольшую деревушку, чуть выше берега моря, откуда сбегал быстрый ручей. Геду было все равно, как его примут здесь, лишь бы удалось раздобыть воды, согреться у огня и поспать.

Жители деревни оказались грубоватыми застенчивыми людьми; они побаивались уже одного только волшебного посоха Геда и его необычного лица с темной кожей, однако встретили его приветливо, ибо он приплыл в одиночку через бурное зимнее море. Они дали ему не только достаточно пищи и воды, но и благодать живого огня, покой человеческих голосов, говорящих на знакомом языке, и, что самое главное, они дали ему много горячей воды, чтобы смыть с тела въевшуюся морскую соль и согреться, а еще — постель, где он мог наконец выспаться всласть.

9

ОСТРОВ ИФФИШ

Три дня Гед провел в деревушке на острове Западная Рука. Он отдыхал и строил лодку — уже не из заклятий и кусков плавника, а из хорошего дерева. Лодка была крепко сшита, проконопачена, просмолена, с крепкой мачтой и настоящим парусом, которым легко было управлять, а при попутном ветре под ним можно было и поспать. Как и большинство лодок на Архипелаге и в Северном Пределе, лодка Геда была обшита внакрой, когда доски накладываются одна на другую и для пущей прочности еще и прибиваются. Вся она была сделана основательно и добротно и готова к плаванию в Открытом Море. Гед с помощью особых заклятий еще усилил ее надежность, ибо путь ему предстоял неблизкий. Лодка легко несла вес троих мужчин, и старик, прежний ее владелец, сказал, что он с братьями не раз выходил на ней раньше в море даже при плохой погоде.

В отличие от скуповатых и строптивых рыбаков с Гонта, старик этот из боязни и преклонения перед настоящим волшебником отдал бы лодку и за так, но Гед хорошо расплатился с ним: волшебным способом избавил его от катаракты, из-за которой старик почти ослеп. Излечившись, обрадованный донельзя старый рыбак сказал Геду:

— Мы-то называли лодку «Зуёк-перевозчик», но ты назови ее «Зоркая» да нарисуй у нее на носу глаза: это мои благодарные глаза будут смотреть вперед из слепого дерева и хранить тебя от скал и рифов. Я ведь почти забыл, как много еще света в нашем мире, а ты вернул мне этот свет.

Гед, живя в деревне, занимался и другими делами; к нему постепенно возвращались силы. Здесь, на крутых, поросших лесом берегах острова Западная Рука жили такие же простые люди, как те, кого он знал мальчишкой в родной деревне, только, пожалуй, чуть победнее. Здесь он чувствовал себя как дома, как никогда не чувствовал себя в богатых домах; он без подсказки и лишних вопросов понимал неизбывную горькую нужду этих людей. А потому наложил заклятье на их детей, особенно на тех, что были больными или хроменькими; отныне все дети должны были оставаться здоровыми. Наложил он заклятье и на тощих деревенских овец и коз — пусть набирают вес и размножаются. Древнюю руну Симн он использовал для наложения чар на веретена и ткацкие станки, на лодочные весла и инструмент из бронзы и камня, на все, что приносили ему люди: пусть спорится у них работа. А руну Пирр Гед начертал на крышах деревенских домов, чтобы защитить их обитателей от пожаров, ураганов и безумия.

«Зоркая» его была готова, и достаточно уже было запасено воды и вяленой рыбы, но Гед все-таки задержался

еще на день в полюбившейся ему деревне, чтобы выучить с молодым регентом песнь о подвиге Морреда, а также песнь о хавнорской битве. Крайне редко суда с Архипелага бросали якорь у этих берегов, так что песни, сложенные века назад, были для здешних жителей почти новинкой. Им страшно хотелось узнать, что же случилось с героями этих песен потом. Если бы Гед не спешил, если бы необходимость завершить начатое не гнала его дальше, он с радостью остался бы еще на неделю или на месяц и спел им все известные ему героические песни, чтобы о знаменитых подвигах древних узнали еще на одном острове Земноморья. Но задерживаться Гед не мог.

С зарей поднял он свой парус и поплыл прямо на юг по морям Дальних Пределов — именно в этом направлении скрылась тогда Тень. Геду не требовалось ни колдовства, ни заклятий, чтобы выяснить, где она: он это просто знал, знал совершенно точно, как если бы тонкая неразрывная нить связывала его с Тенью, сколько бы ни было между ними морей и островов. Так что плыл он наверняка, не спеша и ни на что не надеясь, по тому единственному пути, какому должен был следовать, а зимний ветер гнал и гнал его на юг.

Сутки плыл он по пустынным водам и утром второго дня причалил к берегу небольшого островка, который, как ему сказали, назывался Вемиш. Люди в крошечной гавани поглядывали на Геда подозрительно, и вскоре не замедлил явиться местный колдун. Он пронзил Геда взором, поклонился и сказал напыщенно и льстиво:

— О великий маг! Прости мое безрассудство и соблаговоли принять от нас в дар все, что тебе потребуется для твоего дальнейшего путешествия — пищу, воду, парусину, веревки. Вот сейчас, например, к твоей лодке спешит моя дочь — несет только что зажаренных кур; я надеюсь, что она поступает благоразумно, не правда ли? Конечно же, ты продолжишь свой путь, когда сочтешь нужным, вот только люди у нас малость напуганы. Дело в том, что не далее чем позавчера был замечен странный человек, что шел пешком через наш островок с севера на юг; ни на берегу, ни на море не оставил он никакой лодки, чтобы потом продолжить свой путь, и, что самое странное, он не отбрасывал тени. Те, кто видел его, говорят, что он был в точности похож на тебя!

Услышав это, Гед лишь коротко кивнул, вернулся к причалу и быстро поплыл прочь от Вемиша, не оглядываясь назад. Ему не принесло бы пользы то, что жители города смертельно перепугались бы, а их колдун превратился бы в его врага. Лучше еще одну ночь провести в море, а заодно и обдумать хорошенько то, что сообщил ему колдун. Душа Геда сжалась от страшного предчувствия. День отошел, постепенно стемнев; наступила ночь и принесла с собой холодный дождь, шепот которого не умолкал над морскими просторами до серого рассвета. Дождь продолжался до полудня, а северный ветер все гнал и гнал «Зоркую» вперед; потом туман рассеялся, и порою даже начало проглядывать солнце, а ближе к вечеру Гед увидел прямо по курсу голубые холмы крупного острова, освещенные бледным зимним солнцем, готовым скрыться за горизонтом. Дым от каминных труб синим облаком висел над светло-серыми крышами домов в небольших опрятных селениях, расположившихся по склонам гор, — удивительно приятное зрелище после бесконечного однообразия моря.

Гед следом за рыбацкими судами вошел в гавань, причалил в порту и поднялся по крутой улице города, залитого золотым светом зимнего вечера. Вскоре он обнаружил харчевню под названием «Харрекки», где огонь камина, эль и жареные бараньи ребрышки согрели его тело и душу. В обеденном зале за столом сидели еще двое путешественников, торговцы с островов Восточного Предела, но в основном посетителями здесь были местные жители, собравшиеся, чтобы выпить доброго пивка, обменяться новостями и просто поболтать. Это были уже не грубовато-застенчивые рыбаки с острова Западная Рука, а настоящие горожане, веселые и общительные. Конечно же, они сразу признали в Геде волшебника, но об этом не было сказано ни слова, разве что хозяин харчевни мимоходом, а он явно любил поговорить, заметил, что их город, Исмей, к счастью, имеет — вскладчину с остальными городами острова — неоценимое сокровище: самого настоящего волшебника, получившего образование не где-нибудь, а в Школе на острове Рок, а волшебный посох ему вручил сам Верховный Маг Земноморья. Волшебника этого хоть в данный момент в городе и нет, но проживает он здесь, в

родительском доме, а потому их городу никакого другого волшебника вроде бы больше и не требуется.

— Говорят ведь: «Два волшебных посоха в одном городе — жди несчастья!» Не правда ли, господин мой? — сказал хозяин, добродушно улыбаясь.

Этим нехитрым намеком он давал Геду понять, что должности городского волшебника здесь ему не видать, да и вообще — вряд ли он будет особо желанным гостем в Исмее. Получалось, что его сперва весьма недвусмысленно попросили убраться с Вемиша; теперь, почти по той же причине, только в более мягкой форме, его просили покинуть Исмей. Оставалось дивиться: он так много слышал о небывалом гостеприимстве жителей Восточного Предела. К тому же это был тот самый остров Иффиш, где родился его друг Ветч. Но остров этот встречал Геда вовсе не так тепло, как можно было судить по давним рассказам Ветча.

И все же было заметно, что лица у жителей Иффиша действительно очень добрые. Одна лишь мысль не давала Геду покоя: он не такой, как все, ему нужно держаться подальше от людей, на нем — страшное проклятье, его преследует черная Тень. Он ощущал себя ледяным ветром, случайно залетевшим в согретую очагом уютную комнату, черной невиданной птицей, занесенной злым штормом из дальних стран. И чем скорее он уберется отсюда вместе со своей злой судьбой, тем будет лучше этим добрым людям.

— Я спешу на поиски, — ответил он хозяину харчевни, — и пробуду здесь всего ночь или две.

Голос его звучал холодно. Хозяин взглянул на тисовый посох в углу и решил пока промолчать, зато наполнил кружку Геда темным пивом так щедро, что пена пошла через край.

Гед понимал, что ему следует провести в Исмее лишь одну ночь. Здесь ему тоже не были рады. Он должен следовать зову своей судьбы. Однако он смертельно устал от холодного пустынного моря и безмолвия, а потому решил, что проведет в Исмее еще сутки, а утром следующего дня уедет. Он спал очень долго, а когда проснулся, то увидел, что за окном падает легкий снежок. Потом он без цели слонялся по улицам и переулкам города, наслаждаясь будничной суетой вокруг: смотрел, как ребятишки в

меховых шапках играют в снежную крепость и делают снеговиков; слушал разные сплетни; ловил обрывки разговоров, доносившихся из раскрытых дверей домов; зашел в кузню, где работал мастер по бронзе, мехи ему помогал качать мальчишка с раскрасневшимся потным лицом; за окнами, от которых отражался красновато-золотистый свет заката — короткий зимний день близился к концу, — он видел женщин за ткацкими станками, которые оборачивались порой, чтобы улыбнуться мужу или ребенку. От всего этого человеческого тепла Гед был как бы отделен; тяжкое одиночество охватило его, комом стояло в горле, но он ни за что не признался бы, что грустит потому, что всегда один. Настала ночь, но он продолжал слоняться по улицам, в гостиницу возвращаться не хотелось. Вдруг до него донеслись обрывки веселого разговора: разговаривали молодой мужчина и девушка, спускавшиеся мимо Геда к городской площади. Гед обернулся и застыл: он узнал голос мужчины.

Он двинулся следом и скоро нагнал их в темноте, освещаемой лишь тусклым светом фонарей. Девушка испуганно отшатнулась, а мужчина внимательно посмотрел на него и грозно поднял свой посох предостерегающим жестом. Это было уж слишком. Голос Геда дрогнул, когда он сказал:

— Я думал, ты узна́ешь меня, Ветч.

И все-таки Ветч колебался.

— Да, я узнаю́ тебя, — сказал он наконец и опустил посох. Потом обнял Геда за плечи и стал жать ему руку. — Я узнаю тебя! Здравствуй! Здравствуй, дружок, добро пожаловать! Ты прости меня за такую встречу... прости, что смотрел на тебя, как на злого духа... Ведь я ждал тебя, ждал, когда ты приедешь, искал тебя!..

— Значит, это ты — тот великий волшебник, которым хвастают жители Исмея? Я еще подумал...

— Ну конечно, я их волшебник. Но послушай, дай рассказать, почему я не сразу признал тебя, парень. Может, я слишком рьяно искал тебя?.. Три дня назад... а ты случайно не был на Иффише три дня назад?

— Я приплыл сюда вчера.

— Три дня назад на улице соседней с нами деревушки Квор — она тут недалеко, в горах — я видел тебя. То есть, наверно, не тебя, а твою точную копию или просто кого-

то очень похожего. Человек этот шел прямо передо мной, направляясь в Исмей, и на перекрестке я окликнул его. Но ответа не получил. Тогда я пошел за ним, но он сразу куда-то исчез, прямо как сквозь землю провалился. Только земля рядом с дорогой вдруг покрылась инеем. Все это показалось мне очень странным, и когда ты возник прямо передо мной из темноты, я решил, что это те же шутки. Ты прости меня, Гед.

Последнее слово он сказал совсем тихо, так что девушка, стоявшая поодаль, не смогла бы его расслышать.

Гед ответил, тоже тихо произнося подлинное имя своего друга:

— Ничего, Эстарриол. Но сейчас это действительно я, и я ужасно рад тебя видеть...

Возможно, Ветч услышал в его голосе нечто большее, чем просто радость. По-прежнему обнимая Геда за плечи, он сказал словами Истинной Речи:

— Пусть ты снова в беде и вышел из тьмы, но сколь радостен мне приход твой, о Гед!

И продолжал уже на ардическом со своим восточным акцентом:

— Ну, пойдем, пойдем к нам! Мы ведь как раз домой шли, поздно уже и на улице темно!.. Да, это моя сестра. Она самая младшая в нашей семье и, как видишь, гораздо красивее меня, зато куда глупее. Ярроу ее имя. А это, сестренка, мой Ястребок, самый лучший ученик нашей Школы, мой самый дорогой друг.

— Ах, господин волшебник, — приветствовала его девушка и в знак уважения склонила голову и прикрыла глаза руками, как это полагается женщинам Восточного Предела при встрече с незнакомым мужчиной; а вообще-то ее ясные глаза глядели хоть и застенчиво, но с любопытством. Было ей, наверно, лет четырнадцать; такая же темноволосая, как брат, но очень хрупкая, тоненькая. На рукаве ее висел, зацепившись когтями, настоящий крылатый дракон размером не больше ладони.

Втроем они двинулись по темной улочке вниз, и Гед заметил:

— У нас на Гонте считают, что гонтийки — самые храбрые женщины в мире, но я никогда не встречал там ни одной, чтобы дракона носила как украшение.

Ярроу рассмеялась и тут же ответила:

— Но это же только харрекки! Разве у вас на Гонте харрекки не водятся? — Она внезапно смутилась и опустила глаза.

— Нет, что ты, драконов у нас нет. А разве это не настоящий дракон?

— Настоящий, только маленький. Он живет на дубах, питается осами, гусеницами да воробьиными яйцами. Он больше этого не вырастает. Ах, господин волшебник, мой братец так часто мне рассказывал о каком-то замечательном зверьке, что у вас был, дикий такой, отак, кажется?.. Он еще у вас?

— Нет. У меня его больше нет.

Ветч обернулся к нему, словно собираясь что-то спросить, но прикусил язык и ничего спрашивать не стал. Расспросы начались потом, когда они остались вдвоем у камина в гостиной.

Несмотря на то что он являлся главным волшебником целого острова, Ветч поселился со своим младшим братом и сестрой в Исмее, маленьком городке, где родился. Отец его был морским торговцем и довольно состоятельным человеком; он оставил детям просторный дом, битком набитый посудой, тканями, красивыми сосудами из бронзы и меди, расставленными на резных полках и сундучках. В одном из углов гостиной стояла большая таонийская арфа, а в другом — ткацкий станок Ярроу, высокая рама которого была украшена слоновой костью. В Исмее Ветч при всей своей скромности был не только могущественным волшебником, но и хозяином собственного дома. При доме жили слуги, муж и жена, состарившиеся здесь, а еще — брат Ветча, сообразительный веселый парнишка, и Ярроу, быстрая и молчаливая, словно рыбка. Это она прислуживала друзьям за ужином и сама поужинала вместе с ними, тихонько слушая их беседу, а потом незаметно выскользнула из гостиной и удалилась в свою комнату. Казалось, все вещи в этом доме — на своем месте, все дышат миром и покоем. Гед, оглядывая освещенную камином комнату, сказал:

— Так вот только и должен жить человек. — И вздохнул.

— Что ж, для кого-то, может быть, и это — хороший дом, — откликнулся Ветч. — Для кого-то нет. А теперь, парень, расскажи, если можно, что все-таки с тобой приключилось, что обрел ты и что потерял со времени нашей

последней с тобой беседы — два года тому назад. И скажи, куда это ты так спешишь, ведь я прекрасно вижу, что ты у нас не задержишься?

Гед рассказал ему все, а когда закончил свой рассказ, Ветч долгое время сидел задумавшись. Потом без обиняков заявил:

— Я пойду с тобой, Гед.

— Нет.

— Думаю, что так будет лучше.

— Нет, Эстарриол. Это не твой путь, и не на тебе лежит проклятье. Я один начал все это, один и должен покончить со злом. И не хочу, чтобы кто-то еще пострадал из-за меня, — меньше всего, чтобы пострадал ты, Эстарриол, ведь именно ты с самого начала пытался удержать меня от дурацкого поступка...

— Твоим умом всегда правила гордость, — сказал его друг, улыбаясь так, словно они говорили о пустяках. — Ну а теперь подумай: это, разумеется, твой враг и твой путь, но если погибнешь ты, то разве не нужно, чтобы кто-то узнал об этом и смог как можно скорее передать весть о грядущей опасности жителям Архипелага? Ведь Тень, победив тебя, обретет страшную, небывалую силу. А если ты победишь эту тварь, то разве не нужно, чтобы кто-то смог с гордостью разнести весть об этом по всему Земноморью, чтобы подвиг твой был воспет в героических песнях? Я понимаю, что пользы от меня в этом деле никакой, но все же, по-моему, нам лучше идти вместе.

Это было хорошо сказано, и Гед согласился, однако заметил:

— Мне просто не следовало задерживаться в Исмее еще на день. Я ведь знал это — и все-таки остался.

— Волшебники случайно друг с другом не встречаются, парень, — возразил Ветч. — И в конце концов, как ты сам только что сказал, это я был с тобой в самом начале твоего пути. По справедливости именно я и должен пойти с тобой до конца. — Он подбросил в камин дров, и они некоторое время сидели молча и глядели на пламя.

— Есть человек, о котором я больше ни разу не слышал с той ночи на вершине Холма; у меня, впрочем, и не возникало особого желания выяснять, куда он делся. Я имею в виду Джаспера.

— Он так и не получил посоха волшебника. Тем же

летом он покинул Рок и отправился на остров О — в качестве придворного колдуна. Больше я о нем ничего не знаю.

Они снова помолчали, глядя в огонь и наслаждаясь теплом — ночь была холоднющая. Сидели они, поставив ноги прямо на край камина, чуть ли не на уголья: грелись.

Наконец Гед сказал очень тихо:

— Есть только одно существо, которого я боюсь, Эстарриол. И если ты отправишься со мной, страх этот еще возрастет. Там, на островах, что зовутся Руки, я заплыл в страшный тупик, в самое чрево горы и бросился на эту тварь — она была на расстоянии вытянутой руки; я схватил ее... попытался схватить... Но мне не за что было уцепиться, я не смог ее удержать, не смог победить. Она бежала, я последовал за ней. Но это может произойти снова, еще и еще раз... У меня нет власти над этой Тенью. Возможно, в конце пути не будет ни смерти, ни победы; нечего будет воспевать — ибо не будет самого конца. Возможно, я должен буду потратить всю свою жизнь на поиски ее по всем морям и океанам, плавая с одного острова на другой — в неведомых краях: бесконечное бессмысленное путешествие.

— Минуй нас! — быстро проговорил Ветч, особым образом выворачивая левую руку: так отводят зло, упомянутое вслух. И несмотря на мрачные свои мысли, Гед все-таки улыбнулся, заметив этот жест. Ведь слова эти — скорее детская присказка, чем хоть какое-то колдовство. В Ветче навсегда сохранилась некая деревенская наивность, но он, несомненно, мыслил четко, был упорен и сразу ухватывал самую суть дела. И теперь он сразу все понял и сказал: — Я думаю, что мрачные твои мысли не совсем верны. Мне почему-то кажется, несмотря на то, ЧТО я видел тогда на Холме Рок, что конец твоего пути близок. Как-нибудь да выясним, что такое эта Тень, чем она живет, и уж тогда ты ее не упустишь. Конечно, трудно сказать, что она такое... Например, кое-чего я совсем не понимаю, и это меня беспокоит: похоже, теперь эта тварь стала твоим двойником, по крайней мере обладает твоей внешностью; такой ее видели на Вемише. Такой я видел ее и здесь, на Иффише. Как такое могло случиться и почему? И почему, в таком случае, она никогда этого не делала раньше?

— Говорят, в Дальних Пределах все правила меняются.

— Да, это верно, могу подтвердить. На Роке, например, я выучил некоторые прекрасные заклинания, но здесь они не имеют никакой силы или действуют совсем наоборот; зато на этих островах существуют заклятья, совершенно неизвестные в Школе. Каждая страна сильна собственной силой; и чем дальше ты от Внутренних Островов, тем меньше известно тебе о природе этих сил и их действии. Но я думаю, что не только потому облик Тени так изменился.

— Мне тоже так кажется. Я почти уверен, что это произошло, когда я перестал спасаться от нее бегством и сам решил встретиться с ней лицом к лицу. Моя воля придала ей форму, а то, что я больше ее не боюсь, мешает ей высасывать из меня силы. Все мои действия эхом отзываются в ней; она создана мной.

— В Осскиле она назвала тебя по имени и пресекла всякую возможность применить против нее волшебство. Но почему она не сделала того же во второй раз?

— Не знаю. Возможно, она черпает свои силы лишь в моей слабости. Ведь она говорит голосом, очень похожим на мой — если не моим собственным... Иначе откуда ей знать мое подлинное имя? Как она узнала его? Я все время ломал над этим голову, с тех пор как покинул Гонт, плавая по морям и океанам, но так и не нашел ответа. Возможно, она вообще лишена голоса — в той своей ипостаси или, точнее, полной своей бесформенности — и говорит лишь чужими устами, как оборотень? Не знаю.

— Тогда тебе следует опасаться очередного оборотня.

— Я думаю, — ответил Гед, протягивая руки к красным угольям и чувствуя, как его охватывает озноб, — я думаю, что с оборотнем больше не встречусь. Теперь мы слишком крепко с ней связаны. Она уже не может освободиться от меня и завладеть чьей-то еще душой, опустошить ее, лишить воли и жизни, как Скиорха. Она может, однако, проникнуть в мою душу — если в минуту слабости я вновь попытаюсь бежать от нее, разорвав возникшую связь. Но, когда я хватаю ее руками, держу изо всех сил, сама она исчезает как дым, ускользает от меня... И снова, наверно, ускользнет, но все же не навсегда: я всегда могу найти ее. Я навечно связан с этим отвратительным жестоким существом и не смогу избавиться от него, пока не

узнаю слово, которому проклятая тварь подчинится: ее имя.

Ветч задумчиво спросил его:

— А разве тени из царства Тьмы имеют имена?

— Верховный Маг Геншер считал, что нет. Мой Учитель Огион утверждал обратное.

— Великие Маги всегда остаются соперниками, — заключил Ветч с мрачноватой улыбкой.

— Та, что служила Древним Силам Земли на Осскиле, поклялась, что Камень скажет мне имя Тени, но этому я почти не верю. Однако ведь и дракон предлагал мне ее имя взамен собственного — чтобы отделаться от меня... Мне кажется, что, когда маги спорят между собой из-за чего-то, драконы могут просто это знать... Они ведь куда мудрее людей.

— Мудрее, но не добрее. Постой, а что это еще за дракон? Ты как-то позабыл рассказать, что теперь запросто беседуешь с драконами.

Они проговорили в ту ночь допоздна, но все время возвращались к одному и тому же горькому вопросу: что ожидает Геда в конце пути. Но счастье оттого, что теперь они вместе, гнало прочь все страхи; дружба их прошла испытания временем и судьбой, и ничто не смогло нарушить ее.

Утром Гед проснулся в доме друга и, еще не совсем расставшись с негой сна, почувствовал вдруг себя таким счастливым, словно навсегда теперь был защищен от любых бед и несчастий. И весь день в душе его оставалось это утреннее ощущение, которое он счел не просто добрым предзнаменованием, а великим даром. Ему казалось, что этот дом — последний милый его сердцу уголок на земле, которого больше он никогда не увидит, а потому, пока длился этот сладостный недолговечный сон, он страстно желал быть счастливым.

Поскольку у Ветча были дела, которые срочно приходилось закончить до отъезда, он отправился по острову Иффиш со своим юным учеником и помощником. Гед остался в Исмее с Ярроу и ее средним братом по имени Мурре. Мурре казался самым обыкновенным пареньком; он не обладал ни магической силой, ни волшебным знаком на челе и нигде не бывал, кроме Иффиша и соседних островов Тока и Холпа. Жизнь его была легка и беспе-

чальна. Гед смотрел на Мурре с изумлением и некоторой завистью, как, впрочем, и Мурре на Геда: каждому странным казалось то, что другой столь сильно отличается от него самого, хоть они и ровесники — обоим по девятнадцать. Гед дивился, как это человек, проживший целых девятнадцать лет, может оставаться таким беззаботным. Завидуя миловидности и веселому нраву Мурре, Гед чувствовал себя неуклюжим, грубоватым и не догадывался, что Мурре сгорает от зависти даже при виде одних только шрамов на лице молодого волшебника, считая их следами когтей дракона или древними рунами — в общем, знаком героя.

В итоге оба юноши немного стеснялись друг друга, что же касается Ярроу, то она скоро утратила подчеркнуто почтительный тон в обращении с Гедом, хотя вела себя достойно и сдержанно, как и подобает хозяйке большого дома. Гед был с ней очень нежен, и девочка задавала ему великое множество вопросов, ссылаясь на то, что «Ветч никогда ничего не рассказывает». Она была страшно занята: готовила путешественникам еду в дорогу — пшеничные сухарики, вяленую рыбу, мясо и многое другое, пока Гед не запросил пощады, сказав, что не собирается плыть отсюда до самого Селидора.

— А где это — Селидор? — спросила Ярроу.

— Очень далеко, в Западном Пределе. На этом острове драконов больше, чем полевых мышей.

— Тогда у нас в Восточном Пределе лучше: наши драконы, по крайней мере, так же малы, как мыши, хотя их тоже хватает. Ну хорошо, вот вам мясо на дорогу. Ты считаешь, этого достаточно? Слушай, я не понимаю: вы с братом оба могучие волшебники, вам стоит рукой махнуть, что-то там пробормотать — и все готово. Так зачем же вам голодать? Вот на море, например, наступает время ужина, и вы просто говорите: пирог с мясом! И пожалуйста вам — пирог с мясом тут как тут!

— Что ж, можно, конечно, и так. Только что-то не хочется. Словами, как говорится, не наешься. Пирог с мясом — это ведь всего лишь слова... Мы можем снабдить их ароматом и вкусом, даже ощутить тяжесть в желудке, но все-таки слова останутся словами. Только обманывают желудок, но сил голодному человеку не дают.

— Значит, волшебники кухарить не могут, — сказал

Мурре, сидевший у очага напротив Геда и вырезавший крышку красивой деревянной шкатулки; он был резчиком, хоть пока и не особенно умелым.

— Ну и повара тоже небось не волшебники, — сказала Ярроу, опустившись у печи на колени и пытаясь понять, готова ли последняя порция сухариков, которые подсушивались на кирпичах. Сухарики должны были стать золотисто-коричневыми. — Но я все-таки не понимаю, Ястребок. Я же видела, как мой брат и даже его ученик одним лишь словом своим зажигают свет в темноте; и свет этот негасим и ярок. Ведь это не слово, а именно свет разгоняет тьму!

— О да, — ответил Гед. — Свет — это энергия, благодаря которой существуем мы все, но она не зависит от наших потребностей, она вечна. Солнечный свет и свет далеких звезд измеряют время, а время само по себе — это свет. В солнечном свете, воплощенная в дни и годы, проходит жизнь. И в темноте жизнь может воззвать к свету, произнеся его имя... Впрочем, это нечто совсем иное, чем обычные заклинания волшебника, когда он подлинным именем называет тот или иной предмет. Свет сильнее любой магии. Хотя, чтобы призвать кого-то или что-то из иного мира, необходимы великое мастерство и большая магическая сила, которой без особой причины не пользуются... Во всяком случае — не тогда, когда просто хочется есть. Ярроу, твой дракончик украл сухарик.

Ярроу вся обратилась в слух, внимая непонятным речам Геда, и не заметила, как харрекки соскользнул с перекладины для чайника над очагом — самого теплого местечка в кухне — и схватил пшеничный сухарь, который был больше самого воришки. Ярроу взяла ящерку на колени и стала кормить крошками и обломками сухарей, размышляя над тем, что только что сказал ей Гед.

— Значит, вы не станете призывать настоящий пирог с мясом из боязни нарушить то, о чем вечно твердит мой брат... Я забыла, как это называется...

— Равновесие, — торжественно произнес Гед, потому что Ярроу была очень серьезна.

— Да. Но когда ты потерпел крушение на скалах, то уплыл с того островка на лодке, сделанной почти что из одних только волшебных слов. И воды она не пропускала! Разве это была иллюзия?

— Хм. Отчасти да, потому что чувствуешь себя очень неуютно, когда видишь воду прямо под собой сквозь дыры в лодке. Я поэтому и старался придать разрозненным кускам вид цельной вещи. Но прочность лодки иллюзией не была, как не была и сама лодка вызвана из другого мира. Это совсем другой вид волшебного искусства — Связующее заклятие. Им я связал все деревяшки воедино, превратив в маленькое суденышко. А что такое лодка, как не предмет, который не пропускает воду?

— Очень даже пропускает! Мне не раз приходилось из них воду вычерпывать, — вставил Мурре.

— Что ж, моя, конечно, тоже протекала, если я забывал укрепить заклятье. — Гед наклонился, схватил прямо с горячих кирпичей сухарик и жестом фокусника спрятал в руке.

— Вот, я тоже стащил сухарь, Ярроу.

— Наверно, все пальцы обжег. Вот потом, когда будешь голодать в безбрежном море, вдали от всех островов, вспомнишь еще об этом сухарике и скажешь: «Ах! Если б тогда я не крал сухаря, то сейчас мог бы съесть его! Увы!» Раз так, я тоже съем один — за моего братца, чтобы вы могли голодать вместе.

— Итак, Равновесие восстановлено, — заметил Гед, а Ярроу взяла и стала жевать горячий, еще недосохший сухарик, давясь от смеха, и в конце концов поперхнулась. Потом она снова стала серьезной и сказала:

— Я бы очень хотела действительно по-настоящему понять то, что ты говорил только что. Слишком, видно, я еще глупа.

— Сестренка, — сказал Гед, — это я виноват, что не умею как следует объяснить. Если бы у нас было больше времени...

— У нас будет больше времени, — воскликнула Ярроу. — Когда мой братец вернется домой, ты вернешься с ним вместе? По крайней мере ненадолго, ладно?

— Если смогу, — мягко ответил Гед.

Немного помолчали, потом Ярроу спросила, глядя, как харрекки взбирается обратно на перекладину для чайника:

— Скажи мне только одно, если это не секрет: какие еще великие силы есть в мире, кроме света?

— Это вовсе не тайна. Все силы имеют один источник

и один конец. Годы и расстояния, звезды и свечи, вода и ветер, волшебство и мастерство человеческих рук, мудрость, заключенная в корнях дерева, — все это возникает одновременно. Мое имя и твое, подлинные имена солнца, ручья, не рожденного еще младенца — все это лишь звуки одного великого слова, которое очень-очень медленно выговаривает сиянием звезд Вселенная. Никакой другой энергии не существует. И другого имени у всего этого — тоже.

На мгновение перестав вырезывать свой узор, Мурре спросил, так и держа в руке нож:

— А как же смерть?

Девушка молчала, склонив головку с блестящими черными волосами.

— Чтобы слово прозвучало, — медленно ответил Гед, — должна быть тишина. До слова и после него. — Потом вдруг поднялся и сказал: — Я не имею права говорить об этих вещах. То единственное слово, которое должен был сказать я сам, я сказал неправильно. Поэтому лучше мне помолчать. Возможно, есть лишь одна по-настоящему могущественная сила — Тьма. — И Гед торопливо покинул теплую кухню: взял плащ и отправился бродить в одиночестве под дождем и снегом по улицам зимнего города.

— На нем лежит какое-то проклятье, — сказал Мурре, глядя ему вслед со страхом.

— Мне кажется, что путешествие, куда он собирается, ведет его к смерти, — откликнулась Ярроу. — Он боится, но все же отправляется в путь. — Она подняла голову, словно видела перед собой за пляшущими языками огня одинокую лодку, все дальше и дальше уплывающую по зимнему морю и скрывающуюся за горизонтом. На мгновение глаза девушки наполнились слезами, но вслух она ничего больше не сказала.

Ветч вернулся на следующий день и испросил у нотаблей Исмея разрешение уехать на время. Те очень не хотели его отпускать среди зимы в смертельно опасное путешествие по морю, связанное к тому же не с его собственными планами; но ни мольбы их, ни упреки не могли остановить его. Наконец бесконечное ворчание старцев ему надоело, и он сказал:

— Я ваш — по рождению, по обычаям и по тому долгу, который обязан выполнить. Я ваш волшебник. Но по-

ра и вам вспомнить, что хоть я и служу вам, но все же не ваш раб. Когда я сделаю свое дело и смогу вернуться назад, я вернусь. А до той поры — прощайте.

Когда серый рассвет забрезжил над морем, «Зоркая» вышла из гавани Исмея, раскрыв коричневый прочный парус попутному северному ветру. На причале стояла Ярроу и смотрела вслед судну, как это делают жены и дочери моряков на всех островах Земноморья, провожая своих мужчин в Открытое Море; они не машут руками на прощание и ничего не кричат вслед, только стоят, закутавшись в плащи с капюшонами, серые или коричневые, там, на родном берегу, который остается все дальше и дальше позади, пока совсем не скрывается за широким морским горизонтом.

10

ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Гавань скрылась из виду, и умытые волнами нарисованные глаза «Зоркой» смотрели теперь только вперед, в безграничный простор, становившийся все более и более пустынным. За двое суток друзья прошли от Иффиша до острова Содерс — достаточно много, если учесть, что ветер был переменчивым, а погода не слишком благоприятной. Они ненадолго остановились в тамошнем порту лишь для того, чтобы пополнить запасы воды и купить просмоленной парусины — прикрыть пожитки от морских брызг и дождя. Они не позаботились об этом раньше, потому что волшебники обычно решают подобные мелочи с помощью нехитрых заклинаний, весьма, кстати, распространенных. Действительно, нужно совсем немножко волшебства, чтобы опреснить морскую воду и не возить с собой бурдюки. Но Гед, похоже, на этот раз упорно не желал ни сам использовать свое волшебное мастерство, ни разрешать это Ветчу. Он один лишь раз сказал: «Лучше не надо», и его друг ничего больше не спрашивал и не спорил. Тем более что не успел их парус подняться, наполненный ветром, как оба одновременно ощутили тяжкое предчувствие, леденящее душу, как зимний ветер. Гавань, покой дома, безопасность — все осталось далеко позади. Теперь они плыли в такие края, где любое приключение могло стоить жизни и ничто не совершалось просто так. На том пути, каким они вынуждены были следовать, даже произнесение самого маленького заклятья могло спугнуть удачу, нарушить Мировую Гармонию, сдвинуть с места Судьбу, ибо шли они теперь к самому центру Равновесия, туда, где встречаются свет и тьма. Избравшие этот путь не произносят ни единого слова зря.

Не встретив ни одного судна, они обогнули остров Содерс, где занесенные снегом поля сливались с уходящими ввысь туманными горами, и Гед снова направил лодку к югу. В этих водах никогда не бывали вездесущие торговцы с Архипелага; это был самый юг Восточного Предела.

Ветч ничего не спрашивал, понимая, что Гед путь не выбирал и плывет туда, куда должен плыть. Когда Содерс почти скрылся из виду, а волны шипели и плескались, рассекаемые носом лодки, и, куда ни глянь, серая равнина моря сливалась с небесами, Гед спросил:

— Что за земли лежат дальше по курсу?

— Прямо к югу от Содерса островов нет. А довольно далеко, на юго-востоке, есть небольшие островки: Пелимер, Корнай, Госк и Астоуэлл. Астоуэлл называют еще Последней Землей. За ними — Открытое Море.

— А на юго-западе?

— Там Роламени, большой остров Восточного Предела, а рядом всякая мелочь; потом до самых границ Южного Предела — ничего и дальше — Руд и Тум, а также остров Большое Ухо, куда люди никогда не высаживаются.

— Мы можем, — сухо сказал Гед.

— Я бы лучше не стал, — возразил Ветч. — Это неприветливые места; говорят, там весь берег завален скелетами и вообще полно всяческих загадок. Моряки рассказывают, что в воде близ островов Большое Ухо и Фар-Сорр отражаются звезды, которых больше нигде увидеть нельзя и которые имени своего не имеют.

— Да, на том корабле, что впервые привез меня на Рок, один моряк тоже рассказывал об этом. И еще он рассказывал всякие истории о людях, постоянно живущих на плотах в морях Южного Предела; они никогда не сходят на землю, кроме одного раза в году: нарезать длинных

жердей для своих плотов; все остальное время они проводят в океане, вдали от всякой земли, отдавшись на волю океанских течений. Я бы хотел посмотреть, как устроены эти селения на плотах.

— А я нет, — ухмыльнулся Ветч. — Мне подавай землю и людей, живущих на земле; пусть море остается в своей колыбели, я же предпочитаю свою, на суше...

— Еще мне бы хотелось увидеть все великие города Архипелага, — сказал Гед, по-прежнему держась за снасть и неотрывно глядя вперед, на безбрежные серые воды, — Хавнор, сердце Земноморья, и остров Эа, где зародились все наши легенды, и прекрасный город Шелитх с его фонтанами на острове Уэй — все города и все великие государства. И малые тоже, и даже самые загадочные, вроде тех, что находятся в Дальних Пределах. Хотелось бы, например, доплыть когда-нибудь до острова Драконьи Бега на самом западе. Или плыть и плыть на север, меж плавучих льдин, прямо к острову Хоген. Говорят, остров этот больше всех островов Архипелага вместе взятых. А еще говорят, это вовсе и не остров, а камни да рифы, скрепленные льдами. Никто не знает точно. И китов хочется увидеть в северных морях... Но нельзя. Я должен плыть туда, куда меня заставляют; я должен пока забыть об иных, прекрасных берегах. Слишком опрометчиво поступил я когда-то, и теперь времени у меня почти не осталось. Я сам променял этот солнечный мир, прекрасные города и дальние страны на миг власти, обернувшийся призрачной Тенью и властью Тьмы надо мной.

И Гед, как поступил бы на его месте любой настоящий волшебник, начал изливать горечь своих сожалений в песне, недолгой и грустной, обращенной к другу, и тот ответил ему словами из «Подвига Эррет-Акбе»: «Еще хоть раз увижу ль я лес белых башен предо мной и Хавнор, Хавнор милый мой...»

Так плыли и плыли они на юг по пустынным водам морей, и самым интересным событием за весь тот долгий день была стайка серебристых рыбок панни, тоже плывущих к югу. Ни разу не вынырнул рядом дельфин, не пролетела под серыми тучами ни чайка, ни гагарка, ни крачка. Когда небо на востоке потемнело, а на западе налилось закатным багрянцем, Ветч достал еду, разделил ее поровну и сказал:

— Вот тут еще немного эля. Выпьем за ту, что догадалась поставить бочонок с ним в лодку, чтобы согреть в холодную погоду сердца путников: за мою сестру Ярроу!

Тут Гед наконец отвлекся от мрачных своих мыслей и от души осушил кружку за Ярроу — может быть, даже с бóльшим пылом, чем Ветч. В душе его воскресла память о ее почти женской мудрости и совсем детской нежности. Она не была похожа ни на кого из тех, с кем он встречался в жизни. А знал ли он кроме нее хоть одну девушку? Впрочем, об этом Гед никогда не думал.

— Она похожа на маленькую рыбку, гольяна, что водится в чистых ручьях и проточных озерах, — сказал он. — Вроде бы беззащитная рыбка, а попробуй поймай ее.

Услышав это, Ветч посмотрел ему прямо в глаза и улыбнулся:

— Ты и впрямь прирожденный маг, ведь ее настоящее имя Кест.

В Истинной Речи слово *кест* означает «гольян», это Гед знал и страшно обрадовался. Однако, помолчав, все же тихонько сказал:

— Наверно, тебе не стоило называть мне ее подлинное имя.

Но Ветч, которому бессмысленные поступки были вообще не свойственны, ответил:

— Ее имени в твоей душе так же безопасно, как и в моей. Кроме того, ты ведь и сам узнал его, прежде чем я успел сказать...

На западе небо из красного стало пепельным, потом черным. Все вокруг было погружено в непроницаемую тьму. Гед вытянулся на дне лодки, завернувшись в свой теплый плащ, и попытался уснуть. Ветч, держась рукой за снасть, тихонько напевал что-то из «Подвига Энлада» — о том, как волшебник Морред из Хавнора на большом парусном судне прибыл на остров Солеа и там увидел в весеннем саду прекрасную Эльфарран. Гед уснул еще до печального конца песни, когда Морред гибнет, Энлад разрушен и страшная морская буря уничтожает сады Солеа. К полуночи Гед проснулся и принял вахту. Лодочка легко бежала по волнам, гонимая сильным ветром, и нарисованные глаза ее ничего не могли разглядеть в кромешной тьме. Однако тучи все же понемногу рассеялись, и неза-

долго до рассвета тоненький месяц блеснул меж ними; слабый лучик лунного света упал на поверхность воды.

— Луна нынче ущербная, — проснувшись, прошептал Ветч, когда с рассветом ненадолго улегся холодный ветер. Гед посмотрел вверх, на белое полукольцо над почти бесцветными водами восточных морей, но промолчал. Безлунные ночи, что наступают сразу после Солнцеворота, полярны празднику Полной Луны и Долгого Танца, что бывает летом. Это самое несчастливое время для путешественников и больных; в этот период не полагается совершать обряд имяположения, петь песни о великих подвигах прошлого, нельзя точить клинки и острые инструменты, нельзя давать клятвы. Это темная часть годовой оси, когда любой поступок может обернуться злом.

Через три дня пути от Содерса в окружении морских птиц и обломков судов они подошли к Пелимеру, маленькому гористому островку, поднимающемуся над морской гладью. Жители его говорили на их родном языке, но по-своему, и ардические слова звучали странновато даже для привычного Ветча. Путники хотели пополнить запасы питьевой воды и чуть передохнуть от морской качки. Поначалу их приняли хорошо, хоть и с большим изумлением и излишней суетливостью. В столице острова вообще-то имелся колдун, но он якобы сошел с ума и не желал разговаривать ни о чем, кроме гигантского змея, который разъедает основание острова, так что в скором времени Пелимер должен неминуемо отправиться в плавание по волнам, словно оторвавшаяся от причала лодка, а потом скользнуть за край земли и пропасть навеки. Колдун, впрочем, явился и весьма почтительно приветствовал молодых волшебников, но чем больше он рассказывал им про пресловутого змея, тем подозрительнее посматривал на Геда. Потом вдруг, спустя какое-то время, набросился на молодых людей прямо на улице, обзывая их шпионами и прислужниками морского чудовища. Постепенно и остальные жители Пелимера начали сторониться чужеземцев: все-таки это был их колдун, хоть и сумасшедший. Так что Гед и Ветч не стали особенно задерживаться, а еще до вечера ушли в море, держа курс на юго-восток.

За все эти дни и ночи Гед ни разу не заговорил о Тени или о цели своего путешествия впрямую. И когда Ветч

пытался хоть как-то спросить, уверен ли его друг, что им следует продолжать идти тем же курсом, по-прежнему на юг, оставляя позади все известные острова Земноморья, Гед отвечал лишь:

— Уверен ли кусок железа, где лежит магнит?

Ветч только кивал согласно, и они плыли дальше, ничего больше на эту тему друг у друга не спрашивая. Иногда, впрочем, они подолгу разговаривали о волшебном мастерстве и различных хитрых приспособлениях, которыми волшебники в старые времена пользовались для того, чтобы отыскать тайное имя грозящего опасностью существа. Так, например, волшебник Негерер с острова Пальн узнал имя Черного Мага, подслушав разговор драконов; так Морред увидел имя своего врага, написанное каплями дождя в пыли, покрывавшей поле битвы в долине Энлада. Они разговаривали о заклятьях, способствующих отысканию вещи, и некоторых иных волшебных средствах, а также — о тех Вопросах-На-Которые-Есть-Ответ и задавать которые имеет право только Мастер Путеводитель с острова Рок. Но чаще всего разговоры кончались тем, что Гед начинал бормотать себе под нос слова, сказанные ему Огионом на склоне горы Гонт в давние времена ранней осенью: «Чтобы слышать других, самому нужно молчать». А потом умолкал, впадал в глубокую задумчивость и неотрывно, час за часом вглядывался в морскую даль. Иногда Ветчу казалось, что его друг видит за бесконечными волнами, за предстоящими еще им долгими днями пути и мрачный решающий конец их путешествия, и того, за кем они гонятся сейчас.

Они проплыли меж островами Корнай и Госк в непогодь и не увидели их берегов из-за густого тумана и дождя. Они поняли, что миновали их, лишь на следующий день, когда прямо по курсу увидели остров, окруженный острыми скалами, и огромные стаи чаек, чьи пронзительные крики слышались со всех сторон. Ветч сказал:

— Это, судя по всему, Астоуэлл. Последняя Земля. К востоку и югу от него на наших картах никакой земли больше нет.

— И все-таки жители его знают, возможно, об иных, неведомых нам землях, — возразил Гед.

— Почему ты так странно говоришь? — изумился Ветч. Гед с трудом выговаривал каждое слово, с какими-то при-

дыханиями и остановками, и ответ его прозвучал тоже непонятно, отрывисто:

— Это не здесь, — сказал он, глядя на видневшийся впереди Астоуэлл и куда-то мимо или сквозь него. — Не здесь. Не на море. Нет, не на море, а на твердой земле. На какой земле? На той, что лежит дальше, чем истоки рек и ручьев, впадающих в море, дальше истоков всего, там, за Воротами Света...

И умолк. А когда снова заговорил, то уже обычным своим голосом, словно освободившись от чар или наваждения, и не очень хорошо помнил, что с ним было.

Главный порт острова Астоуэлл, расположенный в устье реки, прорывшей глубокое ущелье в горном массиве, окнами всех своих домов смотрел на север или на запад, словно сам остров повернулся лицом к Земноморью, к остальным людям, хоть и находился очень далеко от них.

Жители встретили путешественников с изумлением и беспокойством: в это время года ни одно судно обычно не показывалось вблизи Астоуэлла. Все женщины попрятались в своих плетеных хижинах и выглядывали из-за дверей, закрывая детишек юбками, а когда Гед и Ветч двинулись из гавани в город, испуганно нырнули куда-то в темноту. Мужчины же, худые, плохо для столь холодной погоды одетые, мрачно окружили чужеземцев, и у каждого был при себе каменный топор или острый нож из раковины. Но, когда первый их страх улегся, они приняли молодых людей вполне радушно и вопросам их не было конца. Редко заходили к ним корабли даже с острова Содерс или с Роламени, потому что торговать здесь было нечем и не на что даже обменять бронзу или красивый фаянс, которым славились жители Содерса. Здесь даже дерева не хватало. Лодки на Астоуэлле представляли собой сплетенные из тростника скорлупки, и лишь очень храбрый человек мог решиться плыть на таком суденышке до Госка или Корная. Они жили здесь совсем одни, на самом краю обозначенного на картах мира. Здесь не было ни ведьмы, ни колдуна, и люди эти, похоже, просто не поняли, что посохи у Геда и Ветча волшебные, и восхищались ими лишь потому, что сделаны они были из драгоценного для них материала — дерева. Вождь Астоуэлла был очень стар; он единственный из всех островитян видел человека, рожденного на островах самого Архипелага.

А потому Гед был для местных жителей настоящим чудом; люди приводили своих маленьких сыновей, чтобы те посмотрели на человека «с больших островов» и запомнили на всю жизнь. Они никогда раньше не слышали о Гонте и знали лишь Эа и Хавнор. Геда они приняли за правителя Хавнора. Он изо всех сил старался не ударить лицом в грязь, отвечая на их вопросы о «белом городе» (которого, кстати, сам никогда не видел). Но к вечеру, как всегда, почувствовал беспокойство и, не выдержав, спросил у островитян, которые сгрудились у очага в вонючей духоте ночлежки — топили здесь сушеным козьим пометом и связками ракитника, иного топлива не было:

— А что находится к востоку от вашей земли?

Они молчали; одни ухмылялись, другие хмурились. Старый вождь ответил:

— Море.

— Там нет больше никаких островов?

— Это Последняя Земля. За ней больше ничего нет — кроме воды.

— Это мудрые люди, отец, — сказал человек помоложе, — скитальцы морей, путешественники. Может, они знают о такой земле, о которой не знаем мы?

— Нет никакой земли к востоку от этого острова! — твердо сказал старик, долгим взглядом посмотрел на Геда и больше с ним не разговаривал.

Они провели ночь в дымном тепле ночлежки. Еще до рассвета Гед разбудил друга, прошептав:

— Эстарриол, проснись. Мы не можем дольше оставаться здесь, мы должны плыть вперед.

— Ну куда ты так спешишь! — недовольно проворчал сонный Ветч.

— Не спешу, а боюсь опоздать. Я слишком медленно догонял ее. И она убежала слишком далеко. Я приговорен к вечному ее преследованию и не должен упустить последней возможности, иначе буду следовать за ней всю жизнь, а потеряв ее, потеряю и себя.

— Куда же теперь лежит наш путь?

— На восток. Вставай. Бурдюки уже полны воды.

Они покинули ночлежку еще до того, как проснулся первый житель селенья, только чей-то младенец заплакал в темноте и вскоре затих. При тусклом свете звезд они по крутой тропе спустились к гавани, отвязали «Зоркую» от

причала и поплыли по темной воде — прочь от Астоуэлла, снова в Открытое Море. Это был первый день после Солнцеворота. Рассвет еще не наступил.

Небо над ними было безоблачным. Встречный ветер дул с северо-востока, холодный, порывистый, но Гед поднял волшебный ветерок, впервые применив волшебство с тех пор, как покинул острова Западная и Восточная Рука. Они быстро продвигались к востоку. Пенящиеся, залитые солнцем валы бились о борт лодки, сотрясая ее, но «Зоркая» шла уверенно, как и обещал человек, построивший ее когда-то; она точно следовала направлению волшебного ветерка, не хуже любого заколдованного судна с острова Рок.

За все утро Гед не проронил ни звука, только еще раз произнес волшебные слова, заклинающие ветер и усиливающие прочность паруса. Ветч наконец совсем проснулся; до сих пор он тихо спал на дне лодки. Ближе к полудню они немного поели. Гед подчеркнуто бережно разделил еду, и оба молча жевали соленую рыбу и сухари: говорить было не о чем — все и так было понятно.

Весь день они на большой скорости шли прежним курсом. Один лишь раз Гед нарушил молчание, сказав:

— А как по-твоему, за Дальними Пределами только морская пустыня или все-таки есть там неоткрытые острова? Или целые Архипелаги?

— Пока, — ответил шутливо Ветч, — я на стороне тех, кто считает, будто мир у нас плоский, так что, если заплыть слишком далеко, непременно свалишься вниз.

Гед даже не улыбнулся; ни сил, ни радости в нем совсем не осталось.

— Кто знает, что откроется человеку там, за морями. Не нам, разумеется; мы вечно жмемся поближе к знакомым берегам и гаваням, — тихо сказал он.

— Кое-кто пытался узнать, что там, да так и не вернулся. И никогда не приплывали к нам корабли из тех неведомых стран...

Гед промолчал.

Весь день и всю ночь плыли они, влекомые силой могучего волшебного ветра, через бескрайние просторы океана, на восток. Гед стоял на вахте с вечера до рассвета, ибо в темноте сила, что влекла его к себе, все возрастала. Он неотрывно смотрел вперед, хоть глаза его в безлунные

ночи могли видеть не дальше разрисованного носа их «Зоркой». К утру его смуглое лицо стало серым от усталости; он закоченел на ветру и с трудом заставил себя вытянуться на дне лодки, укладываясь спать.

— Следи, чтобы волшебный ветер все время дул с запада, Эстарриол, — невнятно прошептал он и тут же заснул.

Солнце так и не выглянуло из-за облаков, вскоре начался дождь, хлеставший прямо им в лицо с северо-востока. Вскоре все в лодке промокло насквозь, несмотря на прикрывавшую вещи просмоленную парусину. Ветч чувствовал себя так, будто до костей пропитался водой; и Гед дрожал во сне. Жалея друга и отчасти себя самого, Ветч попробовал было чуть повернуть лодку, чтобы жестокий ливень не так заливал их, однако его умения заклинать погоду в этих водах оказалось недостаточно: ветер Открытого Моря не слушался его, и он с трудом поддерживал волшебный ветер в парусах, как велел ему Гед.

В душе Ветча шевельнулся страх; ему показалось, что у них с Гедом слишком мало осталось волшебных сил для дальнейшей борьбы и оставшиеся силы могут исчезнуть совсем, если они по-прежнему будут удаляться от тех мест, где могут и должны жить люди.

Всю ночь Гед снова стоял на вахте, всю ночь гнал лодку к востоку. С наступлением дня ветер на море немного утих, стало пригревать солнце, но гигантские валы накатывались с такой силой, что «Зоркая» сначала вставала дыбом, словно при подъеме на гору, потом повисала на пенистом гребне и резко падала носом вниз, чтобы снова и снова преодолевать волну за волной.

Вечером, после целого дня молчания, Ветч заговорил:

— Друг мой, ты все время был уверен: мы непременно должны приплыть к какой-то земле. Я не сомневаюсь в твоем ясновидении, но вдруг на этот раз нас снова заманили в ловушку, обманом загоняя все дальше и дальше в океан — дальше, чем это допустимо не только для человека, но и для волшебника. Ведь наша магическая сила может изменить нам в этих чужих морях, ослабеть, тогда как проклятая Тень не знает ни усталости, ни голода и даже утонуть не способна.

Они сидели на банке совсем рядом, но Гед смотрел на Ветча так, словно тот был где-то далеко-далеко. Тревога

плескалась в его глазах, когда медленно, слишком медленно он ответил:

— Эстарриол, мы приближаемся к цели.

Услышав, как он говорит это, Ветч понял, что враг действительно близко. Ему стало страшно. Но он лишь положил руку на плечо друга и спокойно сказал:

— Ну что ж, вот и ладно, вот и хорошо.

И снова всю ночь Гед стоял на вахте: он совсем не мог спать в темноте. И на третьи сутки — тоже. Они по-прежнему мчались с неизменной легкостью и быстротой по бурному морю, и Ветчу нестерпимо хотелось узнать, какой немыслимой силой Гед сутками удерживает в парусах магический ветер, способный противостоять штормам Открытого Моря, где сам он, Ветч, чувствует себя таким беспомощным и слабым. А лодка все летела по морю, и Ветчу уже стало казаться, что, как и говорил Гед, они вскоре достигнут истока вод морских, что находится на востоке, у Ворот Света. Гед оставался у руля, как всегда глядя вперед. Но он не видел перед собой океана, точнее, это был не тот океан, который видел Ветч — огромное пространство соленой воды, сливающееся с горизонтом. Перед глазами Геда было теперь нечто вроде темной пелены, заслонившей и серое небо, и серое море и становившейся все плотнее и темнее. Ветч, взглянув на лицо друга, как бы тоже на мгновение увидел эту тьму. Они плыли все дальше и дальше, но было похоже, что только Ветч по-прежнему плывет по просторам океана к востоку, а Гед уже попал туда, где нет ни востока, ни запада, где не встает и не садится солнце, где не светит ни одна звезда, знакомая им, где незнакомые созвездия неподвижно застыли в небесах.

Внезапно Гед вскочил и что-то громко сказал. Волшебный ветер тут же улегся, и огромные волны стали швырять «Зоркую», словно щепку. Хотя природный северный ветер дул так же сильно, как и раньше, коричневый парус повис, как тряпка, и даже не шевелился. И сама лодка словно застыла, раскачиваясь в такт дыханию моря и не двигаясь с места.

Гед сказал:

— Спусти парус.

Ветч выполнил его приказание, а сам Гед вынул весла, вставил в уключины и сразу же начал грести.

Ветч, видевший вокруг лишь горы волн, меж которыми как бы проваливалась лодка, никак не мог понять, зачем Геду понадобилось идти на веслах, но терпеливо ждал. Вскоре природный ветер действительно ослабел и почти утих. Волны едва плескались у борта, лодка перестала раскачиваться, и мощные взмахи весел в руках Геда погнали ее вперед по морю, ставшему тихим, словно в укрытой от всех ветров бухте. И хотя Ветч не мог видеть того, что видел впереди Гед между взмахами весел, хотя Ветч не видел темных склонов огромной горы под неподвижными звездами, все же он понемногу разглядел с помощью волшебного зрения ту небывалую тьму, что как бы копилась во впадинах между волнами, окружая лодку со всех сторон; а еще он заметил, как слабеют и утихают волны, словно их душит невидимый песчаный берег.

Если все это и было иллюзией, то невероятно сильной: попробуй-ка заставить Открытое Море казаться землей! Пытаясь собраться с мыслями и силами, Ветч начал произносить слова волшебного Откровения, ожидая, не прекратится ли после этих долгих, медленно выговариваемых слов странная иллюзия: мель посреди океана. Но иллюзия не проходила. Возможно, заклинание, хотя оно, конечно, воздействует лишь на восприятие произносящего его человека, а не на волшебство самой иллюзии, не имело здесь силы. Или же это была вовсе не иллюзия и они действительно достигли конца света.

Все более медленно и как-то небрежно греб Гед, оглядываясь через плечо, осторожно выбирая путь в бесконечных протоках и проливах, минуя коварные отмели, видимые лишь ему одному. Лодка вздрогнула: ее киль задел дно. Там должны были быть бездонные глубины, и все же они достигли земли. Гед поднял весла, сложил их, скрипнув уключинами, и скрип этот страшно прозвучал в полном безмолвии, царившем вокруг. Все звуки — плеск воды, вой ветра, скрип дерева, хлопанье паруса — куда-то исчезли, растворились в вечной, глубокой, никогда не нарушавшейся тишине. Лодка застыла как изваяние. Ни дыхания ветерка. Море превратилось в песок, темный, тяжелый. Все было недвижимо в темном небе и на суше, в этой нереальной бескрайней пустыне, которую у горизонта стеной окружала сгущающаяся тьма.

Гед встал, взял в руки свой посох и легко переступил

через борт. Ветч решил, что сейчас его друг исчезнет в волнах, которые — Ветч это знал наверняка — скрывались под этой неясной темной дымкой, поглотившей воду, небо и дневной свет. Но моря не было. Гед удалялся от лодки, и на песке видны были следы его ног. Песок слегка шуршал.

Вдруг волшебный посох Геда начал светиться. Но это был не обычный волшебный огонек, а слепящий белый свет, и пальцы юноши там, где он сжимал ими посох, просвечивали красным.

Гед быстро шел куда-то вперед, и понять, куда он идет, было невозможно: здесь не было сторон света, существовали лишь понятия «вперед» и «назад».

Ветчу свет в руках Геда казался яркой звездой, медленно плывущей в темноте, которая постепенно как бы уплотнялась, чернела, собирала силы. Усиливающуюся тьму видел и Гед, по-прежнему смотревший вперед. Там, впереди, у самой кромки светового круга, отбрасываемого посохом, он вскоре заметил Тень. Она медленно брела по песку ему навстречу.

Вначале Тень казалась совершенно бесформенной, но по мере приближения стала напоминать человека. Потом оказалось, что это старый, седой и угрюмый мужчина идет к Геду; но, узнав в нем своего отца, кузнеца, Гед тут же понял, что это уже не старик, а юноша. Теперь это был Джаспер, Гед узнал его дерзкое, красивое юное лицо, расшитый серебром плащ, твердую легкую поступь. Ненависти был исполнен взгляд Джаспера, устремленный на Геда в густеющей тьме. Гед не остановился, но шаг замедлил и поднял свой посох чуть выше. Посох засветился ярче, и Джаспер исчез, неожиданно превратившись в Печварри, но почему-то со смертельно бледным, раздувшимся, как у утопленника, лицом. Этот Печварри странным образом протягивал к Геду руки, словно манил к себе. И снова Гед не остановился и шел вперед, хотя между ним и Тенью оставалось всего несколько шагов. Тогда Тень полностью изменила свой облик. Она растеклась по обе стороны от Геда, будто распростерла два огромных крыла. Она извивалась и раздувалась, потом снова собиралась в комок. На мгновение в этом комке мелькнуло белое лицо Скиорха, потом стали видны два сумрачных, глядящих на Геда глаза, и вдруг появился

ужасный лик, доселе ему неизвестный, — то ли человека, то ли чудовища, с судорожно кривящимся ртом и бездонными ямами глаз, в которых была черная пустота.

Гед как мог высоко поднял свой посох. Свет стал непереносимо ярким, и этот мощный поток белого света поборол, разорвал древнюю тьму. В ослепительном сиянии Тень утратила всякое сходство с человеком. Она собралась в комок, съежилась, еще больше почернела и, наконец, поползла на четырех когтистых лапах по песку, поднимая вверх слепую бесформенную морду. Когда они сошлись, в белом волшебном свете Тень стала абсолютно черной и поднялась в человеческий рост. Молча человек и Тень встретились лицом к лицу и остановились.

Громким и ясным голосом разорвав вечную тишину, Гед произнес имя Тени, и в тот же миг Тень своим лишенным губ и языка ртом произнесла то же самое слово Истинной Речи: Гед. И оба голоса слились в один.

Гед протянул к ней руки, выронил посох и крепко обхватил ее — ту черную часть собственного «я», которая тянулась ему навстречу. Свет и тьма встретились, соединились и слились воедино.

Но Ветчу, издали наблюдавшему происходящее на странном сумеречном песчаном острове, показалось, что Гед побежден: он увидел, как яркое свечение посоха померкло и стало едва заметным. Ярость и отчаяние овладели его душой, Ветч выпрыгнул из лодки на песок, чтобы спасти друга или погибнуть с ним вместе. Он хотел бежать к этому угасающему огоньку, но едва ступил на сушу, как песок провалился у него под ногами, и Ветч начал биться в его удушающем зыбучем потоке, пока с грозным ревом и победным светом дня, с обжигающим холодом зимы и горьким вкусом морской воды настоящий мир не вернулся к нему, и Ветч понял, что действительно оказался в живительных водах моря.

Рядом на волнах покачивалась лодка. Пустая. Больше ничего на поверхности моря Ветч разглядеть не мог. Пенистые волны заливали лицо, слепили, к тому же он не был хорошим пловцом, так что постарался поскорее добраться до лодки. Он перевалился через борт, откашлялся и попытался отряхнуть воду, струившуюся с его волос и одежды. Потом стал с безнадежным видом оглядываться вокруг, не зная, где искать Геда. В конце концов он заме-

тил вдали на поверхности моря, среди волн, нечто темное — там, где раньше был песчаный остров. Тогда Ветч схватился за весла и могучими рывками погнал лодку к этому месту, успел схватить тонущего друга за руку и втащил его через борт в лодку.

Гед был в забытьи; глаза его, хоть и открытые, смотрели бессмысленно, однако на теле друга Ветч не заметил никаких ран. Посох из тиса совсем перестал светиться; Гед крепко сжимал его в правой руке и не отпускал. Он так ни слова и не произнес и лежал, обессиленный, промокший насквозь, дрожащий, у мачты, опершись о нее спиной и не глядя на Ветча, который поднял парус и развернул лодку по ветру, по-прежнему дувшему с северо-востока. Во тьме ничего вокруг не было видно, но вдруг прямо по курсу, на западе, меж перистых облаков в полосе чистого неба появился сияющий молодой месяц — тонкое полукольцо цвета слоновой кости, отраженный свет солнца.

Гед поднял лицо к яркому рогатому месяцу и снова застыл.

Потом вдруг встал во весь рост, держа обеими руками волшебный посох, как воин держит свой боевой меч, окинул взором небо, море, коричневый надутый парус над головой и лицо друга.

— Эстарриол, — сказал он, — знаешь, все кончено. Все позади. — Он засмеялся. — Рана моя зажила. Я теперь целый. Я снова стал самим собой. И я свободен. — И вдруг, склонив голову и спрятав лицо в ладонях, Гед разрыдался, как ребенок.

До этого Ветч наблюдал за другом с тревогой и ужасом: он не знал точно, что произошло там, на темном острове. Не знал даже, действительно ли это Гед был с ним в лодке сейчас. В течение нескольких часов Ветч не снимал руку с якоря и в любую минуту готов был пробить деревянную обшивку лодки и затопить ее прямо здесь, но не везти назад, к островам Земноморья, то исчадие ада, которое, как он опасался, приняло облик Геда. Теперь же, услышав, как тот говорит, он больше не сомневался и начинал понимать, что же все-таки произошло: в этом сражении Гед не проиграл и не выиграл, но, назвав Тень Смерти собственным именем, как бы соединил две половинки своей души — стал человеком, который, познав собствен-

ное «я», не может оказаться во власти иной силы и сам повелевает своей душой, а потому тратит жизнь только ради жизни и никогда — ради разрушения, боли, ненависти или воцарения тьмы. В «Создании Эа», старейшей из героических песен прошлого, говорится:

В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней...

Эту песню пел теперь во весь голос Ветч, направляя лодку на запад, летя быстрее холодного зимнего ветра, что дул прямо им в спину из Открытого Моря.

Восемь дней плыли они и еще восемь, прежде чем впереди завиднелась земля. Не раз приходилось им пополнять запасы пресной воды с помощью колдовства. А еще они пробовали ловить рыбу, но, хоть и произносили заклятья, попадалось все равно очень мало, потому что рыбы в Открытом Море не знают своих настоящих имен, а потому на заклятья не обращают особого внимания. Когда у них совсем не осталось еды, кроме нескольких ломтиков копченого мяса, Гед вспомнил, что сказала Ярроу, когда он украл сухарик на кухне, и действительно пожалел об этой краже, потому что голод терзал их, и все же воспоминание о Ярроу было ему приятно. Ведь она тогда сказала еще, что они непременно вернутся снова домой.

Волшебный ветер всего три дня нес их по водам океана к востоку от Астоуэлла, Последней Земли, но им понадобилось целых шестнадцать дней, чтобы вернуться обратно. Ни один человек еще не возвращался из столь далекого плавания по Открытому Морю, да еще на рыбачьей лодке и в зимнее время. Однако молодые волшебники, Эстарриол и Гед, вернулись. Их миновали сильные шторма, и они довольно точно шли по курсу, указываемому компасом и звездой Толбегрен. Они прошли чуть севернее, а потому не вернулись на Астоуэлл и миновали Фар-Толи и Снег, даже не увидев их. Впервые они высадились на берег на самом южном мысу острова Коппиш. За прибоем виднелись каменные утесы, словно башни огромной крепости. Морские птицы жалобно кричали над вол-

ноломами, а над деревушками плыл голубоватый дым от множества очагов, и дым этот уносил ветер.

Отсюда до Иффиша было совсем близко. Они вошли в гавань Исмея тихим пасмурным вечером; из темных туч падали редкие снежинки. Гед и Ветч привязали «Зоркую», что пронесла их по всем морям до самого царства смерти и обратно, и двинулись по узенькой улочке в город. Легко было у них на сердце, когда отворилась дверь дома, согретого огнем камина, и Ярроу выбежала им навстречу, плача от радости.

* * *

Если Эстарриол с острова Иффиш все же исполнил свое обещание и сложил песнь о первом великом подвиге Геда, то она была потеряна. Впрочем, в Восточном Пределе очень распространена одна легенда о лодке, которая якобы села на мель прямо над океанской бездной, далеко-далеко от земли. На Иффише считают, что лодкой этой правил Эстарриол. На острове Ток полагают, что это были двое рыбаков, унесенных штормом далеко в Открытое Море. А на Хольпе рассказывают о каком-то местном рыбаке, который так и не смог сдвинуть лодку с неизвестно откуда взявшейся отмели в океане и остался там.

Итак, от «Песни о Тени» остались лишь разрозненные куски, которые, как плавник, носило от острова к острову долгие годы. Сказание «Подвиг Геда» даже не упоминает об этом путешествии и о встрече Геда с Тенью, происшедшей в самом начале его жизненного пути; там рассказывается о том, как он невредимым вернулся с острова Драконьи Бега, как потом вернул в Хавнор знаменитое Кольцо Эррет-Акбе, половинка которого хранилась в Гробницах Атуана, и как он возвратился на остров Рок и стал Верховным Магом Земноморья.

ПРОЛОГ

— Домой, Тенар! Домой!

В горной долине вот-вот должны были расцвести яблони; среди набухших бутонов в сумеречной тени сада неяркой звездочкой вспыхнул первый розово-белый цветок. Между деревьями по молодой густой траве, покрытой росой, бегала маленькая девочка. Бегала просто потому, что ей весело было бегать. Услышав, что ее зовут, она не сразу повернула к дому, а сделала по саду еще один большой круг и только потом побежала к матери. Та стояла на пороге со свечой в руках и смотрела, как хрупкая крошечная фигурка подскакивает и подлетает на бегу, словно пушок чертополоха над густой травой, темнеющей под деревьями.

Прислонившись к стене хижины и очищая испачканную землей мотыгу, отец девочки сказал:

— Ну зачем ты так прилепилась сердцем к этой малышке? Все равно ведь через месяц ее заберут. Навсегда. Она для нас все одно что умрет. А ты прямо-таки прикипела к ней... Да и то — пользы-то от девчонки никакой. Если б они хоть заплатили за нее, тогда еще куда ни шло, а то ведь заберут — и ни гроша! Заберут, и все тут.

Мать ничего не сказала; она любовалась дочкой, которая остановилась и смотрела сквозь ветви яблонь туда, где над высокими холмами, над садами ярко-ярко сияет в небе вечерняя звезда.

— Она же не наша! Ее у нас отняли когда еще! Явились и сказали: ваша малышка должна стать Великой Жрицей. Ну что ж ты никак этого не поймешь! — В хриплом голосе мужчины слышалась досада и горечь. — У тебя ведь еще четверо. Они-то останутся при тебе, а с этой все кончено. И незачем к ней привязываться. Пусть уходит!

— Когда придет время, — промолвила женщина, — я ее отпущу.

Она наклонилась навстречу девочке, которая спешила к ней, ступая маленькими босыми ножонками прямо по мягкой влажной земле, подхватила ее на руки и пошла в дом. Но чуть помедлила на крыльце, прижала малышку к себе и поцеловала в темноволосую головку. Светлые золотистые волосы матери как бы вспыхнули в отблесках пламени очага, освещавшего убогое жилище.

Муж остался снаружи, хотя ноги его тоже были босы и застыли от ледяной росы. Ясное весеннее небо над ним постепенно темнело. Невидимое в густых сумерках лицо мужчины было искажено горем — неизбывным, тяжким, злым, — которое он никогда бы не сумел выразить словами. В конце концов он лишь пожал плечами и пошел следом за женой в освещенную комнату, откуда доносились звонкие голоса детей.

1

ПОГЛОЩЕННАЯ

Один-единственный раз резко протрубил горн и смолк. Наступила тишина, прерываемая лишь шарканьем множества ног, медленно двигавшихся в такт негромкому барабанному бою. Через трещины в куполе Тронного Храма, через огромную дыру над колоннадой, где обвалилась целая секция кирпичной кладки и вся черепица, на пол падали косые неверные лучи солнца. Солнце взошло не более часа назад. Воздух был неподвижен и холоден. Сухая трава, умудрившаяся прорасти между мраморными плитами пола, серебрилась инеем, высокие былинки ломались, задетые длинными черными одеяниями жриц.

Жрицы шли по четыре в ряд длинной колонной. Барабан упрямо выстукивал одно и то же. Кроме молчаливых жриц, вокруг не было ни души. Факелы в руках облаченных в черное женщин казались бледно-красными, когда жрицы ступали в полосы солнечного света. А там, где было потемнее, — ярко вспыхивали. За дверями Храма, на крыльце, стояли мужчины — охранники, трубачи, барабанщики; внутрь могли пройти только женщины. Жрицы в черных платьях и плащах с капюшонами медленно брели к огромному пустующему трону.

Вошли еще две высокие, закутанные в черное женщины — одна гибкая и подвижная, другая медлительная, тяжеловесная, ступающая враскачку. Между ними шла девочка лет шести в прямой белой рубахе без рукавов, с непокрытой головой, босиком. Она казалась на удивление маленькой. У подножия лестницы, ведущей к трону, где уже выстроились темными рядами остальные жрицы, высокие женщины остановились и чуть подтолкнули девочку вперед.

Гигантский трон на высоком постаменте был с обеих сторон задрапирован, словно клочьями чудовищной паутины, огромными тяжелыми темными занавесями, спадавшими откуда-то из черноты, таившейся под крышей Храма. Были ли то действительно занавеси или просто невероятно глубокие тени, понять было трудно. Сам по себе трон был из черного камня: на подлокотниках и спинке неярко поблескивала инкрустация самоцветами и золотом. Трон поражал своими размерами. Любой человек на нем казался бы карликом — трон не был предназначен для людей и не соответствовал их размерам. Теперь он пустовал: там не было никого, кроме теней.

Девочка самостоятельно взобралась на четыре из семи ступеней тронной лестницы. Ступени из покрытого красными прожилками мрамора были так широки и высоки, что малышке приходилось сначала с помощью рук подтягивать одну ногу, ложиться на живот, подтягивать вторую ногу, потом вставать и только тогда начинать штурм следующей ступени. На средней, четвертой ступени возвышалась грубая деревянная колода с углублением посредине. Девочка встала на колени, уложила головку в это углубление, чуть повернув ее в сторону, и так застыла.

Вдруг откуда-то из темноты, справа от трона, вынырнула огромная человеческая фигура в длинном белом одеянии, перехваченном на талии ремнем. Лицо человека было закрыто белой маской. Он стал спускаться к девочке, держа в обеих руках огромный блестящий меч. Потом сразу, не произнеся ни слова, человек в белом взмахнул мечом прямо над тоненькой шейкой ребенка. Барабан смолк.

Когда страшное лезвие, взлетев в воздух, как бы застыло в верхней точке замаха, слева от трона появилась вторая человеческая фигура, но уже в черном, и этот человек поспешил к палачу, успел остановить его руку, перехватив ее тонкими пальцами. Острое лезвие, поблескивая, дрожало в воздухе. Белая и черная фигуры как бы балансировали некоторое время — обе одинаково безликие — над неподвижной девочкой, из-под распавшихся черных волос которой взору всех открылась белоснежная шейка.

Наконец их молчаливый танец закончился, черная и белая фигуры отодвинулись друг от друга и вновь скрылись за троном — каждая со своей стороны. Тогда к коленопреклоненной девочке приблизилась одна из высоких жриц и полила ступени рядом с ней какой-то жидкостью. В неясном свете Храма жидкость казалась черной.

Девочка встала и начала старательно спускаться вниз по высоким ступеням. Когда она наконец ступила на пол, две высокие жрицы надели на нее черное платье и черный плащ с капюшоном, а потом снова повернули ее лицом к семи ступеням и черному подсыхающему пятну на четвертой из них.

— Пусть Безымянные владеют этим ребенком, воплощением той, что рождена вечно быть безымянной. Пусть вся ее жизнь — каждый ее год до самой смерти — принадлежит им. Так же, как и ее смерть. Пусть Безымянные поглотят ее!

И другие голоса, страшные и пронзительные, как звуки трубы, отвечали:

— Поглощена! Она поглощена!

Малышка стояла, поглядывая из-под черного капюшона на трон. Его подлокотники в виде огромных когтистых лап, инкрустированные драгоценными камнями, были покрыты пылью, а резную спинку украшала густая паутина и белые пятна совиного помета. На последние три ступени, что вели к самому трону (и были выше той, где она преклонила колена), никогда не ступала нога смертного. Они были покрыты таким слоем пыли, что казались вылепленными из унылой серой глины, даже красноватые прожилки были совершенно незаметны под этими наслоениями, которых никто не касался бог знает сколько уже лет или веков.

— Она поглощена! Поглощена!

Внезапно раскатисто загремел барабан; ритм заметно ускорился.

В тишине раздался шорох шагов — процессия вновь построилась в том же порядке и двинулась прочь от трона, на восток, к светлому четырехугольному дверному проему в противоположной стене. Жрицы шли меж толстых, расположенных в два ряда колонн, похожих на огромные бледные ноги чудовища, скрывающегося во мраке под потолком. Среди жриц торжественно шла и девочка, теперь тоже вся в черном, как они. Девочка старательно переступала маленькими босыми ножонками по замерзшим стебелькам травы, по ледяным каменным плитам. Когда сквозь разрушенную крышу прорвался сноп солнечных лучей, преграждая ей путь, она даже глаз не подняла.

Стражники держали дверь наготове — распахнутой настежь. Черная процессия вышла на утренний ветерок под холодное солнце, которое ослепительно сияло, плывя над пустыней. На западе его желтый свет отражали горы и ворота Храма. На остальных строениях, расположенных ниже по склону холма, все еще лежали красноватые тени. И только Храм Богов-Близнецов на небольшом холме напротив был залит солнцем, его заново покрытая кровля так и сияла. Черная вереница жриц по-прежнему четверками спускалась с холма, где находились Священные Гробницы. Послышалось тихое пение. Нехитрая мелодия состояла всего из трех нот, а слово, вновь и вновь повторяемое жрицами, было настолько древним, что давно уже утратило свое первоначальное значение; так бывает с верстовыми столбами, нелепо торчащими там, где когда-то пролегала давно исчезнувшая дорога. Жрицы продолжали монотонно повторять в такт музыке это пустое, ничего не значащее слово. И весь тот день — день Возрождения Великой Жрицы — слышалось тихое пение и непрерывное гудение волынки.

Девочку вели из комнаты в комнату, из храма в храм. В одном месте на язык ей зачем-то положили соль; в другом она долго стояла на коленях лицом к западу, а ей тем временем отрезали ее длинные волосы и умастили голову душистым маслом и уксусом; еще в одном месте она легла на черную мраморную плиту за алтарем, а пронзительные голоса тем временем оплакивали «усопшую» в долгой литургии. Ни девочка, ни жрицы в тот день ничего не

ели и не пили. Когда на небе загорелась вечерняя звезда, девочку уложили спать голышом на овечью шкуру, а сверху накрыли другой такой же шкурой. В этом доме она никогда еще не бывала. До этого дня он много лет простоял запертым. Комната ее напоминала глубокий колодец, и окон в ней не было. Там царил запах тлена, воздух был застоявшийся, несвежий. Молчаливые жрицы оставили девочку одну в темноте.

Малышка сжалась и застыла неподвижно в той самой позе, в какой они ее оставили. Глаза девочки были широко открыты. Прошло довольно много времени.

Вдруг она увидела на высокой стене дрожащее пятно света. Кто-то тихонько шел по коридору, явно прикрывая свет рукой, потому что отблеск на стене был не больше огненной мухи. Кто-то тихонько позвал шепотом:

— Эй, ты здесь, Тенар?

Девочка не ответила.

Чья-то голова просунулась в дверной проем; странная голова — безволосая, желтоватая, словно очищенная вареная картошка. Глаза, коричневые, маленькие, тоже были похожи на картофельные глазки́. Нос утонул в гигантских жирных щеках, а рот казался уродливой щелью. Девочка не шевелясь смотрела на это лицо огромными темными неподвижными глазами.

— Эй, Тенар, милая ты моя, соты мои медовые! Вот ты где! — Голос был хриплый, но высокий, похожий на женский и в то же время не женский. — Мне не следует здесь появляться, я ведь не имею права входить внутрь и должен оставаться за дверью, на крыльце. Так оно и будет, но должен же я был посмотреть, как там моя девочка — после этих бесконечных церемоний, а? Как ты тут, малышка?

Он совершенно бесшумно придвинулся к ней еще ближе и ласково положил огромную руку на голову, как бы желая пригладить ее черные волосы.

— Я больше не Тенар, — сказала девочка, глядя на него в упор.

Огромная рука застыла; он так и не погладил ее по голове.

— Нет, конечно, я знаю... — откликнулся он шепотом, — знаю. Теперь ты маленькая Поглощенная. Но я...

Она не отвечала.

— Для такой малышки это был тяжелый день, — проговорил толстяк, отдуваясь; в большой желтоватой руке его мигал крошечный светильник.

— Тебе не следует приходить в этот дом, Манан.

— Да, да. Я знаю. Мне не следует приходить в этот дом, я и не буду. Ну хорошо, спокойной ночи, малышка... Спокойной ночи.

Девочка снова ничего не ответила ему. Манан медленно повернулся и пошел прочь. Последний отблеск света угас на высоких стенах ее кельи. Девочка, которая сегодня лишилась своего прежнего имени и теперь звалась Ара, что значит «поглощенная», лежала на спине и неотрывно смотрела во тьму.

2

ЗА СТЕНОЙ

Подрастая, она утратила последние воспоминания о матери, не понимая даже, что теряет. Она принадлежала лишь этому Храму, Священным Гробницам; она принадлежала им всегда. Лишь порой, долгими июльскими вечерами, глядя на западные горы, словно покрытые сухой львиной шкурой золотистого цвета в лучах заходящего солнца, она будто бы припоминала точно такой же яркий желтый огонь в каком-то очаге — только когда-то давно-давно. И кажется, даже кто-то держал ее на руках, что вообще очень странно, потому что Ары не полагалось касаться. И еще всплывала память об аромате свежевымытых, прополосканных в отваре шалфея волос, длинных и светлых, того же цвета, что закат и тот давнишний огонь в очаге. Вот и все, что у нее осталось от прошлого.

Она, разумеется, знала больше, чем помнила: ей уже давно рассказывали о том, как она попала в Храм. А когда ей было лет семь или восемь, она впервые по-настоящему заинтересовалась тем, кто же она на самом деле и почему ее зовут Ара. Тогда она пошла к своему телохранителю Манану и потребовала:

— Расскажи, как меня выбирали Жрицей, Манан.

— Ох, но ты же все это давно знаешь, малышка.

И она действительно знала: высокая, с бесстрастным голосом жрица по имени Тхар много раз рассказывала ей об этом, и девочка помнила всю историю почти наизусть. Теперь она с удовольствием еще раз повторила ее сама Манану:

— Да, я знаю! Когда умерла Единственная, что служит Гробницам Атуана, обряды погребения и очищения длились целый лунный месяц. После чего несколько жриц с охраной отправились в иные края через пустыню, по разным городам и селеньям Атуана. Они внимательно искали сами и спрашивали разных людей. А искали они новорожденную девочку, появившуюся на свет в ту самую ночь, когда умерла Единственная. Когда жрицы находят такого ребенка, то достаточно долго ждут, наблюдая за ним. Дитя должно быть здорово телом и крепко рассудком, не должно болеть ни рахитом, ни оспой, не должно страдать слепотой или уродствами. Если девочка до пяти лет не бывает поражена никаким духовным или физическим недугом, это значит, что именно ее тело избрала душа покойной Великой Жрицы Гробниц. Ее отвозят в Авабатх и показывают Королю-Богу, а потом возвращают в Храм и обучают в течение года, в конце которого новая Ара проходит обряд посвящения, когда прежнее ее имя передается тем, кто теперь стал ее Хозяевами, то есть Безымянным. И с этого момента она сама становится безымянной, Единственной Вечно Возрождающейся Жрицей.

Девочка почти слово в слово повторила то, что ей рассказывала Тхар, у которой она никогда не осмеливалась спросить хоть что-то еще. Высокая тощая жрица вовсе не была жестокой, но с окружающими держалась холодно и жила в соответствии с железными законами Святого Места. Ара перед ней трепетала. Зато нисколько не боялась Манана, даже, пожалуй, с удовольствием им командовала.

— А теперь расскажи, как меня выбрали Жрицей!

И он снова и снова готов был рассказывать своей любимице:

— Сначала мы двинулись на северо-запад — это было на третий день после того, как народилась луна, и точно в этот самый день, месяц назад умерла та Ара, что была прежде. Первым был город Тенакбах, довольно-таки большой, хотя те, кто видел Авабатх, считают, что он в сравнении со столицей все равно что блоха рядом с коровой.

Но для меня-то и Тенакбах был достаточно велик; там небось не меньше десяти тысяч домов! Потом мы пошли в Гар, но и в этом городе тоже не родилось ни одной девочки на третий день новолуния в прошлом месяце. Были, правда, мальчики, да только мальчики не годятся... Тогда мы углубились в холмистую местность к северу от Гара, там много мелких селений. Это моя родина. Там, среди холмов, я когда-то родился; там множество рек и земля словно покрыта зеленым ковром... Не то что в этой пустыне! — Голос Манана в этом месте всегда начинал дрожать, а маленькие глазки совсем скрывались в глубоких складках на щеках; он даже умолкал ненадолго от волнения. Потом продолжал свое повествование: — И вот мы выяснили, у кого из здешних месяц назад родились девочки, и стали по очереди посещать каждый дом. Некоторые, конечно, пытались соврать: «О да, наша девочка родилась как раз на третий день новолуния!» Ведь бедняки, знаешь ли, часто даже рады избавиться от новорожденных дочерей. А еще встречались такие, что в своих жалких уединенных хижинах среди холмов совсем не вели счета дням и с трудом могли объяснить даже смену времен года, так что и сказать-то точно не могли, сколько дней их младенцу. Но всегда ведь можно докопаться до истины, если быть достаточно упорным. Впрочем, дело продвигалось медленно. Наконец в маленькой деревушке из десятка домов, утонувшей в яблоневых садах, которыми славятся долины к западу от Энтата, мы нашли маленькую девочку. Ей было уже восемь месяцев — вот как долго мы искали! — но она родилась именно в ту ночь, когда умерла Великая Жрица Гробниц, и в тот же час. До чего же славный был ребенок! Она сидела на коленях у матери и сияющими глазенками посматривала на всех, кто толпился вокруг, набившись в единственную комнату домика, словно летучие мыши в пещеру. Отец-то ее был бедняк. Садовник у какого-то богача и своего не имел ничего, кроме пятерых детей да козы. Даже домишко ему не принадлежал. Итак, все мы столпились там, и уже по тому, как жрицы, тихо переговариваясь, смотрели на младенца, можно было понять, что они нашли наконец Вечно Возрождающуюся. И мать девочки тоже это поняла. Она прижимала ребенка к себе, но не произносила ни слова. Ну ладно. На следующий день приходим мы сно-

ва — глядь, а ясноглазая малышка лежит, укрытая тряпьем, и вовсю плачет, кричит, тело у нее все красное, как при лихорадке, и покрыто сыпью. Еще громче плачет ее мать: «Ай-яй-яй! Это ведь следы Ведьминых Пальцев! Вон, все тело испятнала, проклятая!» Это она оспу имела в виду. У нас в деревне оспу тоже называли Ведьмиными Пальцами. Но Коссил, та, что теперь Верховная Жрица Короля-Бога, подошла к колыбельке да и взяла ребенка на руки. Все так и отпрянули, ну и я, конечно, тоже: не так уж я за свою жизнь цепляюсь, да только кто же входит в дом, где оспа? Но Коссил почему-то совсем не боялась. Взяла она ребенка и говорит: «У нее же никакого жара нет!» Да как плюнет на палец и давай тереть одну из красных отметин. Пятно и исчезло! Оказалось, это всего лишь ягодный сок. Бедная глупая мать надеялась, видно, обмануть нас и оставить дочку при себе! — Манан от всей души рассмеялся. Желтое лицо его осталось почти неподвижным, зато бурно заколыхались бока. — Ну, муж-то, конечно, побил ее, потому что боялся гнева жриц. И вскоре мы вернулись обратно в нашу пустыню, но каждый год кто-нибудь один отправлялся в деревню среди яблоневых садов, чтобы узнать, как растет девочка. Так прошло пять лет. Наконец Тхар и Коссил в сопровождении стражи — солдат в красных шлемах, специально присланных Королем-Богом, — отправились за девочкой. И привезли ее сюда, ибо она оказалась Возродившейся Единственной. Отныне она принадлежала Святому Месту. А ну-ка, скажи, кто была та девочка?

— Я, — отвечала Ара, глядя вдаль, словно пыталась разглядеть нечто, постоянно ускользавшее от нее.

Однажды она спросила:

— А что сделала та женщина... мать, когда жрицы пришли, чтобы увести девочку?

Но этого Манан не знал: он не был в том последнем путешествии.

А она никак не могла вспомнить. Да и что вообще хорошего в воспоминаниях? Все прошло, давно прошло. Она явилась туда, где должна быть. Во всем мире она знала одно лишь подобающее ей место: Гробницы Атуана.

Весь первый год Ара спала в большой спальной с другими новенькими — девочками от четырех до четырнадцати лет. Но уже тогда Манан специально был выделен

ей в телохранители; и кроватка ее тоже стояла отдельно, в маленьком алькове, а не в общей длинной и плохо освещенной комнате Большого Дома, где девчонки пересмеивались и перешептывались, прежде чем уснуть, а утром, зевая, заплетали друг другу косы. Когда у нее отняли прежнее имя и назвали Арой, она стала спать одна в Малом Доме, в постели с одеялами из овечьих шкур, в той самой комнате без окон, которая теперь принадлежала только ей до конца жизни. Малый Дом всегда принадлежал Единственной, и никто не смел войти туда без ее разрешения. В детстве Аре очень нравилось отвечать тому, кто стучался в ее дверь: «Можешь войти!», и ее злило, когда обе Верховные Жрицы, Тхар и Коссил, не обращали должного внимания на ее разрешение и чаще всего входили без стука.

Пролетали дни, проходили годы — похожие один на другой. Девочки, что воспитывались при храмах, много времени уделяли различным полезным занятиям. Ни в какие игры они никогда не играли. Времени для игр просто не было. Они разучивали священные песни и танцы, предания о землях Каргада, сакральные мифы, посвященные различным богам, но чаще всего — либо Королю-Богу, чей дворец находился в Авабатхе, либо Богам-Близнецам, Атва и Вулуа. Из всех девочек только Ара изучала обряды, связанные с Безымянными, и учила ее Тхар, Верховная Жрица Богов-Близнецов. Каждый день, по крайней мере час, она занималась с Арой наедине. Но большую часть своего дня Ара, как и другие ученицы, проводила за работой. Девочки учились прясть и ткать шерсть для жреческих одеяний, сажали и сеяли различные растения и злаки, убирали урожай, учились готовить пищу на каждый день: чечевицу, кашу из зерна грубого помола или пресные лепешки. Все это во время трапез разнообразилось луком, капустой, овечьим сыром, яблоками и медом.

Самой лучшей наградой для учениц было разрешение пойти на рыбную ловлю к реке с темно-зеленой водой, что протекала недалеко от храмов. Можно было, прихватив с собой яблоко или холодную лепешку, весь день просидеть на берегу среди тростников в сухом солнечном тепле, любуясь медлительной зеленой водой и меняющимися очертаниями облаков над холмами. Однако если кто-

то не выдерживал и взвизгивал от возбуждения, когда леса натягивалась и на берег вылетала плоская блестящая рыбка, начинавшая тут же задыхаться на песке, Меббет шипела ужом: «Сиди спокойно, дура визгливая!»

Меббет, жрица из Храма Короля-Бога, была еще молодой темнокожей женщиной, но с ужасным характером — твердым и острым, как обсидиановый нож. Рыбная ловля была ее страстью. К ней непременно требовалось подлизываться и стараться вообще не раскрывать рта, чтобы она не рассердилась и снова взяла с собой на рыбалку. Из-за Меббет вполне можно было ни разу в жизни больше не попасть на реку, разве что летом, когда воду для хозяйства таскали оттуда: колодец в жару совсем иссякал. Это было ужасно — тащить два полных ведра на коромысле по изнуряющей жаре, белым маревом висящей над пустыней, да еще поторапливаться. Первые сто шагов вверх по склону холма к Большому Дому давались относительно легко, но постепенно ведра становились все тяжелее и тяжелее, коромысло жгло плечи, как раскаленное железо, а песок блестел так, что больно было на него смотреть, и каждый следующий шаг был труднее предыдущего. Наконец, добравшись до прохладной тени на заднем дворе Большого Дома, нужно было опорожнить ведра в огромную бочку у овощного амбара и немедленно возвращаться назад, снова и снова проделывая все сначала.

На огороженной территории Святого Места — так назывались все здешние храмы и строения, — считавшегося самой древней святыней на всех четырех островах Империи Каргад, проживало около двух сотен человек. Здесь было три храма; Большой Дом и Малый; кельи евнухов-телохранителей и прилепившиеся к внешней стене хижины рабов, различные кладовые и овчарни, а также сараи для инвентаря. Издали все вместе это выглядело как маленький городок, окруженный голыми сухими холмами, где рос только шалфей, какая-то жестяная трава, торчавшая колючими кустиками, и прочая пустынная мелочь. С запада храмы закрывали холмы, зато с востока, из долин, даже издалека видна была золоченая крыша Храма Богов-Близнецов, сверкавшая и переливавшаяся в небе чуть ниже далеких горных вершин, подобно блестке слюды на каменистом откосе.

Сам по себе Храм Богов-Близнецов был похож на гро-

моздкий каменный куб, облицованный белой плиткой, без окон, с низенькой дверью и крыльцом. Гораздо более красивым и юным — на целые века моложе — был Храм Короля-Бога, расположенный чуть ниже по склону. Его высокий портик украшали толстые белые колонны с разноцветными капителями; каждая из колонн была сделана из целого ствола огромного кедра, привезенного на корабле с острова Гур-ат-Гур, богатого кедровыми лесами. Каждый из таких стволов втаскивали к Святому Месту на веревках не менее двадцати рабов.

Разглядывая Святое Место из восточных долин, человек наконец замечал выше всех остальных построек, выше золотой крыши одного храма и белоснежных колонн другого, самый старый из них — огромный приземистый Тронный Храм с разрисованными стенами и плоским, как бы расползшимся куполом.

За этим храмом, окружая все Святое Место, тянулась толстенная каменная стена сухой кладки, во многих местах разрушенная. Стена петлей огибала отдельный участок за Тронным Храмом, где, подобно гигантским пальцам, из земли торчало несколько черных камней в три человеческих роста высотой. Они постоянно притягивали к себе взор и были исполнены некоего глубинного значения. Однако никому не было известно, что же в действительности они означают. Камней было девять. Один стоял совершенно прямо, остальные — более или менее наклонно; два камня упали. Камни были покрыты серыми и оранжевыми пятнами мхов, словно испачканы краской, — все, кроме одного: этот был совершенно гладкий, черный и будто лоснящийся. Поверхность его была скользкой как шелк. Под коркой мхов на других камнях прощупывалось или даже виднелось нечто вроде резьбы — какие-то рисунки, знаки. Этот огороженный участок с Девятью Камнями и назывался Гробницами Атуана. По слухам, Камни появились здесь еще до рождения самого первого человека, в те времена, когда только создавались острова Земноморья и на земле царила тьма. Камни были куда древнее Короля-Бога, правившего Империей Каргад; они были старше Богов-Близнецов; старше всего этого мира. Это были гробницы тех, кто правил землей прежде, чем возник мир людей; тех, кто не имеет имени; и жрица их имени тоже не имела.

Ара не слишком часто общалась с Камнями; остальные же и ногой не ступали внутрь каменной ограды на самой вершине холма. Два раза в год, в полнолуние близ весеннего и осеннего Солнцеворота, перед Троном совершалось жертвоприношение. Ара выносила из низкой двери в задней стене большой медный таз, полный дымящейся крови только что убитого козла; кровь она должна была разлить так: половину у гладкого черного Камня, остальное — вокруг тех Камней, что лежали на земле, среди мелких камешков, запятнанных кровавыми приношениями, свершавшимися в течение многих столетий.

Иногда Ара в полном одиночестве бродила ранним утром среди Камней, пытаясь разгадать смысл резных знаков на их поверхности, в косых утренних лучах видимых особенно ясно; или же садилась возле Камней и смотрела вверх, на западные горы, или вниз, на крыши и стены строений. Она видела, как пробуждается с приходом утра жизнь у Большого Дома, и возле хижин стражников и пастухов, и в стадах овец и коз, которых гнали на скромные пастбища по берегам реки. Больше среди Камней делать было совсем нечего. Она ходила туда только потому, что лишь ей одной позволено было туда ходить. А еще потому — что там могла побыть в одиночестве. Но это было страшное место. Даже в жаркий летний полдень, особенно жаркий в пустыне, возле Камней царил холод. Порой между двумя камнями, стоявшими близко друг к другу, слышался как бы свист ветра, и Камни эти склонялись друг к другу, словно беседуя о чем-то тайном. Но ни одна их тайная беседа так и не была ею услышана.

От каменной ограды, охранявшей территорию Гробниц, отходила другая каменная стена, пониже, образуя длинную, неправильной формы петлю вокруг Святого Места, чуть вытягиваясь к северу, к реке. Стена эта не столько защищала храмы, сколько делила их территорию на части: в одной — сами святыни, Большой Дом и жилища жриц и телохранителей, в другой — хижины стражников и рабов, которые возделывали землю и пасли скот, обеспечивая Святое Место провиантом. Слуги всегда оставались на своей половине; только по самым большим праздникам стражники, барабанщики и горнисты сопровождали процессию жриц; но в ворота храмов они никогда не входили. Прочие же люди вообще не смели ступить

на территорию храмов. Некогда, правда, сюда совершались настоящие паломничества, приезжали короли и важные вельможи со всех четырех островов, чтобы поклониться святыням. Сам первый Король-Бог полтора столетия назад приезжал сюда — устанавливать порядок богослужения в собственном храме. И все-таки даже он не смог подойти к Камням; даже он вынужден был принимать пищу и спать за пределами стены, окружавшей Тронный Храм и Гробницы.

Взобраться на стену, окружавшую Святое Место, было довольно легко: она вся была покрыта трещинами и выбоинами, как ступеньками. Ара и еще одна девочка по имени Пенте как-то раз в полдень сидели на стене. Был конец весны. Обеим исполнилось по двенадцать лет. По правде говоря, они должны были находиться в Большом Доме за ткацкими станками, в огромном каменном зале, где из бесконечных клубков черной шерсти ткут унылую материю для жреческих одеяний. Девочки выскользнули наружу якобы для того, чтобы напиться во дворе у колодца, и тут Ара сказала: «Пошли скорей!» — и повела подружку вниз по склону холма кружным путем — чтобы не заметили из Большого Дома — к каменной стене. И вот теперь они сидели там, высоко над землей, свесив босые ноги по ту сторону стены и глядя на плоские равнины, уходящие далеко-далеко на восток и на север.

— Ой, как мне хочется море повидать! — сказала вдруг Пенте.

— А зачем? — спросила Ара, жуя какой-то горьковатый стебелек, сорванный прямо на стене. Пустыня вокруг только что отцвела. Ее некрупные цветы — желтые, розовые, белые — роняли на землю лепестки, повсюду посылали с ветром крошечные серо-белые перышки и зонтики семян. Белая пена опавших лепестков скрыла землю под яблонями в саду. Ветви окутала густая листва. Яблони были единственными зелеными деревьями в округе. Остальная растительность, куда ни глянь, имела сейчас один и тот же серо-коричневый пустынный оттенок, и только на западе горы отливали серебристо-голубым: там как раз зацвел шалфей.

— Ну... я не знаю зачем. Просто хочется увидеть хоть что-нибудь еще. Здесь все всегда одинаковое. И ничего никогда не случается.

— Все, что случается где-то еще, начинается здесь, — сказала Ара.

— Да-да, я знаю... Но вот бы посмотреть, как это там происходит! — Пенте улыбнулась. Она была вся какая-то мягкая, уютная. Она потерла свои босые ступни о нагретые солнцем камни и, немного помолчав, продолжала: — Знаешь, я ведь раньше жила у моря — когда была маленькой. Наша деревня начиналась сразу за дюнами, и мы часто играли на берегу. Однажды, помнится, мы видели целую флотилию кораблей, проплывавших мимо и довольно далеко от нашего берега. Мы сбегали в деревню, позвали всех, и все пришли тоже смотреть на них. Корабли эти были похожи на драконов с красными крыльями. У некоторых были настоящие драконьи головы. Они плыли со стороны Атуана, но не принадлежали каргам. Наш староста сказал, что они с запада, с Внутренних Островов. Тогда вся деревня высыпала на берег. Я думаю, люди боялись, что чужеземцы высадятся на остров. Но они только проплыли мимо, и никто не знал куда. Может быть, воевать с жителями Карего-Ат? Ты только подумай: они ведь явились оттуда, где живут настоящие волшебники! Где у всех людей кожа цвета красной глины, где любой может наложить на тебя заклятье, а ты и глазом моргнуть не успеешь.

— Ну уж нет! — с яростью сказала Ара. — Я-то на них и смотреть бы не стала. Эти колдуны служат злым силам. И как только они осмеливаются плавать так близко от Святой Земли!

— Ой, ну, надо думать, наш Король-Бог в один прекрасный день все-таки всех их завоюет и сделает своими рабами. Но мне ужасно хочется еще хоть разок повидать море! В оставленных отливом лужицах нам часто попадались маленькие осьминоги, и, если крикнуть «бу-у!», они сразу же становились белыми. Вон идет твой старый Манан, это он тебя ищет.

Телохранитель и верный слуга Ары медленно брел вдоль внутренней стороны стены. Время от времени он останавливался, чтобы выкопать дикий лук, которого у него собралась уже большая связка, потом снова распрямлялся и оглядывался вокруг своими равнодушными карими глазками. С возрастом Манан еще больше растолстел, и его безволосая желтая кожа лоснилась на солнце.

— Давай быстро вниз, на ту сторону, где живут рабы, — и тихо! — прошипела Ара, и обе девочки соскользнули, гибкие, как ящерки, за стену и присели там, невидимые с внутренней стороны. Они слышали, как Манан подошел ближе.

— У-гу-гу! Картофельная башка! — прогудела Ара, подражая вою ветра в траве.

Тяжелые шаги стихли.

— Эй, кто там? — неуверенно проговорил Манан. — Это ты, малышка? Ара?

Молчание.

Манан двинулся дальше.

— У-гу-гу! Картофельное брюхо! — подражая подруге, прошипела было Пенте, но тут же зажала рот, чтобы не прыснуть со смеху.

— Есть здесь кто-нибудь?

Молчание.

— Ах так? Ну хорошо, хорошо, — вздохнул евнух и медленно пошел дальше. Когда он скрылся за выступом холма, девочки снова вскарабкались на стену и уселись на ней. Пенте вся порозовела от жары и сдерживаемого смеха, но Ара выглядела свирепо.

— Старый глупый баран с бубенчиком! Что он за мной повсюду таскается?!

— Он же обязан, — разумно возразила ей Пенте. — Это его работа — присматривать за тобой.

— За мной присматривают те, кому я служу. Они мной довольны. И совершенно не требуется, чтобы кто-то еще был доволен мной. Все эти старухи и полумужики должны оставить меня и покое. Я здесь Единственная!

Пенте смотрела на нее во все глаза.

— Ох, — еле слышно проговорила она, — ох, я-то знаю, что ты Единственная, Ара...

— Тогда пусть они оставят меня в покое! И перестанут вечно приказывать мне!

Пенте ненадолго замолкла; только вздыхала, болтала в воздухе своими пухлыми ножками да смотрела вдаль, на широкие бледные равнины, постепенно сливающиеся с бесконечной линией горизонта.

— Ты скоро будешь сама приказывать им, очень ско-

ро, ты ведь знаешь, — спокойно сказала наконец Пенте. — Еще два года, и мы пройдем обряд посвящения, перестанем быть детьми. Нам исполнится четырнадцать. Меня пошлют в Храм Короля-Бога — там все будет по-прежнему. Зато ты на самом деле станешь Единственной. Даже Коссил и Тхар обязаны будут тебе повиноваться.

Ара молчала. Лицо ее было печально, глаза под темными ресницами блестели, отражая бледный свет полуденного неба.

— Нам, наверно, пора возвращаться, — сказала Пенте.

— Нет.

— Но Главная Ткачиха может рассказать Тхар... Да и Девять Песнопений уже скоро.

— Я останусь здесь. Ты — тоже.

— Тебя-то они не накажут, а меня уж точно, — мягко попыталась возразить Пенте. Ара не ответила. Пенте вздохнула и осталась. Солнце затягивало дымкой, повисшей высоко в небе над равнинами. Где-то далеко разносился перезвон овечьих колокольчиков, блеяли ягнята. Сухой весенний ветерок налетал слабыми волнами, навевая сладкие ароматы трав.

Девять Песнопений уже почти закончились, когда Ара и Пенте подошли к Большому Дому. Меббет видела, как девочки сидели на «людской стене», и донесла об этом своей начальнице Коссил.

Тяжело ступая, Коссил подошла к ним и вперила в девочек неподвижный взгляд. С каменным лицом, ровным голосом она велела им следовать за ней и повела с крыльца Большого Дома на холм, к Храму Богов-Близнецов, Атва и Вулуа. Там она что-то сказала Верховной Жрице Храма — высокой сухопарой Тхар — и обратилась к Пенте:

— Снимай-ка платье.

И выпорола девочку пучком тростниковых стеблей, которые, ломаясь, оставляли неглубокие, но болезненные царапины. Пенте терпеливо перенесла наказание, молча глотая слезы. Потом ее отослали к ткацкому станку и оставили без ужина. Ведь следующий день она также должна была обходиться без еды.

— Если тебя еще раз увидят на «людской стене», — сказала Коссил, — наказание будет куда более суровым. Ты поняла, Пенте? — Голос Коссил звучал недобро.

Пенте ответила едва слышно и скользнула прочь,

ежась и вздрагивая, потому что грубая шерсть платья касалась свежих царапин на спине.

Ара все время стояла рядом с Тхар и смотрела, как наказывают ее подругу. Теперь она молча следила за тем, как Коссил смывает с истрепанных тростниковых стеблей кровь.

— Не годится, чтобы ты бегала повсюду с остальными девчонками и забиралась куда не положено. Ты — Ара! — строго сказала ей Тхар.

Девочка мрачно молчала.

— Будет лучше, если ты не станешь нарушать правила Святого Места, ты все-таки будущая жрица. Ты — Ара!

На мгновение девочка подняла глаза и глянула в лицо Тхар, потом в лицо Коссил, и такая ненависть, такой гнев были в ее глазах, что обеим стало страшно. И все же тощая жрица ничуть не смутилась; она, пожалуй, была даже довольна и, наклонившись ближе к своей воспитаннице, почти прошептала:

— Да, ты действительно Ара. Ты — Единственная. И прошлое твое поглощено целиком.

— Прошлое поглощено целиком, — эхом повторила за ней Ара, как делала это каждый раз с шести лет.

Тхар слегка кивнула ей, удовлетворенная; Коссил тоже ей кивнула и убрала прочь розги. Но Ара на поклон не ответила, а просто повернулась и пошла прочь.

После ужина — картошки с зеленым луком, — съеденного в тишине узкой темной трапезной, после вечернего богослужения, после наложения священных заклятий на двери и короткого ритуала, Невыразимого Словами, дневным заботам пришел конец. Теперь девочки могли отправляться к себе и играть с яблочными косточками и палочками, пока не догорит единственная на всю спальню свеча, а потом, в лучшем случае, пошептаться в темноте с соседкой по кровати. Ара же, как всегда, направилась через всю обширную территорию Святого Места к Малому Дому, ибо спала там в одиночестве.

Ночной ветерок приносил сладостный аромат трав. Весенние звезды светили ярко и были похожи на пушистые маргаритки на весеннем лугу или на мелких животных в теплой апрельской воде. Но Ара никогда не видела ни лугов, ни моря в апреле. Да и в небо она сейчас не смотрела.

— Эй, как ты там, малышка?

— Манан, это ты? — равнодушно спросила она.

Огромная тень зашевелилась, и Манан воздвигся с ней рядом; его лысая голова, казалось, отражает свет звезд.

— Тебя наказали?

— Меня нельзя наказывать.

— Да... это так...

— Они не могут наказать меня. Не посмеют!

Манан стоял с ней рядом, большие руки его свисали вдоль туловища; он напоминал бесформенную глыбу. Ара чувствовала острый запах лука и сладкий запах шалфея, исходившие от его старой черной хламиды, обтрепавшейся по краям и коротковатой.

— Они даже пальцем не могут меня тронуть. Я — Ара, — сказала она пронзительным, яростным голосом и расплакалась.

Огромные, ждавшие своего времени руки приблизились, обняли, нежно погладили по спутанным волосам.

— Ну-ну, маленькая моя пчелка, малышка моя...

Она слышала хриплый шепот, исходивший из самых глубин его необъятной груди, и прижалась к нему. Слезы скоро кончились, но Ара продолжала прижиматься к Манану, словно ноги не держали ее.

— Бедная ты моя малышка, — прошептал он, поднял девочку на руки и понес ко входу в ее одинокое жилище. На крыльце он поставил ее на ноги.

— Ну? Все в порядке, малышка?

Она кивнула, отвернулась и вошла в темный дом.

3

УЗНИКИ

На крыльце Малого Дома послышались шаги Коссил, ровные и неторопливые. Высокая грузная фигура закрыла дверной проем, потом резко уменьшилась, когда жрица преклонила перед Арой одно колено, и снова неимоверно увеличилась, когда Коссил снова выпрямилась в полный рост.

— Госпожа моя.

— В чем дело, Коссил?

— Мне было дозволено взять на себя некоторые заботы, связанные с владениями Безымянных, — до поры до времени. Однако теперь пришла пора и тебе, госпожа, кое-чему научиться, кое-что увидеть самой и взять в собственные руки то, что в новой своей жизни ты до сих пор еще не вспомнила.

Ара сидела в своей комнате без окон, якобы погрузившись в медитацию, а на самом деле не занятая ничем и ни о чем не думая. Лишь спустя некоторое время застывшее, тупое, но и высокомерное выражение на ее лице чуть изменилось, хотя она и пыталась это скрыть. С затаенным лукавством она спросила:

— Ты имеешь в виду Лабиринт?

— В Лабиринт мы входить не будем. Однако в Священное Подземелье спуститься необходимо.

В голосе Коссил, пожалуй, даже звучало подобие страха. Или она притворялась? Может, чтобы запугать Ару? Девушка неторопливо встала и сказала спокойно:

— Что ж, прекрасно.

Однако, следуя за грузной фигурой Верховной Жрицы, она в душе ликовала: «Наконец-то! Наконец-то я увижу собственное царство!»

Ей исполнилось пятнадцать. Больше года назад она прошла обряд посвящения и стала полновластной и Единственной Жрицей Гробниц Атуана. Это был высший пост среди Верховных Жриц государства Каргад. Единственная не подчинялась даже Королю-Богу. Теперь все жрицы, встречаясь с ней, преклоняли одно колено, даже мрачная Тхар, даже Коссил; и все обращались к ней осторожно и почтительно. Но, в общем-то, ничто особенно не изменилось. Ничего так и не произошло. После торжественной церемонии посвящения дни Ары потекли точно так же, как и раньше. Нужно было прясть шерсть, ткать черную ткань, молоть зерно, соблюдать одни и те же обряды, по-прежнему каждый вечер исполнять Девять Песнопений и накладывать заклятье на двери храмов и дважды в год поить кровью священные Камни, а в безлунные ночи танцевать сакральные танцы перед Незанятым Троном. Так прошел еще один год, подобный всем предыдущим; неужели точно так же пройдут и все остальные годы ее жизни?

Тоска порой подступала под самое горло, превращаясь почти в ужас. Этот ужас начинал душить ее. И однажды, не так давно, ужас этот просто заставил ее выговориться, иначе она боялась сойти с ума. Разумеется, говорила она с Мананом. Кому-то из девушек довериться ей не позволяла гордость, а старшим жрицам — осторожность. Манан был ни то ни другое, старый верный баран с колокольчиком на шее; ему совсем не важно, что именно она скажет. Но, к ее удивлению, у старика уже был готов ответ ей.

— Давным-давно, — сказал Манан, — знаешь, малышка, еще до того, как наши четыре острова объединились в Империю, и до того, как Империей стал править Король-Бог, в Каргаде существовало много мелких властителей и князей. Они вечно ссорились друг с другом. И, чтобы разрешить свои споры, приходили сюда. Вот как это тогда было. Князья являлись сюда со своей челядью и охраной не только с нашего острова, но и с Карего-Ат, Атнини и даже с Гур-ат-Гура. И все спрашивали тебя, Единственную, как им поступить. И ты должна была пойти к Незанятому Трону и спросить совета у Безымянных. Но так было давно. А потом к власти пришли Короли-Боги, сначала на Карего-Ат, затем вскоре и на Атуане; и теперь они уже четыре или пять человеческих жизней правят всеми четырьмя островами, создав единую Империю. И все изменилось. Король-Бог может самостоятельно и свергнуть строптивого князя, и разрешить любой спор между соперниками. Сам будучи божеством, он, как ты понимаешь, не обязан слишком часто советоваться с Безымянными.

Аре требовалось как следует все это обдумать. Здесь, в пустыне, близ вечных, неменяющихся Камней, время значило не слишком-то много, здесь с начала мира жизнь шла своим чередом, монотонная, неизменная. И Ара не привыкла задумываться о том, что все вещи имеют свойство меняться, а старые отношения между людьми отмирают, уступая место новым. И поверить в то, что это действительно так, ей было нелегко.

— Но могущество Короля-Бога куда меньше могущества Безымянных, которым служу я, — сказала она напряженно.

— Конечно... конечно... Но никто ведь не скажет об

этом Королю-Богу прямо в глаза, медовая моя. Или его жрице. — И Манан подмигнул ей.

Поймав взгляд его маленьких карих глазок, Ара подумала о Коссил, Верховной Жрице Короля-Бога, которой боялась с самого первого своего дня здесь, и поняла, что именно хотел сказать Манан.

— Но ведь Король-Бог и его люди совсем перестали поклоняться Гробницам. Никто из них здесь больше не бывает.

— Ну, Король присылает сюда узников для жертвоприношений — об этом он не забывает. Да и дары, что он приносит Безымянным...

— Дары! Его собственный храм каждый год красят заново, у него алтарь из чистого золота — мер сто ушло, наверно! И лампы в его храме заправляют розовым маслом! А посмотри на Тронный Храм — кровля вся в дырах, купол вот-вот рухнет, в трещинах живут мыши, совы, упыри... Но он переживет и Короля-Бога, и все его храмы, и всех новых Королей Империи! Мой Храм существовал задолго до появления первого Короля-Бога и будет стоять здесь, когда даже память об этих божествах исчезнет, ибо он — центр мирозданья.

— Да, малышка, это центр мирозданья.

— Храм этот обладает несметными сокровищами. Иногда мне о них рассказывает Тхар. Их там столько, что можно доверху набить десять храмов Короля-Бога и еще останется. Золотые монеты, разные военные трофеи, скопившиеся за сотни поколений. Сокровища эти заперты в колодцах и подвалах глубоко под землей. Жрицы пока не спешат показывать их мне, заставляют меня все ждать и ждать... Но я-то знаю, что там, под самим Тронным Храмом, подо всем Святым Местом, под нами, вот здесь, где мы с тобой стоим, — огромный Лабиринт, невероятное сплетение темных коридоров и тупиков. Лабиринт подобен гигантскому, погруженному во тьму городу во чреве горы. Он полон золота, драгоценного оружия, принадлежавшего героям древности, старинных королевских корон, человеческих костей, прошедших лет и тишины.

Ара была словно в трансе и говорила с необычайным воодушевлением. Манан наблюдал за ней. Его заплывшее жиром лицо никогда не отличалось выразительностью, на нем навсегда застыла равнодушная и слегка насторо-

женная печаль; однако теперь лицо его изменилось: стало значительно печальнее, чем обычно.

— Что ж, хорошо. И ты — хозяйка всего этого, — сказал он. — Хозяйка этой тишины... и этой тьмы.

— Да, хозяйка! Но они же мне ничего не показывают — только те помещения, что находятся над землей, к примеру комнаты за Троном. Они даже до сих пор не показали мне, где вход в Подземелье; только все что-то бормочут себе под нос. Они не пускают меня в мои собственные владения! Почему, ну почему они заставляют меня без конца ждать?

— Ты еще так молода... И, может быть... — сказал Манан своим сиплым женоподобным голосом, — может быть, они просто боятся, малышка. Они там не властны, в конце концов. Это твои владения. Им опасно даже входить туда. Нет такого человека, что не боялся бы Безымянных.

Ара промолчала, однако глаза ее сверкнули. Манан снова дал ей урок, научив видеть вещи иначе. Ах, какими недосягаемыми, холодными и уверенными в себе казались ей всегда Тхар и Коссил! Она и представить себе не могла, что Верховные Жрицы способны чего-то бояться. И все же Манан прав. Они боятся Подземелья, боятся тех могущественных сил, частью которых является Ара и которым принадлежит. Они боятся, что темнота подземных туннелей поглотит их.

И вот теперь, спускаясь впереди Коссил с крыльца Малого Дома, а потом поднимаясь на вершину холма по извилистой тропинке, ведущей к Тронному Храму, она вспоминала тот свой разговор с Мананом и торжествовала. Неважно, куда именно ее отведут и что ей покажут: бояться она все равно не станет. Она знает свой путь.

Следуя за ней по тропе, Коссил заговорила:

— Одной из твоих обязанностей, госпожа, как известно, является принесение в жертву узников, преступников из благородных семей, святотатством или предательством оскорбивших Господа нашего Короля.

— Или Безымянных, — сказала Ара.

— Верно. Пока Поглощенная не достигнет зрелости, не годится ей самой исполнять этот долг. Но ты, моя госпожа, больше не дитя. В Комнате Узников есть несколько человек, которых прислали сюда месяц назад милостью Короля-Бога из Авабатха.

— Я не знала, что узники уже доставлены. Почему мне не сообщили об этом?

— Узников привозят по ночам, тайно, в согласии с обрядом, установленным древними служительницами Гробниц. Моя госпожа, тебе следует идти вдоль этой стены, чтобы попасть к тайной двери.

Ара свернула со знакомой тропы и пошла вдоль могучей каменной стены, отделявшей тот участок, где возвышались черные Камни. Глыбы, из которых была сложена стена, поражали своей массивностью: самая маленькая весила куда больше взрослого человека, а самые большие размером превосходили карету. Казалось бы, совершенно бесформенные, они тем не менее были тщательно подогнаны, притерты друг к другу и скреплены раствором. Но все же верхняя часть стены кое-где успела разрушиться, и там огромные куски скалы лежали как придется. Такое могли сотворить лишь безжалостное время, долгие века, бесконечная череда сменяющих друг друга жарких дней и ледяных ночей пустыни, тысячелетия, в течение которых неощутимо изменились даже сами эти холмы.

— На эту стену очень легко взобраться, — заметила Ара.

— У нас здесь не хватает мужчин, чтобы восстановить ее, — ответила Коссил.

— Зато у нас хватает мужчин, чтобы ее охранять.

— Но это всего лишь рабы. Им доверять нельзя.

— Им можно было бы доверять, если как следует запугать их. Пусть наказание для них, как и для любого осквернителя Святой Земли, будет одинаковым.

— Каким же? — Коссил спрашивала не для того, чтобы узнать ответ. Она давно уже сама научила Ару, что в этом случае следует отвечать.

— Пусть все они будут обезглавлены перед Троном.

— Неужели моя госпожа хочет, чтобы какие-то рабы влезли на священную стену, окружающую Гробницы Атуана?

— Да, я так хочу, — ответила девушка. От напряжения она стиснула пальцы, скрытые длинными рукавами черного платья. Она знала, что Коссил не желает отпускать рабов ни охранять эту стену, ни чинить ее. Впрочем, это действительно было никчемное занятие, но тогда для чего же вообще эти люди присланы сюда? Вряд ли кто-то случайно или намеренно станет бродить в окрестностях

Святого Места. Да его же сразу заметят! Он просто не сможет подобраться к Гробницам. И все же охрана Гробниц — дело чести. У Коссил не хватило доводов, чтобы возразить Аре, и она вынуждена была подчиниться.

— Здесь, — произнесла Коссил ледяным тоном.

Ара остановилась. Она и прежде часто ходила по этой тропе вдоль стены и хорошо ее знала, как, впрочем, почти каждый клочок земли вокруг храмов, каждую колючку, каждый кустик чертополоха. Каменная стена в три человеческих роста высотой была слева; справа склон холма постепенно спускался в сухую лощину, за которой вскоре снова начинался подъем — первые отроги западных гор. Ара внимательно осмотрелась, но нового так ничего и не увидела.

— Под красными камнями, госпожа.

Чуть ниже по склону выход красной лавы на поверхность образовал нечто вроде маленького утеса или уступа. Когда Ара спустилась туда и встала лицом к красному уступу, то заметила наконец нечто, похожее на грубо вырубленную низенькую дверцу; войти в нее можно было лишь согнувшись.

— Что нужно сделать?

Она уже давно усвоила, что в священных местах не стоит и пытаться открыть, скажем, потайную дверцу, если не знаешь, как это сделать.

— У моей госпожи есть ключи от всего Лабиринта.

С момента своей инициации Ара стала носить на поясе железное кольцо, где висел маленький кинжал и тринадцать ключей; одни — длинные и тяжелые, другие — совсем маленькие, не больше рыболовного крючка. Она перебирала ключи.

— Вот этот, — указала пальцем Коссил и ткнула этим же пальцем в маленькую трещинку меж двумя камнями, покрытыми мхом.

Ключ — длинный железный стержень с двумя бороздками, украшенный резьбой, — легко вошел в отверстие. Ара обеими руками с трудом повернула его, и он не сразу, но неожиданно легко повернулся.

— А теперь?

— Нужно вместе...

Вместе они налегли на скалу и стали толкать ее куда-то влево. Тяжело, но без малейшей заминки и почти совсем бесшумно скала подалась, и приоткрылась узкая щель, за которой было совершенно темно.

Ара шагнула и вошла внутрь.

Коссил, женщина грузная, в тяжелых одеждах, с трудом протиснулась в узкую щель за ней следом. Оказавшись внутри, она сразу же налегла на дверцу спиной и с явным напряжением ее захлопнула.

Их окружала чернота. Ни огонька. Казалось, тьма лежит на открытых глазах подобно влажному войлоку.

Они совсем скрючились, согнулись чуть ли не вдвое под давящими низкими сводами, где выпрямиться было невозможно. И коридор был так узок, что Ара, шаря в темноте руками, тут же наткнулась на влажные каменные стены справа и слева от себя.

— Ты захватила свечу, Коссил?

Она прошептала это — в темноте люди почему-то всегда понижают голос.

— Нет, — ответила Коссил у нее за спиной. Она тоже говорила шепотом, и все же в голосе ее Ара уловила какую-то странную насмешку. Коссил никогда не улыбалась при свете. У Ары екнуло сердце, кровь застучала у самого горла. Она яростно сказала себе: «Это мое место. Я принадлежу Им. Я не боюсь». Вслух же она не сказала ничего. И двинулась вперед.

Идти можно было только в одном направлении — внутрь и вниз. Коссил, тяжело дыша, следовала за ней; одежда ее шуршала и цеплялась за неровные каменные стены и выбоины в полу.

Внезапно стало гораздо просторнее: Ара смогла выпрямиться во весь рост и, раскинув руки в стороны, стен не коснулась. Тяжелый, пахнущий землей воздух показался ей более холодным и влажным; в нем ощущалось некое слабое движение, какой-то сквозняк, словно в обширном, неправильной формы помещении. Ара сделала несколько осторожных шажков вперед, в черноту, плотной стеной окружавшую их. Какой-то камешек со стуком выскользнул из-под ее сандалии, породив многократное эхо, не умолкавшее несколько минут и удаляющееся вглубь по невидимым коридорам. Подземелье, видно, было поистине огромным, но не пустым: что-то там, в темноте, разбивало эхо на тысячу отзвуков.

— Здесь мы, должно быть, прямо под Камнями, —

сказала Ара шепотом, и шепот ее полетел во тьму и расслоился на множество звуковых нитей, тонких, как паутина, которые довольно долго еще липли к слуху.

— Да. Это храмовое Подземелье. Идем дальше. Я не могу оставаться здесь. Следуй вдоль этой стены налево. Пропусти три прохода.

Шепот Коссил звучал как шипение змеи, ему маленькими змейками вторило неумолчное эхо. Коссил боялась. Ей по-настоящему было очень страшно здесь, в царстве Безымянных, спящих в своих гробницах, в темноте Священного Лабиринта. Она была здесь чужой, она не смела распоряжаться здесь.

— В следующий раз я приду сюда с факелом, — сказала Ара, на ощупь продвигаясь вдоль стены подземного коридора и дивясь странной формы каменным выступам и впадинкам — какой-то удивительной резьбе, то кружевной с острыми краями, то довольно грубой, а кое-где идеально гладкой, словно художественное литье: это, конечно же, старинные скульптуры, решила она. Возможно, все Подземелье — плод работы древних мастеров, живших в незапамятные времена.

— Свет здесь запрещен! — Шепот Коссил прозвучал резко.

Даже не дослушав ее, Ара поняла, что так оно и должно быть. Здесь было самое сокровенное убежище Тьмы, самое средоточие Ночи.

Три раза пальцы ее нащупывали провалы в стене — куда-то в непроницаемую тьму. На четвертый раз она, ощупав руками высоту и ширину коридора, свернула в него. Коссил шла следом.

Туннель вел снова чуть вверх; они миновали один проход слева и затем у развилки пошли направо, ощупывая стены и полагаясь лишь на интуицию и память в ослепляющей темноте и оглушающей тишине. Этот коридор был достаточно узок, чтобы все время касаться обеими руками стен и не пропустить ни одного проема, которые здесь необходимо было считать, чтобы не сбиться с пути. Осязание служило здесь зрением; дорогу нельзя было увидеть, но можно было нащупать.

— Это уже Лабиринт?

— Нет. Пока все еще Священное Подземелье, то, что под Храмом.

— А где вход в Большой Лабиринт?

Аре нравилась эта игра в темноте; ей хотелось разгадывать все более и более трудные загадки.

— Второй проем в стене, вдоль которой мы шли, когда были под Камнями. Теперь справа должна быть дверца, деревянная, возможно, впрочем, что мы ее уже пропустили...

Ара слышала, как Коссил неловко шарит руками по стене, задевая ногтями грубый камень. Девушка легко скользнула кончиками пальцев по холодным плитам и через мгновение ощутила гладкую деревянную поверхность. Она нажала на нее, и дверь, скрипнув, легко отворилась. На мгновение Ара застыла, совершенно ослепнув от света.

Они вошли в большую низкую комнату со стенами из отесанных каменных плит, освещенную одним-единственным факелом, свисающим с цепи. Комната была заполнена факельным дымом, который не находил выхода. У Ары защипало глаза и потекли слезы.

— Где же узники?

— Там.

Наконец она осознала, что три непонятные кучи на полу в дальнем конце комнаты и есть люди.

— Эта дверь не заперта. Разве здесь нет стражи?

— Стражи не требуется.

Ара сделала несколько шагов, неуверенно вглядываясь в дымную мглу. Каждый из узников был прикован за обе лодыжки и за одно запястье к большому кольцу, вделанному в стену. Если ему хотелось прилечь, то прикованная рука все равно оставалась задранной кверху. Волосы и бороды узников превратились в сплошной колтун и так отросли, что совершенно скрывали их лица, и без того плохо различимые в темноте. Один из этих людей полулежал, двое других то ли сидели, то ли просто присели на корточки. Все были совершенно нагими. Запах от них исходил такой, что перешибал даже факельную гарь.

Один из узников, похоже, наблюдал за Арой: ей показалось, что глаза его как-то особенно блеснули. Остальные даже не пошевелились и голов не подняли. Ара отвернулась.

— Это больше не люди, — сказала она.

— Они ими никогда и не были. Это демоны, чудовища, вступившие в сговор против Короля-Бога! — В блес-

тящих глазах Коссил отражался красноватый факельный свет.

Ара снова посмотрела на узников — со страхом и любопытством одновременно. Разве может человек осмелиться пойти против божества?

— Как это ты, к примеру, смог поднять руку на живого Бога?

Тот, что наблюдал за ней исподтишка, только глянул сквозь спутанную копну волос и ничего не сказал.

— Языки у них отрезаны еще до того, как их отослали сюда из Авабатха, — пояснила Коссил. — Не говори с ними, госпожа. Они сеют вокруг себя скверну. Ты можешь как угодно распоряжаться узниками, но ни разговаривать с ними, ни смотреть на них, ни думать о них не надо. Ты должна отдать их Безымянным.

— Каким способом следует принести их в жертву?

Ара на узников больше не смотрела. Она повернулась к Коссил, черпая силы в ее массивной фигуре, в холодном, спокойном голосе. У нее кружилась голова, ее тошнило от факельного угара и чудовищной вони, но со стороны казалось, что Ара думает и говорит совершенно спокойно. Разве в своей прежней жизни не совершила она множества жертвоприношений?

— Жрица Гробниц лучше остальных знает, как умертвить жертву, чтобы доставить удовольствие своим Хозяевам. Так что право выбора за тобой. Существует множество способов...

— Пусть Гобар, капитан стражи, отсечет им головы. А кровь будет пролита на пол перед Троном.

— Как если бы приносили в жертву козу? — Коссил, казалось, насмехается над недостатком ее воображения. Ара тупо молчала. Коссил продолжала: — Кроме того, Гобар — мужчина. Ни один мужчина не смеет входить в Священное Подземелье, и, разумеется, моя госпожа помнит об этом? Если мужчина войдет сюда, то никогда не выйдет...

— Кто доставил узников сюда? Кто их кормит?

— Мои телохранители, Дьюби и Уахто: они евнухи и могут совершать здесь жертвоприношения в честь Безымянных, как могу это и я. Солдаты Короля-Бога оставили узников привязанными с внешней стороны стены, а я с телохранителями провела их сюда через Дверь Узников,

что посреди Красных Камней. Так делалось всегда. Пищу и воду для них спускают через дверь-ловушку, что находится за Троном.

Ара посмотрела вверх и увидела, что цепь, на которой висит факел, прикреплена к деревянной квадратной раме, вделанной в каменный потолок. Отверстие было слишком мало, чтобы через него мог пролезть человек, но веревка с корзиной должна была опуститься как раз рядом со средним узником.

— Пусть им больше не приносят ни еды, ни питья. Пусть уберут факел.

Коссил поклонилась.

— А куда девать их тела, когда они умрут, госпожа моя?

— Пусть Дьюби и Уахто похоронят их в том большом подземелье, через которое мы проходили, — в том, что под Камнями, — быстро сказала девушка странным звенящим голосом. — Пусть сделают это в темноте. Мои Хозяева поглотят тела жертв.

— Все будет исполнено.

— Теперь хорошо, Коссил?

— Хорошо, госпожа.

— Тогда давай уйдем отсюда, — сказала Ара совсем тоненьким голоском. Повернувшись, она поспешила назад к деревянной двери, прочь из Комнаты Узников, во тьму туннеля, который принес ее душе тишину и отраду и был похож на беззвездную ночь, когда не слышно ни единого вздоха, не видно ни единого огонька, не чувствуется ни малейших проявлений жизни. Она погрузилась в чистую темноту, как в воду, и двинулась вперед, разрезая ее, словно пловец. Коссил, задыхаясь, поспешала сзади, все больше отставая, все чаще спотыкаясь. Без малейших колебаний Ара повторила весь путь в обратном направлении, точно запомнив все пропуски и повороты; прошла вдоль стены наполненного гулким эхом Подземелья под Гробницами, согнувшись в три погибели, преодолела последний коридор и вышла к закрытой двери. Там, совсем скрючившись, она отыскала длинный ключ у себя на поясе. В сплошной непроницаемой стене перед ней не было ни малейшего просвета. Пальцы ее скользнули по поверхности двери, отыскивая скважину или хоть какой-нибудь болт или ручку, но ничего не нашли. Куда же вставляется ключ? Как им выбраться наружу?

— Госпожа! — Голос Коссил, размноженный эхом, шипел и гулко разносился далеко позади.

— Госпожа, дверь нельзя открыть изнутри. Здесь нет выхода наружу. Этим путем вернуться нельзя.

Ара прижалась к скале. Говорить она не могла.

— Ара!

— Я здесь.

— Иди за мной.

Она пошла. Поползла на четвереньках, словно собака, и уцепилась за юбку Коссил.

— Направо. Скорее! Я не должна здесь задерживаться. Мне здесь не место. Следуй за мной.

Ара поднялась на ноги, по-прежнему держась за платье Коссил. Они пошли вперед вдоль покрытой странными резными изображениями стены подземелья, потом направо и — довольно не скоро — свернули в черный коридор, ведущий во тьму. Теперь они все время поднимались куда-то по коридорам, по лестницам, и Ара так и не выпускала платье Коссил из рук. Глаза ее были закрыты.

Наконец она почувствовала свет, казавшийся красным из-за плотно сжатых век. Ара подумала было, что это снова Комната Узников, и никак не хотела открывать глаза. Но тут в лицо ей сладостно пахнул сухой воздух Храма, знакомый, чуть приправленный плесенью; ноги ее ступили на крутую, почти отвесную лесенку. Она наконец отпустила платье Коссил и огляделась. Над ее головой была открыта очередная дверь-ловушка. Она вслед за Коссил протиснулась в нее. Дверка вела в знакомую ей комнату, маленькую каменную келью позади Трона, где хранились какие-то ящики и железные сундуки. За дверями Храма мерцал дневной свет, серый и тусклый.

— Через ту дверь, что ведет в Комнату Узников, можно только войти. Выйти нельзя. Единственный выход здесь. Если из Лабиринта и есть еще какой-нибудь выход, то ни мне, ни Тхар ничего о нем не известно. Ты должна его непременно запомнить — если отыщешь случайно. Но я не думаю, что есть еще хоть один.

Коссил говорила по-прежнему еле слышно и с нескрываемой враждебностью. Ее обрюзгшее лицо под черным капюшоном было бледным и мокрым от пота.

— Я не помню, сколько поворотов и где нужно сделать, чтобы выйти из Лабиринта.

— Я их тебе назову. Но только один раз. И ты должна запомнить. Впредь я с тобой не пойду. Мне не годится бывать здесь. Ты должна ходить сюда одна.

Девушка кивнула. Она посмотрела на Коссил и подумала: как странно она выглядит — белая от ужаса, но все же торжествующая, словно тайно радуется ее слабости.

— В следующий раз я пойду одна, — сказала девушка и, отворачиваясь от Коссил, вдруг поняла, что ноги больше не держат ее, почувствовала, как комната поплыла и перевернулась вверх дном, а потом черной бесформенной массой рухнула без чувств прямо к ногам старой жрицы.

— Ничего, научишься, — сказала Коссил, все еще тяжело дыша и не двигаясь с места. — Научишься.

4

СНЫ И ЛЕГЕНДЫ

Несколько дней Ара была нездорова. Ее лечили якобы от лихорадки. Она большей частью лежала в постели или сидела на крыльце, греясь в лучах нежаркого осеннего солнышка и глядя на западные горы. Она чувствовала себя слабой и глупой, в голове крутились одни и те же мысли. Ей было нестерпимо стыдно, что она тогда упала в обморок. Ни одного охранника так и не появилось на стене у Гробниц, однако теперь она бы ни за что не осмелилась спрашивать Коссил, почему та не выполнила приказа. Она вообще не хотела больше видеть Коссил — никогда! И все потому, что тогда так позорно лишилась чувств.

Часто, сидя на солнышке, она обдумывала, как станет вести себя в следующий раз в Священном Подземелье и какой смертью прикажет умертвить следующую партию узников. Она постарается выбрать более изощренную казнь, соответствующую тем мрачным обрядам, что вершатся у Незанятого Трона.

Каждую ночь в темноте она просыпалась от собственного крика: «Они ведь до сих пор не умерли! Они все еще умирают!»

Ей снилось множество разных снов. Ей снилось, что она должна готовить еду — огромные котлы, полные вкус-

ной каши, — и выливать ее в дыру в полу. Ей снилось, что она в полной темноте должна отнести огромный медный кувшин, полный воды, кому-то, умирающему от жажды. Но так и не могла добраться до этого человека. Она просыпалась и сама мучилась жаждой, но не вставала, чтобы напиться. Так и лежала без сна, с открытыми глазами в своей лишенной окон келье.

Однажды утром ее пришла навестить Пенте. Ара с крыльца увидела, как Пенте идет к Малому Дому с беззаботно-рассеянным видом, будто забрела сюда случайно. Если бы Ара не окликнула ее, Пенте сама ни за что не поднялась бы на крыльцо. Но Ара измучилась в одиночестве и заговорила первой.

Пенте низко поклонилась ей — как и все, кто приближался к Единственной Жрице Гробниц, — и тут же как ни в чем не бывало шлепнулась на ступеньку чуть ниже Ары и шумно выдохнула воздух: «Уфф!» Она выросла и пополнела; от любого усилия щеки ее тут же покрывались темно-вишневым румянцем, и теперь, после быстрой ходьбы, они прямо-таки пылали.

— Ты, я слышала, болеешь. Я тут тебе яблочек приберегла, — она быстрым жестом извлекла откуда-то из-под своей необъятной черной хламиды грубую плетенку с несколькими отличными желтыми яблоками. Пенте теперь была посвящена Королю-Богу и состояла в команде Коссил; но жрицей пока еще не стала и по-прежнему посещала уроки и разучивала священные гимны вместе с новичками. — В этом году нам с Поппе выпало яблоки перебирать, а самые лучшие я отложила для тебя. Здесь вечно самые лучшие высушивают. Конечно, так хранить их удобнее, но все равно ужасно жалко... Правда, они красивые?..

Ара пощупала бледно-золотистую матовую шкурку яблока с неотломанным сучком, на котором сохранились скрученные в трубочку коричневые листики.

— Да, очень.

— Съешь яблочко, — предложила Пенте.

— Не сейчас. Съешь ты.

Пенте из вежливости выбрала самое маленькое и моментально съела, с упоением похрустывая сочной мякотью.

— Я целыми днями могу есть, — сказала она. — Мне все мало. Мне бы поварихой быть, а не жрицей. Уж я бы

готовила получше, чем скряга Натхабба; а еще можно было бы горшки вылизывать... Ой, ты слышала о Мунитх? Ей было велено отполировать бронзовые кувшины с пробками, в которых хранят розовое масло, — знаешь, такие длинногорлые. А Мунитх решила, что изнутри тоже нужно все протереть, и сунула руку с тряпкой внутрь, представляешь? И не могла вытащить обратно. Она и так и сяк старалась, рука у нее вся раздулась и в запястье опухла, так что стало еще хуже. Она прямо-таки в ловушку попала. Испугалась и давай бегать по всему дому с криками: «Не могу вытащить! Не могу вытащить!» А Пунти теперь стал совсем глухим и решил, что начался пожар. Тут он разошелся и погнал телохранителей спасать новичков! А Уахто в это время доил коз и на минутку выбежал из сарая посмотреть, в чем дело; ну а дверь-то оставил открытой, и все молочные козы разбежались по двору и стали носиться, бодать Пунти, евнухов и малышню. Тут Мунитх наконец содрала этот дурацкий кувшин с руки и разревелась, как дура, и вся эта кутерьма продолжалась до тех пор, пока из Храма не пришла Коссил. И говорит: «В чем дело? Что здесь происходит?»

Пенте тщетно пыталась сопротивляться рвущемуся наружу смеху и сохранять мрачно-серьезную мину на своем милом круглом личике, пытаясь подражать Коссил, но все равно у нее получалось ужасно похоже, так что даже Ара рассмеялась — только каким-то испуганным, нервным смехом.

— «В чем дело? Что здесь происходит?» — говорит Коссил, и тут... тут бурый козел как боднет ее!.. — Пенте прямо-таки зашлась от смеха, на глазах у нее выступили слезы. — А М-м-Мунитх как стукнет... как стукнет козла своим кувшином!..

Обе подруги повалились на спину, потом от смеха согнулись пополам, задыхаясь и обхватив колени руками.

— И тут Коссил оборачивается и снова говорит: «В чем дело? Это еще что такое?», а перед ней... козел!.. козел!.. — Конец истории потонул в раскатах смеха. Наконец Пенте вытерла глаза и нос и рассеянно уставилась на одно из яблок.

От хохота Ару начало немножко знобить. Она постаралась успокоиться и, немного помолчав, спросила:

— Как ты оказалась здесь, Пенте?

— О, я была шестой дочкой в семье, так что родителям моим просто не под силу было бы вырастить стольких девиц и выдать их потом замуж. А потому, когда мне исполнилось семь лет, меня привели в Храм и посвятили Королю-Богу. Это было в Оссаве. Но, по-моему, там в тот год новичков оказалось слишком много, и довольно скоро я попала сюда. А может, они считали, что я стану особенно хорошей жрицей или кем-нибудь в этом роде? Только тут они ошибались! — Пенте все-таки надкусила яблоко с веселым и одновременно печальным выражением лица.

— А ты не хотела становиться жрицей?

— Не хотела? Конечно! Я бы лучше замуж за свинопаса вышла и жила бы с ним в канаве. Я бы лучше что угодно сделала, лишь бы не помирать с тоски в этой пустыне проклятой, среди сплошных женщин. Сюда ведь никто даже не заходит! Да чего там — только хуже от этих мечтаний! Я ведь уже и обряд посвящения прошла, и клятвой связана... Но я все-таки надеюсь — правда-правда! — что в следующей своей жизни непременно стану танцовщицей в Авабатхе! Уж к этому времени я такую участь заслужу!

Ара смотрела на Пенте мрачно и спокойно. Она ее не понимала. Ей казалось, что она никогда раньше по-настоящему Пенте не видела, просто никогда по-настоящему на нее не смотрела — вот и не видела, какая она кругленькая, полная жизненных соков, как похожа на одно из этих замечательных золотистых яблок.

— А Святое Место хоть что-нибудь значит для тебя? — спросила Ара довольно резко.

Пенте, которую обычно легко было подчинить, сбить с толку, на этот раз не проявила ни малейшего волнения.

— О, я понимаю, что для тебя твои Хозяева очень важны, — сказала она, но столь равнодушно, что Ара вздрогнула. — По крайней мере, в этом хоть есть какой-то смысл: ведь ты их Единственная Жрица. Тебя не просто отдали кому-то в услужение, ты именно для этого родилась. А посмотри на меня? Разве от меня можно ожидать священного трепета и тому подобной ерунды? В конце концов, Король-Бог — всего лишь человек, и пусть даже он живет в Авабатхе в огромнейшем дворце под золотой крышей. Ему не меньше пятидесяти, и он совсем лысый. Это даже на всех его статуях видно. И, клянусь, ему приходится стричь ногти на ногах, как и всем прочим

смертным. Да, я знаю, что он одновременно еще и Бог. Но вот что я думаю: он будет куда божественнее, когда умрет.

Ара была согласна с Пенте, потому что втайне уже и сама пришла к выводу, что все эти самозванцы, Божественные Императоры Каргада, — просто выскочки, фальшивые боги, пытающиеся присвоить славу и достоинство подлинных и вечных: Правителей Мира. Но с чем-то, стоящим за словами подруги, она согласиться не могла — с чем-то совершенно для нее новым, пугающим. Она еще не осознала, насколько разнятся между собой люди, сколь по-разному воспринимают они жизнь. Она чувствовала себя так, как если бы вдруг, подняв глаза, увидела прямо перед собой новую планету, огромную и густонаселенную; прямо за привычным окном — совершенно новый мир, такой, где боги не имеют никакого значения. Она была до глубины души уязвлена стойким неверием Пенте. И, уязвленная, нанесла ответный удар:

— Это все верно. Мои Хозяева умерли много-много лет тому назад, и Они никогда не были людьми... А ты знаешь, Пенте, я ведь могу и тебя призвать на службу Гробницам. — Она говорила миролюбиво, словно предлагая подруге нечто лучшее, чем теперь.

Вишневый румянец тут же исчез со щек Пенте.

— Да, — сказала она, — это ты можешь. Но я не... я не гожусь для службы Гробницам.

— Почему?

— Я боюсь темноты, — тихонько проговорила Пенте.

Ара слегка фыркнула: она была довольна. Она оказалась права: Пенте может не верить в своих богов, но она боится не имеющих имени сил Тьмы — как и каждый смертный.

— Ты ведь знаешь, что я не стану этого делать, если ты сама не захочешь, — сказала Ара.

Повисло длительное молчание.

— Ты становишься все больше и больше похожа на Тхар, — сказала Пенте, как всегда мягко и спокойно-мечтательно. — Слава Богу, что еще не на Коссил!.. Но ты все-таки очень сильная! Я бы тоже хотела быть сильной. Но я так люблю покушать...

— Ну так вперед! — весело сказала Ара, чувствуя себя значительно старше и умнее, и Пенте медленно съела третье яблоко, вместе с семечками.

Необходимость исполнять бесконечные обряды в Храме уже через несколько дней заставила Ару покинуть свое уединенное жилище. К тому же у одной из коз не ко времени родилась двойня, и козлят следовало непременно принести в жертву Богам-Близнецам: это был очень важный ритуал, требовавший присутствия Единственной. Ночи были безлунными, и перед Незанятым Троном также должна была состояться церемония почитания Тьмы. Ара дышала опьяняющими благовониями и танцевала перед Троном — одна и в полной темноте. Она танцевала для невидимых мертвых и нерожденных душ, и во время танца души собирались в воздухе вокруг нее, следуя кружению ее тела, медленным и уверенным движениям рук. Она пела священные песни, которых не понимал никто и которые она выучила давным-давно звук за звуком от Тхар. Хор жриц, спрятанный во тьме за двойным рядом колонн, вторил ей, произнося те же странные слова, и воздух в огромном полуразрушенном Храме гудел от непривычных звуков, словно собравшиеся там духи снова и снова повторяли слова священного песнопения.

Король-Бог из Авабатха больше не присылал узников в Святое Место, и постепенно Аре перестали сниться те трое, которых давно уже погребли в неглубоких могилах огромного Лабиринта.

Она призвала все свое мужество, чтобы снова пойти туда. Она должна была сделать это: Жрица Гробниц обязана входить в свое царство без страха; обязана знать там каждый поворот, каждый камень.

Когда Ара в первый раз одна вошла в дверь-ловушку, ей было очень страшно, но все же не так, как она думала.

Ей удалось приучить себя к мысли, что войти одной в Лабиринт необходимо, и спуск туда даже немного ее разочаровал: бояться оказалось нечего. Там могли встретиться могилы, но она их не видела во тьме. Тьма царила здесь, тьма и тишина. И больше никого.

Каждый день Ара спускалась в Священное Подземелье через дверь-ловушку, находившуюся за Троном. Она старательно изучала Малый Лабиринт, пока не запомнила всю систему его коридоров со странными, покрытыми барельефами стенами настолько хорошо, насколько вообще можно запомнить то, чего не видишь. Она передвигалась только вдоль стен, чтобы не утратить чувства направления в темноте и не потерять путь. Ибо — это она усвоила еще в тот, самый первый раз — очень важным здесь было знать, сколько поворотов ты совершил, сколько миновал и сколько еще осталось. Главное — не сбиться со счета, потому что на ощупь все коридоры кажутся одинаковыми. У Ары была хорошо тренированная память, ей было не так уж трудно запомнить нужное число поворотов и пропусков, причем на ощупь, а не с помощью зрения и логики. Вскоре она прекрасно ориентировалась в Малом Лабиринте — той части подземелья, которая располагалась под Гробницами и Храмом. Но был один коридор, куда она не сворачивала никогда: второй налево от двери в Красной скале; он вел туда, откуда она могла бы никогда не найти выхода, — в Большой Лабиринт. Ее бесконечно тянуло войти в этот коридор, идти дальше и дальше, и желание это день ото дня все росло, но она сдерживала его до тех пор, пока не выспросила все, что могла, о Большом Лабиринте у Тхар.

Тхар знала немного; разве что названия отдельных комнат и перечень пропусков и поворотов, которые нужно было запомнить, чтобы попасть в известные ей помещения. Она рассказывала все это Аре, но никогда не рисовала путь — ни на земле, ни в воздухе; и сама никогда по этим коридорам не ходила, никогда в Большой Лабиринт не спускалась. Но если Ара спрашивала ее, например: «Как пройти от железной двери в Расписную Комнату?» или «Как попасть из Зала Скелетов в туннель вдоль реки?», Тхар, помолчав, начинала на память перечислять нужное количество поворотов и пропусков, которые когда-то давным-давно узнала от той Ары-Что-Была: столько-то перекрестков пройти, столько-то раз повернуть налево и так далее, и тому подобное. И все это Ара запоминала на слух, и притом обычно с первого раза. Лежа по ночам в постели, она без конца повторяла и повторяла про себя эти маршруты, представляя, что движется из зала в зал по коридорам, совершает один поворот за другим.

Тхар показала Аре множество смотровых глазков, через которые видны были отдельные части Лабиринта; глазки имелись во всех строениях и храмах Святого Места, они были даже за стеной, среди камней и скал. Паути-

на каменных туннелей распространялась далеко за пределы Святого Места; там, во тьме, можно было бродить месяцами. Никто, кроме Ары, двух Верховных Жриц и их личных телохранителей, евнухов Манана, Уахто и Дьюби, не знал о том, что повсюду, подо всей территорией самого Святого Места и вокруг, протянулись под землей мрачные туннели Лабиринта. Среди людей, правда, ходили смутные слухи о расположенных под Гробницами подземных пещерах или залах. Но никто не проявлял особого любопытства в том, что как-либо касалось Безымянных, их Храма и Гробниц. Возможно, людям казалось, что, чем меньше они знают об этом, тем безопаснее. Ара же не могла сдержать любопытства и, зная, что везде существуют наблюдательные глазки, давно уже искала их; однако они были настолько хорошо замаскированы, что она так ни одного и не нашла, даже того единственного, что находился в Малом Доме, пока его ей не показала Тхар.

Однажды ночью ранней весной Ара взяла фонарь и, не зажигая его, спустилась в Подземелье, прошла под Гробницами к заповедному второму повороту налево, что находился в коридоре недалеко от входа у Красной скалы.

В темноте она сделала еще шагов тридцать и нащупала что-то вроде дверного проема — железную раму, вделанную в камень: до сих пор это был предел ее путешествий. Но теперь, миновав Железную Дверь, Ара долго шла по туннелю, а у первого поворота вправо зажгла фонарь и осмотрелась. Свет в Большом Лабиринте был разрешен; это было не настолько священное место, как Подземелье под Гробницами. Впрочем, место это было еще страшнее: чудовищная паутина Большого Лабиринта раскрылась перед ней. Стены, своды, пол — все было из грубого камня; ее, стоявшую в крошечном кружке света, со всех сторон окружал камень. Воздух был мертвым. Перед ней и позади — чернота бесконечного туннеля.

Коридоры казались одинаковыми; они пересекались, сливались, расходились в разные стороны. Ара, как всегда старательно, считала вслух повороты и пропуски, сопоставляя с тем, что рассказывала ей Тхар, наставления которой помнила великолепно. Заблудиться в Большом Лабиринте было равносильно смерти. В Священном Подземелье и коротких ближних коридорах Лабиринта Коссил и Тхар еще могли бы ее отыскать; Манан тоже знал

путь, потому что Ара несколько раз брала его туда с собой. Здесь же никто из них никогда не бывал: только она одна. И мало ей будет проку, даже если они спустятся в Малый Лабиринт и станут там звать ее во весь голос; она все равно будет блуждать по головоломным сплетениям туннелей где-нибудь совсем рядом, но выйти к ним не сможет. Она представила, что уже слышит эхо зовущих ее голосов в каждом коридоре и пытается выбраться к людям, но только запутывается еще больше. И так живо представила она себе эту картину, что даже остановилась: ей показалось, что она слышит далекий, зовущий ее голос. Ничего! Она не заблудится! Она очень осторожна; все это — ее владения. Силы Тьмы, Безымянные, станут руководить здесь каждым ее шагом точно так же, как не допустят вторжения кого-либо еще из смертных в свою обитель.

В тот первый раз она не пошла далеко, но все-таки прошла достаточно, чтобы в душе возникла странная, горьковатая, но все же приятная уверенность в своем полном одиночестве; именно эта уверенность приводила ее сюда снова и снова, и каждый раз она заходила все дальше и дальше. Наконец она добралась до Расписной Комнаты, до Перекрестка Шести Путей, потом по длинному туннелю внешнего круга попала в странный извилистый коридор, который выводил в Зал Скелетов.

— А когда был создан Лабиринт? — спросила она както Тхар.

И сухопарая жрица ответила ей:

— Госпожа, я не знаю. Никто этого не знает.

— Для чего же он создан?

— Чтобы спрятать сокровища, принадлежащие Гробницам, а также для наказания тех, кто попытается их похитить.

— Но все сокровища, что я видела, находятся в комнатах за Троном и в Подземелье под Камнями. Что же скрывается в Большом Лабиринте?

— Там несметные и гораздо более древние богатства. Ты хочешь на них посмотреть?

— Да.

— Лишь ты одна можешь войти в Сокровищницу Гробниц. Ты можешь брать с собой телохранителей даже в Большой Лабиринт, но не в Сокровищницу. Если твой Манан

только войдет туда, сразу проснется гнев Тьмы; живым из Лабиринта он уже не выйдет. Туда ты должна ходить только одна, всегда одна. Я знаю, где находится Великое Сокровище. Ты рассказала мне, как туда попасть, еще пятнадцать лет назад, перед тем как умерла, чтобы я запомнила и рассказала тебе, когда ты вернешься в этот мир. Я могу напомнить тебе дорогу туда после Расписной Комнаты; а вот этот серебряный ключик с изображением дракона, что висит на твоем кольце, и есть ключ от Сокровищницы. Но ты должна идти непременно одна.

— Расскажи мне, как туда идти.

Тхар рассказала, и Ара запомнила, как запоминала все, что ей говорили. Но почему-то не пошла смотреть на Великое Сокровище Гробниц. Странное чувство незавершенности собственных намерений, или скорее знаний, удерживало ее. А может быть, ей просто хотелось что-то оставить про запас, на потом, чтобы впереди всегда была манящая цель, как бы отбрасывающая свет на стены бесконечных коридоров, то заводящих в тупики, то в пыльные и пустые камеры для несуществующих узников. Нет, она еще немного подождет, она еще успеет увидеть свои сокровища.

В конце концов, разве она не видела их раньше?

Ей все еще порой было немного странно, когда Тхар и Коссил говорили с ней о вещах, которые она якобы видела или говорила до того, как умерла. Она знала, что действительно умерла и потом снова возродилась в новом теле в тот самый час, когда старое ее тело прекратило жить: и возродилась не единожды, пятнадцать лет назад, а возрождалась и пятьдесят лет назад, и еще раньше, и еще много-много раз за многие сотни лет, прожитые многими сотнями поколений людей. Она родилась почти в самом начале времен, когда еще только был создан этот Лабиринт, когда были установлены Камни, когда Самая Первая Жрица Безымянных танцевала в Храме перед Незанятым Троном. Все они были одной Арой; все их жизни слились с ее собственной. Теперешняя Ара была и той Первой Жрицей. Все живые существа способны возрождаться в одном и том же обличье. Так, сотни раз повторяя про себя пути и этого Лабиринта, она наконец добралась до потайной комнаты, дававшей знание.

Порой она думала, что действительно помнит все это.

Темное Подземелье под Храмом было так знакомо ей, словно было ее родным домом. Когда она, надышавшись дурманящих благовоний, танцевала в безлунные ночи перед Незанятым Троном, голова ее становилась совсем легкой, а тело больше ей не принадлежало; и она танцевала как бы сквозь века, вечно босая, вечно в черных одеждах, и знала, что танец этот никогда не кончается.

И все-таки всегда было немного странно, когда звучали слова Тхар: «Ты рассказывала мне об этом, прежде чем умерла...»

Однажды Ара спросила:

— Кто были те люди, что пытались ограбить сокровищницу? И удавалось ли это кому-нибудь?

Мысль о таком ограблении казалась ей невероятной, неправдоподобной. Как могли воры тайком пробраться в Святое Место? Пилигримы здесь бывали очень редко, еще реже, чем узники. Порой присылали новых стражников или рабов; иногда группа паломников желала принести святые дары — золото или драгоценный ладан — одному из храмов. И все. Случайно сюда никто не приходил. Или просто из любопытства. Здесь ничем не торговали и ничего не покупали. Даже стащить что-то никто не пробовал. Без веления сверху никто сюда не являлся. Ара даже не знала, далеко ли ближайший город, сколько до него часов или дней пути. Впрочем, городок этот был невелик. Святое Место со всех сторон охраняла и защищала безлюдная пустыня. Любой, кто попытается пройти через нее незамеченным, думала Ара, имеет не больше шансов, чем черная овца на заснеженном поле.

Ара проводила бóльшую часть своего времени в обществе Тхар и Коссил — когда не оставалась одна в Малом Доме или не бродила по Подземелью. Однажды ветреной холодной апрельской ночью они сидели в комнате Коссил с задней стороны Храма Короля-Бога у маленького очага, над которым висел котелок с отваром шалфея. За дверью Манан и Дьюби играли в азартную детскую игру с палочками и фишками: подбрасывали пучок палочек и старались как можно больше поймать тыльной стороной ладони. Ара и до сих пор иногда играла в нее с Маноном — тайком, во внутреннем дворике Малого Дома. Шур-

шание палочек, невнятное бормотание, приглушенные возгласы восторга или огорчения, слабое потрескивание дров в очаге — только эти звуки окружали трех безмолвных жриц. Вокруг, за стенами, стояла полная тишина, глубокое молчание ночной пустыни. Лишь порой налетал порыв ветра да тяжелые капли дождя стучали по кровле.

— Когда-то давно многие пытались похитить сокровища Гробниц, только никому это не удавалось, — сказала вдруг Тхар. Она хоть и была неразговорчива, однако теперь довольно часто рассказывала всякие интересные истории — под видом наставлений Аре. Сегодня, похоже, из нее вполне можно было вытянуть еще одну.

— Но как могли люди осмелиться?..

— Такие вполне могут, — сказала Коссил. — Это ведь все колдуны были, волшебники с Внутренних Островов. И первые из них являлись сюда еще до того, как Короли-Боги стали править Империей Каргад; мы тогда еще не были так сильны. Волшебники приплывали сюда с запада, высаживались на Карего-Ат и Атуан, грабили города на побережье, грабили фермы, посягали даже на священный город Авабатх. Говорили, что спешат на битву с драконами, а сами занимались грабежом.

— А их «великие герои» даже специально оставались здесь, чтобы орудовать своими мечами, — подхватила Тхар, — и произносить богомерзкие заклятья. Один из них, волшебник и Повелитель Драконов, самый могущественный из всех, попал здесь в беду. Это случилось давно, очень давно, но историю эту помнят хорошо не только у нас. Колдуна этого звали Эррет-Акбе. Он считался королем западных островов и великим мудрецом. Дело было так: он явился в Авабатх и вступил в сговор с некоторыми из не покорившихся Королю правителей. Он сражался на их стороне против самого́ Верховного Жреца Богов-Близнецов. Долго длилась эта битва у стен столицы — человеческое волшебство против божественных молний, — и храм вокруг них превратился в руины. Наконец Верховный Жрец сломал колдовской посох волшебника и разбил его могущественный амулет, одержав победу. Волшебник спасся бегством, и с островов каргов он бежал через все Земноморье на дальний запад, где был убит впоследствии драконом, ибо волшебной силы своей лишился. С тех пор сила и могущество Внутренних Остров

ров стали слабеть. А Верховный Жрец был назван Интатином, что значит «непобедимый», и стал основоположником рода Тарба, от которого тянется длинная родословная священных Жрецов Карего-Ат, а от них — Королей-Богов Империи Каргад. После битвы Интатина с волшебником могущество нашего государства неустанно росло. Те же, кто пытался потом выкрасть из Сокровищницы половинку амулета Эррет-Акбе, все были колдунами. Они проникли в Лабиринт, но амулет по-прежнему там, куда положил его на хранение Верховный Жрец. Там же лежат и кости грабителей... — Тхар указала себе под ноги. — А другая половина амулета пропала навсегда.

— Как пропала? — изумилась Ара.

— Одна его половина — та, что осталась в руке Интатина, — была передана им в Сокровищницу, где и лежит до сих пор. Другая же осталась у волшебника в руке, и тот, перед своим бегством с Каргадских островов, передал ее одному из бунтовщиков по имени Торег из Гупуна. Не знаю, почему он это сделал.

— Чтобы посеять смуту, чтобы Торег возгордился, — сказала Коссил. — Собственно, так оно и произошло. Потомки Торега вскоре снова восстали против воцарившегося рода Тарба, против нашего первого Короля-Бога, отказываясь признать в нем верховного правителя и божество. Это был про́клятый род, околдованный — род Торега. Теперь никого из них в живых не осталось.

Тхар кивнула и прибавила:

— Отец нынешнего Короля-Бога, Тот-Что-Воскрес-Из-Мертвых, искоренил этот род, уничтожив все их владения и замки. И половинка волшебного амулета, хранившаяся у них со времен Эррет-Акбе и Интатина, была утрачена навсегда. Никто не знает, что с ней сталось. Давно это было, очень давно.

— Ее, конечно же, просто выбросили — с виду в ней ничего ценного или особенного не было! Да будет оно проклято, это кольцо Эррет-Акбе! Да будут прокляты все волшебники! — Коссил плюнула в огонь.

— А ты видела ту половину кольца, что хранится в Сокровищнице? — спросила Ара у Тхар.

Тощая жрица покачала головой.

— Она хранится в той части Лабиринта, куда не может попасть никто, кроме Единственной. Возможно, это самое

главное сокровище Храма. Не знаю. Но думаю, что так. Ибо многие сотни лет сюда пробираются воры-волшебники с Внутренних Островов, вновь и вновь пытаясь выкрасть его, и воры те проходят мимо открытых сундуков с золотом: им нужна только эта, одна-единственная вещь. Давно жили на свете Эррет-Акбе и Интатин, но все осталось по-прежнему; старую историю по-прежнему помнят и рассказывают по всему Земноморью. Большей частью вещи стареют и утрачивают свой смысл, за долгие века исчезая с лица земли. Очень редко встречается то, что не теряет своей ценности никогда. И очень редки те легенды, которые помнят вечно.

Ара какое-то время размышляла над этими словами.

— Они, должно быть, очень храбрые или слишком глупые, раз осмеливались осквернить святыню. Разве им не ведомо, сколь могущественны Безымянные? — сказала она наконец.

— Нет, — холодно ответила ей Коссил. — Просто у них нет богов. Они умеют колдовать, а потому считают богами самих себя. Но они не боги. И когда умирают, то не возрождаются вновь. И души их, покинув тело, недолго плачут на ветру, пока ветер не развеет прах, ибо души их не бессмертны.

— Но что это за волшебство? — спросила Ара, совершенно очарованная рассказом. Она уже совсем забыла, как однажды заявила Пенте, что и смотреть бы не стала, если бы к берегу их плыли суда волшебников с Внутренних Островов. — Как они все это делают? Как действует их магия?

— Трюки, обман, фокусы, — сказала Коссил.

— И кое-что еще, — добавила Тхар. — Конечно, если в сказках об этом есть хоть доля истины. Волшебники с запада могут поднять ветер и заставить его улечься, а могут заставить его дуть в нужном им направлении. Это-то всем известно; все легенды об этом рассказывают одинаково. Именно благодаря своему умению все они великие мореплаватели. Они могут даже бури морские усмирять. А еще говорят, что они способны вызывать по собственному желанию свет и тьму; умеют превращать простые камни в алмазы, а свинец — в золото; они в мгновение ока могут построить огромный дворец или целый город — по крайней мере, иллюзия будет полной; и еще

они умеют превращаться в медведей, рыб или даже драконов, если захотят...

— Не верю я всему этому! — сказала Коссил. — То, что они опасны, знают всякие фокусы и скользкие, как угри, — это точно. Зато говорят, что если у волшебника отнять его посох, то и силы в нем никакой не останется. Возможно, на этих посохах пишутся их проклятые колдовские руны.

Тхар, не согласная с этим, покачала головой.

— У каждого из них действительно в руках волшебный посох, но это лишь инструмент, с помощью которого проявляется та сила, что заключена в самих этих людях.

— Но откуда она в них? — спросила Ара. — Откуда они черпают ее?

— Все это ложь, — сказала Коссил.

— Они знают нужные слова, — сказала Тхар. — Так мне объяснил один человек, который видел великого колдуна с Внутренних Островов, мага, как их там называют. Карги захватили его в плен. Он показал им сухую палку и что-то сказал ей. И... ах! Палка расцвела! Тогда он сказал что-то еще, и... ах! На палке появились красные яблочки. И тут он произнес еще одно слово, и палка, и цветы, и яблоки — все исчезло, а вместе с ними и сам колдун. С помощью одного лишь слова он исчез, как исчезает радуга в небе, — в мгновение ока, без следа. Они так и не нашли его потом. Разве это простые фокусы?

— Дурацкое дело нехитрое, — пробурчала Коссил.

Тхар умолкла, избегая ссоры, но Аре вовсе не хотелось прекращать разговор на столь увлекательную тему.

— А как выглядят эти волшебники? — спросила она. — Правда ли, что они совсем черные и с белыми глазами?

— Они черные и отвратительные. Я никогда ни одного не видела! — с удовлетворением заявила Коссил, поудобнее умащивая свой обширный зад на низенькой табуретке и протягивая руки к огню.

— Да хранят нас от них Боги-Близнецы, — прошептала Тхар.

— Да они больше сюда и не явятся, — откликнулась Коссил.

Дрова в очаге затрещали, дождь застучал по крыше, а за мрачными закрытыми дверями пронзительно взвизгнул Манан: «Ага! Половина моя! Половина моя!»

5

СВЕТ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Близилась зима. Умерла Тхар. Еще летом странная изнуряющая хворь напала на нее; она, и без того худая, стала совсем похожа на скелет; без того молчаливая, совсем почти умолкла. Разве что с Арой говорила она порой, но лишь с глазу на глаз; потом и эти беседы прекратились, и Тхар тихо покинула этот мир. Ара горевала от всей души. Суровая Тхар никогда не была жестокой. И учила Ару ничего не бояться, всегда блюсти собственное достоинство.

Теперь из Верховных Жриц осталась одна Коссил.

Новую жрицу для Храма Богов-Близнецов обещали прислать из Авабатха только весной. До тех пор все обряды там должны были отправлять Ара и Коссил. Пожилая жрица называла девушку «госпожа» и обязана была во всем ей подчиняться. Но Ара уже давно научилась ничего не приказывать Коссил. Она имела на это полное право, но у нее не хватало сил держать в узде ревнивую зависть Коссил, находившейся на более низкой ступени жреческой иерархии, чем Ара, и ее ненависть ко всему и всем, что ей не подчинялось.

Поскольку Ара теперь уже знала (от добросердечной Пенте) о существовании тех, кто не верит в ее богов, среди обитателей Святого Места и принимала это как данность, хоть и пугающую, она научилась смотреть на Коссил более или менее спокойно и даже отчасти понимать ее. В сердце Коссил не было настоящей веры ни в Безымянных, ни в других богов. Кроме власти, для нее не было ничего святого. В данный момент власть находилась в руках Императора Каргада, так что пока в ее глазах он действительно являлся Королем-Богом, и она верно ему служила. Но сами храмы были для Коссил всего лишь декорацией, Священные Камни — просто кусками скалы, Лабиринт — темными норами под землей, страшными, но пустыми. Она бы и Незанятому Трону перестала поклоняться, если б осмелилась. И Единственную уничтожила бы — но пока не решалась.

Ара даже это научилась принимать довольно спокойно. Возможно, понять это помогла ей Тхар, хотя ничего

никогда прямо и не говорила. Сначала, еще не погрузившись в полное молчание, она просила Ару приходить каждые несколько дней и подолгу разговаривала с ней, много рассказывала о деяниях Короля-Бога, о его предшественнике, о королевском дворе в Авабатхе — это все Тхар как Высшая Жрица знала достаточно хорошо, однако многие ее рассказы свидетельствовали не в пользу Короля и его придворных. А еще Тхар рассказывала о своей жизни: описывала, как выглядела Ара до того, как умерла; как она вела себя. Иногда, но нечасто, старая жрица говорила о том, какие опасности и трудности могут грозить Аре в ее теперешней жизни. Ни разу не назвала она Коссил по имени. Но Ара была достойной ученицей все эти одиннадцать лет, и легкого намека или чуть измененной интонации ей было вполне достаточно, чтобы все понять и запомнить.

После бесконечных мрачных Погребальных Церемоний Ара начала избегать Коссил. Когда заканчивались утомительные ежедневные хлопоты, она спешила в свое уединенное жилище; едва выдавалась свободная минутка, открывала дверь-ловушку за Троном и спускалась во тьму Подземелья. Днем ли, ночью ли — тьма там оставалась неизменной. Ара продолжала тщательно обследовать свои владения. Подземелье под Камнями было заповедно для всех, кроме Верховных Жриц и их телохранителей-евнухов. Любой другой человек, мужчина или женщина, попытавшийся проникнуть туда, непременно был бы покаран Безымянными. Но среди множества правил, которые Ара знала наизусть, не было такого, которое запрещало бы обычным людям входить в Большой Лабиринт. В том просто не было нужды: туда путь лежал через Священное Подземелье. Да и нужны ли мухам правила, чтобы попасть в сети паука?

Так что Ара довольно часто брала с собой Манана в ближнюю часть Лабиринта, чтобы он научился там немного ориентироваться. Ему туда вовсе не хотелось, но он, как всегда, подчинялся. Она убедилась в том, что Дьюби и Уахто, евнухи Коссил, прекрасно знают дорогу в Комнату Узников и обратно. Но ничего больше. Их она никогда не брала с собой в Лабиринт: не хотела, чтобы кто-то, кроме Манана, преданного ей всей душой, знал эти тайные пути. Лабиринт принадлежал лишь ей, ей

одной. Она все глубже заходила в его коридоры. Всю осень бродила она там, но было еще огромное количество отсеков, в которые она никогда не сворачивала. Бесконечная, кажущаяся бессмысленной паутина коридоров ужасно утомляла; уставали ноги, мозг тупел в вечном запоминании поворотов и пропусков. Лабиринт — удивительно сложная система туннелей — был сделан в сплошной скальной породе и походил на огромный подземный город; только улицы этого города были созданы специально затем, чтобы до смерти измотать того, кто осмелится ступить на них, и смутить его душу. Даже Жрица его должна была все время помнить, что в конце концов Лабиринт и ее приведет к пустоте, к чудовищной ловушке.

Тянулись зимние месяцы, наступили холода, и Ара почти прекратила свои исследования, проводя время в основном в Тронном Храме, изучая его алтари, альковы, кладовки, заставленные сундуками и шкафами, рассматривая содержимое этих сундуков и шкафов, отыскивая потайные дверцы в стенах Храма, где под обвалившимся куполом гнездились сотни летучих мышей. Это была как бы обветшавшая прихожая Ее Величества Тьмы.

Кожа и одежда Ары пропахли сладким мускусом, превратившимся в порошок за восемь веков хранения в металлических коробках; на лбу, бровях и ресницах налипла черная паутина; она могла час простоять на коленях, изучая резьбу на крышке красивого, рассохшегося от времени сундука из кедрового дерева — дара Храму от одного из королей, живших столетия тому назад. На крышке был изображен сам этот король, маленький человечек в напряженной позе и с большим носом, и Тронный Храм с его плоским куполом и двойным рядом колонн. Каждая колонна была выполнена в мельчайших подробностях. Все это сделал неизвестный художник, давным-давно превратившийся в прах. И Единственная, вдыхающая курения, поднимавшиеся с бронзовых подносов, тоже была там; она давала советы королю с длинным носом, впрочем, на этом изображении нос короля был отломан, а лицо Жрицы слишком мало, чтобы различить ее черты. И все же Ара считала, что это ее собственное лицо. Ей ужасно хотелось узнать, что же она говорила тогда длинноносому королю и был ли он ей благодарен за советы.

В Храме у нее были свои любимые места — как у всякого человека в родном доме. Прежде всего те уголки, куда заглядывает солнышко. Так, Ара часто поднималась в маленькую кладовку на чердаке, где хранились старинные платья и костюмы еще с тех пор, когда великие правители Каргада часто приезжали поклониться Святому Месту и Гробницам Атуана, признавая, что здесь обитают властелины куда более могущественные, чем любой из смертных. Иногда юные принцессы, надев платья из мягкого белого шелка, украшенные топазами и фиолетовыми аметистами, танцевали вместе со Жрицей Гробниц у Трона. В кладовой сохранились маленькие инкрустированные слоновой костью столики, на их столешницах был изображен и один из таких танцев, и то, как сами правители, будучи мужчинами, ожидают за дверьми Храма. Их дочерям было позволено не только входить туда, но и танцевать вместе с Единственной, тогда, как и сейчас, одетой в грубую домотканую шерстяную хламиду черного — всегда только черного — цвета. Аре нравилось перебирать прелестные нежные полуистлевшие одеяния из белого шелка и рассматривать не поддающиеся времени драгоценные камни, которые под собственным весом потихоньку отрывались от одряхлевших одежд. В этих сундуках пахло совсем иначе, чем в Храме, пропитанном запахами мускуса и благовоний: запах шелковых белых платьев, казалось, был более свежим, легким и молодым.

В задних комнатах Храма она порой проводила всю ночь, исследуя содержимое всего лишь какого-нибудь одного небольшого сундука, рассматривая один драгоценный камешек за другим, вынимая покрытое ржавчиной оружие, шлемы с поломанными перьями, перебирая застежки, заколки, брошки, бронзовые статуэтки, серебряные и золотые слитки.

Совы, которых ничуть не смущало ее присутствие, спокойно сидели на балках и хлопали своими желтыми глазищами. Сквозь дыры в кровле были иногда видны звезды; порой на руки Аре падали снежинки, легкие и холодные, как эти древние шелка, и тут же превращались в ничто.

Однажды ночью, глубокой зимой, совсем замерзнув в Храме, она подошла к двери-ловушке, подняла ее и скользнула по ступеням вниз, плотно закрыв за собой дверь. Ара наизусть знала этот путь, ведущий прямо в Священное Подземелье. Здесь она, разумеется, огня никогда не

зажигала, даже если у нее был с собой фонарь, припасенный для Большого Лабиринта или для того, чтобы увереннее ступать, когда поднимется на поверхность. Она гасила свечу, еще только приближаясь к Подземелью, и никогда не видела, как оно выглядит, — ни разу за всю бесконечно долгую жизнь Единственной Жрицы Гробниц. Вот и теперь, в первом же коридоре, она потушила фонарь, взятый с собой, и, не замедляя шага, скользнула в непроницаемую тьму, легкая, словно рыбка в темной воде. Здесь, независимо от времени года, всегда царила одинаково промозглая сырость, чувствовался запах плесени и температура оставалась неизменной. Там, над головой, трещали морозы и яростные зимние ветры разносили по пустыне клоки снежного покрывала. Здесь не существовало ни ветров, ни времен года; здесь было тесно, тихо, безопасно.

Она шла в Расписную Комнату. Она иногда любила ходить туда и рассматривать странные рисунки на стенах. Из темноты в мерцающем свете свечи на нее смотрели люди с длинными крыльями и огромными глазами, спокойными и мрачными. Никто не мог сказать ей, кто эти люди. Нигде в Святом Месте больше не было таких изображений. Аре казалось, что это души проклятых, тех, что неспособны возрождаться. Расписная Комната находилась в Большом Лабиринте, так что все равно путь лежал сначала через Подземелье под Камнями. Она почти вошла туда по наклонному коридору, как вдруг заметила слабый серый свет, какое-то едва различимое мерцание, отдаленное световое эхо. А может, ей просто привиделось?

Она решила, что это так и есть: свет часто мерещится в непроницаемой тьме подземелий. Она закрыла глаза — мерцание исчезло. Открыла их — и снова увидела свет.

Тогда она остановилась и замерла. Вокруг все было серое. Не черное! Едва видимое свечение нарушало ту грань, за которой все должно быть черно.

Она сделала несколько шагов вперед и коснулась рукой стены там, где туннель сворачивал в сторону, и... разглядела свою собственную руку.

Она пошла дальше, не в силах ни думать ни о чем, ни даже бояться — таким странным был этот слабый отблеск света там, где никакого света быть не могло, в самом сердце обители Тьмы. Ара, одетая в черное, словно черная тень, бесшумно ступала босыми ногами. У последнего поворота она остановилась; потом очень медленно сделала еще один шаг и увидела...

...Увидела то, чего никогда не видела раньше, хоть и прожила не меньше ста человеческих жизней. Перед ней была огромная сводчатая пещера, находившаяся прямо под Священными Камнями и вырытая не руками человеческими, а Древними Силами Земли. Стены ее были разукрашены драгоценными каменьями, всюду высились резные башенки, прекрасные изваяния из белого известняка — здесь многие тысячелетия работали подземные воды. Это походило на огромный алмазный дворец, стены и кровля которого струились водопадом, сверкали искрами драгоценных камней самой причудливой формы — аметистов, горного хрусталя, — и древняя Тьма была изгнана из этих сияющих чертогов.

Свет, сотворивший это чудо, не был ярким, но все же раздражал глаза, привыкшие к темноте. Он был похож на мерцающий болотный огонек, который неторопливо плыл через Подземелье, и тысячи отблесков вспыхивали на кровле, тысячи причудливых теней плясали на стенах.

Огонек горел на конце деревянного посоха, не давая ни дыма, ни запаха. Посох держала человеческая рука. Потом Ара увидела и лицо — оно было освещено достаточно хорошо. Это было лицо мужчины.

Она не пошевелилась.

Долгое время человек просто медленно бродил по пещере, будто что-то искал. Заглядывал за кружевные известковые наросты, подходил к темным пастям туннелей, но туда войти не пытался. Ара, по-прежнему недвижимая, стояла в своем убежище и ждала.

Для нее труднее всего было осознать, что она видит проникшего в Священное Подземелье человека. Она и раньше-то редко видела посторонних. Наверно, это один из евнухов-телохранителей... нет, скорее один из тех, что живут за стеной — пастух или стражник. Какой-то презренный раб забрался сюда, чтобы выведать тайны Безымянных или, может быть, даже что-то украсть...

Украсть! Ограбить Сокровищницу Темных Сил. *Святотатство.* Это слово медленно возникло в мозгу Ары. Какой-то мужчина — а ни один мужчина не смеет ступать

на территорию Священных Гробниц Атуана! — здесь, в самом сердце ее Храма! Он проник сюда, зажег огонь там, где это запрещено, где никогда не было света. Почему же Безымянные не покарали его?

Теперь он стоял и рассматривал каменные плиты под ногами, потрескавшиеся от времени. Было заметно, что в этом месте пол вскрывали и снова клали плиты на место. Мокрые безжизненные комья земли, оставшиеся после погребения узников, до сих пор не были убраны.

Тех троих ее Хозяева поглотили. Почему же этот до сих пор жив? Чего они ждут?

Пусть сделают что-то, путь заговорят...

— Уходи! Уходи! Убирайся! — пронзительно вскрикнула Ара. Сильное эхо зазвенело по всему Подземелью; оно, казалось, рассеяло даже тьму, и встревоженное лицо чужака в изумлении повернулось в ее сторону. Свет метнулся к ней, нарушая очарование пещеры; мужчина успел ее увидеть. Потом свет погас. Все исчезло. Все поглотила слепящая тьма и тишина.

Освободившись от чар света, Ара вновь обрела способность думать.

Мужчина скорее всего пробрался в Подземелье через дверцу в Красной скале, через которую сюда приводят узников, и наверняка попытается через нее же выйти наружу. Легкая, неслышная, как мягкокрылые совы в ее Храме, Ара стремительно сделала полукруг по знакомым коридорам и оказалась у низенькой двери, что открывалась лишь вовнутрь. Воздух снаружи в Подземелье не поступал: мужчина не закрепил дверь, не оставил ни малейшей щели; он просто захлопнул ее за собой — и попался в ловушку. Если он все еще в Лабиринте, конечно.

Впрочем, в ближних коридорах его не было. Она была в этом уверена. В тесноте прохода она бы услышала его дыхание, почувствовала тепло, само биение жизни в нем. Рядом с ней не было никого. Она стояла, напряженно прислушиваясь. Где же он?

Тьма давила ей на глаза, как повязка. Душа ее пребывала в смятении: она видела Священное Подземелье! Она хорошо знала его — но лишь по тому, с какой силой отдавались звуки от его стен; знала на ощупь каждый выступ; по сквознякам, разгуливающим в таинственной темноте, знала, где начинается какой коридор. Это была великая

тайна, недоступная взору. Она же увидела все, и тайна стала совсем иной: ужас уступил место красоте, еще более таинственной, чем Тьма.

Ара неуверенно двинулась вперед. Она нащупала второй проход налево: отсюда начинался путь в Большой Лабиринт. Здесь она остановилась и прислушалась.

Уши во тьме сказали ей не больше, чем глаза. Но она все стояла и стояла, опершись обеими руками о стену туннеля и ощущая слабое, неясное дрожание каменных сводов, движение сырого воздуха, сохранившего запах, не принадлежавший Лабиринту: запах шалфея, что растет на холмах в пустыне, там, над головой, под открытым небом.

Медленно и уверенно двинулась она дальше по коридору, следуя за этим запахом.

Примерно через сотню шагов она услышала: мужчина двигался в темноте почти так же бесшумно, как и она, но не так уверенно. Вот он слегка споткнулся, но сразу выровнял шаг. Снова наступила тишина. Ара подождала и пошла медленно дальше, едва касаясь стены кончиками пальцев правой руки. Наконец пальцы ее ощутили знакомую железную раму. Ара остановилась, встав на цыпочки, дотянулась до мощной грубой рукоятки. И резко, изо всех сил рванула ее вниз.

Раздался ужасный скрип и грохот. Голубые искры водопадом посыпались вниз. Эхо заполнило туннели, и отзвуки его, сплетаясь и разлетаясь по всему Лабиринту, замерли где-то у нее за спиной. Она снова вытянула руки, еще раз нащупала совсем рядом с собственным лицом покрытую оспинами поверхность Железной Двери и с облегчением глубоко вздохнула.

Медленно возвращаясь назад и стараясь держаться правой стены, Ара добралась до двери-ловушки за Троном. Она не спешила, ступая совсем неслышно, хотя в соблюдении особой тишины уже не было необходимости. Вора она поймала. Дверь, через которую он пробрался внутрь, была единственным входом в Большой Лабиринт, и открыть ее можно было только снаружи.

Теперь он там, внизу, во тьме подземелий, и никогда больше оттуда не выйдет.

Она по-прежнему двигалась медленно, с достоинством. Высоко подняв голову, прошла мимо Незанятого Трона по длинному, украшенному колоннами залу и при-

близилась к бронзовой чаше на треножнике, наполненной красноватыми раскаленными угольями, потом повернула назад и подошла к лестнице из семи ступеней, что вела к Трону.

На самой нижней ступени она опустилась на колени и низко склонила голову, коснувшись лбом холодных камней, покрытых пылью и мелкими мышиными костями, которые роняли хищные совы.

— О Безымянные, простите меня! Я видела, как нарушили Вашу Тьму, — молилась она про себя. — Простите, что я видела, как осквернили Ваши Гробницы. Но Вы будете отомщены! Смерть станет его стражником и палачом. Никогда не суждено будет осквернителю родиться вновь!

И все-таки даже сейчас, молясь Безымянным, видела она дрожащие блики света на стенах пещеры, жизнь там — где царит смерть; и почему-то не ужас свершенного святотатства и не гнев терзали ее; нет, она думала лишь, как это было прекрасно, как странно...

«Но что я скажу Коссил? — задумалась Ара, выйдя навстречу порывам зимнего ветра и плотнее кутаясь в плащ. — Да ничего. Я — хозяйка Лабиринта. И Король-Бог не имеет к нему никакого отношения. Впрочем, может быть, я все-таки скажу ей — когда вор будет мертв. Как же мне умертвить его? Пусть бы Коссил смотрела, как он умирает. Она это обожает. Однако что он там искал? Он, должно быть, сумасшедший. И как он попал внутрь? Только у меня да у Коссил есть ключ от дверцы в Красной скале и от двери-ловушки. Нет, он, конечно же, прошел через дверь в Красной скале. Но ее может открыть только колдун... Колдун!»

Она резко остановилась, хотя ветер буквально сбивал с ног.

Так это колдун! Волшебник с Внутренних Островов, который ищет здесь амулет Эррет-Акбе.

И происшедшее вдруг окрасилось таким немыслимым очарованием древних легенд, что Аре стало жарко на пронизывающем ветру, и она громко рассмеялась. Все вокруг — храмы, пустыня — было темным и безмолвным; в Большом Доме ни огонька; мелкий, почти невидимый снежок несло сильным ледяным ветром.

Если он сумел открыть с помощью волшебства ту

дверь, то может открыть и другие. Он может спастись, уйти от расплаты.

От этой мысли она вздрогнула, но почти тут же успокоилась. Безымянные позволили ему войти? Почему бы и нет? Он не может причинить им ущерба, этот вор, которому не выйти из обворованной Сокровищницы. Возможно, у него в запасе достаточно заклятий и всяких магических штучек, и он, наверно, достаточно могущественный волшебник, раз сумел забраться так далеко. Но дальше-то что? Все его заклинания окажутся бессильны там, где властвуют Безымянные, те великие Короли, чей Трон пустует в ее Храме.

Чтобы убедиться в своей правоте, она поспешила по тропе вниз, к Малому Дому. Манан спал в дверях, завернувшись в плащ и драное меховое одеяло — как всегда зимой. Она тихонько скользнула внутрь, стараясь не разбудить его, и свет зажигать не стала. Прошла в маленькую комнатку, больше похожую на шкаф, высекла кремнем искру, которой ей достало, чтобы найти нужную плитку в полу, которую она и приподняла, встав на колени. Отверстие было еще прикрыто грязной тряпицей, которую она отшвырнула, и... отшатнулась. Прямо ей в лицо снизу ударил луч света.

Через мгновение очень осторожно она снова заглянула в глазок. Она просто забыла, что у волшебника на конце посоха горит загадочный огонек, и ожидала самое большее послушать, как он бродит там, в темноте. О том, что он везде зажигает свет, она не подумала. Зато, как она и ожидала, он оказался прямо под глазком, у Железной Двери, преграждавшей ему выход из Лабиринта.

Он стоял, задумчиво подбоченясь и склонив набок голову. В другой руке он держал свой посох, на конце которого висел огонек. Она видела его с высоты чуть больше человеческого роста. Одет он был точно так же, как и все путешественники или пилигримы зимой: короткий теплый плащ, кожаный жилет, шерстяные чулки и башмаки с ремешками; за спиной — небольшой легкий мешок с привязанной к нему флягой с водой; на бедре — кинжал в ножнах. Он стоял неподвижно, как статуя, но был очень спокоен и о чем-то думал.

Потом медленно поднял свой посох и поднес его освещенный конец к двери, которую Аре в глазок видно не

было. Огонек на конце посоха уменьшился, но стал ярче, светил, как фонарь. Волшебник что-то громко сказал. Язык этот был Аре незнаком, но еще более странным, чем слова неведомого языка, был голос мужчины, глубокий и звучный.

Свет на конце посоха стал еще ярче, потом вдруг мигнул и пропал совсем. Какое-то время она не видела ничего.

Потом снова появился бледный ровный свет, похожий на болотные огни; она увидела, что теперь он стоит к двери спиной: заклинание не действовало. Силы, накрепко запершие эту дверь, оказались сильнее всей его магии.

Он огляделся, словно раздумывая: а что же теперь?

Коридор, в котором он стоял, был узкий и очень высокий. Грубый каменный пол, зато стены довольно гладкие, сухой кладки. Впрочем, каменные плиты лежали плотно, впритирку, так что между ними вряд ли можно было просунуть даже лезвие ножа. Стены туннеля слегка наклонялись внутрь, образуя подобие свода.

Вокруг волшебника была пустота.

Он пошел было вперед и с первого шага исчез из поля зрения Ары. Свет почти померк, и она уже намеревалась положить обратно тряпку и плиту, но тут снова легкий отблеск мелькнул на стенах — волшебник возвращался. Наверно, понял, что если уйдет от двери и заберется глубже в Лабиринт, то вряд ли сможет снова найти выход.

Он что-то сказал тихим голосом. Собственно, одно лишь слово: «Эменн!» Потом еще раз громче: «Эменн!» Железная дверь содрогнулась, и негромкое эхо прокатилось по сводчатым туннелям. Аре даже показалось, что пол у нее под ногами заколыхался.

Но дверь была прочна и выстояла.

Тогда он рассмеялся — тем коротким смешком, каким смеется человек, думая: ну до чего же глупо я себя вел! Он еще раз окинул взглядом окружающие его стены, и, когда смотрел вверх, Ара заметила, как его темное лицо осветила улыбка. Потом он сел, развязал свой узелок, достал оттуда кусок черствого хлеба и стал есть. Потом отвернул пробку кожаной фляги, встряхнул ее; фляга выглядела в его руках маленькой и легкой, похоже, она была наполовину пуста. Он снова закрыл флягу, пить так и не стал. Потом положил мешок себе под голову, как подушку, завернулся в плащ и лег, держа посох в правой руке.

Когда он улегся, маленький светящийся шарик оторвался от конца посоха, взлетел и повис в воздухе у него над головой. Левая рука волшебника лежала у него на груди, придерживая что-то, висевшее на тяжелой цепи. Он лежал будто в собственной постели — удобно устроившись, чуть согнув ноги в коленях. Взгляд его скользнул по глазку, в который смотрела Ара, и двинулся дальше. Волшебник вздохнул и смежил веки. Свет потихоньку стал меркнуть. Он спал.

Стиснутая рука у него на груди разжалась, соскользнула вбок, и Ара сверху разглядела тот талисман, что носил он на цепи: странное металлическое полукружие или полумесяц. Так ей, во всяком случае, показалось.

Последний слабый отблеск волшебного света исчез. Теперь человека окружала тишина и темнота.

Ара положила тряпицу и каменную плиту на место, бесшумно встала и скользнула в свою комнату. Там она долго лежала во тьме без сна, слушая вой ветра и все время видя перед собой хрустальное сияние на стенах обители смерти, легкий холодный огонек на конце волшебного посоха, каменные стены туннелей, спокойное лицо спящего мужчины.

6

ЛОВУШКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

На следующий день, после свершения всех обрядов, закончив разучивать с новенькими сакральные танцы, Ара ускользнула к себе, в Малый Дом, и, погасив свет, приоткрыла наблюдательный глазок. В Лабиринте было темно. Она и не надеялась, что он надолго останется у запертой двери, но искать его сверху она могла только через этот глазок. Как же теперь найти его, если он заблудился?

Тхар считала, что туннели Лабиринта — собственно, и сама Ара уже убедилась в этом — это несколько дней пути, особенно если считать боковые коридоры, ответвления, спиралевидные проходы и тупики. Слепая Аллея, проходящая почти по периметру Лабиринта, казалось бы, нахо-

дилась совсем недалеко от Храма — если смотреть сверху. Но там, внизу, под землей, нигде нельзя было пройти по прямой. Все туннели без конца сворачивали куда-то, сливались, разъединялись, расходились лучами в разные стороны, переплетались между собой, образовывая петли и столь изощренный рисунок, что, казалось, там вообще нет ни начала, ни конца. Можно было идти и идти, но не прийти никуда, ибо там не было точки отсчета, не было центра, не было сердца. Как только дверь-ловушка захлопывалась за твоей спиной, Лабиринту уже не было конца. Ни одно избранное направление не оказывалось верным, если не помнить пути наизусть.

И хотя расположение комнат и пути к ним были навечно запечатлены в памяти Ары, даже она порой брала в наиболее дальние походы клубок тонкой бечевы, благодаря которому потом находила обратный путь. Ведь если пропустить хотя бы один из бесконечных поворотов или боковых коридоров, которые следует миновать, легко можно заблудиться даже ей, Единственной. Все коридоры и все проходы были похожи друг на друга как две капли воды.

Тот мужчина вполне мог уже много часов бродить по бесконечным туннелям Лабиринта, а на самом деле быть в какой-то сотне шагов от той же самой двери.

Ара сходила в свой Храм, потом в Храм Богов-Близнецов, потом в погреб под кухней Большого Дома. Всюду, улучив момент, когда никого не было рядом, она заглянула в смотровые глазки — в леденящую плотную тьму. Когда наступила ночь, морозная и звездная, она обежала все потайные места на склоне холма, где, подняв соответствующие камни, тоже можно было заглянуть в Лабиринт. Везде было темно.

Он, конечно же, был там. Должен был там быть. И все-таки от нее он сбежал. И теперь, наверно, умрет от жажды раньше, чем она разыщет его. Может, лучше послать в Лабиринт Манана, чтобы тот отыскал тело, когда пройдет достаточно времени? Нет, об этом даже думать было невыносимо. При мысли об очередной жертве она без сил опускалась на мерзлую землю, над которой горели зимние звезды, и в глазах ее закипали слезы ярости.

Ара вернулась по тропе, что вела прямо к Храму Короля-Бога. Колонны с резными капителями были покрыты сверкающим белым инеем — казалось, это тонкая резьба по кости. Девушка постучала в заднюю дверь Храма, и Коссил открыла ей.

— Что привело сюда мою госпожу? — Голос могучей жрицы звучал холодно и настороженно.

— Жрица, там, в Большом Лабиринте, мужчина.

Сообщение застигло Коссил врасплох. Этого она никак не ожидала и стояла, уставившись на Ару так, что глаза ее, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Ара почему-то вдруг подумала, что сейчас Коссил ужасно похожа на ту, какой ее изображала Пенте, и с трудом подавила желание расхохотаться ей в лицо.

— Мужчина? В Лабиринте?

— Мужчина, чужеземец. — Потом, поскольку Коссил продолжала смотреть недоверчиво, Ара прибавила: — Я вообще-то знаю, как выглядят мужчины, хоть и не много их видела.

Коссил на шутку не отреагировала.

— Как он попал туда?

— С помощью колдовства, я думаю. Он темнокожий — наверно, с Внутренних Островов. Вор, конечно. Сначала я его обнаружила в Подземелье под Храмом, под самыми Камнями. Он поспешил ко входу в Лабиринт, когда почуял меня, словно знал, куда бежит. Я заперла Железную Дверь прямо у него за спиной. Он произносил разные заклинания, но дверь так и не открылась. А утром он ушел глубоко в Лабиринт, и теперь я не могу его отыскать.

— Свет у него был?

— Да.

— А вода?

— Маленькая фляжка, неполная.

— Его свеча теперь уже совсем догорела, — Коссил размышляла вслух. — Еще четыре или пять дней. Может быть, шесть. Потом можешь послать моих телохранителей — пусть извлекут тело. Кровь будет принесена в жертву Трону, а...

— Нет! — сказала вдруг Ара с неожиданной вспышкой ярости. — Я хотела бы найти его живым.

Коссил посмотрела на девушку сверху вниз, громоздясь над ней своей тушей.

— Почему?

— Пусть он... Пусть он умирает дольше. Он осквернил

обитель Безымянных, зажег в Священном Подземелье свет... И он вор! А потому заслуживает наказания более жестокого, чем просто смерть от жажды в тиши и одиночестве.

— Да, — сказала Коссил задумчиво. — Но как ты поймаешь его, госпожа? Только если повезет... Ему-то самому на везение рассчитывать нечего! В Лабиринте хватает костей тех, кто без спросу вошел в его коридоры... Пусть Темные Силы накажут его по-своему — как обычно наказывает Лабиринт. Смерть от жажды — жестокая смерть.

— Я знаю, — сказала девушка, повернулась и вышла в ночь, набросив на голову капюшон, защищавший от пронзительного ледяного ветра. Это-то она знала хорошо!

До чего же по-детски, до чего же глупо она поступила, явившись за советом к Коссил! Она все равно бы не получила здесь никакой помощи. Коссил ничего не понимает. Ей доступно лишь холодное ожидание — и смерть жертвы в итоге. Она не понимает, не видит смысла в том, чтобы искать совершившего святотатство. Но с ним не должно быть так, как с теми, предыдущими. Она, Ара, больше этого не вынесет. Если еще кто-то должен умереть, пусть умрет быстро и при свете дня. Конечно же, лучше бы этот вор, первый человек за многие столетия, решившийся ограбить Сокровищницу, умер от удара меча. Он ведь не бессмертен и не сможет возродиться вновь. Так что душа его будет вечно слоняться со стонами по Лабиринту... Нет! Нельзя допустить, чтобы он умер там от жажды в темноте и одиночестве.

В ту ночь Ара спала плохо. Следующий день был до краев наполнен заботами, совершением обрядов и прочей суетой. Ночью же она спать не легла, а бесшумно переходя от одного наблюдательного глазка к другому и не зажигая огня, обошла их все — и в помещениях, и на продуваемых ветром склонах холма. Когда до рассвета оставалось всего два или три часа, она наконец отправилась к себе и легла, но так и не смогла заснуть. На третий день уже ближе к вечеру она тайком отправилась через пустыню к реке, теперь засыпанной снегом. Тростники вдоль берегов вмерзли в лед. Ара вдруг вспомнила, что как-то осенью прошла по Лабиринту очень далеко; после того места, где в разные стороны расходилось сразу шесть коридоров, она долго-долго шла по одному и тому же извилистому туннелю и там за каменной стеной слышала журчание воды. Наверно, ведь человек, испытывающий жажду, если он добрался туда, там и останется? Там, где слышна вода? Возле реки, разумеется, тоже были наблюдательные глазки; нужно было только их разыскать под снегом; Тхар в прошлом году показала ей их все до одного. Особого труда не потребовалось: ее память о форме отдельных камней и скал была схожа с памятью слепого — на ощупь все помнилось ей куда лучше, чем зрительно. Отыскав на плоской поверхности одного из камней глазок, самый дальний от ее Храма, она прикрыла голову капюшоном, заслоняя дневной свет, и заглянула вниз: в туннеле под собой она заметила слабое мерцание волшебного фонарика.

Он был там, в самом конце Слепой Аллеи. Ара могла видеть лишь его согнутую напряженную спину и правую руку. Он сидел на полу у сходящихся углом стен и пытался проковырять отверстие в камне своим кинжалом, коротким стальным клинком с инкрустированной самоцветами ручкой. Конец лезвия был уже отломан. Отломанный кусок валялся прямо под наблюдательным глазком. Он сломал кинжал, пытаясь раздвинуть камни и добраться до воды, журчание которой слышал в мертвой неподвижности подземелья за стеной, — до чистой живой воды, что текла по другую сторону этой непреодолимой стены.

Он двигался вяло и выглядел иначе: трое суток в Лабиринте сильно изменили облик этого спокойного, ловкого и уверенного в себе человека, который смеялся тогда над собственной слабостью, стоя перед запертой Железной Дверью. В нем все еще жило упрямство, но силы уже иссякли. И не было заклятья, способного раздвинуть эти камни; был только бесполезный нож. Даже волшебный огонек над ним светился совсем слабо. Ара видела, что огонек этот все время мигает, словно собираясь погаснуть. Вдруг волшебник уронил голову, и кинжал выпал у него из рук. Однако уже через мгновение он поспешно подобрал нож и снова попытался просунуть сломанное лезвие между камнями стены.

Лежа на льду в тростниках и не сознавая, что делает и где находится, Ара вдруг приблизила губы к отверстию в

скале, сложила рупором ладони, чтобы усилить звук, и сказала туда:

— Волшебник!

Голос ее, скользнув по каменному горлу, ледяным шепотом разнесся по подземным коридорам.

Мужчина вздрогнул и с трудом поднялся на ноги. И тут же пропал из ее поля зрения. Она снова приложила губы к отверстию и сказала:

— Иди назад, вдоль той стены, что выходит к реке, до второго поворота. Потом первый поворот налево. Пропусти справа два прохода, в третий сверни. Пропусти один справа, сверни во второй. Потом налево, потом направо. Жди в Расписной Комнате.

Когда она заглянула в глазок снова, то поняла, что неосторожно позволила лучику дневного света скользнуть туда: волшебник снова был виден весь, стоял и смотрел вверх, прямо на глазок. Его лицо — теперь она рассмотрела хорошо — было покрыто какими-то шрамами, напряженное и нетерпеливое. Губы пересохли и почернели, но глаза горели ярко. Он поднял свой посох, поднося волшебный огонек ближе, ближе к ее лицу... Испуганная, она отпрянула, прикрыла отверстие плотно подогнанным камнем, потом встала и быстро пошла обратно в Храм. Руки у нее дрожали, порой начинала сильно кружиться голова. И она совершенно не представляла, как ей быть дальше.

Если он все-таки пошел тем путем, который она ему подсказала, то должен непременно пройти мимо Железной Двери и попасть в Расписную Комнату. Там для него не было ничего хорошего, и идти ему туда, в общем-то, было незачем. Но в потолке Расписной Комнаты был наблюдательный глазок, удобный и хороший, который выходил в Сокровищницу Храма Богов-Близнецов; может быть, она именно поэтому и подумала об этой комнате. Она и сама этого не знала. Все-таки почему же она с ним заговорила?

Она может спустить немного воды через наблюдательное отверстие. Вода позволит ему прожить чуть дольше. Так долго, как захочется ей, Аре. Если она время от времени будет спускать вниз воду и пищу, он продержится еще долго — дни, месяцы, скитаясь по Лабиринту. А она будет наблюдать за ним и говорить, где в этот раз его подстерегает вода, чтобы он пошел туда и зря искал там воду — все равно ведь пойдет и будет искать! Хороший урок тому, кто пытался обмануть Безымянных, кто своим поганым мужским естеством осквернил Гробницы!

Но пока в Лабиринте будет находиться он, она туда войти не сможет. Почему же нет? — спрашивала она себя, и сама же отвечала: потому что ей придется оставить открытой Железную Дверь, через которую он уже пытался бежать... С другой стороны, дальше Священного Подземелья не убежит... На самом же деле Ара просто боялась встретиться с волшебником лицом к лицу. Она боялась его магической силы, мастерства, которое помогло ему проникнуть в Лабиринт, того колдовства, что поддерживало живым его волшебный огонек. И все же разве он так уж страшен? Силы Тьмы на ее стороне! Вряд ли он способен так уж проявить свои магические способности в царстве Безымянных. Он же не смог открыть тогда Железную Дверь; и не добыл ни еды, ни воды, хотя вода-то была совсем рядом, за стеной; и не призвал на помощь никакого чудовища, чтобы сломать стену. А она ведь на самом деле боялась, что он сделает что-нибудь такое. Но он даже выхода из Лабиринта не нашел, трое суток прослонявшись совсем рядом с дверью в Сокровищницу, ради которой, собственно, и залез под землю. Сама Ара еще ни разу в Сокровищнице не была, хотя хорошо запомнила все наставления Тхар; она все откладывала и откладывала путешествие туда из-за непонятного страха, сомнений и странного ощущения, что время для этого еще не пришло.

Теперь она решила заставить его пройти этот путь прежде нее. Пусть ищет там что хочет! Очень это ему поможет! Она вдоволь посмеется над волшебником и предложит ему вместо еды золото, а вместо воды — алмазы.

С той же нервозной, лихорадочной поспешностью, что владела ею последние три дня, Ара бросилась к Храму Богов-Близнецов, отперла его маленькую сводчатую сокровищницу и приоткрыла отлично замаскированный глазок в полу.

Расписная Комната находилась прямо под ней, но там было темно, как в колодце. Путь сюда по Лабиринту был куда длиннее и сложнее, чем по земле; как она об этом забыла. Мужчина, конечно, сильно ослабел и шел небы-

стро. Кроме того, он, возможно, перепутал ее наставления и свернул не туда. Очень немногие способны запомнить все повороты и пропуски с одного раза — как она, Ара. Возможно, он просто не понимает ее языка. Если это так, то пусть и скитается во тьме, пока не упадет мертвым, тлупец, чужак, осквернитель! А душа его так и будет со стонами бродить по каменным тропам Гробниц Атуана, пока Тьма не поглотит и ее...

На следующее утро, едва рассвело, после короткого ночного отдыха, полного дурных сновидений, Ара вернулась к глазку в маленьком храме. Заглянула вниз и ничего не увидела: сплошная чернота. Тогда она опустила в отверстие маленький зажженный фонарь на цепочке. Волшебник был там, в Расписной Комнате. Фонарь выхватил из тьмы его ноги и одну безвольно упавшую руку. Она прошептала в отверстие, которое здесь было довольно большим — в целую плиту, какими был вымощен пол:

— Волшебник!

Он не пошевелился. Может, умер? Неужели сил его хватило так ненадолго? Ара презрительно фыркнула, но сердце у нее упало.

— Волшебник! — крикнула она, и голос ее зазвенел в пустой комнате с расписными стенами. Человек вздрогнул и медленно сел, изумленно озираясь. Потом посмотрел вверх и долго глядел, щурясь, на свисающий с потолка фонарь. Лицо его было страшно: распухшее, черное, как у мумии.

Он протянул руку к посоху, что лежал рядом на полу, но волшебный огонек не зажегся: у человека совсем не осталось сил.

— Хочешь посмотреть сокровища Гробниц Атуана, волшебник?

Он снова устало поднял глаза к потолку. Хотя свет слепил его, он смотрел и смотрел, ибо это было единственное, что он мог видеть. Потом со странной гримасой, которая, по всей вероятности, должна была изображать улыбку, один раз кивнул.

— Выйди из этой комнаты и сверни налево по первому коридору... — Она выпалила длинную череду указаний без единой паузы и в самом конце прибавила: — Там ты найдешь то, за чем сюда явился. А еще, возможно, найдешь воду. Чего тебе больше хочется сейчас, волшебник?

Он встал на ноги, помогая себе посохом. Глядя вверх невидящими глазами, он попытался сказать что-то, но в его пересохшей глотке не осталось голоса. Он слегка пожал плечами и вышел из Расписной Комнаты.

Никакой воды она ему не даст. Он все равно никогда не найдет пути в Сокровищницу. Слишком длинными были ее указания, чтобы он успел их запомнить; и еще там Колодец — если он вообще до него доберется. Теперь его фонарик погас, и он идет в темноте, и в конце концов непременно собьется с пути, упадет и умрет в одном из узких низеньких боковых проходов. Потом Манан отыщет его труп и вытащит наружу. И тогда все. Ара придавила обеими руками плитку, прикрывавшую наблюдательный глазок, и стала раскачиваться всем телом — туда-сюда, туда-сюда, кусая губы, словно пытаясь перетерпеть какую-то ужасную боль. Нет, воды она ему не даст. Не даст. Не даст. Она даст ему смерть, смерть, смерть, смерть, смерть!..

В тот черный час к ней и подкралась Коссил — Ара не заметила, как жрица вошла в Сокровищницу своей тяжелой походкой, огромная в черных зимних одеждах.

— Этот мужчина уже мертв?

Ара вскинула голову. В глазах ее не было слез, ей нечего было скрывать.

— Думаю, да, — сказала она, поднимаясь и отряхивая юбку. — Его огонек больше не светится.

— Он, возможно, хитрит. Эти смертные очень хитры.

— Я подожду еще один день, чтобы знать наверняка.

— Да. Или, лучше, два дня. Тогда Дьюби может спуститься вниз и вытащить его тело. Он сильнее, чем старый Манан.

— Но Манан состоит на службе у Безымянных, а Дьюби нет. Есть такие места в Лабиринте, куда Дьюби ходить не должен, и проклятый вор как раз находится в таком месте.

— Но раз этот мужчина уже осквернил священные места...

— Его смерть снова очистит их! — сказала Ара. Она видела по удивленному лицу Коссил, что на ее собственном лице написано нечто странное, непривычное. — Это мои владения, жрица. Я должна заботиться о них, как это

велено мне моими Хозяевами. Меня больше не требуется учить, как следует умерщвлять жертвы.

Лицо Коссил, казалось, нырнуло в глубину капюшона, как голова пустынной черепахи — в панцирь. Мрачное, неподвижное, холодное лицо.

— Прекрасно, госпожа.

Они расстались перед алтарем Богов-Близнецов. Ара неторопливо дошла до Малого Дома и позвала Манана. После разговора с Коссил она не сомневалась в том, что должна сделать.

Вместе с Мананом они поднялись по склону, вошли в Тронный Храм, спустились в Подземелье. Вдвоем налегли на длинный рычаг, отворили Железную Дверь и пошли в глубь Лабиринта уже с зажженными фонарями. Путь их лежал в Расписную Комнату, а оттуда — в Сокровищницу Гробниц.

Вор не успел уйти слишком далеко. Они с Мананом прошли всего шагов пятьсот по извилистым коридорам Лабиринта, когда наткнулись на него, бесформенной грудой тряпья лежащего в одном из боковых коридоров. Прежде чем упасть, он, видимо, выронил посох, и тот лежал несколько в стороне. Рот мужчины представлял собой сплошную кровавую корку, глаза были полузакрыты.

— Он еще жив, — сказал Манан, опускаясь на колени и нащупывая своей огромной желтой рукой пульс на темной шее волшебника. — Может, мне задушить его, госпожа?

— Нет. Мне он нужен живым. Подними его и неси за мной.

— Живым? — встревоженно переспросил Манан. — Но зачем, маленькая госпожа?

— Чтобы сделать его рабом Гробниц! Не распускай язык и делай как я говорю.

С еще более меланхоличным, чем всегда, выражением лица Манан подчинился и, без малейшего усилия, словно длинный тюк, взвалив молодого человека себе на плечо, поплелся следом за Арой. Но груз все-таки был достаточно велик, и они по крайней мере раз десять останавливались, чтобы Манан мог перевести дыхание. Коридоры везде выглядели совершенно одинаково: серовато-желтые, плотно пригнанные друг к другу камни, сводчатые стены, неровный каменный пол, застойный, мертвый воздух. Манан постанывал и задыхался, чужеземец выглядел совершеннейшим трупом. Оба фонаря неярко светили, образовывая два светлых конуса, которые сужались, уходя во тьму коридора в обоих направлениях. На каждой остановке Ара чуть смачивала водой, принесенной с собой во фляге, пересохший рот мужчины — совсем понемножку, чтобы жизнь, вернувшись разом, не убила его совсем.

— В Комнату Узников? — спросил Манан, когда они вышли в тот коридор, что вел к Железной Двери; и тут Ара впервые задумалась по-настоящему, куда же ей девать своего пленника. Пока она еще не решила.

— Нет, только не туда, — сказала она, как всегда почувствовав слабость при одном воспоминании о факельной гари, ужасающей вони и о тех безъязыких, не способных ничего воспринимать существах, лица которых были скрыты колтунами волос. И потом, в Комнату Узников может прийти Коссил... — Он... он должен оставаться в Лабиринте, чтобы вновь не обрести свою колдовскую силу. Где бы нам найти место...

— В Расписной Комнате есть дверь, она запирается; а наверху есть глазок, госпожа. Если ты, конечно, этому волшебнику доверяешь насчет дверей.

— Здесь, в Лабиринте, он лишен волшебной силы. Неси его туда, Манан.

Манану пришлось тащить свою ношу обратно, почти половину того пути, который они только что проделали, но он слишком устал и запыхался, чтобы протестовать. Когда они наконец добрались до Расписной Комнаты, Ара сняла свой длинный тяжелый зимний плащ из черной шерсти и расстелила его на пыльном полу.

— Положи его сюда, — сказала она.

На меланхолическом лице Манана отразилось недоумение, он даже задохнулся.

— Но, маленькая госпожа!..

— Я хочу, чтобы этот человек жил, Манан. Иначе он быстро умрет от холода: посмотри, как он дрожит.

— Но твоя одежда будет осквернена. Плащ жрицы! Он же неверующий, он мужчина! — негодовал Манан, зажмурившись, словно от боли.

— Я потом сожгу этот плащ, и мне соткут новый. Давай, Манан.

Манан не нашел больше возражений и послушно сва-

лил узника со спины прямо на черный плащ жрицы. Волшебник лежал неподвижно, словно мертвый, но пульс у него на шее бился сильно и частые судороги сотрясали распростертое тело.

— Узника следует заковать в цепи, — сказал Манан.

— Разве он так опасен? — усмехнулась Ара, но Манан только показал ей на железную скобу, вделанную в стену. Именно здесь следовало приковать узника, и она позволила своему телохранителю принести из Комнаты Узников цепь и замок. Манан поплелся по коридорам, шепотом повторяя повороты; ему уже не раз приходилось ходить в Расписную Комнату и обратно, но еще ни разу — в одиночку.

В слабом свете единственного фонаря казалось, что картины на стенах комнаты движутся, существа на них обретают формы, явно человеческие, только с огромными ниспадающими крыльями; они вытягиваются, приседают, не в силах сдвинуться с места в бесконечной тоске.

Ара опустилась на колени и стала по капле лить воду в запекшийся рот узника. Наконец он закашлялся и потянулся слабыми руками к фляжке. Она позволила ему напиться вдоволь. Он лег на спину, все лицо его было мокро, испачкано пылью и кровью; он что-то пробормотал — какое-то слово или два на неведомом ей языке.

Наконец вернулся Манан, таща за собой изрядный кусок цепи, огромный замок с ключом и какой-то железный обруч, который он надел мужчине на пояс и запер.

— Свободновато, пожалуй, выскользнуть может, — бормотал Манан, прикрепляя другой конец цепи к кольцу в стене.

— Нет, что ты, посмотри. — Теперь она гораздо меньше боялась своего узника и показала Манану, что не может просунуть ладонь между железным обручем и ребрами человека. — Если только заставить его поголодать дня четыре...

— Маленькая госпожа, — плаксиво сказал Манан, — я не смею спрашивать, но... какой в нем прок Безымянным? Он ведь мужчина, маленькая госпожа, как он может быть их рабом?

— Да, он мужчина, а ты просто старый дурак, Манан. Ну ладно, пошли, хватит тебе возиться.

Узник наблюдал за ними измученными, но ясными глазами.

— Где его посох, Манан? А, вот он! Я его возьму с собой: в нем заключено волшебство. О, и вот это тоже возьму, — быстрым движением она сдернула с шеи мужчины серебряную цепь, видневшуюся в вырезе кожаного жилета, хотя тот и пытался поймать ее за руку. Манан пнул узника в спину. Ара покачала цепью у мужчины над головой, не давая ему дотянуться. — Это твой талисман, волшебник? Он очень тебе дорог? Вообще-то дорогим он не выглядит. Разве ты не в состоянии позволить себе что-нибудь получше? Ладно, я сберегу его для тебя. — И она надела цепь себе на шею, опустив подвеску в вырез тяжелого шерстяного платья.

— Ты не знаешь, что с ним делать, — хрипло сказал он, не совсем верно, но достаточно внятно произнося слова каргадского языка.

Манан снова ударил его, и узник со слабым стоном зажмурился.

— Перестань, Манан. Пошли.

Она выскользнула из комнаты. Манан, ворча, последовал за ней.

В ту ночь, когда погасли все огни на холме, Ара снова, уже одна, поднялась к своему Храму. Она набрала полную флягу воды из колодца, а еще прихватила с собой большую пресную лепешку из гречневой муки. Потом прошла в Расписную Комнату и положила все это возле двери так, чтобы узник мог дотянуться. Он спал и даже ни разу не пошевелился. Потом Ара вернулась в Малый Дом и в ту ночь наконец спала долго и крепко.

Днем она, снова в одиночестве, вернулась в Лабиринт. Хлеб исчез, фляга была пуста, а незнакомец сидел, прислонившись спиной к стене. Его лицо все еще выглядело ужасно — в грязи и крови, — но выражение глаз было вполне живым и осмысленным.

Ара остановилось у противоположной стены, где волшебник мог бы даже и не пробовать достать ее. Она долго смотрела на него, потом отвернулась. Смотреть было, собственно, не на что. Но заговорить Ара никак не могла. Сердце билось, как испуганная птица. Хотя бояться было абсолютно нечего: он был полностью в ее власти.

— Приятно, когда светло, — сказал он мягким глубоким голосом. Она еще больше смутилась.

— Как тебя зовут? — спросила она повелительным тоном. Но голос ее, похоже, прозвучал неожиданно пискляво.

— Ну, чаще всего меня называют Ястребом.

— Ястреб? Это у тебя имя такое?

— Нет.

— Каково же твое настоящее имя?

— Этого я тебе сказать не могу. Это ты — Единственная Жрица Гробниц?

— Да.

— Как тебя здесь называют?

— Меня называют Ара.

— «Та, которую поглотили» — так, кажется? — Его темные глаза внимательно наблюдали за ней. Он слегка улыбнулся. — А как твое настоящее имя?

— У меня нет имени. И больше не задавай мне вопросов. Откуда ты явился?

— С Внутренних Островов, с запада.

— Из Хавнора?

Это было единственное название то ли города, то ли острова во Внутреннем Море, которое она знала.

— Да, из Хавнора.

— Зачем ты пришел сюда?

— Гробницы Атуана славятся среди моего народа.

— Но ты ведь не веришь в наших богов!

Он покачал головой:

— О нет, жрица, я верю в Силы Тьмы! Я уже встречался с Безымянными в иных местах.

— В каких иных местах?

— На Архипелаге, на Внутренних Островах — там есть такие места, которые принадлежат Древним Силам, как и Гробницы Атуана. Но ни в одном из тех мест, что я видел, Древние Силы не обладают таким могуществом, как здесь. Нигде больше не имеют они своего храма, жриц и такого поклонения, как здесь.

— Значит, ты пришел, чтобы поклониться Святому Храму? — издевательским тоном спросила Ара.

— Я пришел, чтобы его ограбить, — ответил он.

Она уставилась на его мрачное лицо.

— Хвастун!

— Я знал, что это будет нелегко.

— Нелегко? Да это невозможно! Если бы ты действительно верил в Них, ты бы это знал. Безымянные заботятся о том, что им принадлежит.

— То, что ищу я, не принадлежит им.

— Может быть, это твое?

— Мое — по праву.

— В таком случае, кто же ты? Божество? Король? — Она окинула его презрительным взглядом: на цепи, весь грязный, измученный. — Ты никто, ты жалкий вор! — в гневе бросила Ара.

Он ничего не сказал, но глаз не отвел и смотрел прямо на нее.

— Нечего так на меня смотреть! — пронзительно выкрикнула она.

— Госпожа моя, — сказал он, — я ведь не хотел никого обидеть. Я здесь чужой, я здесь случайно. Я не знаю ваших обычаев, не знаю правил, которым обязаны подчиняться жрицы Гробниц. Я весь в твоей власти, и прости, если я тебя обидел.

Она стояла и молчала, почувствовав, как к щекам ее приливает кровь — глупая горячая волна. Но он на нее не смотрел и не видел, как она покраснела. Он уже подчинился ей и опустил свои темные глаза.

Некоторое время оба молчали. Нарисованные на стенах фигуры отовсюду смотрели на них своими печальными невидящими глазами.

Ара принесла каменный кувшин с водой, и он не сводил с кувшина глаз. Чуть погодя она сказала:

— Пей, если хочешь.

Он рванулся к кувшину, подняв его так легко, словно это был кубок с вином, и пил долгими длинными глотками. Потом смочил краешек одежды и тщательно стал стирать грязь, запекшуюся кровь и липкую паутину со своего лица и рук. Девушка наблюдала за ним. Он умывался, как кошка, и в итоге стал выглядеть явно лучше, однако умывание обнажило шрамы у него на щеке — старые, давно зажившие, белыми полосами сверкавшие на темной коже. Четыре параллельных следа от глаза до подбородка, словно отметины чьей-то когтистой огромной лапы.

— Что это? — спросила она. — Такие шрамы...

Он не сразу ответил.

— Это, наверно, дракон? — не унималась она, однако

старалась, чтобы голос ее звучал по-прежнему насмешливо. Ведь она же спустилась сюда специально для того, чтобы поиздеваться над своей жертвой, помучить волшебника его же беспомощностью.

— Нет, это не дракон.

— Ну так ты, по крайней мере, хоть не Повелитель Драконов? И то хорошо!

— Нет, к сожалению, — как-то неохотно сказал он, — как раз я и есть Повелитель Драконов. Вот только шрамы эти заработал гораздо раньше, чем стал им. Я уже говорил тебе, что мне приходилось встречаться с Темными Силами... Так вот: это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал.

— Что ты имеешь в виду? Какое имя?

— Этого я сказать тебе не могу, — ответил он и улыбнулся, но лицо его оставалось мрачным.

— Неправда, дурацкая болтовня, кощунство! Это же Безымянные! Ты просто не понимаешь...

— Понимаю, и гораздо лучше, чем ты, жрица, — тихо сказал он. — Посмотри еще раз! — И повернулся так, чтобы Ара могла получше разглядеть четыре ужасные отметины у него на щеке.

— Я не верю тебе! — упрямо сказала она, но голос ее дрогнул.

— Жрица, — мягко возразил он, — ты еще слишком молода, ты еще не успела прослужить достаточно долго Темным Силам.

— Нет, я служу им давно, очень давно! Я — Первая Жрица, Возрождаемая Вечно. Я служила моим Хозяевам тысячу лет и еще тысячу. Я Их Единственная служанка, Их голос, Их руки. Я — орудие Их мести, а Они мстят тем, кто оскверняет Их Гробницы и пытается увидеть то, чего видеть нельзя! Прекрати же, наконец, лгать и хвастать! Разве тебе не ясно, что сто́ит мне произнести лишь слово, и мой телохранитель войдет и отрубит тебе голову? А если я просто уйду и запру эту дверь, то никто никогда не придет сюда, и ты умрешь здесь, в темноте, и Те, кому я служу, поглотят твою плоть и душу, и лишь твои пустые кости останутся лежать здесь в пыли...

Он тихонько кивнул.

От волнения она начала заикаться, она не находила слов и выбежала прочь из комнаты, с лязгом задвинув

засов. Пусть думает, что она больше не вернется! Пусть покрывается по́том там, в темноте, пусть извивается и дрожит от страха! Пусть произносит свои дурацкие, бесполезные здесь заклинанья!

Но почему-то вдруг Ара подумала, что он наверняка ведет себя точно так же, как тогда, перед запертой Железной Дверью: вытянулся себе и преспокойно спит, безмятежный, как овечка на залитом солнцем лугу.

Она плюнула на запертую дверь и легким жестом отогнала скверну, а потом почти бегом бросилась по коридорам в сторону Священного Подземелья.

Когда она ощупью пробиралась к двери-ловушке, то пальцами вновь ощутила те гладкие поверхности и ажурные каменные узоры, похожие на замерзшие кружева. Ей нестерпимо захотелось зажечь фонарь, еще раз увидеть — хоть на мгновение! — изрезанные временем камни, очарование мерцающих огней. Ара плотнее зажмурилась и поспешила прочь.

7

ВЕЛИКОЕ СОКРОВИЩЕ

Никогда еще ежедневные заботы не казались ей столь многочисленными, столь маловажными и столь долгими. Все эти бледные беспокойные девочки-ученицы со своими тайными делишками, все эти важные жрицы, на вид суровые и холодные, а на самом деле опутанные тайными сетями зависти, несчастий, мелких амбиций и нерастраченных страстей, — все эти женщины, среди которых она жила всегда, которые составляли для нее мир людей, теперь казались ей просто жалкими и надоедливыми.

Но сама она служит Великим Силам; она жрица мрачной Ночи и свободна от мелочной суеты. Она не обязана заботиться об однообразном убожестве их быта, когда единственная отрада — более густой слой жира на чечевице в твоей тарелке, а не в тарелке соседки... Она свободна ото всех этих забот, связанных с дневной жизнью. Там, под землей, дня не существует, там всегда ночь, только ночь.

И в этой бесконечной ночи — ее узник: темнокожий человек, владеющий тайным мастерством колдуна; на нем железные оковы, он заперт среди каменных стен и ждет, что принесет она ему на этот раз: воду, хлеб и жизнь или мясницкий нож, чашу для жертвенной крови и смерть.

Она никому, кроме Коссил, не говорила о проникшем в Лабиринт мужчине, ну а Коссил, разумеется, тоже. Теперь узник уже три дня и три ночи находился в Расписной Комнате, но Коссил так и не задала Аре ни одного вопроса. Может, она считает, что мужчина умер и Ара велела Манану оттащить его труп в Комнату Скелетов? Что-то не похоже на Коссил. Слишком редко она принимает что-нибудь на веру. Но Ара решила, что ничего страшного в молчании Коссил нет: она ведь сама хотела, чтобы вся эта история оставалась в тайне, а кроме того, ненавидела, когда ее, Верховную Жрицу, вынуждали задавать вопросы. Да еще после того, как Ара сказала, чтобы она не лезла не в свое дело. Коссил просто подчинилась приказанию Единственной.

Но если считается, что этот человек в Лабиринте умер, то Ара не может больше просить для него еду. Что ж, придется обойтись без еды самой, время от времени воруя в кладовой яблоки и лук. Завтрак и ужин ей в Малый Дом приносили, поскольку она заявила, что предпочитает есть в одиночестве. И каждую ночь она относила всю свою еду в Расписную Комнату, оставляя себе лишь суп. Она привыкла к постам, дня по четыре легко могла обойтись совсем без еды, так что пока не придавала этому особого значения. Пленник заглатывал приносимую ею жалкую порцию хлеба, сыра и фасоли, как жаба муху: хоп — и готово! Совершенно очевидно, что он мог бы съесть и раз в пять-шесть больше; но каждый день он так торжественно благодарил ее, словно она задала ему настоящий пир. О пирах во дворце Короля-Бога она слыхала; во всех этих историях рассказывалось об оковалках жареного мяса, толстых, намазанных маслом ломтях хлеба, о вине в хрустальных бокалах... Все-таки этот волшебник был очень странным!

— А как живут люди на Внутренних Островах?

Она принесла из Храма маленький складной стульчик из слоновой кости, так что теперь у нее не было необходимости стоять, задавая ему вопросы, и не нужно было

садиться на пол, оказываясь при этом на одном уровне с ним, узником.

— Ну, на каждом острове по-разному, там ведь очень много разных островов. Четыре раза по сорок — так говорят. И это только острова Архипелага, а есть еще и Пределы. Никому еще не удавалось проплыть по всем Пределам из конца в конец, никто еще не сосчитал всех тамошних островов. Каждый из них чем-то отличается от других. Но самый красивый, пожалуй, все-таки Хавнор, великий остров в самом сердце нашего мира. Там, на берегу широкого залива, где всегда полно разных кораблей, расположена его столица, город Хавнор. С башнями из белого мрамора. Над каждым достаточно богатым домом возвышается такая башня — целый лес белых башен... Дома крыты красной черепицей, а мосты над каналами и проливами украшены мозаикой — красной, синей и зеленой. И флаги у каждого княжеского рода тоже разноцветные; они гордо реют над белыми башнями. На самой высокой башне города укреплен меч великого Эррет-Акбе — острым концом в небо. Когда над Хавнором встает солнце, то самые первые его лучи попадают как раз на этот клинок и он весь сверкает, а на закате становится совсем золотым и с наступлением сумерек некоторое время еще светится в темном небе.

— А кто такой Эррет-Акбе? — хитро притворилась Ара.

Он поднял на нее глаза и сначала не сказал ничего, только слегка усмехнулся. Потом, словно передумав, заговорил:

— Правда, ты ведь, наверно, знаешь о нем совсем мало. Вряд ли намного больше, чем то, что он некогда бывал на земле каргов. Так что же все-таки ты сама знаешь о нем?

— Что он потерял свой амулет и свой колдовской посох и утратил свою волшебную, силу, как и ты, и... — начала она, — ...и что он бежал от нашего Верховного Жреца и скрылся где-то на западе, и драконы убили его... Впрочем, если бы он тогда попал сюда, в Лабиринт, драконам нечего было бы делать!

— Это верно, — откликнулся узник.

Ей вдруг расхотелось продолжать разговор об Эррет-Акбе: она словно почувствовала здесь некую опасность.

— Говорят, что он был Повелителем Драконов. И ты вроде бы тоже. Ну-ка расскажи мне, что это такое?

Она все время старалась говорить насмешливо, однако он отвечал ей прямо и просто, принимая все вопросы как должное.

— Это тот, с кем драконы станут разговаривать, — сказал он. — Только такой человек может называться Повелителем Драконов; во всяком случае, суть в этом. Ни трюком, ни обманом нельзя заставить дракона слушаться человека, хотя большинство людей считают, что это возможно. У драконов хозяев нет. И вопрос всегда лишь в том, будет ли дракон говорить с тобой или просто тебя съест. Если можно рассчитывать, что все-таки он соизволит с тобой заговорить, вот тогда ты и можешь считаться Повелителем Драконов.

— Разве драконы умеют говорить?

— Разумеется! На самом древнем языке, что называется Истинной Речью; мы, люди, учимся ей с большим трудом и используем лишь отдельные слова для своих магических заклинаний и прочего волшебства. Ни один человек не знает всех слов Истинной Речи — даже десятой их части. Человечество для этого слишком молодо. Драконы же существуют многие тысячелетия... Так что с ними поговорить стоит, как ты можешь догадаться.

— А здесь, в Атуане, драконы есть?

— Нет, и уже много столетий. Мне кажется, на острове Карего-Ат их тоже нет. А вот на самом вашем северном острове, Гур-ат-Гур, говорят, все еще живут в горах крупные драконы. С Внутренних Островов все они теперь убрались далеко на запад, на самый край Предела. Никто из людей не живет там, и очень редко проплывают мимо тех островов суда. Проголодавшись, драконы порой летают на острова, расположенные восточнее, но это случается редко. Я видел остров, куда они прилетали специально на свои драконьи балы. Мощные крылья поднимают их все выше и выше над Западным Морем, и они кружат, словно подхваченные ветром золотые и осенние листья... — Это воспоминание захватило его, и он остановившимся взором уставился в разрисованные стены своей темницы, словно видел сквозь них, сквозь толщу земли, сквозь тьму, Открытое Море, тихие воды на закате и в

вышине — золотистых драконов, кружащих в порывах теплого ветра.

— Ты лжешь! — яростно сказала Ара. — Ты все это выдумал!

Он озадаченно посмотрел на нее.

— Зачем же мне лгать, Ара?

— Чтобы сделать из меня дурочку, чтобы показать, какая я глупая и трусливая, чтобы самому казаться мудрым, храбрым и могущественным, и Повелителем Драконов, и так далее и тому подобное... Ты видел, как танцуют драконы, и видел башни Хавнора, и ты знаешь обо всем. А я не знаю совсем ничего и нигде никогда не была. Но все, что ты якобы знаешь, — ложь! Ты ничтожество, ты просто вор и мой пленник, и у тебя нет бессмертной души, и ты никогда не выйдешь отсюда! Даже если и существуют океаны, и драконы, и белые башни, и все прочее — ты никогда больше не увидишь их, ты никогда больше не увидишь даже солнечного луча. Да, мне ведомы лишь тьма, ночь, Подземелье. Это все, что здесь действительно есть. И это все, что мне, в конце концов, нужно знать. Молчание и темнота. Ты, волшебник, знаешь все. А я — одну лишь вещь, зато подлинную!

Он опустил голову. Его руки с длинными пальцами, золотисто-коричневые, покоились на коленях. Она видела четыре белых страшных полосы у него на щеке. Да, он бывал в более далеких и темных местах, чем ее Лабиринт; он лучше нее знал, что такое смерть, даже это... Волна ненависти поднялась у нее в груди, ненависть душила ее. Ну почему, почему он сидит вот так — беззащитный и одновременно такой сильный? Почему она не может одержать над ним верх?

— Я ведь почему оставила тебя в живых? — неожиданно сказала она, не думая, что говорит. — Я хочу, чтобы ты показал мне всякие колдовские трюки. Пока у тебя хватит умения показывать мне что-то новое, будешь жив. Если же все это окажется враньем, тогда что ж, придется с тобой покончить. Это ты понимаешь?

— Да.

— Прекрасно. Тогда давай начинай.

На мгновение он уронил голову на руки, пытаясь както переменить позу. Железный обруч вокруг талии не

давал ему возможности сесть поудобнее; относительно спокойно можно было лишь лежать, вытянувшись на полу.

Наконец он поднял к ней лицо и заговорил очень серьезно:

— Слушай, Ара. Я действительно маг, хоть ты и называешь меня колдуном. Я обладаю знанием некоторых Высших Искусств и Сил. Правда также и то, что здесь, где властвуют Древние Силы, мое могущество крайне мало, а мастерство и знания перестают мне подчиняться. Я, конечно же, и сейчас способен создать для тебя иллюзию, или «чудо», как ты это называешь, но это самая примитивная часть волшебства. Я мог создавать иллюзии еще совсем ребенком; это у меня получится даже здесь. Но, если ты поверишь в иллюзии, они в конце концов могут и напугать тебя; тогда ты разгневаешься и захочешь меня убить. А если ты в эти чудеса не поверишь, то сама увидишь, что любая иллюзия — всего лишь обман, фокус, как ты правильно сказала. Так что в любом случае за иллюзии мне придется заплатить жизнью. А мне пока что — и это моя основная цель — хочется остаться в живых.

Ей почему-то стало весело, и она ответила:

— О, ты некоторое время в любом случае еще останешься в живых. Разве ты этого не понял? Глупец! Хорошо, покажи мне свои иллюзии. Я знаю, что все это ненастоящее, и бояться не стану. Я бы не испугалась, даже если бы все это было на самом деле, кстати сказать. Но давай, начинай. Твоя драгоценная шкура в безопасности, по крайней мере до сегодняшнего вечера.

Теперь рассмеялся уже он — ее неумелой грубости. Они играли сейчас его жизнью, словно мячом.

— Что бы ты хотела увидеть?

— А что ты можешь мне показать?

— Что угодно.

— Ох, ну почему ты все время хвастаешь!

— Нет, — сказал он, явно обиженный. — Я не хвастаюсь. Что-что, а хвастаться я не собирался.

— Покажи мне что-нибудь на свой вкус. Чтобы стоило посмотреть. Что угодно!

Он опустил голову и какое-то время внимательно смотрел на свои руки. Ничего не происходило. Сальная свеча в ее фонаре горела неярко и ровно. Темные существа на стенах, крылатые, словно птицы, но не способные

улететь, смотрели на них своими мутно-красными и белыми глазами, склонялись ближе в полной тишине. Ара вздохнула, разочарованная и немного огорченная. Он был слишком слаб; говорил о великом, а сам даже самой малости сделать не способен. Врать он горазд и больше ничего! Даже вора и то из него хорошего не получилось.

— Ну хорошо, хватит, — сказала она, потеряв терпение, и подобрала свои юбки, намереваясь встать. Материя как-то странно зашуршала. Ара посмотрела вниз и застыла в изумлении.

Тяжелое черное одеяние, которое она носила много лет, исчезло. Ара была в платье из бирюзового шелка ясного мягкого оттенка, напоминающего вечернее небо. Платье широкими фалдами ниспадало до полу, красиво облегая бедра; юбка была расшита тонкими серебряными нитями, мелким жемчугом и каплями горного хрусталя; все это нежно переливалось, светилось и играло, словно легкий апрельский дождь.

Она глянула на волшебника, не в силах произнести ни слова.

— Нравится тебе?

— Где же...

— Это похоже на то платье, что я видел однажды на принцессе в Хавноре, во время празднования Солнцеворота, — сказал он, удовлетворенно глядя на созданное им чудо. — Ты сказала «чтобы стоило посмотреть»... Мне захотелось показать тебе — тебя.

— Сделай так... сделай так, чтобы это исчезло.

— Ты отдала мне свой плащ, — сказал он как бы с упреком. — Разве не могу я дать тебе хоть что-нибудь взамен? Ну хорошо, не беспокойся. Это ведь только иллюзия. Смотри.

Он, казалось, и пальцем не пошевелил и явно не сказал ни единого слова, но голубое чудо шелков исчезло. Ара снова стояла перед ним в грубом своем черном одеянии.

Некоторое время она не двигалась и молчала.

— А как мне узнать, — спросила она наконец, — что ты на самом деле такой, каким кажешься?

— Ты и не сможешь, — ответил он. — Я же не знаю, каким кажусь тебе.

Она снова задумалась.

— Ты можешь обмануть меня, и я стану видеть в тебе... — Она внезапно умолкла, потому что он едва заметным жестом указал наверх. Она решила было, что он наводит чары, и быстро отпрянула к двери; но, проследив, куда он показывает, обнаружила на темном фоне сводчатого потолка комнаты маленький, чуть более светлый квадратик: открытый наблюдательный глазок!

Из глазка не проникало яркого света, и Ара ничего не успела заметить, ничего особенного не услышала оттуда, сверху, но волшебник снова незаметно показал туда и посмотрел на девушку вопросительно. Оба на какое-то время замерли.

— Твое волшебство — просто забава для детей, — ясным голосом громко сказала Ара. — Все это фокусы и обман. Я видела достаточно. Тебя скормят Безымянным. Я больше сюда не приду.

Взяла фонарь и вышла, закрыв дверь со страшным лязгом и до отказа задвинув засов. За дверью она остановилась в полном смятении. Что же ей теперь делать?

Как много видела и слышала Коссил? О чем они говорили? Она уже не могла припомнить. Похоже, она не сказала узнику ничего из того, что намеревалась сказать. Он все время сбивал ее с толку своими рассказами о драконах, о белых башнях, о том, как узнал имя одного из Безымянных, о том, что хочет жить, о том, как благодарен ей за теплый плащ, на котором лежит... И ни разу не сказал он о том, о чем вроде бы должен был просить ее. Она и сама не спросила его о том талисмане, что прятала на груди.

В любом случае ужасно, что Коссил давно их подслушивала.

Впрочем, пусть ее! Что плохого может сделать ей, Единственной, какая-то Коссил! Но она уже знала ответ: нет ничего проще, чем убить ястреба, посаженного в клетку. Этот узник совершенно беспомощен в своей каменной темнице; к тому же он закован в цепи. Жрице Короля-Бога нужно лишь послать своего телохранителя Дьюби, и тот задушит пленника ночью; или, если они с Дьюби не решатся так далеко заходить в Лабиринт, Коссил может просто насыпать в Расписную Комнату через глазок какого-нибудь ядовитого порошка. У нее ведь целые короба, полные сосуды всяких гнусных снадобий; некоторыми из них можно отравить воду или еду; некоторыми — воздух. Вдыхая этот воздух, человек неизбежно умирает. И волшебник уже к утру был бы мертв, и все кончилось бы. И там, в Священном Подземелье, никогда больше не было бы света.

Ара спешила по узким каменным коридорам к входу со стороны Священного Подземелья, где ждал ее Манан, терпеливо сидя на корточках в темноте, словно старая жаба. Он очень волновался во время ее визитов к узнику. Ара не позволяла ему провожать ее. Но разрешила ждать у выхода из Подземелья. Теперь она обрадовалась, что он здесь, под рукой. Ему, по крайней мере, она доверяла полностью.

— Манан, послушай. Ты прямо сейчас должен пойти в Расписную Комнату. Скажи этому человеку, что тебе велено его заживо похоронить в Священном Подземелье под Гробницами. — Маленькие глазки Манана загорелись. — Скажи это очень громко. Отопри замок на оковах и отведи его... — она запнулась, потому что еще не решила, где лучше спрятать узника.

— В Священное Подземелье, — с готовностью подсказал Манан.

— Нет, глупец. Я велела тебе это сказать, а не сделать. Погоди...

Какое же место недосягаемо для Коссил и ее шпионов? Лишь самое сердце Лабиринта, священное, потаенное, куда, боясь Безымянных, Коссил ходить не осмеливается. Но ведь Коссил способна на все! Возможно, она и боится Темных Сил, но вполне может подчинить свой страх намеченному плану. Совершенно неизвестно к тому же, какую часть Лабиринта она знает — возможно, ей все рассказала Тхар или сама Ара в своей предыдущей жизни, а может, она самостоятельно исследовала подземные коридоры с давних пор. Ара подозревала, что Коссил в любом случае знает куда больше, чем хочет показать. Но существовал один путь, о котором она не знала наверняка. Самый тайный.

— Ты поведешь этого человека следом за мной. Причем в полной темноте. Затем я приведу тебя обратно, ты выроешь здесь яму и опустишь туда пустой гроб, а сверху снова забросаешь землей, так, чтобы было заметно, что

могила свежая — если кто-то вздумает искать ее. Могила должна быть глубокой. Ты понял?

— Нет, — ответил Манан мрачно и испуганно. — Малышка, этот обман... лишен мудрости. Это нехорошо. Мужчины не должны быть среди Безымянных! Неизбежно наказание...

— Одному старому дураку в наказание отрежут язык, о да! Ты еще осмеливаешься говорить мне, что я делаю мудро, а что нет! Я следую приказаниям Темных Сил! Иди за мной!

— Прости, маленькая госпожа, прости меня.

Они вернулись в Расписную Комнату. Там Ара подождала за дверью, пока Манан отпирал оковы. Она слышала, как низкий голос волшебника спросил: «А теперь куда, Манан?», и хриплый альт евнуха ответил сердито: «Моя госпожа говорит, что тебя похоронят заживо. Под Гробницами. Вставай!» Она слышала, как брякнули тяжелые цепи — ее словно ударили хлыстом.

Узник вышел из Расписной Комнаты со связанными кожаным ремнем Манана руками. Сам Манан подгонял его сзади, ведя, словно собаку, на короткой сворке, только железный ошейник был у пленника не на шее, а на талии. Глаза волшебника метнулись было к девушке, но она быстро задула свечу и беззвучно скользнула в темноту. Она шла впереди той слегка замедленной походкой, какой обычно ходила здесь, не зажигая света, легко и почти постоянно касаясь стен кончиками пальцев обеих рук. Манан и узник неуклюже тащились сзади; из-за короткой цепи они постоянно натыкались друг на друга. Но она не желала, чтобы тот или другой запомнил этот путь, а потому заставляла их идти в темноте.

Поворот налево от Расписной Комнаты, пропуск, поворот в коридор направо, пропуск справа, потом длинный извилистый коридор и череда ступеней, ведущих вниз, много-много ступеней, скользких и чересчур узких для нормальной человеческой ступни. Дальше этой лестницы она не ходила никогда.

Здесь еще больше пахло могилой; воздух был совершенно неподвижен, в нем чувствовался какой-то еще странный запах. Она ясно помнила всю схему пути, даже слышала интонации Тхар, с которыми та перечисляла ей когда-то повороты и пропуски. Вниз по ступеням (у Ары

за спиной узник споткнулся в непроницаемой тьме, и она услышала, как он охнул, когда Манан резким рывком цепи поставил его на ноги) и в конце лестницы свернуть налево. Держаться левой стороны, сделать три пропуска, потом свернуть в первый коридор направо. Туннели изгибались, образовывали углы, ни один из них не был достаточно прямым. «Теперь ты должна обойти по краю Колодец, — прозвучал в ее памяти голос Тхар. — Там очень узко».

Она замедлила шаг, ощупала вокруг себя стены и — одной рукой — пол перед собой. Довольно большой участок туннеля здесь был прямым и широким, создавая обманчивое ощущение безопасности. Внезапно ее рука, ни на мгновение не переставшая ощупывать каменный пол, ощутила пустоту. Сначала край Колодца и дальше — Ничто. Справа стена коридора отвесно уходила в Колодец. Слева по самому краю был узенький выступ, вряд ли намного шире человеческой ладони.

— Здесь Колодец. Встаньте лицом к левой стене, прижмитесь как можно ближе и идите боком. Нащупывайте путь ногами. Держись за цепь, Манан... Ты уже встал на выступ? Он постепенно становится уже. Не опирайся на пятки. Вот, я уже прошла. Давай руку. Ну вот...

Дальше туннель шел короткими изгибами со множеством боковых проходов. Из некоторых странным образом, как бы стелясь по полу, доносилось эхо их шагов; еще более странным было здесь едва заметное движение воздуха, как бы всасываемого куда-то внутрь. Эти боковые коридоры, должно быть, все оканчивались колодцами, подобными тому, который они только что миновали. Возможно, под этой, самой нижней частью Лабиринта, было некое пустое пространство, гигантская пещера, настолько глубокая, что сам Лабиринт не шел с ней ни в какое сравнение. Необъятная черная пустота.

Над этой пустотой, там, где они шли и шли по темным туннелям, подземелье постепенно становилось все уже и ниже, пока Аре не пришлось замедлить шаг. Неужели этому пути нет конца?

Конец наступил неожиданно: они уперлись в запертую дверь. Согнувшись, Ара бросилась к ней, протягивая вперед руки, и нащупала замочную скважину; потом нашла у себя на поясе, в общем кольце, маленький ключик,

которым никогда еще не пользовалась: серебряный, с головкой в виде дракона. Ключ легко вошел в скважину и повернулся. Она открыла дверь в Великую Сокровищницу Гробниц Атуана. Сухой кисловатый застойный воздух пахну́л из темноты им навстречу.

— Манан, ты не можешь входить туда. Подожди за дверью.

— Ему можно, а мне нет?

— Если ты войдешь туда, Манан, обратно не выйдешь. Это закон для всех, кроме меня. Ни одна живая душа, кроме Единственной, ни разу не вышла из Сокровищницы назад. Ну что, пойдешь?

— Я лучше подожду снаружи, — меланхолично ответил Манан в темноте. — Госпожа, госпожа, не закрывай дверь...

Его страх так подействовал на нее, что она оставила дверь распахнутой настежь. Это место внушало ей какой-то тупой ужас, она даже стала опасаться за своего пленника, хотя тот и был крепко связан. Внутри она зажгла свет. Руки ее дрожали. Свеча в фонаре разгоралась неохотно; воздух был спертым и мертвящим. В желтоватых отблесках света, который казался ярким после долгого пути по темным коридорам, стены Сокровищницы как бы нависали над людьми. По стенам плясали тени.

Там стояло шесть огромных сундуков, целиком вытесанных из камня и покрытых толстенным слоем пыли, серой, словно плесень на засохшей хлебной корке. Больше там не было ничего. Стены из грубых каменных глыб, потолок низкий. И холод. Тот глубинный, могильный холод, который, казалось, останавливал в жилах кровь. Там даже паутины не было, только серая пыль. Ничего живого, даже тех редких маленьких белесых паучков, что жили в Лабиринте. Пыль лежала плотным слоем, и каждая пылинка, возможно, равнялась прошедшему здесь дню. Здесь не было ни времени, ни света: дни, месяцы, годы, века — все стало прахом, серой пылью.

— Вот место, которое ты искал, — сказала Ара ровным голосом. — Это Великая Сокровищница. Ты пришел сюда. И никогда не сможешь отсюда уйти.

Он не сказал ничего, и лицо его было спокойно, но в глазах мелькнуло нечто, тронувшее Ару: отчаяние, чувство преданного человека...

— Ты сказал, что хочешь жить. Это единственное место, известное мне в Лабиринте, где ты можешь остаться в живых. В любом другом Коссил убьет тебя сама или заставит меня сделать это, Ястребок. Но сюда ей не добраться.

Он по-прежнему молчал.

— Ты все равно никогда не смог бы выйти из Подземелья, разве тебе это не понятно? Так что терять нечего. Зато ты все-таки добрался до... до конца своего путешествия. То, что ты искал, находится здесь.

Он сел на один из огромных сундуков; казалось, он измучен до предела. Тянущаяся за ним цепь резко звякнула о камень. Он посмотрел вокруг — на серые стены, на пляшущие тени, потом на нее, Ару.

Она отвернулась и стала разглядывать каменные сундуки. Не было ни малейшего желания открывать их. Ей было все равно, какие бы богатства ни гнили там.

— Здесь тебе не нужны цепи, — она подошла к нему и отперла замок на железном обруче, потом развязала Мананов кожаный ремень, стягивавший его запястья. — Я должна буду запереть дверь, но когда я приду снова, то оставлю ее открытой; я верю тебе. Ты понимаешь, что не можешь уйти, что не должен даже пытаться сделать это? Я — оружие Их мести, я выполню Их волю; но если я обману Их — если ты обманешь меня! — то Они станут мстить сами. Не пробуй уйти отсюда, не старайся навредить мне или обмануть меня, когда я приду в следующий раз. Ты должен мне верить.

— Я сделаю, как ты говоришь, — мягко сказал он.

— Когда смогу, я принесу еду и воду. Немного, правда. Воды, наверно, достаточно, а еды пока маловато. Я ведь голодаю, ты разве не заметил? Впрочем, еды тоже будет вполне достаточно, чтобы не умереть с голоду. Может быть, мне не удастся прийти день или два; может быть, даже дольше. Мне нужно сбить Коссил со следа. Но я непременно приду. Обещаю. Вот фляжка. Экономь воду, я не смогу скоро вернуться. Но я приду.

Он поднял к ней лицо. Выражение его было странным.

— Осторожней, Тенар, — сказал он.

8

ИМЕНА

Ара отвела Манана обратно по узкому извилистому коридору и оставила его в Священном Подземелье, чтобы он немедленно выкопал могилу — доказательство для Коссил, что вор наказан по заслугам. Было уже поздно, и она сразу прошла к себе, в Малый Дом, легла в постель, но среди ночи вдруг проснулась. Она вспомнила, что забыла свой плащ в Расписной Комнате. У него нет ни одной теплой вещи в этом сыром подвале, только его собственный плащ, короткий и слишком легкий; ему не на что будет лечь — только на холодные пыльные камни... Ледяная могила, ледяная могила, в отчаянии думала она. Однако слишком устала, чтобы проснуться окончательно, и вскоре снова скользнула в сон. Ей снилось, что фигуры, изображенные на стенах Расписной Комнаты, — это души умерших. Они были похожи на потрепанных птиц с человеческими руками, ногами и лицами. Они сидели на корточках в пыли темного подземелья; летать они не могли. Пищей им служила глина, питьем — пыль. Это были души тех, кто не возродился, тех древних людей, тех неверующих, кого поглотили Безымянные. Они так и сидели вокруг нее на корточках, погруженные в тень, и время от времени издавали какое-то странное поскрипывание или попискивание. Вдруг один из них подошел к ней совсем близко. Она сначала испугалась и хотела отбежать, но не могла даже пошевелиться. У крылатого существа было какое-то птичье, нечеловеческое лицо, а волосы очень красивые, золотистые, и нежный, тихий женский голос.

— Тенар, — сказало существо, — Тенар.

Ара как бы проснулась. Но рот ее оказался залепленным глиной, и лежала она в каменной гробнице глубоко под землей. Руки и ноги были крепко связаны. Ни шевелиться, ни говорить она не могла.

И тут отчаяние ее достигло такого предела, что грудь разорвалась и душа, словно огненная птица, вылетела оттуда, сотрясла, разрушила каменные стены темницы и вырвалась к свету дня — настоящему, только очень слабому: она проснулась в своей лишенной окон комнатке Малого Дома.

На этот раз проснувшись по-настоящему, Ара села в постели, совершенно измученная ночными кошмарами; голова была как в тумане. Девушка натянула платье и пошла к бочке с водой, стоявшей во внутреннем дворике Малого Дома. Она опустила сперва руки, потом лицо, потом всю голову в ледяную воду, пока ее не начало трясти от холода, буквально останавливавшего кровь. Потом, откинув назад мокрые волосы, по которым ручьями стекала вода, Ара долго стояла, выпрямившись и глядя в утреннее небо.

Солнце взошло совсем недавно, был ясный зимний день. Прозрачная голубизна небес чуть отливала желтым. Высоко-высоко в небе, отражая солнечные лучи и вспыхивая золотом, кружила какая-то крупная птица, то ли сокол, то ли орел.

— Я — Тенар, — сказала она про себя и содрогнулась от холода, ужаса и возбуждения, по-прежнему стоя под чистым утренним небом. — Я вновь обрела свое имя. Я — Тенар!

Золотистая птица в небе полетела на запад, к горам, и скрылась из виду. Солнечные лучи позолотили крышу Малого Дома. Зазвенели овечьи колокольчики в хлеву. Запах дыма и гречневой каши из кухни распространился в прозрачном свежем воздухе.

— Ох, до чего же я голодна!.. Но как он узнал? Как он узнал мое имя? Ох, мне просто необходимо немедленно поесть, как ужасно я голодна...

Она надвинула на голову капюшон и побежала завтракать.

После трех дней полуголодного существования она ощутила приятную тяжесть в желудке и уверенность в собственных силах; она уже не чувствовала себя маленькой дикаркой, беззаботной и пугливой одновременно. Теперь она знала, что у нее достанет сил, чтобы справиться с Коссил.

Она сама подошла к величественной жрице на пути из трапезной и тихо сказала:

— Я покончила с вором... Что за чудесный сегодня день!

Холодные серые глаза искоса глянули на нее из-под черного капюшона.

— Я полагала, что Единственная должна воздерживаться от пищи после принесения человеческой жертвы в течение трех дней?

Коссил сказала правду. Ара совсем забыла об этом, и на лице ее появилось растерянное выражение.

— Он скорее всего еще не умер, — сказала она наконец, овладев собой и стараясь сохранить тот же легкий равнодушный тон, что и в начале разговора. — Он похоронен заживо. Под Камнями. В гробу. Там еще осталось сколько-то воздуха — ведь это не железный, а деревянный гроб. Это будет довольно медленная смерть. Как только я узнаю, что он умер, тут же начну пост.

— А как ты узнаешь?

Сбитая с толку, Ара снова заколебалась.

— Узнаю. Безы... Мои Хозяева сообщат мне.

— Понятно. Где же могила?

— В Священном Подземелье. Я велела Манану выкопать ее прямо под гладким Камнем. — Она не должна была отвечать торопливо, дурацким извиняющимся тоном! Перед Коссил ей нужно держаться в высшей степени достойно.

— Живым? В деревянном гробу? Дело рискованное, если учесть, что он волшебник, госпожа моя. Ты проверила, заткнут ли его рот, чтобы он не мог произнести заклятье? И связаны ли его руки? Они умеют плести колдовство едва заметным движением пальцев, даже если у них отрезан язык.

— Ничего особенного в его волшебстве нет, все это просто фокусы! — заявила Ара громко. — Он похоронен, и мои Хозяева ждут его душу. А остальное тебя не касается, жрица!

На этот раз она явно переборщила. Их могли услышать: совсем рядом шла Пенте с двумя подружками; Дьюби и жрица Меббет тоже находились неподалеку. Девушки, естественно, тут же навострили уши, и Коссил это заметила.

— Меня касается все, что здесь происходит, госпожа. Все, что происходит в его королевстве, касается нашего

Короля-Бога, которому я верно служу. Он может заглянуть в любое подземелье, даже в сердце любого человека может он заглянуть — и никто не смеет запретить ему это!

— Я могу. В Гробницы никто войти не смеет, это запрещено Безымянными. Безымянные существовали задолго до появления твоего Короля-Бога, они будут существовать и после него. Говори о Них тихим голосом, жрица. Опасайся их гнева. Они могут явиться в твои сны, проникнуть в самые темные, потайные закоулки твоей души, и безумие охватит тебя.

Глаза Ары сверкали. Лицо Коссил было скрыто, как бы втянуто внутрь черного капюшона. Пенте и остальные наблюдали за ними с ужасом и восторгом.

— Они слишком стары, — голос Коссил звучал негромко, это был скорее какой-то свистящий шепот, доносившийся из глубин капюшона. — Они стары. Им уже забывают поклоняться всюду, разве что только здесь о них еще помнят. Ушла их сила. Теперь они лишь тени былого. Они бессильны, и не пытайся запугать меня, Ара. Ты — Первая Жрица, но разве не может статься, что и Последняя?.. Ты меня не обманешь. Я вижу тебя насквозь. Тьма ничего не может от меня скрыть. Берегись, Ара!

Коссил повернулась и двинулась дальше своим широким размашистым шагом, круша замерзшие комья земли тяжелыми башмаками с ремешками и пряжками. Она шла к храму с белыми колоннами, принадлежащему Королю-Богу.

Девушка осталась стоять посреди двора, тонкая, темноволосая, словно примерзнув к земле. Все остальные вокруг тоже как бы застыли. Во всем огромном пространстве Святого Места только Коссил упорно двигалась к своей цели на фоне мертвой пустыни и неподвижных гор на горизонте.

— Да поглотят Безымянные твою душу, Коссил! — крикнула вдруг Ара странным голосом, похожим на пронзительный крик ястреба, и, подняв руку с вытянутыми пальцами, застыла, произнося свое проклятье прямо в спину толстой жрицы. Коссил в этот миг уже ступила на первую ступеньку лестницы, ведущей в храм; она вздрогнула, но не остановилась и не обернулась. Медленно поднялась по ступеням и вошла в открытую дверь.

Весь тот день Ара провела на нижней ступени Незаня-

того Трона. Она не осмеливалась пойти в Лабиринт; не хотела появляться и среди других жриц. Тяжесть, лежавшая на душе, заставила ее много часов просидеть в одиночестве в холодном полумраке Храма. Она тупо смотрела на двойной ряд толстых бледных колонн, уходящих во мрак в дальнем конце зала, на пятна солнечного света, проникавшего сюда сквозь дыры в кровле, на плотные клубы дыма, поднимающегося с бронзового блюда на треножнике возле Трона. Тоненькой мышиной косточкой она что-то рисовала в пыли, покрывавшей мраморные ступени. Голова опущена, ум лихорадочно работает, но словно вхолостую. Кто же я? — спрашивала она себя. И не находила ответа.

Пришел Манан. Отдуваясь, протащился через весь зал с двойным рядом колонн. Дневной свет совсем перестал пробиваться сквозь дыры в крыше, а холод усилился. Тестообразное лицо Манана было очень печально. Он остановился на некотором расстоянии от Ары, бессильно свесив огромные свои руки. Обтрепанная кромка его грязного одеяния была сзади вся затоптана каблуками.

— Маленькая госпожа...

— В чем дело, Манан? — Она посмотрела на него с какой-то туповатой нежностью.

— Малышка, позволь мне сделать то, что ты велела... что ты велела мне якобы сделать. Он должен умереть, малышка! Он просто заколдовал тебя. И Коссил тебе непременно отомстит. Она старая и жестокая, а ты еще слишком молода. У тебя не хватит сил...

— Она ничем не может мне повредить.

— Если бы она даже убила тебя при всех, в открытую, то все равно во всей Империи никто не осмелился бы ее наказать. Она Верховная Жрица Короля-Бога, а Король-Бог правит нашей страной. Но в открытую она тебя не убьет. Она сделает это тайком, с помощью яда, в ночи.

— Тогда я снова воскресну.

Манан стиснул свои громадные руки.

— Может быть, она и не станет убивать тебя, — прошептал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она может запереть тебя в какой-нибудь комнате в... там, внизу... Как ты сделала это с ним. И ты проживешь, может быть, еще годы и годы. Годы... И не сможет

родиться новая Единственная, ибо ты не будешь мертва. И в Храме не будут больше исполнять священные танцы в безлунные ночи, не будут совершать жертвоприношения, не станут разливать кровь у Трона, и само поклонение Темным Силам может быть предано забвению — навсегда. Она и ее Король-Бог хотели бы, чтобы это произошло.

— Но Они освободят меня, Манан.

— Только не тогда, когда Они исполнены гнева, маленькая госпожа, — прошептал он.

— Гнева?

— Из-за него!.. Это неотомщенное святотатство! О, малышка, малышка! Такого Они не прощают!

Ара по-прежнему сидела в пыли на нижней ступеньке лестницы, низко склонив голову. Она внимательно изучала крошечную косточку на своей ладони; это был мышиный череп. Совы на балках под куполом слегка завозились; приближалась ночь.

— Не ходи сегодня ночью в Лабиринт, — очень тихо проговорил Манан. — Ступай в свой дом и ложись спать. А утром сходи к Коссил и скажи, что сняла с нее проклятие. И все. Тебе больше не нужно будет тревожиться. Я представлю ей доказательство.

— Доказательство?

— Мертвого колдуна.

Ара не пошевелилась. Только медленно сжала руку, и крошечный череп хрустнул и сломался. Когда она вновь раскрыла ладонь, там не было ничего, кроме мелких осколков и пыли.

— Нет, — сказала она. И отряхнула пыль с ладони.

— Он должен умереть. Он наложил на тебя заклятье, опутал чарами. Ты погибла, Ара!

— Никакого заклятья он на меня не накладывал. Ты стар и труслив, Манан; старуха напугала тебя. Как ты намерен добраться до него, войти, убить и получить свое «доказательство»? Разве ты знаешь путь к Великой Сокровищнице? Неужели, пройдя по темным туннелям прошлой ночью, ты запомнил все повороты? И можешь добраться до лестницы? До Колодца? До той двери? А как ты откроешь эту дверь?.. О, бедный старый Манан, твои мозги совсем заплыли жиром. Она просто напугала тебя. Ты ступай себе в Малый Дом, ложись спать и забудь обо

всем этом. И никогда не тревожь меня больше разговорами о смерти... Я приду позже. Иди, иди, старый глупец, старый чурбан. — Она уже встала на ноги и мягко подталкивала Манана в широкую грудь, будто гладила и прогоняла одновременно. — Доброй ночи, Манан! Доброй ночи!

Он неуклюже повернулся — не хотел уходить, мучимый предчувствиями, — но все-таки покорно потащился прочь через длинный зал вдоль ряда колонн под провалившейся крышей. Она смотрела ему вслед.

После того как он скрылся за дверьми, Ара подождала еще немного, повернулась, обошла Трон и исчезла за ним во тьме.

9

КОЛЬЦО ЭРРЕТ-АКБЕ

В Великой Сокровищнице Гробниц Атуана время не двигалось. Ни лучика света, ни малейшего движения паука в пыли или червя в холодной земле. Камень, тьма и неподвижное время.

На каменной крышке одного из сундуков лежал, распростершись, вор, что прибыл сюда с Внутренних Островов, — лежал, словно резное надгробие. Пыль, потревоженная движениями человека, осела теперь на его одежду. Он не шевелился.

Скрипнул дверной замок. Дверь отворилась. Свет нарушил мертвящую тьму, чуть более свежий воздух потревожил застойный дух Сокровищницы. Мужчина по-прежнему лежал недвижимый, обессиленный.

Ара закрыла дверь и заперла ее изнутри; потом поставила фонарь на один из сундуков и медленно, осторожно подошла к неподвижной фигуре. Глаза девушки были широко распахнуты, зрачки до предела расширены после длительного путешествия сквозь тьму.

— Ястреб!

Она коснулась плеча мужчины, снова и снова повторила его имя. Наконец он шевельнулся и застонал. Потом сел. Лицо у него было измученным, глаза пустыми. Он смотрел на Ару и не узнавал ее.

— Это я, Ара... Тенар. Я принесла тебе воды. Вот, пей.

Он рванулся к фляге, но взял ее неуверенно, словно руки его не слушались, и пил, но маленькими глотками.

— Как долго это продолжалось? — спросил он, с трудом выговаривая слова.

— Два дня прошло, как ты здесь. Сейчас третья ночь. Я не могла прийти раньше. Нужно было украсть еду... вот... — Она достала из сумки, которую принесла с собой, плоскую большую лепешку из серой муки, но он только головой покачал.

— Я не хочу есть. Это... это гиблое место. — Он уронил голову на руки и застыл.

— Ты, наверно, замерз. Я принесла тот плащ из Расписной Комнаты.

Он не ответил.

Она положила плащ и стояла рядом, глядя на узника. Ее слегка знобило, а зрачки все еще были расширены.

Вдруг она перегнулась пополам, упала на колени, скрючилась на полу, и глубокие рыдания сотрясли все ее тело, не вызывая слез.

Он неловко сполз с сундука и склонился над ней.

— Тенар...

— Я не Тенар. Я не Ара. Боги мертвы, мои боги мертвы...

Он тронул ее рукой, откинул с головы капюшон. Начал что-то говорить. Голос его звучал мягко, но слова эти были ей неведомы. Звук их проникал прямо в душу, словно шум несильного дождя. Она утихла и стала слушать.

Когда девушка успокоилась, он поднял ее и посадил, как ребенка, на крышку того самого сундука, на котором лежал. Своей рукой накрыл ее руку.

— Почему ты плакала, Тенар?

— Сейчас скажу. Неважно, что я скажу тебе. Ты все равно не сможешь ничего сделать. Ты не сможешь помочь. Ты ведь тоже умираешь, разве не так? Так что это неважно. Все неважно. Коссил, Верховная Жрица Короля-Бога, — она всегда была жестокой — все старалась заставить меня принести тебя в жертву. Убить точно так же, как тех, других. Я не хотела. Разве она имела право заставлять меня? И она богохульствовала! Насмехалась над Безымянными! Я ее прокляла. И с тех пор боялась ее, потому что Манан прав: она не верит в моих богов. Она хочет, чтобы о Них забыли. Она бы, конечно, убила меня

во сне. Так что я совсем не спала. Я вообще не вернулась в Малый Дом. И всю ночь оставалась в одной из кладовых Храма — там, где белые платья для ритуальных танцев. Еще до рассвета я пробралась в Большой Дом и стащила на кухне кое-что из еды; потом вернулась в Тронный Храм и пробыла там весь день. Я пыталась решить, что же мне делать теперь. А сегодня вечером... вечером я уже слишком устала и решила, что могу пойти в Священное Подземелье и немного поспать там, потому что она скорее всего не решится туда спуститься. Я так и сделала, отправилась в ту большую пещеру, где впервые увидела тебя. И... и она была там! Она, должно быть, вошла через дверцу в Красной скале. Она была там с фонарем! Ковырялась в той могиле, которую для тебя вырыл Манан, — проверяла, на месте ли труп. Как крыса на кладбище, как огромная толстая черная крыса, копалась она в яме. И в Священном Подземелье горел свет! Там, где должна быть вечная тьма. И Безымянные не сделали ей ничего. Не убили ее, не свели с ума. Они слишком стары — она сказала правду. Они уже мертвы. Их больше нет. И я больше никакая не Жрица.

Мужчина стоял и слушал, не снимая своей руки с ее, чуть склонив голову. В лице его и взгляде вновь засквозила былая энергия, хотя шрамы на лице были по-прежнему серыми от пыли, пыль покрывала его одежду и волосы.

— Я прошла мимо нее в Лабиринт. От ее фонаря больше было теней, чем света, а шагов моих она не услышала. Мне хотелось уйти от нее как можно дальше и все время казалось, что она меня преследует. Во всех коридорах, везде я слышала у себя за спиной чьи-то шаги. И я не знала, куда мне идти. Я думала, что здесь буду в безопасности, я думала, что мои Хозяева защитят меня, заступятся... Но Они не заступились, Они ушли отсюда, Они мертвы...

— Ты из-за Них плакала — из-за Их гибели? Но Они здесь, Тенар, здесь!

— Откуда тебе-то знать? — спросила она почти равнодушно.

— Каждый миг с тех пор, как я оказался в Подземелье под Священными Камнями, мне приходилось тратить силы на то, чтобы сдерживать Их, чтобы Они не шли по моему следу. Все мои силы и уменья я растратил на это.

Я заполнил темные коридоры Лабиринта бесконечной паутиной заклятий — заклятий сна, неподвижности, покоя, — но Они все же чувствовали мое присутствие, правда, наполовину бодрствуя, наполовину усыпленные мной. Но только наполовину! И тем не менее я остался совсем без сил после тщетных попыток бороться с Ними. Человек, попав сюда в одиночку, лишен даже самой малой надежды на спасение. Я уже умирал от жажды, когда ты дала мне воды; но не только вода спасла мне жизнь. Меня спасла сила рук, что дали мне напиться. — И он перевернул ее руку в своей ладошкой вверх и минуту смотрел на нее; потом отпустил ее руку, отвернулся и сделал несколько шагов по комнате; и снова остановился возле Тенар. Она ничего не говорила.

— Неужели ты действительно думаешь, что Они умерли? Душа твоя знает лучше. Они темны и бессмертны, и Они ненавидят свет, тот краткий яркий проблеск нашей жизни от рождения до смерти. Они бессмертны, но Они не боги. И никогда ими не были. Они не заслуживают поклонения ни единой человеческой души.

Она слушала, тяжелым взглядом уставившись на мерцающий свет фонаря.

— Они хоть что-нибудь дали тебе, Тенар?

— Ничего, — прошептала она.

— Им нечего дать человеку. Они лишены созидательной силы. Они способны лишь разрушать во тьме. Отсюда Они уйти не могут: Святое Место — это Они сами; пусть оно Им и остается. Их не следует ни отрицать, ни забывать, но и поклоняться Им не стоит. Земля прекрасна; она яркая, добрая — но не только: она еще и ужасна, темна, жестока. Умирая на своем зеленом лугу, кролик пронзительно кричит от боли. В прекрасных морях водятся акулы, а в глазах людей живет жестокость. И там, где люди поклоняются злу, где они позволяют злым силам уничтожать их, там зло крепнет, там собирается Тьма, там властвуют безраздельно те, кого мы называем Безымянными — Древние Силы Земли, возникшие задолго до рождения нашего мира, Силы Тьмы, хаоса, безумия... Я думаю, Они давно уже свели с ума твою Коссил; наверно, она когда-то слишком долго бродила по Лабиринту, как теперь бродит по коридорам собственной души, не находя выхода, и больше уже не видит по-настоящему

свет дня. Она сказала тебе, что Безымянные мертвы; только потерянная душа, та, которой истина недоступна, может верить этому. Они действительно существуют. Но это не твои Хозяева. И никогда не были ими. Ты свободна, Тенар. Тебя просто научили быть рабыней, но теперь ты вырвалась на свободу.

Она слушала его с тем же выражением лица. Он умолк, и теперь молчали оба. Но это была совсем не та тишина, что царила здесь, когда девушка вошла. Теперь здесь слышалось дыхание двоих, ощущалось движение жизни в их кровеносных сосудах, и здесь горела свеча в жестяном фонаре — слабый живой свет.

— Как случилось, что ты знаешь мое имя?

Он прошелся по комнате, смахнул пыль с одежды, растер руки, подвигал плечами, словно пытался стряхнуть с себя оцепенение.

— Знать имена — моя профессия, мое искусство, мое ремесло. Понимаешь ли, чтобы соткать магическое заклятье, сначала необходимо узнать подлинное имя предмета. У меня на родине люди всю жизнь скрывают свои подлинные имена ото всех, кроме немногих близких, кому доверяют без оглядки. Ибо в подлинном имени заключена огромная сила и огромная опасность. Некогда, в начале времен, когда Сегой поднял острова Земноморья из океанских глубин, все вокруг имело подлинные имена. И теперь вся магия, все волшебство зависят от знания именно этого — подлинных имен, слов Истинной Речи, возникшей вместе с нашим миром. Их необходимо вновь и вновь изучать и запоминать. Есть, конечно, такие заклятия, которые запоминаются как простой набор непонятных слов; но и в этом случае необходимо знать о возможных последствиях. Настоящий же волшебник всю свою жизнь тратит именно на выяснение подлинных имен людей и вещей.

— А как ты узнал мое?

Он пристально посмотрел на нее, ярко блеснув глазами в полутьме; мгновение он колебался.

— Я не могу открыть тебе эту тайну. Ты похожа на фонарь, который то вспыхивает, то гаснет в темноте. И все-таки свет исходит от тебя постоянно; даже Они не могут погасить этот свет, не могут навсегда спрятать тебя от людей в своих подземельях. Узнав природу этого света, я

узнал тебя, узнал твое имя, Тенар. Это мой дар, моя волшебная сила. Большего я сказать тебе не могу. Но ответь мне, что ты будешь делать теперь?

— Не знаю.

— Итак, Коссил уже обнаружила пустую могилу. Что дальше?

— Не знаю. Если я вернусь, она может сделать так, что меня казнят. За ложь Жрице Гробниц полагается смерть. Она может принести меня в жертву на ступенях, ведущих к Трону, — если захочет. Тогда уж Манану придется по-настоящему отрубить мне голову и не ждать, подняв меч, пока Посланец Тьмы остановит его. Теперь-то уж его никто не остановит. И меч опустится, и голова моя покатится по ступеням.

Она говорила равнодушно, медленно роняя слова. Он весь напрягся.

— Если мы задержимся здесь, — сказал он, — ты сойдешь с ума, Тенар. Гнев Безымянных тяжким бременем давит на твою душу. И на мою. Правда, мне теперь, когда ты здесь, лучше, гораздо лучше. Но ты так долго не приходила, что я почти полностью израсходовал свои силы. Никто не способен долго сопротивляться Безымянным в одиночку. Они слишком сильны... — Он умолк; голос его звучал глухо, порой превращаясь в шепот; он, казалось, утратил нить собственных рассуждений. Он потер лоб рукой и начал жадно пить из фляжки. Потом отломил кусок хлеба, сел на сундук напротив и стал есть.

Он сказал правду. На душе у Тенар было тяжело; казалось, что-то давит на сердце, путает, затемняет мысли и ощущения. И все-таки здесь ей было уже не так страшно, как когда она шла по коридорам одна. Сейчас пугала только эта абсолютная тишина, что царила за стенами комнаты. Почему это так? Раньше она никогда не боялась тишины Лабиринта. Но раньше у нее и в мыслях не было ослушаться Безымянных, она не смела бунтовать против них. С коротким жалобным смешком она наконец сказала:

— И вот мы сидим на величайшем сокровище Империи! За один лишь этот сундук Король-Бог отдал бы всех своих жен. А мы даже крышки ни одной не открыли, даже не заглянули ни в один.

— Я открывал, — сказал Ястреб, по-прежнему жуя хлеб.

— В темноте?

— Я зажег маленький огонь. Волшебный. Здесь это трудно даже с помощью моего посоха, а уж без него — все равно что пытаться разжечь костер под проливным дождем. Но в конце концов все получилось. И я нашел то, что искал.

Она медленно подняла голову и посмотрела на него.

— То кольцо?

— Половинку кольца. Вторая у тебя.

— У меня? Но вторая половина потеряна...

— И найдена. Я носил ее на цепи на шее. Ты отобрала ее. Ты тогда еще спросила, неужели я не мог выбрать себе талисман получше. Единственный талисман, который лучше того, что у меня был, — это целое Кольцо Эррет-Акбе. Но лучше, как говорится, все-таки пол-лепешки, чем ни одной. Так что теперь моя половина у тебя, а твоя у меня. — Он улыбнулся ей в полумраке.

— Ты сказал, когда я взяла ее, что я не знаю, что с ней делать.

— Это правда.

— А ты знаешь?

Он кивнул.

— Скажи мне, зачем оно. Расскажи, что это за кольцо, и как ты нашел его потерянную половинку, и как ты попал сюда, и зачем. Мне это знать необходимо: может быть, тогда я пойму, что мне делать дальше.

— Можеть быть. Ну что ж. Значит, во-первых, что представляет собой Кольцо Эррет-Акбе? Ты и сама видишь, что драгоценным оно не выглядит, и вообще это даже и не кольцо — уж слишком большое. Скорее браслет, хоть и очень маленький. Никто из людей не знает, для кого точно оно было сделано. Говорят, некогда его носила прекрасная Эльфарран — еще до того, как остров Солеа исчез в пучине морской; но и тогда Кольцо это уже было достаточно старым. Потом оно попало в руки Эррет-Акбе... Кольцо было из литого серебра, и в нем проделаны девять отверстий. А еще его украшал рисунок в виде волн — насечка на внешней поверхности, а на внутренней были написаны девять могущественных рун. На той половинке, что у тебя, написаны четыре руны и часть еще одной; на моей половинке столько же. Трещина прошла как раз посредине одного из символов и нарушила его.

Этот символ с тех пор так и назывался: Утраченная Руна. Остальные восемь известны магам: Пирр, защищающая от безумия, от ветра и от пожара; Гес, дающая стойкость, и так далее. Но Утраченная Руна соединяла людей и земли. Это была знаменитая Связующая Руна, знак мира. Ни один король не сможет править своей страной хорошо, если правит не под этим знаком. Никто не знает, как пишется эта руна. И после того как она была утрачена, в Хавноре больше не рождались великие правители. Там были благородные принцы, были и тираны и много споров и войн, в которых участвовали все острова Земноморья.

Ну и, конечно, наиболее мудрые из правителей и магов Архипелага всегда хотели вернуть Кольцо Эррет-Акбе и восстановить Утраченную Руну. Но в конце концов сдались и перестали посылать людей на поиски Кольца, потому что ни один из них так и не смог добыть его вторую половину из Гробниц Атуана. Первая же, которую Эррет-Акбе некогда отдал какому-то каргадскому королю, была неизвестно где. Итак, много веков назад было решено, что всякие поиски Кольца бессмысленны.

А теперь о том, как я сам занялся этими поисками. Когда я был лишь немногим старше тебя, мне пришлось... много охотиться за одной тварью по всем морям и океанам. И тварь эта долго водила меня за нос, и однажды из-за нее я попал на пустынный островок недалеко от берегов Карего-Ат и Атуана, к юго-западу от них. Это была крошечная песчаная отмель, намытая вокруг рифа; там росла на дюнах морская трава, да в самом центре островка был слабенький источник с солоноватой водой — и ничего больше.

Но там жили два человека. Старик и старушка; брат и сестра, по-моему. Когда я появился там, они пришли в ужас. Они бог знает сколько лет не видели лица человеческого. Но я был в беде, и они проявили доброту. У них была жалкая хижина из плавника и очаг. Старушка кормила меня ракушками, которые собирала на скалах во время отлива, вяленым мясом морских птиц, которых они сбивали камнями... Она боялась меня, но кормила. Потом, когда я оказался не таким уж страшным, она понемножку привыкла и даже показала мне свое сокровище. У нее тоже было сокровище. Маленькое детское платьице. Все расшитое шелком и жемчугами. Платьице ма-

ленькой принцессы. Сама же старуха была одета в грубые тюленьи шкуры.

Разговаривать мы не могли. Я тогда еще не знал языка каргов, а они не знали ни одного из известных мне языков и даже свой собственный — довольно плохо. Их, должно быть, привезли на этот островок совсем малышами и оставили — умирать. Они вообще ничего не знали, кроме этого островка, ветра и моря. Но, когда я уезжал, старушка сделала мне подарок. Она отдала мне потерянную половинку Кольца Эррет-Акбе. — Он мгновение помолчал. — Я тогда и понятия не имел, что это такое. А она и подавно. Величайший дар нашего времени был сделан несчастной глупой старухой в тюленьих шкурах невежественному деревенскому парню, который просто сунул его в карман и сказал «спасибо». А потом уплыл прочь... Ну ладно, тогда я все-таки поплыл дальше и сделал то, что должен был сделать. А потом... подоспели другие заботы. Мне пришлось побывать на острове Драконьи Бега в Западном Пределе и даже дальше. Но я всегда носил с собой подарок старой женщины, потому что был глубоко благодарен ей за столь щедрый дар. Я продел в одно из сквозных отверстий цепь и носил половинку сломанного Кольца на шее, никогда не задумываясь о его предназначении. А потом однажды на Селидоре, на самом дальнем из островов Западного Предела, на том самом, где погиб Эррет-Акбе в битве с драконом по имени Орм, — так вот, на Селидоре мне довелось поговорить с одним из потомков Орма. И он объяснил мне, что́ я ношу на груди.

Ему показалось очень смешным, что я этого не знал. Драконы вообще находят нас забавными. Но они помнят и Эррет-Акбе; о нем они говорят так, как если бы он был драконом, а не человеком.

Когда я наконец вернулся на острова Внутреннего Моря, то сразу отправился в Хавнор. Я родился на острове Гонт, что лежит не так уж далеко от ваших каргадских земель, к западу от них; и я достаточно много скитался по разным морям, но на Хавноре никогда раньше не бывал. Настала пора побывать там. Я увидел белые башни, я говорил с великими правителями, богатыми купцами, с князьями и лордами, потомками старинных родов. Я рассказал им, чем владею. А еще я сказал им, что, если они того хотят, я попробую отыскать вторую половинку Кольца

в Гробницах Атуана, чтобы восстановить Утраченную Руну, ключ к миру на земле. Ибо Земноморью мир необходим. Жители Хавнора расточали мне похвалы; а один даже дал денег на покупку лодки и всего необходимого для путешествия. Потом я выучил ваш язык и приплыл сюда.

Он умолк, глядя перед собой на движущиеся тени.

— Разве люди в городах Каргада не признавали в тебе чужеземца, пришельца с запада — по твоему цвету кожи, по тому, как странно ты говоришь?

— О, обмануть людей очень легко, — сказал он как-то рассеянно, — для этого есть много разных фокусов. Благодаря иллюзии так меняешься, что порой только другой маг и способен разобраться, что там на самом деле было когда-то. А у вас на островах почему-то нет ни волшебников, ни магов. Странно. Вы сами давным-давно уничтожили их и строго-настрого запретили заниматься магией, а теперь с трудом даже верите в то, что волшебники все-таки существуют.

— Меня учили не верить им. Они противоречат всей нашей религии. Но я знаю, что только колдовство могло помочь тебе проникнуть в Лабиринт через дверь в Красной скале.

— Не только. Еще и добрый совет. Мы записываем множество различных советов, гораздо больше, чем вы, по-моему. Ты читать-то умеешь?

— Нет. Это одно из запретных искусств.

Он кивнул.

— Но очень полезное искусство. В давние времена один такой же вор, как я, кое-что написал о Гробницах Атуана и дал кое-какие наставления по поводу того, как туда войти. Конечно, записями этими могли воспользоваться только те, кому ведомо хотя бы одно из Великих Заклинаний, открывающих двери. Эти записи я нашел в одной из книг во дворце правителя Хавнора. Он позволил мне читать их. Таким вот образом я и отыскал дорогу в ту большую пещеру...

— Священное Подземелье.

— Тот вор, что описал, как туда добраться, считал, видно, что сокровище хранится именно там. Там я и искал его, но мне все же казалось, что оно должно быть спрятано лучше, где-то глубоко в Лабиринте. Я знал, где

находится вход в Лабиринт, и, увидев тебя в Подземелье, двинулся в глубь туннелей, надеясь там спрятаться и поискать Кольцо. Разумеется, я совершил ошибку. Безымянные уже овладели мной, смутив мой разум. И с тех пор я становился все слабее и глупее. Нельзя подчиняться им, нужно изо всех сил сопротивляться, верить в себя... Это я понял уже давно. Но сделать это необычайно трудно, особенно здесь, где они обладают такой силой. Они не боги, Тенар. Но они сильнее любого из смертных.

Долгое время оба молчали.

— А что еще ты нашел в сундуках? — равнодушно спросила она.

— Ерунду всякую. Золото, драгоценные камни, короны, шпаги... Ничего, что было бы очень уж нужно для жизни. Скажи мне вот что, Тенар: как тебя избрали Жрицей Гробниц?

— Когда умирает Единственная, жрицы ищут по всему Атуану девочку, родившуюся в час ее смерти. И всегда находят. Ибо Единственная всегда возрождается. В пять лет девочку привозят сюда, в Святое Место. А в шесть — отдают Темным Силам, и те поглощают ее душу. С этого момента она принадлежит им, как принадлежала с начала времен. И она лишается прежнего имени.

— Ты веришь в это?

— Раньше всегда верила.

— А сейчас?

Она ничего не сказала.

И снова наступила тишина; по стенам скользили тени. Прошло довольно много времени, прежде чем Ара снова заговорила:

— Скажи мне... расскажи мне о тех драконах с запада.

— Тенар, что все-таки ты собираешься делать теперь? Мы же не можем вечно сидеть здесь и рассказывать друг другу истории; свеча скоро догорит, и снова наступит тьма.

— Я не знаю, что мне делать. Я боюсь. — Она сидела на каменном сундуке, выпрямившись, руки стиснуты, голос звенит напряженно, словно от боли. — Я боюсь темноты.

Он мягко ответил:

— Тебе придется выбирать. Или ты оставишь меня, запрешь дверь, отправишься в свой Храм и предашь меня своим Хозяевам, а потом пойдешь к жрице Коссил и по-

миришься с ней. И это положит конец всей истории. Или ты отопрешь дверь, и мы уйдем отсюда вместе. Ты покинешь Гробницы, покинешь сам Атуан и отправишься со мной за дальние моря. Ты должна остаться Арой или вновь стать Тенар. Обеими одновременно ты быть не можешь.

Глубокий голос его звучал мягко, но уверенно. Она видела в полумраке его лицо, суровое, покрытое шрамами, но лишенное жестокости и лукавства.

— Если я перестану служить Темным Силам, они убьют меня. Если я покину Святое Место, то умру.

— Ты не умрешь. Умрет Ара.

— Я не могу...

— Чтобы возродиться, сначала нужно умереть, Тенар. Это вовсе не так трудно, как кажется.

— Они не выпустят нас отсюда. Никогда.

— Может быть, и нет. И все-таки попробовать стоит. Ты много знаешь, я многое умею, и у нас есть еще... — Он замолчал.

— У нас есть Кольцо Эррет-Акбе.

— Да, оно. Но я думал о другом, что между нами возникло. Можешь назвать это доверием... Таково одно из слов Истинной Речи. Это величайший дар. Хоть каждый из нас поодиночке и слаб, но, обладая доверием, мы становимся сильнее, чем Тьма... — Его глаза на покрытом шрамами лице светились чистым ясным огнем. — Послушай, Тенар! — сказал он. — Я пришел сюда как вор, как вооруженный враг, как твой противник; ты показала мне, что значит быть милосердной, ты мне поверила. И я поверил тебе — с первого раза, едва увидев твое лицо тогда в пещере, в Священном Подземелье — ах, какая там красота!.. Ты доказала, что веришь мне. Но я все еще в долгу перед тобой. И долг этот непременно верну. Запомни, мое подлинное имя Гед. А это — тебе; сохрани его. — Он встал, протягивая ей серебряный полукруг с загадочными отверстиями. — Пусть Кольцо станет целым.

Она взяла половинку Кольца с его ладони. Легким движением сняла с шеи серебряную цепь и отсоединила вторую половинку. Потом сложила их обе на ладошке так, что сломанные края в точности совпали. Глаз она по-прежнему не поднимала.

— Я пойду с тобой, — сказала она, помолчав.

10

ГНЕВ ТЬМЫ

После этих слов Гед взял руку девушки со сломанным кольцом в свою. Она в изумлении вскинула на него глаза и увидела, что лицо его горит от радости. Жизнь возвращалась к нему. Он улыбался. Она растерялась, ей даже стало страшно.

— Ты освободила нас обоих, — сказал он. — Никто не выигрывает свободу в одиночку. Пошли! Не будем терять времени — если оно у нас еще есть! Только покажи мне его снова, на минутку.

Она разжала пальцы: сломанные края кольца плотно сомкнулись.

Он не тронул его, только коснулся пальцами и что-то сказал. Лицо его вдруг покрылось крупными каплями пота. Она ощутила странное, едва заметное дрожание у себя на ладони — словно чуть шевельнулось маленькое животное, спавшее там. Гед вздохнул, его напряжение прошло, он утер пот со лба.

— Ну вот, — сказал он и, взяв Кольцо Эррет-Акбе, надел его ей на правую руку; пальцы ее легко скользнули в него, но ладонь прошла с трудом. Кольцо свободно охватило запястье. — Ну вот! — Гед удовлетворенно смотрел на дело своих рук. — Подходит. Это, должно быть, женский браслет. Или детский.

— А оно больше не сломается? — нервно прошептала она, ощущая холодок легкого серебряного кольца у себя на запястье.

— Нет. Здесь не годилось простое заклятье, какими пользуются, скажем, деревенские колдуньи, чтобы починить прохудившийся чайник. Для соединения Кольца я должен был применить Заклятье Созидания, Великое Заклятье. Теперь Кольцо вновь стало целым, словно никогда и не было сломано. Тенар, мы должны идти, пора. Я принесу сумку и флягу. Надень свой плащ. Мы ничего больше не забыли?

Когда она надавила на дверь, отпирая ее, он сказал:

— Как бы мне хотелось, чтобы посох мой был тут!

И она ответила:

— Он за дверью. Я взяла его с собой.

— Почему ты это сделала? — с любопытством спросил он.

— Я подумала... решила, что все равно отведу тебя к двери. Отпущу тебя.

— Этого как раз тебе сделать бы не удалось. Ты могла либо держать меня в качестве раба и сама оставаться рабой, либо выпустить меня и сама уйти вместе со мной — на волю. Пойдем, малышка, смелей, поверни же ключ.

Она повернула ключ с изображением дракона и открыла дверь в низкий черный коридор. Вместе с мужчиной она вышла из Великой Сокровищницы, и на руке у нее было Кольцо Эррет-Акбе.

Слабая, почти бесшумная дрожь прошла по каменным стенам и полу коридоров. Это было похоже на далекий гром, словно где-то далеко-далеко упало что-то огромное.

От ужаса у нее зашевелились волосы, и, даже не зная почему, она поспешно задула свечу в жестяном фонаре. Она слышала, как Гед идет за ней следом; его спокойный голос послышался совсем близко — дыхание коснулось волос Тенар.

— Не зажигай фонарь. Я могу вызвать свет, если понадобится. Сколько там сейчас времени снаружи?

— Было далеко за полночь, когда я пришла сюда.

— Тогда нам нужно идти быстрее, — сказал он, но не двинулся с места. Она поняла, что должна вести его сама. Только она знала, где выход из Лабиринта.

Она двинулась вперед согнувшись, потому что тунель здесь был очень низким, но шла довольно быстро. Из невидимых перекрестков доносилось ледяное дыхание и острый могильный запах — безжизненный аромат беспредельной пустоты, что лежала у них под ногами. Когда своды стали чуть повыше и она смогла выпрямиться, то пошла медленнее, считая шаги: они приближались к Колодцу. Легконогий, повторяющий каждое ее движение, Гед следовал за ней на расстоянии шага. Едва она остановилась, он тоже застыл на месте.

— Здесь Колодец, — прошептала она. — Я не могу найти кромку. Нет, вот она. Осторожней, мне кажется, камни расшатались... Нет, нет, погоди... они и правда расшатались... — Она скользнула назад в безопасное мес-

то, когда камни качнулись у нее под ногой. Он поймал ее за руку и крепко сжал. Сердце у нее упало. — Там опасно, камни шатаются.

— Сейчас зажгу маленький огонек, и мы посмотрим. Может быть, мне удастся немножко их укрепить. Не волнуйся, малышка.

Она подумала, как это странно: он называет ее так, как всегда называл Манан. А когда слабый огонек засветился на конце волшебного посоха — не ярче гнилушки или далекой звездочки в туманном небе, — на узенькой кромке, на самом краю черной бездны она увидела огромную темную фигуру и узнала в ней Манана. Но слова застряли у нее в горле, голос будто попал в ловушку, и она не смогла окликнуть его.

Когда Манан попытался столкнуть Геда, ступившего на ненадежную тропу, то Гед, увидев его, с возгласом то ли изумления, то ли гнева ударил евнуха посохом. Сверкнул огонь, белое, нестерпимо яркое пламя. Манан резко поднял громадную ручищу, защищая лицо от огня, отчаянно дернулся, пытаясь схватить Геда, промахнулся и упал в Колодец.

Он даже не крикнул. Ни единого звука не донеслось из черной пасти, не слышно было и стука ударившегося о дно тела — вообще ничего. Сжавшись в комок, застыв на коленях у самого края бездны, Гед и Тенар напряженно вслушивались, но ничего не слышали.

Свет стал сероватым, едва заметным.

— Пошли! — решительно сказал Гед, протягивая ей руку; она крепко за нее ухватилась, и в три прыжка они перемахнули через опасное место. Он погасил свет, и Тенар снова пошла впереди, прокладывая путь. Голова была пустой, движения вялыми. Лишь спустя некоторое время она вдруг подумала: а теперь направо или налево? И остановилась.

Тоже остановившись в нескольких шагах от нее, Гед мягко спросил:

— Что случилось?

— Я заблудилась. Зажги свет.

— Заблудилась?

— Я... я потеряла счет поворотам.

— Я считал, — сказал он, подходя чуть ближе. — Мы

свернули налево после Колодца; потом направо, потом снова направо.

— Тогда надо снова направо, — автоматически произнесла девушка, но не двинулась с места. — Зажги свет.

— Свет не покажет, куда нам идти, Тенар.

— Никто нам этого не покажет. Путь утрачен. Мы заблудились.

Шепот ее утонул в мертвой тишине, подземелье поглотило его.

В холодной темноте она чувствовала тепло своего спутника: он стоял совсем близко теперь. Взял ее руку в свои.

— Пойдем дальше, Тенар. Следующий поворот направо.

— Зажги огонь, — молила она. — Туннели порой так изгибаются...

— Я не могу. У меня не осталось сил. Тенар, они... Они ведь знают, что мы вышли из Сокровищницы. Они знают, что мы миновали Колодец. Они ищут нас, стремятся завладеть нашей волей, нашими душами. Чтобы погасить в нас жизнь, чтобы поглотить нас самих. Я должен был осветить тропу над Колодцем. На это ушла вся моя сила. И еще — я должен сопротивляться им, вместе с тобой. Ты помогаешь мне. Но мы должны идти вперед.

— Отсюда нет выхода, — сказала она, но один шаг вперед все-таки сделала. Потом другой, нерешительно, словно каждый раз у нее под ногами открывалась черная бездна, пустота. Ее руку сильно сжимала его теплая рука.

Они шли вперед, прошло, как им показалось, довольно много времени, и они наконец приблизились к череде ступеней. Никогда они не казались ей такими крутыми и узкими. Теперь это были едва ощутимые выбоины в каменной стене. Но они преодолели и это препятствие и пошли дальше чуть быстрее, потому что Тенар помнила: после подъема по крутой лестнице извилистый коридор идет довольно долго без единого поворота. Наконец ее пальцы, постоянно касавшиеся левой стены, ощутили провал.

— Здесь, — прошептала она; но Гед почему-то не двигался с места, словно сомневался в правильности ее решения.

— Нет, — пробормотала она смущенно, — не этот. Следующий налево. Не знаю. Не помню... Я больше не могу! Мы не выйдем отсюда.

— Мы сейчас идем к Расписной Комнате, — прозвучал в темноте его спокойный голос. — Как нам отсюда туда попасть?

— Левый поворот после пропуска.

Она снова пошла впереди по длинной дуге коридора, мимо последнего тупика к повороту направо и прямо к Расписной Комнате.

— Дальше я помню, — прошептала она, и все страхи остались позади. Теперь ей были хорошо знакомы все эти коридоры, ведущие к Железной Двери, она сотни раз считала здешние повороты и пропуски. Даже странная тяжесть, что по-прежнему смущала душу девушки, не могла уже сбить ее с толку. Она старалась ни о чем не думать, но ей все время казалось, что они приближаются к той невидимой угрозе, что нависала со всех сторон, давила, окружала; ноги почему-то вдруг стали усталыми, тяжелыми, и она даже раз или два споткнулась, стараясь заставить их двигаться. И спутник ее тоже глубоко вздыхал, словно с трудом переводил дыхание после невероятно тяжелой работы, измотавшей его до предела. Порой он глухо и отрывисто произносил то ли слово, то ли несколько слогов. Наконец они достигли Железной Двери. Протянув к рычагу руку, девушка с внезапным ужасом отдернула ее.

Дверь была открыта.

— Быстрей! — сказала она и протолкнула своего спутника в кем-то оставленную щель. Там, по другую сторону двери, она замерла.

— Почему Железная Дверь была открыта? — спросила она.

— Потому что твои Хозяева хотели, чтобы закрыли ее твои руки.

— Мы приближаемся к... — Голос у нее сорвался.

— К самому сердцу Тьмы. Я знаю. И все-таки мы вышли из Лабиринта. Сколько выходов из Священного Подземелья?

— Только один. Войти можно через ту дверь, которой воспользовался ты, но она изнутри не открывается. Нам теперь нужно идти через все Подземелье, потом вверх по коридорам до двери-ловушки, что находится за Троном, в Храме.

— Хорошо. Так мы и пойдем.

— Но там ОНА, — прошептала девушка. — В Подземелье. В пещере. Роется в пустой могиле... Я не могу снова пройти мимо нее, о нет!

— Она наверняка уже ушла.

— Я не могу пройти там!

— Тенар, сейчас я пока еще держу крышу над нашими головами. Я сдерживаю стены, грозящие сомкнуться и раздавить нас. Я с трудом удерживаю землю у нас под ногами, чтобы она не разверзлась. Я делал это весь тот путь, что мы прошли от Колодца, где ждал Их слуга. Если я в силах сдержать землетрясение, то тебе не стоит бояться встречи с жалкой и злобной человеческой душонкой, пока мы вместе! Верь мне так, как я верю тебе. Пойдем же, скорей.

И они двинулись дальше.

Бесконечный туннель вывел их туда, где даже во тьме возникало ощущение большого простора, — в Священное Подземелье.

Они двинулись по дуге вдоль правой стены этой огромной пещеры. Тенар сделала лишь несколько шагов и тут же остановилась.

— Что это? — прошептала она, едва шевеля губами.

Внутри огромного черного пузыря мертвого воздуха слышалось странное гуденье: отзвук далекой лавины или взрыва, от которого стыла в жилах кровь, холодели конечности. Изрезанные временем каменные стены под ее пальцами едва заметно дрожали, вибрировали.

— Иди вперед! — сухо и напряженно велел Гед. — Скорее, Тенар.

Она, споткнувшись, двинулась вперед, подавив в себе крик ужаса; в душе ее царил такой же мрак и такое же смятение, как под этими сотрясаемыми изнутри сводами. «Простите меня, о мои Хозяева, о Безымянные! Простите меня, Древние Силы, простите, простите меня!..» — молила она. Ответа не было. Они никогда не отвечали ей.

Тенар и Гед прошли по последнему коридору, поднялись по лестнице до самой двери-ловушки. Девушка нажала на пружину замка, но дверь не открывалась.

— Она сломалась! Теперь она никогда не откроется!

Гед протиснулся мимо нее и налег спиной на дверь. Это не помогло.

— Дверь не заперта, — сказал Гед. — Просто приперта чем-то снаружи. Очень тяжелым.

— Можешь ли ты открыть ее?

— Попробую. Но, мне кажется, ОНА будет там ждать. У Коссил есть помощники? Мужчины, я имею в виду?

— Дьюби и Уахто, ее евнухи; может быть, она позвала и кого-то еще из телохранителей... Мужчины туда приходить не могут...

— Я не смогу одновременно отпирать дверь с помощью заклятья, сдерживать банду Коссил и пытаться противостоять воле Тьмы, — проговорил Гед ровным голосом, будто размышляя. — Нам остается только поискать другой выход... Может быть, попробовать выйти через ту дверь, что в скалах? Через которую я вошел. Она знает, что ее изнутри отворить нельзя?

— Знает. Она как-то дала мне попробовать...

— Тогда она наверняка за ней не следит. Пошли. Пошли скорей, Тенар!

Она сползла вниз по каменным ступеням; лестница дрожала и качалась, словно гигантская тетива лука, туго натянутая над бездной и готовая выстрелить.

— Что это? Почему все дрожит?

— Пойдем, — сказал он таким ровным и уверенным голосом, что она подчинилась и поползла обратно по коридорам и лестницам в кошмар Подземелья.

Они вошли туда, и тут слепая чудовищная и невидимая ненависть обрушилась на Тенар с такой силой, словно гневалась сама земля. Девушка в ужасе, не сознавая, что делает, громко вскрикнула:

— Они здесь! Здесь!

— Тогда пусть знают, что и мы... здесь, — сказал Гед, и от его посоха и рук разлилось белое сияние; свет переливался, словно волны морские под солнцем, отражаясь от тысяч блестящих самоцветов на сводах пещеры: торжество света, оберегавшего двоих, что бежали напрямик по обители Тьмы; темные тени людей метались по белому кружеву стен, по сверкающим сводам, по пустой разверстой могиле... Они бежали к низенькой дверце, вниз по туннелю — она, спотыкаясь, впереди, он за ней. Там, в туннеле камни гудели и двигались у них под ногами. Но волшебный ослепительный свет по-прежнему был с ними. И в этом свете она увидела перед собой чье-то мертвое

каменное лицо на стене, услышала наверху, где-то над головой, гром небесный, перекрываемый голосом Геда, упорно произносившего одно и то же слово, и когда она упала на колени, его посох с силой ударил прямо у нее над головой в красный камень запертой двери. Скалы раскалились добела, словно охваченные пламенем, и раскололись.

За дверью было бледное предутреннее небо, чуть желтоватое на востоке. На нем высоко и холодно светилось несколько белых звезд.

Тенар увидела звезды и на лице ощутила сладостное дыхание ветра; но встать не смогла, а поползла на четвереньках — как бы между небом и землей.

Мужчина — странная темная фигура в предрассветных сумерках — повернулся и потянул ее за руку, заставляя встать. Лицо его, казавшееся черным, было искажено страшной гримасой, как у демона. Она отшатнулась и хрипло забормотала; одеревеневший язык словно чужой двигался у нее во рту:

— Нет, нет! Не прикасайся ко мне... оставь меня... Уходи!

Извиваясь, она поползла прочь от него в содрогающиеся, будто что-то жующие безгубые уста Гробниц.

Он слегка ослабил тиски своих рук и тихим голосом сказал:

— Ради того, что связывает нас, и того, что носишь ты на руке, заклинаю тебя, Тенар: пойдем.

Она заметила вдруг, как свет звезд играет на серебряном Кольце у нее на запястье. Не сводя с браслета глаз, она поднялась, вложила свою руку в его ладонь и, спотыкаясь, пошла за ним. Идти быстрее она не могла. Когда они спускались с холма, из черной пасти в скалах у них за спиной исторгся долгий стонущий вопль — вопль ненависти и тоски. Вокруг скатывались камни. Земля колыхалась. Они шли вперед, и девушка по-прежнему не сводила глаз с браслета, на серебре которого отражались звезды.

Теперь они уже спустились в туманную долину к западу от Святого Места и начали снова подниматься. Неожиданно Гед остановил ее:

— Смотри!

И оба увидели. Они стояли как раз на одном уровне со Священными Камнями, только на противоположном

конце долины. Девять огромных монолитов, что раньше стояли или лежали на земле, скрывавшей пещеру с кружевными стенами и черными могилами в полу, теперь двигались: вздрагивали, слегка наклонялись, словно мачты корабля. Один из них, казалось, пытается вылезти из земли, все больше и больше возвышаясь над ней; потом по нему прошла дрожь и он упал. Упал и второй; упав, он ударился о первый и раскололся. За Камнями виден был низкий купол Тронного Храма — черный на фоне желтого рассветного неба; Храм содрогался. Стены его рушились на глазах, сплетение камня и деревянных балок превращалось в некую аморфную массу, которая меняла форму, словно комок мягкой глины, брошенной в реку, с ревом проваливалась сама в себя и внезапно взрывалась осколками камня и пылью, разлеталась в стороны, рушилась. Сама земля в долине шла волнами, складывалась в складки, становилась на дыбы; между Священными Камнями вдруг разверзлась огромная щель, как бы выпустив наружу часть подземной тьмы в виде облака черной пыли, похожего на дым. Камни, которые все еще стояли более или менее вертикально, опрокинулись прямо в эту дыру и были поглощены разверстым зевом земли. Потом с грохотом, эхо которого разнеслось, кажется, до самого неба, неровные черные губы сомкнулись, холмы вокруг содрогнулись еще раз и замерли.

Она отвела глаза от ужасного зрелища и посмотрела на стоящего рядом мужчину, чьего лица она еще никогда не видела при дневном свете.

— Ты задержал его! — сказала она, и голос ее был тонок, как свист ветра в тростниках; он казался детским и слабым по сравнению с могучими воплями и стонами земли. — Ты задержал землетрясение, ты смог противостоять гневу Тьмы...

— Мы должны идти дальше, — сказал Гед, отворачиваясь от восходящего солнца и разрушенных Гробниц. — Я устал, замерз...

Он все время спотыкался, когда они снова пошли, и она взяла его за руку. У обоих не было сил идти быстрее, они едва тащились, похожие на двух маленьких паучков, ползущих по огромной стене. С трудом преодолели они невероятно длинный подъем и остановились на вершине холма, где сухая земля была окрашена желтым светом

восходящего солнца и словно полосками покрыта длинными редкими тенями от стеблей шалфея. Пред ними высились западные горы; подножия их казались красными, а вершины и склоны сияли золотом. Оба на мгновение задержались, любуясь этим зрелищем, потом начали спускаться по другому склону холма, откуда Гробницы уже не были видны, и исчезли из виду.

11

ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ

Тенар проснулась, пытаясь стряхнуть оцепенение ночного кошмара: во сне она долго-долго шла по какой-то странной местности, так долго, что плоть ее, источенная временем, обвалилась с костей и она могла видеть сами кости — локтевые и лучевые, слабо поблескивающие во тьме. Открыв глаза навстречу золотистому свету солнца, она почувствовала запах шалфея и ощутила, как в нее входит благодать. Счастье медленно заполняло ее, пока не заполнило до краев, и тогда она села, выпростав руки из-под черного плаща, и с беспечной радостью осмотрелась.

Был вечер. Солнце садилось за горы, которые были совсем близко и казались очень высокими. Из-за них исходило закатное сияние, наполнявшее воздух и небо вокруг — бескрайнее, ясное, зимнее небо — золотом. Беспредельная пустынная золотая страна гор и широких долин. Ветер улегся, было холодно, стояла абсолютная тишина. Все было недвижимо. Листья густых зарослей шалфея были серыми и сухими, невысокая пустынная трава колола руки. Безбрежное молчаливое великолепие света горело в каждой былинке, в каждом свернувшемся листке, в каждом стебле, на холмах вокруг, в самом воздухе.

Она посмотрела налево и увидела Геда, лежащего на земле. Он плотно завернулся в плащ, подложил руку под голову и крепко спал. Лицо его и во сне было суровым, напряженным; однако сильная левая рука его, безвольно откинутая, лежала в пыли рядом с маленьким кустиком

чертополоха, который все еще был одет в свои рваные лохмотья из сероватого пуха и слабые доспехи из колючек. Мужчина и маленький пустынный кустик чертополоха; кустик чертополоха и спящий мужчина...

Он из тех, чья сила столь же могущественна, как Древние Силы Земли, и сродни им; он из тех, кто беседует с драконами, сдерживает землетрясение одним лишь словом. И вот он лежит на пыльной земле и спит, а рядом с его рукой мирно растет маленький кустик чертополоха. Это было так странно. Жить, быть в этом мире оказалось куда значительнее и загадочнее, чем все то, о чем она когда-либо мечтала. Сияние небес коснулось запыленных волос Геда и на какое-то мгновение сделало кустик чертополоха совсем золотым.

Свет медленно гас. А холод становился все более жестоким, усиливаясь буквально каждую минуту. Тенар встала и начала собирать сухие стебли шалфея, отламывая мелкие веточки от мощных стеблей, которые порой достигали здесь толщины дубовой ветви. Они остановились на отдых примерно в полдень, когда еще было тепло. Они устали настолько, что больше не могли сделать ни шагу. Парочка низкорослых кустов можжевельника и сам западный склон холма, через гребень которого они только что перевалили, обеспечивали сносное убежище; они попили воды из фляжки и заснули мертвым сном.

Под можжевельником она нашла несколько довольно крупных веток и подложила их в самый низ, сверху забросав всякой мелочью. Потом разожгла огонь с помощью своего кремня и кресала. Охапка сухих стеблей и листьев шалфея вспыхнула сразу. Сухие можжевеловые ветки загорелись розовым пламенем, пахнувшим смолой. Теперь костер со всех сторон окружала темнота; на небе стали появляться первые звезды — снова звезды и это потрясающее огромное небо.

Потрескиванье костра разбудило спящего. Он сел, потер руками свое мрачное лицо, неловко встал на ноги и подошел поближе к огню.

— Интересно знать... — начал он сонным голосом.

— Я понимаю, но мы все же не можем просидеть здесь всю ночь без огня: становится слишком холодно. — Через минуту она добавила: — Разве что у тебя найдется какая-

нибудь хитрость, которая поможет нам согреться или сделает невидимым этот огонь...

Он уселся у костра, почти сунув туда ноги, обхватив колени руками.

— Брр! — сказал он. — Настоящий костер все-таки значительно лучше любого волшебства. Я тут немножко поколдовал вокруг нас — на всякий случай. Если кто-нибудь будет проходить мимо, пусть ему покажется, что мы просто камни. Ты как думаешь? Станут они нас преследовать?

— Я очень этого боюсь, но все-таки думаю, что не будут. Никто, кроме Коссил, не знал, что ты в Лабиринте. Кроме Коссил и Манана. А они мертвы. Она ведь наверняка была в Тронном Храме, когда он обрушился. Ждала у двери-ловушки. А все остальные, должно быть, думают, что это я была в Храме и погибла во время землетрясения. — Тенар тоже обхватила руками колени и передернулась. — Надеюсь, что остальные здания не пострадали. Трудно было разглядеть с холма в такой туче пыли. Наверно, все храмы и дома разрушиться не могли? Например, Большой Дом, где спят девочки?..

— Думаю, что нет. Просто Гробницы поглотили сами себя. Я видел золотую крышу какого-то храма, когда мы уходили. Он по-прежнему стоял. И там везде были видны человеческие фигурки; люди бежали куда-то...

— Что-то они скажут, что подумают?.. Бедная Пенте! Она могла бы стать теперь Высшей Жрицей. И ведь именно она всегда мечтала убежать оттуда! Не я. Впрочем, теперь она, возможно, тоже убежит. — Тенар улыбнулась. В ее душе светилась такая радость, которую не могли затмить никакие страшные мысли, никакой ужас; это была та самая уверенная радость, которая возникла в ней, когда она проснулась навстречу золотистому свету. Она раскрыла свой мешок и вытащила оттуда две маленькие плоские лепешки; одну она протянула над костром Геду, а сама вцепилась зубами во вторую. Лепешки были черствыми, кисловатыми и замечательно вкусными.

Некоторое время оба жевали в полном молчании.

— Как далеко мы находимся от моря?

— У меня путь от побережья сюда занял два дня и две ночи. Сейчас нам потребуется больше времени.

— Я сильная, — сказала она.

— Да, сильная. И храбрая. Но спутник твой очень устал, — сказал он с улыбкой. — И хлеба у нас с тобой маловато.

— А воду мы найдем?

— Завтра, в горах.

— А еду для нас ты не мог бы отыскать? — спросила она еле слышно, смущаясь.

— Охота требует много времени и оружие.

— Я имела в виду... Ну, ты же понимаешь, всякие заклинания.

— Я могу позвать кролика, — сказал он, подбрасывая в огонь кривую ветку можжевельника. — Сейчас кролики как раз выходят из норок. Вокруг их полно. Вечер — они охотятся. Я могу назвать кролика по имени, и он тогда непременно придет. Но сможешь ли ты поймать, освежевать и поджарить кролика, которого так подозвала к себе? Может быть, если будешь совсем умирать с голоду. Мне кажется, это значит нарушить доверие.

— Конечно. Я думала, что ты, может быть, просто...

— Вызвать нам ужин заклинанием? — договорил он. — О, это я могу. На золотых тарелках, если угодно. Но это только иллюзия, а когда ешь иллюзии, то в итоге только больше хочется есть. Это примерно то же самое, что питаться собственными словами. — Она заметила, как его белые зубы блеснули в свете костра.

— Странная у тебя магия, — сказала она с едва заметным высокомерием. Как Великая Жрица могущественному волшебнику. — Похоже, что она годится лишь для великих дел.

Он еще подбросил в огонь топлива, и костер вспыхнул, распространяя запах можжевеловой смолы; снопы искр с треском взлетали вверх.

— А ты действительно можешь позвать кролика? — вдруг спросила Тенар снова.

— Тебе этого хочется?

Она кивнула.

Он отвернулся от костра и ласково позвал, обращаясь к необъятной, заполненной светом звезд ночи:

— *Кеббо... О, кеббо...*

Тишина. Ни звука. Ни одного движения. Но вскоре на самом краешке освещенного костром круга блеснул круглый глазок — словно камешек гагат, совсем рядом с

землей. Изгиб пушистой спинки, ухо, длинное, настороженное, приподнятое...

Гед снова что-то сказал. Ухо дернулось, и неожиданно из тени возник пушистый кролик, он повернулся, и Тенар ненадолго увидела его целиком — маленького, мягкого, легкого прыгуна, тут же бессознательно вернувшегося к своим ночным заботам.

— Ой! — выдохнула она восторженно. — Как замечательно! — И тут же спросила: — А я могу это сделать?

— Ну...

— Это тайна? — Она тут же приняла надменный вид.

— Тайна — только имя кролика. Во всяком случае, нельзя просто так звать его по имени. А сама способность призывать живые существа вовсе тайной не является.

— О! — сказала она. — Этим-то даром ты обладаешь сполна. Я знаю! — Волнения, слышавшегося в ее голосе, не могла скрыть даже притворная насмешка. Он посмотрел на нее и не ответил.

Он действительно еще не пришел в себя и был совсем без сил после сражения с Безымянными. Свое волшебное могущество он израсходовал в содрогавшихся от землетрясения туннелях. Он одержал победу, но устал настолько, что не мог ликовать по этому поводу. Вскоре он снова свернулся калачиком на земле, как можно ближе к огню, и уснул.

Тенар сидела, подбрасывала в костер топливо, смотрела на сияние зимних созвездий, раскинувшихся от одного края неба до другого, пока голова ее не закружилась от этого великолепия и тишины: тогда заснула и она.

Проснулись оба одновременно. Костер потух. Звезды, которыми любовалась Тенар, теперь ушли далеко за горы, и на востоке появились новые. Обоих разбудил холод, сухой холод пустынной ночи, пронзительный, как ледяной нож, ветер. С юго-запада наползала вуалью череда облаков. Собранное топливо почти кончилось.

— Давай пойдем, — сказал Гед, — скоро рассветет.

Зубы у него стучали так, что Тенар с трудом понимала его. Они двинулись в путь, поднимаясь по длинному пологому склону. Кустарники и камни казались при свете звезд черными, но видно было хорошо, как днем. Сначала они очень замерзли, но потом при быстрой ходьбе согрелись и, задохнувшись на подъеме, остановились, пере-

водя дыхание и дрожа; потом сбавили темп. К восходу они уже добрались до подножия западных гор, всю жизнь ограничивавших видимое Тенар пространство.

Они устроили привал в роще, где золотистые дрожащие листья все еще жались к ветвям деревьев. Он объяснил ей, что это осины; она не знала других деревьев, кроме можжевельника и низкорослых тополей, росших по берегам впадающих в реку ручейков; да еще в саду при храмах было около сорока яблонь. Маленькая птичка тоненьким голоском проговорила на ветке осины: «Пинь-пинь». Под деревьями бежал ручей, узкий, но быстрый, громкоголосый, мускулистый; он пробивался среди валунов решительно и торопливо, чтобы не замерзнуть. Тенар почти боялась его шумливости. Она привыкла к пустыне, где вещи были молчаливы и медлительны: вялая река, тени облаков, кружащие в небесах стервятники...

На завтрак они поделили последнюю лепешку и последний крошащийся кусочек сыра, немного передохнули и двинулись в путь.

К вечеру они поднялись уже довольно высоко в горы. Подмораживало, дул сильный ветер — настоящая зима. Они заночевали в лощине, тоже у ручья. Здесь было полно валежника, и на этот раз они разожгли настоящий костер из больших ветвей, так что вполне согрелись.

Тенар была счастлива. Она нашла полную орехов беличью кладовую, обнаружившуюся при падении невысокого дерева. Там оказалось два кармана прекрасного фундука и еще каких-то незнакомых орехов с гладкой скорлупой, которые Гед, не зная каргадского их названия, называл по-своему: *убир*. Тенар один за другим колола их с помощью двух плоских камней и каждый второй отдавала Геду.

— Мне бы так хотелось навсегда остаться здесь, — сказала она, глядя на расстилавшуюся внизу меж холмами сумеречную равнину, продуваемую всеми ветрами. — Мне очень нравится это место.

— Хорошее место, — согласился Гед.

— Люди никогда не придут сюда...

— Во всяком случае, вряд ли... Я сам родился в горах, — сказал он, — на острове Гонт. Мы проплывем мимо него на пути в Хавнор; он чуть севернее. Гонт очень красив зимой — весь белый и поднимается из волн морских, словно шапка самой высокой волны. Около моей деревни протекал как раз такой вот ручей... А ты где родилась, Тенар?

— На севере Атуана, в Энтате, по-моему. Я ведь совсем не помню дома.

— Тебя так рано забрали?

— Мне было пять лет. Я помню огонь в очаге и... больше ничего.

Гед задумался, потер подбородок, который хоть и зарос уже редкой щетиной, но, по крайней мере, наконец-то был чистым: несмотря на холод, оба тщательно вымылись в горном ручье. Смотрел он сурово. Тенар наблюдала за ним и ни за что не смогла бы прямо определить то, что было у нее на душе, когда она смотрела на него, особенно здесь, среди гор, в отблесках костра.

— Что бы ты хотела делать в Хавноре? — спросил Гед, словно обращаясь не к ней, а к огню. — Я и не ожидал, что ты сможешь настолько — действительно по-настоящему! — возродиться.

Тенар кивнула, чуть улыбнувшись. Она поистине чувствовала себя новорожденной.

— Для начала тебе следовало бы выучить их язык.

— Твой язык?

— Да.

— С удовольствием!

— Ну хорошо. Вот это кабат. — Он бросил маленький камешек в подол ее черного платья.

— Кабат. Это на языке драконов?

— Нет, нет. Ты ведь не собираешься колдовать, я надеюсь; ты, наверно, хочешь просто разговаривать с другими людьми?

— А как будет «камешек» на языке драконов?

— *Ток*, — сказал он. — Но я вовсе не собираюсь брать тебя в ученицы и делать колдуньей. Сейчас мы с тобой будем учить тот язык, которым люди пользуются по всему Архипелагу, по крайней мере, на всех Внутренних Островах. Я вот должен был выучить твой язык, прежде чем явился сюда.

— Ну, ты говоришь на нем довольно-таки странно.

— Несомненно. Итак, *аркемми кабат*, — и он протянул к ней руку, чтобы она отдала камешек ему.

— А я обязательно должна ехать в Хавнор?

— А куда же еще ты хотела бы поехать, Тенар?

Она колебалась.

— Хавнор — прекрасный город, — сказал он. — И ты привезешь туда Кольцо, символ мира, утраченное сокровище. Тебя будут встречать в Хавноре как принцессу. Будут носить на руках, каждый будет счастлив приветствовать тебя... В этом городе живут благородные и великодушные люди. Тебя наверняка станут называть Белой Дамой — из-за светлой кожи; а то, что ты так молода, вызовет к тебе всеобщую любовь. И еще ты красива. Там у тебя будет сотня таких платьев, как то, что я создал для тебя с помощью иллюзии, но только настоящих. Со всех сторон ты будешь чувствовать всеобщую любовь и восхищение. Ты, которая раньше знала лишь одиночество, зависть и тьму.

— Там был еще Манан, — сказала Тенар, словно защищаясь; губы ее слегка дрожали. — Он любил меня и был ко мне добр — всегда. Он охранял меня, оберегал, не жалея жизни, а я его за это убила; он упал в черный Колодец... Не хочу я ехать в Хавнор. Не хочу. Я хочу остаться здесь.

— Здесь? В Атуане?

— В горах. Вот здесь, где мы сейчас.

— Хорошо, Тенар, — сказал Гед мрачно и спокойно, — тогда мы останемся. У меня, правда, нет с собой ножа, так что если пойдет снег, будет трудновато. Но до тех пор, пока мы сможем находить пищу...

— Нет. Я понимаю: мы не можем здесь остаться... Я веду себя просто глупо! — сказала Тенар, встала, стряхнула ореховые скорлупки и подбросила в костер топлива. Она стояла, освещенная пламенем, тоненькая и очень прямая в своем изодранном, перепачканном землей платье и черном плаще. — Все, что я знала раньше, теперь не имеет ни малейшего смысла, — сказала она, — а пока что я не знаю больше ничего. Но я постараюсь научиться.

Гед отвернулся и стал смотреть в сторону, сморщившись, как от боли.

На следующий день они прошли перевал и по поросшему лесом склону стали спускаться вниз. На перевале дул сильный ветер, сбивал с ног, нес колючий слепящий снег. И пока они не вышли из-под снеговых туч, нависших над вершинами, Тенар не могла как следует разглядеть земли, что лежали за первой горой. Все вокруг там оказалось зелено-зелено от сосен, от покрытых травой лугов, от юных всходов на полях. Даже среди зимы, когда кустарник по ту сторону горы был нагим и серым, как и лес, здесь зеленели свежие и юные всходы. Они смотрели на эту красоту со скалистого утеса. Потом Гед молча указал на запад, где солнце тонуло в пенистой воздушной гряде облаков. Собственно, самого солнца уже не было видно, но на горизонте разливалось сияние, похожее на хрустальные сверкающие стены Священного Подземелья, на дивный райский храм...

— Что это? — спросила девушка.

— Море, — ответил ее спутник.

Вскоре она увидела куда менее значительную, но все же достаточно удивительную картину. Они вышли на дорогу и шли по ней; и уже в сумерках дорога привела их в какую-то деревню: дюжина домиков, приткнувшихся к дороге. Тенар с тревогой посмотрела на своего спутника, ведь сейчас они должны были оказаться среди чужих людей, каргов. Посмотрела — но Геда не увидела! Рядом с ней в одежде Геда и в его башмаках шел его же походкой совсем другой человек. Светлокожий, безбородый. Он взглянул на нее — глаза оказались голубыми. Человек подмигнул ей.

— Обману я их, как ты думаешь? — сказал он голосом Геда. — Как тебе твоя одежда?

Она глянула вниз, на свое платье. На ней оказалась коричневая крестьянская юбка, кофта и большая красная шерстяная шаль.

— О! — сказала она, от неожиданности останавливаясь. — О, ты действительно — действительно Гед! — И едва она произнесла его имя, как тут же увидела совершенно отчетливо знакомое темнокожее, покрытое шрамами лицо, темные глаза... И все-таки рядом с ней шагал совершенно незнакомый человек с молочно-белой кожей!

— Не произноси моего подлинного имени в присутствии других людей. Как и я не произнесу твоего. Мы с тобой брат и сестра, пришли сюда из Тенакбаха. И если я увижу сколько-нибудь доброе лицо, то сразу же попрошу о самом скромном ужине для нас. — Он взял ее за руку, и они вошли в деревню.

Утром, наевшись до отвала, они двинулись дальше, отлично выспавшись на сеновале.

— Разве у магов принято просить милостыню? — спросила Тенар. Они шли по дороге, которая вилась меж зеленых полей, где паслись козы и мелкие пятнистые коровенки.

— А почему ты спрашиваешь?

— Похоже, тебе это не впервой. Во всяком случае, это у тебя хорошо получается.

— Ну что ж, в общем, да. Я всю свою жизнь только и делал, что милостыню просил — если посмотреть с твоей точки зрения. Волшебники ведь не богаты, знаешь ли. У них, в общем-то, и нет ничего, кроме посоха да одежды, особенно во время странствий. Но их принимают обычно как дорогих гостей, дают им пищу и кров. Они ведь коечем гостеприимство оплачивают.

— Как оплачивают?

— Ну, к примеру, у этой женщины в деревне я вылечил коз.

— А что с ними случилось?

— У обеих было воспаление вымени. Я ведь пас коз, когда был мальчишкой.

— А ты сказал ей, что вылечил их?

— Нет. Как я мог? Да и зачем?

Она помолчала и сказала:

— Я вижу, твое волшебство все-таки годится не только для великих подвигов.

— Гостеприимство, — сказал он, — доброе отношение к чужому человеку — тоже великое дело, иногда даже подвиг. Конечно, вполне достаточно и благодарных слов. Но мне стало жаль коз.

В полдень они подошли к большому городу, выстроенному в основном из необожженного кирпича и обнесенному по периметру, как обычно в Каргаде, стеной с зубчатым верхом; со сторожевыми башнями по четырем углам и единственными воротами, перед которыми погонщики пасли большое стадо овец. Крытые красной черепицей крыши по крайней мере сотни домов возвышались над стенами из желтоватого кирпича. У ворот стояли два стражника в шлемах с красными перьями — солдаты Короля-Бога. Тенар раньше видела солдат в таких шлемах: раз или два в году они привозили в Святое Место

жертвоприношения — рабов или деньги — в основном для Храма Короля-Бога. Она рассказала об этом Геду, пока они шли вдоль городской стены, и он ответил:

— Я тоже видел их раньше, когда был совсем мальчишкой. В тот раз они напали на остров Гонт. И в конце концов добрались до моей деревни, намереваясь ее разграбить. Но их оттуда погнали. И состоялась битва в устье реки Ар, на самом ее берегу. Много тогда полегло людей, говорят, сотни. Что ж, может быть, теперь, когда Кольцо вновь соединено и восстановлена Утраченная Руна, больше не будет ни грабительских войн, ни смертельных схваток между жителями Империи Каргад и Внутренних Островов.

— Было бы глупо продолжать их, — откликнулась Тенар. — Да и что, в конце концов, Королю-Богу делать с таким количеством рабов?

Ее спутника, похоже, это даже позабавило. Он немного подумал.

— Это если Каргад победит все страны Архипелага, ты хочешь сказать?

Она кивнула.

— Не думаю, чтобы это могло произойти.

— Но посмотри, как сильна Империя, какие в ней большие города, вот, скажем, этот — с толстыми стенами и таким множеством людей! Как могут ваши острова противостоять каргам, если те на них нападут?

— Это вовсе не такой уж большой город, — осторожно и мягко сказал Гед. — Я бы тоже, наверно, решил, что он огромен, когда впервые попал в иные края, оставив Гонт... Но в Земноморье есть много, очень много городов, по сравнению с которыми этот — всего лишь деревня. Существует ведь очень много разных стран... И ты непременно увидишь их, Тенар!

Она ничего не ответила. Тащилась по дороге, и лицо ее было печально.

— Пойми, это удивительно и прекрасно — видеть новые земли, когда они поднимаются навстречу твоему судну из океана. Поля и леса, города с гаванями, дворцами, рыночными площадями, где продается все, что только есть в мире...

Она кивнула. Она понимала, что Гед пытается подбодрить ее, и все же радость ее осталась там, высоко в горах, в залитой закатным солнцем долине у ручья. Теперь

в ней проснулся и с каждой минутой рос ужас. Все, что впереди, было ей неведомо. Она не знала в жизни ничего, кроме пустыни и Гробниц. Но что они дали ей? Да, она знала каждый поворот в древнем Лабиринте, она выучила множество сакральных танцев, которые исполнялись у Незанятого Трона, у поверженного алтаря. Но ничего, совсем ничего не знала она ни о лесах, ни о городах, ни о душах людей.

Вдруг Тенар спросила:

— А ты останешься со мной — там?

На него она при этом не смотрела: он по-прежнему был в своем колдовском отвратительном обличье белокожего каргадского крестьянина, и ей неприятно было смотреть на него, когда он такой. Но голос его не изменился, это был тот же голос, что говорил с ней в темноте Лабиринта.

Он помедлил с ответом.

— Тенар, я иду туда, куда меня посылают, куда зовет меня душа. Она еще никогда не позволяла мне долго засиживаться на одном месте. Понимаешь? Я делаю то, что должен делать. И туда, куда я иду, я должен идти один. Пока я буду нужен тебе, я останусь с тобой в Хавноре. И если когда-нибудь еще я понадоблюсь тебе, позови меня. Я приду. На твой зов я пришел бы даже из собственной могилы, Тенар! Я не могу остаться с тобой навсегда.

Она промолчала. Через некоторое время он пояснил:

— Там я буду недолго нужен тебе. Ты и без меня будешь счастлива.

Она молча кивнула, соглашаясь.

Рядом шли они по направлению к морю.

12

ПУТЕШЕСТВИЕ

Он спрятал свою лодку в одной из пещер мощного скалистого утеса, сильно выдающегося в море. Облачный Мыс — так называли его жители близлежащих деревень. В одной из них Геда и Тенар накормили ужином, дав целый горшок рыбного рагу.

Они спустились к морю, когда серый день уже совсем

померк. Пещера была похожа на узкую и глубокую трещину в сплошной скале; песчаный пол в ней был пропитан водой, потому что был лишь чуть выше линии прилива. Вход в пещеру был виден с моря, и Гед сказал, огня зажигать не стоит, чтобы рыбаки, что вышли на ночную ловлю и плавают в своих суденышках вдоль берега, не проявляли излишнего любопытства. Так что, к сожалению, они улеглись прямо на влажный песок, который кажется таким мягким, когда его пропускаешь между пальцами, но оказывается твердым как камень, когда ложишься на него усталым телом. Тенар слушала море, плескавшееся в двух шагах от входа в пещеру. Оно обрушивалось на скалы, с чмоканьем и гулом вливалось в узкие проливы, а дальше, на песчаных пляжах, протянувшихся далеко к востоку, прибой грохотал как гром. Снова, снова и снова бросалось море на берег, и голос его каждый раз звучал чуточку иначе. Море никогда не отдыхало. У всех берегов и всех островов волны его продолжали свой бег, неутомимые, неумолчные, беспокойные. Пустыня, горы — о, те хранили покой и молчание. Но море вечно говорило что-то громким, чуть глуховатым голосом. Вот только язык его не был Тенар известен, она его не понимала.

С первыми серыми проблесками рассвета начался отлив; Тенар очнулась от нескончаемого полусна и увидела, что волшебник выбрался из пещеры и ходит босиком в подпоясанном ремнем плаще по покрытым черными волосами водорослей мокрым скалам. Он явно что-то искал. Потом вдруг на мгновение в пещере стало темно — Гед, вернувшись, заслонил собой вход в нее.

— Вот, — сказал он, протягивая девушке горсть мокрых забавных штучек, похожих на красные камешки с оранжевыми губами.

— Что это такое?

— Мидии, ракушки такие, я их собрал на скалах. А вот это две устрицы, они еще лучше — вкуснее. Смотри, вот как нужно.

С помощью маленького кинжала, что когда-то висел у нее на поясе вместе с ключами от Лабиринта (она отдала ему нож еще в горах), Гед открыл раковину и съел оранжевого моллюска, окропив его в качестве приправы морской водой.

— Ты даже не варишь их? Ты ешь их живыми!

Она не стала смотреть на него, когда он хоть и с пристыженным, но упрямым выражением лица продолжал открывать раковины и поедать моллюсков.

Когда с мидиями было покончено, Гед прошел в глубь пещеры к лодке, которая лежала кормой к входу на подложенных под нее стволах плавника. Тенар уже рассмотрела лодку вчера вечером — недоверчиво и непонимающе. Лодка оказалась значительно больше, чем она себе представляла, — в три человеческих роста длиной. Там было множество предметов, предназначения которых Тенар не знала, и выглядели они какими-то опасными. На лице лодки (так Тенар называла ее нос) были глаза, и сквозь дрему девушка постоянно чувствовала, что лодка на нее смотрит.

Гед повозился где-то в глубине пещеры и через некоторое время вернулся со свертком в руках. Это оказались сухари, плотно и тщательно завернутые, чтобы уберечь от сырости. Он протянул девушке большой сухарь.

— Я не хочу есть. — Лицо у Тенар было сердитым.

Он посмотрел на нее, убрал сухарь, снова тщательно все завернул и уселся у входа в пещеру.

— До прилива еще часа два, — сказал он. — Тогда можно выходить в море. Ты плохо спала ночью, может, поспишь сейчас?

— Я не хочу спать.

Он отвечать не стал. Сидел себе, скрестив ноги и повернувшись к ней боком в темной каменной арке; сверкающая, переливающаяся полоса морской воды была прямо за ним; его профиль четко вырисовывался на светлом фоне моря. Гед был неподвижен, как скалы вокруг. Неподвижность распространялась вокруг него, словно круги от брошенного в воду камня. Его молчание было не просто отсутствием разговора, но обладало собственным значением, подобно молчанию пустыни.

Молчание это длилось долго. Наконец Тенар встала и подошла к входу в пещеру. Гед не пошевелился. Она посмотрела вниз, на его лицо. Это было лицо бронзовой статуи — застывшее, темное, глаза открыты и смотрят в землю, рот сурово сжат.

Он сейчас был так же недоступен и непонятен ей, как море. Где же он сейчас? По каким неведомым тропам

бродит его душа? Она, Тенар, никогда не сможет последовать за ним в те края...

Он просто заставил ее пойти за ним. Назвал подлинным именем, приманил — вот она и потянулась робко к его руке, как тот дикий кролик ночью в пустыне. И теперь, когда он получил Кольцо, когда Гробницы разрушены, а Жрица их стала клятвопреступницей, теперь она больше не нужна ему, он просто ушел от нее в такие края, где ей его не догнать. Нет, он никогда бы не остался с ней! Он обманул ее и теперь, конечно же, бросит ее одну.

Она нагнулась и быстрым движением отцепила от его пояса маленький стальной кинжал, который сама дала ему. Он по-прежнему не шевелился, так что она словно статую ограбила.

Нож был совсем маленький, не длиннее пальца, и заточен только с одной стороны; это была миниатюрная копия жертвенного ножа, часть облачения Жрицы Гробниц; кинжал всегда висел у нее на кольце вместе с ключами, но она никогда им не пользовалась, разве что во время одного из танцев перед Троном в безлунные ночи, когда она должна была подбрасывать нож в воздух и ловить его. Ей нравился этот танец; он был какой-то дикий, первобытный, без музыки, ритм отбивали лишь ее собственные босые ноги. Она много раз успела обрезаться, разучивая этот танец, пока не научилась ловить ножик точно за рукоятку. Маленькое лезвие было достаточно острым, чтобы рассечь палец до кости или перерезать вену на шее. Она все-таки еще послужит своим Хозяевам, пусть сами они и предали ее, отреклись от своей Жрицы. Они направят ее руку в этом последнем жертвоприношении Тьме. Они примут эту жертву.

Она, прижав руку с зажатым в ней ножом к бедру, склонилась над Гедом. Вдруг он медленно поднял к ней лицо и посмотрел так, словно только что вернулся из далеких краев, где встретился с чем-то ужасным и теперь испытывал облегчение. Лицо его было спокойно, но глаза полны боли. Он внимательно смотрел на Тенар; казалось, он впервые начинает видеть ее по-настоящему. Выражение его лица прояснилось. Наконец он сказал:

— Тенар! — словно поздоровался с ней после долгой разлуки и доверчиво протянул руку к резному с дырочками серебряному браслету у нее на запястье, как бы черпая

в нем силы и веру. Ножа в ее руке он не заметил. Смотрел вдаль, на волны, высоко вздымавшиеся у скал внизу; потом, словно совершив над собой усилие, сказал: — Пора!.. Пора нам отправляться в путь.

И тут ярость в ее душе погасла, сменившись страхом.

— Ты оставишь Их позади, Тенар. Теперь ты от Них уходишь, уходишь свободной, — неожиданно энергично сказал Гед и вскочил на ноги. Он расправил плечи, туго обернулся в плащ и застегнул потуже пряжку ремня. — Помоги-ка мне с лодкой. Под нее специально подложен плавник, чтобы легче было столкнуть ее в воду. Вот так, толкай еще... еще... Ну хватит, хватит, довольно. Теперь будь готова прыгнуть в нее, когда я скажу... Прыгай!.. Это ничего, что сразу не получилось, прыгни еще разок. Вот так! И сразу проходи на середину! — И, прыгнув в лодку за ней следом, он поймал девушку, когда та чуть не вывалилась за борт.

Гед усадил Тенар на дно, сам встал, широко расставив ноги, и заработал веслами, направляя лодку по уходящей от берега воде меж скал в Открытое Море, мимо ревущей, покрытой пеной полосы прибоя у выдающейся вперед оконечности мыса, все дальше и дальше от берега.

Потом, когда кипящая полоса воды осталась позади, он положил весла, укрепил мачту и поднял парус. Теперь, когда бескрайнее море расстилалось вокруг, лодка показалась Тенар очень маленькой.

Парус наполнился ветром. Все снасти казались старыми, испытанными; неяркий красный парус был бережно залатан, а сама лодка чисто и аккуратно прибрана. Суденышко было похоже на своего хозяина: побывало в дальних краях и вернулось домой, хотя пережить там пришлось немало.

— Теперь, — сказал Гед, — мы от Них уже далеко, теперь мы совсем свободны, и руки наши остались чисты, Тенар. Чувствуешь ли ты это?

Она действительно это чувствовала. Темная рука отпустила наконец ее сердце, которое держала в плену всю жизнь. Но радости — той, что возникла тогда в горах, — не было. Уронив голову на руки, Тенар горько заплакала, слезы лились ручьем. Она оплакивала свою даром прожитую жизнь, потраченную на служение злу. Неожиданно обретенная свобода причиняла ей боль.

Она уже начала понемногу понимать, что свобода — это тяжкий груз, великое, загадочное бремя для души. Нелегко нести его. Это не подарок, но сделанный тобой выбор; и выбор этот может иметь самые неожиданные последствия. Путь свободы ведет наверх, к свету, но, если бремя ее слишком тяжело, можно никогда не достигнуть конца пути.

Гед дал девушке выплакаться, не сказав ни слова утешения; он молчал и тогда, когда Тенар, уже перестав плакать, еще долго сидела, глядя на тающий в голубой дали низкий берег Атуана. Лицо его было суровым и решительным; он, казалось, не замечал присутствия своей спутницы, его больше волновали парус и рулевое весло; быстрый в движениях и молчаливый, он все время смотрел только вперед.

В полдень он показал Тенар вправо — теперь они шли прямо на юг.

— Это Карего-Ат, — сказал он, и Тенар, проследив за взмахом его руки, увидела далекие, затянутые дымкой холмы, похожие на облака, — великий остров Короля-Бога. — Атуан у них за спиной совсем исчез из виду. На сердце у Тенар было тяжко. Солнце било ей в глаза золотым молотом.

На ужин были сухари и вяленая рыба, которая показалась Тенар удивительно противной. Да еще вода из бочонка, который Гед наполнил из ручья на Облачном Мысу. Зимняя ночь спустилась быстро, на море особенно холодная. Далеко на севере они какое-то время видели мерцание огоньков — желтых костров на берегу Карего-Ат. Потом огоньки исчезли в дымке, что повисла над океаном, и лодка оказалась совсем одна среди беззвездной ночи над бездонными глубинами.

Тенар клубочком свернулась на корме; Гед устроился на носу, подложив под голову вместо подушки бочонок с водой. Лодка размеренно двигалась дальше, невысокие волны бились о ее борта, хотя южный ветер скорее напоминал едва ощутимое дыхание. Здесь, вдали от скалистых берегов, море казалось даже излишне молчаливым; лишь касаясь бортов лодки, оно что-то шептало чуть слышно.

— Если ветер дует с юга, — спросила Тенар шепотом, как и море, — то разве лодка плывет не на север?

— Да, на север, если не поменять галс. Но я поднял

волшебный ветер, так что сейчас мы плывем на запад. К завтрашнему утру выйдем из каргадских вод. Тогда пусть наши паруса надует настоящий ветерок.

— А что, наша лодка сама собой управляет?

— Да, в общем-то, — мрачно ответил Гед, — если ей приказать. Впрочем, ей много объяснять не нужно. Она уже бывала в Открытом Море, дальше самого далекого из островов Восточного Предела; и на Селидоре она тоже бывала — это тот остров, где погиб Эррет-Акбе, самый дальний в Западном Пределе. Моя «Зоркая» — мудрая, умелая лодка. Можешь ей доверять.

Лодка благодаря силе магического ветра легко скользила над бездной моря; на корме лежала девушка, запрокинув лицо и глядя вверх, во тьму. Всю свою жизнь Тенар видела тьму, но эта ночь над океаном была поистине беспредельна. Она плыла над морем и, казалось, не кончится никогда. От края до края над головой было лишь звездное небо. Вечные силы двигали их суденышко. Силы эти возникли раньше света и будут существовать после него. Раньше жизни, раньше зла возникли они, они сильнее всего, они будут всегда...

В темноте Тенар снова заговорила:

— Тот маленький островок, где тебе подарили половинку Кольца, ведь где-то здесь, в этом море?

— Да, — откликнулся Гед, — где-то здесь, наверно, чуть южнее. Я уж, пожалуй, и не смогу его отыскать.

— Я знаю, кто была она, та старая женщина, что дала тебе Кольцо.

— Знаешь?

— Мне рассказывала эту легенду Тхар. Это обязательно для Первой Жрицы — знать такие легенды. Сначала она мне рассказывала ее в присутствии Коссил, потом, гораздо подробнее, когда мы были одни — она тогда в последний раз разговаривала со мной перед смертью. В Гупуне существовал один благородный каргадский род, вместе с другими восставший против власти Верховных Жрецов в Авабатхе. Основателем этого рода был король Торег, и среди сокровищ, которые оставил он своим потомкам, была половинка Кольца, некогда подаренного ему Эррет-Акбе.

— Да, так говорится и в наших сказаниях об Эррет-Акбе. На твоем языке это звучит примерно так: «Когда Кольцо было сломано, половинка его осталась в руках

Верховного Жреца Интатина, а вторая половинка — в руках героя. И Верховный Жрец отослал свою половину Безымянным в Атуан, и она попала во Тьму, в неведомые места. А Эррет-Акбе отдал половинку сломанного Кольца прямо в руки девицы Тиаратх, дочери того мудрого короля, и сказал: «Пусть это будет приданое девушки, пусть половинка Кольца остается в этой земле, пока не соединится со второй своей половинкой». Так сказал герой, прежде чем отправился на запад...»

— Правильно, и она, должно быть, передавалась от матери к дочери в этом роду в течение долгих лет. Она не была потеряна, как думали ваши люди. А Верховные Жрецы постепенно превратились в Жрецов-Правителей, а потом, создав Империю, стали называть себя Королями-Богами. Род Торега к этому времени совсем обеднел и ослабел. И, наконец, так рассказывала мне Тхар, из всего рода остались лишь двое — маленькие дети, мальчик и девочка. В Авабатхе тогда правил отец нынешнего Короля-Бога, и он приказал выкрасть детей из дворца в Гупуне, ибо, согласно предсказанию, один из потомков Торега непременно должен был привести Империю к краху, и это пугало Короля-Бога. Он приказал выкрасть детей и увезти прочь, а потом оставить их на одиноком островке посреди океана совсем без ничего — без одежды и без пищи.

Он опасался убивать их с помощью ножа, петли или яда; все-таки они были королевской крови, а убийство королей навлекает проклятие даже на богов. Звали детей Энзар и Антиль. Это Антиль дала тебе половинку Кольца.

Гед долго молчал.

— Ну вот и конец этой давней истории, — сказал он, — и Кольцо тоже обрело целостность. Ах, какая жестокая легенда, Тенар!.. Маленькие дети, необитаемый островок, старик и старуха, встретившиеся мне... Они ведь едва умели говорить по-человечески...

— Можно я попрошу тебя о чем-то?

— Проси.

— Я не хочу ехать в Хавнор. Я вообще не хочу на Внутренние Острова — я там чужая и останусь чужой в этих больших городах, среди незнакомых людей... Я на любой земле останусь чужой: я предала свой народ, у меня больше нет родины. И я совершила преступление. Высади меня одну на какой-нибудь остров, как высадили тех ко-

ролевских детей. И пусть этот остров будет необитаемым, пусть не будет там ни единого человека. Оставь меня там и отвези Кольцо в Хавнор. Оно твое, а не мое. Ко мне оно не имеет ни малейшего отношения. Как и весь твой народ. Дай мне наконец остаться одной!

Медленно, но все же успев удивить ее, перед ней подобно тонкому месяцу на черном небе зажегся волшебный свет, вызванный его волей. Огонек прилепился к концу посоха Геда, который тот держал вертикально, сидя на носу лодки. Волшебный полумесяц освещал своим серебряным сиянием нижнюю часть паруса, оснастку и лицо Геда, который смотрел прямо на девушку.

— Какое преступление совершила ты, Тенар?

— Я приказала запереть тех троих в Комнате Узников, чтобы они умерли там с голоду. И они умерли и похоронены в Подземелье. Священные Камни упали на их могилы... — она запнулась.

— Что-нибудь еще?

— Манан.

— Эта смерть на моей совести.

— Нет. Он умер, потому что любил меня и был мне предан. Он думал, что защищает меня. Ведь это он держал меч над моей головой, когда я была совсем маленькой. Он был ко мне добр... когда я плакала... — она снова запнулась, с трудом сдерживая слезы, но больше плакать не стала. Только стиснула руки, лежавшие на коленях поверх ее черного платья. — Я никогда не была к нему добра. Я не поеду в Хавнор. Я не поеду с тобой. Найди такой остров, где не бывает никто, и оставь меня там. За зло надо платить злом! Я еще не свободна.

Нежный свет волшебного полумесяца, кажущийся жемчужным из-за повисшей над морем дымки, мерцал между ними.

— Послушай, Тенар, послушай меня внимательно. Ты была сосудом зла, но зло вылито наружу. С ним теперь покончено. Зло похоронено в своей гробнице. Ты никогда не предназначалась для того, чтобы хранить зло, для жестокости и тьмы; ты создана, чтобы хранить свет — так хранит и отдает свет зажженный светильник. Просто я нашел этот светильник незажженным. Я никогда не оставлю тебя на необитаемом острове; никогда не отброшу, словно ненужную вещь, этот не зажженный пока светильник. Я привезу тебя в Хавнор, я скажу правителям

Земноморья: «В самой обители Тьмы нашел я свет: душу этой девушки! Благодаря ей древнее зло обратилось в прах. Благодаря ей я выбрался на свет из могилы. Благодаря ей сломанное вновь стало целым. Там, где царила ненависть, благодаря ей воцарился мир».

— Я не поеду! — с отчаянием сказала Тенар. — Я не могу. Это несправедливо!

— ...А после этого, — продолжал Гед спокойно, — я увезу тебя прочь от этих правителей и богатых лордов, ибо это верно: ты среди них чужая. Ты слишком молода и слишком мудра. Я отвезу тебя к себе на родину, на остров Гонт, к моему старому Учителю. Его зовут Огион Молчаливый. Он величайший маг, и душа его пребывает в покое. Живет он в маленьком домике на утесах Ре Альби, высоко над морем. У него есть несколько коз и небольшой сад. Осенью он обычно странствует по острову в полном одиночестве. Бродит по лесам, горным склонам, речным долинам... Я когда-то жил у него — в детстве. Но недолго оставался там: на это у меня не хватило мудрости. Я уехал — в поисках зла, и, разумеется, нашел его... Но ты придешь туда, чтобы от зла спастись, придешь в поисках свободы и тишины, пока не обретешь свой собственный путь. Там ты найдешь и доброту, и тишину, Тенар. Никакой ветер не сможет задуть горящий в тебе свет. Поедешь?

Между их лицами проплывали серые волны морского тумана. Лодка чуть приподнималась на широкой волне. Вокруг расстилалась ночь, под ними — море.

— Поеду, — сказала Тенар, глубоко вздохнув. Потом помолчала и добавила: — Ах, как бы я хотела, чтобы это случилось скоро... чтобы мы могли поехать туда прямо сейчас...

— Но это будет очень скоро, малышка.

— А ты когда-нибудь приедешь туда?

— Как только смогу — приеду.

Волшебный огонек давно погас; вокруг них царила полная темнота.

Еще много было восходов и закатов над морем, были тихие дни и дули ледяные ветры, но наконец они приплыли к Внутренним Островам. Непрерывно встречаясь то с огромными кораблями, то с маленькими суденышка-

ми, они приближались теперь к острову Хавнор, прямо через залив — к его главному порту. Пред ними вставали белые башни и весь город, усыпанный белым сверкающим снегом. Снегом были покрыты красные черепичные крыши, и украшенные разноцветной мозаикой мосты, и мачты судов в гавани, что сверкала тонким ледком под зимним солнцем. Весть об их прибытии опередила «Зоркую», ибо ее залатанный красный парус хорошо известен был в этих местах. Огромная толпа собралась у заснеженных причалов, и разноцветные флаги хлопали на холодном ветру под ясным солнцем.

Тенар сидела на носу, прямая, в своем черном потрепанном плаще. Она посмотрела на серебряное Кольцо у себя на запястье, потом — на разноцветную толпу на берегу, обвела взглядом дворцы и белые башни. Потом высоко подняла правую руку, и солнце сверкнуло на серебре. Радостный гул пронесся над неспокойной водой. Гед причалил лодку, и сотня рук протянулась ему на помощь. Он выпрыгнул на пирс и обернулся, протягивая руку своей спутнице.

— Иди сюда! — сказал он, улыбаясь, и Тенар встала и пошла к нему.

Мрачным было ее лицо, когда она шла рядом с Гедом по белым улицам Хавнора; она крепко держала его за руку — словно ребенок, которого ведут домой.

На последнем берегу

1

ЯСЕНЬ

Во дворике у фонтана яркое мартовское солнце просвечивало сквозь юную листву ясеней и вязов; в полосах света и тени журчала и переливалась струя воды. Дворик с четырех сторон был замкнут высокими каменными стенами Большого Дома, где, помимо жилых помещений для учеников и Мастеров, было множество залов, загадочных коридоров и переходов, лестниц и башен. Сам Большой Дом окружали мощные крепостные стены, которые способны были выдержать любую осаду неприятеля, любое землетрясение, любую, самую страшную морскую бурю, ибо стены Школы Волшебников на острове Рок были не только сложены из массивных каменных глыб, но и скреплены нерушимым заклятьем, самой надежной магией. Ведь остров Рок — это Остров Мудрецов, и учат в Школе Волшебников тонкому искусству Высшей Магии; а Большой Дом — самое сердце Школы и средоточие всякого чародейства и волшебства. А посреди Большого Дома, в глубине его, есть маленький внутренний дворик под открытым небом, где струя воды играет в фонтане да шелестят листвой деревья — под дождем, под солнцем ли, или при свете звезд.

Ближайшее к фонтану дерево — рослый ясень — взломало своими корнями мраморные плиты, устилавшие дворик. Трещины разбежались во все стороны и проросли ярко-зеленым мхом, которого было много на небольшой лужайке; посреди лужайки находился бассейн с фонтаном. Мох забрался и на мраморные плиты, которыми был выложен бортик бассейна; на этих плитах сидел юноша, внимательно следивший за тем, как взлетает и падает струя воды в фонтане. Он был почти уже взрослым, но все-таки еще мальчик, стройный, в богатых одеждах. Его лицо было словно отлито из золотистой брон-

зы — столь четкими и правильными были его черты, столь неподвижно-застывшим было оно само.

В нескольких шагах за спиной юноши, по другую сторону зеленой лужайки, в центре дворика стоял под деревьями мужчина — впрочем, кажется, стоял: трудно было утверждать это, так прихотливо переплетались тени и играли теплые солнечные блики. Нет, он все-таки точно был там — мужчина в белом, стоявший совершенно неподвижно. Юноша смотрел на струю воды в фонтане, мужчина — на юношу. Ни единого звука, ни одного движения, только шелест листьев да журчание воды, вечное пение струй.

Мужчина сделал несколько шагов вперед. Ветерок коснулся ветвей ясеня, шевельнул его нежную листву. Юноша гибким движением вскочил мужчине навстречу и, смутившись, склонился перед ним в почтительном приветствии.

— Господин мой Верховный Маг...

Мужчина остановился прямо перед ним; невысокий, с гордой осанкой, энергичный, в белом шерстяном плаще с капюшоном. На фоне белых складок откинутого на спину капюшона лицо его казалось красновато-коричневым, очень темным; у Мага был ястребиный нос, на одной щеке — старые шрамы; ясный пронзительный взгляд горячих глаз. Впрочем, голос его звучал мягко.

— Здесь приятно посидеть у фонтана, — сказал он, жестом останавливая готового извиняться юношу. — Ты приехал издалека и еще не успел отдохнуть. Так что сиди.

Сам Верховный Маг опустился на колени у края бассейна и подставил руку под сверкающий водопад; вода текла между его пальцами. Юноша вновь присел на разорванные корнями ясеня мраморные плиты, и с минуту оба молчали.

— Итак, ты сын правителя Энлада и Энладских островов, — сказал Верховный Маг, — наследник княжеского рода Морреда. Во всем Земноморье нет более древней и чистой родословной. Я видывал сады Энлада весной, и золотые крыши Берилы... Как звать тебя?

— Меня зовут Аррен.

— Это, должно быть, слово из энладского диалекта. Что оно значит на языке Архипелага?

— Меч, — ответил юноша.

Верховный Маг кивнул. Снова воцарилась тишина. Чуть погодя Аррен промолвил не то чтобы с вызовом, но и ничуть не смущаясь:

— Я думал, что Верховный Маг знает все языки.

Мужчина, не отрывая взгляда от фонтана, покачал головой.

— И все имена...

— Все имена? Только Сегой, что произнес Первое Слово, поднимая острова Земноморья из глубин морских, знал все имена. Впрочем, — и быстрый неистовый взгляд скользнул по лицу Аррена, — если мне нужно будет узнать твое подлинное имя, я его узнаю. Пока в этом нет необходимости. Я буду звать тебя Аррен, а меня зовут Ястреб. Расскажи-ка мне о своем путешествии сюда.

— Слишком длинное.

— Ветер не был попутным?

— Да нет, попутный был ветер, просто вести, что я привез сюда, дурные, господин мой.

— Ну так говори, в чем дело, — мрачно сказал Верховный Маг, словно уступая нетерпеливому ребенку, и, пока Аррен рассказывал, не сводил глаз с прозрачного занавеса из водяных струй, что падали сверху в нижнюю часть бассейна; лицо у него при этом было такое, словно он не то чтобы не слушал юношу, но просто слышал значительно больше того, чем тот рассказывал.

— Ты знаешь, господин Ястреб, что отец мой, правитель Энлада, сам имеет отношение к магии, будучи в родстве с Морредом; кроме того, в юности он целый год провел в Школе на острове Рок и приобрел кое-какие знания в этом искусстве. Однако и знаниями этими, и волшебной силой, данной ему от рождения, он пользуется очень редко; все его время поглощают государственные заботы, управление городами, торговля и дипломатия. Суда с Энладских островов плавают главным образом на запад, до самого Западного Предела, где покупают сапфиры, олово и бычьи шкуры. И вот в начале этой зимы один из шкиперов привез в Берилу, столицу нашего государства, такие вести, узнав о которых мой отец тут же послал за этим человеком, чтобы самому послушать его рассказ. — Юноша говорил быстро, он явно учился у образованных,

светских людей и, к счастью, был лишен самонадеянности, столь свойственной юнцам из богатых фамилий. — Шкипер сообщил, что на острове Нарведен, что на западе от нас в двух-трех днях пути и посещается различными судами очень часто, больше нет волшебства. Заклятия не имеют там силы, сказал он, и забыты все волшебные слова. Отец мой спросил его, не потому ли это, что все ведьмы и колдуны, по слухам, покинули этот остров, и шкипер ответил: нет, там еще остались те, кто когда-то мог колдовать, только заклятья им больше не подвластны, даже такие, что помогают починить прохудившийся чайник или отыскать потерянную иголку. И мой отец спросил: огорчены ли жители Нарведена этим? И снова капитан ответил: нет; им, похоже, все равно. И еще, сказал он, они как будто чем-то больны; урожай у них этой осенью был бедным, но им безразлично и это. И еще он сказал — я собственными ушами слышал этот его разговор с моим отцом, повелителем Энлада, — что жители Нарведена похожи на того смертельно больного человека, которому говорят, что жить ему осталось не больше года, а он не верит и продолжает считать, что будет жить вечно. Они ходят, не глядя по сторонам, так сказал шкипер, и живут, не видя, что происходит вокруг них. Когда вернулись другие торговые суда, то их команды рассказывали то же самое: что Нарведен страшно обеднел, что там позабыто магическое искусство. Но все эти истории, однако, касались лишь жизни далекого от Энлада Западного Предела, а истории о дальних землях всегда немножко странные и кажутся выдумкой, так что один только мой отец всерьез задумался над этими вестями. Потом, перед Новым годом, на празднике Ягнят, во время которого жены гуртовщиков приносят в город первых новорожденных ягнят, отец мой призвал волшебника по имени Рут, чтобы тот произнес традиционное заклятье процветания над ягнятами. Но Рут вернулся к нам во дворец совершенно убитый, положил свой посох и сказал: «Мой повелитель, я не могу произнести ни одного заклинания». Отец мой все расспрашивал его, но он лишь отвечал: «Я забыл слова заклятий и правила их сотворения». Тогда отец сам отправился на рыночную площадь, сам сотворил заклятье, и праздник был благополучно завершен. Но я

видел, каким он вернулся во дворец в тот вечер — мрачным как туча и страшно усталым; он тогда сказал мне: «Я произнес нужные слова, но не знаю, имели ли они смысл». И действительно, этой весной стада овец бедствуют, ярки умирают родами, много мертворожденных ягнят, а некоторые из них... уроды. — Бойкая речь юноши как бы утратила связность, голос дрогнул; он поморщился, произнося последнее слово, и судорожно сглотнул. — Я некоторых видел... — прибавил он и замолчал. Потом, справившись с собой, продолжал: — Отец мой полагает, что и этот случай с ягнятами, и рассказы об острове Нарведен свидетельствуют о власти злых сил в нашей части Земноморья. И он жаждет совета Мудрых.

— То, что он послал сюда тебя, уже доказывает серьезность его опасений, — сказал Верховный Маг. — Ты его единственный сын, а путь от Энлада до Рока неблизкий. Ты хочешь еще что-то рассказать?

— Только то, о чем болтают кумушки в горных деревнях Энлада.

— Так о чем же они болтают?

— Что все колдуньи-предсказательницы, гадая по дыму и воде, прочли, что пришла беда; а еще говорят, что ни один любовный напиток не имеет больше силы. Но ведь деревенские колдуньи не обучены настоящему волшебству...

— Предсказание судьбы и изготовление любовного напитка действительно к Высшей Магии не относятся, но старых колдуний стоит послушать. Ну хорошо, вести, которые ты принес, Мастера непременно обсудят. Но я не знаю, Аррен, какой совет они смогут дать твоему отцу. Ибо Энлад — не первый остров, с которого приходят подобные вести.

Путешествие Аррена с северного Энлада на юг, мимо великого острова Хавнор к острову Рок, через все Внутреннее Море, было его первым настоящим путешествием. Лишь за эти последние недели он воочию убедился в существовании иных земель, узнал, что значит расстояние и разнообразие, увидел, что за прекрасными холмами Энлада раскинулся огромный мир, где живет множество различных народов. Он еще не привык мыслить достаточно широко и не сразу понял суть сказанного Верховным Магом.

— Откуда же еще? — спросил он наконец немного

растерянно. Ведь он надеялся незамедлительно доставить домой, в Энлад, рецепт избавления от страшной напасти.

— Во-первых, из Южного Предела. А недавно даже с юга самого Архипелага, с острова Уотхорт. Люди говорят, что волшебство на Уотхорте совсем утратило силу. Вряд ли это так. Эти земли с давних пор славились своей непокорностью и пиратскими нравами, и, как говорится, слушать торговца с юга — все равно что слушать очередного лжеца. И все-таки суть всех историй одна и та же: источники волшебства пересохли.

— Но здесь, на острове Рок...

— Здесь, на острове Рок, мы до сих пор ничего подобного не замечали. Мы здесь защищены от всех бурь, напастей и перемен. Может быть, слишком хорошо защищены. Что ты намерен предпринять?

— Я вернусь на Энлад, когда смогу представить отцу своему хоть какие-то сведения о природе этого несчастья и о том, как от него излечиться.

Верховный Маг снова прямо посмотрел в глаза юноше, и на этот раз Аррен, несмотря на всю свою воспитанность и выучку, не выдержал и отвернулся. Он не знал, почему так происходит: ничего недоброго не было в темных глазах, что смотрели на него. Взгляд волшебника был беспристрастным, спокойным, сочувственным.

В Энладе все смотрели на отца Аррена снизу вверх, а он был настоящим сыном своего отца. Еще никто и никогда не смотрел на него так, видя в нем не принца, сына правителя Энлада, а просто Аррена самого по себе. Не хотелось думать, что он страшится взгляда Верховного Мага, но посмотреть ему прямо в глаза он не мог. Взгляд волшебника, казалось, раздвигал границы окружавшего Аррена мира, на просторах которого не только Энлад становился не слишком значительной величиной, но и сам он, Аррен, невероятно уменьшался, становился крошечной, почти незаметной фигуркой на фоне бесчисленных островных государств, над которыми сгущалась тьма.

Аррен сидел, выщипывая по былинке живой мох, проросший сквозь трещины в мраморных плитах, и вдруг услышал свой собственный голос, который только в последние года два стал похож на голос взрослого мужчины, а сейчас снова звучал ломко и хрипло:

— И я сделаю так, как ты велишь мне.

— Ты подчиняешься своему отцу, а не мне, — возразил Верховный Маг.

Он по-прежнему смотрел прямо на Аррена, и теперь юноша осмелился поднять глаза. Он уже подчинился этому человеку, забыл о собственной гордости и только теперь по-настоящему увидел Верховного Мага: величайшего из волшебников, который заткнул пасть Черного Колодца Фундаура; завоевал Кольцо Эррет-Акбе, сокрытое в Гробницах Атуана, построил глубоко уходящую в землю могучую дамбу близ Неппа; величайшего из мореплавателей, который бороздил моря от Астоуэлла до Селидора; единственного из ныне живущих Повелителей Драконов. И этот человек стоял на коленях у фонтана, невысокий и немолодой, с тихим голосом, с глубокими, словно вечернее небо, глазами.

Аррен поспешно и неловко вскочил на ноги и тут же в полном соответствии с этикетом преклонил перед Магом колена.

— Господин мой, — сказал он, слегка заикаясь, — позволь мне быть твоим слугой!

Вся его самоуверенность улетучилась без следа, лицо вспыхнуло румянцем, голос дрожал.

На бедре у Аррена висел меч в новеньких ножнах из кожи, инкрустированной золотом и красными самоцветами; однако сам меч был очень скромен, с потертой рукоятью и гардой из посеребренной бронзы. Юноша торопливо выдернул меч из ножен и протянул рукоятью к Верховному Магу — как вассал своему сеньору.

Верховный Маг даже не коснулся старинной рукояти. Только посмотрел на нее, потом на самого Аррена.

— Это твой меч, не мой, — сказал он. — И ты никому не слуга.

— Но мой отец сказал, что я, вполне возможно, задержусь на Роке, чтобы научиться понимать природу этого зла и еще, наверно, чтобы познать хоть что-то из Высшего Искусства — я ведь ничего не умею и не думаю, чтобы во мне от природы была какая-то волшебная сила, хотя среди моих далеких предков и были настоящие маги... Если бы я чему-то мог научиться и был бы тебе полезен...

— Твои предки прежде всего были королями, а не волшебниками, — сказал Верховный Маг.

Он встал и молча, решительным шагом приблизился к Аррену, взял его за руку и поднял с колен.

— Благодарю тебя за предложение служить мне, и хоть сейчас я его не принимаю, но все же могу принять — впрочем, лишь после того, как состоится Совет. Предложение, сделанное от чистого сердца, не годится отвергать с легкостью. Как не следует и отвергать предложенный тебе потомком Морреда меч!.. А теперь ступай. Парень, что проводил тебя сюда, позаботится и о том, чтобы ты смог умыться, поесть и отдохнуть. Иди, иди... — И он слегка подтолкнул Аррена в спину между лопатками — фамильярный жест, которого никто до сих пор себе не позволял и которого юный принц никому бы не простил; однако сейчас чувствовал себя так, будто Верховный Маг посвятил его в рыцари.

Аррен всегда был очень живым, любил всяческие игры и развлечения, с удовольствием развивая свое тело и ум; он умело справлялся и с придворными обязанностями и церемониями, хотя ни те, ни другие особой легкостью и простотой не отличались. Но ничему он никогда не предавался всей душой. Все давалось ему легко, и он ко всему относился легко, поверхностно; дела представлялись ему игрой, в которую он с удовольствием играл. Но теперь были потревожены самые глубины его души, и разбужены они были не игрой и не мечтой, но мыслями о чести и опасности, человеческой мудростью, покрытым шрамами лицом, тихим голосом и той темнокожей рукой, что сжимала, нимало не заботясь о заключенной в нем силе, тисовый посох, на самом верху которого серебром по черному дереву была начертана Утраченная Руна Королей.

Вот так, неожиданно, и делаешь ты первый шаг из своего детства, делаешь его без оглядки, без излишних размышлений, ничего не храня про запас.

Позабыв о придворном этикете, Аррен коротко простился с Верховным Магом и поспешил прочь, неуклюжий, сияющий, покорный. А Гед, Верховный Маг Земноморья, стоял и смотрел ему вслед.

Он некоторое время постоял под ясенем у фонтана, потом поднял лицо к залитому солнцем небу.

— Добрый посланник, да вести дурные, — пробормотал он себе под нос, обращаясь как бы к фонтану. Фонтан, впрочем, его не слушал, а серебряным голоском продолжал напевать что-то свое, и Гед еще немного внимал его песне. Потом подошел к дверце, которую Аррен не заметил и которую, по правде сказать, заметили бы очень и очень немногие, если бы даже очень близко подошли к ней, и окликнул:

— Мастер Привратник!

Появился человечек без возраста. Молод он не был, так что его, пожалуй, следовало бы назвать пожилым, однако слово это ему не шло. У него было сухое, цвета слоновой кости лицо и приятная улыбка, от которой на щеках пролегли две длинные складки.

— В чем дело, Гед? — спросил он, назвав Верховного Мага его подлинным именем, поскольку они были одни. Привратник был одним из тех семи человек, что знали это имя. Известно оно было также Мастеру Ономатету с острова Рок; Огиону Молчаливому, волшебнику из Ре Альби, который много лет тому назад на горе Гонт дал Верховному Магу его подлинное имя; Белой Даме с острова Гонт — Тенар Владеющей Кольцом; самому обыкновенному волшебнику с острова Иффиш по прозвищу Ветч и еще одной женщине с того же острова — Ярроу, жене плотника и матери трех дочерей, что понятия не имела о магии, но владела иной мудростью. Кроме того, на противоположном конце Земноморья, на самом краю дальнего Западного Предела знали это имя два дракона: Орм Эмбар и Калессин.

— Сегодня вечером нам следует всем собраться на Совет, — сказал Гед. — Я схожу к Мастеру Путеводителю. И пошлю кого-нибудь к Курремкармерруку, чтобы он на время отложил свои бесконечные списки и дал ученикам отдохнуть вечерок, а сам поприсутствовал на Большом Совете — хотя бы и не во плоти. Может быть, ты позаботишься о том, чтобы пришли остальные?

— Непременно, — сказал, улыбаясь, Привратник и тут же исчез; исчез и сам Верховный Маг; и фонтан продолжал напевать что-то уже только для себя — свежая, чистая, неиссякающая струя в золотистом свете ранней весны.

Чаще всего Имманентную Рощу можно было увидеть с запада или с юга от Большого Дома. На картах она не отмечена, и пути к ней не существует ни для кого, за исключением тех немногих, кому открыт этот путь. Но ви-

деть ее могут даже новички из Школы, и простые горожане, и фермеры, однако всегда как бы в отдалении — небольшой лесок, где листья высоких деревьев отсвечивают золотом даже среди буйной весенней зелени. И еще людям — ученикам Школы, горожанам и фермерам — кажется, что Роща каким-то загадочным образом движется по кругу. Однако это ошибка: движется не Роща, ибо корни ее — это корни самого бытия, а как раз все то, что Рощу окружает.

Гед шел от Большого Дома прямо через поля. Он скинул свой белый плащ, потому что полуденное солнце палило вовсю. Какой-то крестьянин, пахавший поле на коричневом склоне Холма Рок, поднял руку, приветствуя Верховного Мага, и тот махнул ему в ответ. Из-под ног с писком и щебетом вспархивали маленькие пташки. Всюду зацветал горицвет, особенно в канавах и по краю дороги. В вышине чертил дугу по сини небес ястреб. Гед взглянул вверх и снова приветственно поднял руку. Камнем, стрелой, шелестя перьями на ветру, ястреб упал с неба и уселся точно на подставленное запястье, сжав его желтоватыми когтями. Это был не ястреб даже, а крупный сапсан, что водится на острове Рок, с бело-коричневым опереним, большой любитель рыбной ловли. Он искоса посматривал на Геда круглым золотисто-коричневым глазом, потом щелкнул клювом и уставился прямо в глаза человеку обоими своими глазищами.

— Бесстрашный, — сказал ему человек на Языке Созидания, — бесстрашный.

Птица захлопала огромными крыльями и еще плотнее сжала когти на запястье Геда, глядя ему в глаза.

— Ну ладно, ступай, брат мой бесстрашный.

Тот фермер, что пахал на склоне Холма, остановился и смотрел на них. Однажды прошлой осенью он видел, как Верховный Маг точно так же посадил дикую птицу себе на запястье, а уже через мгновение не было ни птицы, ни человека — только в вышине в потоках ветра кружили два сокола.

На этот раз, однако, они расстались: птица взлетела в небесную высь, а человек пошел дальше по не просохшим еще полям.

Гед вышел точно на ту тропу, что вела в Имманентную Рощу, — тропа эта всегда была абсолютно прямой

вне зависимости от того, по какой кривой обращалось вокруг нее время и сам мир, — и вскоре вошел под сень волшебных деревьев.

Некоторые стволы были поистине огромны. Глядя на них, действительно можно было предположить, что Роща оставалась неизменной со дня сотворения мира: стволы напоминали древние памятники, старинные башни, седые от старости; корни этих деревьев были столь же глубоки, как корни гор. И все же огромные деревья не были бессмертны; самые старые из них почти совсем лишились листьев и были украшены мертвыми, сухими ветвями. Меж этих гигантов росла молодь — высокие, полные сил деревья с пышными кронами и множеством стручков с семенами; стручки были длиной с ребенка.

Земля под деревьями была мягкой, плодородной — на нее многие годы падала слоями и перепревала листва. На этой благодатной почве росли папоротники и разные лесные травы, однако деревьев других пород в Роще не было — только эти, старинные, не имеющие названия на современном ардическом языке Земноморья. Под кронами их воздух был свеж и пáхнул землей, оставляя во рту вкус родниковой воды.

На поляне, образовавшейся много лет тому назад, когда упало одно из деревьев-великанов, Гед встретил Мастéра Путеводителя, котóрый жил прямо в Роще и очень редко, почти никогда не выходил за ее пределы. Волосы его были желты, как масло; он не был уроженцем Архипелага. После того как Кольцо Эррет-Акбе вновь стало целым, варвары с Каргадских островов прекратили свои грабительские войны и принялись заключать сделки и договоры с торговцами Внутренних Земель. Они по натуре не были миролюбивы и по-прежнему держались замкнуто, но время от времени то молодой каргадский воин, то сын каргадского купца по собственной воле являлся на один из западных островов, влекомый любовью к приключениям или мечтая выучиться волшебству. Таким был и Мастер Путеводитель лет десять тому назад — молодой дикарь родом с Карего-Ат с мечом на поясе и красными перьями на шлеме; он прибыл на Рок дождливым утром и без лишних слов заявил Привратнику, ужасно коверкая здешний язык: «Я пришел учиться!» И вот теперь он стоял в золотисто-зеленом свете под деревьями Рощи, высо-

кий мужчина с длинными светлыми волосами и странными ясными зелеными глазами — Мастер Путеводитель Земноморья.

Возможно, он тоже знал подлинное имя Геда, но даже если это было и так, ни разу не произнес его. Они лишь кивнули друг другу в знак приветствия.

— За кем это ты наблюдаешь? — поинтересовался Верховный Маг, и Мастер Путеводитель ответил:

— За пауком.

На поляне между двумя высокими стеблями осоки паук сплел свою паутину — изящную кружевную сеть округлой формы. Серебряные нити переливались в солнечном свете. В самом центре паутины поместился ткач — серо-черное существо не больше зрачка.

— Тоже ведь настоящий мастер — хорошо знает свой путь, — сказал Гед, изучая искусно сплетенную сеть.

— А в чем здесь зло? — спросил более молодой Маг.

Круглая сеть с черной точкой в сердцевине, казалось, наблюдала за ними обоими.

— Зло в тех сетях, что плетем мы, люди, — ответил Гед.

В этом лесу не пели птицы. В полуденные эти часы он был полон молчания, пронизанного солнцем и зноем. Вокруг высились деревья и лежали полосы теней.

— Пришло известие с Нарведена и Энлада: то же самое.

— Сначала юг и юго-запад. Теперь север и северо-запад, — пробормотал Путеводитель, не отрывая глаз от округлой паутины.

— Сегодня вечером мы придем сюда. Это самое лучшее место для Совета.

— Что до меня, то мне посоветовать нечего. — Теперь Путеводитель смотрел прямо на Геда, и его зеленые глаза были холодны. — Я боюсь, — прибавил он. — Кругом страх. Страх поселился даже в корнях.

— О да, — согласился Гед. — По-моему, нам придется добираться до самых истоков. Мы слишком долго позволяли себе греться на солнышке, слишком долго наслаждались покоем после восстановления Кольца, занимаясь мелочами, ловя рыбку на мелководье. Сегодня мы должны заглянуть в глубины. — Сказав это, он оставил Путеводителя одного; тот по-прежнему не сводил глаз с паутины в весенней траве.

На опушке Рощи, где листья волшебных деревьев-великанов касались уже самой обыкновенной травы, Гед сел на землю, прислонившись спиной к могучему корню и положив посох на колени. Он закрыл глаза, словно отдыхая, и послал свою душу в полет над холмами и полями к северной оконечности острова Рок, на исхлестанный морскими валами мыс, где высилась Одинокая Башня.

— Курремкармеррук, — окликнул Гед Мастера Ономатета, и тот, подняв голову от толстенной книги с именами корней, стеблей, листьев, семян и лепестков, которые перечислял своим ученикам, отозвался:

— Я здесь, господин мой.

Потом он стоял и слушал кого-то невидимого, высокий худой старик, с наброшенным на седые волосы капюшоном, а студенты за столами во все глаза смотрели на него и изумленно переглядывались.

— Я приду, — сказал наконец Курремкармеррук и снова склонил голову к своей книге, забормотав: — Теперь пойдем дальше. Этот лепесток травы моли носит имя Йебера, а чашелистик ее — имя Партонатх, а стебель, листья и корень имеют свои собственные имена, каждый в отдельности...

Но тут сидевший под деревом Имманентной Рощи Гед призвал свою душу обратно — он и так знал все имена, принадлежащие траве моли. Поудобнее вытянув ноги и плотно закрыв глаза, он быстро уснул в пятнистой тени волшебных деревьев.

2

МАСТЕРА ОСТРОВА РОК

На острове Рок существует Школа Волшебников, куда со всех островов Внутреннего Моря посылают мальчиков, проявивших способности к занятиям магией, чтобы там они познали Высшие Искусства. В Школе они овладевают различными уровнями мастерства, изучая подлинные имена, старинные руны, всяческие науки и разные способы наложения заклятий, а также то, что следует и чего не следует делать магу и почему. После долгих лет ученья, если руки их, ум и душа начинают наконец дейст-

вовать во взаимосвязи друг с другом, они могут получить звание волшебника и обрести могущественный посох. Настоящими волшебниками становятся только на острове Рок; но поскольку обычные колдуны и ведьмы есть на всех островах Земноморья, а колдовство порой не менее полезно людям, чем хлеб насущный, и не менее приятно, чем звуки музыки, то Школа Волшебников жителями Земноморья почитается особо. Девять Магов, Мастеров Школы, считаются равными великим правителям Архипелага. Хранитель острова Рок, глава Мастеров и Верховный Маг Земноморья не обязан отчитываться ни перед кем, за исключением Короля Всех Островов, но и это лишь проявление уважения к своему правителю, скорее веление сердца, ибо даже Король не может заставить столь великого Мага подчиняться обычным законам. Но даже в те давние времена, когда не существовало еще подлинных Королей, Верховные Маги подчинялись правителям и соблюдали общепринятые законы, как и все остальные жители Земноморья. На острове Рок всегда все оставалось так, как было устроено много-много столетий тому назад; остров этот казался местом, хранимым от любых бед, и всегда в гулких коридорах Большого Дома слышался смех мальчиков-учеников.

Провожатый Аррена, плотно сбитый юноша в плаще, перехваченном у горла серебряной пряжкой в знак того, что он прошел обряд посвящения, получил звание колдуна и теперь учится дальше, чтобы стать настоящим волшебником и обрести свой посох, сказал, что его зовут Гэмбл, что значит «риск».

— Это потому, — пояснил он, — что мои родители, у которых уже было шесть дочерей, родили седьмого ребенка, чтобы, как сказал отец, рискнуть и испытать судьбу еще разок.

Это был приятный спутник, сообразительный и скорый на язык. В иное время Аррен наслаждался бы его шутками, но сегодня душа его была слишком переполнена впечатлениями, и он почти не обращал на своего нового приятеля внимания. Гэмбл, чувствуя себя уязвленным, заливался соловьем: сначала рассказывал рассеянно слушавшему его Аррену о странных происшествиях в Школе Волшебников, потом перешел к откровенным небылицам, однако на все Аррен отвечал одинаково: «Да-да, понятно», так что в конце концов Гэмбл решил, что этот княжеский сынок — полный идиот.

— Разумеется, еду́ здесь никто не готовит, — вещал Гэмбл, показывая Аррену огромную каменную кухню, сверкающую блеском медных котлов и кастрюль, наполненную стуком огромных кухонных ножей и пропахшую едким запахом лука. — Это все просто для видимости. Мы приходим в трапезную, и каждый наколдовывает себе то, что ему больше нравится. К тому же и посуду мыть не надо.

— Да-да, понятно, — вежливо откликнулся Аррен.

— Ну и, конечно, новички, которым заклятия пока не даются, на первых порах сильно худеют; они стараются учиться побыстрее, чтобы не голодать. Тут есть один парень из Хавнора, так он все пробует себе жареного цыпленка наколдовать, а получается одна просяная каша. Не выходит — и все тут. Каша да каша. Правда, вчера он в придачу к ней получил еще вяленую треску.

Гэмбл совсем уж заврался, пытаясь привлечь внимание гостя или хотя бы вызвать его недоверие. Однако в конце концов сдался и умолк.

— А откуда... с какого острова прибыл сюда Верховный Маг? — спросил его Аррен, даже внимания не обратив на великолепную резьбу, покрывавшую стены и сводчатый потолок величественной галереи, по которой они шли. Там изображено было Древо Жизни с тысячью листьев.

— Он с Гонта, — сказал Гэмбл. — Коз в деревне пас.

— Он пас коз?

— Ну да, в основном все гонтийцы этим занимаются, если не становятся колдунами или пиратами. Я же не говорю, что он каким был, таким и остался, знаешь ли!

— Но каким же образом пастух может стать Верховным Магом?

— Точно так же, как и князь или княжеский сынок! Приехал на Рок, превзошел в науках всех Мастеров, потом выкрал Кольцо с острова Атуан, побывал на островах Драконьи Бега, а со временем стал величайшим магом Земноморья со времен Эррет-Акбе. А ты что думал?

Они вышли с галереи через северные ворота. Над словно зеленым мхом покрытыми холмами, над крышами го-

рода Твил, над заливом плыл теплый летний полдень. Юноши остановились и наконец поговорили как следует.

— Конечно, все это случилось уже давно, — сказал Гэмбл. — Он ничего особенного не совершил с тех пор, как стал Верховным Магом. Все они так. По-моему, Верховные Маги просто должны все время находиться на острове Рок и следить за Мировым Равновесием. Да ведь он уже и старый к тому же.

— Старый? Сколько же ему лет?

— Ну, там сорок или пятьдесят.

— А ты его видел?

— Конечно, видел! — резко ответил Гэмбл. Этот княжеский сынок оказался не только идиотом, но и порядочным задавалой.

— Часто?

— Нет. Он сторонится людей. Но когда я в первый раз прибыл на Рок, то видел его во дворе у фонтана.

— Я с ним говорил там сегодня, — промолвил Аррен. Тон, каким он произнес эти слова, заставил Гэмбла внимательно посмотреть на собеседника и ответить более полно.

— С тех пор три года прошло. Я, конечно, тогда совсем мальчишкой был и так испугался, что как следует его и не рассмотрел. Там ведь, у фонтана, и не поймешь сразу, кто какой на самом деле. Лучше всего я помню его голос и еще журчание воды. — Он помолчал минутку и добавил: — А еще по говору сразу ясно, что он с Гонта.

— Если бы я мог разговаривать с драконами на их языке, — сказал Аррен, — мне было бы все равно, какой у меня говор.

Тут Гэмбл глянул на него весьма одобрительно и спросил:

— А ты, принц, что, приехал в Школу поступать?

— Нет. Я привез послание Верховному Магу.

— Энлад ведь когда-то входил в состав Королевства, да?

— Да. Энлад, Илиен и Уэй. И когда-то еще Хавнор и Эа, но потомки Великих Королей на этих островах вымерли. На Илиене, например, их родословная восходит к Гемалю Морем Рожденному и Махариону. На Уэе — к Акамбару и Шелитху. На Энладе самый древний королевский род, основанный Морредом и его сыном Сериадхом. Ими построен Дворец Энлада.

Аррен рассказывал это с мечтательным видом школьника, который знает урок назубок, но думает совсем о другом.

— Как, по-твоему, успеем ли хоть мы увидеть на своем веку нового Короля в Хавноре?

— Я никогда об этом не думал.

— А у нас, на острове Арк, частенько об этом думают. Сейчас мы входим в состав княжества Илиен — с тех пор, как был восстановлен мир. Не помнишь, когда это случилось? Где-то лет семнадцать-восемнадцать назад, когда Кольцо с Королевской Руной было возвращено в Башню Королей на Хавноре. Тогда некоторое время дела всюду пошли хорошо, зато теперь — хуже некуда. Пора, пора уже настоящему Королю воцариться на троне Земноморья и править под Знаком Мира. Люди устали от войн, от пиратских налетов, от жадных купцов, от князей, что дерут с подданных по три шкуры, от раздоров между правителями. Здешние Мудрецы могут наставить на путь истинный, но править миром они не могут. Их забота — Мировое Равновесие, а власть должна стать заботой истинного Короля.

Гэмбл говорил искренне, с воодушевлением, забыв все свои шуточки и вранье, и в конце концов воодушевился и Аррен.

— Энлад страна богатая и миролюбивая, — медленно проговорил он. — Мы никогда не участвовали в междуусобицах. Однако знаем о бедах, постигших иные земли. Впрочем, на троне Хавнора вот уже восемьсот лет — со дня смерти Махариона — не было ни одного Короля. Примут ли государства нового Правителя, подчинятся ли ему?

— Если он будет достаточно силен и взойдет на трон с мирными намерениями, если Рок и Хавнор признают его притязания справедливыми.

— А ведь было еще пророчество, которое непременно должно свершиться, не правда ли? Махарион сказал, что следующий Король должен быть магом.

— Наш Мастер Регент сам родом с Хавнора и очень этим пророчеством интересуется. Он вот уже три года вдалбливает в наши головы слова Махариона: «Тот унаследует мой трон, кто живым пройдет по темному царству смерти и выйдет к дальнему берегу дня».

— Вот потому-то он и должен быть магом.

— Да, ибо только волшебнику или великому магу дано побывать в стране мертвых и вернуться обратно. Но всю ее из конца в конец даже они пройти не могут. Во всяком случае, они всегда говорят о ней так, словно граница у нее только с одной стороны, а конца вообще нет. Что же в таком случае значат эти слова: «дальний берег дня»? Однако таково пророчество Последнего Короля, и непременно когда-нибудь родится тот, кто выполнит его завет. И тогда остров Рок признáет его, и все флоты, армии и все народы станут ему служить. И снова в Башне на острове Хавнор — в самом сердце нашего мира — воцарится настоящий Король. Я бы и сам преклонил перед ним колена и служил бы ему верой и правдой, — сказал Гэмбл, пожал плечами и засмеялся, чтобы Аррен не подумал, что он слишком расчувствовался. Но Аррен смотрел на него дружелюбно и думал: «Он был бы так же предан настоящему Королю, как я Верховному Магу». Вслух же он сказал:

— Любому королю понадобятся такие верные помощники, как ты.

Так они и стояли, каждый думая о своем, но чувствуя дружеское расположение друг к другу, когда у них за спиной в Большом Доме прозвучал колокол.

— Ага! — сказал Гэмбл. — Сегодня на ужин чечевица и луковый суп. Пошли!

— Я думал... ты же говорил, что здесь никто еду не готовит, — растерянно сказал Аррен, следуя за ним.

— А, ну иногда бывает... по ошибке...

Никакого волшебства на ужин не было, зато было много вкусной еды. Наевшись, они снова отправились бродить по холмам, где над полями уже повисли мягкие вечерние сумерки.

— Вот это знаменитый Холм острова Рок, — сказал Гэмбл, когда они начали взбираться на округлую гору. По ногам хлестала покрытая росой трава, внизу на болотистых берегах речки Твилберн хором заливались лягушки, приветствуя первые теплые деньки и все более короткие звездные ночи.

Здесь все, казалось, было окутано тайной. Гэмбл сказал тихонько:

— Этот Холм первым поднялся из вод морских, когда было произнесено Слово Созидания.

— И он последним скроется в них, когда придет всеобщее разрушение, — сказал Аррен.

— Значит, это самое безопасное место в мире, — сказал Гэмбл, стараясь избавиться от неожиданно овладевшей им робости, и тут же, вновь оробев, воскликнул: — Смотри! Роща!

К югу от Холма среди полей что-то ярко светилось, словно там всходила полная луна. Однако настоящий тонкий месяц давно уже висел на западном краю небосклона, а в том сиянии, что разливалось на юге, было что-то неверное, странное, свет мерцал и трепетал, словно листва деревьев под ветром.

— Что это?

— Это светится Имманентная Роща; там, должно быть, собрались Мастера. Говорят, она светится вот так, словно луна, когда они собираются на Большой Совет, скажем, чтобы выбрать Верховного Мага — как пять лет назад. Но зачем они собрались сегодня? Не ради ли новостей, которые ты привез?

— Возможно, — ответил Аррен.

Гэмбл страшно разволновался, забеспокоился и решил вернуться в Большой Дом, чтобы узнать, какие слухи ходят там насчет сегодняшнего Совета Мастеров. Аррен пошел за ним следом, постоянно оглядываясь и не в силах оторвать взгляд от волшебного сияния, пока оно не скрылось за склоном Холма и на небе не остался один лишь настоящий месяц да весенние звезды.

Спать его уложили в отдельной комнатке-келье с каменными стенами. Аррен лежал в полной темноте с открытыми глазами без сна. Всю свою жизнь он спал на роскошной постели, под мягкими шерстяными одеялами; даже на той двадцативесельной галере, что привезла его сюда с Энлада, удобств было куда больше, чем здесь, где ему полагался лишь соломенный тюфяк на голом каменном полу да рваное войлочное одеяло. Но ничего этого он, похоже, не замечал. «Я нахожусь в самом центре нашего мира, — думал он. — Великие Мастера сейчас советуются в том священном месте. Что-то они предпримут? Соткут новое волшебство, способное спасти древнее искусство магии? Может ли статься, что волшебство в

нашем мире погибнет? Существует ли опасность, способная угрожать даже острову Рок? Я непременно останусь здесь. Не поеду домой. Я скорее попрошусь в подметальщики в Школе Волшебников, чем снова стану лишь наследником Энлада. Позволит ли ОН мне остаться в качестве ученика? Но, может быть, никого больше уже и не будут учить искусству магии? Не станут изучать подлинные имена вещей? У моего отца врожденный волшебный дар, а у меня его нет; может быть, это потому, что волшебство в нашем мире действительно вымирает? И все-таки я останусь с НИМ рядом, даже если ОН утратит все свое могущество и искусство. Даже если я никогда больше ЕГО не увижу. Даже если ОН никогда больше не скажет мне ни слова...» Такое даже представить себе было слишком тяжело, и Аррен постарался как бы проскочить в мыслях мимо столь неприятной темы; уже через минуту он снова увидел себя в том самом дворике, под ясенем, лицом к лицу с Верховным Магом, и небеса над головой были черны, и на дереве не было ни листочка, и молчал фонтан, а сам Аррен говорил: «Господин мой, буря прямо над нами, но я останусь с тобой и буду верно тебе служить» — и Верховный Маг улыбался ему... Но тут юноше не хватило воображения, ибо он пока еще не видел улыбки на этом темнокожем лице.

Утром Аррен встал с ощущением, что со вчерашнего вечера успел превратиться из мальчишки в мужчину. Он был готов ко всему. Однако уже утренние новости застали его врасплох.

— Верховный Маг хочет поговорить с тобой, принц Аррен, — сообщил ему, приоткрыв дверь, мальчишка-новичок, подождал чуть-чуть и умчался, прежде чем Аррен успел собраться с мыслями и ответить.

Юноша спустился по винтовой лестнице в нижние этажи башни, не представляя, как ему попасть по бесконечным каменным коридорам к дворику с фонтаном. Однако в коридоре его поджидал тот пожилой человек с широкой улыбкой, от которой две глубокие складки пролегли на его щеках от крыльев носа до подбородка. Это он встретил его вчера у ворот Большого Дома, когда Аррен поднялся от гавани по улочкам Твила; тот самый, что потребовал, чтобы юноша назвал свое подлинное имя, прежде чем впустил его.

— Пойдем-ка со мной, — сказал Аррену Мастер Привратник.

Залы и переходы в этой части здания были тихи и пустынны, сюда не долетал вечный шум и гам, оживлявший остальную часть Большого Дома, где царили юные ученики. Здесь явственно ощущался возраст старинных каменных стен. Волшебство, которым скреплены были эти древние камни, которое защищало здешних обитателей от любых бед, казалось, можно было пощупать. На каменных плитах через определенные промежутки были вырезаны руны. Резьба была очень глубокой. Некоторые знаки написаны серебром. Ардические руны Аррен научился различать благодаря урокам отца, однако ни одной из этих древних рун он не знал, хотя смысл некоторых, казалось, почти угадывал или, может быть, когда-то знал, только сейчас никак не мог вспомнить.

— Вот, парень, ты и пришел, — сказал ему Привратник, которому любые титулы были глубоко безразличны. Аррен следом за ним вошел в длинную с низким сводчатым потолком комнату, где на одном конце в камине горел огонь и языки пламени играли на блестящем дубовом полу, а на противоположной стене стрельчатые окна пропускали совсем немного света, занавешенные серым утренним туманом. Перед камином стояла группа людей. Все посмотрели на Аррена, едва тот вошел, однако сам он видел одного лишь Верховного Мага. Юноша остановился, поклонился и застыл в молчании.

— Это Мастера нашей Школы, Аррен, — сказал Верховный Маг, — здесь семеро из девяти. Мастер Путеводитель никогда не покидает свою Рощу, а Мастер Ономатет уже отбыл в Одинокую Башню, что в двух днях пути отсюда к северу. Все они знают, зачем ты прибыл сюда. Друзья, это потомок Морреда.

При этих словах ни капли гордости не почувствовал Аррен в душе своей — скорее ужас. Он гордился своими предками, но думал о себе только как о наследнике княжеского рода, одном из разветвленного клана. Морред, основатель клана правителей Энлада, умер две тысячи лет тому назад. Деяния его были воспеты в легендах и не принадлежали миру сегодняшнему. С тем же успехом Верховный Маг мог назвать его потомком героя мифа, сыном мечты.

Юноша не осмеливался поднять глаза на восьмерых волшебников. Он уставился в окованный железом конец волшебного посоха Верховного Мага и слушал, как в ушах звенит кровь.

— Пойдем, позавтракаешь вместе с нами, — сказал ему Верховный Маг и пригласил всех к столу, накрытому у окна. На столе было молоко и горькое пиво, хлеб, свежее масло и сыр. Аррен сел вместе со всеми и принялся за еду.

Ему много раз с самого детства приходилось бывать в обществе знатнейших людей, правителей государств, богатых купцов. Дворец его отца в Бериле был полон ими — этими людьми, которые, и без того много имея, все время что-то покупали и продавали, прибирая к рукам все, до чего могли дотянуться. Все они много ели, и пили много вина, и много говорили, добиваясь чего-то для себя самих. Несмотря на юный возраст, Аррен научился кое-что понимать в поведении людей, в их пороках и пристрастиях. Но никогда не приходилось ему бывать в обществе таких людей, как эти Мастера. Они ели простой хлеб, говорили мало, лица их были спокойны. Если же они чего-то и добивались, то не для себя. И тем не менее то были люди, обладавшие огромным могуществом: это Аррен тоже почувствовал сразу.

Ястреб, Верховный Маг Земноморья, сидел во главе стола и, казалось, внимательно слушал то, что говорили другие, однако вокруг него как бы висело непроницаемое облако тишины и прямо к нему не обращался никто. Аррен также был предоставлен самому себе, так что у него хватило времени, чтобы прийти в себя. Слева от него сидел Мастер Привратник, а справа — седовласый человек с очень добрым лицом, который наконец обратился к нему:

— Мы ведь земляки, принц Аррен. Я родился в восточном Энладе, близ леса Аол.

— Мне приходилось охотиться в этом лесу, — ответил Аррен, и они немножко поговорили о лесах и городах Энлада, Острова Легенд. Вспомнив родной дом, Аррен немного успокоился.

Когда трапеза была закончена, они перешли к камину; одни сели, другие остались стоять, и все молчали.

— Вчера вечером, — сказал Верховный Маг, — мы собирались на Совет. Долго говорили, но так и не пришли

ни к какому решению. Я бы хотел сегодня, при свете дня, услышать, поддерживаете ли вы вчерашний план или отвергаете его.

— То, что мы не пришли ни к какому решению, — сказал Мастер Травник, плотный темнокожий человек со спокойными глазами, — уже само по себе что-то значит. Путь открывается всегда в Роще, однако мы его не нашли, нам помешали разногласия.

— Только потому, что об этом пути мы не имеем ясного представления, — уточнил седовласый уроженец Энлада, Мастер Метаморфоз. — Мы просто знаем слишком мало. Слухи с острова Уотхорт, вести из Энлада... Странные вести, которые заслуживают большего внимания... Однако для серьезных опасностей пока оснований мало. Во всяком случае, нашему могуществу ничто не угрожает из-за того лишь, что несколько колдунов позабыли слова заклинаний.

— Вот и я то же самое говорю, — подхватил худой востроглазый Мастер Ветродуй. — Разве не сильны мы попрежнему? Разве перестали расти в Роще деревья? Разве не распускаются на них новые листья? Так стоит ли бояться того, что может быть утрачено искусство магии — самое древнее из известных человеку искусств?

— Ни один человек, — басом сказал Мастер Заклинатель, высокий, моложавый, с темнокожим благородным лицом, — ни один человек и никакая сила не могут остановить действие волшебства или произнесенного заклятья. Ибо слова наших заклятий принадлежат Истинной Речи, и тот, кто заставит их молчать, сумеет разрушить весь мир.

— О да, и тот, кто способен сделать такое, вряд ли находится на острове Нарведен или Уотхорт, — сказал Метаморфоз. — Скорее он поспешил бы сюда, на остров Рок, к воротам Школы: тогда конец света не заставил бы себя долго ждать! Однако пока положение дел иное.

— И все-таки неладно что-то в нашем мире, — вступил в разговор еще один из Мастеров, и все обернулись к нему. С широкой грудью, крепкий как дубовый бочонок, сидел он у огня, и голос его звучал спокойно и уверенно, подобный звону большого колокола. Это был Мастер Регент. — Где тот Король, что должен править в Хавноре? Остров Рок — отнюдь не центр Вселенной. А центр Зем-

номорья — та белая башня, где вместо шпиля меч Эррет-Акбе. В ней возвышается трон Серриадха, Акамбара, Махариона. Восемь веков пустует сердце нашего мира! Есть у нас королевская корона, да нет Короля, что надел бы ее. Есть у нас Утраченная Руна, Королевская Руна, Знак Мира, возвращенный нам, да только есть ли у нас мир? Пусть на своем троне воцарится настоящий Король, тогда воцарится и мир в Земноморье, тогда даже в самых дальних Пределах колдуны спокойно вернутся к своим занятиям, тогда восстановится порядок, тогда всему будет свое время.

— Да, верно, — сказал Мастер Ловкая Рука, стройный быстрый человек, сдержанный, с ясными внимательными глазами. — Я согласен с тобой, Регент. Разве удивительно, что волшебство теряет силу, когда порядок нарушен повсеместно? Если разбрелось все стадо, то что же нашей черной овечке оставаться на привязи?

При этих словах Привратник рассмеялся, но ничего не сказал.

— Значит, — начал Верховный Маг, — всем вам кажется, что ничего особенно страшного в мире не происходит; а если что-то и происходит, то причина лишь в том, что земли наши не имеют достойного правителя, а при имеющихся негодных правителях все искусства и тонкие ремесла гибнут в небрежении. С этим я в известной степени согласен. Действительно, на юге Земноморья нормальной торговли практически не существует, суда плавают туда все реже, и мы вынуждены питаться лишь слухами об этих краях. А что нам известно о западе — за исключением вестей с острова Нарведен? Если бы суда спокойно пускались в далекое плавание и возвращались без опаски обратно, как бывало раньше, и если бы острова Земноморья были постоянно и прочно связаны между собой, мы, разумеется, знали бы, что происходит в самых дальних уголках нашего мира, и могли бы действовать по обстоятельствам. И, по-моему, нам уже пора начинать действовать! Ибо, друзья мои, если правитель Энлада сообщает нам, что, творя заклятье, произнес вслух слова Истинной Речи, не понимая их смысла, если Мастер Путеводитель говорит, что страх таится в самых корнях, и не прибавляет больше ни слова, то разве это не

достаточные поводы для беспокойства? Буря всегда начинается с небольшого облачка на горизонте.

— Ты всегда зло за версту чуешь, Ястребок. С самого детства, — сказал Мастер Привратник. — Скажи, что, по-твоему, в нашем мире неладно?

— Не знаю. Иссякают запасы энергии. Словно все стремительно распадается и нужно срочно что-то менять... Солнце уже не светит так ярко, как прежде. Я чувствую, друзья мои... что мы сидим здесь и разговариваем, не замечая, что смертельно ранены, и пока длится наша бесконечная беседа, кровь потихоньку вытекает из ран, и мы слабеем, слабеем...

— И ты, конечно, готов немедленно вскочить и начать действовать?

— Конечно.

— Что ж, — сказал Привратник, — разве могут совы помешать ястребу летать?

— Но куда бы хотел ты направиться? — спросил Метаморфоз, и ему ответил Регент:

— На поиски настоящего Короля, разумеется, чтобы вернуть его на наш трон.

Верховный Маг остро глянул на Регента, но сказал лишь:

— Я пойду туда, где кроется несчастье.

— То есть на юг или на запад, — уточнил Мастер Ветродуй.

— А также — на север или на восток, если понадобится, — прибавил Мастер Привратник.

— Но ты нужен здесь, господин мой, — сказал Метаморфоз. — Может быть, вместо того, чтобы бродить в поисках неведомого по неведомым путям среди недружелюбных народов, мудрее было бы остаться здесь, где магия обладает прежней силой, и с помощью нашего искусства понять природу этого зла, разрушающего Миропорядок?

— Искусство мое останется при мне, — сказал Верховный Маг. Что-то в его голосе было такое, что заставило всех посмотреть на него трезво и печально. — Я — Хранитель острова Рок. Мне нелегко его покинуть. Я бы очень хотел, чтобы мы были единодушны на нашем последнем Совете, но, видно, не суждено. Вот мое окончательное решение: я должен отправляться в путь.

— И твоему решению мы, конечно, уступаем, — сказал Мастер Заклинатель.

— Но я пойду один. Вы составляете Совет Мудрецов, он не должен быть нарушен. Впрочем, одного человека я возьму с собой. Если он согласится. — Маг посмотрел на Аррена. — Вчера ты предложил мне свою службу. И вчера вечером Мастер Путеводитель сказал: «Никогда никто не приплывает к берегам острова Рок случайно. Не случайно гонцом сюда явился потомок Морреда». И больше за всю ночь не сказал он нам ни слова. А потому я спрашиваю тебя, Аррен: пойдешь ли ты со мной?

— Да, господин мой, — ответил Аррен пересохшим ртом.

— Князь, отец твой, разумеется, никогда не разрешил бы тебе отправиться в столь опасное путешествие, — сказал ему Метаморфоз, пожалуй, резковато, потом обернулся к Верховному Магу. — Этот мальчик еще слишком юн и совсем не обучен волшебству.

— Моих лет и ведомых мне заклинаний хватит на нас обоих, — сухо откликнулся Ястреб. — Аррен, что скажет твой отец?

— Отец, конечно, отпустил бы меня.

— Как можешь ты это знать? — спросил Заклинатель.

Аррен не понимал, ни куда требовалось ехать, ни когда, ни зачем. Он был совершенно сбит с толку, подавлен присутствием этих мрачных, благородных, невыносимых людей. Если бы у него хватило времени подумать, он, по всей вероятности, вообще ничего не смог бы ответить. Но времени подумать у него не было, а Верховный Маг спрашивал: «Пойдешь ли ты со мной?»

— Посылая меня сюда, мой отец сказал мне: «Боюсь, наш мир накрывает черная страшная туча. А потому моим гонцом будешь именно ты: ты сам сможешь разобраться, просить ли нам помощи у Острова Мудрых в эту тяжелую пору, или самим предложить им помощь Энлада». Так что если кому-то здесь нужна моя помощь, то я для того сюда и приехал.

И тут он увидел, как Верховный Маг улыбнулся. И мимолетная эта улыбка была удивительно хорошей, доброй!

— Вы видите? — спросил Ястреб. — Так может ли почтенный возраст или искусство магии что-либо прибавить к этому?

Аррен почувствовал, что теперь все Мастера смотрят на него одобрительно, однако все еще с некоторым удивлением и как бы в замешательстве. Первым заговорил Заклинатель, насупившись так, что густые дуги его бровей слились в сплошную линию.

— Этого я не понимаю, господин мой! Ну хорошо, ты решил непременно ехать сам. Ты томишься здесь, как зверь в клетке, целых пять лет. Но раньше ты всегда отправлялся в путь один; отсюда ты всегда уходил в одиночку. Почему же на этот раз ты берешь кого-то с собой?

— Раньше я никогда в помощи не нуждался, — сказал Ястреб, и в голосе его прозвучала не то едва ощутимая угроза, не то насмешка. — К тому же я отыскал подходящего спутника. — Теперь Верховный Маг как бы излучал опасность, и долговязый Мастер Заклинатель не стал задавать ему лишних вопросов.

Но тут поднялся со своего места и встал подобно статуе Мастер Травник, человек со спокойными глазами и темной кожей, похожий на мудрого и терпеливого вола.

— Иди, господин мой, — сказал он, — иди и бери с собой мальчика. И да пребудет с тобой наша вера.

И, единодушно подтвердив свое согласие с этими словами, поодиночке и парами Мастера стали покидать зал. Один лишь Заклинатель чуть задержался.

— Ястреб, — сказал он, — я не пытаюсь выведать, что ты решил на самом деле. Я только хочу сказать: если ты прав, если действительно нарушено Равновесие и существует опасность воцарения зла, то любого путешествия — на Уотхорт, или в Западный Предел, или даже на край света — недостаточно. Разве справедливо брать с собой мальчика туда, где можешь ты в результате поисков оказаться? Разве может он вернуться оттуда?

Аррен стоял чуть поодаль от них, а говорил Заклинатель чуть слышно, но Верховный Маг ответил ему в полный голос:

— Да, может, и это справедливо.

— Ты говоришь мне не все, что тебе известно, — упрекнул его Мастер Заклинатель.

— Если бы я что-то знал, то сказал бы. Но я ничего не знаю. Хотя догадываюсь о многом.

— Позволь мне пойти с тобой.

— Кто-то должен стеречь ворота.

— Этим ведь занимается Привратник...

— Не только ворота Рока. Оставайся здесь и следи за восходом — будет ли он ясным; а еще следи за каменной стеной, чтобы вовремя заметить, кто перебирается через нее и куда обернуто его лицо. В ткани мирозданья есть какая-то брешь, Торион, да, брешь, дыра, рана, и вот ее-то я и отправляюсь искать. Если я не вернусь, может быть, повезет тебе... Но подожди. Умоляю тебя, дождись меня. — Верховный Маг использовал слова Истинной Речи, с помощью которых создаются все заклинания, любое волшебство; редко, очень редко Истинной Речью пользуются при простом разговоре, разве что драконы, у которых нет иного языка. Мастер Заклинатель больше не спорил и не протестовал; он только тихо поклонился обоим — Верховному Магу и Аррену — и удалился.

В камине потрескивал огонь. Вокруг стояла полная тишина. За окнами сгустился туман; мутные клубы его были похожи на дым.

Верховный Маг смотрел на пламя, словно не замечая присутствия юноши. Тот стоял в отдалении, не зная, то ли ему уйти, то ли подождать, пока его отпустят, нерешительный и как будто забытый. Он снова чувствовал себя крошечной фигуркой в темном, бескрайнем, ошеломляющем пространстве.

— Сначала наш путь лежит в город Хорт, — сказал Ястреб, отворачиваясь от камина. — Там собираются новости со всего Южного Предела, так что мы, возможно, обнаружим хоть какую-то ниточку. Энладский корабль все еще ожидает тебя в порту. Попроси шкипера передать весточку твоему отцу. Я полагаю, что нам нужно отправляться в путь как можно скорее. Завтра на рассвете. Я буду ждать тебя у лодочного причала, приходи.

— Господин мой, что... — он запнулся, — но что именно ты ищешь?

— Не знаю, Аррен.

— Но тогда...

— Тогда как же я буду искать? И этого я тоже не знаю. Может быть, оно само попытается отыскать меня. — Он слегка улыбнулся Аррену, но лицо его в сером свете, просачивающемся из-за затянутого туманом окна, было твердым, словно отлитым из металла.

— Господин мой, — сказал Аррен, и теперь голос его

звучал твердо, — я действительно потомок Морреда, насколько вообще можно установить, кто чей потомок в столь невероятно древнем роду. И если я смогу оказаться тебе полезным, то сочту это за величайшую честь и самую большую удачу в своей жизни. Я хотел бы служить только тебе. Но, боюсь, ты по ошибке принимаешь меня за более сильного человека, чем я есть на самом деле.

— Возможно, — сказал Верховный Маг.

— У меня нет особых талантов, и умею я немного. Владею как коротким мечом, так и двуручным. Умею управляться с лодкой. Хорошо танцую. Могу погасить любую свару среди придворных. Люблю борьбу, но довольно плохо стреляю из лука. Зато хорошо играю в лапту. Умею петь, играю на арфе и лютне. И это все. Больше ничего не умею. Так какая от меня тебе польза? Мастер Заклинатель прав...

— А, так ты все понял? Он просто ревнует. Взывает к старой дружбе и верности. Считает, что для меня это важнее.

— Как и большее мастерство, господин мой.

— Может быть, ты предпочтешь, чтобы со мной отправился он, а ты остался?

— Нет! Но я боюсь...

— Боишься чего?

На глазах у юноши сверкнули слезы.

— Боюсь подвести тебя, — сказал он.

Верховный Маг снова отвернулся и стал смотреть на огонь.

— Садись, Аррен, — сказал он, и юноша присел на каменный выступ у очага. — Я вовсе не заблуждаюсь относительно твоих магических или воинских доблестей. Я вообще не считаю тебя уже сложившимся, взрослым человеком. И почти совсем не знаю, что ты из себя представляешь. Зато мне приятно было узнать, что ты умеешь управляться с лодкой... Кем ты станешь, не знает никто. Но вот то немногое, что знаю о тебе я: ты потомок Морреда и Серриадха.

Аррен молчал.

— Это правда, господин мой, — с трудом заговорил он, — но... — Верховный Маг молча ждал, и юноше пришлось закончить начатую фразу: — Но я не Морред. Я — это всего лишь я сам.

— И ты не гордишься своими предками?

— Нет, я ими горжусь, благодаря им я наследник Энлада; это большая честь, недоступная вершина, к которой нужно стремиться...

Верховный Маг утвердительно, хотя и резковато, кивнул.

— Именно это я и имел в виду. Пренебрегать прошлым — значит пренебрегать и будущим. Человек не сам строит свою судьбу: он ее либо принимает, либо отвергает. Если у ясеня слишком слабые корни, то и крона его не будет пышной. — При этих словах Аррен изумленно взглянул на волшебника, ибо его подлинное имя — Лебаннен — означало «ясень». Но Верховный Маг так и не произнёс этого имени вслух. — Корни твои глубоки, — продолжал он. — И сила в тебе есть, так что необходим лишь простор для роста. Этот простор я и предлагаю тебе вместо спокойного путешествия обратно домой — простор и путь с опасной и неведомой целью. Ты волен не участвовать в этом путешествии. Право выбора остается за тобой. Но я предлагаю тебе: выбирай. Устал я от безопасности, от стен и крыш, что окружают и охраняют меня. — Ястреб вдруг резко оборвал себя, пронзительный взгляд его ясных глаз стал каким-то странно невидящим: он словно ничего больше не замечал вокруг. И Аррен понял, сколь глубока тревога этого человека, и испытал страх перед его неукротимостью. Однако страх лишь усиливает возбуждение, и ответ юноши прозвучал от всего сердца:

— Господин мой, я выбрал: мы пойдем вместе.

Аррен вышел из Большого Дома глубоко потрясенный. Он решил было, что это и есть счастье, однако слово как-то не очень годилось. Тогда он подумал, что в нем поет гордость: ведь сам Верховный Маг назвал его сильным, способным выбрать свою судьбу человеком. Однако и гордости он не испытывал. Почему же? Самый могущественный волшебник Земноморья сказал ему: «Завтра мы с тобой уплывем на край света», а он лишь согласно кивнул головой, готовый к опасному путешествию; разве не стоит этим гордиться? И все-таки гордости не было — было лишь изумление.

Аррен спустился по крутым извилистым улочкам Твила к гавани, отыскал у причала своего шкипера и сказал ему:

— Завтра поутру мы с Верховным Магом отплываем в Южный Предел, на остров Уотхорт. Передай князю, отцу моему, что я вернусь в Берилу, как только закончу службу.

Шкипер при этих словах помрачнел. Он знал, как будет принят, явившись с подобным известием во дворец правителя Энлада.

— Мне нужна бумага, написанная твоей рукой, принц, — сказал он.

Аррен нашел это требование справедливым и поспешил — ему казалось, что теперь он все время должен торопиться, — в первую же лавчонку, впрочем, странноватую на вид, где купил чернильный камень, кисточку и лист хорошей мягкой бумаги, плотной как войлок; потом быстро вернулся в гавань и устроился на краю причала, чтобы написать родителям письмо. Когда он подумал о матери, о том, как она возьмет вот этот лист бумаги и станет читать послание сына, душу его охватила грусть. Мать была веселой и кроткой, но он прекрасно знал, что ее радость и спокойствие зависят от него одного; знал, как страстно ждет эта терпеливая женщина его скорейшего возвращения. И не было никакой возможности успокоить ее и хоть как-то утешить во время его долгого отсутствия. Письмо получалось сухим и коротким. Он подписал его руной Меча — «Аррен» — и заклеил каплей смолы из котла на пристани. Потом протянул шкиперу, но вдруг крикнул: «Погоди!» — словно корабль уже отчаливал — и помчался вновь в ту же странную лавчонку, которую отыскал не без труда, ибо в припортовых улочках было нечто непостоянное, как и во всем городе Твиле; казалось порой, что даже повороты улиц постоянно меняются. В конце концов Аррен выбрался на нужную улицу и ворвался в лавку, загремев длинными нитями красных глиняных бус, украшавших вход. Еще покупая чернила и бумагу, он приметил на блюде среди разнообразных застежек и украшений серебряную брошь в форме дикой розы. Имя его матери было Роза.

— Я ее покупаю, — торопливо бросил он с подобающим настоящему принцу высокомерием.

— Это старинная работа ювелиров с острова О. Похо-

же, вы ценитель древностей, — сказал хозяин лавки, внимательно разглядывая меч Аррена — но отнюдь не новенькие ножны, а потертую рукоять. — Брошь стоит четыре пластины.

Аррен без возражений заплатил эту довольно-таки большую цену: в кошельке у него было предостаточно пластинок из слоновой кости, что заменяют на Внутренних Островах деньги. Мысль о том, что он пошлет матери достойный подарок, радовала душу. Выйдя из лавчонки, Аррен щегольским жестом положил руку на эфес меча.

Меч этот преподнес ему отец накануне отплытия с Энлада. Аррен торжественно принял дар и носил меч так, словно это было почетной обязанностью; даже на борту корабля он его не снимал. Он гордился, ощущая на бедре его тяжесть — тяжесть долгих веков, бременем ответственности ложившуюся на его душу. Ведь то был меч Серриадха, сына Морреда и Эльфарран, и не было в мире более древнего меча, кроме того, что принадлежал когда-то Эррет-Акбе, а теперь красовался на Королевской Башне в Хавноре. Меч Серриадха никогда не откладывали на время, никогда не хранили в сокровищнице; он всегда сопровождал своих хозяев, однако со временем ничуть не постарел и даже за много столетий не утратил ни на гран своей волшебной силы, ибо выкован был с помощью величайшего заклятия. Согласно преданиям, обнажать этот меч можно было лишь тогда, когда он служил жизни. Правило это должно было соблюдаться вечно. Никогда не позволил бы меч Серриадха, чтобы им воспользовались в кровожадных целях, из мести или из зависти, а также для захвата чужих земель. От этого меча, самого большого сокровища их семьи, и получил Аррен домашнее прозвище; ребенком его звали Аррендек, что значит «маленький меч».

Ему до сих пор еще ни разу не пришлось воспользоваться старинным мечом, как, впрочем, и его отцу, а также деду. Давно уже в Энладе царил мир.

Но теперь, на улице загадочного города, на Острове Мудрецов, рукоять меча вдруг показалась ему чужой, неудобной и страшно холодной. Меч почему-то стал слишком тяжелым и мешал при ходьбе. И чудесное возбуждение, что владело им, хоть и не прошло совсем, но как бы остыло. Аррен вернулся на пристань, попросил шкипера

передать брошь матери и пожелал судну счастливого плавания и успешного возвращения на родину. Бредя назад, к Школе, юноша набросил на плечи плащ, прикрыв им ножны с древним непокорным и смертельно опасным мечом, что достался ему в наследство. Красоваться ему расхотелось. «Что я делаю? — спрашивал он себя, медленно поднимаясь по узким улочкам к похожему на крепость Большому Дому, возвышавшемуся над Твидом. — Как случилось, что я не еду назад, домой? Почему ищу то, чего вовсе не понимаю, с человеком, которого не знаю совсем?»

И ответа на эти вопросы он не находил.

3

ГОРОД ХОРТ

В предрассветной тьме Аррен, облачившись в подаренную ему матросскую робу, довольно поношенную, но чистую, торопливо прошел по молчаливым залам Большого Дома к восточной его стене, к дверце, вырезанной из драконьего зуба. Там его выпустил наружу Мастер Привратник, указав, как ему лучше пройти к лодочной пристани, и чуть улыбнувшись при этом. По самой верхней улице Твила Аррен добрался до тропы, которая спускалась прямо к лодочным сараям, принадлежавшим Школе, — чуть южнее основной гавани Твила. Тропа в сумерках была едва различима. Деревья, крыши домов, холмы казались неясными, расплывчатыми формами, огромными сгустками не рассеявшейся еще ночной тьмы; воздух был недвижим и холоден, все вокруг казалось отрешенным, загадочным, и только на востоке, на самом горизонте, слабо светилась полоска пробуждающейся зари.

У лестницы, ведущей к причалам, не было ни души. В толстой матросской робе и шерстяной шапке Аррен не чувствовал особого холода, но все же его била дрожь, когда он стоял в полном одиночестве на каменных ступенях в темноте и ждал.

Лодочные сараи мрачно возвышались над черной водой; вдруг где-то внутри одного из них раздался негром-

кий глуховатый стук, повторившийся три раза. У Аррена волосы зашевелились на голове. На воду совершенно бесшумно скользнула длинная темная тень. Это была лодка, которая тихонько подошла к причалу. Аррен сбежал по ступенькам и прыгнул через борт.

— Берись за румпель, — сказал Верховный Маг, чья невысокая худощавая фигура виднелась на носу, — держи ровней, а я пока парус поставлю.

Они уже вышли в залив; парус, словно белое крыло, затрепетал над лодкой, отражая разгорающийся свет зари.

— Ветер западный, так что за весла браться не придется: прощальный подарок Мастера Ветродуя, конечно. Следи за рулем, парень, эта лодка очень послушная! Вот так. Ну что ж, западный ветер и ясная заря — подходящая погодка для весеннего равноденствия.

— А это и есть «Зоркая»? — Аррен знал о лодке Верховного Мага из песен и легенд.

— Конечно, — ответил тот, занятый снастями. Ветер свежел, и лодка то ныряла вниз, то взлетала на гребень волны. Аррен, сжав зубы, старался держать суденышко строго по курсу.

— Ею очень легко управлять, но вообще-то она с норовом, господин мой.

Верховный Маг засмеялся.

— Пусть делает что хочет. Можешь не беспокоиться: она достаточно умна. Послушай, Аррен, — он чуть помедлил, стоя на коленях на банке и глядя юноше в лицо, — я теперь больше не «твой господин» и ты для меня не принц. Меня зовут Хок, что значит «коршун», я торговец, а ты мой племянник и ученик, и зовут тебя просто Аррен; родом мы оба из Энлада. Вот только из какого города? Да из любого большого — а то как бы «земляка» не встретить!

— Темере на южном побережье подойдет? Тамошние суда плавают во все Пределы.

Верховный Маг кивнул.

— Вот только, — осторожно начал Аррен, — у тебя, господин мой, не совсем энладский выговор...

— Знаю. Выговор у меня гонтский, — засмеялся его спутник и посмотрел на разгорающуюся зарю. — Но я полагаю, что смогу еще кое-чему научиться у тебя. Итак, мы с тобой родом из Темере, а лодка наша называется

«Дельфин», и я никакой не маг, не твой господин, не Ястреб, а... как меня теперь зовут?

— Хок, господин мой.

И Аррен прикусил язык.

— Тренируйся, племянничек, — сказал Верховный Маг, — нужно просто немного потренироваться. Ты ведь никогда никем, кроме наследного принца, не был, а уж мне-то кем только не приходилось становиться, и, надо сказать, меньше всего времени я пробыл действительно Верховным Магом... Мы с тобой плывем на юг в поисках лазурита — знаешь, таких голубых камешков, на которых всякие заклятья пишут? По-моему, в Энладе они весьма ценятся. С их помощью заговаривают ревматизм, растяжение связок, простреды, а также когда шею надует или язык прикусишь...

Аррен уже буквально с ног валился от смеха. Отсмеявшись, он поднял голову, и как раз в этот миг лодка взлетела на волне и впереди над горизонтом блеснул краешек поднимающегося из моря золотого солнца.

Ястреб стоял, одной рукой держась за мачту, потому что лодку изрядно болтало, и, глядя на восходящее солнце переломного дня весны, вдруг запел. Аррен не понимал Истинной Речи — языка волшебников и драконов, — но в песне он слышал хвалу и радость и ощущал четкий ритм, схожий с плавным набегом волн, с неизменной сменой дня и ночи. Чайки кричали на ветру; берега Твила уплывали назад и в стороны: лодка вышла из залива в бурные воды Внутреннего Моря, залитого солнечным светом.

От Рока до Хорта не так уж далеко, однако они провели в море целых три ночи. Верховный Маг очень торопился с отплытием, однако, едва покинув Рок, стал куда более спокойным, нетерпение его ушло. Ветер сменился на восточный, как только они вышли из зачарованных прибрежных вод, но Ястреб не воспользовался волшебством, как это сделал бы любой заклинатель погоды; вместо этого он часами обучал Аррена управлять лодкой при постоянном встречном ветре в скалистой бухточке у восточного побережья острова Иссел. На второй день с самого утра не переставая лил дождь, холодный, с сильным ветром — настоящая мартовская погода, но Ястреб ни слова не вымолвил, чтобы остановить дождь и ветер. Третью

ночь они дрейфовали у входа в гавань Хорта при полном штиле в холодной туманной мгле, и Аррен все время с удивлением думал, почему это за весь недолгий период их знакомства Верховный Маг ни разу не воспользовался магией.

Впрочем, моряком он оказался несравненным. Аррен за три дня узнал от него куда больше, чем за десять лет занятий шлюпочным спортом в заливе порта Берила. А ведь волшебное и морское искусство весьма схожи: и маги, и моряки имеют дело с силами неба и земли, используют могучие ветры для того, чтобы приблизиться к бесконечно далекой цели. Впрочем, у Верховного Мага, или торговца Хока, цель была одна.

Волшебник был молчалив, но обладал редкостным добродушием. Его совершенно не раздражала неловкость Аррена; он держался просто и дружелюбно; для плавания по морю лучшего спутника нечего было и желать. Однако порой он настолько уходил в себя, погрузившись в молчание на долгие часы, что если в период такой задумчивости Аррен о чем-то спрашивал его, то голос волшебника звучал непривычно резко, а глаза смотрели как бы сквозь собеседника. От этого, впрочем, любовь юноши к Верховному Магу не ослабевала, хотя первоначальная его восторженность несколько поостыла и волшебник иногда внушал ему даже некоторый страх. Возможно, Ястреб это почувствовал, потому что в туманную ночь, когда они дрейфовали близ Уотхорта, он долго, с паузами и остановками, рассказывал Аррену о себе и о том, что его тревожит.

— Мне так не хочется завтра вновь оказаться среди людей, — сказал он. — Я все старался представить себе, будто снова стал свободен... Что ничто не нарушено в мире. Что я не Верховный Маг и даже не обыкновенный колдун. Что я всего лишь Хок, торговец из Темере, что я никому ничего не должен и никакими привилегиями не пользуюсь... — Он помолчал и заговорил снова: — Старайся осторожно делать свой выбор, Аррен, когда придет время. Когда я был молод, мне пришлось выбирать между спокойной созерцательностью бытия и вечной деятельностью. Жажда деятельности влекла меня несказанно, я вцепился в эту возможность, как форель в наживку. Однако каждое твое деяние, даже самый маленький поступок, связывают тебя последствиями, заставляя действовать снова и снова. Передышки случаются редко — такие, как сейчас у меня, — и только во время передышек можно позволить себе просто жить, просто подумать, кто же ты, в конце концов, такой.

Как может такой человек, думал Аррен, еще сомневаться в себе и собственном предназначении? Он всегда считал, что подобные сомнения — удел юнцов, еще ничего в своей жизни не совершивших.

Лодка покачивалась в серой холодной мгле.

— Вот за это я и люблю море, — неожиданно прозвучал во тьме голос Ястреба.

Аррен понимал его; однако собственные мысли юноши стремились вперед, в течение этих трех долгих дней и ночей — только вперед, к цели их поисков. И поскольку волшебник явно пребывал в разговорчивом настроении, Аррен наконец решился спросить:

— Ты думаешь, мы найдем то, что ищем, в порту острова Уотхорт?

Ястреб только головой покачал: то ли не был уверен, то ли просто не знал.

— Может быть, это какое-то поветрие, вроде чумы, что ползет с острова на остров, пожирая урожай, скот и даже человеческие души?

— Всякое поветрие или мор — это, в общем-то, обычное колебание маятника в часах Великого Равновесия. Теперь же происходит нечто иное. Здесь явно попахивает вмешательством злых сил. Мы порой испытываем страдания, когда Миропорядок стремится обрести утраченное на миг равновесие, однако не теряем надежды, даже если приостанавливается развитие искусств и люди ненадолго забывают слова Созидания. Это ведь тоже естественное состояние Природы. Однако сейчас происходит отнюдь не восстановление утраченного Равновесия, а все большее его нарушение. И только одно существо способно полностью нарушить баланс.

— Человек? — напряженно спросил Аррен.

— Да, люди.

— Но почему?

— Из-за своей неуемной жажды жизни.

— Жизни? Но разве это плохо — желать жить?

— Нет, это не плохо. Но когда мы силой заставляем

природу выполнять наши желания, когда мы требуем, требуем, требуем — несокрушимого здоровья, абсолютной безопасности, бессмертия, — тогда естественное желание превращается в алчность. А когда алчность подкреплена Знанием, она открывает ворота Злу. И тогда Великое Равновесие нарушается, и Зло тяжким бременем тянет чашу мировых весов вниз.

Аррен некоторое время размышлял над услышанным, потом спросил:

— Значит, мы ищем все-таки человека?

— О да, человека и мага. Мне думается, это так.

— Но я всегда считал — так объясняли мне отец и учителя, — что искусство Высшей Магии пребывает в зависимости от Великого Равновесия, от существующего Миропорядка и именно поэтому не может быть использовано во зло.

— Это, — сухо откликнулся Ястреб, — давний спорный вопрос. *Бесконечны споры магов между собой.* На любом острове Земноморья найдутся ведьмы, что творят злые заклятья, и колдуны, использующие свое ремесло, чтобы разбогатеть. Но есть и другие. Например, великий маг, Повелитель Огня, который пытался уничтожить Тьму и остановить полуденное солнце в зените. Даже Эррет-Акбе вряд ли смог бы одержать над ним победу. А вот другой пример: тот, кто погубил Морреда. На его сторону переходили целые армии. Заклятье, которое он сотворил против Морреда, было столь сильно, что даже когда проклятый волшебник погиб, действие этого заклятья приостановить было нельзя, и остров Солеа со всеми жителями исчез в пучине морской. То были люди, своим великим могуществом и знаниями служившие Злу и питаемые Злом. Всегда ли может волшебство, служащее Добру, оказаться сильнее? Неизвестно. Мы можем на это только надеяться.

Всегда испытываешь некоторое разочарование, когда вместо твердой уверенности обретаешь всего лишь надежду. И Аррен вдруг почувствовал себя неуютно на холодных вершинах столь высоких материй.

— Мне кажется, — сказал он, — я теперь понимаю, почему зло творит лишь человек. Ведь по сравнению с людьми даже акулы невинны: они убивают потому, что должны это делать.

— Именно поэтому ничто в мире не способно противостоять людям. Одно лишь может служить препятствием человеку с исполненным зла сердцем: другой человек. В позоре нашем кроется и наша слава. Лишь человеческий дух, способный вершить зло, способен и одержать над ним победу.

— Ну а драконы? — спросил Аррен. — Разве не творят они зла? Разве они так уж невинны?

— Драконы! Драконы кровожадны, ненасытны, коварны; они не знают жалости или угрызений совести. Но являются ли драконы носителями зла? Кто я такой, чтобы судить о деяниях драконов?.. Они значительно мудрее людей. С ними, Аррен, как со снами. Нам, людям, снятся сны, мы занимаемся магией, творим добро и зло. Драконы не видят снов. Они сами — сон, мечта; волшебство — это их сущность, а потому они не занимаются магией как наукой. Магия — основа их бытия. Они не совершают поступков: они просто существуют.

— В Серилюне, — сказал Аррен, — есть шкура дракона Бар Отха, убитого Кеором, князем Энлада, триста лет тому назад. С того дня ни один дракон больше не пролетел над Энладом. Я видел шкуру Бар Отха. Она тяжела, как железные доспехи, и так велика, что, как говорят, могла бы закрыть всю рыночную площадь в Серилюне. Зубы у него не меньше моей руки. И все-таки Бар Отх считался молодым драконом, не достигшим полной зрелости и величины.

— Тебе страшно хочется увидеть драконов, — сказал Ястреб.

— Да.

— Кровь их холодна и ядовита. Нельзя смотреть им в глаза. Они гораздо старше людей... — На некоторое время волшебник погрузился в молчание, потом продолжил: — И все же, хоть порой я и начинаю забывать или сожалеть о содеянном когда-то, я всегда буду помнить, как однажды на закате видел парящих в потоках ветра драконов над далекими западными островами. И каждый раз воспоминание это дарит мне радость.

Теперь замолчали оба. Ничто не нарушало тишины, кроме шепота волн, бьющихся о лодку в кромешной тьме. Потом путешественники наконец уснули, а лодка мирно покачивалась над темной морской бездной.

Утренняя дымка была просвечена ярким солнцем, когда они входили в бухту Хорта. На рейде стояла добрая сотня судов; некоторые быстро шли к причалам. Там были лодки рыбаков и краболовов, траулеры, торговые суда, две двадцативесельные галеры и одна огромная, шестидесятивесельная, требовавшая значительного ремонта; несколько легких парусников с треугольными парусами, предназначенными для того, чтобы ловить высокий ветер в теплых и тихих морях Южного Предела.

— Это военное судно? — спросил Аррен, когда они проплывали мимо одной из двадцативесельных галер, и спутник его ответил:

— Скорее рабовладельческое, раз там на скамьях для гребцов крепеж для цепей. Здесь, в Южном Пределе, людьми тоже торгуют.

Аррен с минуту обдумывал это сообщение, потом вытащил из рундука свой меч, бережно завернутый в кусок ткани еще при отплытии с Рока. Он развернул тряпицу и застыл в нерешительности, держа обеими руками меч и не вынимая его из ножен. Перевязь свисала до земли.

— Для ученика морского торговца этот меч не подходит, — сказал он. — Ножны слишком хороши.

Ястреб, правивший лодкой, бросил в его сторону быстрый взгляд.

— Если хочешь, возьми его с собой.

— Я подумал, что он, возможно, весьма пригодится там...

— Если меч сам просится в дело, мешать ему не следует, — сказал волшебник, внимательно следя, чтобы не столкнуться с кем-нибудь в забитом судами заливе. — Этого меча надо слушаться.

Аррен кивнул.

— Да, так мне говорили. Но он все-таки убивал. Людей. — Юноша посмотрел на изящную, чуть потертую рукоять. — Он уже убивал, а я еще нет. И в его присутствии чувствую себя дураком. Ведь он настолько старше меня... Возьму-ка я лучше нож, — заключил он, снова заботливо заворачивая меч и поглубже засовывая его в ящик. Лицо его было озабочено и сердито. Ястреб ничего на это не сказал и, помолчав немного, предложил:

— Может, сядешь теперь на весла, парень? Нам нужно причалить вон там, у лестницы.

Город Хорт, один из семи крупнейших портов Архипелага, покоился на трех высоких холмах, поражая многоцветьем своих улиц и шумной портовой жизнью. Дома, в основном глинобитные, были раскрашены в красные, оранжевые, желтые и белые цвета; крыши из пурпурно-красной черепицы; красные купы цветущих деревьев виднелись повсюду. Разноцветные полосатые тенты были натянуты от крыши до крыши, затеняя маленькие рыночные площади. Причалы были залиты солнцем; улочки, отходящие от них в глубь города, казались темными щелями, полными теней, людей и шума.

Когда они причалили и как следует привязали «Зоркую», Аррен уже хотел было выпрыгнуть на пирс, но Ястреб чуть помешкал, якобы проверяя прочность узла, и сказал юноше в спину:

— Сынок, здесь, в Хорте, есть люди, которые знают меня слишком хорошо. Так что смотри внимательно, чтобы в случае чего сразу отличить меня в толпе.

Когда он выпрямился, то шрамы на лице его совсем исчезли, волосы побелели, а нос стал курносым и похожим на грушу. Вместо высокого тисового посоха в руке у него появилась палочка из слоновой кости, а может и хлыст, который он сунул за пазуху.

— Что, парень, не узнаешь? — сказал он, широко улыбаясь и с чисто энладским выговором. — Неужто никогда раньше не видел? Что ж ты дядюшку своего не признал!

Аррену приходилось видеть, как волшебники при дворе в Бериле до неузнаваемости меняли свой облик, представляя в лицах сказание о подвигах Морреда, так что поняв, что это всего лишь иллюзия, быстро справился с собой и даже оказался в силах ответить:

— О, ну как же, конечно узнаю, дядюшка Хок!

Но пока волшебник торговался с портовой стражей по поводу слишком высокой платы за стоянку и охрану лодки, Аррен не сводил с него глаз: хотел быть уверенным, что сможет узнать повсюду. И чем дальше, тем больше почему-то тревожило его это превращение. Слишком сложным оно оказалось, и теперь это был уже вовсе не Верховный Маг, не мудрый наставник... Плата за стоянку и впрямь была высокой, и Ястреб ворчал, расплачиваясь с охраной, и продолжал ворчать, когда они с Арреном двинулись в город.

— Того гляди, лопнет мое терпение! — приговаривал он. — Надо же, еще и плати этому толстопузому за то, чтоб он за лодкой присматривал, когда и половинки заклятья хватит, чтобы сохранить ее в два раза лучше! Вот она, плата за маскарад... я ведь и нормальный-то язык совсем позабыл, так-то, племянничек!

Они шли по забитой народом вонючей пестрой улочке, по обеим сторонам которой тянулись лавчонки, чуть больше будки сторожа, так что владельцы их стояли в дверях, выложив наружу гору товаров, и во весь голос зазывали покупателей. Там продавались глиняные горшки и кувшины, чулки и шляпы, лопаты и заколки для волос, сумки, чайники, корзины, ножи, веревки, судовые снасти, гвозди и болты всех размеров, постельное белье — любая хозяйственная утварь, инструмент и снедь.

— Это ярмарка?

— А? — Незнакомый курносый тип рядом склонил к нему свою грязноватую голову.

— Это ярмарка, дядюшка?

— Ярмарка? Нет, что ты. Тут у них цельный год такая ярмарка. Да не надо нам ваших пирожков с рыбой, сударыня! Я уже позавтракал!

Аррен тем временем пытался отделаться от сомнительного типа с подносом, уставленным какими-то маленькими бронзовыми кувшинчиками. Торговец тащился за ним по пятам и ныл:

— Купи, посмотри, красавчик, они тебе понравятся и не подведут, а уж аромат! — в точности розы Нумимы: ни одна женщина не устоит. Попробуй-ка, юный повелитель морей, принц-красавчик...

В мгновение ока Ястреб оказался между Арреном и торговцем, грозно вопрошая:

— Что за снадобья?

— Это не снадобья! — скривился человек, пытаясь удрать. — Я снадобьями не торгую, шкипер! Только сиропы, чтобы усластить дыхание после выпивки или хазии, только сиропы, мой повелитель! — Торговец шлепнулся прямо на камни мостовой; сосуды на его подносе зазвенели и загремели, а некоторые так качнулись, что капли вязкой густой жидкости, розовой или ярко-красной, выплеснулись наружу.

Ястреб отвернулся и, не говоря больше ни слова, по-

вел Аррена дальше. Вскоре толпа поредела, а лавчонки стали на удивление жалкими. Оборванные хозяева их продавали то горсть погнутых гвоздей, то сломанный пестик, то старый чесальный гребень. Но эта нищета, как ни странно, угнетала Аррена меньше: раньше, на богатом конце улицы, он чувствовал, что вот-вот задохнется от невероятного, немыслимого количества товаров, от бесконечных воплей — купи! купи! Сильно подействовали на него и приставания продавца благовоний. Он вспоминал холодные чистые улицы своего родного северного города. «Никто в Бериле не стал бы так приставать к незнакомцу», — подумал он.

— Это какие-то сумасшедшие! — сказал он вслух.

— Сюда, племянничек, — сказал его спутник, не обратив на его слова ни малейшего внимания.

Они свернули в проход между двумя высокими красными глухими стенами каких-то домов, уступами поднимавшихся вверх по склону холма, прошли в какую-то арку, украшенную обвисшими драными флагами, и оказались на залитой солнцем площади — там был еще один рынок с точно такими же лавчонками и навесами, точно так же кишащий людьми и мухами.

По краям рыночной площади совершенно неподвижно сидели или лежали люди, мужчины и женщины. Рты у них были какие-то странные: черные, будто засохшие раны; и на губах кишели мухи, собираясь в грозди, похожие на засохший виноград.

— Как же их много! — тихо и торопливо проговорил Ястреб своим собственным голосом: видно, и он тоже был потрясен до глубины души. Но когда Аррен взглянул на него, то увидел лишь равнодушно-туповатое лицо торговца Хока, которому на все это было наплевать.

— А что с этими людьми? Они больны?

— Это все хазия. Она утешает и дарит забвение, отпуская тело на волю из-под власти разума. Впрочем, и разум тоже обретает свободу... Вот только возвратившись в прежнее тело, требует все больше и больше хазии... И жажда эта становится все сильнее, а жизнь — все короче, ибо дрянь эта, хазия, — сущий яд. Сначала у человека начинают дрожать руки и ноги, потом наступает паралич, а вслед за ним — смерть.

Аррен посмотрел на одну из женщин, привалившуюся

спиной к теплой стенке; женщина подняла было руку, чтобы отогнать мух, но рука вдруг описала в воздухе странный неровный круг, словно ее хозяйка совсем забыла о прежнем намерении, и непроизвольно задергалась, будто в судорогах наступающего паралича. Это чуть-чуть напоминало некоторые магические жесты, которыми сопровождается наложение заклятий, однако было совершенно лишено какого бы то ни было смысла.

Торговец Хок тоже смотрел на женщину, однако без особого волнения.

— Пошли! — сказал он.

И повел Аррена дальше через рыночную площадь к небольшой лавочке. Солнце просвечивало сквозь полосатую ткань натянутой над ее входом маркизы, и разложенные на продажу товары — одежда, шали, плетеные пояса — были покрыты разноцветными полосами, зелеными, оранжевыми, алыми, лазурными. Разноцветные солнечные зайчики плясали по стенам, ибо прическу дамы, вероятно хозяйки магазина, украшали многочисленные зеркала и высокий плюмаж. Дама была поистине гигантских размеров и густым голосом пела, зазывая покупателей:

— Шелка, сатины, холстины, меха, войлок, любая пряжа, шерстяные ткани с Гонта, тончайший газ с Соула, шелка Лорбанери! Эй, северяне, снимайте свои суконные кафтаны, вы что ж, не видите: солнце на небе! Гляньтека — разве не стоит такое отвезти домой в Хавнор да подарить своей девчонке? Вы посмотрите — вот южные шелка, тонкие, легкие, словно крылья бабочки!

И она ловкими своими руками раскинула перед путешественниками рулон воздушного шелка, нежно-розового с серебряной ниткой.

— Ой нет, госпожа, мы ведь женаты не на королевнах, — сказал торговец Хок, и голос женщины тут же сорвался на визг:

— Так во что ж вы там своих женщин одеваете, а? В мешковину, что ли? А может, в парусину? Жалкие вы людишки! Даже кусочка шелка не хотите купить своим бедняжкам, что вечно мерзнут в ваших северных снегах! А вот как раз для них: прекрасная гонтийская шерсть, она их согреет в холодные зимние ночи! — И тетка швырнула на прилавок целую штуку шерстяной материи в кремово-коричневую клетку из той шелковистой козьей шерсти,

которой славятся северо-восточные острова Земноморья. Фальшивый торговец Хок протянул руку, пощупал материю и улыбнулся:

— Ну конечно, ведь ты и сама небось с Гонта, а? — спросил он неожиданно глубоким голосом, голосом волшебника Ястреба, и голова женщины в гигантском уборе, качнувшись в знак согласия, послала тысячу разноцветных пятнышек на прилавок с раскинутой на нем тканью.

— Это андрадская работа, ясно? Здесь всего четыре нити основы на ширину пальца укладываются. А на Гонте — не меньше шести. Но лучше скажи-ка мне, что это ты вдруг свое колдовство забросила? Всякой ерундой торгуешь. Еще несколько лет назад, когда я прошлый раз заезжал сюда, то сам видел, как ты вызывала пламя, которое вырывалось у людей из ушей и превращалось потом то в птичек, то в золотые колокольчики. То была куда лучшая торговля, чем теперь.

— Никакая то была не торговля! — сердито сказала огромная женщина, и на мгновение Аррен перехватил ее взгляд — тяжелый и неподвижный. Глаза ее, напоминавшие темные агаты, внимательно следили за ним и Хоком из-под копны волос, качающихся перьев и путаницы сверкающих зеркал.

— Это было красиво — когда из ушей вылетало пламя, — грустновато, но совсем простодушно сказал торговец Хок. — Я-то надеялся племяннику своему показать...

— Ну вот что! Слушайте меня внимательно, — сказала женщина уже не так сердито, опираясь своими коричневыми ручищами и могучей грудью о прилавок. — Мы здесь больше такими штуками не занимаемся. Людям они не нравятся. Приелись. Теперь вот эти зеркала — мне кажется, ты и мои зеркала запомнил, — и она поправила свой головной убор так, что разноцветные солнечные зайчики стремительно заметались вокруг них, — ну, ими еще можно кого-то удивить, так они сверкают, да еще кое-какими словами и другими штуками, о которых я тебе не скажу. И человек в конце концов решает, что видит нечто такое, чего никогда еще не видывал, чего и на свете-то быть не может. Да и на самом деле нет, как не было и того пламени, и золотых колокольчиков или роскошных костюмов, в которые я любила наряжать моряков, — из золотой парчи, бриллианты величиной с абрикос...

А они расхаживали в них, словно короли... Но то все были фокусы, обман. Людей обмануть ничего не стоит. Они как цыплята, зачарованные змеей: их пальцем помани, они и подойдут. Да, в общем-то люди глупы, как куры. До них только потом доходит, что их просто-напросто обманули, и они начинают страшно злиться, вот подобные развлечения и перестают им нравиться. Я потому торговлей и занялась. Конечно, не все шелка здесь настоящие, не вся шерсть привезена с Гонта, да только они все равно будут это носить. Будут! Все это настоящее, не обман и не иллюзия, как те мои одежды из золотой парчи.

— Ну-ну, — сказал торговец Хок, — значит, во всем Хорте больше никого не осталось, кто сумел бы из чужих ушей пламя извлечь или еще какое чудо сотворить, как бывало?

При слове «чудо» женщина насторожилась, выпрямилась и начала аккуратно складывать шерстяную материю.

— Те, кому нужны лживые виденья, жуют хазию, — сказала она презрительно. — Вот с ними и говорите, если хотите! — И мотнула головой в сторону неподвижных фигур по краям площади.

— Но здесь ведь были и настоящие колдуны, из тех, что могли наполнить ветром парус или наложить охраняющее заклятье на грузы. Что же, и они все тоже в торговлю ударились?

Сильно разгневанная этими словами, толстая торговка заорала:

— Остался еще один, если вам так уж нужно; великий колдун, с волшебным посохом и все такое!.. Может, заметили его там, на площади? Когда-то он с самим Эгре плавал, заклинал для него ветры и отыскивал самые богатые галеры. Да только все это ложь, и капитан Эгре в конце концов наградил его по заслугам: оттяпал ему напрочь правую руку! Вот он и сидит там — поглядите-ка! — с полным ртом хазии и пустым брюхом. И все кругом ложь! Одна ложь! Вот тебе и вся магия, капитан Козел!

— Ну-ну, госпожа, — сказал торговец Хок мягко и терпеливо, — я ведь только спросил.

Но хозяйка лавки вдруг резко повернулась к нему спиной, так что кругом замелькала прямо-таки бешеная карусель из солнечных зайчиков, и Хок бочком, бочком выбрался на улицу. Аррен за ним.

Ястреб вовсе не испугался: совсем рядом с дверью лавчонки сидел, привалившись к стене и глядя в никуда, тот человек, на которого указала торговка. Когда-то темнокожее бородатое лицо его было, видимо, очень красивым. А теперь сморщенная безобразная культя правой руки была бесстыдно обнажена и лежала на камнях тротуара под ярким жарким солнцем юга.

Позади них в лавчонках возникла странная суматоха. Однако Аррену было не под силу отвести глаза от этого человека: мучительное очарование охватило его.

— А он действительно был волшебником? — спросил он очень тихо.

— Вполне возможно, и он скорее всего тот, кого раньше звали Харе: он служил заклинателем погоды у знаменитого пирата Эгре... Ага, осторожней, Аррен! — Какой-то человек, на полной скорости вынырнувший откуда-то из гущи лавок, врезался в них и чуть не сбил с ног. Потом появился другой, тоже куда-то страшно спешивший, сгибаясь под тяжестью подноса на голове, где грудой были навалены всякие кружева, галуны и мотки тесьмы. Одна из будок вдруг с треском развалилась, и толпа бросилась расхватывать оказавшийся на улице товар. На рыночной площади уже образовались целые небольшие смерчи из людей, где-то дрались, кто-то отчаянно кричал, однако вопли и шум перекрывал пронзительный голос толстой торговки в шляпе с зеркалами; Аррен успел заметить, как она ловко отбивается чем-то вроде палки или хлыста от группы мужчин, нанося удары с уверенностью опытного фехтовальщика. Была ли это одна из обычных рыночных свар, переросшая во всеобщую потасовку, или организованное нападение воровской банды, или вспышка постоянной вражды между соперничающими кланами торговцев, сказать было трудно; люди мчались куда-то с полными руками чужого добра, а может, и собственного, которое они, хотя бы частично, пытались спасти. В ход шли не только кулаки, но и ножи; гвалт стоял невероятный.

— Вон туда, — сказал Аррен, указав на ближайшую боковую улочку, и поспешил к ней, ибо было совершенно ясно, что чем скорее они уберутся с площади, тем лучше. Однако волшебник схватил его за руку. Аррен оглянулся и увидел, что тот человек, Харе, пытается встать на ноги. Когда это ему наконец удалось, он немного посто-

ял, покачиваясь, и, даже не посмотрев вокруг, двинулся по краю площади, здоровой рукой касаясь стен домов — словно надеясь на их поддержку.

— Следи за ним, — сказал Ястреб, и они пошли следом за Харе. Не встретив никаких препятствий, они уже через минуту благополучно выбрались с рыночной площади и стали спускаться по тихой узкой и извилистой улочке.

Крыши домов почти смыкались у них над головами, закрывая свет; камни под ногами были скользкими от помоев и отбросов. Харе довольно быстро шел все дальше и дальше, по-прежнему касаясь рукой стены, словно слепой. Они вынуждены были следовать за ним буквально по пятам, иначе вполне могли бы потерять его из виду на любом перекрестке. Арреном вдруг овладел азарт погони; все его чувства были обострены, словно во время охоты на оленей в лесах Энлада; он четко видел каждое лицо, мелькавшее мимо, и явственно различал в сладковатой вони городских отбросов запахи пищи, горьковатый запах дыма и даже аромат цветов. Когда они пересекали одну из широких, заполненных народом улиц, он услыхал барабанный бой и краем глаза успел заметить вереницу обнаженных мужчин и женщин, цепями прикованных друг к другу за руки и за талии; их спутанные волосы свисали клочьями. В следующее мгновение процессия уже скрылась из виду, а они, по-прежнему следуя за Харе, спустились по лестнице на небольшую площадь, совершенно безлюдную. Лишь несколько женщин судачили, стоя у фонтана.

Здесь Ястреб догнал Харе и положил руку ему на плечо. Харе съежился, будто ожидая удара, и отшатнулся; потом вдруг попятился к массивной двери одного из зданий, утопленной в стене. Там он остановился, весь дрожа и глядя на них невидящими глазами загнанной жертвы.

— Тебя, кажется, зовут Харе? — спросил Ястреб. Говорил он своим собственным голосом, по природе суховатым и резким, но сейчас звучавшим почти нежно. Человек не отвечал, то ли не воспринимая, то ли просто не слыша вопроса. — Мне кое-что от тебя нужно, — сказал Ястреб. И снова не получил ответа. — Я тебе заплачу.

— Слоновой костью или золотом? — Реакция, впрочем, была довольно вялой.

— Золотом.

— Сколько?

— Настоящий волшебник знает цену своего заклятья.

Лицо Харе исказилось и на какое-то мгновение стало живым, но почти тут же его снова заволокло пеленой безразличия.

— Это все в прошлом, — сказал он. — В прошлом.

Приступ кашля согнул его пополам; он сплюнул черным. Потом наконец распрямился и стоял, весь обмякший, дрожащий, казалось, совсем забыв, о чем они только что говорили.

И снова Аррен, зачарованно наблюдая за ним, во всем видел какой-то особый смысл. Угол, куда забился Харе, был образован двумя выступающими из стены человеческими фигурами с согбенными под тяжестью фронтона плечами; их мускулистые тела выпирали из стены, словно гиганты пытались вырваться из этих каменных объятий, вернуться к жизни, но на середине пути потерпели неудачу. Дверь, охраняемая статуями, прогнила, петли были ржавыми, и весь дом, или скорее бывший дворец, буквально на глазах превращался в руины. Мрачные тяжеловесные лица гигантов были покрыты выбоинами и мхом. Между этими невероятными громадами человек по имени Харе казался тощим и хрупким, и глаза его были так же темны, как окна опустелого дворца. Он протянул изуродованную руку к Ястребу и проныл:

— Подайте что-нибудь бедному калеке, господин...

Волшебник съежился, словно от боли или стыда; Аррен заметил, что на мгновение перед ним предстало подлинное лицо Ястреба, искаженное маской отвращения. Потом Верховный Маг снова положил руку на плечо Харе и что-то тихонько сказал на том самом волшебном языке, которого Аррен не понимал.

Зато понимал Харе. Он вцепился в Ястреба своей единственной рукой и, заикаясь, забормотал:

— Ты все еще можешь говорить на... на... Пойдем же со мной, пойдем...

Маг кивнул ему в ответ, глянув при этом на Аррена.

По крутым улочкам они спустились в одну из долин между тремя холмами, на которых раскинулся город Хорт. Улочки становились все у́же, темнее, безлюднее. Светлая полоска неба казалась зажатой над головой крышами и

стенами тесно стоящих домов, стены которых были почему-то сырыми... Это узкое каменное ущелье вывело их к небольшой речке или ручью, от которого воняло, как от сточной канавы. Через речку были перекинуты арки мостиков, по берегам беспорядочно толпились дома. В темную дверь одного из этих домов и нырнул Харе, вдруг пропав из виду, словно задутая в темноте свеча. Они последовали за ним.

Ступени неосвещенной лестницы скрипели и качались под ногами. На самом верху Харе толчком отворил какую-то дверь, и они смогли наконец оглядеться: пустая комната, в углу соломенный тюфяк, в стене единственное незастекленное окошко, закрытое ставнями и едва пропускавшее в комнату немного света.

Харе обернулся к Ястребу и снова схватил его за руку. Он шевелил губами, тщетно пытаясь что-то выговорить. Наконец, заикаясь, он произнес:

— Дракон... дракон...

Ястреб спокойно смотрел ему в глаза, не говоря ни слова.

— Не могу сказать! — Харе с отчаянием отпустил руку Ястреба и заплакал, скорчившись на полу.

Маг опустился рядом с ним на колени и о чем-то тихо заговорил словами Истинной Речи. Аррен стоял у закрытой двери, держа руку на рукояти ножа. Серый свет, грязная комната и двое мужчин, стоящих на коленях прямо на полу. И еще — странная тихая музыка слов того языка, на котором говорят драконы. Все это вместе напоминало сон и, казалось, не имело ни малейшего отношения ни к тому, что происходит вне этих стен, ни к настоящему времени вообще.

Харе медленно поднялся. Единственной рукой отряхнул пыль с колен. Изуродованную руку он прятал за спину. Потом огляделся, внимательно посмотрел на Аррена: теперь он уже ясно видел то, что было вокруг. Потом быстро отвернулся и уселся на свой тюфяк. Аррен остался на страже, однако Ястреб с простотой, свойственной тем, чье детство протекало в такой же бедности, спокойно сел, скрестив ноги, прямо на голый пол.

— Расскажи мне, как ты утратил свое мастерство и позабыл Язык Созидания, — сказал он.

Некоторое время Харе не отвечал. Он начал беспокойно постукивать своей изуродованной рукой по бедру, все больше приходя в волнение, и, наконец, выговорил, как бы с трудом выталкивая слова наружу:

— Они отрезали мне руку. Я не могу больше плести заклятья. Они отрезали мне руку. Кровь вытекала, пока не иссякла...

— Но это было уже после того, как ты утратил свое могущество, Харе, иначе они просто не смогли бы этого сделать.

— Могущество...

— Могущество, которое позволяло тебе командовать ветрами и волнами морскими. И людьми. Ты называл их подлинными именами, и они подчинялись тебе.

— Да, я помню, что когда-то был жив, — сказал Харе тихим хриплым голосом. — И я знал нужные слова и подлинные имена...

— Разве теперь ты мертв?

— Нет. Жив. Жив. Только однажды я был драконом... Я не умер. Иногда я сплю. Сон ведь очень похож на смерть, всем это известно. Как и то, что мертвые во сне оживают, ходят... Они приходят к тебе, как живые, и говорят с тобой. Они приходят из царства смерти прямо в твои сны. Есть такой путь. И даже если пройти по нему очень далеко, все равно всегда можно вернуться назад. Можно вернуться. Ты тоже сможешь найти этот путь, если будешь знать, где искать его. И если захочешь уплатить цену.

— А какова цена? — Голос Ястреба проплыл в сумрачном свете, словно тень упавшего с дерева листа.

— Жизнь — что же еще? За счет чего же еще можно выкупить жизнь, кроме самой жизни? — Харе качался взад-вперед на своем тюфяке; в глазах его горел какой-то жуткий хитроватый огонек. — Видишь, — сказал он, — они могут отрезать мне руку. Могут отсечь мне голову. Но это неважно. Я все равно смогу найти путь назад. Я знаю, где искать. Только очень могущественные люди могут пойти этим путем.

— Ты имеешь в виду волшебников?

— Да. — Харе заколебался, как бы пробуя несколько раз произнести нужное слово, но сделать этого не смог. — Могущественные люди, — повторил он. — И они должны... они должны отдать свое могущество. Уплатить цену.

Потом он погрузился в молчание, словно выражение

«уплатить цену» наконец пробудило в нем цепь воспоминаний и способность соображать, и до него дошло, что он просто проболтался, вместо того чтобы продать свою тайну. Больше от него ничего добиться было нельзя, даже прежних невнятных намеков на «возвращение назад», в которых Ястреб почему-то усматривал некий смысл. Вскоре Верховный Маг решительно поднялся с пола.

— Ну что ж, половина ответа — все же лучше, чем ничего, — сказал он. — Впрочем, и плата тоже будет соответствующей. — Ловким жестом фокусника он извлек откуда-то золотой и бросил его на тюфяк рядом с Харе.

Харе схватил монету. Он смотрел то на нее, то на Ястреба, то на Аррена, и голова его странно подергивалась.

— Погодите, — заикаясь, проговорил он. Увидев золото, он утратил всякий контроль над собой и теперь снова самым жалким образом тщетно старался выговорить то, что хотел раньше. — Сегодня ночью, — сказал он наконец. — Ждите. Сегодня ночью. Хазия у меня есть.

— Мне она не нужна.

— Чтобы показать тебе... Чтобы показать путь. Сегодня ночью. Я возьму тебя с собой. Ты сможешь пройти туда, потому что ты... ты... — Он мучительно пытался выговорить нужное слово, пока Ястреб не договорил за него:

— Потому что я волшебник.

— Да! Так что мы можем... мы сможем попасть туда. На тот путь. Когда я сплю. Во сне. Понимаешь? Я возьму тебя с собой. Ты пойдешь со мной в... по тому пути.

Ястреб стоял, спокойно размышляя о чем-то, посреди этой мрачной мерзкой комнаты.

— Может быть, я и приду, — сказал он наконец. — Если мы придем, то жди нас ближе к полуночи. — Потом он повернулся к Аррену, и юноша тут же распахнул дверь, готовый побыстрее уйти.

После жилища Харе вонючая темная улочка казалась светлым садом. Они двинулись в верхний город самым коротким путем, по крутой каменной лестнице, поднимавшейся меж поросших плющом стен. Аррен отдувался и фыркал, как морской лев.

— Уф! Неужели мы снова пойдем туда?

— Ну, если я не смогу добыть нужных сведений из менее опасного источника, то пойду. Похоже, нам готовят засаду.

— Но разве ты, господин мой, не защищен от воров и тому подобного?

— Защищен? — удивился Ястреб. — Что ты имеешь в виду? Ты что же, думаешь, что я хожу, весь опутанный заклятьями, как старуха, опасающаяся ревматизма? У меня и времени-то на это не было. Я скрыл свое лицо, чтобы скрыть цель нашего путешествия; и это все. Мы и так можем позаботиться друг о друге. Но дело в том, что нам и впредь не удастся избегать опасных случайностей.

— Естественно, — сухо сказал Аррен, уязвленный и рассерженный. — Я к этому и не стремлюсь.

— Ну и очень хорошо, — невозмутимо и добродушно, хотя и чуточку насмешливо заключил волшебник, слегка охладив пыл своего юного спутника.

Аррен и сам удивился своей вспышке гнева; ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он станет таким тоном разговаривать с Верховным Магом. С другой стороны, это вроде бы был и не совсем Верховный Маг, а какой-то торговец Хок: курносый нос, квадратные, плохо выбритые щеки... И голос какой-то странный — то так звучит, то этак; в общем, совсем непонятный человек, на которого и положиться-то нельзя.

— Разве есть какой-нибудь смысл в том, что наболтал этот Харе? — спросил Аррен. Ему ужасно не хотелось снова возвращаться в темную комнату на берегу вонючей речки. — Насчет того, что он и жив, и умер, и может вернуться, даже если ему отрежут голову?

— Не знаю, есть ли в этом смысл. Я хотел поговорить с волшебником, который утратил свое могущество. Он считает, что не утратил его, а отдал в уплату — в обмен. На что? Жизнь на жизнь, так он сказал. Могущество на могущество. Нет, я его не понимаю, но послушать его стоит.

Спокойная рассудительность Ястреба пробудила в душе Аррена стыд за самого себя. Ведь он вел себя капризно и нетерпеливо, как малый ребенок. Харе сначала заинтересовал его, но теперь, когда интерес к нему почти пропал, Аррен чувствовал лишь какое-то липкое отвращение, словно съел какую-то гадость. Он решил больше не заговаривать на эту тему, пока не возьмет себя в руки. И тут неожиданно поскользнулся на сбитых скользких

ступенях и, чтобы не скатиться вниз, ухватился за камни руками.

— Да будь он проклят, этот вонючий город! — гневно воскликнул он.

И Верховный Маг ответил ему сухо:

— По-моему, это уже случилось.

И правда, в Хорте было неладно. Что-то дурное, болезненное чувствовалось даже в самом его воздухе, так что всерьез можно было предположить, что на городе лежит проклятье. Причем Хорт не то чтобы приобрел какое-то новое отвратительное качество, а скорее утратил что-то важное и ослабел, как от болезни, как от таинственной заразы, что проникает в душу каждого, кто сюда попадает. Даже тепло весеннего полуденного солнца было каким-то нездоровым — слишком сильной для марта была эта жара. Жизнь и суета кипели на площадях и улицах города, но в нем не чувствовалось ни порядка, ни процветания. Выбор товаров был беден, цены высоки, а рынки небезопасны как для продавцов, так и для покупателей: они прямо-таки кишели разнокалиберными ворами и бандитами. Женщины на улицах встречались редко, да и то больше группками. В городе как бы не существовало ни законов, ни правительства. Из бесед с самыми разными людьми Аррен и Ястреб скоро поняли, что здесь больше не существует ни городского совета, ни мэра. Одни представители прежних властей умерли, другие подали в отставку, кое-кого убили; город поделили между собой главари различных банд; портовая стража набивала себе карманы, терроризируя прибывающие в Хорт суда. В городе не осталось не только центральной власти, но — во всяком случае, так казалось — и самого центра, средоточия культурной и торговой жизни. И люди в нем, несмотря на неугомонную деятельность, суетились как-то бессмысленно. Ремесленники, похоже, совсем утратили желание работать как следует, и даже воры воровали только потому, что это было единственное, чему они были обучены. Все кипение жизни и яркая пестрота огромного портового города оказались как бы поверхностной пленкой, и стоило лишь приподнять ее за краешек, как становились видны многочисленные пожиратели хазии, неподвижно сидящие вдоль улиц. Да и самая обычная, будничная жизнь тоже казалась ненастоящей — даже сами лица людей, даже звуки, даже запахи. Все это как бы

исчезало порой — за тот долгий жаркий день, пока Ястреб и Аррен слонялись по городу, беседуя с его жителями; это случалось несколько раз: пропадали и краски, и звуки, исчезали полосатые маркизы, грязные прилавки, разноцветные стены, вся пестрота и живость портовой суеты как бы растворялась в невидимой дымке, и город превращался в призрак, в сон, пустой и ужасный в солнечном мареве.

Только ближе к вечеру, когда они забрались на самую вершину одного из холмов, чтобы передохнуть, этот мертвящий сон-кошмар отпустил их.

— В этом городе не будет удачи, — сказал Ястреб еще несколько часов назад, и теперь после долгих и бесплодных блужданий и разговоров с незнакомыми людьми он выглядел усталым и мрачным. Даже волшебная маска его как бы истончилась, и под внешностью грубовато-добродушного морского торговца стало проглядывать суровое темнокожее лицо совсем другого человека. Аррен так и не смог избавиться от раздражения, охватившего его еще утром. И сердито плюхнулся рядом с Ястребом на жесткую короткую траву на опушке небольшой рощицы. Деревья с темно-зелеными листьями были густо усыпаны бутонами красных цветов; некоторые цветы уже распустились. Отсюда видны были лишь черепичные крыши города, которые, громоздясь друг над другом, неровными ступенями спускались к морю. Широко раскинувшийся залив слабо голубел под весенним, подернутым дымкой небом, на горизонте сливаясь с ним. Все вокруг было расплывчатым, нечетким. Они сидели и смотрели на этот необъятный голубой простор. И душа Аррена постепенно как бы очистилась и вновь открылась навстречу окружающему миру, готовая славить его красоту.

Чуть поодаль они напились из небольшого ручейка; чистая родниковая вода струилась по коричневым валунам, сбегая сверху из чьего-то богатого сада. Аррен пил долгими глотками, потом сунул голову прямо под холодные струи. Наконец, утолив жажду, он выпрямился и продекламировал несколько строк из «Подвига Морреда»:

Восславьтесь, фонтаны Шели́тха,
Вы, арфы серебряной струны,
Но именем я заклинаю:
Пусть славится вечно источник,
Что жажду мою утолил!..

Ястреб чуть посмеялся над ним, и самому Аррену тоже вдруг стало смешно. Он встряхнул головой, как собака, и брызги воды ярко вспыхнули в последних золотых лучах заходящего солнца.

Однако пора было уходить, покинуть этот благословенный уголок и снова спускаться на улицы города. Когда они поужинали в мерзкой забегаловке жаренными в сале пирожками с рыбой, в воздухе уже сгущалась ночная тьма, быстро заполняя узкие улочки.

— Нам, пожалуй, надо идти, парень, — сказал Ястреб, и Аррен с надеждой спросил:

— К лодке?

Хотя знал, что вовсе не к лодке, а к тому дому над грязной рекой, в ту пустую, вонючую, отвратительную комнатенку.

Харе ждал их у входа.

Он зажег масляную лампу, чтобы осветить им путь, пока они поднимались по темной лестнице. Слабенькое пламя мигало и колебалось, и на стенах плясали огромные, быстро исчезающие тени.

Харе успел даже где-то раздобыть охапку соломы, чтобы гостям было на что сесть, однако Аррен все-таки уселся на голом полу возле двери. Дверь открывалась вовне, так что в принципе ему как сторожу лучше было бы усесться снаружи; но остаться на темной — хоть глаз выколи — лестничной площадке было выше его сил, а кроме того, ему хотелось заодно присматривать и за Харе. Внимание Ястреба, а также, возможно, и его силы будут отвлечены тем, что Харе расскажет или покажет ему; поэтому именно Аррену предстояло позаботиться о безопасности и вовремя распознать любой подвох.

Теперь Харе держался спокойнее и меньше дрожал; он вычистил зубы, умылся и поначалу разговаривал вполне здраво, хотя и возбужденно. Его глаза при свете лампы казались абсолютно темными и непроницаемыми, как у дикого зверя; белки почти не были видны. Он на полном серьезе уговаривал Ястреба непременно пожевать хазии.

— Я хочу взять тебя... взять тебя с собой. Мы должны пойти одним и тем же путем. И скоро я уже уйду, и неважно, готов ли ты. Так что хазия тебе надобна, если хочешь успеть за мной.

— Я думаю, что смогу пойти с тобой и без хазии.

— Только не туда, куда я сейчас направляюсь. Это... не сделаешь с помощью заклятья. — Казалось, он не в состоянии произнести слово «волшебник» или «волшебство». — Я знаю, что ты можешь попасть в... в то... место, ты знаешь, за стеной... Но это не там. В то место ведет другая дорога.

— Если ты пойдешь первым, я смогу последовать за тобой.

Харе покачал головой. Его когда-то красивое лицо, теперь изъеденное хазией и временем, покраснело; он часто через плечо посматривал на Аррена, как бы включая его в общий разговор, хотя обращался только к Ястребу.

— Смотри: существуют ведь два типа людей, разве не так? Такие, как мы, и все остальные. Или... драконы и все остальные. Люди, не обладающие могуществом, живут только наполовину. Их вообще можно не принимать в расчет. Они не понимают того, что им снится, они боятся темноты. Но другие, повелители людей, не боятся посещать владения тьмы. У нас есть для этого сила.

— До тех пор, пока мы помним подлинные имена вещей.

— Но имена не значат там ничего — вот ведь в чем самое главное, вот в чем! Дело вовсе не в том, что ты делаешь именно то, что тебе нужно, и понимаешь, что именно ты делаешь. Заклятья не помогут. Ты должен все это забыть, выбросить из головы. Тут-то и помогает хазия: ты забываешь имена вещей, предметы утрачивают для тебя свою форму, и ты попадаешь прямо в тот мир. Я намерен отправиться туда очень скоро, с минуты на минуту, так что если хочешь узнать путь, делай так, как я говорю. А я говорю, как Он. Ты должен властвовать над людьми, чтобы получить власть над жизнью. Ты должен решить загадку. Я мог бы назвать тебе имя... название... но что такое имя? Имя вообще нереально, не настолько реально, не навсегда... Драконы туда пойти не могут. Драконы смертны. И все тоже смертны. Я сегодня принял так много хазии, что тебе меня не догнать. Впрочем, это ерунда. Там, где я собьюсь с пути, меня поведешь ты. Помнишь, в чем секрет? Помнишь? Смерти нет. Нет смерти, нет! Нет потной постели и разваливающегося гроба, и не будет никогда. Никогда! И кровь высыхает, словно река, и исчезает. Нет страха. Нет смерти. Все имена ис-

чезли, исчезли все слова, исчез страх. Покажи мне такое место, где я мог бы заблудиться, покажи мне, господин мой...

И этот задыхающийся горячечный бред все продолжался и продолжался; Харе словно распевал слова заклинания, только это было не заклинание, а нечто невнятное, лишенное смысла. Аррен слушал, вслушивался, изо всех сил старался понять. Ах, если бы только он мог понять! Ястребу придется поступить так, как говорит Харе, и на этот раз принять зелье, чтобы последовать за ним и выяснить, что это за тайна, о которой он не желает или не может сказать. Иначе зачем еще они здесь? Но тут Аррен перевел взгляд с искаженного дурманом лица Харе на профиль волшебника и понял, что тот, возможно, уже догадался, о какой тайне идет речь... Профиль его был тверд, словно выточенный из камня. Куда девался бесформенный курносый нос и добродушно-глуповатый вид? Торговец Хок исчез. На полу сидел великий волшебник, Верховный Маг Земноморья.

Голос Харе превратился в едва слышное бормотание; он сидел, скрестив ноги, и раскачивался. Лицо его выглядело совсем измученным, губы вяло обвисли. Сидя лицом к нему в слабом ровном свете масляной лампы, стоявшей на полу между ними, волшебник не произнес ни слова, просто взял Харе за руку и крепко держал ее в своих руках. Аррен даже не заметил, когда это произошло. В последовательности событий были как бы некие провалы, провалы в небытие, какие-то временные пустоты. Прошло, по крайней мере, несколько часов, теперь скорее всего уже за полночь. А если он, Аррен, уснет, то не сможет ли и он последовать за Харе в тот его сон? И попасть в неведомое место по таинственному пути? А вдруг может? Теперь это казалось ему вполне возможным. Но он обязан охранять вход. Они с Ястребом почти не говорили об этом, но оба прекрасно понимали, что, заставив их вернуться сюда ночью, Харе явно задумал заманить их в западню: он ведь и сам когда-то был разбойником. Так что Аррен чувствовал, что обязан быть на страже, ибо пока душа волшебника совершает свое загадочное путешествие, тело его совершенно беззащитно. Надо было быть последним дураком, чтобы оставить свой меч в лодке! Какой прок от его ножа, если дверь вдруг распахнется

у него за спиной? Нет, он приготовится заранее: он будет очень внимательно слушать и непременно услышит любые шаги. Харе совсем умолк, оба они теперь погрузились в молчание, и весь дом был объят тишиной. В такой тишине никто не сможет подняться по шаткой скрипучей лестнице совершенно бесшумно. Аррен ведь может и на помощь позвать, если услышит какой-то подозрительный шум; он громко закричит, и тогда транс прервется. Ястреб вернется в этот мир и защитит себя и его, ударит волшебной молнией во врага... Когда Аррен садился у двери, Ястреб посмотрел на него; один лишь взгляд — но в нем было и одобрение, и доверие. И вот Аррен на страже. И никакая опасность не угрожает Ястребу, пока он на страже. Но так трудно, ужасно утомительно все время видеть лишь эти два застывших лица да крошечный жемчужный огонек лампы между ними на полу. Волшебник и Харе сидели совершенно неподвижно, в полном молчании, глаза их были открыты, но ничего не видели — ни тусклого света, ни грязной комнаты, ни этого мира. Перед ними был сейчас какой-то совсем иной мир — то ли страна снов, то ли царство смерти... Трудно было только смотреть на них и не попытаться пойти следом...

Там, в бескрайней темной пустыне, стоял некто и звал его, Аррена. «Иди», — говорил он, этот высокий повелитель теней, и в руке его горел крошечный огонек, не больше жемчужины, и он протягивал огонек Аррену, предлагая ему жизнь. Аррен медленно сделал один шаг и пошел к нему.

4

ВОЛШЕБНЫЙ ОГОНЬ

Рот у него совершенно пересох. В нем чувствовался вкус пыли. Губы были покрыты грязной коркой.

Не поднимая головы, он следил за игрой теней на полу. Тени были большие, они двигались и останавливались, раздувались и съеживались, а более мелкие и слабые метались по стенам вокруг и по потолку, словно передразнивая большие. Одна из теней застыла в углу, другая

неподвижно лежала на полу. Обе ни разу не пошевелились.

В затылке возникла острая боль. И сразу, как бы озаренное внезапной вспышкой, в мозгу пронеслось воспоминание: Харе, скрючившийся в углу; Ястреб, распростертый на полу, и человек, склонившийся над ним; другой человек собирал золотые монеты, а третий стоял на страже. У этого третьего в руках была лампа и кинжал — кинжал Аррена.

Если они и говорили что-то, то он их не слушал. Он слушал лишь собственные мысли, которые сразу и весьма решительно подсказали ему, как поступить. Он тут же послушался. Очень медленно прополз вперед шага на два, дотянулся левой рукой до мешка с награбленным, потом вскочил на ноги и с диким воплем ссыпался вниз по шатким ступеням, ни разу даже не оступившись в кромешной тьме, даже не чувствуя лестницы под ногами, словно не бежал, а летел по воздуху. Вырвался на улицу, что было сил рванулся вперед и исчез в ночи.

Дома темными громадами высились на фоне неба. Звездный свет слабо поблескивал на речной воде справа от него, и хотя он не мог разобрать, куда ведут улицы, но вполне различал перекрестки, сворачивал там и путал след. Они упорно преследовали его; он слышал их сзади, даже довольно близко. Они были босиком, так что их тяжелое дыхание он слышал более отчетливо, чем шаги. Он бы, пожалуй, засмеялся, только времени не было. Теперь он наконец узнал, каково это — быть загнанной жертвой, а не охотником во главе забавляющейся оравы. Чтобы уйти, нужно было остаться в одиночестве и на свободе. Он резко свернул вправо и, чуть помедлив, перемахнул через бортик очередного моста, потом скользнул на боковую улочку, за угол, назад к реке и какое-то время бежал вдоль берега, а потом по следующему мосту перебрался на другой берег. Башмаки его громко стучали по мостовой — единственный звук во всем спящем городе; он немного задержался на мосту, пытаясь расшнуровать и снять ботинки, но шнурки затянулись в узел, а преследователи по-прежнему шли по пятам. Фонарь на мгновение мелькнул на противоположном берегу, и тихие тяжелые шаги бандитов снова стали приближаться. Он не мог совсем оторваться от них, он мог лишь бежать все дальше и дальше, заставляя их догонять себя, уводя их подальше от той пыльной комнаты, уводя их от нее далеко-далеко... Они успели снять с него куртку, ремень вместе с кинжалом, и он остался в одной рубашке, ему было легко и жарко, голова кружилась, и боль в затылке резко вспыхивала при каждом шаге, но он бежал, бежал, бежал... Тяжелый мешок мешал ему. Он резко отшвырнул его в сторону: один золотой с чистым звоном покатился по камням мостовой. «Вот ваши деньги!» — крикнул он хрипло, задыхаясь. И побежал дальше. И тут вдруг улица кончилась. Не было ни перекрестка, ни звезд впереди — глухой тупик. Не останавливаясь, он развернулся и помчался прямо на своих преследователей. Фонарь у него перед глазами метался как бешеный, и Аррен что-то вызывающе орал, когда столкнулся с ними лицом к лицу.

Перед ним туда-сюда качался фонарь, слабое пятно света в огромном море шевелящейся серости. Он долго смотрел на него. Потом свет стал слабеть: чья-то тень закрыла его, а когда тень исчезла, фонарь больше уже не горел. Ему было немного жаль, что фонарь потух; а может быть, жаль самого себя, потому что теперь пора было просыпаться.

Фонарь, уже потушенный, по-прежнему свисал с мачты. Вокруг был только океан, освещенный восходящим солнцем. Бил барабан. В такт ему тяжело скрипели весла; деревянная обшивка судна плакала и стонала на тысячу ладов; какой-то человек на носу, обернувшись, отдал приказание матросам. Все те, кто был скован одной цепью с Арреном, молчали. У каждого железный обруч на талии и наручники на запястьях были с помощью короткой тяжелой цепи соединены с оковами соседа; железный пояс к тому же был дополнительно прикреплен цепью к скобе в палубе, так что можно было только сидеть или лежать скрючившись, но не стоять. Впрочем, они сидели так тесно, что лечь тоже было невозможно. Небольшой трюм судна был прямо-таки забит рабами. Аррен оказался в переднем углу, у самого выхода. Если он чуть выше приподнимал голову, то видел поручни, трап и край палубы шага в два шириной.

Он не слишком хорошо помнил, что произошло про-

шлой ночью после погони и ее бесславного конца в уличном тупике. Он дрался, его сбили с ног, превратили в отбивную, а потом куда-то долго тащили. Он запомнил голос одного из бандитов, вернее, какой-то странный шепот. Потом они оказались в помещении, напоминавшем маленькую кузницу, в горне ярко горел огонь... Вот, пожалуй, и все, что он мог вспомнить. Однако понимал, что находится на рабовладельческом судне, что его везут на продажу.

Ему, в общем-то, было все равно. Слишком мучила жажда. Все тело болело, а голова просто раскалывалась. Когда взошло солнце, яркие лучи, словно стрелы, вонзились ему в глаза, причиняя нестерпимую боль.

Где-то ближе к полудню им дали по куску хлеба и напиться — по одному глотку из огромного кожаного бурдюка, который по очереди подносил к их губам человек с тяжелым резким лицом. Шея его была перехвачена широким позолоченным ремнем, напоминавшим собачий ошейник, и когда Аррен услышал, как он говорит, то узнал странный шепчущий голос ночного налетчика.

Питье и еда принесли некоторое облегчение; в голове прояснилось. Аррен впервые осмотрелся, разглядел лица своих товарищей по несчастью — троих в его ряду, четверых сзади. Они большей частью сидели, положив голову на согнутые колени; один совсем скрючился: то ли был болен, то ли наелся хазии. Ближайший сосед Аррена оказался парнем лет двадцати с широким плоским лицом.

— Куда они везут нас? — спросил его Аррен.

Парень посмотрел на него — лица их почти соприкасались — и ухмыльнулся, пожав плечами. Аррен подумал, что он, наверно, тоже этого не знает, но парень качнул скованной рукой, как бы подзывая поближе, и, разинув все еще ухмыляющийся рот, показал туда, где должен был быть язык: там зияла пустота и виден был только черный корень.

— Наверно, в Шоул, — сказал один из пленников позади Аррена, а другой подхватил:

— Или на рынок в Амруне.

И тут же вездесущий человек в ошейнике свесился в трюм и прошипел:

— А ну тихо, не то акулам на обед пойдете!

И все тут же умолкли.

Аррен попытался вообразить себе эти города — Шоул, Амрун. Там на рынках продают и покупают рабов. Их, наверно, выстраивают перед покупателями, как волов или баранов у них в Бериле. И он тоже будет стоять там, закованный в цепи. Кто-то купит его, отведет к себе домой, ему будут отдавать приказания, и он, конечно, откажется подчиняться. Или подчинится, но попытается бежать. И тогда его убьют. Убьют, впрочем, в любом случае. И даже не то чтобы он всем сердцем заранее возмущался при мысли о предстоящем рабстве — нет, он был для этого слишком слаб и растерян; просто он знал, что не сможет быть рабом, а потому в течение одной-двух недель все равно умрет или будет убит. Он воспринимал это как реальность, и все-таки ему стало страшно, так страшно, что он решил больше не думать о будущем. И уставился в пол, разглядывая черные подгнившие доски; а жаркие солнечные лучи жгли его обнаженные плечи, и нестерпимая жажда иссушала рот и горло.

Село солнце. Спустилась ночь, ясная и холодная. С небес смотрели пронзительные глаза звезд. Стоял полный штиль, и барабанный бой, словно медленные удары сердца, задавал ритм гребцам. Ночью страшнее всего оказался холод. Лишь спине Аррена доставалось чуточку тепла из-за уткнувшихся в нее ног соседа сзади, а левому боку — от немого парня, который сидел сгорбившись и мычал на одной ноте какую-то странную мелодию. Сменились команды гребцов, снова начал бить барабан. Аррен мечтал о темноте, но уснуть никак не мог: все тело болело, а сменить позу было невозможно. Он сидел, страдая от боли и дрожа от холода, с опухшей пересохшей глоткой, уставившись на звезды, что покачивались на небе в такт усилиям гребцов, на мгновение замирали, и снова начинали покачиваться, и снова замирали...

Возле трюма у мачты остановились двое — человек в ошейнике и еще кто-то; маленький фонарь, висевший над ними, отбрасывал на палубу их тени.

— Туман, будь он неладен! — послышался ненавистный свистящий шепот человека в ошейнике. — Откуда, скажи мне, туман в Южном Пределе в такое время года? Ах, чертово невезенье!

Барабан продолжал отбивать ритм. Звезды покачивались, скользили, останавливались. Рядом с Арреном че-

ловек с вырванным языком вдруг резко вздрогнул и, подняв голову, испустил леденящий душу нутряной вопль: ему, видно, приснилось нечто ужасное.

— Эй, тихо там! — проревел второй человек из тех, что стояли у мачты.

Немой еще раз вздрогнул и затих, только жевал во сне деснами. Звезды, как бы украдкой, соскользнули с небес вперед, в пустоту. Мачта странно заколебалась и скрылась из виду. На спину Аррену, казалось, уронили ледяное серое одеяло. Барабанщик сбился, потом восстановил ритм, но более медленный.

— Плотный, как пахта! — сказал кто-то грубым голосом прямо над головой Аррена. — Эй, там, гребите как следует! Здесь никаких мелей нет! — Мозолистая, покрытая шрамами нога появилась из тумана, какое-то время повисела в воздухе перед носом у Аррена и исчезла.

В таком тумане двигаться вперед не имело смысла, надо было только удерживаться на месте, едва шевеля веслами. Рыдания барабана чуть стихли. Было сыро, промозгло. Влага от оседавшего на волосах Аррена тумана стекала ему в глаза; он пытался поймать капли языком, разинутым ртом хватая влажный воздух и стараясь хоть как-то утолить нестерпимую жажду. Зубы у него стучали от холода. Ледяная цепь касалась бедра, обжигая, как огонь. Барабан тихо бормотал, пока не смолк совсем.

— Эй, барабанщик! В чем дело? — просвистел в наступившей тишине знакомый сиплый шепот. Ответа не последовало.

Судно слегка покачивалось на спокойной воде. За едва различимыми перилами трапа не было видно ничего: пустота. Что-то стукнулось в темноте о борт корабля. В мертвой тишине стук этот показался довольно громким.

— На мель сели, — сказал кто-то из пленников шепотом, и шепот его растворился в тумане.

Потом туман вдруг начал светиться, словно где-то внутри его расцветал невиданный яркий цветок. Теперь Аррен отчетливо различал головы скованных с ним одной цепью людей и даже мелкие капельки влаги, осевшие на их волосах. Снова судно качнулось, и он настолько, насколько позволяли оковы, вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит на палубе. Туман светился над судном, как полная луна, чуть прикрытая легким облачком.

Свет был такой же — холодный и ясный. Гребцы застыли, как каменные изваяния. Члены команды собрались на корме, чуть поблескивая глазами. У левого борта в полном одиночестве стоял человек, от которого исходило это загадочное свечение — светились его руки, лицо, а посох сверкал, словно расплавленное серебро.

У ног светящегося человека скрючилась какая-то странная темная фигура.

Аррен попытался заговорить и не смог. Окутанный великолепием света, Верховный Маг подошел к нему и опустился на колени. Аррен ощутил прикосновение его рук, услышал его голос, почувствовал, как пали оковы. По всему трюму слышался звон падающих цепей. Но ни один человек не двинулся с места; Аррен хотел было встать и не смог: он совершенно закоченел, руки и ноги одеревенели и отказывались слушаться. Верховный Маг крепко сжал его руку, и, чувствуя эту помощь, Аррен кое-как выполз из трюма и рухнул на палубу.

Верховный Маг отошел чуть в сторону; туманное великолепие света коснулось лиц неподвижных гребцов. Он остановился возле той черной фигуры, что скрючилась у самого входа в трюм.

— Я никогда никого не наказываю, — тяжело прозвучал его ясный и холодный голос, похожий на этот волшебный светящийся туман. — Но во имя справедливости, Эгре, я возьму на себя этот грех: да будет язык твой нем, пока ты не отыщешь такое слово, которое стоило бы произнести вслух!

Волшебник повернулся к Аррену и помог ему встать на ноги.

— Пойдем-ка, сынок, — сказал он, и Аррен с его помощью как-то двинулся вперед и полупрополз-полуперевалился в лодку, что покачивалась на воде у борта корабля: это была их «Зоркая», и парус ее белел в тумане, как крыло бабочки.

По-прежнему стояла полная тишина и безветрие; свет погас, лодка повернулась и скользнула в сторону. Почти сразу же сама галера, неяркий фонарь на ее мачте, неподвижные гребцы, высокий темный борт скрылись из виду. Аррену показалось, что он слышит позади крики, но звуки были настолько слабыми, что вскоре потонули во тьме. Чуть позже туман начал рассеиваться, расползаться.

Его разносил ночной ветерок. Над ними вновь было чистое ночное небо, а «Зоркая» бесшумно, словно летящая бабочка, понесла их по морю под ясными звездами.

Ястреб укутал Аррена в одеяла, дал ему воды и сел рядом, положив руку на плечо юноши; и тут вдруг Аррену страшно захотелось плакать. Волшебник не говорил ни слова, но такая нежность и спокойствие исходили от него, таким теплым было прикосновение его руки, что постепенно Аррена охватил покой. Ему было тепло, лодка мягко покачивалась, на сердце становилось легче.

Он взглянул вверх, на своего спутника. Его темнокожее лицо больше не светилось неземным светом и на фоне звездного неба было едва различимо.

Лодка плыла и плыла, гонимая волшебным ветром. Волны, словно чем-то удивленные, перешептывались у ее бортов.

— Кто этот человек в ошейнике?

— Лежи спокойно. Морской разбойник, Эгре. Он носит этот ремень, чтобы скрыть шрам на глотке, которую ему однажды перерезали. Похоже, он пал так низко, что из пирата превратился в работорговца. Но на этот раз он остался в дураках. — В спокойном суховатом голосе послышались удовлетворенные нотки.

— Как ты нашел меня?

— Волшебство, еще кое-что... Я слишком много потерял времени. Мне не хотелось, чтобы все видели, как Верховный Маг и Хранитель острова Рок таскается по трущобам Хорта. И я все еще жалею, что не удалось до конца сохранить то мое обличье. Мне пришлось сначала выследить одного, потом другого, и когда, наконец, я обнаружил, что корабль работорговцев отплыл еще до рассвета, то попросту вышел из себя. Взял «Зоркую», поднял ветер, поскольку стоял полный штиль, и покрепче замкнул весла всех судов в заливе — ненадолго! Пусть-ка теперь попробуют объяснить, что с ними произошло, если все волшебство, с их точки зрения, сплошная ложь! Но я был зол и слишком спешил, а потому проскочил мимо корабля Эгре, который двигался не прямо на юг, а чуть восточнее обычного курса — чтобы обойти отмели. Все, что делал я в тот день, получалось отвратительно. Нет в городе Хорте удачи... Ну ладно, в конце концов я сотворил заклятье, помогающее найти утерянное, и в темноте настиг судно Эгре. Может, все-таки теперь поспишь?

— Нет, мне хорошо, я и чувствую себя куда лучше! — Озноб у Аррена сменился легким жаром, и он действительно почувствовал себя значительно лучше; несмотря на общую слабость, голова работала хорошо, мысли легко перескакивали с одного предмета на другой. — А как ты очнулся ото сна? И что случилось с Харе?

— Меня разбудил утренний свет; и, к счастью, — всего лишь с тяжелой головой: у меня за ухом здоровенная опухоль длиной с огурец и приличная дырка. Харе по-прежнему был в забытьи.

— Я плохо стерег...

— Но не потому, что уснул.

— Нет, — Аррен колебался, — я был... это было...

— Ты был там впереди меня; я тебя видел, — сказал Ястреб странным тоном. — Именно поэтому им и удалось застать нас врасплох и порубить, словно ягнят на бойне, да еще золото прихватить, одежду и раба, за которого можно было взять высокую цену. Это они за тобой охотились, парень. За тебя на рынке рабов в Амруне можно получить столько, сколько стоит хорошая ферма.

— Они не очень сильно стукнули меня. Я успел очнуться. Уж они у меня побегали! Я рассыпал украденное ими золото по всей улице, прежде чем они загнали меня в угол. — Глаза у Аррена сверкали.

— Так ты очнулся еще там... и побежал? Но почему?

— Чтобы увести их от тебя. — Изумленный тон Ястреба больно задел его, и он сердито добавил: — Я думал, они охотятся за тобой. Боялся, что тебя могут убить. Я сперва дотянулся до мешка с награбленным, а потом заорал изо всех сил, чтобы они заметили, и бросился бежать. И они, конечно, вдогонку.

— О да... еще бы им не побежать! — Вот и все, что сказал в ответ Ястреб. Ни словечка похвалы. Впрочем, некоторое время волшебник сидел, задумавшись, а потом вдруг спросил: — А тебе не приходило в голову, что я, возможно, был в тот момент уже мертв?

— Нет.

— Сначала убей, потом ограбь — так ведь безопаснее.

— Я об этом не думал. Я думал только о том, как увести их от тебя.

— Почему?

— Потому что ты, наверно, смог бы защитить нас, вытащить нас обоих из этой истории, если бы успел прийти в себя. Или, по крайней мере, сам бы смог как-нибудь выпутаться из этого. Я стоял на страже и недоглядел. Вот и надо было исправить свою оплошность. Ведь это тебя я охранял, сидя у двери. И во всем этом деле ты главный, а я — всего лишь подручный; я нужен, например, для того, чтобы стоять на страже или для чего-нибудь еще в этом роде — в общем, что ты прикажешь; в конце концов, именно ты поведешь нас к цели, именно ты сможешь попасть туда, куда мы должны попасть — где бы это место ни находилось, — и только ты сможешь исправить то, что было нарушено.

— Да? — спросил волшебник. — Впрочем, и я так думал до прошлой ночи. Я считал, что у меня есть послушный спутник, который пойдет за мной куда угодно. Однако это я последовал за тобой, сынок. — Голос его звучал холодно и, пожалуй, чуть иронично. Аррен не знал, что сказать. Он совсем растерялся. Он полагал, что его оплошность — то, что на посту он то ли заснул, то ли впал в какой-то транс, — вряд ли можно искупить отчаянной попыткой отвести разбойников от Верховного Мага, едва не стоившей ему, Аррену, жизни. Однако теперь оказывалось, что попытка эта как раз и была глупостью, тогда как впадание в транс в самый неподходящий момент оказалось на удивление мудрым.

— Прости меня, господин мой, — сказал он наконец непослушными губами, снова с трудом сдерживая слезы, — прости, что я подвел тебя. А ты еще спас мне жизнь...

— А ты, возможно, мне! — резко возразил волшебник. — Кто знает? Они вполне могли бы перерезать мне горло, если бы... И давай больше не говорить об этом, Аррен. Я рад, что ты снова со мной.

Он вытащил из рундука маленькую походную жаровню, раздул угли и стал что-то готовить. Аррен лежал и смотрел на звезды, постепенно успокаиваясь. Мысли переставали метаться как бешеные. И понемногу он начал понимать, что сделанное им или, наоборот, несделанное не получит никакого осуждения. Он что-то сделал, и Ястреб принял это как свершившийся факт. «Я никого никогда не наказываю», — холодно бросил он этому Эгре. Он никого и не награждал. Но бросился что было мочи вдогонку за Арреном по ночному морю, отдав ради него всю силу своего волшебства; и снова поступит так, если понадобится. Он из тех, на кого можно положиться всегда, из тех, от кого зависит твоя жизнь.

И он стоил той великой любви, которую испытывал к нему Аррен, и великой его веры. И прежде всего именно потому, что сам доверял Аррену полностью. То, что делал Аррен, и для него было правильным.

Ястреб повернулся к юноше, протягивая кружку исходящего паром горячего вина.

— Может быть, это поможет тебе уснуть. Смотри, язык не обожги.

— А откуда взялось вино? Я что-то не видел на борту бурдюка с ним...

— На «Зоркой» куда больше всего, чем кажется на первый взгляд, — сказал волшебник, присаживаясь рядом, и Аррен услышал в темноте его короткий и почти беззвучный смешок.

Он сел и стал пить вино. Оно было очень вкусным и пробуждало силы в душе и теле.

— А куда мы плывем теперь? — спросил минуту спустя Аррен.

— На запад.

— А куда ты ходил с Харе?

— Во тьму. Я не терял его из виду, но он сам заблудился. Он скитался по внешним границам в бесконечной путанице полубреда-полукошмара. Душа его плакала, словно птица, в тех ужасных местах: так далеко в море кричат чайки. Он нас никуда привести не может. Он утратил путь навсегда. Ибо, каково бы ни было когда-то его волшебное мастерство, пути перед собой он никогда не видел; он видел лишь самого себя.

Аррен не все понял из сказанного, но ему и не хотелось понимать все. Особенно теперь. Он и сам немножко зашел в эту «тьму», про которую говорил волшебник, и ему не хотелось об этом вспоминать; она не имела к нему никакого отношения. Он ведь действительно тогда не хотел спать, пока «тьма» не привиделась ему словно во сне, пока высокий человек, похожий на тень, державший в руках светящуюся жемчужину, не начал шепотом звать его: «Пойдем».

— Господин мой, — сказал Аррен, стараясь побыстрее избавиться от этих воспоминаний, — скажи...

— Спи! — ответил ему Ястреб мягко, но настойчиво.

— Я не могу спать, господин мой. Мне хотелось бы знать, почему ты не освободил остальных рабов?

— Освободил. Я никого не оставил прикованным к этому судну.

— Но люди Эгре вооружены! Вот если бы ты их связал...

— Ах так! Если бы я их связал? Их всего-то там было шестеро. Гребцы были такими же, как ты, рабами, закованными в кандалы. Эгре и его команда теперь, наверно, уже мертвы или сами закованы в цепи и будут проданы в рабство; но я предоставил им возможность драться или заключить сделку. Я пленных не беру.

— Но ты же знаешь, сколько зла они совершили...

— Что же, и мне в таком случае следовало им уподобиться? Последовать их дурному примеру? Я не стану решать за них, что им делать, но не позволю никому, и им тоже, решать это за меня.

Аррен молчал: эти слова в очередной раз поставили его в тупик. Волшебник вскоре заговорил вновь, и голос его звучал мягче:

— Видишь ли, Аррен, наши поступки вовсе не похожи — как полагает большинство молодых людей — на камень, который можно поднять с земли, бросить, и он либо попадет в цель, либо пролетит мимо. На чем его полет и закончится. Когда камень поднимают, земля становится чуть легче, рука же, что держит его, тяжелее. Брошенный кем-то камень изменяет траектории звезд, и в зависимости от того, попадет ли он в цель или пролетит мимо, соответственно изменяется Вселенная. От каждого нашего действия зависит равновесие всего сущего. Ветры и моря, сила воды, сила земли и сила света, как и все, что творят эти силы, и все, для чего существуют звери и растения, все это задумано хорошо и правильно. И все эти силы действуют как бы внутри Мирозданья, все они связаны Великим Равновесием. Ураганы и фонтаны воды, которые выбрасывает плывущий кашалот, падение на землю сухого листа и полет мухи — все это тесно связано с равновесием целого мира. И постольку поскольку нам дана сила повелевать миром и друг другом, мы непременно должны научиться поступать так, как в соответствии со

своей природой поступают сухой листок, кит и ветер. Мы должны научиться хранить Равновесие. Обладая разумом, мы не должны совершать неразумных поступков. Обладая выбором, мы не должны поступать безответственно. Кто я такой — хотя и обладаю вполне достаточным могуществом, — чтобы кого-то наказывать или награждать, играя судьбами людей?

— Но тогда, — сказал юноша, по-прежнему глядя на звезды, — может быть, Равновесие лучше всего сохранить, не делая ничего? Конечно же, человек должен действовать, даже не зная всех последствий своих поступков! Если вообще в этом мире что-то должно быть сделано.

— Не беспокойся об этом. Человеку значительно легче совершить поступок, чем от него удержаться. Мы будем по-прежнему совершать добрые и злые деяния... Но если бы нами всеми снова правил истинный король, который искал бы совета у магов — как то случалось в давние времена, — и я был бы тем магом, то я сказал бы ему: «Господин мой, не делай ничего из того, что кажется тебе правильным, заслуживающим похвалы или благородным; ничего не делай из того, что считаешь полезным; делай только то, что ты должен сделать, и то, что ты не можешь сделать никак иначе».

Что-то в голосе волшебника заставило Аррена посмотреть на него. Ему показалось, что снова от лица его исходит сияние; он увидел ястребиный нос, покрытую шрамами щеку, неукротимый взгляд темных глаз... Аррен смотрел на него с любовью и страхом, думая: «Он слишком высок для меня». Однако пока он в упоении не сводил с волшебника глаз, ему стало ясно, что это вовсе не волшебный огонь, не холодный отсвет великого могущества, которое явственно ощущалось в каждой чеканной черточке этого лица, но самый настоящий рассвет: наступило утро, принеся обычный свет наступающего дня. И это была куда бóльшая сила, чем та, которой обладал Верховный Маг. А годы оказались не более добры к нему, чем к любому другому: резкие тени на его лице оказались морщинами, и он все больше выглядел усталым в разгорающемся свете зари. Потом зевнул...

Продолжая смотреть, удивляться и раздумывать надо всем увиденным и услышанным, Аррен наконец уснул. Но Ястреб сидел возле него и смотрел, как занималась

заря, как вставало солнце — так порой изучают сокровищницу, чувствуя, что в ней чего-то не хватает; так рассматривают трещину в драгоценном камешке; так смотрит отец на своего заболевшего ребенка.

5

МОРСКИЕ СНЫ

Ближе к полудню Ястреб велел волшебному ветру улечься, и лодка пошла своим ходом. Природный ветер, что несильно дул в юго-западном направлении, наполнил ее паруса. Справа вдали проплыли холмы южного Уотхорта и растаяли, превратившись в невысокие голубые волны тумана среди настоящих морских волн.

Когда Аррен проснулся, море, точно в корзине из золотистых солнечных лучей, лежало под куполом горячего полуденного неба — безбрежные воды под бесконечно льющимся светом. На корме сидел Ястреб в одной короткой набедренной повязке и каком-то подобии тюрбана из парусины. Он негромко напевал что-то, отбивая ритм ладонью по скамье. Ритм был легкий, хотя и несколько монотонный. Песня его не имела ни малейшего отношения к волшебным заклятиям или сказаниям о героях древности или великих королях; это был всего лишь веселый речитатив, набор всякой чепухи — такую песенку может сочинить любой мальчишка-пастух, лениво присматривая за козами в долгий летний полдень, забравшись высоко в горы Гонта и сидя там в полном одиночестве.

Над поверхностью моря взлетела рыбка и довольно далеко пронеслась по воздуху на жестких дрожащих плавниках, раскрывшихся, словно крылья стрекозы.

— Вот мы и в Южном Пределе, — сказал Ястреб, закончив песню. — Это самая странная часть Земноморья, здесь рыбы летают, а дельфины поют — так, во всяком случае, говорят. Но вода, вообще-то, очень теплая — хорошо бы искупаться, а с акулами отношения у меня вполне добрые. Смой следы грязных рук работорговцев со своего тела, сынок!

У Аррена болела каждая мышца, и он едва двигался.

К тому же плавал он плоховато, ибо море близ Энлада очень холодное, так что купание там скорее напоминает сражение, а не удовольствие. В ледяных волнах очень быстро устаешь. Здесь вода была куда более синей, чем в Энладе, и сначала она тоже показалась ему холодной, потом стало хорошо и приятно. Вода как бы вымыла боль из его тела. Он плескался у самого борта «Зоркой», ныряя, как морской змей, и поднимая фонтаны брызг. Ястреб присоединился к нему и плавал, уверенно загребая руками. Послушная и надежная, «Зоркая» ждала их, белокрылая на сверкающей воде. Какая-то рыбка пролетела по воздуху. Аррен погнался за ней. Она нырнула, снова выпрыгнула — то ли плывя в воздухе, то ли летя в воде — позади юноши, как бы догоняя его.

Аррен, гибкий, покрытый золотистым загаром, купался и играл в море и солнечных лучах, пока солнце не спустилось за край моря. Темнокожий сухощавый Ястреб вел себя более сдержанно; он тоже много и с удовольствием плавал, однако успевал и держать лодку по курсу, и ладить навес из парусины, и с неподдельной нежностью смотрел, как плавает его юный спутник наперегонки с летучими рыбками.

— Куда мы плывем теперь? — спросил Аррен уже совсем поздним вечером, после ужина. Когда, от души наевшись солонины и сухарей, он снова начинал погружаться в сладостную дремоту.

— На Лорбанери, — ответил Ястреб, и это мягкое сплетение звуков в совершенно незнакомом слове было последним, что услышал Аррен, погружаясь в сон, так что сны его в ту ночь сначала сплетались вокруг этого «Лорбанери». Ему снилось, что он движется среди волн чего-то мягкого, нежного, окрашенного в светлые тона — это были то ли какие-то хлопья, то ли нити розового, золотого, лазоревого цвета; сам же он был охвачен каким-то глупым счастьем, и кто-то сказал ему: «Это шелковые поля Лорбанери, где никогда не бывает тьмы». Но позже, во вторую половину ночи, когда в весеннем небе почему-то высыпали осенние звезды Южного Предела, ему приснилось, что он попал в какой-то разваливающийся старый дом. В доме было сухо. Все покрывал толстый слой пыли и лохмотья пропылившейся старой паутины. Ноги Аррена запутались в этой паутине, она облепила его все-

го, забила рот, ноздри, он задыхался. Но самым ужасным было то, что он узнал высокий обветшалый зал: это был тот самый зал, где он когда-то завтракал с Мастерами, и находился он в Большом Доме Школы Волшебников на острове Рок.

Аррен проснулся со смятенным сердцем, пытаясь унять его бешеный стук. Скрюченные ноги затекли. Он сел, стараясь прогнать воспоминания о страшном сне. Заря еще не алела на востоке, но тьма уже понемногу рассеивалась. Мачта поскрипывала, легкий парус, надутый северо-восточным ветром, сверкал белизной и трепетал у него над головой. На носу крепко и неслышно спал его товарищ. Аррен снова лег и задремал; окончательно его разбудил уже яркий свет нового дня.

Море было таким голубым и тихим, что плавание в чистой и теплой воде скорее напоминало скольжение или полет — странный, похожий на сон.

Днем он спросил:

— А к снам волшебники относятся серьезно?

Ястреб ловил рыбу, внимательно следя за лесой. Он долго молчал, потом спросил:

— А что?

— Мне хотелось знать, есть ли в снах хоть доля правды.

— Конечно.

— И они действительно говорят правду о том, что будет?

Но тут у Ястреба стало клевать, и через десять минут, когда он вытащил их будущий обед в лодку — великолепного серебристо-синего окуня, — вопрос Аррена был начисто забыт.

После обеда, когда они нежились под навесом, дающим защиту от нещадно палящего солнца, Аррен спросил:

— А что нам нужно в Лорбанери?

— То, за чем мы вообще пустились в путь, — ответил Ястреб.

— В Энладе, — чуть погодя проговорил Аррен, — есть одна история — о мальчике, чьим учителем был камень.

— Вот как?.. Ну и чему он у него учился?

— Не задавать вопросов.

Ястреб фыркнул, словно подавив приступ смеха, и сел прямо.

— Ну ладно! — сказал он. — Хоть я и предпочитаю не говорить ни о чем, пока не пойму сам, о чем говорю. По-

чему волшебство больше не действует в городе Хорте, и на острове Нарведен, и, возможно, во всех Пределах? Именно это мы и пытаемся узнать, разве не так?

— Так.

— Знаешь старую поговорку: *в дальних Пределах все правила меняются?* Ее очень любят моряки, но придумали волшебники, и она значит, что даже волшебство само по себе зависит от конкретного места. Настоящее заклятие, прекрасно действующее на Роке, может оказаться набором пустых слов на Иффише. Язык Созидания помнят не везде; тут одно слово, там другое. А плетение заклятий само по себе связано с землей и водой, с ветрами и солнечным светом тех мест, где оно родилось. Однажды мне пришлось заплыть так далеко на восток, что ни вода, ни ветер не слушались моих команд, поскольку сами не знали своих подлинных имен. Ибо мир очень велик. Открытое Море простирается дальше всех ведомых человеку Пределов и где-то там, далеко, существуют иные миры. Если представить себе громадное пространство Вселенной и немыслимую протяженность времен, то вряд ли найдется такое слово, которое везде и всегда будет иметь одно и то же значение, свое подлинное значение и свою силу; кроме самого Первого Слова, которое произнес Сегой, создавая все сущее, или Последнего Слова, которое никогда еще не произносилось и не будет произнесено до Всеобщего Разрушения... Так что даже внутри нашего мира, Земноморья, на тех небольших островках, что ведомы нам, существует множество различий, загадок и разнообразных явлений. И наименее известный людям полный тайн Южный Предел. Очень немногие из волшебников с Внутренних Островов бывали в этих краях. Здешние жители не любят волшебников, поскольку обладают — так, во всяком случае, считается — некоей собственной магией. Но слухи об этом неясны, и, возможно, само искусство волшебства никогда и не было здесь достаточно хорошо известно и понято. Если это так, то искусство это легко можно было уничтожить совсем, если кто-то всерьез решил этим заняться; или, по крайней мере, ослабить его было бы куда легче, чем развитое магическое искусство Внутренних Островов. В таком случае вполне объяснимы и разные истории о том, как исчезло волшебство на юге Земноморья. Ибо любая наука или искусство — это как бы построенный людьми канал, в бере-

гах которого все их деяния проистекают мощно и глубоко; там же, где нет такого русла, деяния людские мелки и часто ошибочны, бесцельны. Так и та толстуха с зеркалами, утратив свое волшебное мастерство, думает, что никогда им не обладала. Так и Харе жует свою хазию и думает, что с ее помощью отправляется дальше, чем самые величайшие маги, хотя на самом деле едва добирается до границы, где кончаются сны, и тут же теряет путь... Но в какую же страну, как ему кажется, он попадает? Что именно ищет? Что за сила уничтожила его мудрость и знания? По-моему, мы достаточно видели в Хорте, так что поплывем дальше на юг, в Лорбанери, и посмотрим, как там поживают волшебники, попробуем найти то, что ищем... Ты получил ответ на свои вопросы?

— Да, но...

— Тогда позволь своему «камню» некоторое время помолчать! — сказал волшебник. И уселся спиной к мачте в желтоватой тени навеса и стал смотреть куда-то в море, на запад, а лодка плыла и плыла на юг под полуденным небом. Волшебник просидел, не шелохнувшись, несколько часов. Аррен успел пару раз искупаться, осторожно соскальзывая в воду с кормы — ему не хотелось пересекать линию того мрачного взгляда, каким волшебник упорно смотрел на запад и, казалось, видел куда дальше яркой линии горизонта, дальше голубого купола неба, видел то, что находилось за пределами этого мира света.

Наконец Ястреб прервал свое мрачное молчание и снова стал откликаться на вопросы Аррена; впрочем, отвечал весьма скупо, роняя буквально по одному слову. Должным образом воспитанный, Аррен быстро понял, что отвечает его товарищ лишь из вежливости, а природная сдержанность не позволяет ему показать, как тяжело у него на душе. Юноша умолк и больше не приставал с вопросами, а ближе к вечеру сказал:

— Если я спою, это не помешает тебе думать?

Ястреб в ответ попробовал пошутить:

— Ну, это зависит от качества пения.

Аррен сел, прислонившись спиной к мачте, и запел. Его голос уже не был столь звонким и чистым, как когда-то, несколько лет назад, когда он старательно занимался музыкой дома в Бериле и преподаватель задавал ему тон, перебирая струны арфы; теперь самые высокие ноты он брал чуть хрипловато, зато голос его стал глубже и похо-

дил на звук виолы, чистый и печальный. Он пел «Плач о Белом Чародее» — песнь, которую сложила Эльфарран, когда узнала о смерти Морреда и ждала собственной кончины. Песнь эту поют нечасто, и петь ее нелегко. Ястреб слушал, как юный голос, сильный, уверенный и печальный, летел между багровым закатным небом и морем, и внезапно слезы, туманя взор, выступили у него на глазах.

Аррен, закончив песнь, некоторое время молчал; потом снова запел, но более короткие и более простые песенки, и пел негромко, стараясь не нарушать великое однообразие недвижимого воздуха, тяжело вздыхающего моря, меркнущего света — встречая торжественно приближающуюся ночь.

Когда он умолк совсем, все вокруг словно застыло, ветер улегся, волны едва вздымались, деревянная обшивка и снасти поскрипывали чуть слышно. Море лежало успокоенное, и над ним одна за другой загорались звезды. Вдруг на юге возник пронзительно яркий свет, отразившись на поверхности моря золотистой дорожкой сверкающих бликов.

— Смотри! Сигнальный маяк! — воскликнул Аррен и через минуту спросил: — А может, это звезда?

Ястреб некоторое время молча смотрел на юг и наконец промолвил:

— Я думаю, что это, должно быть, звезда Гобардон. Она видна только в Южном Пределе. Гобардон значит «корона». Курремкармеррук говорил, что если плыть все дальше и дальше на юг, то непременно увидишь еще восемь ярких звезд, расположенных ниже звезды Гобардон; вместе они составляют крупное созвездие. Кое-кто считает, что оно похоже на бегущего человека, другие говорят, что это руна Агнен. Руна Конца.

Они смотрели, как звезда Гобардон ясно и спокойно горит в небесах над неспокойным морем, словно зовет вперед.

— Ты так пел песнь Эльфарран, — проговорил вдруг Ястреб, — словно сам пережил ее горе и донес эти чувства до меня... Из всех историй о Земноморье именно эта всегда была наиболее близка моему сердцу. И великое мужество Морреда в час отчаянья; и Серриадх, рожденный как бы по ту сторону горя — добрый и милосердный король. И она, Эльфарран. Даже когда я совершил величайшее в своей жизни зло, то и тогда я думал, что взываю

к ее красоте; и я видел ее — да, какое-то мгновение я видел живую Эльфарран...

Ледяной озноб прошел по спине Аррена. Он судорожно сглотнул и сидел, примолкнув, глядя на великолепную, зловещую, желтую, словно золотистый топаз, звезду.

— А кто из героев древности нравится тебе больше всех? — спросил волшебник, и Аррен ответил:

— Эррет-Акбе.

— Да, он действительно был величайшим из них.

— Но чаще всего я думаю о его смерти — одинокой смерти после битвы с драконом Ормом на берегу Селидора. Он мог бы править всем Земноморьем. Но все же предпочел такую вот судьбу.

Волшебник не ответил. Оба некоторое время думали каждый о своем. Потом Аррен спросил, все еще глядя на желтую звезду Гобардон:

— Так, значит, это правда, что мертвые могут быть возвращены к жизни силой магии?

— Они могут быть возвращены к жизни, — сказал волшебник.

— Неужели это когда-либо случалось? И как это делается?

Похоже, Ястребу не очень хотелось отвечать на этот вопрос.

— С помощью Великого Заклятья, вызывающего души мертвых, — сказал он и не то поморщился, не то зажмурился. Аррен решил, что больше он ничего не скажет, однако Ястреб, помолчав, заговорил снова: — Такие заклинания особенно хорошо известны мудрецам с острова Пальн. Мастер Заклинатель не только не учил нас ему, но и сам никогда им не пользовался. Великое Заклятье вообще используется крайне редко. И никогда — мудро, по-моему. Например, Великим Заклятьем тысячу лет назад пользовался Серый Маг с острова Пальн. Он призывал души великих героев и великих волшебников, даже душу самого Эррет-Акбе на совет к правителям Пальна во время войн или для решения особенно важных государственных проблем в мирное время.

— И что происходило?

— Живым мало толку от такого Совета Великих Мертвецов. И в Пальне настали тяжелые времена. Серый Маг был изгнан и умер в безвестности.

Волшебник говорил как-то не слишком охотно, однако продолжал рассказывать, словно сознавая право Аррена на ответ. И Аррен упорно продолжал расспрашивать его.

— Значит, теперь уже никто больше этими заклятьями не пользуется?

— Я знал только одного человека, который свободно пользовался ими.

— Кто же это?

— Он жил в Хавноре. Его считали обычным колдуном, но, от природы одаренный необычайно щедро, он на самом деле был великим магом. Он зарабатывал на жизнь своим искусством, показывая любому, кто заплатит, того, кого тот захочет видеть — умершую жену, или мужа, или ребенка; и дом его вечно заполняли тревожные тени, вызванные из седых глубин времени, — прекрасные женщины, Великие Короли. Я сам видел, как он вызвал из Страны Мертвых моего старого Учителя Неммерля, который во времена моей юности был Верховным Магом Земноморья. Вызвал просто ради забавы, развлекая праздных лентяев! И дух великого человека явился по его зову, словно собака по свистку хозяина. Я был разгневан и вызвал его на поединок. Тогда Верховным Магом я еще не стал. И я сказал ему: «Ты заставляешь их являться в свой дом, так, может, последуешь за мной в их обитель?» И я заставил его пойти туда, хотя он сопротивлялся всеми силами своей души, менял обличье и громко рыдал во тьме.

— Значит, ты убил его? — в ужасе прошептал Аррен.

— Нет! Я заставил его последовать за мной в Страну Мертвых и потом отвел обратно. Ах, как ему было страшно! Он, кто столь легко вызывал души умерших в этот мир, больше всех, кого я когда-либо знал, боялся смерти — прежде всего своей собственной. А у стены из камней... Но я рассказал тебе слишком много для неофита. А ты ведь еще даже и неофитом у нас не стал. — В сгущающихся сумерках глаза его остро блеснули: он пронзительно посмотрел прямо в глаза Аррену, смутив его. — Впрочем, это не имеет значения. Есть там каменная стена, как раз на самой границе. Через нее после смерти душа отправляется в Темную страну, а живой человек может вернуться назад, если, конечно, знает путь... Так вот у этой каменной стены тот волшебник упал на землю, скрючился, цеплялся руками за камни — по ту сторону, где жизнь, — плакал и стонал. Я заставил его пойти дальше. Мне был отвратителен его страх, и я злился. К этому

времени мне уже пора было понять, что я поступаю неправильно. Но я весь был во власти гнева и тщеславия. Он был силен, а мне страшно хотелось доказать, что я сильнее.

— А что он стал делать потом... когда вы вернулись?

— Ползал по земле и поклялся больше никогда не пользоваться древней мудростью острова Пальн; он целовал мне руки — и он убил бы меня, если б осмелился.

— Что же с ним сталось?

— Из Хавнора он уехал куда-то на запад, может быть, даже на Пальн. Я больше о нем никогда не слышал. Он уже был сед, когда я знал его, хотя был еще очень ловким и сильным длиннооруким человеком, похожим на профессионального борца. Он теперь, должно быть, уже умер. Я даже имя его не могу вспомнить.

— Его подлинное имя?

— Нет! Это-то я помню... — Он запнулся и на две-три секунды как бы застыл.

— В Хавноре его звали Коб-паук, — сказал он вдруг изменившимся голосом и как-то чересчур осторожно. В полной темноте Аррен не мог разглядеть его лица, но увидел, как он обернулся и глянул на желтую звезду, поднявшуюся еще выше над морем и бросавшую на его поверхность изломанную золотую дорожку, тонкую, как паутинка. Помолчав немного, волшебник сказал: — Не только во снах, Аррен, мы сталкиваемся с грядущим лицом к лицу; это часто открывается нам в том, что давно забыто; и часто сказанное кажется нам чепухой, потому что мы не желаем понять истинного значения этих слов.

6

ЛОРБАНЕРИ

Лорбанери они увидели издалека над залитым солнцем морем. Он был зеленым, изумрудным, как тот мох, что рос в Школе Волшебников у фонтана. Когда они подплыли ближе, на общем зеленом фоне стали вырисовываться листья и стволы деревьев, темные тени под ними, дороги и дома, а потом и лица, и пестрая одежда людей, и пыль над дорогами — все, что представляет собой обычный обитаемый остров. И все-таки основным цветом Лорбанери был зеленый, ибо каждый акр его, где не ходили люди и не стояли дома, был отдан низеньким, с округлыми кронами деревьям урба, листьями которых питаются мелкие черви, вырабатывающие шелковое волокно. Потом это волокно, превращая его в шелковые нити, пряли мужчины, женщины и дети Лорбанери. В сумерки над Лорбанери снует множество маленьких серых летучих мышей, которые питаются шелковичными червями, однако им позволено поедать их; шелководы терпят их и не убивают. Они вполне серьезно считают дурным предзнаменованием убить серокрылую летучую мышь. Ибо, по их мнению, если уж люди живут за счет червей, то и серые мыши, конечно, имеют на это право.

Дома на острове были довольно странные, с маленькими окошками в почти глухих стенах; их со всех сторон окружали заросли деревьев урба, стволы которых казались совершенно зелеными от облепивших их мхов и лишайников. Когда-то это был богатый остров, как и большинство островов дальних Пределов, и былой достаток все еще ощущался в нарядно окрашенных и красиво убранных внутри жилищах, в больших, полных прялок и ткацких станков мастерских, расположенных как в жилых домах, так и в отдельных зданиях; по-прежнему красивы были отделанные камнем набережные в гавани главного порта Лорбанери Сосары, у пирсов которой могли бы одновременно пришвартоваться несколько торговых галер. Но сейчас в порту не было ни единого судна. Краска на стенах жилых домов поблекла, облупилась, а мебель в них заметно обветшала. Прялки и ткацкие станки большей частью молчали в бездействии, покрытые пылью и паутиной.

— Колдуны? — спросил мэр города Сосара, коротенький человечек с лицом таким же твердым и коричневым, как земля под его ногами. — Никаких колдунов на Лорбанери нет и быть не может.

— Да неужели? — не то восхитился, не то изумился Ястреб. Он сидел с местными жителями — их было человек восемь или девять — и потягивал здешнее винцо из ягод урбы, слабенький горьковатый напиток. Ему уже пришлось рассказать им о том, что ищет он в Южном Пределе некий «лазоревый камень», однако внешность

свою он на этот раз менять не стал, только велел Аррену спрятать меч в лодке, как обычно, ну а волшебного посоха (в его теперешнем уменьшенном виде) все равно никто бы и не заметил. Местные жители казались поначалу какими-то сердитыми, неприветливыми и, чуть что, готовы были вспылить; только предельная вежливость и природное чутье Ястреба, умело выбиравшего слова и темы для разговора, заставили их чуть более ласково смотреть на непрошеных гостей.

— Удивительные у вас тут люди, все с деревьями возятся, — сказал после долгой паузы Ястреб. — А что как заморозки ударят?

— Это ничего, — ответил тощий человек на дальнем конце завалинки. Местные все сидели в ряд, прислонясь спинами к стене гостиницы, под нависающим козырьком тростниковой крыши. Босые ноги их были выстроены в одну линию; прямо за этой линией по земле стучали теплые капли тихого апрельского дождя.

— Да, заморозки — это пустяки, — подхватил мэр, — дождь — вот беда. От дождя коконы гниют. И уж если он польет, то никому его не остановить. И раньше не могли! — Он самым решительным образом был настроен против колдунов и колдовства; кое-кто из остальных, похоже, думал иначе.

— Никогда раньше в это время года дождь не шел, — сказал один из них. — Впрочем, тогда еще старик жив был.

— Кто? Старый Милди? Ну так что ж, теперь-то он умер, — откликнулся мэр.

— Его еще Садовником звали, — сказал тот тощий, с дальнего конца.

— Да, точно. Звали его так, — подхватил другой. И тишина повисла, словно дождливое облако.

В единственной комнате для постояльцев, что имелась в местной гостинице, сидел у окна Аррен. Он снял со стены старую трехструнную лютню с длинным грифом — такие когда-то были широко распространены здесь, на Шелковом Острове, — и теперь тихонько наигрывал на ней, пытаясь настроить. Музыка его звучала не громче стука дождевых капель по тростниковой крыше.

— На рынках Хорта я видел всякие дрянные ткани, которые выдавали за шелка с Лорбанери, — сказал Ястреб. — Кое-какие из них и впрямь напоминали ваши

шелка. Но ни одной настоящей шелковой ткани с Лорбанери я там не видел.

— У нас несколько сезонов подряд неудачные, — ответил тощий. — Уж лет пять, поди.

— Пять лет и есть, как раз с Осеннего Равноденствия, — прошамкал добродушно какой-то древний старик. — В аккурат с того дня, как старый Милди помер. Да, взял вот и помер, а ведь он тогда моложе меня был. Да и помер-то прямо накануне Равноденствия.

— Ну и что ж, что шелка не хватает, зато цены на него растут, — заявил мэр. — За один рулон синего шелка-сырца мы теперь получаем столько, сколько раньше за три.

— Если бы. Где торговые корабли-то? Да и цвет синий совсем не тот, — сказал тощий, и они по крайней мере полчаса спорили по поводу качества красок, которыми пользуются теперь в общественных мастерских.

— А кто у вас тут краски делает? — спросил Ястреб, и тут же посыпались новые жалобы. Самым главным было то, что лучшими красильщиками острова издавна считались члены одной семьи, причем вроде бы семьи колдунов. Может, когда-то они и правда были колдунами, да только теперь свое мастерство утратили. Потеряли ключи к нему, а никто другой так эти ключи и не подобрал — как горько заметил все тот же тощий человек. С этим согласились все, кроме мэра. Все считали, что знаменитые синие шелка Лорбанери и несравненный алый «драконов огонь», который носили когда-то давно королевы в Хавноре, стали теперь уже не те. Что-то из них ушло. То ли беспричинные дожди были виноваты, то ли природные красители, то ли мастера.

— А может, глаза? — ехидно спросил тощий. — Глаза тех, кто не может отличить небесную лазурь от синей глины? — и глянул на мэра. Тот вызова не принял, и снова все погрузились в молчание.

Легкое вино, казалось, сделало их настроение лишь еще более кислым. Лица помрачнели, никто не говорил ни слова, и лишь дождь стучал по листьям бесчисленных садов в долине да где-то внизу шептало море — недалеко, в конце их улицы. И в темноте за закрытыми дверями гостиницы мурлыкала что-то лютня.

— Он петь-то умеет, твой парнишка, что больше на девку смахивает? — спросил мэр.

— О да, петь он умеет. Аррен! Спой-ка нам, сынок.

— Я не могу заставить эту лютню перестать играть в миноре! — Аррен с улыбкой высунулся из окна. — Ей, видно, хочется плакать. Что вам угодно послушать, дорогие хозяева?

— Что-нибудь новенькое, — пробурчал мэр.

Лютня слегка вздрогнула, когда юноша коснулся ее струн.

— Может быть, это будет для вас новинкой, — сказал он и запел:

По белым отмелям Солеа,
Где ветви красные склонили
Деревья пышные в цвету,
Бредет в тоске невыразимой,
В тоске по милому супругу,
Склонив, подобно белой ветви,
Свою прелестную головку
И ожидая скорой смерти...

*

В своей печали бесконечной
Двумя вот этими ветвями —
Цветущей красною и белой —
Клянусь я, Серриадх, запомнить,
Что погубило эти жизни.
Запомнить, навсегда запомнить
Жестокую несправедливость,
Быть Эльфарран достойным сыном
И Морреда, что славен вечно.

Они так и застыли — с горькими, упрямыми выражениями на лицах, усталые, уронив натруженные руки. Сидели не шевелясь в теплых дождливых сумерках южного вечера и слушали песню, похожую на тоскливый крик лебедя над холодными водами Эа, лебедя, потерявшего свою подругу. И еще некоторое время, когда Аррен уже кончил петь, сидели они, по-прежнему не двигаясь.

— Странная какая-то музыка, — сказал один неуверенно.

Другой, видимо полагающий, что Лорбанери — центр Вселенной, заявил:

— Иноземная музыка всегда какая-то странная да мрачная.

— А вы нам что-нибудь свое спойте, — сказал Ястреб. — Я бы и сам с удовольствием что-нибудь веселое послушал. Парень-то мой вечно поет о древних героях, что давно во славе почили.

— Ну давай, что ли, я спою, — вызвался последний из говоривших и ударил по струнам арфы. Песня его была о распрекрасном бочонке, полном доброго винца — и «хей-хо! как мы здорово живем!». Но никто почему-то подпевать ему не стал, и он в полном одиночестве выкрикивал — все тише и тише — свое «хей-хо».

— Ну вот, уже и петь-то никто как следует не умеет! — сердито сказал он. — А все молодежь эта, все чего-то меняют да делают по-другому, а старые песни и не знают вовсе.

— Да не в этом дело, — сказал тощий, — просто теперь уж никто ничего как следует не умеет. Все кругом как-то не так.

— Да, точно, — прошамкал самый старый, — ушло счастье-то. Вот ведь какая штука. Была удача, да вся вышла.

После этих слов говорить оказалось особенно не о чем. Жители по двое — по трое разошлись по домам, и вскоре Ястреб остался в полном одиночестве на завалинке под окном их комнаты. И тут наконец волшебник рассмеялся. Но невеселый то был смех.

В комнату, где сидел с лютней Аррен, вошла застенчивая жена хозяина гостиницы и приготовила им постели на полу; потом тихонько вышла, и они улеглись спать. Однако высокие балки комнаты оказались прибежищем множества летучих мышей. Через незастекленные окна комнаты всю ночь напролет влетали и вылетали с тонким пронзительным писком мыши. Только на заре, вернувшись наконец в свои гнезда, они успокоились и аккуратными серыми кулечками свесились с балок головами вниз.

Возможно, из-за непрерывно снующих мышей Аррен спал тревожно. Он уже много дней не спал на берегу; тело отвыкло от неподвижности земли, и ему все казалось, едва он начинал засыпать, что земля под ним качается, качается, качается, будто волны... а потом начинает ускользать, проваливаться, и он в ужасе просыпался. Когда же наконец ему удалось по-настоящему заснуть, то он оказался прикованным цепью к скамье работоргового

судна; рядом были еще такие же рабы, только все мертвые. Он несколько раз просыпался, пытаясь прогнать этот кошмар, однако, заснув, снова возвращался на ту же палубу. И он был там совсем один, намертво прикованный цепью. И вдруг чей-то странный тягучий голос прозвучал у него в ушах: «Освободись от оков. Пусть падут твои цепи». Он попытался встать и, как ни странно, встал. И тут же оказался на мрачной бескрайней вересковой пустоши, небо над которой было закрыто тяжелыми тучами. Что-то ужасное таилось и в самой этой местности, и в плотном воздухе над ней — ужас, ужас окружал его со всех сторон. Он находился как бы внутри этого ужаса, и не было перед ним пути, чтобы выбраться оттуда. Он должен был непременно отыскать этот путь, но не видел ни одной тропы: пути не было. А сам он был маленький, словно младенец, словно муравей, а ужасное пространство, казалось, не имело границ, не имело пределов. Он попытался идти куда-то, споткнулся и проснулся.

Тот страх теперь, когда он проснулся, как бы притаился внутри его, но от этого не стал ни меньше, ни слабее. Аррену показалось, что черная тьма комнаты душит его, и он стал искать звезды в неясно видимом проеме окна, но, хотя дождь и прекратился, звезд на небе не было. Он лежал без сна и боялся, а летучие мыши сновали взад-вперед на своих бесшумных перепончатых крыльях. Порой Аррен различал их невероятно тонкий писк — почти на пределе возможностей человеческого слуха.

Утро было ясное, и они вышли из дому рано. Ястреб честно порасспрашивал всех о «лазоревом камне». Хотя никто из местных и не знал, что это за камень, у каждого нашлась своя теория относительно его поисков, и в итоге разгорелся спор. Ястреб внимательно слушал, стараясь уловить нечто совсем иное: камень его не интересовал. В конце концов они с Арреном пошли по той дороге, которую присоветовал мэр. Дорога вела к карьерам, где добывали синий минерал для окраски тканей. Однако вскоре Ястреб свернул куда-то в сторону.

— Должно быть, вот этот дом и есть, — сказал он. — По их словам, здесь живет семья тех потомственных красильщиков, что раньше считались колдунами, да только силы в них теперь не осталось.

— А есть ли смысл разговаривать с ними? — спросил

Аррен: история с Харе была еще слишком свежа в его памяти.

— Откуда-то же началось здешнее невезение, — сказал волшебник резко. — Должна же быть точка отсчета. Словно есть какая-то прореха, в которую утекло все счастье и благополучие Лорбанери. Мне нужен проводник к этому месту! — И он двинулся дальше. Аррену оставалось только последовать за ним.

Дом красильщиков стоял на отшибе и со всех сторон был окружен зарослями урба. Когда-то это было добротное каменное строение, но теперь и сам дом, и деревья вокруг пришли в полное запустение. Выцветшие коконы шелковичных червей, которые никто так и не собрал, свисали с обглоданных червями ветвей, а земля вокруг деревьев была покрыта толстым слоем мертвых личинок и бабочек. Вокруг стоял запах гнили, и, едва они ступили под эти деревья, Аррен отчетливо вспомнил тот ужас, что окружал его ночью, во сне.

Они не успели подняться на крыльцо, как дверь резко распахнулась, оттуда высунулась седая старуха и злобно уставилась на них какими-то подозрительно красными глазами. Потом заорала:

— А ну пошли вон, черт бы вас побрал, воры, бродяги, полоумные лжецы, недоноски паршивые! Убирайтесь вон, вон, говорю! Чтоб вам в жизни удачи не было!

Ястреб остановился, казалось, несколько озадаченный, потом быстро сотворил какой-то странный жест и пробормотал:

— Минуй нас!

Завидев это, женщина сразу перестала визжать и уставилась на него.

— Ты зачем это сделал?

— Чтобы отвести твое проклятье.

Она еще некоторое время разглядывала его, потом хрипло спросила:

— Чужеземцы небось?

— Да. С северных островов.

Она подошла ближе. Сначала, когда старуха начала на них орать с крыльца, Аррену страшно хотелось еще подразнить ее, но теперь, увидев ее рядом, он смутился. Она была ужасно грязная, одета в лохмотья, изо рта у нее воняло, а в глазах застыла мука мученическая.

— У меня нет больше сил, чтобы наводить порчу, — сказала она. — Нет сил. — Она повторила жест Ястреба. — Этим что же; все еще пользуются там, откуда вы приплыли?

Ястреб кивнул. Он внимательно наблюдал за ней, и она то́же не сводила с него глаз. Лицо ее понемногу ожило, выражение стало более осмысленным. Она спросила:

— А где же твой посох?

— Я его здесь не показываю, сестра.

— Что ты, нельзя! При нем тебе здесь жизни не будет. Когда у меня еще сила была, мне тоже жизни здесь не было. Вот я свою силу и потеряла. Все позабыла, что знала, все слова, все имена. Они, как тоненькие паутинки, выползали через мои глаза и рот — в никуда. Видно, в мире где-то есть дыра, и через эту дыру уходит свет. А вместе с ним — и нужные слова. Ты знаешь об этом? Мой сын сидит целыми днями и смотрит во тьму, пытаясь высмотреть, где та прореха в ткани мирозданья. Он говорит, что видел бы лучше, будь он слепым. Он потерял руку, когда был красильщиком. Мы — знаменитые Красильщики с Лорбанери! Смотри! — Она потрясла перед ними своими худыми, но когда-то сильными руками, до плеч покрытыми несмывающимися тусклыми разноцветными разводами. — Это уж никогда не отойдет, — сказала она, — зато мозги отмываются начисто. Добела. Никаких следов не останется. А ты-то сам кто?

Ястреб ничего не ответил, только посмотрел женщине прямо в глаза, и даже Аррену, который наблюдал за ними со стороны, стало не по себе.

Старуха, сразу задрожав, прошептала:

— Я тебя узна́ю...

— О да. Подобный всегда узнает подобного, сестра.

Странно было видеть, как она в ужасе отшатнулась от волшебника, словно пытаясь убежать прочь, и в то же время потянулась к нему, стремясь пасть перед ним на колени.

Он крепко взял ее за руку и удержал от этого.

— Ты хотела бы вернуть назад свою силу, вспомнить свое мастерство, подлинные имена? Я могу дать тебе это.

— Ты — Великий Человек, — прошептала она, — Король Теней, Правитель Темной Страны...

— Нет. Я никакой не король. Я простой человек, простой смертный, брат твой и подобен тебе.

— Но ты ведь никогда не умрешь?

— Умру.

— Но потом вернешься и будешь жить вечно?

— Нет. И никто из людей этого не может.

— Значит, ты не... не тот Великий Человек, что приходит во тьме, — сказала она как-то напряженно. И теперь смотрела на него вопрошающе, но не так испуганно. — Но ты тоже Великий Человек. Неужели их двое? Как твое имя?

На мгновение жесткое лицо Ястреба помягчело.

— Этого я тебе сказать не могу, — ласково ответил он.

— Я тебе открою одну тайну, — сказала старуха. Теперь она выпрямилась и глядела ему прямо в лицо; какое-то отдаленное эхо былого достоинства слышалось в ее голосе и повадке. — Я не хочу жить, жить и жить — бесконечно. Я бы, пожалуй, лучше вспомнила все забытые мной подлинные имена. Но это все ушло. И ничьи подлинные имена теперь значения не имеют. Никаких тайн больше не существует. Хочешь узнать мое имя? — Глаза ее сверкнули. Стиснув руки, она наклонилась вперед и прошептала: — Мое имя Акарен. — Потом вдруг громко вскрикнула: — Акарен! Акарен! Мое имя Акарен! Теперь все они знают мое тайное, мое подлинное имя, и нет больше никаких тайн, нет больше истины, нет больше смерти... смерти... смерти... смерти! — Она, рыдая, выкрикивала это слово, и брызги слюны слетали с ее губ.

— Успокойся, Акарен!

Она замерла. Слезы текли по ее грязному лицу, занавешенному прядями нечесаных седых волос.

Ястреб взял это морщинистое, залитое слезами лицо в свои ладони и совсем легонько, нежно поцеловал закрытые глаза старой колдуньи. Она стояла неподвижно. Ястреб быстро склонился к ее уху, прошептал что-то из Истинной Речи, еще раз поцеловал старуху в глаза и отпустил.

Она открыла глаза и некоторое время смотрела на него, удивленно и довольно бессмысленно. Так новорожденный смотрит на мать; так порой и сама мать смотрит на свое дитя. Потом старая женщина медленно повернулась и побрела к дому; вошла и затворила за собой дверь.

Все произошло в полном молчании; лицо старухи по-прежнему хранило изумленное выражение.

Не нарушая молчания, волшебник повернулся и пошел назад к дороге. Аррен последовал за ним. Задавать вопросы он не осмеливался. Пройдя немного, Ястреб остановился прямо в одичавшем саду и сказал:

— Я взял у нее ее прежнее имя и дал ей новое. А это отчасти новое рождение. Больше ей ничем помочь было нельзя, и никакой надежды у нее не оставалось.

Голос его звучал напряженно и глухо.

— То была настоящая волшебница. Не просто ведьма или знахарка. Она обладала подлинным мастерством и Высшим Знанием; она использовала свое искусство для создания прекрасного — гордая и достойная уважения женщина. В этом искусстве была вся ее жизнь. И вот жизнь эта потрачена зря. — Он резко повернулся и отошел прочь, куда-то в самую гущу сада; там он остановился не оборачиваясь.

Аррен ждал его на жарком, чуть смягченном жалкой тенью обглоданных деревьев солнцепеке. Он понимал, что Ястребу стыдно взваливать на него груз собственных переживаний; и действительно, юноша ничем не мог ему помочь. Однако в душе он изо всех сил сострадал своему другу, может быть, не так, как в первые дни своего романтического восхищения и обожания, но испытывая за него самую искреннюю боль, словно из сердца его теперь протянулась прочная нить, связывающая их обоих, и невозможно было порвать эту нить. Ибо в той любви, что он испытывал теперь к Верховному Магу, больше всего было сострадания, без которого не бывает ни настоящей, ни долговечной любви.

Вскоре Ястреб вновь подошел к нему. Оба молча двинулись дальше под зеленой сенью деревьев. Было уже очень жарко; земля после вчерашнего дождя успела просохнуть, и дорога пылила у них под ногами. С раннего утра день этот казался Аррену холодным и тоскливым, словно в него проник ужас из его снов; и теперь ему были даже приятны жгучие укусы солнца и благодать тени, и он с удовольствием шагал, отбросив всякие размышления относительно конечной цели их путешествия.

Такое настроение пришлось кстати, потому что как раз цели-то никакой они пока и не достигли. Весь день

они провели в карьере, разговаривая с рудокопами. Потом немного поспорили с ними насчет цены тех непонятных камней, которые якобы и являлись «лазоревыми». Когда они тащились обратно в Сосару, а низкое солнце тяжело било им в затылок, Ястреб заметил:

— Это голубой малахит; но я не думаю, чтобы в Сосаре знали, что это за камень на самом деле.

— Какие-то они здесь все странные, — откликнулся Аррен. — И ведь во всем так: они будто совсем одно от другого отличить не способны. Тот тип вчера правильно сказал мэру, что они лазурь от синей глины не отличают. Они жалуются, что настали плохие времена, но не знают даже, когда эти времена начались; говорят, что работа не клеится, а сами даже не пытаются как-то поправить дела; для них даже нет разницы между простым ремесленником и волшебником. Как будто ручной труд и искусство магии — одно и то же! В головах у них, что ли, все перемешалось — все пути, рисунки, действия и цвета? Все для них одинаковое — и все серого цвета.

— Да, это верно, — задумчиво проговорил волшебник. Потом некоторое время шел молча, нахохлившись, и был очень похож на настоящего ястреба. Несмотря на невысокий рост, шагал он широко. — Но чего же все-таки им недостает? — вдруг спросил он.

— Радости в жизни, — не колеблясь ответил Аррен.

— О да! — воскликнул Ястреб и снова задумался. — Я рад, — сказал он наконец, — рад, что ты выразил мои мысли, сынок... Отчего-то я чувствую себя усталым и глупым. Что-то на душе у меня с утра было скверно — с тех пор, как мы поговорили с ней, с той, что когда-то звалась Акарен. Я терпеть не могу бессмысленных утрат и запустения. И врага я не ищу. Если я непременно должен иметь врага, то, по крайней мере, не желаю искать его сам и встречаться с ним умышленно — тоже!.. Если затеваешь поиски, то целью должно быть сокровище, а не отвратительная тварь.

— Там, в конце пути, враг, господин мой, — сказал Аррен. Ястреб кивнул.

— И когда она говорила о Великом Человеке, о Повелителе Теней...

Ястреб снова утвердительно кивнул.

— Скорее всего это именно так, — сказал он. — По-

моему, в конце пути мы найдем не только место, которое ищем, но и человека. Зло, зло творится на этом острове. Мастерство утрачено, гордость потеряна, кругом безрадостная жизнь и запустение... Это, конечно, дело рук служителей зла. Или служителя. Но только зло это не связано конкретно ни с этим островом, ни с этой Акарен, ни с шелками Лорбанери. След, по которому мы с тобой идем, напоминает след от сорвавшейся и полетевшей вниз по круче повозки, которая вызвала страшный горный обвал.

— А не могла ли она, Акарен, рассказать тебе побольше об этом враге: кто он, и где находится, и что ему надо?

— Сейчас не стоило ее спрашивать, сынок, — сказал волшебник тихо и печально. — Она, без сомнения, могла бы рассказать многое. Даже в ее безумии все еще оставалась значительная доля мудрости. Но я не мог заставлять ее отвечать. Она слишком страдала.

И он двинулся дальше, снова нахохлившись так, словно его самого мучила боль, от которой он мечтал избавиться.

Заслышав вдруг шарканье ног за спиной, Аррен обернулся. Их, пыхтя, догонял какой-то человек. Поднятая его ногами пыль, что повисла над дорогой, и рыжие волосы, похожие на проволоку и освещенные закатным солнцем, создавали вокруг его головы нечто вроде красноватого ореола, а невероятно длинная тень его фантастическим образом извивалась и подпрыгивала среди деревьев, росших вдоль дороги.

— Стойте, — кричал человек, — послушайте! Я нашел!

Он наконец нагнал их. Аррен сначала рукой похватал пустой воздух у бедра, где должна была быть рукоять меча, потом поискал на поясе украденный нож, потом рука его сама собой сложилась в кулак; все — в полсекунды. Набычившись, он двинулся на незнакомца. Тот был на целую голову выше Ястреба и значительно шире в плечах, и вообще — как-то странно задыхался, пыхтел, глядя безумными, вылезающими из орбит глазами. Должно быть, сумасшедший, подумал Аррен. «Я нашел, нашел!» — повторял тот неустанно, пока Аррен суровым угрожающим тоном не рявкнул: «Что тебе нужно?» — и не начал теснить безумца со всей решительностью. Тот попытался обойти юношу и подобраться к Ястребу с другой стороны, но Аррен снова вырос перед ним.

— Так ты тот самый Красильщик из Лорбанери? — спросил Ястреб.

И тут Аррен понял, как глупо вел себя, пытаясь защитить своего друга. Он отступил в сторону, пропуская незнакомца, который после слов волшебника прекратил задыхаться и судорожно махать руками, огромными, покрытыми несмываемыми пятнами краски; взгляд его стал спокойней; он кивнул в ответ.

— Я был Красильщиком из Лорбанери, — сказал он, — но теперь не могу больше заниматься этим ремеслом. — Он вопросительно глянул на Ястреба, ухмыльнулся и тряхнул своей густой рыжей пропылившейся гривой. — Это ты взял имя у моей матери. Теперь я ее не узнаю, а она не узнает меня. Мать все еще сильно меня любит, но только покинула меня. Умерла.

У Аррена до боли сжалось сердце, но тут он заметил, что Ястреб слегка покачал головой.

— Нет, нет, — сказал он, — она не умерла.

— Но она умрет. Умрет!

— О да. Человек всегда сначала живет, а потом умирает, — сказал волшебник. Красильщик, казалось, некоторое время разгадывал смысл этих слов, потом подошел вплотную к Ястребу и стиснул его плечи, склонившись над ним. Двигался он так быстро, что Аррен не успел ему помешать, однако хорошо расслышал его шепот.

— Я обнаружил дыру во тьме. Там, возле нее, стоял Король. Он следит за ней, она в его власти. У него в руке маленький огонек, свеча. Он подул, и свеча погасла. Снова подул, свеча загорелась. Загорелась!

Ястреб никак не протестовал ни против того, что ему шепчут прямо в лицо, ни против того, что его мертвой хваткой держат за плечи. Он только спросил:

— Где же ты был, когда видел все это?

— В своей постели.

— Спал?

— Нет.

— Был за стеной?

— Нет, — ответил Красильщик, неожиданно посерьезнев и как будто почувствовав себя неуютно. Он отпустил волшебника и слегка попятился. — Нет, я не знаю... не знаю, где это было. Но я это место нашел бы. Хоть и не знаю где.

— Именно это-то мне и нужно знать, — сказал Ястреб.

— Я могу помочь тебе.

— Как?

— У тебя есть лодка. Ты приплыл на ней сюда и собираешься плыть дальше. На запад поплывешь? Как раз туда и нужно плыть. Там начинается путь, по которому Он приходит в наш мир. Приходит, потому что жив — не как те духи или призраки, что перебираются на эту сторону через стену, совсем не так. Он переходит сюда во плоти! Тело его бессмертно! Я видел, как один лишь его вздох зажигал во тьме потухший свет. Я сам видел это. — Лицо Красильщика исказилось; в вечернем золотисто-красном свете оно казалось диким и почти красивым. — Я знаю, что ему удалось преодолеть смерть, ведь когда-то и я был волшебником! И ты знаешь это, и ты пойдешь туда. Так возьми меня с собой.

Тот же вечерний свет скользнул по лицу Ястреба, но оно осталось неподвижным и суровым.

— Я попытаюсь попасть туда, — сказал он.

— Позволь мне пойти с тобой!

Ястреб коротко кивнул.

— Если поспеешь к часу нашего отплытия, — сказал он прежним холодноватым тоном.

Красильщик попятился еще на шаг и застыл, внимательно наблюдая за волшебником. На возбужденное лицо его как бы постепенно наползала тень; взгляд стал странным, тяжелым; казалось, разумные мысли стараются пробиться сквозь бурю слов и чувств, смущающих его душу. Наконец он молча повернулся и побежал назад, вскоре исчезнув в висевшей над дорогой пыльной дымке, поднятой прежде им же самим. Аррен глубоко и с облегчением вздохнул.

Ястреб тоже вздохнул, но отнюдь не с облегчением.

— Что ж, — сказал он, — по странным дорогам нас водят странные провожатые. Пойдем, Аррен.

— Ты же не возьмешь его с нами? — спросил юноша, идя с ним рядом.

— Это уж как он сам захочет.

С внезапным гневом Аррен подумал: «Нет уж! Это еще и как я захочу!» Но вслух ничего не сказал, и они пошли дальше в молчании.

Встретили их в Сосаре неважно. На таком маленьком

острове, как Лорбанери, все становится известно всем, едва успев случиться, и, без сомнения, кто-то видел, как они свернули с дороги к дому семьи красильщиков и как разговаривали с сумасшедшим. Хозяин гостиницы был как-то не слишком услужлив, а его жена выглядела до смерти напуганной. Вечером, когда местные пришли посидеть на завалинке у гостиницы, то вовсю старались даже не заговаривать с чужеземцами и развлекались собственными шутками-прибаутками. Однако веселья особого не получалось. Смех вскоре стих, они довольно долго сидели молча, и, наконец, мэр спросил Ястреба:

— Нашел ты свои синие камни?

— Да, кое-что нашел, — вежливо ответил тот.

— Уж это, конечно, Попли показал тебе, где их найти!

Остальные нарочито громко рассмеялись столь изысканной шутке.

— Попли — это, должно быть, тот рыжеволосый человек?

— Сумасшедший. Ты еще к его матери утром заходил.

— Я искал волшебника, — сказал волшебник.

Тощий человек, что сидел к нему ближе всех, сплюнул в темноту.

— А зачем?

— Я думал, что волшебник поможет мне найти то, что я ищу.

— Люди приезжают на Лорбанери за шелком, — сказал мэр. — А за камнями сюда ездить нечего. И за колдовством тоже. За всякими там волшебными штучками и фокусами. Здесь живут честные люди и занимаются честным трудом.

— Так, так, он правду говорит, — загомонили остальные.

— И нам никого другого здесь не надо! Ни к чему нам чужеземцы, которые все что-то вынюхивают да суют нос в чужие дела.

— Правду, правду он говорит! — раздался целый хор голосов.

— Да если б здесь хоть один нормальный колдун нашелся, мы бы и ему тут же дали честную работу в ткацкой, да только колдуны ведь и понятия не имеют — как это честным трудом заниматься!

— Они могли бы научиться у вас, если бы было

чему, — ответил Ястреб. — Ваши мастерские пусты, сады запущены, запасы шелка на складах истощились уже много лет назад. Чем вы занимаетесь здесь, на Лорбанери?

— Мы занимаемся своим делом! — рявкнул мэр, но тут вдруг тощий возбужденно спросил:

— А скажи-ка, почему это к нам суда торговые не приходят? Чем эти торговцы там занимаются, в Хорте? Если у нас работа не ладится, так в том, что у них торговля не идет, тоже мы виноваты?..

Его гневно прервали. Все начали кричать друг на друга, вскочили на ноги, мэр погрозил Ястребу кулаком, его сосед вытащил нож. Казалось, все посходили с ума. Аррен напряженно смотрел на Ястреба, ожидая, что тот предстанет перед всеми в сиянии волшебного света и заставит их онеметь перед лицом возродившегося могущества магии. Но он почему-то этого не делал, а сидел и смотрел то на одного, то на другого, слушая их угрозы. И постепенно они затихли, словно на гнев, как и на веселье, сил у них тоже не хватало. Нож был спрятан, угрозы превратились в обычное ворчание. Потом они начали потихоньку разбредаться, словно псы после драки — кто бегом, а кто ползком.

Когда они остались вдвоем, Ястреб встал, вошел в их комнату и долго пил из стоявшего за дверью кувшина.

— Пошли, парень, — сказал он. — С меня на сегодня хватит.

— К лодке?

— Да. — Он положил две местные серебряные монеты на подоконник в уплату за постой и собрал легкий вещевой мешок. Аррен устал, ему хотелось спать, но он оглядел комнату гостиницы, грязноватую и неприветливую, где на балках шевелились бесчисленные летучие мыши, вспомнил прошлую ночь, проведенную здесь, и с готовностью последовал за волшебником. К тому же, подумал он, спускаясь к пристани по одной из темных улочек Сосары, если они отплывут прямо сейчас, то сумасшедший тип по имени Попли наверняка опоздает. Однако он уже ждал их на пирсе.

— А, это ты, — сказал волшебник. — Ну что ж, залезай в лодку, если хочешь.

Попли молча забрался в лодку и скрючился у мачты,

словно большая неряшливая собака. У Аррена все перевернулось в душе.

— Но, господин мой! — возмутился он. Ястреб обернулся; они стояли лицом к лицу высоко над водой. — Они все здесь сумасшедшие, но я считал, что ты-то в здравом уме. Почему же ты берешь его с собой?

— Как проводника.

— Проводника?.. Куда он поведет нас — к полному безумию? К смерти? Чтобы наша лодка потонула или ты получил нож в спину?

— Да, он поведет нас к смерти, но по тому пути, которого я не знаю.

Аррен горячился. Ястреб, хотя и отвечал ему спокойно, все же с трудом сдерживал ярость: он не привык, чтобы его допрашивали, да еще таким тоном. Аррен, еще с той минуты, когда он попытался там, на пыльной дороге, защитить Ястреба от бросившегося на него безумца, понял, насколько бесполезны, бессмысленны все его старания. С горечью он ощутил, что его любовь и преданность своему господину, столь сильные еще сегодня утром, сейчас будто разбились о каменную стену: никому его преданность была не нужна. Он не в силах был защитить Ястреба; ему даже не было позволено принимать самостоятельные решения; ему не было позволено даже понять цель затеянных ими поисков, а сам он не мог догадаться об этом. Его просто вели за ручку, бесполезного и беспомощного, точно дитя. Однако ребенком он уже не был.

— Я не стану спорить с тобой, господин мой, — он старался говорить ледяным тоном. — Но это... это в высшей степени неразумно!

— Да, это в высшей степени неразумно. Мы идем туда, где разум бессилен. Ты пойдешь со мной или нет?

От гнева у Аррена на глазах выступили слезы.

— Я уже давно сказал, что пойду с тобой повсюду и буду служить тебе. Я не нарушаю данного мной слова.

— Вот это хорошо, — мрачно сказал волшебник и уже будто бы отвернулся, но потом снова посмотрел Аррену прямо в лицо. — Ты очень нужен мне, Аррен, а я — тебе. И вот что я скажу: сейчас я уверен, что мы идем тем путем, который предназначен для тебя; и ты должен пройти его — не из покорности или верности мне, но потому, что так было предначертано судьбой еще до того, как мы с

тобой впервые встретились, до того, как ты ступил на берег острова Рок, до того, как ты покинул Энлад. Ты не можешь ни сойти с этого пути, ни повернуть назад. — Голос его звучал по-прежнему сурово. И Аррен отвечал ему не менее мрачно:

— Как же могу я повернуть назад, не имея лодки? Как вернусь я назад отсюда, с самого края света?

— Это, по-твоему, край света? Нет, он гораздо дальше. Но мы вполне можем еще до него добраться.

Аррен коротко кивнул и спрыгнул в лодку. Ястреб отвязал конец от причала и поднял волшебный ветер. Едва они вышли из мрачной пустой гавани Лорбанери, стало холоднее, вольный ветер подул с чернеющего в северной стороне Открытого Моря, а луна расстелила серебряную дорожку прямо перед ними и поплыла рядом, по левому борту, когда лодка, огибая остров, двинулась к югу.

7

БЕЗУМЕЦ

Сумасшедший красильщик по-прежнему сидел у мачты, обхватив колени руками и уронив на них голову. Спутанная копна его рыжих волос в лунном свете казалась черной. Ястреб, плотно завернувшись в одеяло, улегся спать на корме. Ни тот, ни другой не шевелились. Аррен сидел на носу: он поклялся себе, что всю ночь простоит на вахте. Если Ястребу угодно считать, что этот безумец не причинит вреда ни ему самому, ни Аррену и не нападет на них в ночи, то и ради бога; он, Аррен, тоже кое-что смыслит, и у него свои соображения на этот счет, так что он сам позаботится о безопасности.

Однако ночь оказалась слишком длинной и тихой. С неба неустанно лился лунный свет. Скрючившийся у мачты Попли похрапывал тихо и протяжно. Лодка медленно шла по курсу; незаметно и Аррен соскользнул в сон. И сразу же проснулся. И увидел, что луна едва успела сдвинуться с места. Тогда он решил отказаться от самопожертвования, устроился поудобнее и крепко заснул.

Ему тут же приснился сон, как почти во все ночи их

путешествия. Сначала сны его были короткими, отрывочными, но неожиданно приятными, вселяющими надежду.

Вместо мачты на «Зоркой» выросло дерево с широкой раскидистой кроной; лебеди влекли лодку за собой, хлопая широкими крыльями; далеко впереди над сине-зеленым берилловым морем светился город с белыми башнями. Потом Аррен почему-то оказался в одной из этих башен; он поднимался по винтовой лестнице — почти бежал, легко и с удовольствием. Видения эти сменяли друг друга, повторялись, за ними следовали другие, что уносились прочь без следа. И вдруг он снова оказался в сумерках на той самой ужасной вересковой пустоши, и прежний страх вновь возник в нем и продолжал расти, пока у него не перехватило дыхание. Однако он двинулся вперед — он должен был это сделать. Он шел долго и наконец понял, что здесь идти вперед — значит идти по кругу, снова и снова возвращаясь на то же место. Нужно было как-то выбраться, бежать, желание это становилось все более жгучим, и он побежал. Он бежал, а круги все сужались и сужались, земля под ногами превратилась в склон холма. Сумерки сгущались, и он бежал все быстрее и быстрее, как бы по кромке, по самому краю огромной воронки, которая постепенно засасывала его куда-то во тьму. Едва успев понять это, он поскользнулся и упал...

— В чем дело, Аррен? — раздался с кормы голос Ястреба.

На небе занимался серый рассвет, море было удивительно тихим.

— Да так, ничего.

— Страшный сон приснился?

— Нет, ничего.

Аррен совсем замерз, правая рука, которую он отлежал, затекла и болела. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть светлеющего неба, и подумал: «Он все время на что-то намекает, но так и не говорит, куда мы на самом деле плывем и зачем и почему именно я должен плыть туда. А теперь еще и этого сумасшедшего с нами тащит. Впрочем, кто из нас безумнее — этот красильщик или я сам? Я-то ведь тоже продолжаю тащиться за ними следом. Эти двое, наверно, смогут друг друга понять — именно волшебники теперь утратили разум, так он сам сказал. А я

сейчас мог бы быть уже дома, в Бериле, в своей комнате с украшенными резьбой стенами, с красным ковром на полу. В камине горел бы огонь, а я проснулся бы пораньше, чтобы отправиться на соколиную охоту с отцом... Почему я пошел с ним? Почему он взял с собой именно меня? Потому, что это мой путь — так он сказал; только все это пустая болтовня волшебника, пытающегося сделать свои поступки значительнее с помощью громких слов. Вот только смысл этих слов вечно ускользает. Если передо мной и лежит какой-то путь, то это путь домой; довольно скитаться безо всякого смысла по далеким Пределам. У меня хватает дел и дома, я просто пренебрегаю своими обязанностями. Если он действительно считает, что реально существует некто могущественный, вредящий всем людям и волшебникам, то почему же он взял с собой одного лишь меня? Он мог бы взять в помощники другого мага — да хоть целую сотню магов. Он мог бы взять с собой армию, флот... разве так выходят навстречу грозной опасности — старый волшебник и юноша вдвоем в жалкой лодчонке? Это же просто безумие. Он, видно, и сам сумасшедший; к тому же он говорил, что ищет смерти. Он ищет смерти и хочет взять с собой меня. Но я пока еще с ума не сошел и до старости мне далеко; я не хочу умирать, и я не пойду с ним».

Аррен приподнялся на локте, глядя вперед. Луна, которая взошла у них прямо по курсу, когда они покидали залив Лорбанери, теперь снова оказалась там же и тонула в море. Сзади, на востоке, занималась бледная заря. Небо было чистым, но затянутым какой-то неприятной дымкой. Позже, днем, когда стало по-настоящему жарко, солнце все равно наполовину скрывалось за этой дымкой.

Целый день они плыли вдоль берегов Лорбанери; низкие, зеленые, они тянулись справа. С суши дул ветерок, наполняя их парус. К вечеру они обогнули последний, далеко выдающийся в море мыс; бриз улегся. Ястреб поднял волшебный ветерок, и, словно сокол с запястья ловчего, «Зоркая» рванулась вперед, радостно раздув паруса и оставляя Шелковый Остров позади.

Красильщик весь день проторчал на одном месте; совершенно очевидно, он боялся и моря, и лодки и к тому же страдал от морской болезни. Он был совершенно измучен и только хрипло спросил:

— Мы на запад плывем?

Закат во все небо горел прямо у него перед носом, но Ястреб, проявляя поразительное терпение, ответил на этот глупейший вопрос кивком.

— На остров Обеголь?

— Обеголь тоже лежит к западу от Лорбанери.

— Значительно западнее. До него еще далеко. Может быть, это место там.

— А на что это место похоже?

— Откуда мне знать? Разве я мог его рассмотреть? Оно ведь не на Лорбанери! Я годами пытался найти его, целых пять лет искал во тьме, по ночам, закрывая глаза, и всегда приходил Он и звал меня: «Пойдем, пойдем!» — но я пойти с ним не мог. Я не настолько могущественный волшебник, чтобы отыскать путь в Темной Стране. Но и под солнцем есть место, куда можно прийти и тоже попасть туда. Вот этого как раз Милди и моя мать понять не желали. Они продолжали искать во тьме. Потом старый Милди умер, а моя мать сошла с ума. Она позабыла заклятья, которыми мы пользовались при крашении, и от этого заболела. Она хотела умереть, но я сказал, чтобы она пока не спешила. Подождала, пока я не найду то место. Должно же оно где-то быть. Раз мертвые могут возвращаться обратно в этот мир, значит, в нем должен существовать путь, по которому они приходят.

— А разве мертвые оживают и возвращаются в этот мир?

— Я думал, тебе-то такие вещи известны, — помолчав, ответил Попли и вопросительно посмотрел на Ястреба.

— Нет, но мне бы очень хотелось об этом узнать.

Попли ничего не сказал. Волшебник вдруг твердо посмотрел ему прямо в глаза, хотя голос его прозвучал тихо и ласково:

— Уж не ищешь ли ты способа жить вечно, Попли?

Попли с минуту тоже смотрел ему в глаза, потом уткнулся своей лохматой темно-рыжей башкой в колени, обхватил ее руками и стал качаться взад-вперед. Очевидно, он принимал такую позу каждый раз, когда боялся чего-то, а когда он чего-то боялся, то уже не способен был ни говорить о чем-либо, ни что-либо слушать. Аррен с отвращением и отчаянием отвернулся. Как они будут плыть дальше в обществе этого Попли долгие дни и недели в

лодке, длина которой едва десять шагов? Это было все равно что поселиться в одном теле с чьей-то больной душой...

Ястреб подошел к юноше и оперся коленом о распор, глядя в желтоватый вечерний туман над морем.

— У этого человека нежная душа, — сказал он.

Аррен ничего не ответил. Потом холодно спросил:

— Что такое Обеголь? Я никогда не слышал такого названия.

— Мне этот остров тоже известен только по картам, так что я о нем почти ничего не знаю... Смотри-ка: вот и подруги Гобардон!

Теперь огромная, цвета золотистого топаза звезда горела еще выше над морем, а чуть ниже ее, почти над самой поверхностью воды, сияли в дымке белая звезда слева и бело-голубая справа, образовывая как бы треугольник.

— Есть ли у этих звезд имена?

— Мастер Ономатет этого не знал. Может быть, у жителей Обеголя и Уэллоджи и есть — какие-то свои. Не знаю. Мы теперь плывем по неведомым морям, Аррен, под знаком Конца.

Юноша не ответил, почти с ненавистью глядя на яркие безымянные звезды над бесконечными водами моря.

Они плыли все дальше и дальше на запад, и море постепенно окутывало тепло южной весны; над головой сияли безоблачные небеса. Но Аррену почему-то казалось, что солнечному свету здесь не хватает яркости, он словно просачивался сквозь не слишком чистое стекло. Вода в море была теплой, как парное молоко, и купание приносило очень мало облегчения. Соленая пища не вызывала аппетита и казалась безвкусной. Все вокруг, казалось, утратило свежесть и яркость красок, вот только по ночам незнакомые звезды светили так ярко, как ему никогда прежде не доводилось видеть. Он обычно лежал, глядя на них, пока не засыпал. И ему снились сны: всегда одни и те же — о вересковой пустоши, или о колодце, или о долине, окруженной неприступными утесами, или о долгой дороге, ведущей вниз по склону горы под низко висящими тучами; и всегда сны эти были наполнены тусклым светом, леденящим душу ужасом и безнадежным желанием спастись.

Он ни разу не заговаривал об этом с Ястребом. Он вообще ни о чем сколько-нибудь важном с ним не говорил, разве что о повседневных мелочах; Ястреб, которого и раньше-то нужно было специально раскачивать для беседы, теперь большую часть времени проводил в молчании.

Аррен окончательно осознал, каким был глупцом, доверив душу и жизнь свою этому беспокойному и скрытному человеку, который позволял мгновенным желаниям властвовать над собой и не делал ни малейшего усилия, чтобы как-то обезопасить себя, спасшись от смерти. Настроение у волшебника было какое-то обреченное; а все потому, думал Аррен, что он боится признать неудачу — ведь он не смог удержать на прежней высоте силу волшебства, самую великую в мире людей силу.

Теперь стало ясно, что для тех, кто знал тайны, не так уж много и существовало настоящих тайн, связанных с искусством магии, благодаря которой и сам Ястреб, и бесконечные поколения колдунов и волшебников добились своей славы и могущества. Ничего особенного в этом не было; кое-кто, правда, умело заклинал погоду, лечил травами да еще создавал такие хитрые иллюзии, как туман, таинственное свечение и изменение внешности; все это, конечно, могло привести в священный трепет невежду, но Аррен-то знал, что все это фокусы, трюки. Действительность неизменна. И нет в волшебстве ничего такого, что давало бы настоящую власть над людьми, не могло оно защитить и от смерти. Великие маги жили не дольше, чем обычные люди. И все ведомые лишь им одним слова даже на один час не могли задержать приход их собственной смерти.

Даже при решении не столь уж важных проблем полагаться на магию не стоило. Ястреб всегда очень мало пользовался своим мастерством; естественный ветер надувал их паруса, едва это становилось возможно; они ловили рыбу, чтобы прокормиться, и аккуратно делили запасы воды, как это делают все моряки. Целых четыре дня Аррен непрерывно менял галсы, пытаясь поймать нужный ветер, очень устал и попросил волшебника хоть ненадолго помочь ему своим волшебством. Когда Ястреб в

ответ лишь отрицательно покачал головой, юноша не выдержал:

— Ну почему же нет?

— Я никогда не стану просить больного человека бежать со мной наперегонки, — ответил Ястреб, — и никогда не́ положу еще один камень в уже переполненную корзину на спине носильщика.

Было не совсем понятно, говорил ли он о себе или о мире в целом. Он и всегда-то отвечал не слишком охотно, теперь же его ответы было и вовсе трудно понять. Вот в этом и заключается самая суть их волшебства, думал Аррен: многозначительно намекнуть, но, в общем-то, ничего не сказать, да еще сделать так, чтобы ничегонеделание казалось вершиной мудрости.

Аррен давно уже старался не замечать Попли, но это оказалось просто невозможно; он так или иначе постоянно сталкивался с безумным красильщиком. Впрочем, Попли вовсе не был таким уж безумным или был не *просто безумным*, как это могло показаться при виде его всклокоченной шевелюры и безумных глаз. На самом деле безумным в нем был тот немыслимый ужас, который он испытывал перед морем. Войти впервые в лодку стоило ему такого насилия над собой, что он так и не смог до конца от этого оправиться; он сидел, скрючившись и низко опустив голову, и старался без необходимости не менять этой позы, чтобы не видеть ни воды, раскачивающей лодку и плещущейся у самого борта, ни само́й лодки — этой хрупкой скорлупки в пугающей безбрежности вод. При малейшей попытке встать на ноги он испытывал сильнейшее головокружение и постоянно жался к мачте. Когда в первый раз Аррен решил поплавать и нырнул с носа лодки, Попли в ужасе заорал; когда же Аррен снова вскарабкался в лодку, бедняга прямо-таки весь позеленел от пережитого потрясения.

— Я думал, ты утопиться решил, — сказал он, и Аррен не смог сдержать смеха.

Как-то в полдень, когда Ястреб сидел, погрузившись в какие-то свои мысли и ничего вокруг не замечая и не слыша, Попли, осторожно цепляясь за снасти, подобрался к Аррену и прошептал:

— Ты ведь не хочешь умирать, да?

— Конечно, нет.

— А он — хочет! — сказал Попли, мотнув в сторону Ястреба подбородком.

— С чего ты взял?

Аррен вдруг заговорил гордо и надменно, что, по правде сказать, получалось у него вполне естественно, и Попли воспринял этот тон как должное, хоть и был лет на десять-пятнадцать старше Аррена. Он ответил с покорной готовностью, но по-прежнему отрывисто и невнятно:

— Он хочет добраться до тайного места. Но я не знаю зачем. Он не хочет... Он не верит... в обещание.

— В какое обещание?

Попли метнул на Аррена взгляд, в котором на миг ожило его утраченное достоинство; однако воля его оказалась слабее, чем у юноши, и он тихонько ответил:

— Ты сам знаешь. В жизнь. В вечную жизнь.

Аррен вздрогнул. Он вдруг вспомнил свои сны, вересковую пустошь, ужасную воронку, утесы, сумеречный свет... то была смерть, то был ужас смерти. От смерти он должен бежать, должен найти путь, ведущий прочь из ее царства. А на пороге его стоит человек, увенчанный тенями, и держит в руке огонек не больше жемчужины — отблеск бессмертия. Аррен впервые посмотрел Попли прямо в глаза: глаза были светло-карие, очень ясные; они подтверждали, что догадка Аррена правильна и что Попли разделяет с ним это знание.

— Он, — сказал Красильщик с Лорбанери, снова мотнув подбородком в сторону Ястреба, — ни за что имени своего не отдаст. А вместе с именем его никто туда протащить не сможет. Путь слишком узок.

— А ты видел этот путь?

— Во тьме, в душе. Но этого недостаточно. Я хочу попасть туда сам, хочу этот путь увидеть по-настоящему. В этом мире. И найти здесь его начало. Что, если я... если я умру, так и не отыскав то место? Большая часть людей не способна найти этот путь, они даже не знают, что он есть. Только немногие обладают необходимым для этого могуществом... И волшебных слов там больше не существует. И никаких имен. Мысленно попасть туда очень трудно. А когда ты... умираешь, умирают... и твои мысли. — Он каждый раз спотыкался на слове «умирать». — Я хочу *твердо знать*, что могу вернуться. Я хочу там по-

бывать. Но с той стороны, где жизнь. Я хочу жить, жить без опаски. И я ненавижу... ненавижу эту воду...

Красильщик совсем свернулся в клубок и стал похож на паука, который падает на паутинке вниз; даже всклокоченную рыжую голову свою он втянул в плечи, чтобы не видеть моря.

После этого Аррен перестал избегать разговоров с ним, понимая, что Попли ведомы не только такие же сны, но и страх; именно это, если случится самое худшее, сделает Попли союзником Аррена против Ястреба.

Они все плыли и плыли — очень медленно, потому что часто наступал штиль или попутный ветер был совсем слабым, — на запад, куда, как притворялся Ястреб, их якобы вел Попли. Но Попли никуда их не вел: ведь он совсем не знал моря, в глаза никогда не видел морской карты, ногой раньше не ступал в лодку и смертельно боялся воды. Это сам волшебник вел их, и вел намеренно по ложному курсу. Аррен давно его раскусил и ясно понимал причины этого обмана. Верховный Маг знал, что они, как и многие другие люди, жаждут бессмертия, которое было им обещано, которое вполне возможно. Но в своей немыслимой гордыне Ястреб боялся не столько того, что кто-то обретет бессмертие, сколько просто завидовал; да, завидовал и боялся, что на земле может появиться человек, более могущественный, чем он сам. И теперь хотел одного: уплыть как можно дальше в Открытое Море, где нет больше никаких островов, окончательно затеряться в безбрежных водах и уже никогда не возвращаться назад, в мир людей. Там, в Открытом Море, они просто умрут от жажды. Потому что для Ястреба лучше умереть самому, но не дать кому-то обрести вечную жизнь.

То и дело Ястреб коротко заговаривал с Арреном о каких-то мелочах — о руле и снастях, например, или о купании в теплом море; или желал ему спокойной ночи под яркими звездами — и тогда все эти черные мысли казались Аррену сущей чепухой. Он смотрел на своего спутника, видел его спокойное твердое терпеливое лицо и думал: «Это мой господин и мой друг». И ему казалось невероятным, что он осмелился усомниться в этом. Но проходило немного времени, и Аррен опять начинал сомневаться и обмениваться с Попли многозначительными взглядами при виде их «общего врага».

Каждый день жаркое солнце по-прежнему затягивало дымкой. Его рассеянный свет глянцем ложился на медленно вздымающуюся поверхность моря. Вода была неизменно синей, чисто синей. То поднимался, то затихал ветерок, и они постоянно меняли галс, чтобы поймать его, и едва ползли на запад к неведомой цели.

Однажды днем наконец подул довольно сильный попутный ветер, и Ястреб, показав куда-то вверх, в сторону заката, сказал:

— Смотрите.

Высоко над мачтой тянулась по небу вереница диких гусей, своими очертаниями похожая на руну Конца, нанесенную черным по синей глади небес. Гуси летели на запад; следуя в том же направлении, на следующий день «Зоркая» приблизилась к берегам крупного острова.

— Вот это место, — сказал Попли. — На этом острове. Мы должны здесь высадиться.

— То место, которое ты ищешь, там?

— Да. Мы непременно должны высадиться на этот остров. Дальше нам плыть невозможно.

— Это скорее всего Обеголь. За ним в Южном Пределе есть еще один остров, Уэллоджи. А на юге Западного Предела есть и более далекие острова. Ты уверен, что это именно здесь, Попли?

Красильщик с Лорбанери просто вышел из себя; глаза его сверкали злобой, но изрекал он теперь вовсе не такую бессмыслицу, подумал Аррен, как прежде, много дней назад, когда они впервые встретились с ним.

— Да, уверен! Мы должны высадиться здесь. Мы уже достаточно далеко заплыли, хватит! Место, которое мы ищем, здесь. Может, ты хочешь, чтобы я в этом поклялся? Хочешь, я поклянусь своим именем?

— Ты не сможешь, — тяжко уронил Ястреб и пристально посмотрел на Попли, возвышавшегося над ним: Попли намеренно встал на ноги, крепко держась за мачту, чтобы получше разглядеть, что за земля впереди. — Лучше и не пытайся, Попли.

Красильщик весь скривился — не то от гнева, не то от боли. Потом посмотрел на горы вдали, окутанные синей дымкой, что лежали прямо по курсу, и сказал:

— Ты взял меня как проводника. Это — место, которое ты ищешь. Здесь мы должны высадиться. Высадиться на берег.

— Мы в любом случае высадимся на берег. Нам нужно пополнить запасы воды, — сказал Ястреб и взялся за руль. Попли уселся на прежнее место, что-то бурча. Аррен слышал, как он сказал: «Клянусь своим именем. Именем своим», и повторял это без конца, и каждый раз все больше мрачнел.

Они подошли к острову при северном ветре и поплыли вдоль берега, подыскивая подходящую бухту, чтобы причалить, но волны с ревом и грохотом бились о северный берег Обеголя. В глубине острова под раскаленными лучами солнца словно пеклись зеленые, до самых вершин покрытые лесом горы.

Обогнув очередной мыс, они наконец заметили довольно глубокий полумесяц залива с белой полосой песка на берегу. Волны неторопливо лизали песок; силу их ударов гасил мыс. Здесь вполне можно было причалить. Никаких следов человеческой жизни не было заметно ни на берегу, ни в лесах, покрывавших горные склоны; они не увидели ни лодки, ни крыши дома, ни столба дыма. Легкий ветерок совсем стих, едва «Зоркая» успела войти в бухту. Штиль, безмолвие, жара. Аррен сел на весла. Ястреб встал к рулю. Скрип весел в уключинах казался здесь единственным живым звуком. Зеленые вершины гор мрачно возвышались над заливом, закрывая горизонт. Солнце расстелило на воде белоснежные жаркие простыни света. Аррен чувствовал, что в ушах у него молотом стучит кровь. Попли, покинув безопасное место у мачты, выполз на нос и, вцепившись в распорки, весь вытянулся в сторону острова. Темное, покрытое шрамами лицо Ястреба блестело от пота, словно намазанное маслом; взгляд его внимательно скользил вдоль полосы прилива и по густолиственным зарослям у подножия начинавшихся прямо от берега гор.

— Давай! — крикнул он, обращаясь то ли к Аррену, то ли к лодке. Аррен сделал три мощных гребка, и «Зоркая» легко вылетела на песок. Ястреб тут же соскочил с кормы, чтобы подтолкнуть ее, однако вдруг споткнулся и чуть не упал. И тут почему-то вместо того, чтобы толкать лодку к берегу, подальше от линии прилива, он мощным

рывком потащил ее обратно, на глубину, вместе с отбегающей волной. Потом перевалился через борт, упал на дно, и лодка как бы зависла между морем и берегом.

— Греби! — выдохнул Ястреб, стоя на четвереньках и пытаясь перевести дыхание. Вода лила с него ручьями. В руках у него откуда-то взялось короткое копье или дротик локтя два длиной с бронзовым наконечником. Где это он его взял? Потом откуда-то прилетело еще копье и воткнулось в банку у самого краешка, расщепив дерево и пронзив борт насквозь. Изумленный Аррен греб что было сил, однако успел заметить, что в невысоком кустарнике чуть выше песчаного пляжа крадутся, осторожно приседая, какие-то люди. В воздухе послышались негромкие свистящие, звенящие звуки. Аррен втянул голову в плечи и с новой силой взялся за весла: два взмаха, чтобы отойти подальше на глубину, еще три — чтобы развернуть лодку и погнать ее прочь от берега.

Попли, стоявший на носу за спиной Аррена, вдруг дико закричал, и руки юноши оказались стиснуты с такой силой, что весла вылетели из воды и ручка одного из них ударила его под ребра так, что на несколько секунд Аррен ослеп от боли и не мог ни охнуть, ни вздохнуть.

— Поворачивай назад! Назад! — орал Попли. Лодка, накренившись, зачерпнула воды и закачалась. Попли вдруг разжал судорожно сжимавшие Аррена руки. Почувствовав свободу, юноша, совершенно разъяренный, обернулся и тут же снова ухватился за весла. Попли исчез. Лишь глубокие воды залива вздыхали и переливались под солнцем.

Аррен, чувствуя себя идиотом, еще раз обернулся, потом внимательно осмотрел лодку и вопросительно уставился на Ястреба, скрючившегося на корме.

— Вон там, — сказал волшебник, указывая куда-то за борт, но там ничего не было, только солнечные блики играли на поверхности моря. Дротик, пущенный из духовой трубки, упал совсем рядом с лодкой и бесшумно скрылся под водой. Аррен сделал еще десять-двенадцать мощных гребков, потом вычерпал воду и снова посмотрел на Ястреба.

Руки волшебника и его левое плечо, к которому он прижимал кусок парусины, были в крови. Копье с бронзовым наконечником валялось на дне лодки. Он вовсе не

держал его в руках, как тогда показалось Аррену: его наконечник глубоко воткнулся ему под мышку. Ястреб не сводил глаз с полосы воды между лодкой и белым песчаным берегом, по которому в солнечном мареве металось несколько маленьких фигурок, махавших руками. Потом скомандовал:

— Давай!

— Но Попли...

— Он так и не вынырнул.

— Неужели он утонул? — спросил Аррен, не веря.

Ястреб кивнул.

Аррен греб до тех пор, пока берег не превратился в тонкую белую полоску, за которой тянулась зеленая полоса кустарников и деревьев, взбирающихся по склонам гор. Ястреб сидел у румпеля, зажимая рану на плече куском тряпки и не обращая на нее особого внимания.

— В него попал дротик?

— Нет, он прыгнул сам.

— Сам? Но он... он же не умел плавать! Он так боялся воды!

— О да. Смертельно боялся. Он хотел... Хотел попасть на землю.

— Почему они напали на нас? Кто они такие?

— Они, должно быть, думали, что мы их враги. Ты не мог бы... не мог бы немного помочь мне с этим? — И тут Аррен заметил, что тряпица, которую волшебник прижимал к ране на плече, насквозь промокла от крови.

Дротик угодил между плечевым суставом и ключицей, порвав одну из крупных артерий, так что кровотечение было очень сильным. Следуя указаниям волшебника, Аррен разорвал на бинты льняную рубашку и наложил повязку. Ястреб попросил его принести попавший в него дротик, и когда Аррен положил дротик ему на колени, он правой рукой стал ощупывать наконечник из довольно грубо обработанной бронзы, длинный и узкий, похожий на ивовый лист. Потом он открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но только покачал головой.

— Нет у меня сил для заклинания, — сказал он. — Позже. Все будет в порядке. Ты сможешь вывести лодку из залива, Аррен?

Юноша молча вернулся к веслам. И, согнувшись, принялся за работу. Вскоре, поскольку сил в его стройном

гибком теле было предостаточно, «Зоркая» вышла в Открытое Море. Стоял глубокий полдневный штиль, обычный для морей Южного Предела. Парус висел как тряпка. Солнце светило сквозь дымку, и зеленые вершины позади, казалось, дрожат и расплываются в жарком мареве. Ястреб вытянулся на дне лодки, пристроив голову повыше; он лежал неподвижно, глаза и губы чуть приоткрыты. Аррену было неприятно смотреть на его лицо, и он отвел глаза. Дальше, за кормой, жаркое марево качалось над водой, словно густая паутина. Казалось, эта паутина затянула и весь небосклон. Руки юноши дрожали от усталости, но он продолжал грести.

— Куда ты правишь? — раздался вдруг хриплый голос Ястреба. Волшебник чуть приподнялся на локте и вопросительно смотрел на Аррена. Тот, обернувшись, снова увидел дугу залива, будто белыми руками обнимавшую их с обеих сторон, и близкие горы, толпившиеся в вышине. Он и не заметил, как развернул лодку и поплыл в обратном направлении.

— Все. Больше я грести не могу, — сказал Аррен и осушил весла. Потом пошел и лег, свернувшись в клубок, на носу. Ему продолжало казаться, что за спиной у него, по-прежнему прижавшись к мачте, сидит Попли. Они слишком много времени провели вместе, слишком неожиданной была его смерть, слишком бессмысленной. Все вообще было слишком непонятно, бессмысленно...

Лодка словно висела, чуть покачиваясь на волне; парус был совершенно безжизненным. Начинался прилив; волны все сильней обрушивались на берег, потихоньку разворачивали лодку боком, подталкивали ее к белой линии песка на берегу.

— «Зоркая», — нежно позвал волшебник и прибавил еще пару слов Истинной Речи. Лодка мягко качнулась, развернулась и заскользила прочь от острова по слепящей водной глади.

Впрочем, не прошло и часа, как она будто устала и парус ее снова безжизненно обвис. Аррен оглянулся и увидел, что спутник его лежит на дне лодки в прежней позе, только голова его запрокинута, глаза закрыты.

Все это время Аррен ощущал тяжкий дурнотный ужас, который становился все сильнее, сковывал движения, словно тонкими нитями опутывая тело, туманил мозг.

И мужество не восставало в нем против этого страха; он чувствовал лишь что-то вроде слабого негодования и сожалений относительно собственной судьбы.

Аррен отлично понимал, что нельзя оставаться здесь и дрейфовать близ берегов острова, чьи жители нападают на чужеземцев, однако в душе ему было и это все равно. А что, собственно, оставалось делать теперь? Плыть на веслах до острова Рок? Нет, конечно же, он пропал, все кончено, он затерян в безбрежности Открытого Моря, и не осталось больше никаких надежд. Он никогда не сможет проложить обратный курс или хотя бы довести лодку до ближайшего острова, где их приняли бы дружески. Может быть, под руководством волшебника ему бы это и удалось, но Ястреб смертельно ранен и совершенно беспомощен. И все случившееся было таким же неожиданным и бессмысленным, как и смерть Попли. Лицо волшебника изменилось, расслабилось; щеки приобрели желтоватый оттенок: похоже, он уже умирал. Аррен понимал, что нужно бы перенести раненого под навес, в тень, и дать ему напиться — человек, потерявший столько крови, должен больше пить. Но у них уже много дней не хватало воды; бочонок был почти пуст. Впрочем, и это тоже не имеет значения. Ничего хорошего все равно ждать не приходится, все утратило смысл. Удача от них отвернулась.

Так прошло несколько часов. Солнце по-прежнему жгло беспощадно; жаркое сероватое марево окутывало Аррена со всех сторон, но он продолжал сидеть неподвижно.

Вдруг лба коснулось чье-то холодное дыхание: то была вечерняя роса. Солнце село; запад горел багрянцем. Дул слабый восточный ветерок, и «Зоркая» медленно огибала крутые лесистые берега Обеголя.

Аррен пробрался на корму и занялся своим спутником: устроил ему постель под навесом и дал напиться. Он делал все торопливо, стараясь не смотреть на пропитавшуюся кровью повязку, которую давно пора было сменить. Ястреб сильно ослабел и все время молчал; пил он жадно, но даже и тогда глаза его оставались закрытыми. Потом он снова погрузился в забытье, словно сейчас сон был для него важнее и сильнее жажды. Он так и лежал, тихий и недвижимый, и, когда с наступлением ночи ветер

стих, паруса вновь повисли и лодка лениво закачалась на зеркально гладкой поверхности чуть вздыхающего моря: поднять волшебный ветер Ястреб не смог. Зато горы, которые еще недавно мрачно возвышались справа, совсем рядом с ними, отодвинулись и казались лишь черной изломанной линией на фоне звездного неба. Аррен долго смотрел на звезды. И рисунки южных созвездий показались ему странно знакомыми, словно он уже раньше видел их, словно знал их с детства.

Спать он улегся, как всегда, лицом к югу: там, высоко в небе над монотонно-спокойной гладью моря горела звезда Гобардон. Чуть ниже — еще две, образующие с ней вместе как бы вершины треугольника, а еще ниже, в основании этого треугольника, выстроились по прямой еще три звезды. Потом, ближе к полуночи, выскользнули на свободу из блещущей серебром черноты моря и ярко зажглись в небесах еще две звезды. Эти были желтыми, как Гобардон, хоть и светили более слабо. Теперь, считая предыдущие звезды, на небе начал образовываться второй, более крупный треугольник: там горело восемь из девяти звезд созвездия, которое, очевидно, и должно было походить на бегущего человека или на ардическую руну Агнен. Что касается Аррена, то он никакого человека в рисунке звезд не обнаружил; если только, как это часто случается с созвездиями, изображение его не было в значительной степени условным. Зато руна Агнен виделась ему совершенно ясно — с крючкообразной ручкой и поперечной чертой в середине, она отчетливо светилась в небе, дописанная почти до конца, ибо последняя звезда еще не взошла.

Ожидая ее появления, Аррен уснул.

Когда же на рассвете он проснулся, то оказалось, что «Зоркую» отнесло еще дальше от Обеголя. Туман совсем скрыл его берега, лишь едва виднелись вершины гор. Туманная дымка плыла над фиолетовыми водами Южного Моря, и сквозь нее едва виднелись в небесах последние звезды.

Аррен взглянул на своего спутника. Ястреб дышал неровно, словно даже в забытьи чувствовал сильную боль, не дававшую ему крепко уснуть. На лице его отчетливо проступили морщины, в холодном ровном утреннем свете оно выглядело неожиданно старым. Аррен вдруг уви-

дел перед собой человека, который до конца израсходовал свои силы, и теперь у него не осталось ни волшебства, ни могущества, ни даже молодости — ничего. Он не спас Попли, не отвернул от себя ранивший его дротик. Из-за него все они оказались в опасности, но он ничего не сделал для их спасения. Попли мертв. Ястреб умирает, и Аррен скоро тоже непременно умрет. И все — только из-за ошибки этого человека, просто так, совершенно бессмысленно.

Аррен смотрел на волшебника с полной безнадежностью, словно в пустоту.

Ни одно воспоминание о прошлом не шевельнулось в его душе: ни фонтан под ясенем, ни белый волшебный свет над рабовладельческим судном в тумане, ни обглоданные червями деревья близ дома красильщиков. Ни воля, ни упрямство, ни гордость не проснулись в его сердце. Он смотрел, как разливается восход над спокойным морем, над легкими бледно-сиреневыми волнами, и все вокруг казалось ему похожим на сон, на невнятное, неясное, безжизненное видение. И в глубинах этого сна, как и в глубинах сиреневого моря, не было ничего — провал, пропасть, пустота...

Лодка то застывала на месте, то медленно двигалась куда-то в зависимости от желаний налетающего ветерка. Вершины Обеголя, уплывая назад, становились все меньше, все чернее на фоне разгорающейся зари; ветер дул с востока, унося лодку прочь от этого острова, прочь от мира людей, все дальше и дальше в Открытое Море.

8

ДЕТИ ОТКРЫТОГО МОРЯ

Где-то в полдень Ястреб шевельнулся и попросил воды. Напившись, он спросил:

— Куда мы плывем? — Парус у него над головой был надут, и лодка ласточкой неслась по волнам.

— На запад или на северо-запад.

— Мне холодно, — сказал Ястреб.

Солнце светило вовсю, заливая лодку зноем, и Аррен промолчал.

— Постарайся держать курс на запад. На Уэллоджи — он расположен к юго-западу от Обеголя. И там причаль: нам необходима вода.

Взгляд юноши был устремлен вперед, куда-то поверх пустынных волн.

— В чем дело, Аррен?

Аррен не отвечал.

Ястреб попытался сесть, но это ему не удалось; тогда он попытался дотянуться до посоха, что лежал у рундука, и тоже не смог. Он хотел было снова что-то сказать, но слова застряли в пересохшем рту. Снова открылось кровотечение; из-под задубевшей повязки, которая вновь промокла, по темной коже поползли тонкие, как паутинки, полоски ярко-алого цвета. Волшебник со стоном вздохнул и закрыл глаза.

Аррен смотрел на него совершенно равнодушно и вскоре отвернулся. Прошел на нос и снова уселся там, скрючившись и глядя вперед. Во рту страшно пересохло. Восточный ветер, что теперь постоянно дул над Открытым Морем, напоминал иссушающий ветер пустыни. В бочонке осталось не больше двух-трех кружек воды; Аррен считал, что эта вода — только Ястребу. Ему даже в голову не приходило отпить хоть глоток. Он поставил удочки: за время их долгого путешествия он узнал, что сырая рыба утоляет не только голод, но и жажду. Но на крючок никогда ничего не попадалось. Впрочем, и это было неважно. Лодка плыла и плыла по бесконечной водной пустыне. В вышине медленно, хотя в конце концов всегда выигрывая эту гонку через пространство, плыло солнце — тоже с востока на запад.

Как-то раз Аррену показалось, что на юге он видит голубую вершину — вполне возможно, остров. А впрочем, может, и просто облако. Он даже не попытался сменить галс: просто позволил лодке плыть дальше, куда-то на северо-запад, куда она уже много-много часов неслась безостановочно. Остров то был или нет — все равно. Нет никакой надежды; Аррену теперь даже мощное великолепие ветра, солнца и моря казалось ненадежным и фальшивым.

Наступила ночь, потом снова день; тьма и свет ка́за-

лись медленными ударами барабана по туго натянутой ткани небес.

Аррен опустил руку в воду у борта. На мгновение он удивительно ясно увидел под живой водой зеленоватые очертания пальцев. Он наклонился и облизал их. Вода была горькой, больно жгла губы, но он снова обмакнул пальцы и облизал их. Потом его стошнило, он, скрючившись, свесился за борт; его выворачивало наизнанку, но сплюнуть удалось лишь немного чего-то жгучего. Напоить раненого ему было нечем, воды совсем не осталось, и Аррен боялся подходить к волшебнику. Он прилег: несмотря на жару, его бил озноб. Все вокруг было безмолвным, иссушающим и нестерпимо ярким. Спасаясь от яркого света, он прикрыл глаза рукой.

Они стояли рядом с ним в лодке; их было трое; худые, стройные, с горделивой осанкой, с удлиненными серыми глазами, они были похожи на диковинных темных цапель или журавлей. Языка их он не понимал. Голоса были тонкие, птичьи. Один наклонился к нему и поднес к пересохшему рту какой-то темный пузырь. Это была вода. Аррен пил жадно, задыхался, откашливался и снова пил, пока не выпил все до последней капли. Потом наконец осмотрелся и попробовал встать, тревожно спрашивая:

— Где, где он?

В лодке с ним рядом были только эти трое — странные хрупкие существа. Они непонимающе смотрели на него.

— Другой человек, — прокаркал он; воспаленное горло и распухшие, как оладьи, губы не повиновались ему, — мой друг...

Один из них понял его тревогу — даже если не понял самих слов — и, положив свою легкую руку Аррену на плечо, другой рукой указал куда-то.

— Там, — сказал он, пытаясь успокоить юношу. Аррен посмотрел в указанном направлении и увидел: прямо по курсу и к северу лодку окружало множество плотов; одни собрались в плотную кучу, другие были раскиданы по морю довольно далеко друг от друга. Их было так много, что они казались осенними листьями на поверхности пруда. Плоты были невысокие, на каждом — одна или

две хижины ближе к центру; на некоторых плотах были даже мачты. Подобно листьям, плоты кружились, поднимались и опускались вместе с волнами, несомые сильным западным течением. Полоски воды между ними сверкали серебром; в небесах курчавились пышные фиолетовые и золотистые дождевые облака, на западе сгущавшиеся в темные грозовые тучи.

— Там, — повторил человечек, указывая на большой плот рядом с «Зоркой».

— Жив?

Все одновременно посмотрели на Аррена. Они не понимали. Наконец один догадался:

— Жив. Он жив.

И тут Аррен заплакал; сухие, без слез рыдания разрывали грудь. Тогда один из незнакомцев взял его за руку и повел на тот плот, к которому была пришвартована «Зоркая». Этот плот был так велик и прочен, что даже не качнулся под их общим весом. Аррена провели на другой его конец, и один из незнакомцев, перевесившись через край, тяжелой острогой с наконечником из зуба китовой акулы подцепил и подтащил ближе еще один, соседний плот. Они легко перебрались на него, и Аррен оказался перед навесом или примитивной хижиной, сделанной из циновок, одна стена которой была поднята.

— Ложись, — сказали ему, и больше Аррен ничего не помнил.

Потом он лежал на спине, вытянувшись, и смотрел на грубо сплетенную зеленую крышу, пронизанную маленькими пятнышками света. Он решил было, что оказался в яблоневых садах Семермина, где обычно проводят лето принцы Энлада, в холмистой местности близ Берилы, и лежит в густой траве, глядя в небо сквозь просвечивающие солнцем ветви цветущих яблонь.

Потом вдруг услышал влажный шлепок и плеск воды где-то под плотом, над бездонной глубиной, и высокие голоса людей, что живут на этих плотах. Они пользовались ардическим языком, на котором говорят повсюду на Архипелаге, только произношение и интонации были у них часто совершенно иными, так что сразу понять было трудно. Теперь Аррен знал, что он очень далеко от Архипелага, дальше самых дальних Пределов, в безбрежном Открытом Море. Но он почему-то и на это реагировал на

удивление спокойно и лежал себе на мягком и удобном ложе, словно в садах своей далекой родины.

Потом он решил, что пора, пожалуй, встать, и встал, обнаружив при этом, что тело стало слишком худым и как будто подсушенным на солнце; впрочем, ноги хоть и дрожáли, но вполне слушались. Он отвел в сторону циновку, изображавшую стену, и вышел наружу. Был полдень. Все время, пока он спал, шли дожди. Крупные, гладкие, с квадратным сечением бревна, тесно пригнанные друг к другу и проконопаченные, были мокрыми и темными. Черные волосы хрупких полуобнаженных жителей плотов блестели после дождя. Грозовые тучи умчались уже далеко на северо-восток, тая в серебристой дымке.

Один из черноволосых людей осторожно приблизился к Аррену и остановился шагах в двух от него. Он был стройный и гибкий, небольшого роста — не выше двенадцатилетнего мальчишки. На Аррена внимательно смотрели продолговатые большие и темные глаза. В руках незнакомец держал копье с зазубренным наконечником из кости.

— Я обязан тебе и твоему народу жизнью своей, — сказал Аррен.

Человек кивнул.

— Ты отведешь меня к моему товарищу?

Человек обернулся и крикнул что-то пронзительным, похожим на крик морской птицы голосом. Потом присел на корточки у края плота, словно чего-то ожидая; Аррен последовал его примеру.

На их плоте мачты не было, хотя на большей части плотов они имелись. К мачтам крепились паруса, довольно маленькие по сравнению с огромными плотами; паруса были изготовлены из какого-то коричневого материала — не парусины и не холста, — а скорее сплетенного или сотканного из каких-то странных волокон; причем волокна даже, пожалуй, и не ткали, а сбивали, как войлок. На одном из плотов, шагах в трехстах от них, спустили парус, и плот этот медленно двинулся к ним, лавируя между другими плотами. Когда до него оставалось не больше двух шагов, человек, сидевший рядом с Арреном, встал и, ни секунды не раздумывая, легко прыгнул. Аррен последовал за ним и весьма неуклюже приземлился на четвереньки, настолько ослабели и лишились былой упругости его ноги. Он поднялся и заметил, что маленький человечек смотрит на него вовсе не насмешливо, а с одобрением и сочувствием.

Этот плот был больше и выше остальных; сделанный из толстых бревен — шагов тридцать в длину и семь-восемь в ширину, — он почернел от дождей и старости, дерево его как бы лоснилось. Загадочные резные деревянные фигуры возвышались рядом с хижинами в центре — то ли храмами, то ли просто жилищами; в каждом из четырех углов плота был укреплен высокий шест, увенчанный пучком перьев морских птиц. Провожатый подвел Аррена к самой маленькой из хижин, и там юноша наконец увидел Ястреба, погруженного в глубокий сон.

Аррен подошел и сел рядом с ним. Провожатый вернулся на свой плот; никто Аррена не беспокоил. Незнакомая женщина принесла ему поесть: что-то похожее на холодное рыбное рагу, в котором попадались кусочки чего-то зеленого и желеобразного, солоноватого, невкусного; она дала ему также маленькую чашечку воды, несвежей, пахнущей смолой. Аррен заметил — по тому, как она подносила ему воду, — что это здесь драгоценность, почитаемая превыше всего. Он принял и выпил ее с должным уважением и больше не попросил, хотя мог бы выпить раз в десять больше.

На плечо Ястреба была мастерски наложена повязка; он спал глубоким сном выздоравливающего человека. Когда же проснулся, глаза его глядели ясно. Увидев Аррена, он улыбнулся доброй счастливой улыбкой — улыбка всегда поразительно меняла его суровое лицо. Аррен вдруг снова почувствовал, что к глазам у него подступают слезы. Он накрыл рукой руку волшебника и молчал, не в состоянии вымолвить ни слова.

Тут в хижину вошел один из представителей «плавучего народа» и присел на корточки неподалеку. Большая соседняя хижина представляла собой нечто вроде храма с очень сложным рисунком, выложенным с помощью мозаики над входом. Резная дверная рама изображала двух больших китов, выпускающих фонтаны воды. Пришедший был таким же хрупким и невысоким, как все люди на плотах. Он был похож на мальчика с удивительно сильным волевым лицом зрелого мужчины. На нем была лишь

набедренная повязка, но достоинство окутывало его подобно королевской мантии.

— Он должен спать, — сказал он, и Аррен, оставив Ястреба, подошел к незнакомцу.

— Ты вождь этого народа, — сказал юноша, как всегда узнавая великого правителя с первого взгляда.

— Да, — ответил человек, коротко кивнув. Аррен, выпрямившись, застыл перед ним. Темные глаза человека только скользнули по его лицу. — Ты тоже вождь, — уверенно заключил он.

— Да, — ответил Аррен. Ему страшно хотелось узнать, как вождь «плавучего народа» об этом догадался, однако он и глазом не повел. — Но сейчас я служу своему господину.

Маленький вождь еще что-то проговорил, но уже совсем непонятное, столь странно звучали в устах этого народа слова ардического языка. А может быть, то были чьи-то имена, которых Аррен не знал. Потом вождь спросил:

— Зачем вы явились в Балатран?

— В поисках... — И Аррен запнулся, не зная, как выразить всю ту мешанину мыслей и чувств, что обуревала его, и неуверенный, можно ли сказать этому человеку правду. Все, что с ними произошло, как и сама суть их поисков, казалось, уплыло, затерялось в далеком прошлом. Все перепуталось в его памяти. Наконец он сказал: — Мы приплыли к острову Обеголь. Его жители напали на нас, когда мы хотели высадиться на берег. И мой господин был ранен.

— А ты?

— Я остался цел, — спокойно сказал Аррен: холодное самообладание, воспитанное в нем с детства королевскими слугами, и на этот раз сослужило ему хорошую службу. — Но потом что-то такое произошло со мной... с нами... что-то вроде помешательства. Наш спутник утопился... Во всем таился какой-то страх... — Он умолк и застыл.

Вождь наблюдал за ним своими темными непроницаемыми глазами. Потом сказал:

— Значит, вы попали сюда случайно?

— Да. А мы все еще в Южном Пределе?

— В Пределе? О нет. Острова... — вождь изящным взмахом тонкой темнокожей руки описал в воздухе полукруг с севера на восток, — острова находятся там. Все острова. — Потом таким же изящным жестом обвел закатное море перед ними по кругу — с севера через запад на юг — и сказал: — Это все море.

— А с какого острова вы сами, господин мой?

— Мы не с острова. Мы — Дети Открытого Моря.

Аррен смотрел на его умное живое лицо, на огромный плот с храмом, окруженным высокими идолами, вырезанными из цельных стволов могучих деревьев... То были их боги — полудельфины-полурыбы-полулюди-полуптицы... Потом он обвел взглядом плоты, где люди были заняты самой обычной работой: плели корзины и циновки, вырезали что-то из дерева, ловили рыбу, готовили еду на возвышениях для очага, возились с детьми. Плотов было по меньшей мере десятков семь, они порой были разбросаны на довольно большом расстоянии друг от друга. Это был настоящий город: вдали над хижинами виднелись тонкие струйки дыма; ветер разносил звонкие голоса детей. Да, это был настоящий город, вот только под полом его жилищ была морская бездна.

— Неужели вы никогда не высаживаетесь на землю? — спросил юноша шепотом.

— Один раз в год. Тогда мы приплываем к Долгой Дюне. Там мы рубим лес и чиним плоты. Это бывает осенью. А потом мы уходим вслед за серыми китами к северу. Зимой мы расстаемся — каждый плот дрейфует сам по себе. Весной же все собираются в Балатране, в этих водах. Мы ходим друг к другу в гости, играем свадьбы, потом состоится Долгий Танец. Здесь пролегают пути Балатрана; отсюда великие течения несут нас на юг. Все лето мы плывем по их воле, пока не увидим, как Великие — большие серые киты — поворачивают на север. Тогда мы и пускаемся следом за ними и в конце концов возвращаемся к селению Эмах, что на Долгой Дюне.

— Но это просто поразительно, господин мой! — сказал Аррен. — Никогда не слышал я о таких людях, как вы. Мой дом очень далеко отсюда. Но и там, на острове Энлад, мы тоже танцуем Долгий Танец в преддверии лета.

— Только вы утаптываете землю, делая ее более прочной, — сухо откликнулся вождь, — мы же танцуем над бездной морской. — Он помолчал немного и спросил: — Как зовут его, твоего господина?

— Ястреб, — ответил Аррен. Вождь правильно повторил это слово, однако смысла его явно не понимал. И одно это заставило Аррена безоговорочно поверить в правдивость рассказа вождя о том, как его народ всю свою жизнь, год за годом, проводит в Открытом Море, где никаки́х островов нет и в помине, куда даже птицы сухопутные не долетают, — в этих неведомых жителям Земноморья водах.

— Смерть стояла с ним совсем рядом, — сказал вождь. — Он должен много спать. А ты пока возвращайся на плот Стара; я потом за тобой пошлю. — Он встал. Будучи полностью уверенным в себе, вождь не до конца понял, кто такой Аррен и как с ним до́лжно ему обращаться: как с равным или как с обычным мальчишкой. Аррену в таком положении больше по душе было бы последнее, и он даже обрадовался, что его отсылают прочь, но тут возникла проблема совсем иного рода. Плоты разнесло далеко друг от друга, по крайней мере на добрую сотню шагов, и гладкая поверхность моря блестела меж ними под солнцем.

— Плыви же, — коротко бросил ему вождь.

Аррен бросился в воду. Ее прохладные ладони ласкали обожженную солнцем кожу. Он проплыл расстояние до ближайшего плота, где его поджидала компания из пяти-шести ребятишек и несколько молодых людей, наблюдавших за незнакомцем с доброжелательным интересом. Какая-то малышка сказала:

— Ты плывешь, как рыба, попавшаяся на крючок.

— Как же мне нужно плавать? — вежливо спросил Аррен. Он, хоть и почувствовал некоторое унижение, все же ни за что не смог бы нагрубить такому невероятно крошечному человечку. Девочка была похожа на хрупкую изысканную статуэтку из полированного красного дерева.

— А вот как! — крикнула она и нырнула, словно маленький тюлень, в сверкающую воду. Только очень не скоро услышал он где-то вдали ее пронзительный голосок и увидел черную гладкую головку над поверхностью моря.

— Давай теперь ты, — сказал Аррену юноша примерно одних с ним лет, хотя ростом и телосложением больше походил на двенадцатилетнего. Лицо у него было довольно мрачное, а во всю спину татуировка: синий краб. Юноша нырнул, и все остальные тоже, даже трехлетний малыш,

так что Аррену пришлось последовать их примеру. Он плыл, изо всех сил стараясь не поднимать брызг.

— Ты плыви, как угорь, — сказал тот юноша с крабом на спине, выныривая возле его плеча.

— Или как дельфин, — предложила Аррену хорошенькая девушка с прелестной улыбкой и тут же исчезла в глубине.

— Или как я! — с удовольствием выкрикнул трехлетний малыш, бултыхаясь, как пустая бутылка.

В тот вечер до самой темноты и весь следующий золотой от солнца длинный день, и еще много-много дней Аррен плавал, беседовал и работал вместе с молодежью, жившей на плоту Стара. И из всего, что произошло за время их путешествия, с того момента, когда он в корне изменил свою жизнь, отплыв с Ястребом от берегов острова Рок, происходящее теперь казалось Аррену в известном смысле самым странным, ибо все это никак не было связано с тем, что случилось раньше — ни за время путешествия, ни за всю его жизнь; а еще меньше — с целью их поисков. Ночью, укладываясь спать вместе со всеми прямо под звездным небом, он думал: «Все так, словно я уже умер и это происходит со мной после смерти, в краю, где вечно светит солнце, за пределами нашего мира, среди сыновей и дочерей моря...» Прежде чем уснуть, он обязательно искал и всегда находил на юге желтую звезду Гобардон и руну Конца, которую вместе с Гобардон составляли ее младшие сестры. Однако теперь звезды всходили позже, и он был не в состоянии бодрствовать до тех пор, пока все созвездие не покажется над горизонтом. Днем и ночью плоты плыли на юг, но в море никогда ничего не менялось, ибо то, что меняется постоянно, всегда выглядит неизменным. Майские дожди прекратились, по ночам небо было усыпано яркими звездами, а днем вовсю светило солнце.

Аррен понимал, что жизнь на плотах не всегда так легка и беспечна, словно приятный сон. Он расспрашивал своих новых друзей о зиме, и они рассказывали о долгих дождях, о мощных водяных валах, об одиноких плотах, дрейфующих меж высоких волн под серым беспросветным небом над чернотой океана — неделю за неделей, месяц за месяцем. В прошлую зиму во время шторма, который длился дней тридцать, они видели такие огромные волны, которые, по их словам, были «словно грозовые ту-

чи»: слова «гора» они не знали. С гребня одной такой волны можно было видеть следующую, невероятных размеров, за несколько тысяч шагов от первой, и эти громады одна за другой обрушивались на их плоты. «Выдерживают ли плоты такие бури?» — спрашивал Аррен, и они отвечали: «Да, но не всегда. Весной, когда мы собираемся на Путях Балатрана, обычно не хватает двух, трех, шести плотов...»

Они вступали в брак совсем юными. Голубой Краб, тот самый юноша с татуировкой в честь собственного имени, и хорошенькая девушка по имени Альбатрос уже были мужем и женой, хотя ему исполнилось лишь семнадцать, а ей — на два года меньше; и подобных браков было множество. Бесчисленные младенцы ползали и спали прямо на бревнах, привязанные длинными веревками к угловым столбам хижины, стоявшей в центре; они сами заползали под навес, спасаясь от дневной жары, и спали там вповалку живыми шевелящимися грудами. Старшие дети присматривали за младшими, а мужчины и женщины любую работу делали вместе. Все без исключения по очереди занимались сбором крупных морских водорослей с коричневыми листьями, «нилгу Балатрана», немного похожих на папоротник, но очень длинных — от сорока до пятидесяти шагов в длину. Все вместе трудились, сбивая нилгу в ткань типа войлока или сплетая жесткие волокна в веревки или сети; все вместе занимались рыбной ловлей, сушили и вялили рыбу, изготавливали различные инструменты из китовой кости, и вообще — выполняли любую необходимую для жизни на плотах работу. Но всегда у них находилось время, чтобы поплавать или поговорить друг с другом, и никогда не назначался точный срок, к которому та или иная работа должна была быть выполнена. Время там измерялось не часами, а днями и ночами — целиком. После нескольких таких дней и ночей Аррену уже казалось, что он прожил на плоту невероятно долго, а Обеголь просто дурной сон, за которым маячили еще более туманные сны и — какой-то далекий, другой мир, в котором он когда-то жил — все время на суше — и был принцем Энлада.

Когда вождь наконец призвал Аррена на свой плот, Ястреб некоторое время изучал его, потом сказал:

— Ты выглядишь, как тот Аррен, которого я видел во

дворике у фонтана; гладкий, как золотистый тюлень. Видно, хорошо тебе здесь, сынок.

— О да, господин мой!

— Да, но где же мы теперь? Все острова остались позади. Мы заплыли в такие края, которые не указаны ни на одной карте... Давным-давно я слышал историю о народе, живущем на плотах, но решил тогда, что это всего лишь очередная сказка о Южном Пределе, выдумка, беспочвенная фантазия. Однако эта «фантазия» вовремя оказалась рядом и спасла нас от смерти.

Он говорил улыбаясь, словно тоже вкусил безвременно летней, легкой, полной света жизни; но исхудалое лицо его было обтянуто кожей, а в глазах затаилась беспросветная тьма. Аррен, заметив это, решился сказать все.

— Я предал... — начал он и запнулся. — Я предал твое доверие, твою веру в меня.

— Это почему же, Аррен?

— Там... в Обеголе, когда в первый и единственный раз я оказался нужен тебе. Ты был ранен, тебе нужна была моя помощь... Но я не сделал ничего! Лодка дрейфовала сама по себе, и я позволил ей это, пустил по воле волн. Ты страдал от боли, но я ничем не облегчил твоих страданий. Я видел другой остров... да, я видел его, но даже не попытался повернуть лодку...

— Спокойно, парень, — сказал волшебник твердо, и Аррен подчинился. Ястреб спросил: — Скажи, о чем ты думал тогда?

— Ни о чем, господин мой... ни о чем! Я считал, что совершенно бессмысленно предпринимать что-либо. Я думал, что все твое могущество улетучилось без следа — нет, что его никогда и не было! Что ты давно уже обвел меня вокруг пальца... — На лбу у Аррена выступили капли пота; ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжать говорить, однако он превозмог себя: — Я боялся тебя. Я боялся смерти. Я так ее боялся, что мне не хотелось смотреть на тебя, потому что ты, возможно, уже умирал. Я ни о чем больше не мог думать, кроме того, что для меня существует... существует путь к бессмертию, если я смогу найти его. Но жизнь все вытекала и вытекала из меня, словно во мне была большая кровоточащая рана — такая, как у тебя. И рана эта была как бы во всем. И я не делал ничего, ничего не предпринимал, только пытался спрятаться от ужаса медленной смерти.

Аррен замолчал, потому что говорить правду вот так, ему в лицо, вслух, было непереносимо стыдно. Хотя больше юноше мешал не стыд, а страх — все тот же страх. Он понял теперь, почему эта спокойная жизнь на море, пронизанном солнечными лучами, казалась ему нереальной, похожей на жизнь в раю или на сон: в глубине души он знал, что действительность пуста — в ней нет жизни, нет тепла, нет ярких красок, радостных звуков, нет смысла. И нет в ней ни высот, ни глубин. И вся эта прелестная игра в превращения, солнечные блики на поверхности воды и солнце в глазах людей — лишь иллюзии, забавы, выдумки. А внизу — бездна.

Но очарование миновало, и в душе остались пустота и холод. Больше ничего.

Ястреб по-прежнему внимательно смотрел на него, и юноша потупился, чтобы избежать этого взгляда. Но тут в нем неожиданно и несмело заговорил голос мужества или, возможно, самоиронии. Голос этот звучал высокомерно и безжалостно: «Трус! Трус! Неужели ты и друга своего сбросишь со счетов?»

С огромным трудом Аррен заставил себя поднять глаза и посмотреть Ястребу в лицо.

Тот потянулся к нему, крепко сжал его руку, и они снова встретились — не только взглядом, но и душами.

— Лебаннен, — сказал волшебник. Он никогда еще не произносил вслух подлинного имени Аррена, и Аррен никогда его ему не называл. — Да, Лебаннен. И это твоя сущность. Спасения нет, как и нет конца. Лишь в тишине можно услышать слово. Лишь в полной тьме — увидеть звезды. И великий танец всегда танцуют на краю пропасти, над страшной бездной.

Аррену больше всего хотелось удрать, но волшебник крепко держал его за руку: не пускал.

— Я не оправдал твоих надежд, — сказал юноша. — И это случится еще не раз. У меня не хватает сил!

— Сил у тебя вполне хватает. — Голос Ястреба звучал почти нежно, но в нем звенела твердость и легкая насмешка, родственная той, что заставила Аррена только что преодолеть свой внутренний страх. — Ты не перестанешь любить то, что любишь. И доведешь до конца начатое дело. На тебя можно положиться, Аррен. Ничего удивительного, если ты сам этого до сих пор еще не понял: у тебя в распоряжении было всего семнадцать лет. Но учти,

Лебаннен: отказываться от смерти значит отказываться от жизни.

— Но я же искал смерти! — Аррен поднял голову и непонимающе уставился на Ястреба. — Как Попли...

— Попли смерти не искал. Он хотел положить конец своему страху перед смертью.

— Но ведь существует какой-то путь... Тот путь, который искал Попли. И Харе. И другие тоже. Путь назад к жизни, к бесконечной жизни, к жизни без смерти... Ты... ты ведь лучше других... ты должен знать об этом пути...

— Я этого пути не знаю.

— Ну а другие волшебники?

— Мне известно, что некоторые его ищут. Но известно мне также и то, что все они умрут. Как умер Попли. Что умру я. Что умрешь и ты.

Твердая рука его по-прежнему сжимала руку Аррена.

— И я очень ценю это знание — великий дар. Дар понимания собственной сути. Ибо принадлежит нам только то, что мы боимся потерять. Самопознание — это наш крест, наше величие, наша человечность, но оно не вечно. Самовосприятие меняется, исчезает, уходит, словно волна в море. Хотел бы ты, чтобы море навсегда стало спокойным, застыло и приливы перестали вздымать волну за волной? Разве отдашь ты уменье своих рук, страсть своей души, жажду познания ради полной безопасности?

— Безопасности? — эхом повторил Аррен.

— Да, — подтвердил волшебник. — Безопасности.

И выпустил руку юноши и отвернулся от него, словно забыв вдруг о его существовании, хотя они по-прежнему сидели лицом к лицу.

— Не знаю, — сказал наконец Аррен. — Я не понимаю, что я ищу, куда иду, кто я такой.

— Зато я знаю, кто ты такой, — сказал Ястреб тем же тихим суровым голосом. — Ты мой проводник. Благодаря своей невинности и мужеству, своему неведению и верности ты стал моим проводником — дитя, которое я послал впереди себя во тьму. Это твой страх ведет меня. Ты думал, что я жесток по отношению к тебе, но никогда не подозревал, насколько жестоко я пользуюсь твоей любовью — как человек свечой, сжигая ее дотла, чтобы осветить перед собой путь. Но мы должны идти дальше. Должны. Мы должны пройти этот путь до конца. Должны до-

браться до пересохшего источника, до тех мест, куда влечет тебя страх смерти.

— Где же это, господин мой?

— Не знаю.

— Я не могу отвести тебя туда. Но я пойду с тобой.

Взгляд волшебника был мрачен и непостижим.

— Но если я снова подведу тебя и предам...

— Я сохраню веру в тебя, сын Морреда.

И оба погрузились в молчание.

Высокие резные идолы чуть покачивались над ними на фоне синего южного неба — слитые воедино тела дельфинов, крылья чаек, лица людей с выпученными рачьими глазами...

Ястреб медленно, с трудом поднялся: он был еще далеко не здоров и рана его еще не зарубцевалась.

— Устал я от сидения, — сказал он. — От безделья я, пожалуй, еще растолстею. — И начал мерить плот медленными шагами. Аррен присоединился к нему. Они неспешно беседовали; Аррен рассказывал, как проводит время, с кем подружился. Однако даже неукротимая душа Ястреба вынуждена была уступить напору физической слабости: сил у него было пока маловато. Он остановился возле одной из девушек, ткавшей что-то из волокон нилгу на своем станке за Храмом Великих, и попросил ее разыскать вождя, а сам вернулся в хижину. Туда вскоре и прибыл вождь, приветствовав Ястреба с должным почтением, и волшебник ответил ему тем же. Втроем они уселись на пятнистой шкуре тюленя под навесом.

— Я долго думал, — медленно, с подобающей торжественностью начал вождь, — о том, про что ты рассказал мне. Как люди надеются вернуться из царства смерти и стать такими же людьми во плоти и крови, как прежде; как они при этом забывают своих богов, потребности своей души и тела и сходят с ума. Это все очень дурно! Видимо, все они сошли с ума. Думал я и о том, имеет ли это отношение к нам. Мы не общаемся с другими народами, не бываем на островах, где они обитают; наши пути не пересекаются, мы не ведаем, как они создавали и теперь разрушают свой мир. Мы живем в море, и жизни наши принадлежат морю. Мы не надеемся спасти их, но и не спешим до времени их потерять. То, ваше, безумие нас не затронуло. Мы не высаживаемся на землю, и жители суши не бывают у нас. Когда я был молод, нам порой случалось беседовать с людьми, которые приплывали на лодках к Долгой Дюне. Мы рубим там бревна для плотов и починки зимних жилищ. Часто осенью мы видели паруса судов с Оголя и Уэлуи (так он произносил названия островов Обеголь и Уэллоджи); эти суда охотились на серых китов. Иногда они следовали за нашими плотами на дальние расстояния, потому что мы знаем пути и места встреч Великих. Но то были мои единственные встречи с сухопутными жителями, а теперь они больше не появляются совсем. Возможно, они все уже сошли теперь с ума и вступили в войну друг с другом. Два года назад над северной оконечностью Долгой Дюны в течение трех дней был виден дым большого пожара. Но даже если это действительно был пожар, то что нам до того? Мы — Дети Открытого Моря. Мы следуем его путями.

— И все-таки, заметив принадлежащую жителям островов лодку, попавшую в беду, вы приблизились к ней, — сказал Ястреб.

— Кое-кто из наших считал, что поступать так глупо; они предлагали не трогать лодку — пусть плывет хоть за край моря, — ответил вождь высоким бесстрастным голосом.

— Ты не был одним из тех.

— Нет. Я сказал, что хоть это и люди с островов, мы все же им поможем. Так и было сделано. Но к вашим поискам мы не имеем ни малейшего отношения. Если среди жителей островов поселилось безумие, они сами должны с этим бороться. Мы же следуем путем Великих. Мы не можем помочь вам. Но вы можете оставаться с нами так долго, как сами того пожелаете: мы будем рады. Уже совсем скоро праздник Долгого Танца; после него мы поплывем назад, на север, и восточное течение, завершив круг, к концу лета принесет нас опять к Долгой Дюне. Если вы останетесь с нами и ты излечишься от своего недуга, это будет хорошо. Если же вы сядете в свою лодку и поплывете своим путем — то и это тоже будет для нас хорошо.

Волшебник поблагодарил его, вождь встал — тонкий, напряженный, словно цапля, — и снова оставил их наедине.

— У невинности не хватает сил, чтобы бороться со злом, — холодновато сказал Ястреб, — однако для добра сил у нее хватает... Мы побудем с ними еще немного; я

постараюсь поскорее избавиться от этой проклятой слабости.

— Это мудрое решение, господин мой, — сказал Аррен. Физическая хрупкость Ястреба поразила и тронула его; теперь он решил защитить этого неукротимого человека от него же самого, от горевшей в нем страсти, от мучившей его необходимости решить поставленную перед собой задачу. Юноша решил настоять, чтобы они не отправлялись в путь, по крайней мере до тех пор, пока у волшебника не прекратятся боли.

Ястреб смотрел на него, как бы пораженный похвалой.

— Они все тут очень добрые, — продолжал Аррен, не замечая удивления Ястреба. — Похоже, их душ вовсе не коснулась та болезнь, что точит жителей Хорта и других мест. Возможно, больше и не осталось островов в Земноморье, где нам тогда помогли бы и так хорошо приняли бы, как здесь, на этих затерянных в просторах океана плотах.

— Очень возможно, ты прав.

— И летом жизнь у них весьма приятна...

— Да, это так. Хотя есть выловленную в холодных глубинах рыбу всю свою жизнь и так ни разу и не увидеть персикового дерева в цвету, не попробовать живой воды из родника, в конце концов, наверное, здорово поднадоест!

После этого разговора Аррен снова вернулся на плот Стара, где работал, плавал и отдыхал вместе с остальными молодыми людьми, а прохладными вечерами беседовал с Ястребом и потом ложился спать под звездами. Так проходили дни, приближался праздник Долгого Танца, отмечающий середину лета, а огромные плоты по-прежнему медленно дрейфовали к югу, влекомые течением Открытого Моря.

9

ОРМ ЭМБАР

Всю ночь, самую короткую ночь в году, горели факелы на плотах, образовывавших огромный круг под усыпанным звездами небом; кольцо огней отражалось в движущейся воде. Жители плотов танцевали без музыкального сопровождения, не звучали ни барабаны, ни флейты, лишь босые ноги отбивали ритм на огромных бревнах да раздавались высокие голоса певцов, словно жалобные крики чаек в безбрежном морском просторе, что был для них родным домом. Луна не появлялась, и тела танцоров мелькали, словно тени, в неярком свете звезд и факелов. То и дело кто-то нырял в волны, как рыбка, и вскоре появлялся на соседнем плоту; ныряльщики описывали в воздухе изящные высокие дуги, соревнуясь друг с другом и стремясь побывать на всех плотах по очереди, потанцевать на каждом из них и успеть до рассвета замкнуть круг.

Аррен танцевал со всеми вместе, ибо Долгий Танец празднуют на каждом из островов Земноморья, хотя фигуры танца и слова песен могут немного различаться. Постепенно в течение ночи многие танцоры начали выходить из круга; они садились в сторонке, чтобы отдохнуть и посмотреть на других, а когда голоса певцов несколько охрипли, Аррен с группой наиболее упорных юношей-ныряльщиков добрался до плота вождя и остался там, а его приятели двинулись дальше.

Ястреб сидел рядом с вождем и тремя его женами возле храма. В дверном проеме между резными изображениями китов устроился певец, чей высокий голос не умолкал в течение всей ночи. Неутомимый, он пел, отбивая руками ритм по бревнам плота, просто ради собственного удовольствия.

— О чем он поет? — спросил Аррен волшебника, потому что никак не мог разобрать слов, которые певец слишком растягивал то за счет трелей, то за счет странных пауз в середине.

— О серых китах, и альбатросах, и о штормах... Им неведомы песни о героях древности. Имени Эррет-Акбе они не знают. Чуть раньше он пел о Сегое, о том, как он создал земли среди моря; вот и все, что они помнят из нашего фольклора. Но все остальное в его песнях — о море.

Аррен слушал; и слышал свист дельфина, о котором слагал свою песню певец. Видел профиль Ястреба, выхваченный из темноты светом факела, темный и твердый, точно вырезанный из камня; видел влажный блеск глаз женщин, жен вождя, тихонько переговаривавшихся друг с другом. Он ощущал неторопливое спокойное покачива-

ние плота на поверхности утихшего моря и, убаюканный, постепенно соскользнул в сон.

Пробуждение было резким из-за внезапно наступившей тишины. Певец умолк, и не только на их плоту; на всех плотах, дальних и ближних, затихли высокие голоса певцов, похожие на крики чаек, и веселье замерло.

Аррен глянул через плечо на восток, ожидая увидеть зарю. Однако ущербный месяц только еще вставал низко над горизонтом — золотистый серпик среди крупных летних звезд.

Потом, посмотрев на юг, Аррен увидел высоко-высоко в небе желтую звезду Гобардон и ниже — восемь ее спутниц, включая последнюю: руна Конца ясно и страшновато светилась над морем. И, обернувшись к Ястребу, юноша увидел, что темное лицо волшебника тоже повернуто к созвездию Гобардон.

— Почему ты перестал петь? — спросил вождь певца. — Еще не утро, заря еще не занялась.

Тот, заикаясь, ответил:

— Не знаю.

— Пой дальше! Долгий Танец еще не окончен.

— Я не знаю слов, — сказал певец, и голос его зазвенел, словно от страха. — Я не могу петь. Я забыл песню.

— Тогда пой другую!

— Нет больше песен. Все кончено! — прокричал певец и пал ниц перед вождем. Вождь изумленно воззрился на него.

Слышно было, как шипят и плюются факелы на покачивающихся плотах. Великая тишина океана как бы поглотила этот крошечный всплеск жизни и света на своей поверхности. Не двигался ни один танцор.

Аррену в этот миг показалось, что даже великолепие звезд померкло, однако и проблесков зари не было заметно на востоке. Ужас охватил его, он подумал: «Не будет больше восхода. И дня тоже не будет».

Волшебник встал. И тут же неяркий белый огонек быстро пробежал вверх по его посоху и ярко вспыхнул на руне Мира, что была инкрустирована серебром на черном тисовом дереве.

— Долгий Танец еще не окончен, — сказал Ястреб, — и ночи еще далеко до конца. Пой, Аррен.

Аррену хотелось сказать: «Я не могу, господин мой!» —

но вместо этого он еще раз посмотрел на девять звезд, ярко горевших на юге, набрал в грудь побольше воздуха и запел. Поначалу голос его был негромок и чуть хрипловат, но постепенно стал громче, а пел он одну из старинейших в Земноморье песен о создании Эа, о том, как пришли в равновесие свет и тьма, о том, как были созданы зеленые острова Земноморья тем, кто сказал Первое Слово и был самым первым Повелителем людей — Сегоем.

Он не успел допеть до конца, а небо уже посветлело, стало серо-голубым, и видны теперь были только истонченный месяц да желтая звезда Гобардон; в порывах утреннего ветерка факелы шипели особенно яростно. Когда песнь была спета, Аррен умолк, и танцоры, что со всех сторон собрались послушать его, потихоньку стали возвращаться на свои плоты, а на востоке разгорался яркий свет зари.

— Это хорошая песня, — сказал вождь. Голос его звучал неуверенно, хотя он очень старался говорить прежним бесстрастным тоном. — Было бы нехорошо завершить Долгий Танец не по правилам. Я прикажу, чтобы ленивых моих певцов высекли плетьми из волокон нилгу.

— Лучше успокой их, — посоветовал Ястреб. Он по-прежнему стоял во весь рост; голос его звучал сухо. — Ни один певец не предпочтет песне молчание. Пойдем-ка со мной, Аррен.

И он направился к своей хижине; Аррен последовал за ним. Однако необычность этого восхода, видно, еще не была исчерпана до конца: когда восточный край моря у горизонта стал белым, с севера к плотам стала приближаться какая-то огромная птица. Так высоко летела она, что крылья ее временами закрывали свет солнца, которое едва появилось над морем. Огромные крылья, золотистые в солнечных лучах, с шумом разрезали воздух прямо над плотами. Аррен изумленно вскрикнул, указывая вверх. Волшебник тоже удивленно поднял глаза. Лицо его вдруг загорелось яростью и торжеством, и во весь голос он крикнул:

— *Нам хиетха арв Гед арквaисса!* — что на Речи Созидания значило: «Если ты ищешь Геда, то найдешь его здесь».

И тут, подобно свинцовому грузу, широко распахнув золотистые крылья, гремящие в воздухе, и выпустив когти,

что способны поднять в воздух вола словно мышь, с вырывающимся из продолговатых ноздрей завитком дымного пламени упал с неба дракон и, подобно ловчей птице, застыл совершенно неподвижно на покачивающемся плоту.

Кто-то пронзительно закричал, кто-то упал ничком, кто-то нырнул в море, а кто-то так и остался стоять неподвижно, потрясенный чудом, которое превосходило страх.

Дракон возвышался над плотом. Шагов пятьдесят, по крайней мере, было в размахе его кожистых крыльев, сверкавших в лучах народившегося солнца подобно золотистому дыму, да и длина тела его была не меньше; тело у дракона было гладкое, поджарое, как у серой гончей, когтистые лапы ящера, змеиная чешуя. Вдоль узкого хребта тянулся ряд крупных загнутых шипов, похожих по форме на колючки розы, только посередине туловища высота их достигала локтей четырех, а потом постепенно уменьшалась, так что последний, на кончике хвоста, был не длиннее лезвия перочинного ножа. Шипы эти были серого цвета, а чешуя, покрывавшая тело дракона, — стального, но в целом весь он слегка отливал золотом. Зеленые узкие глаза были полуприкрыты.

Страх за свой народ заставил вождя позабыть об опасности, грозящей ему самому, и он вышел из своего дома с гарпуном в руках; с такими обычно охотятся на китов. Гарпун был длиннее самого охотника, с большим и острым зазубренным наконечником из китовой кости. Уложив его на свое хрупкое, но довольно мускулистое плечо, вождь бросился было вперед, рассчитывая поразить дракона в наименее защищенную часть брюха, что нависала над плотом. Однако Аррен, очнувшись от столбняка, успел схватить вождя за руку и вместе с ним рухнул на плот, уронив и гарпун, приготовленный для броска.

— Ты что, хочешь разозлить его этой дурацкой булавкой? — выдохнул Аррен. — Пусть сперва свое слово скажет Повелитель Драконов!

Вождь, отчасти утративший спесь и оглушенный падением, тупо переводил взгляд с Аррена на волшебника и с волшебника на дракона. Но ничего не говорил. И тут заговорил сам дракон.

Никто на плотах, кроме Геда, к которому, собственно,

он и обращался, не мог понять его, ибо драконы пользуются только Истинной Речью — родным для них языком.

Голос дракона был негромок и походил на шипение разъяренного кота, только кота огромного, мощного; в нем слышалась какая-то ужасная музыка. Каждый, услышав подобный голос, застыл бы на месте, превратившись в слух.

Волшебник ответил ему одним лишь словом: *мемеас*, что значит «приду», и поднял свой посох из тисового дерева. Дракон чуть приоткрыл челюсти, и из пасти его вырвалось изящное кольцо дыма. Золотистые крылья грохотнули, словно гром, поднялся сильный ветер, пахнувший пожаром, и огромный дракон поднялся и полетел на север.

На плотах было очень тихо, лишь порой слышались тоненькие голоса малышей, плач младенцев и бормотание успокаивающих их женщин. Мужчины с несколько пристыженными лицами взобрались обратно на плоты, а забытые факелы так и горели в ярких лучах утреннего солнца.

Волшебник повернулся к Аррену. Лицо его как-то странно светилось — то ли от радости, то ли от сильного гнева. Но говорил он спокойно.

— Теперь нам пора в путь, парень. Прощайся с друзьями и приходи.

И Ястреб повернулся к вождю «плавучего народа», чтобы поблагодарить его за все и попрощаться с ним. Потом быстро прошел по большому плоту к трем меньшим, которые были причалены к нему, туда, где крепко привязана была его «Зоркая». Лодка вместе с плотами совершила длинное неспешное путешествие на юг; пустая и легкая, покачивалась она на слабой волне. Однако Дети Открытого Моря успели наполнить пустой бочонок драгоценной дождевой водой и весьма значительно пополнили запасы продовольствия, выражая тем самым свое уважение нежданным гостям; многие из них считали волшебника одним из Великих, который на этот раз предстал перед ними в обличье человека, а не серого кита. Когда Аррен присоединился к Ястребу, тот уже поднял парус. Аррен отвязал веревку от колышка на плоту и спрыгнул в лодку. В ту же секунду «Зоркую» отнесло в сторону, парус ее надулся, как при сильном ветре, хотя

веял лишь слабый утренний ветерок. Лодка резво развернулась и понеслась на север вслед за улетевшим драконом, легкая, словно сорванный ветром листок.

Оглянувшись, Аррен увидел вдали город Детей Моря, который казался теперь всего лишь скоплением кусков плавника; отсюда не видны были ни хижины, ни столбы для факелов по углам плотов. А вскоре и все остальное тоже скрылось в слепящей утренней дымке, пронизанной солнцем. «Зоркая» мчалась вперед. Когда ее нос рассекал волны, назад отлетали легкие прозрачные брызги, а ветер — так быстро шла лодка — свистел в ушах, отметая назад волосы и заставляя щуриться.

Ни один из дующих на земле ветров не мог бы заставить эту лодку двигаться с такой скоростью, разве что штормовой. Однако при штормовом ветре «Зоркую» скорее всего захлестнули бы волны. Нет, вперед гнал ее не земной ветер, но слово волшебника и его замечательная сила.

Ястреб долгое время стоял у мачты и внимательно смотрел вперед. Потом наконец уселся на свое прежнее место у румпеля и, положив на него одну руку, взглянул на Аррена.

— Это был Орм Эмбар, — сказал он, — великий дракон с Селидора, потомок того Великого Орма, что смертельно ранил Эррет-Акбе и сам был убит им.

— Он охотился, господин мой? — спросил Аррен, ибо не был уверен, разговаривал ли волшебник с драконом приветствуя его или угрожая.

— Охотился. За мной. Если драконы за чем-то охотятся, они всегда настигают свою жертву. Он прилетел просить меня о помощи. — Ястреб коротко рассмеялся. — И это как раз такой случай, в возможность которого я бы никогда не поверил. Нет, я не поверил бы рассказам о том, как дракон обратился к человеку за помощью. И уж из всех драконов — этот в последнюю очередь! Он не самый старый из них, хотя и он, конечно же, очень стар, но в своем племени самый могущественный. Он не скрывает своего настоящего имени, как обычно должны поступать драконы и люди. Он не боится, что кто-то окажется сильнее его. Но он и не совершает предательств, как это свойственно драконам. Когда-то давно на Селидоре он не только оставил меня в живых, но и сообщил мне великую

истину: рассказал, как найти Королевскую Руну, Утраченную Руну. Ему я обязан Кольцом Эррет-Акбе. Но я никогда не думал, что сумею как-то отплатить своему благодетелю за эту услугу. Такому благодетелю!

— Чего же он просит?

— Он хочет показать мне тот путь, который я ищу, — сказал волшебник, мрачнея. И, помолчав, добавил: — Он сказал: «На западных островах есть еще один Повелитель Драконов; он разрушает наш мир, он сильнее нас». Я спросил: «Даже сильнее тебя, Орм Эмбар?» — и дракон ответил: «Даже сильнее меня. Ты мне нужен; следуй за мной, не мешкай». И я подчинился.

— И больше ничего ты пока не знаешь?

— Потом узнаю больше.

Аррен свернул в кольцо швартовочный конец, положил его на место, немного прибрал в лодке, и все это время в нем пело напряженное возбуждение, словно натянутая тетива лука, и это же веселое напряжение пело в его голосе, когда он наконец заговорил.

— Вот это настоящий проводник! — сказал он. — Уж получше предыдущих.

Ястреб посмотрел на него и засмеялся.

— О да! — сказал он. — Уж теперь-то, надеюсь, мы не заблудимся.

Так волшебник и юноша начали свою великую гонку через весь океан. Много дней пути было от пустынных южных морей до острова Селидора — самого западного из всех островов Земноморья. День за днем занималась ясная заря над горизонтом; вечерами солнце тонуло в красных закатных водах; и под золотой дугой солнечного света, и под серебристым сиянием, льющимся с неба звездными ночами, летела лодочка к северу, одна-одинешенька во всем бескрайнем море.

Порой где-то в стороне собирались могучие грозовые тучи, столь частые в середине лета, они отбрасывали на воду красноватые тени. Тогда Аррен глаз не мог отвести от волшебника: выпрямившись в полный рост, голосом и рукой Ястреб повелевал тучам приблизиться и облегчиться дождем над их лодкой. Сверкали молнии, колокольными раскатами гудел гром, а волшебник стоял с воздетой рукой, пока дождь не проливался именно там, где он приказывал, прямо над их головами, наполняя все сосуды, которые они заранее выставляли наружу, и как бы

сглаживая поверхность моря своими мощными потоками. Промокшие насквозь, волшебник и Аррен только радостно улыбались: еды у них, в общем-то, было достаточно, хоть и не в избытке, а вот воды постоянно не хватало. И яростное великолепие бури, подчинившейся слову волшебника, приносило им великую радость.

Аррена поражало то невероятное могущество, которым волшебник теперь пользовался с необычайной легкостью. Однажды юноша заметил:

— Когда мы начали свое путешествие, ты, господин мой, никаких заклятий не произносил!..

— Первая и последняя заповедь Школы Волшебников гласит: *Делай только то, что необходимо. Но не больше!*

— Значит, между первой и последней заповедью учатся как раз этому необходимому?

— Именно так. Нужно во всем соблюдать равновесие. Но если равновесие нарушено, то приходится учитывать и другие вещи. И прежде всего — поторапливаться.

— Но как же так: все волшебники Южного Предела — да теперь, наверно, и везде в Земноморье, — даже те певцы на плотах, все, как один, утратили свое мастерство, и только ты сохранил свою силу?

— Потому что мне, кроме моего мастерства, больше ничего не нужно, — ответствовал Ястреб. И, помолчав, добавил: — И если уж мне тоже вскоре суждено утратить свою силу, то я хоть напоследок попользуюсь ею всласть.

И он действительно с удовольствием и беспечно пользовался своим искусством. Аррен, видевший его всегда столь осторожным и сдержанным, даже не подозревал, что Верховный Маг может быть таким веселым и свободным. Любой чародей получает удовольствие от хорошо сработанного трюка: волшебники — прирожденные трюкачи. Когда Ястреб столь сильно изменил свою внешность в городе Хорте — что очень раздражало Аррена, — то и это тоже было в некотором роде игрой, не слишком сложным фокусом для того, кто в силах изменить не только лицо и голос, но даже и сущность свою, превратившись, скажем, в рыбу или дельфина, а может быть, и в настоящего ястреба. А однажды волшебник сказал:

— Смотри, Аррен, я покажу тебе Гонт, — и велел смотреть на поверхность воды в котелке, налитом до краев.

Многие колдуны могут вызвать изображение на поверхности водного зеркала, но здесь было нечто большее:

сперва появилась вершина высокой горы, окутанная облаками, у ее подножия плескалось серое море. Потом картина стала иной. Аррен отчетливо увидел на этом острове-горе утес, притом сам он как бы парил в воздухе над этим утесом, превратившись в какую-то птицу — чайку или сокола. Утес, словно башня, возвышался над волнами, а на одном из его выступов приютился маленький домик.

— Это Ре Альби, — сказал Ястреб. — Там живет мой Учитель, Огион. Давным-давно он остановил ужасное землетрясение. А теперь пасет своих коз, собирает травы и хранит молчание. Хотелось бы мне знать, бродит ли он все так же в полном одиночестве по горам? Он теперь, должно быть, очень стар. Но я, конечно же, сразу узнаю, если он умрет... — В голосе его не было уверенности, и на мгновение изображение покрылось волнами, словно гигантский утес начал падать в море. Потом картина снова прояснилась, а голос волшебника зазвучал более твердо: — Он обычно уходит высоко в горы, в дальние леса к концу лета и проводит там часть осени. Так и я с ним впервые встретился; я тогда был сопливым мальчишкой из горной деревни. Он дал мне мое подлинное имя. И вместе с именем — настоящую жизнь. — Изображение теперь изменилось: Аррену казалось, что он, по-прежнему будучи птицей, залетел в лес и уселся среди ветвей, глядя на залитые солнцем луга ниже по склону. А над его головой возвышалась покрытая снегом вершина, и к ней вела дорога, очень крутая, тенистая, и золотые солнечные зайчики пробиваются сквозь листву... — Нет в мире лучшей тишины, чем тишина этих лесов, — с тоской сказал Ястреб.

Изображение затуманилось и исчезло, только слепящий диск полуденного солнца отражался в воде, налитой в котелок.

— Туда, — сказал Ястреб, глядя на Аррена со странной, чуть насмешливой улыбкой, — туда — если я и сам еще смогу когда-либо вернуться — за мной не сможешь последовать даже ты.

Впереди открылся остров с низкими берегами. В полуденном мареве он казался голубым, словно облако тумана.

— Это Селидор? — спросил Аррен, и сердце его бешено забилось, но волшебник ответил:

— Обб, я думаю, или Джеседж. Мы еще и половины пути не прошли, парень.

За ночь они проплыли от одного острова до другого, но огней на берегу не видели, зато в воздухе висел запах дыма, настолько сильный, что раздражал легкие, вызывая кашель. Когда рассвело, они посмотрели на оставшийся за кормой восточный из островов Джесседж и ужаснулись: остров был буквально сожжен дотла, до черноты; неясная синяя дымка висела над ним.

— Они сожгли свои поля, — прошептал Аррен.

— Да. И деревни. Я уже слышал когда-то такой запах.

— Разве в Западном Пределе живут дикари?

Ястреб покачал головой:

— Обычные люди. Крестьяне, горожане.

Аррен не мог оторвать глаз от черной изуродованной земли, страшных обугленных деревьев в садах — зловещих на фоне небес. Лицо юноши посуровело.

— Какое зло причинили людям эти деревья? — гневно проговорил он. — Неужели за свои ошибки человек должен наказывать траву? Нет, это дикари, раз они жгут свои поля и сады, вступив в войну с другими людьми.

— Никто не руководит ими, — сказал Ястреб. — У них нет настоящего короля; а все, кто мог бы стать королем, все мудрецы и волшебники отстранены от власти, все заняты копанием в собственных душах: ищут дверцу, которая поможет им пройти невредимыми через царство смерти и обрести бессмертие. Так было в Южном Пределе, так, по-моему, обстоят дела и здесь.

— Неужели все это плоды деятельности одного лишь человека — того, о котором говорил дракон? Но это просто невероятно!

— Почему же нет? Если бы в Земноморье правил настоящий король, то ведь и он был бы единственным. Он один правил бы всеми землями. Один человек может столь же легко совершать разрушения, как и править миром: либо быть Великим Королем, либо — Великим Разрушителем.

И снова в его голосе послышалась не то насмешка, не то вызов; почему-то Аррен рассердился:

— У любого короля есть слуги, армия, послы, советники и всякие другие помощники. Он правит благодаря им. Но где же помощники этого... антикороля?

— В наших душах, парень. В наших душах. Это там таится предатель. Это твое «я» кричит: «Я хочу жить! Пусть мир страдает, пусть даже разлагается заживо, лишь бы я оставался живым!» Маленький этот предатель — наша жалкая душонка — живет внутри нас, прячась во тьме, словно паук в углу сундука. Все мы слышим его голос. Но лишь немногие понимают его. Мудрецы, певцы — все, кто созидает душой. И еще герои. Те, кто стремится всегда быть самим собой. А всегда оставаться собой — вещь редкостная, великий дар. Но быть самим собой вечно — это ли не подлинное величие?

Аррен посмотрел Ястребу прямо в глаза:

— Ты хочешь сказать, что вечная жизнь вовсе не важна. Но ответь мне, почему? Я был совсем ребенком, когда мы отправились в это путешествие. Я не верил в смерть. Кое-чему я за это время научился; может быть, не столь уж многому, но все же. Так, я научился верить в смерть. Но радоваться ей я так и не научился! Я не буду рад ни своей смерти, ни твоей. Если я по-настоящему люблю жизнь, то, наверно, естественно, что я ненавижу, когда она кончается?

Учителем фехтования у Аррена был в Бериле человек лет шестидесяти, невысокий, лысый и строгий. Аррен много лет с трудом терпел его, понимая, впрочем, что мастер это непревзойденный. И вот, в один прекрасный день на уроке Аррен выбрал момент, когда учитель его отвлекся, и выбил шпагу у него из рук. С тех пор он навсегда запомнил, какой невероятной, непостижимой радостью вспыхнуло вдруг лицо его холодного наставника. Искренняя надежда, счастье — вот он, соперник, наконец-то равный ему! С того дня учитель гонял его совершенно безжалостно, и когда они сходились по-настоящему, на лице старого мастера появлялась та же упрямая, безжалостная улыбка, которая все светлела по мере того, как Аррен сильнее теснил его. Похожая улыбка освещала сейчас лицо Ястреба.

— Жизнь без конца, — сказал волшебник. — Жизнь без смерти. Бессмертие. Каждая живая душа жаждет этого, и чем эта душа здоровее, тем сильнее жажда жизни. Но будь осторожен, Аррен. Ты из тех, кто может осуществить свое желание.

— И что тогда?

— А тогда — то, что уже происходит сейчас: полный упадок. Позабытые искусства. Утратившие голос певцы. Невидящие глаза. А дальше? Король-обманщик на троне Земноморья. Навечно. И навечно земли его пребудут в разрухе. Не будет рождений, не будет детей. Не начнутся новые жизни. Только те, что смертны, способны нести в себе жизнь, Аррен. Только в смерти — залог возрождения. Великое Равновесие не равно спокойствию или застою. Это вечное движение, вечное становление нового.

— Но какую опасность представляет для Великого Равновесия один лишь человек, какое значение имеет для него одна-единственная человеческая жизнь? Нет, это невозможно, этого, конечно, нельзя допустить... — Он внезапно умолк.

— Нельзя? Но кто наложит запрет? Кто позволит?

— Не знаю.

— Я тоже.

Почти смирившись, Аррен покорно спросил:

— Но тогда почему ты так уверен в своей правоте?

— Просто я хорошо знаю, сколько зла может сотворить один-единственный человек, — сказал Ястреб, и его покрытое шрамами лицо помрачнело. — Я знаю это, ибо сам некогда совершил зло. Почти такое же. И тоже движимый гордыней. Я приоткрыл проход между нашими двумя мирами — жизни и смерти, света и тьмы. Всего лишь щель, маленькую и узкую, с единственной целью: доказать, что я сильнее, чем сама смерть. Я был молод и со смертью еще не встречался — как и ты пока... Потребовалось все могущество Верховного Мага Неммерля, все его мастерство и — вся его жизнь, чтобы края этой щели сомкнулись. Можешь полюбоваться, какую отметину оставила на моем лице та ночь. Такая же — в моей душе. Но его эта ночь убила. О да, дверь между царством света и царством тьмы можно открыть, Аррен! Для этого нужны немалые силы, но это вполне возможно. Однако закрыть ее снова — совсем-совсем не так просто; другое нужно для этого...

— Но то, что тогда сделал ты, конечно же, не равносильно...

— Почему же? Потому что я хороший человек? — Он холодно глянул на Аррена, и тот словно снова почувствовал укол шпаги старого мастера фехтования. — А что такое «хороший человек», Аррен? Может быть, это тот, кто ни за что не сотворит зла, кто никогда не впустит в этот мир тьму, тот, в чьей душе тьмы нет? Давай-ка сначала, парень. Заглянем теперь чуть дальше. То, что ты узнаешь сейчас, понадобится тебе для того, чтобы пойти туда, куда ты пойти должен. Загляни себе в душу! Разве ты не слышал голоса, зовущего: «Пойдем!» Разве не последовал ты этому зову ни разу?

— Последовал... Но... я думал, что это Его голос.

— Это и был его голос. Но и твой тоже. Как еще мог он заговорить с тобой и со всеми остальными, кто может его услышать, как не вашими собственными голосами?

— Но тогда почему же его не слышишь ты?

— Потому что не желаю слушать! — яростно ответил Ястреб. — Я был рожден, чтобы властвовать; точно так же, как и ты. Но ты еще молод. Ты только подошел к границе своих возможностей, а потому в стране теней, в царстве снов и мечтаний ты и слышишь его зов: «Пойдем!» Как и я когда-то услышал. Но теперь я стар. Я уже совершил свой выбор, я сделал то, что должен был сделать. И при свете дня я не отворачиваюсь перед лицом собственной смерти. Я знаю: лишь одна сила достойна того, чтобы ею обладал человек. Это — умение не брать ничего силой, но принимать как должное. Не иметь, а давать.

Джесседж остался далеко позади — голубое пятно на поверхности моря.

— В таком случае я тоже его слуга? — спросил Аррен.

— Да. А я твой.

— Но кто же он? Что он такое?

— По-моему, человек.

— Не тот ли человек, о котором ты мне как-то рассказывал, — колдун из Хавнора, который вызывал души умерших? Может быть, это он?

— Вполне возможно.

— Но ведь, по твоим словам, он уже был стар, когда вы встречались, много лет тому назад... Разве он уже не должен был бы умереть?

— Может быть, и умер, — согласился Ястреб.

И больше они не сказали друг другу ни слова.

В ту ночь море было полно огня. Островерхие волны, рассекаемые носом «Зоркой», движение каждой рыбы у

поверхности воды были ясно видны и как бы одушевлены светом. Аррен сидел, положив руку на румпель, а голову на руку, и смотрел на бесконечные изгибы и извивы серебристых светящихся линий. Потом опустил в воду руку, а когда вытащил ее, то жидкий свет медленно стек по его пальцам.

— Смотри, — сказал он Ястребу, — я теперь тоже волшебник.

— Нет, этим даром ты не обладаешь, — ответил его товарищ.

— Много же от меня будет тебе пользы без него, — сказал Аррен, не сводя глаз с беспокойно переливающейся воды, — когда мы встретимся с врагом.

Ибо он все-таки надеялся — с самого начала надеялся! — что Верховный Маг выбрал для этого путешествия его, одного из многих, благодаря какой-то волшебной силе, полученной им в наследство от Морреда, его великого предка, и сила эта в самый трудный час, при самой черной нужде непременно проявится, и тогда он, Аррен, спасет и себя, и своего господина, и весь белый свет от страшного врага. Потом он не раз думал об этом, словно разглядывая себя издалека, со стороны; и мечта эта показалась ему похожей на то, как он совсем еще маленьким тоже мечтал — померить отцовскую корону; и как горько он плакал, когда ему это запретили. Надежда на унаследованную волшебную силу тоже оказалась совершенно детской. Не было в нем никакой волшебной силы. И никогда не будет.

Однако действительно может наступить такое время, когда он сможет и должен будет по праву надеть отцовскую корону и станет править Энладом. Но все это теперь казалось ему малозначащим, а родной дом — крошечным и очень далеким островом. Нет, он остался верен родине, только верность эта стала шире, сильнее и покоилась на иной, серьезной основе, связанной с многообещающими надеждами. Он понял теперь, в чем его слабость, и, поняв это, научился рассчитывать свои силы. А сила в нем есть — это он знал точно. Но что толку в обычной силе, если, кроме нее, у него нет ни особого таланта, ни волшебного могущества — ничего, что мог бы он предложить своему господину? Разве что верную службу и преданность? Но будет ли этого достаточно там, куда они направляются?

Ястреб как-то сказал: «Чтобы свет свечи казался ярким, нужно, чтобы вокруг было темно». Этими словами Аррен пытался утешить себя, однако слишком утешительными их не находил.

На следующее утро, когда они проснулись, все вокруг — и воздух, и вода — было серым. Только высоко над мачтой слегка просвечивала голубизна: низко над водой стелился густой туман. Для северян Аррена и Ястреба туман этот был даже приятен, словно старый друг, заглянувший в гости с Энлада или Гонта. Он мягко обволакивал лодку со всех сторон, так что они ничего не видели впереди, и обоим казалось, что они вдруг попали в давно знакомую комнату после долгих недель плавания по слишком ярко освещенному и слишком безлюдному, продуваемому всеми ветрами морю. Они возвращались в родные широты и были теперь, по всей вероятности, уже на широте острова Рок.

Где-то днях в трех пути отсюда к востоку ясный солнечный свет играл на золотистой листве Имманентной Рощи, освещал зеленую вершину Холма Рок и высокую черепичную крышу Большого Дома.

Мастерская чародеев помещалась в Южной Башне; это была большая комната, вся заставленная ретортами и перегонными кубами, пузатыми бутылями с изогнутым горлом, толстостенными тиглями и крошечными горелками; на столах лежало множество щипцов; ручные мехи, разнообразные штативы, плоскогубцы, напильники, трубочки и трубки; везде стояли сундучки, пузырьки и кувшины, заткнутые пробками и помеченные как ардическими, так и более древними рунами; имелся здесь и прочий алхимический инструмент: стеклодувные трубки, приборы для получения драгоценных металлов высокой пробы, медицинские приборы и так далее. Среди всех этих загроможденных столов и скамей стояли Мастер Метаморфоз и Мастер Заклинатель.

Седовласый Метаморфоз держал в руках большой камень, издали похожий на необработанный алмаз. Камень был очень твердый, прозрачный, как бы изнутри светящийся аметистово-розовым светом, а на самом деле бесцветный, как вода. И все же в этой прозрачности глаз вскоре замечал как бы нечто замутненное; поверхность камня не отражала абсолютно ничего из окружающего, и чело-

веческий глаз как бы проникал в бесконечные глубины кристалла, одна плоскость сменяла другую, человек видел все глубже и глубже, пока не погружался в сон, из которого не было пути назад. То был знаменитый Камень Шелитха. Он издавна хранился у правителей острова Уэй и слу́жил то просто украшением их сокровищницы, то снотворным средством, а иногда использовался и для куда более опасных целей: теми, кто слишком долго и без определенной цели смотрел в бесконечные глубины кристалла, могло овладеть безумие. Но Верховный Маг Геншер был родом с острова Уэй и, прибыв на Рок, привез Камень Шелитха с собой, ибо в руках мага камень этот изрекал истину.

Однако истина эта оказалась изменчивой: она зависела от того, в чьих руках находился Камень Шелитха.

А потому Метаморфоз, держа в руках волшебный кристалл и глядя в бесконечное бледно-сиреневое глубинное колыхание граней, говорил громко и отчетливо, описывая то, что видел:

— Я вижу нашу землю как бесконечную равнину, словно нахожусь на самой Горе Онн в центре мирозданья и все расстилается у ног моих... вижу Земноморье вплоть до самого дальнего островка самого дальнего предела и даже дальше. И все видно очень отчетливо. Вижу также корабли в водах Илиена, вижу дым очагов над крышами Торхевена, вижу даже крышу той башни, где мы сейчас стоим. Но дальше острова Рок теперь не видно ничего. Никаких островов на юге. Никаких островов на западе. Я не могу разглядеть Уотхорт там, где он должен быть; не вижу ни одного из островов Западного Предела, даже самого близкого к нам — Пендора. А где же Осскил и Эбосскил? Над Энладом висит туман, плотный и серый, очень похожий на паутину. Едва я пытаюсь разглядеть что-то получше, как исчезает еще несколько островов, и море в тех местах, где эти острова когда-то были, девственно и пусто, словно еще до Века Созидания... — он споткнулся на последнем слове и выговорил его с трудом.

После чего Метаморфоз поставил Камень обратно на резную подставку из слоновой кости и отошел подальше от него. Его доброе лицо казалось совершенно измученным.

— А теперь рассказывай, что видишь ты, — сказал он.

Мастер Заклинатель взял Камень в руки и медленно повернул его, словно отыскивая на сверкающей поверхности такую грань, сквозь которую ему было бы лучше видно. Долгое время с напряженным лицом он крутил Камень и так и сяк. Потом поставил на место и сказал:

— Метаморфоз, я слишком мало вижу. Какие-то фрагменты, что-то мелькает, но целостной картины нет.

Седовласый Метаморфоз в волнении стиснул руки.

— Разве само по себе это уже не странно?

— Отчего бы?

— У тебя что, так часто слепнут глаза? — гневно закричал Метаморфоз. — Неужели ты не видишь, что... что... — он запнулся и только с трудом, заикаясь, смог продолжить, — там... там словно чья-то рука прикрывает твои глаза — точно так же, как и мой рот?

— Ты, видно, перетрудился и устал, господин мой, — успокаивающе сказал Заклинатель.

— Вызови заклятием душу Камня, — потребовал Метаморфоз. Сейчас он говорил довольно спокойно, но все равно как бы с трудом.

— Зачем?

— Зачем? Ну хотя бы потому, что я прошу тебя об этом.

— Успокойся, Метаморфоз. Зачем ты подзадориваешь меня, как мальчишку перед медвежьим логовом? Разве мы с тобой дети?

— Да! Перед тем, что показал мне Камень Шелитха, я всего лишь испуганное дитя. Вызови душу Камня! Неужели я должен умолять тебя, господин мой?

— Нет, конечно, что ты, — ответил долговязый Заклинатель, однако весь напрягся и поспешно отвернулся от старшего товарища. Потом высоко и широко воздев руки в том жесте, с которого начинается Великое Заклятие, вызывающее души, он поднял голову и начал произносить слова заклинания. И по мере того, как одно за другим падали эти торжественные слова, внутри Камня Шелитха как бы разгорался свет. В мастерской вдруг стало темнеть; темные тени сгустились, стали совсем черными, зато Камень сиял, как звезда. Мастер Заклинатель соединил руки и поднял волшебный кристалл ближе к глазам, уставившись в ту точку, откуда исходило яркое свечение. Некоторое время он молчал, потом тихо заговорил:

— Я вижу фонтаны Шелитха. Озера, пруды, искусст-

венные водоемы, водопады и пещеры, занавешенные стеной падающей воды; там по замшелым берегам растут папоротники; я вижу белые пески на берегах озер; я вижу, как сочится капля за каплей вода, вижу, как струится она в родниках, берущих начало в потаенных недрах земли, чувствую сладость этих струй, вижу их источник... — Он внезапно снова умолк и некоторое время стоял, не говоря ни слова; лицо его было настолько бледным, что светилось как серебро в свете, излучаемом Камнем. Потом Заклинатель громко вскрикнул, ничего так и не рассказав, с грохотом уронил кристалл, упал на колени и спрятал лицо в ладони.

Черные тени исчезли. Летнее солнце светило в окна неубранной мастерской. Волшебный Камень лежал под столом в пыли, но был совершенно цел.

Мастер Заклинатель, шаря руками, словно слепой, ухватился за руку своего товарища. Он напоминал испуганного ребенка. Прошло несколько минут, прежде чем он глубоко вздохнул и с трудом встал, опираясь о плечо Метаморфоза.

— Я больше никогда не приму твоего вызова, господин мой, — выговорил он прыгающими губами, тщетно пытаясь улыбнуться.

— Что же ты видел, Торион?

— Я видел фонтаны Шелитха. И видел, как они вдруг опали, как высохли ручьи, как сомкнулись уста родников и вода из них ушла назад, в землю. И земля вокруг была черной, сухой. Ты видел в Камне пустынное море, каким оно было до Созидания, но я увидел... то, что придет после... Великое Разрушение. — Заклинатель облизнул пересохшие губы. — Мне очень хотелось бы, чтобы Верховный Маг оказался сейчас здесь, — сказал он.

— А я бы хотел, чтобы мы оказались там, с ним.

— Вот только где? Разве его теперь найдешь... — Заклинатель посмотрел вверх, на окна, за которыми сияло голубое безмятежное небо. — И весточку ему теперь не пошлешь, и ни одно заклинание не сможет вызвать его сюда. Он сейчас там, где ты видел пустое море. Он приближается к тем местам, где иссыхают источники. И там, где он сейчас, мастерство наше никуда не годится... И все-таки даже теперь можно еще отыскать заклятья, что смогли бы призвать его, — некоторые из тех, что знавали на острове Пальн...

— Но этими заклятьями вызывают в мир живых души мертвых.

— А некоторыми отправляют живые души в мир мертвых.

— Но ты же не думаешь, что он умер?

— Я думаю, что он идет к смерти, что его влечет туда некая сила. Как и всех нас. Мы теряем свое могущество, свои надежды, свое счастье. Все источники постепенно пересыхают.

Метаморфоз некоторое время смотрел на него, очень встревоженный.

— Так не пытайся послать ему весть, Торион, — сказал он наконец. — Он знал, чего ищет, — задолго до того, как это узнали мы. Для него этот мир словно Камень Шелитха: он заглядывает в его глубины и видит, что есть и что непременно должно случиться... Мы не в силах помочь ему. Великие Заклятья стали очень опасны, но наибольшая опасность таится в тех, о которых ты упоминал только что. Мы должны стоять твердо, как он завещал нам, и охранять стены Рока, и помнить Имена.

— О да, — сказал Заклинатель. — Но мне еще нужно все это обдумать. — И он покинул мастерскую в Южной Башне, неловко переставляя длинные ноги, но высоко подняв свою благородную темноволосую голову.

Утром Метаморфоз долго искал его. Войдя в комнату Мастера Заклинателя после тщетных попыток достучаться, он нашел его лежащим на каменном полу с раскинутыми руками, словно какой-то тяжелый удар в грудь отбросил его. Руки застыли в том самом жесте, с помощью которого он произносил Великое Заклинание, и были холодны как лед, а открытые глаза ничего не видели. И хотя Метаморфоз, опустившись перед ним на колени, три раза призвал его подлинным именем, Заклинатель по-прежнему лежал неподвижно. Он еще не умер, но в нем осталось так мало жизни, что лишь едва билось сердце да слабое дыхание ощущалось на устах. Метаморфоз взял его руки в свои и прошептал:

— Ах, Торион! Это я заставил тебя заглянуть в глубины Камня. Это я во всем виноват!

Потом он быстро вышел из комнаты и громко сказал собравшимся у ее дверей Учителям и ученикам:

— Враг добрался сюда, на наш остров, преодолев все стены. Враг нанес удар в самое сердце наше! — Метаморфоз был добрый и мягкий человек, но сейчас он был так мрачен и суров, что окружающим стало страшно. — Позаботьтесь о Мастере Заклинателе, — сказал он. — Хотя кто позовет обратно его душу, если сам он, Мастер своего искусства, покинул ее?

И Метаморфоз направился к себе, и, давая ему пройти, все расступились перед ним.

Явился Мастер Травник, который велел немедленно уложить Заклинателя в постель, укрыть потеплее, но варить целебного отвара не стал, как не стал петь и тех песен, что помогают излечиться больному телу или встревоженной душе. При нем был один из его учеников, совсем юный, еще не ставший даже колдуном, но весьма способный в искусстве врачевания; и мальчик этот спросил:

— Учитель, неужели ему ничем нельзя помочь?

— По эту сторону стены — нет! — ответил Мастер Травник. Потом, вспомнив, с кем говорит, пояснил: — Это не болезнь, сынок. Но даже если бы это была лихорадка или иной физический недуг, я не уверен, что наша наука смогла бы теперь помочь ему. Кажется, травы мои утратили свои лечебные свойства, а в тех заклинаниях, что я произношу, не осталось былой целительной силы.

— Ты говоришь совсем как Мастер Регент. Вчера он вдруг остановился посреди песни, которую разучивал с нами, и сказал: «Я не понимаю значения этой песни». И вышел из комнаты. Кое-кто из мальчиков засмеялся, но мне показалось, что пол уходит у меня из-под ног.

Травник посмотрел на открытое смышленое лицо своего ученика, потом на лицо Мастера Заклинателя, холодное и застывшее.

— Он еще вернется к нам, — сказал он. — И песни наши не будут забыты.

В ту же ночь Метаморфоз покинул остров Рок. Никто не знал, как именно он это сделал. Он лег спать в своей комнате, окна которой выходили в сад. Утром окна оказались открытыми, а Мастера нигде не было. В итоге все решили, что он, совершив превращение — уж он-то хорошо умел это делать! — в новом обличье отправился на поиски Верховного Мага. В метаморфозах для него не было ничего невозможного: он мог превратиться во что угодно — в птицу, зверя, в туман или ветер. Однако более опытные из Мастеров, хорошо зная, как во время таких превращений можно оказаться во власти собственного заклятья, если допустить хоть малейший промах или чуть ослабить волю, тревожились о нем, но никому ничего о своих страхах не говорили.

Итак, с острова Рок исчезли уже трое Мастеров, входивших в знаменитый Совет Мудрецов. Дни проходили за днями, но не было никаких известий ни от Верховного Мага, ни от Метаморфоза, а Мастер Заклинатель по-прежнему лежал, словно мертвый. Холод и мрак все больше заполняли залы Большого Дома. Мальчики перешептывались между собой, и кое-кто уже поговаривал о том, чтобы покинуть Школу, потому что искусства, ради которых они приехали сюда, больше им почти не преподавались.

— Возможно, — говорил один, — все это с самого начала были враки — насчет всяких тайных искусств, магии и волшебных сил. Из всех здешних Мастеров только Мастер Ловкая Рука все еще на что-то способен. Да только всем известно, что это фокусы, иллюзии. А все остальные попрятались и носа не кажут: поняли, что их на чистую воду вывели!

— Вот именно, — откликнулся другой, — да и что такое на самом деле это волшебство? Разве это «магическое искусство» на что-то, кроме фокусов, способно? Спасло ли оно хоть раз человека от смерти? Или хоть жизнь кому-то продлило? Ведь если бы маги обладали той силой, которой похваляются, все они, конечно же, жили бы вечно!

И мальчики наперебой принимались рассказывать о том, как умирали великие маги; как Морред погиб на поле боя; как Серым Магом был убит волшебник Негерер; как дракон смертельно ранил Эррет-Акбе; как Геншер, предпоследний Верховный Маг Земноморья, заболел самой обычной болезнью и умер в своей постели. Обладавшие завистливыми сердцами слушали с удовольствием; остальные же из учеников страдали, слушая это.

Мастер Путеводитель все время проводил в Имманентной Роще и никого туда не пускал.

Однако Мастер Привратник, хоть его видели и не так

часто, совсем не изменился. Печаль не таилась мрачной тенью у него в глазах. Он по-прежнему улыбался и держал двери Большого Дома крепко запертыми до возвращения его хозяина.

10

ДРАКОНЬИ БЕГА

В морях близ внешних границ Западного Предела хозяин Большого Дома и Хранитель Острова Мудрых холодным и ясным утром проснулся в своей лодчонке, скрюченный и закоченевший за ночь. Он сел, во весь рот зевнул и тут же, указывая на север, сказал своему тоже зевающему спутнику:

— Вот они! Два острова, видишь? Это самые южные из тех, что относятся к гряде под названием Драконьи Бега.

— У тебя поистине глаза ястреба, господин мой, — сказал Аррен, сонно вглядываясь в морскую даль и не видя ровным счетом ничего.

— Потому у меня и прозвище такое, — откликнулся волшебник; он по-прежнему пребывал в прекрасном настроении и, похоже, старался не думать ни о грядущих планах, ни о грядущих действиях. — А ты что же, совсем ничего не видишь?

— Я вижу чаек, — тупо проговорил Аррен, протирая глаза и изо всех сил пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в бескрайнем серо-голубом пространстве.

Волшебник засмеялся.

— Ну, знаешь, даже ястребу не под силу высмотреть чаек на расстоянии двух часов пути!

По мере того как солнце пробивалось сквозь туман, маленькие кружащие в воздухе пятнышки, которые Аррен принял за чаек, начали как-то странно посверкивать, словно брызги на гребне морской волны или пылинки в золотистых солнечных лучах. И тут юноша наконец понял, что это драконы.

Чем ближе «Зоркая» подходила к островам, тем отчетливее было видно, как драконы высоко парят и кружат в потоках утреннего бриза, и сердце Аррена тоже как бы

воспарило ввысь вслед за ними, исполненное счастья, пронзительного, как боль. Все величие жизни и смерти было в этом полете. Красоту этих существ составляла невероятная сила и необузданная дикость в сочетании с благодатью разума. Ибо то были мыслящие твари, обладающие речью и древнейшей на земле мудростью. Рисунок их полета свидетельствовал о согласованности действий и неукротимой воле.

Аррен молчал и думал: «Теперь мне все равно, что бы ни случилось потом, ведь я видел драконов, кружащих в порывах утреннего ветра!»

Порой четкий рисунок полета сбивался, круги как бы распадались, и тогда то один, то другой дракон извергал длинную струю пламени, которая, извиваясь, повисала в воздухе, на какое-то мгновение повторяя изгибы и яркий блеск стройного, изогнутого дугой драконьего тела. Заметив это, волшебник сказал:

— Они разгневаны. И танцем на ветру выражают свой гнев. — Потом прибавил: — Ну вот, теперь мы в самом осином гнезде.

И был прав, потому что драконы, заметив маленький парус «Зоркой», начали один за другим выпадать из вихревого кружения, потом вытянулись вереницей и полетели прямо к лодке, взмахивая гигантскими крыльями.

Волшебник посмотрел на Аррена, который не выпускал руля из рук, потому что волнение было довольно сильным. Юноша правил ровно и спокойно, хотя глаз не сводил с огромных, гремящих в воздухе крыльев. Удовлетворенный, Ястреб отвернулся и, встав у мачты, велел волшебному ветру улечься. Потом поднял свой посох и громко заговорил на Языке Созидания.

При звуке его голоса одни из драконов вдруг на полной скорости остановились и как бы зависли в воздухе, другие — развернулись и помчались обратно к островам. Когти оставшихся драконов, похожие на мечи, были грозно выставлены, однако нападать они как будто бы не собирались. Один из них, спустившись совсем низко, медленно двинулся над самой водой к лодке; два взмаха крыльев, и он повис прямо над ними. Покрытое чешуей брюхо его почти касалось верхушки мачты. Аррен видел морщинистую, не защищенную чешуей кожу под мышками — подмышки, а также глаза дракона считаются самыми уяз-

вимыми его местами, если не считать тех случаев, когда копье противника обладает особой силой, полученной благодаря могучему заклятью. Юноша едва не задохнулся от дыма, который клубами вырывался из длинной зубастой пасти, и чудовищного, нестерпимого запаха падали, какой обычно сопровождает стервятников. Вонь была такой сильной, что Аррена стошнило.

Дракон, закрывая небо, проплыл над ними и снова вернулся, летя так же низко, только на этот раз Аррен почувствовал еще и страшный жар, исходивший из его пасти вместе с клубами дыма. Потом юноша ясно услышал голос Ястреба, который что-то говорил драконам громко и гневно. Дракон снова проплыл в воздухе над лодкой, и вдруг все вместе огромные ящеры полетели назад, на острова, испуская клубы дыма и языки пламени — словно недогоревшие еще угли вспыхнули, раздуваемые порывами ветра.

Аррен перевел дыхание и вытер со лба обильный холодный пот. Посмотрев на своего спутника, он заметил, что волосы Ястреба совсем побелели, так сильно опалило их огненное дыхание дракона. И плотное полотнище паруса с одной стороны стало темно-коричневым, почти превратившись в трут.

— Э, да у тебя голова, похоже, пеплом посыпана, парень?

— Как и у тебя, господин мой.

Ястреб изумленно провел рукой по волосам.

— А ведь и правда!.. Ну это уже наглость! Однако ссориться с ними я не стану: мне кажется, они утратили разум или просто страшно растеряны. Они так и не заговорили со мной. Никогда не встречал я дракона, который не поговорил бы, прежде чем нанести удар — хотя бы только для того, чтобы помучить свою жертву... Теперь мы должны плыть только вперед. Не смотри им в глаза, Аррен. Отворачивайся, если придется столкнуться с ними лицом к лицу. Пока что ветер у нас попутный, он дует точно с юга, а силы мои нам, возможно, еще потребуются для других целей. Так что держи лодку по ветру.

«Зоркая» легко поплыла вперед, и вскоре слева от нее показались берега какого-то далекого острова; справа проплыли те два острова-близнеца, что они видели раньше. Острова эти оказались скорее нагромождением невысоких, но мощных утесов, которые сверху донизу были испещрены белым драконьим пометом и черными пятнами мхов, что бесстрашно росли на отвесных склонах.

Драконы кружили очень высоко в небе, словно стервятники, высматривающие добычу. Ни один больше не спускался к лодке. Порой они что-то кричали, будто разговаривая друг с другом пронзительными хриплыми голосами, но если это и были какие-то слова, то Аррен их различить не мог.

Лодка обогнула небольшой мыс, и юноша увидел на берегу то, что сначала принял за старую разрушенную крепость. Но это тоже оказался дракон. Одно черное крыло его было неловко подвернуто и придавлено тушей, а второе широко распласталось по песчаному берегу до самой воды, так что набегающие волны слегка шевелили его, и крыло, покачиваясь на них, как бы в насмешку совершало слабые взмахи. Длинное змеевидное тело во всю длину вытянулось на камнях. Одна передняя лапа отсутствовала, а бронированная чешуя вместе с плотью была сорвана с костей, и наружу торчали гигантские ребра. Брюхо было распорото сверху донизу, и песок кругом весь пропитался черной ядовитой драконьей кровью. И все же чудовищное создание было еще живо. В драконах столь велика сила жизни, что лишь равная ей сила волшебства способна уничтожить ее достаточно быстро. Золотисто-зеленые глаза ящера были открыты, и когда лодка проплывала мимо, узкая огромная голова его чуть шевельнулась и пар, смешанный с кровью, с шипением вырвался из его ноздрей.

Полоска берега между умирающим драконом и кромкой воды была вся ископана, разворочена лапами и тяжелыми телами его сородичей, а внутренности его были втоптаны в песок.

Ни юноша, ни волшебник не промолвили ни слова, пока этот остров не остался далеко позади. Лодка продолжала свой бег по бурным неспокойным проливам меж островами Драконьи Бега, где полно было рифов и отмелей, держа курс к северному концу этой двойной цепи островов. Немало времени прошло, когда Ястреб наконец промолвил:

— Страшное зрелище. — Голос его звучал холодно и казался бесцветным.

— А разве они... пожирают своих сородичей?

— Нет. Не чаще, чем люди. Они словно от чего-то обезумели. У них отняли речь! Те, кому речь была дана раньше, чем кому-либо иному на земле, подлинные дети Сегоя, теперь отброшены в немой ужас существования диких тварей! Ах, Калессин! Где носят тебя твои крылья? Неужели ты дожил до того, чтобы увидеть позор своего племени?

Голос его гремел железом, как молот по наковальне; он неотрывно смотрел в небо, словно что-то искал там. Но драконы остались позади, низко кружа над тем залитым черной кровью берегом и окровавленными скалами; а над головой у путешественников было только голубое небо да полуденное солнце.

В те времена никто, кроме Верховного Мага, не бывал на этих островах и даже не видел их издали. Более двадцати лет назад проплыл он вдоль двойной гряды их с востока на запад и обратно. Для моряка это был и драгоценный опыт, и тяжкое испытание, ибо проливы меж островами Драконьи Бега представляли собой настоящий голубой лабиринт, полный зеленоватых отмелей. Сейчас с помощью твердой руки и нужного слова волшебник с Арреном с величайшей осторожностью пробирались среди разбросанных повсюду скал и рифов. Некоторые из них были почти совсем скрыты плещущимися волнами или едва заметны; покрытые анемонами, морскими уточками и ребристым морским папоротником, скалы эти напоминали водяных чудовищ, спрятавшихся в раковину или извивающихся в воде. Утесы возвышались над морем, как крепостные стены с островерхими башенками, отгораживая острова от набегающих волн; «стены» эти были украшены резными фигурами фантастических животных: отчетливо выделялись спины чудовищных кабанов и головы гигантских змей — все, однако, какое-то деформированное, искаженное, словно и в этих скалах жизнь наполовину утратила разум. Волны бились о них со звуком, напоминающим тяжкое дыхание, и блестящая корка морской соли от многочисленных брызг ярко сверкала на солнце. Одна из скал, если смотреть на нее с юга, явственно напоминала согнутые, немного сутулые плечи и благородную голову мужчины, как бы остановившегося в глубоком раздумье над морем; однако миновав этот утес

и глядя на него с севера, уже весьма трудно было предположить, что он только что походил на человека: теперь это была самая обыкновенная скала. Зато внутри ее открылась пещера, где бурно вздымались и опадали волны с приглушенным ропотом и звонкими шлепками; в этих звуках будто слышалось вполне определенное, состоящее из нескольких слогов знакомое слово. Они проплыли чуть дальше, и гулкое эхо ослабело, зато само слово стало слышаться более отчетливо, так что Аррен даже спросил:

— Там, в пещере, слышится чей-то голос?

— Голос моря.

— Но оно произносит какое-то слово!

Ястреб прислушался, потом взглянул на Аррена, потом снова посмотрел в сторону пещеры.

— Что именно ты услышал?

— Оно говорило: *Ахм.*

— В Истинной Речи это слово означает «начало» или «давным-давно». Но мне сейчас слышится скорее *Охб*, что значит «конец»... Эй, посмотри-ка вперед, что это там? — неожиданно оборвал свои пояснения Ястреб. И в тот же миг Аррен закричал предупреждающе:

— Отмель!

И хотя «Зоркая» пробиралась среди бесконечных опасных мест осторожно, как кошка, оба они настолько оказались заняты, управляя своим судном, что вскоре и пещера, и загадочное слово, звучавшее в громоподобных вздохах моря, остались далеко позади.

Наконец в проливе стало глубже, они вышли на простор из фантасмагорического нагромождения скал. Прямо по курсу возвышался, подобно гигантской сторожевой башне, остров. Утесы вокруг него были черны и казались слепленными из многочисленных цилиндров или столбов, подогнанных плотно, как мозаика; все цилиндры были правильной геометрической формы, с ровными краями и ровными поверхностями. Эта невообразимая черная стена поднималась над морем почти до небес.

— Замок Калессина, — пояснил волшебник. — Так называли его драконы, когда я много лет тому назад встречался с ними на этих островах.

— Кто такой Калессин?

— Старейший...

— Он построил этот замок?

— Не знаю. Не знаю, было ли это кем-то построено... Не знаю даже, сколько Калессину лет. Я говорю «ему», но не уверен, что это самец... По сравнению с Калессином Орм Эмбар — годовалый младенец. А ты да я — просто весенние мошки. — Он пристально оглядывал черные, поражающие воображение стены, и Аррен тоже с тревогой поднял голову, думая о том, что будет, если с такой высоты, из-за этой вот черной кромки внезапно упадет им на голову огромный дракон и настигнет их прежде собственной тени. Однако дракона не было. Они медленно проплыли по замершей воде в тени черных скал, так ничего и не услышав. Разве что волны шептались и шлепали по уходящим в глубину базальтовым колоннам Замка Калессина. Здесь было очень глубоко; прибрежные рифы кончились. Аррен правил лодкой, а Ястреб стоял на носу, внимательно осматривая утесы и ясное небо впереди.

Наконец лодка вышла из густой тени, отбрасываемой Замком Калессина, на солнечный полуденный простор моря. Они проплыли вдоль всей цепи островов под названием Драконьи Бега. Волшебник вскинул голову так, словно наконец увидел то, что искал: через бескрайнее залитое светом пространство небес мчался к ним на своих золотых крыльях дракон Орм Эмбар.

Аррен услышал, как Ястреб крикнул: *Аро Калессин?* — и догадался, что это значит, только не понял, что ответил волшебнику дракон. Аррен, как всегда, чувствовал, что почти понимает Истинную Речь, вот-вот поймет, словно когда-то знал все эти слова, но потом забыл. Не так, как бывает с совсем неизвестным тебе языком. Когда волшебник произносил слова Истинной Речи, голос его звучал гораздо звонче и отчетливей, чем когда он говорил на ардическом, и каждое отдельное слово было как бы окружено тишиной — подобно тому, как долго звучит отдельный, даже совсем слабый удар большого колокола. Зато голос дракона был скорее похож на гонг: звучный и одновременно какой-то пронзительный. Или на чуть шипящий звон цимбал.

Аррен смотрел, как его товарищ, стоя в неглубокой лодчонке, разговаривает с повисшим над ними чудовищем, которое закрывало половину неба. И счастливая гордость наполняла сердце юноши: сейчас он видел, как мал человек, как он хрупок и как ужасен в своем могуще-

стве. Ибо дракон легко мог бы отсечь волшебнику голову одним ударом своей когтистой лапы; мог бы сокрушить и потопить лодку, как упавший сверху камень топит лист дерева на поверхности воды, уходя вместе с ним на дно. Однако величина не имела значения: Ястреб был настолько же опасен, как и дракон Орм Эмбар, и дракон это понимал.

Волшебник повернулся к Аррену.

— Лебаннен, — позвал он, и юноша встал и пошел к нему, хотя не имел ни малейшего желания не только делать эти три-четыре шага, но и вообще шевелиться. Слишком близко были чудовищные узкие челюсти длиной почти в три человеческих роста, а продолговатые, со щелевидным зрачком желто-зеленые внимательные глаза горели прямо над его головой.

Ястреб ничего больше ему не сказал, только слегка обнял за плечи одной рукой и снова коротко обратился к дракону.

— Лебаннен, — прогудел страшный голос, лишенный какого бы то ни было чувства. — *Агни* Лебаннен!

Юноша поднял голову, и волшебник тут же сжал его плечо, напоминая, чтобы он не смотрел в желто-зеленые кошачьи глаза.

Аррен не знал слов Истинной Речи, но и молчать не стал:

— Я приветствую тебя, Орм Эмбар, Величайший из Драконов, — сказал он отчетливо и громко, как подобает одному принцу приветствовать другого.

И тут наступила полная тишина. Сердце Аррена забилось сильно и тяжко. Но Ястреб, стоя с ним рядом, почему-то улыбался.

Потом дракон снова заговорил, а Ястреб что-то ему отвечал; разговор этот показался Аррену невыносимо длинным. Наконец их беседа закончилась, причем совершенно внезапно. Дракон только раз взмахнул крыльями, при этом чуть не перевернув лодку, и тут же исчез из виду. Аррен, взглянув на солнце, понял, что времени на самом деле прошло совсем немного. Однако он удивленно отметил, что лицо волшебника стало пепельным от покрывавшей его бледности, а глаза возбужденно сверкают. Обернувшись к Аррену, он устало плюхнулся там же, где стоял.

— Молодец, парень, — сказал он хрипло. — Нелегкое это дело — беседовать с драконами.

Аррен приготовил поесть, потому что, как оказалось, не ели они целый день. До конца трапезы волшебник не произнес ни слова. К тому времени солнце уже начало сползать к горизонту, хотя в этих северных широтах да еще в середине лета ночь обычно наступает поздно и медленно.

— Ну что ж, — заговорил наконец Ястреб, — дракон Орм Эмбар сказал мне достаточно много. С его точки зрения, разумеется. Так, он сказал, что тот, кого мы ищем, находится на Селидоре, хотя в то же время его вроде бы там и нет. Драконам очень трудно выражать свои мысли просто и ясно. У них не бывает простых мыслей. И даже если кто-то из них говорит человеку чистую правду — что, впрочем, случается редко, — то все равно он не уверен в том, какой эта правда представляется данному человеку. А потому я спросил его: «Он находится на Селидоре так же, как твой отец, Орм?» Ибо, как ты знаешь, и Орм, и Эррет-Акбе погибли на Селидоре в поединке друг с другом. И он ответил: «Да и нет. Ты найдешь его на Селидоре, но он не на Селидоре...» — Волшебник помолчал, задумчиво собирая и отправляя в рот хлебные крошки. — Возможно, он имел в виду вот что: хоть в настоящее время этого человека и нет на Селидоре, все же я должен плыть туда, чтобы до него добраться. Возможно, это и так... Я спросил его затем, что случилось с другими драконами. Он ответил, что тот человек бывал среди них, совершенно их не боялся — ибо даже убитый, он всегда восстает из мертвых во плоти и крови, — поэтому драконы теперь боятся его, считая, что он создан неживой природой. И страх их дает ему власть над ними. Это он отнял у них речь, оставив им лишь их дикое естество. Так что теперь они пожирают друг друга или убивают сами себя, бросаясь в море, — самая ненавистная и лютая смерть для огнедышащего змея, порожденного ветром и огнем. Тогда я спросил: «Где же правитель драконов Калессин?» — и все, что он пожелал мне ответить, — это: «На западе», что, по всей видимости, означало следующее: Калессин улетел на далекие острова, которые, по словам драконов, лежат в тех морях, куда не заплывал еще ни один корабль. Впрочем, это могло значить и нечто совсем

иное. Так что я перестал задавать вопросы, и тогда он задал свой. Он сказал: «Возвращаясь на север, я пролетал над островами Картуэлл и Торингейт. Там я видел, как местные жители приносили в жертву младенца: его убили на жертвенном камне. А на острове Ингат жители одного из селений до смерти забили камнями своего колдуна. Как ты думаешь, Гед, они теперь съедят этого младенца? А может быть, тот колдун вернется из царства мертвых и станет бросать камни в своих соотечественников?» Я подумал было, что он надо мной смеется, и хотел уже гневно ему ответить, но нет, он не смеялся. Он сказал: «Вещи утратили свой смысл. В мире образовалась брешь, сквозь нее в пустоту уходит море. Уходит и свет. Мы скоро останемся в мертвой пустыне. Там Истинная Речь не прозвучит больше; там больше не будет смерти». Так что в конце концов я понял, что именно он хотел мне сказать.

Аррен этого как раз не понял и, кроме того, был мучительно взволнован. Потому что Ястреб, пересказывая ему беседу с драконом, назвал свое подлинное имя; сомнений в этом не было. Аррену стало страшно: он вспомнил ту измученную женщину с острова Лорбанери, что выкрикивала: «Мое имя Акарен!» Если силы волшебства и музыки, если даже речь и доверие друг к другу слабеют, если безумие страха надвигается на людей столь неотвратимо, что они, как и драконы, начинают убивать друг друга, если все это действительно так, то смог ли его господин уберечься? Так ли он силен, чтобы противостоять этому злу?

Сильным он никогда не выглядел; особенно сейчас, когда сидел, скрючившись, над жалким ужином, состоявшим из хлеба и вяленой рыбы. Он сильно поседел за последнее время, к тому же голова его была покрыта пеплом после встречи с драконом. У него были слабые руки и усталое лицо. И все же дракон боялся его.

— Что-то гложет твою душу, сынок?

С этим человеком Аррен мог говорить только честно.

— Господин мой, ты назвал свое подлинное имя...

— Ах да. Я и забыл, что не назвал его тебе раньше. Тебе понадобится мое подлинное имя там, куда мы должны идти. — Продолжая что-то жевать, он спокойно посмотрел на Аррена. — Ты что ж, решил, что и я из ума выжил? И теперь буду бормотать собственное имя вслух,

как полоумные старики, утратившие и разум, и стыд? Пока еще рановато, парень, а?

— Да, конечно, — сказал Аррен, настолько смущенный, что больше ничего выговорить не смог. Он вдруг почувствовал себя страшно усталым: слишком долгим был день и слишком много вокруг было драконов. И путь впереди был темен.

— Аррен, — сказал волшебник, — нет, Лебаннен! Там, куда мы плывем, скрыться некуда и нечего скрывать. Там все зовутся своими подлинными именами.

— Мертвым не больно, — мрачно сказал Аррен.

— Но ведь не только там, не только в царстве смерти люди называют друг друга лишь подлинными именами. Так поступают, скажем, те, кто наиболее уязвим, кого больнее всех можно ударить; те, кто отдал свою любовь безвозвратно; у них друг для друга существуют только истинные имена. Те, у кого верные сердца; те, кто дает другим жизнь... Э, да ты совсем с ног валишься, парень. Ложись-ка спать. Делать теперь нечего, только всю ночь держать прежний курс. И к утру мы увидим последний остров Земноморья.

В голосе его звучала невыразимая нежность, и Аррен, свернувшись калачиком на носу лодки, тут же начал проваливаться в сон. Он еще слышал, как волшебник тихонько, почти шепотом запел что-то на Языке Созидания, и вдруг начал понимать слова Истинной Речи, вспоминать их значение, но, прежде чем успел как следует во всем разобраться, крепко уснул.

В полном молчании волшебник убрал оставшуюся после ужина еду, осмотрел снасти, разложил все в лодке по своим местам, а затем, взяв в руки гайдроп, поднял парус и надул его волшебным ветром. Неутомимая «Зоркая» стрелой понеслась по волнам морским к северу.

Гед, сидя на корме, смотрел на своего юного спутника. На лице Аррена играл золотисто-красный отблеск заката; сильно отросшие волосы юноши спутал ветер. Куда делся тот нежный и легкомысленный юный принц, что сидел на краю волшебного фонтана в Большом Доме всего несколько месяцев назад? У спящего молодого человека лицо было более худым и четко очерченным, да и сам он выглядел значительно сильнее. Впрочем, от этого Аррен не стал менее красив.

— Я так и не смог найти никого, кто пошел бы моим

путем, — вслух сказал Верховный Маг Гед то ли спящему юноше, то ли просто ветру морскому. — Никого, кроме тебя. А ты должен идти своим путем — не моим. И все же твое славное воцарение отчасти станет и мне наградой. Ибо я первым распознал тебя. Первым! За это впоследствии меня станут прославлять куда больше, чем за все мои магические деяния... Если это «впоследствии» наступит. Ибо сперва мы вдвоем с тобой должны найти точку равновесия Вселенной, самый центр мирозданья. И если в пропасть упаду я, то упадешь и ты, и все остальные люди... Но не навсегда, нет! Тьма никогда не длится вечно. Даже там, в царстве тьмы, есть звезды... Ах, как мне хотелось бы увидеть твое коронование в Хавноре! Увидеть, как играет луч солнца на мече Эррет-Акбе и на том Кольце, что мы привезли для тебя из темных Гробниц Атуана — Тенар и я, до того еще, как ты появился на свет!

Тут он засмеялся и, повернувшись лицом к северу, сказал:

— Значит, козлопас посадит-таки на законный трон наследника Морреда! Неужели я никогда не привыкну?..

Текли мгновения. Гед сидел в прежней позе и держал в руке гайдроп, глядя, как надутый ветром парус багровеет в последних лучах тонущего в море солнца. Потом снова тихонько проговорил:

— Нет, больше я не вернусь ни в Хавнор, ни на Рок. Пора кончать эти игры в могущество. Пора бросить старые игрушки и идти дальше. Пора возвращаться домой. Я хотел бы увидеть Тенар. И Огиона. И успеть наговориться с ним всласть, пока он жив. И пожить в его домике на утесе Ре Альби. Я мечтаю вновь подняться на вершину горы Гонт, войти в ее осенние леса, когда листья сияют многоцветьем. Нет иного царства, что было бы равно царству лесов. Пора мне отправляться туда. В молчании. В одиночестве. И там, может быть, я смогу наконец постигнуть то, что так и не сумел постигнуть ценой своих подвигов и могущества, чему так и не сумел за всю свою жизнь научиться.

Теперь весь запад пылал яростным великолепием красных тонов, так что даже море казалось алым, а парус над лодкой — багровым, как кровь. Потом потихоньку спустилась ночь. И всю эту ночь юноша крепко спал, а его старший друг бодрствовал, внимательно вглядываясь во тьму впереди. Звезд на небе не было.

11

СЕЛИДОР

Проснувшись утром, Аррен увидел вдали прямо по курсу на фоне синего западного неба затянутые дымкой низкие берега Селидора. В Бериле, в княжеском дворце, были старинные карты, сделанные еще во времена Великих Королей, когда путешественники и торговцы заплывали с Внутренних Островов очень далеко и Пределы были исследованы куда лучше, чем сегодня. Огромная карта Севера и Запада Земноморья была выложена мозаикой на двух стенах тронного зала, и точно над самим троном был остров Энлад, выполненный в золотых и серых тонах; Аррен совершенно отчетливо помнил эту карту, потому что мальчишкой тысячи раз рассматривал ее. К северу от Энлада находился остров Осскил, а к западу — Эбосскил, к югу же от этих островов были Симел и Пальн. Дальше Внутренние Острова кончались и начиналось море, выложенное бледной голубовато-зеленой мозаикой; в море то там, то тут встречались маленькие дельфины и киты. Затем, наконец, почти в углу, там, где северная стена встречалась с западной, был остров Нарведен, а за ним еще три островка поменьше. Затем снова голубое море, море без конца и края, и только у самого края западной стены — и края карты — вновь появлялись острова и среди них Селидор. А за Селидором — больше ничего.

Аррен легко и живо мог представить себе его округлые очертания, большой залив почти посредине береговой линии, нешироким входом своим обращенный к востоку. До этого залива нужно было еще порядочно проплыть вдоль берега на север, так что направлялись они сейчас к узкой бухте на самой южной оконечности острова. Здесь, еще до того, как солнце успело выбраться из затянувшей горизонт утренней дымки, они высадились на берег.

Так закончилось их стремительное плавание от далеких Путей Балатрана до самого западного из островов Земноморья. Покой земной тверди с непривычки показался им странным — слишком долго пробыли они в море.

Гед взобрался на невысокую дюну, поросшую по гребню травой; гребень ее нависал над крутым склоном подобно карнизу, скрепленный цепкими корнями. Оттуда Гед внимательно осмотрел западную и северную часть моря. Аррен немного задержался в лодке, во-первых, чтобы обуть башмаки, которые не надевал уже много-много дней, и, во-вторых, чтобы вынуть из рундука свой меч. На этот раз он надел перевязь, даже не задумываясь. Потом он тоже взобрался на дюну и встал рядом с Гедом, оглядывая окрестности.

Дюны уходили довольно далеко от берега, невысокие, покрытые травой — по крайней мере шагов на тысячу; за ними виднелись лагуны, густо заросшие тростником и камышом, а дальше — низкие желто-коричневые холмы, совершенно пустынные, уходящие за горизонт. Прекрасным и безлюдным был остров Селидор. Нигде не было на нем ни следа, ни жилья человека. Нигде не было ни единого животного, а в заросших тростником озерах не гнездились ни чайки, ни дикие гуси, ни какие-либо другие птицы.

Они спустились по внутреннему склону дюны, и эта песчаная стена как бы отсекла их от шума прибоя и воя ветра; вокруг стало совсем тихо.

Между этой дюной и следующей было ровное пространство, усыпанное чистым песком: тихое убежище, над которым вставало теплое утреннее солнце, освещая западный склон дюны.

— Лебаннен, — сказал волшебник, ибо теперь звал Аррена только его истинным именем, — вчера ночью я спать не мог, а теперь мне непременно нужно поспать. Останься со мной, постереги.

Гед улегся на солнышке, потому что в тени было еще холодно, прикрыл рукой глаза, вздохнул и заснул. Аррен сел на землю с ним рядом. Ему ничего не было видно, кроме белых склонов дюны, травы на ее вершине, качающейся на фоне все еще затянутого легкой дымкой голубого неба, да еще желтого Солнца. Вокруг стояла тишина, лишь едва слышно шептал прибой, да порой ветер ворошил песчинки, и они ссыпáлись вниз по склону со слабым шорохом.

И тут Аррен заметил в небе существо, которое вполне могло бы показаться очень высоко летящим орлом. Только это был не орел. Дракон сделал над ними круг, завис в

воздухе, а потом с грохотом и пронзительным свистом ринулся вниз, сложив золотистые крылья. Он приземлился на вершину дюны, вцепившись в нее когтистыми лапами. Против солнца огромная голова его казалась черной; по ней пробегали свирепые огненные сполохи.

Дракон спустился чуть ниже по склону дюны и заговорил.

— Агни Лебаннен, — сказал он.

Стоя между ним и Гедом с обнаженным мечом в руках, Аррен ответил:

— Орм Эмбар.

Меч больше не казался ему тяжелым. Гладкая, чуть потертая рукоять была очень удобной и прекрасно подходила к руке. Клинок легко, как бы по собственной воле вынулся из ножен. Древняя сила, заключенная в мече, стала теперь союзницей Аррена, ибо он понял, как использовать это оружие во благо. Это был *его меч*.

Дракон снова заговорил, но Аррен понять его не смог. Он оглянулся на своего спящего товарища, которого не разбудил ни страшный грохот, ни возня дракона на дюне, и ответил:

— Хозяин мой устал. Он теперь спит.

Услышав это, Орм Эмбар сполз еще ниже и свернулся кольцом у подножия дюны. На земле он казался очень тяжелым, громоздким, вовсе не таким гибким и свободным, как в воздухе, но была какая-то дьявольская красота и даже изящество в том, как неторопливо умащивал он свои огромные когтистые лапы и извив колючего рогатого хвоста. Устроившись, он вытянул передние лапы перед собой, поднял огромную голову и замер: именно такими изображали драконов на шлемах воинов. Аррен все время ощущал на себе взгляд его желтых глаз — страшные глаза эти были совсем близко, прямо у него над головой — и слабый запах гари, что неотступно висел в воздухе. Падалью от этого дракона не пахло вовсе; его запах, сухой запах горячего металла, хорошо сочетался с более слабыми запахами моря, водорослей и просоленного песка; это был чистый, дикий, естественный запах.

Солнце, поднявшись выше, осветило бока Орм Эмбара, и дракон весь засверкал, словно был сделан из полированной стали и золота.

А Гед по-прежнему спал, обращая на дракона не больше внимания, чем спящий крестьянин на своего гончего пса.

Так прошел час; и вдруг Аррен, вздрогнув, обнаружил, что волшебник сидит рядом с ним, и, видно, довольно давно.

— Ты что ж, настолько привык к драконам, что засыпаешь прямо между их лапами? — спросил Гед, рассмеялся и сам зевнул. Потом, поднявшись на ноги, заговорил с драконом.

Прежде чем ответить, Орм Эмбар тоже зевнул — возможно, потому что и сам задремал, а возможно, из тщеславия, чтобы произвести должное впечатление. Впечатление, надо сказать, было сильным; вряд ли кому-то из людей доводилось видеть подобную картину: ряды беложелтых зубов, длинных и острых как мечи, страшный раздвоенный язык и дымящаяся пропасть глотки.

Орм Эмбар что-то сказал, и Гед уже хотел ему ответить, как вдруг оба они обернулись и посмотрели на Аррена. Они услышали отчетливый в тишине, негромкий шелест стали вынимаемого из ножен меча. Аррен с мечом наготове неотрывно смотрел куда-то на вершину дюны.

Там стоял ярко освещенный солнцем человек, и ветер слабо шелестел в складках его одежды. Человек стоял неподвижно, словно резное изваяние, только чуть шевелилась кромка его легкого плаща да откинутый на спину капюшон. Длинные черные волосы его ниспадали на плечи густыми спутанными локонами; это был широкоплечий, высокий, сильный и довольно красивый человек. Его глаза, казалось, глядят из-под капюшона куда-то вдаль, мимо них, в море. Человек улыбнулся.

— Орм Эмбар мне известен, — сказал он. — И ты тоже, хоть ты и постарел с тех пор, как мы с тобой виделись, Ястребок. Я слышал, ты теперь Верховный Маг? Да, ты стал великим волшебником, хоть и постарел. А это твой юный слуга? Ученик Школы, конечно, один из тех, что учатся волшебству на Острове Мудрых. Что же делаете здесь вы оба, столь далеко от Рока, от его неуязвимых стен, так хорошо защищающих Мастеров от любого зла?

— Кто-то нарушил стены, что поважнее стен Школы, — сказал Гед, плотно сжимая обеими руками посох и глядя вверх, на незнакомца. — Но разве ты не сойдешь к

нам во плоти, чтобы мы смогли должным образом поприветствовать того, кого так долго искали?

— Во плоти? — сказал человек и снова улыбнулся. — Разве вульгарная плоть, человечье тело, пушечное мясо что-нибудь значит при встрече двух магов? Нет, пусть лучше встретятся наши души, Верховный Маг.

— Вот это, по-моему, вряд ли возможно... Парень, убери-ка свой меч и не волнуйся: это всего лишь его посланник, призрак, но не настоящий человек. С тем же успехом можно рубить мечом воздух... В Хавноре, когда твои волосы уже были седы, тебя прозвали Коб-паук. Но это всего лишь прозвище. Как же нам называть тебя, когда мы наконец встретимся по-настоящему?

— Вы будете называть меня своим Господином, — сказал высокий человек с вершины дюны.

— О да, а еще как?

— Королем и Великим Мастером.

И тут Орм Эмбар издал страшное шипение; его огромные глаза опасно сверкнули; однако он лишь отвернулся от высокого человека, и лапы его тяжело погрузились в песок под осевшим телом, словно дракон не мог сдвинуться с места.

— А куда мы должны прийти, чтобы свидеться с тобой, и когда?

— В мое царство и тогда, когда это будет удобно мне.

— Прекрасно, — сказал Гед и, подняв свой посох, слегка повел им в сторону высокого человека, и тот исчез, словно пламя свечи, погашенное порывом ветра.

Аррен смотрел во все глаза. Дракон мощным рывком вдруг приподнялся на всех своих четырех кривых лапах; чешуя его позванивала, а сморщенные в гневе губы обнажили ряды страшных зубов. Но тут волшебник снова опустил свой посох и оперся о него.

— Это всего лишь его посланник. Так сказать, своеобразный способ представиться. Бесплотный призрак собственного хозяина. Он способен говорить и слышать, но силы в нем нет, разве что наши собственные страхи могут сообщить ему какую-то силу. Он даже и внешне-то не слишком похож на своего хозяина. Но может стать похожим, если тот сам захочет этого. Так что мы пока не видели, каков теперь его настоящий облик.

— Как ты думаешь, а сам он близко?

— Такие посланники не могут пересекать водные пространства. Так что он на Селидоре. Но Селидор — огромный остров: гораздо больше, чем Рок или Гонт, и почти такой же, как Энлад. Мы можем еще очень долго искать его.

И тут заговорил дракон. Гед выслушал его и повернулся к Аррену.

— Вот что говорит истинный Хозяин Селидора: «Я вернулся сюда, на родной остров, и не покину его. Я найду Разрушителя, отведу к нему вас, и вместе мы сможем уничтожить его». А ведь я говорил тебе, Аррен, что если дракон начинает охоту, то непременно настигает свою жертву.

И Гед преклонил колено пред огромным драконом, подобно тому, как вассал преклоняет колено пред своим королем, и произнес слова благодарности на Языке Созидания. Дыхание дракона, стоявшего слишком близко, жарко опаляло его склоненную голову.

Потом Орм Эмбар снова втащил свое чешуйчатое тело на вершину дюны, взмахнул крыльями и улетел.

Гед отряхнул с одежды песок и сказал Аррену:

— Теперь ты видел меня коленопреклоненным. Возможно, до конца ты успеешь еще раз увидеть это.

Аррен не спросил, что именно волшебник имеет в виду: за время их длительного знакомства он успел усвоить, что в каждом туманном слове Геда таится истина. Но на этот раз слова эти показались ему дурным пророчеством.

Они еще раз сходили к берегу и убедились, что лодка лежит достаточно далеко от полосы прилива и не досягаема даже для штормовых валов. Из лодки они прихватили с собой теплые плащи на случай ночевки под открытым небом и всю оставшуюся еду. Гед на мгновение задержался возле своей «Зоркой», что столько лет носила его по далеким неведомым морям, ласково погладил ее, но никакого заклятия не наложил; он вообще не произнес ни слова. Потом вместе с Арреном они двинулись через дюны к возвышающимся на севере холмам.

Они шли весь день, а вечером остановились на ночлег у ручья, струившегося между двумя полузадушенными тростником, заболоченными озерами. Несмотря на середину лета, с запада из бесконечных просторов Открытого Моря дул холодный пронзительный ветер. Небо было за-

тянуто туманной дымкой, и ни единой звезды не зажглось над холмами, которые не видывали ни теплого огня домашнего очага, ни света в окне человеческого жилища.

Среди ночи Аррен проснулся. Их крошечный костерок погас, однако взошедшая на западе луна заливала землю жемчужно-серым призрачным светом. В долине у ручья и на склонах холмов вокруг собралось великое множество людей; они стояли неподвижно, молча, и все как один глядели на них с Гедом. Но ни разу лунный свет не блеснул в чьих-либо очах.

Аррен не осмелился заговорить с ними, лишь коснулся рукой плеча Геда. Волшебник вздрогнул и тут же сел.

— В чем дело? — спросил он.

Потом проследил за взглядом Аррена и увидел молчащих людей.

Все они были в темных одеждах, одинаковых у мужчин и женщин. Их лица в неясном свете были едва различимы, но Аррену показалось, что среди тех, кто стоял к ним ближе, он узнал нескольких человек, хоть и не мог назвать их имен.

Гед встал; плащ упал с его плеч на землю. Лицо, волосы и рубашка его слабо светились, словно лунное серебро изливалось на него одного. В широком жесте он протянул руки к стоящим вокруг людям и громко сказал:

— О вы, кто уже о́тжил свое! Ступайте с миром и будьте свободными! Отныне я разрываю те связи, что не дают вам уйти. *Анвасса мане харв пеннодатхе!*

Еще несколько мгновений молчаливая толпа стояла не двигаясь. Потом люди медленно повернулись, побрели куда-то в серую мглу и растворились в ней.

Гед сел. Глубоко вздохнул. Потом посмотрел на Аррена и положил руку ему на плечо. Рука была теплой и твердой.

— Их не стоит бояться, Лебаннен, — мягко сказал он, хотя в голосе его слышалась едва заметная насмешка. — Это всего лишь мертвые.

Аррен кивнул, хотя зубы у него стучали и озноб пробирал до костей.

— Как же... — начал он, но губы не слушались.

Гед понял его вопрос.

— Это он вызвал их из царства мертвых. Это и есть та

вечная жизнь, которую он всем обещает. Вернуться в Темное царство они могут лишь по его приказанию. И вызванные им оттуда, обречены бродить по холмам живого мира, но даже стебелек травы не согнется под их ногами.

— Тогда... тогда он, наверно, тоже мертвый?

Гед покачал головой и нахмурился.

— Мертвые не способны вызывать души мертвых в мир живых. Нет, он обладает силой и могуществом живого человека и даже больше... Но если кто-то из них и хотел последовать его примеру, то все они были им обмануты. Он бережет свое могущество для себя одного. Воображает себя Королем Мертвых; и не только мертвых... Но подданные его — лишь тени.

— Не знаю, почему я боюсь их, — со стыдом признался Аррен.

— Ты боишься их потому, что боишься смерти. И это вполне естественно: смерть ужасна и ее до́лжно бояться, — сказал волшебник. Потом подложил в костер еще дров, подул на угольки, подернутые пеплом, и яркие огоньки побежали по хворосту. Аррен с благодарностью смотрел на этот живой свет. — Жизнь ведь тоже страшная штука, сынок, — сказал Гед, — ее тоже до́лжно бояться — и восхвалять.

Оба уселись у костра, плотно закутавшись в плащи.

Некоторое время стояла тишина. Потом Гед вдруг заговорил странно мрачным тоном:

— Я не знаю, Лебаннен, как долго еще он будет дразнить нас своими посланниками и призраками на этом острове. Но ты знаешь, куда он непременно отправится в конце концов.

— В Темную Страну?

— О да. К ним.

— Теперь я их видел. Я пойду с тобой туда.

— Что движет тобой? Вера в меня? Ты можешь верить моей любви, но не верь моей силе. Ибо, по-моему, я наконец встретил равного себе.

— Я пойду с тобой.

— Но если он победит меня, если я израсходую до конца свою силу и жизнь, то не смогу отвести тебя назад; а один ты вернуться не сможешь.

— Я вернусь с тобой.

На это Гед сказал лишь:

— Мальчик, ты становишься мужчиной у самых ворот смерти. — И потом тихо-тихо прибавил еще какое-то слово или имя, которым дракон Орм Эмбар дважды назвал Аррена. — Агни... Агни Лебаннен.

Больше они ни о чем не говорили и вскоре снова уснули, устроившись поближе к маленькому, быстро догорающему костерку.

На следующее утро Аррен и Гед двинулись дальше, на северо-запад; так решил Аррен, потому что Гед сказал ему:

— Выбирай, куда нам теперь идти, парень; мне все равно.

Они не спешили, ибо конкретной цели не видели и ждали хоть какого-нибудь знака от дракона. Шли специально по вершинам невысоких дюн вблизи от берега, чтобы их легче было заметить с воздуха. Дюны поросли травой, сухой, короткой, которая колыхалась и шуршала на ветру. Справа от них ввысь уходили золотистые склоны холмов, а слева были соленые болота и западный берег моря. Однажды они видели летящих лебедей — далеко на юге. Но больше ни одного живого существа за весь тот день они не увидели. Какая-то странная усталость, ожидание чего-то ужасного не отпускали Аррена. И вместе с тем в нем росли нетерпение и глухой гнев. После длительного молчания он заговорил первым:

— Эта земля так же мертва, как в царстве мертвых.

— Не смей так говорить! — резко оборвал его волшебник и прибавил шагу. Потом изменившимся голосом пояснил: — Посмотри на эту землю; внимательно посмотри вокруг. Ведь все это — твое царство, царство жизни. Это — твое бессмертие. Посмотри на эти холмы: они ведь тоже смертны, не вечны. Склоны их покрыты живой травой, в ручьях звенит живая вода... Во всей Вселенной, во множестве миров и невероятной бездне времен нет и не было других, точно таких же ручьев, чьи холодные струи исходят из земных глубин, оттуда, где никто не видит их истоков. А потом родники, сливаясь в ручьи и реки, бегут под солнцем и под звездным ночным небом к морю. Глубоки источники бытия, глубже, чем жизнь, глубже, чем смерть...

Гед остановился, и в глазах его, когда он смотрел на Аррена и на залитые солнцем холмы, была лишь великая, невыразимая словами, всепоглощающая любовь. И Аррен

понял это. А поняв, впервые увидел и самого волшебника как бы целиком, таким, какой он есть.

— Я не могу лучше объяснить все это, — сказал Гед с несчастным видом.

Но Аррен подумал о том первом своем часе на острове Рок, когда во дворике у фонтана он увидел этого человека стоящим на коленях перед играющей струей воды; и радость, чистая, как та вдруг вспомнившаяся струя, забурлила в нем. Он посмотрел на своего друга и сказал:

— Я уже отдал свою любовь тому, что достойно любви. Разве это не мое царство, разве не в нем заключена вечная весна?

— О да, сынок, — сказал Гед с болью и нежностью.

И они двинулись дальше в молчании. Однако теперь Аррен видел мир как бы глазами своего друга, видел его живое очарование, что вдруг открылось ему в этой пустынной стране и, словно благодаря волшебству, превзошло все остальные, виденные до сих пор красоты, — очарование каждой исхлестанной ветром травинки, каждой тени, каждого камня. Так человек в последний раз смотрит на нежно любимые места, отправляясь в путешествие, из которого нет возврата. Он видит все вокруг как бы целиком, одновременно, и все кажется ему таким настоящим, таким дорогим и родным, каким никогда не казалось раньше, каким он больше никогда его не увидит.

К вечеру сильный ветер отогнал плотную гряду облаков, закрывавшую западный край неба, и закат яростно горел над морем, разливая по волнам пурпур и багрянец, пока солнце в очередной раз не нырнуло в далекие воды на горизонте. Собирая топливо для костра, Аррен вдруг увидел на берегу ручья, где они расположились на ночлег, залитого пурпурным сиянием человека, стоявшего не более чем в пяти шагах, но видимого неясно. Лицо незнакомца было каким-то странным, однако Аррен узнал его: это был красильщик Попли с острова Лорбанери, который давно умер.

За Попли стояли другие люди. У всех были печальные лица; глаза их внимательно смотрели на Аррена. Они, казалось, даже что-то говорили, но Аррен не мог расслышать слов — только невнятный шепот или шелест, тут же уносимый порывами западного ветра. Потом некоторые из людей стали медленно приближаться к нему.

Аррен распрямился и смотрел то на этих людей, то на Попли; потом повернулся к ним спиной, постоял немного и подобрал с земли еще одну валежину, хотя руки у него тряслись. Он положил валежину в общую кучу и подобрал еще одну и еще. Потом выпрямился и оглянулся. У ручья никого не было; на холмах догорал красный отблеск заката. Юноша вернулся к Геду и бросил на землю возле костра целую охапку топлива, однако ничего не сказал о своей встрече.

Всю ночь в туманной мгле острова Селидор, где никогда не жили люди, он просыпался и слышал вокруг шепот мертвых. Тогда усилием воли он заставил себя не слушать. И вскоре снова уснул.

Оба, и он и Гед, проснулись поздно, когда солнце уже на целую ширину ладони поднялось над вершинами холмов и, вырвавшись из объятий утреннего тумана, ярко освещало эту холодную землю. Пока они поглощали свой жалкий завтрак, прилетел Орм Эмбар и стал кружить над ними в воздухе. Из пасти дракона вырывалось пламя, а из красных ноздрей — искры и дым; в клубах огня и дыма зубы его сверкали, словно бритвы из слоновой кости. Однако дракон ничего не говорил, хотя Гед и окликнул его, назвав по имени:

— Ты нашел его, Орм Эмбар?

В ответ дракон резко повернул голову и немыслимым образом изогнулся, как бы отталкиваясь от ветра своими когтистыми страшными лапами. Потом вдруг быстро развернулся и устремился на запад, все время оглядываясь на них с Гедом.

Гед крепко сжал свой посох и гневно ударил им о землю.

— Он больше не может говорить! — воскликнул он. — Он — и не может говорить!!! У него отняли эту способность, отняли Речь, и теперь он все равно что обыкновенная гадюка или безъязыкий червяк, и мудрость его лишилась языка. Однако он еще может вести нас! И мы последуем за ним.

Подхватив свои легкие заплечные мешки, они быстро пошли через холмы на запад, туда, куда улетел Орм Эмбар.

Они шли не менее двух часов одинаково ровным, быстрым шагом. Теперь море окружало их с обеих сторон: они спускались вниз по длинной пологой каменистой гряде меж сухих тростников и продуваемых всеми ветрами прогалин по берегам ручьев к изогнувшемуся широкой дугой песчаному берегу цвета слоновой кости. Это был самый северный мыс Селидора, конец последнего острова Земноморья, конец земли.

Орм Эмбар стоял на светлом песке, выгнув спину дугой и опустив голову, словно разъяренный кот; дыхание его было прерывистым, изо рта вырывались языки пламени. В некотором отдалении, между ним и полосой несильного прибоя, виднелось нечто вроде хижины или шалаша, построенного из чего-то белого, похожего на очень старый, обесцвеченный плавни́к. Вот только плавника на этом берегу быть не могло: дальше не было островов, только Открытое Море. Когда они подошли ближе, Аррен увидел, что ветхие стены хижины сделаны из огромных костей; сначала он подумал, что это кости кита, и только потом, заметив треугольные, острые как нож выступы вдоль хребта, понял, что это кости дракона.

Они наконец достигли цели. Солнечные блики играли на волнах, просвечивавших сквозь щели жилища из костей. Дверь заменял кусок гигантской бедренной кости. Над дверью был укреплен человеческий череп, уставившийся пустыми глазницами на холмы Селидора.

Они застыли как вкопанные, глядя на этот череп, и тут дверь под ним отворилась и вышел человек в старинных доспехах из позолоченной бронзы. Доспехи были во многих местах пробиты то ли кинжалом, то ли боевым топором. В руках он держал сломанный меч: осталась только рукоять и гарда, сам же клинок отсутствовал. Лицо человека казалось суровым: черные дуги бровей, тонкий красивый нос, темные глаза, живые и печальные. Его тело было буквально покрыто ранами — руки, горло, бок; кровь больше не шла, но любая из этих ран казалась смертельной. Человек стоял прямо и неподвижно, глядя на них.

Гед сделал шаг к нему. Они были как-то странно похожи — вот так, лицом к лицу.

— Ты — Эррет-Акбе, — сказал Гед.

Человек, продолжая пристально смотреть на него, один раз молча кивнул.

— Даже тебя, даже тебя вынуждает он исполнять свои приказания! — В голосе Геда слышалась ярость. — О, господин мой, самый лучший, самый храбрый из людей, покойся же во славе своей — в царстве смерти! — И широ-

ким жестом подняв обе руки, Гед разом опустил их, повторив те же слова, которые произносил ночью перед толпой мертвецов. После магического жеста в воздухе на мгновение остался широкий светящийся след. Когда этот след исчез, исчез и израненный человек в латах; лишь солнце ярко освещало песок там, где он только что стоял.

Гед ударил посохом по хижине из костей дракона, и та тоже исчезла. Теперь на песке не осталось ничего — только одно гигантское ребро еще торчало вверх.

Волшебник обернулся к дракону:

— Это здесь, Орм Эмбар? Это то самое место?

Из приоткрытой пасти донеслось мощное прерывистое шипение.

— Значит, это здесь. На последнем берегу нашей земли! Что ж, хорошо. — И, держа свой черный тисовый посох в левой руке, Гед широким жестом развел руки, готовясь произнести заклятье, и заговорил на Языке Созидания. Аррен тоже понял наконец слова Истинной Речи: все, кто слышит Великое Заклятие, должны его понимать, ибо оно имеет власть надо всем. — Теперь я заклинаю тебя, враг мой! Явись и предстань передо мной во плоти. Я связываю тебя тем словом, что не будет произнесено до конца времен. Явись!

Однако вместо имени заклинаемого Гед сказал лишь: *враг мой.* Наступила такая тишина, что не слышалось даже плеска волн. Аррену на какой-то миг показалось, что солнце скрылось в загадочной дымке, хотя оно по-прежнему стояло в ясном небе прямо у него над головой. Непонятная дымка сгустилась, и тьма окутала песчаный берег, видимый теперь словно сквозь закопченное стекло; прямо перед Гедом тьма была совершенно непроницаемой. Во всяком случае, Аррен не мог рассмотреть в ней никакой ясно очерченной фигуры — так, черная пустота, бесформенность.

И вдруг из этого сгустка тьмы возник человек. Тот самый, которого они видели на вершине дюны, — высокий, темноволосый, длиннорукий и стройный. Теперь в руках он держал нечто вроде хлыста или стального узкого и длинного лезвия, по всей длине которого были вырезаны старинные руны. Словно готовясь к атаке, он направил свое оружие в сторону Геда. Но что-то странное было

в его взгляде: похоже, что глаза его, будто ослепленные солнцем, не способны были видеть как следует.

— Я прихожу, — проговорил он, — только по собственному желанию и тогда, когда захочу. Ты не можешь вызвать меня своим заклятьем, Верховный Маг, я не мертвая тень. Я живой человек. И один лишь я по-настоящему жив! Ты вот считаешь себя тоже живым, но ведь ты умираешь, медленно, постепенно. Знаешь, что держу я в руках? Посох Серого Мага; того, что заставил навсегда умолкнуть Негерера; того, кто считался лучшим мастером искусства, которым овладел и я. Впрочем, теперь я и сам Мастер не хуже. И мне надоели бесконечные игры с тобой. — С этими словами он неожиданно резко выбросил вперед руку со стальным стержнем и дотронулся им до Геда, который стоял так, словно утратил способность двигаться и говорить. Аррен всю свою волю сосредоточил на том, чтобы сделать хоть шаг, однако не смог даже пошевелиться, даже коснуться рукояти меча, и голос тоже застрял у него в глотке.

Но тут над Гедом и Арреном, прямо над их головами, взметнул свое огромное тело разъяренный дракон и одним конвульсивным рывком, всей своей тяжестью обрушился на противника, так что колдовское стальное лезвие полностью погрузилось в его покрытую чешуей грудь; но и черноволосый человек был смят чудовищным весом дракона, сокрушен и сожжен его дыханием.

С трудом приподнявшись над песчаным берегом, изогнув спину дугой и хлопая крыльями, Орм Эмбар выдохнул или, скорее, вытошнил сгусток жуткого пламени и закричал. Потом попытался взлететь, но не смог. Холодная, отравленная злым колдовством сталь попала ему прямо в сердце. Дракон забился в судорогах, и кровь, черная ядовитая драконья кровь, дымясь, хлынула у него из пасти; пламя замерло в ноздрях, и они стали похожи на подернутые пеплом угольные ямы. Огромная голова его бессильно склонилась на песок.

Так умер Орм Эмбар. Умер на том же берегу, что и его предок Орм; умер на его могиле, на зарытых в песок костях великого дракона.

Там, где Орм Эмбар, обрушившись на своего врага, пытался вбить его в землю, лежало теперь нечто безобразное и скрюченное, похожее на тело огромного паука,

запутавшегося и засохшего в собственной паутине. Существо это было сожжено огненным дыханием дракона и изломано его когтистыми лапами. Но все же — и Аррен заметил это — существо двигалось и уже немножко отползло подальше от поверженного дракона.

Существо подняло голову и повернулось к ним с Гедом лицом. Ничего от былой привлекательности не осталось в этом лице — тлен, старость, пережившая самое себя. Рот провалился. Глазницы были пусты. Наконец Гед и Аррен увидели подлинный лик своего врага.

Существо отвернулось и распростерло обожженные почерневшие руки. Висевшая вокруг темная дымка как бы собралась и втянулась в круг, образованный его руками, и вновь возникла та бесформенная тьма, что вспухала тогда перед Гедом, закрывая свет солнца. Теперь тьма изогнулась, образовав нечто вроде арки ворот, очертания которых были весьма расплывчаты, и за этими воротами не было ни светлого песка, ни океана: только длинный темный склон неведомой горы, уходящий куда-то вниз.

По этому склону и устремилось на четвереньках изуродованное драконом существо и, едва оказавшись во тьме, сразу набралось сил, встало на ноги, начало двигаться быстрее и скрылось из виду.

— Пошли, Лебаннен, — сказал Гед и положил правую руку на плечо юноши. Вместе двинулись они вперед, в глубь пустынной Страны Мертвых.

12

В МЕРТВОЙ ПУСТЫНЕ

Тисовый посох в руке волшебника светился серебряным светом в мрачных сумерках, окутывавших ведущий во тьму склон горы. Потом Аррен, приглядевшись, заметил еще какое-то слабое свечение: огоньки пробегали по лезвию обнаженного меча, который он крепко сжимал в руке. Еще там, на берегу острова Селидор, когда дракон ценой своей жизни разрушил страшное Связующее Заклятье, Аррен первым делом вытащил меч из ножен. И здесь, где и сам юноша казался всего лишь тенью, но

все же тенью *живой*, он нес с собой *живую* тень своего старинного меча.

Больше нигде не было ни огонька, ни просвета. Их окружали как бы поздние сумерки пасмурного ноябрьского вечера — мрачная, холодная, непрозрачная серая мгла, в которой предметы хоть и были в целом различимы, но недостаточно ясно и только вблизи. Аррен узнал это место: пустынные скалы из его прежних, лишенных надежды на спасение снов; но ему казалось, что теперь он зашел куда дальше, невероятно далеко, значительно дальше, чем когда-либо в своих снах. Он почти ничего не мог как следует разглядеть вокруг, но было ясно, что они с Гедом стоят на склоне горы, а перед ними невысокая каменная стена.

Правая рука Геда по-прежнему лежала на плече Аррена. Он первым шагнул вперед, и юноша последовал за ним; вместе они перебрались через стену из камней.

Бесконечный склон расстилался перед ними, уходя куда-то вниз, во тьму.

Но над головой, где, как Аррену казалось раньше, должны были быть тяжелые серые тучи, небо было абсолютно черным и на нем светились звезды. Он внимательно посмотрел на них, и сердце у него в груди болезненно сжалось, пронзенное смертным холодом и ужасом. Это были совсем не те звезды, какие он привык видеть на небе. Они неподвижно застыли и даже не мигали. Это были те самые звезды, что никогда не зажигаются и никогда не исчезают с небес. Никогда не скрывают их облака; никогда ни один восход солнца не затмевает их свет. Неподвижные, крошечные, неустанно светят они над мертвой пустыней.

Гед начал свой спуск по обратной стороне Горы Мирозданья, и шаг за шагом Аррен спускался с ним вместе. В глубине души он чувствовал страх, но сердце его все же было полно решимости и воля его была крепка, а потому страх этот не мог одолеть его. Юноша почти не замечал, как порой сжимается сердце — будто в нем беспокойно ворочается и тихонько воет маленький зверек, запертый и посаженный на цепь.

Казалось, что спуск их продолжается уже очень долго, но на самом деле, может быть, и нет: время было неощутимо в этой стране — там не дули ветры, не двигались в

небе звезды, не всходило солнце. Вскоре они пришли в один из городов царства мертвых, и Аррен увидел дома, в окнах которых никогда не зажигали свет. В открытых дверях некоторых домов стояли со спокойными лицами и пустыми руками души мертвых людей.

Рыночные площади были пусты. Здесь никто ничего не продавал и не покупал, никто не торговался и не тратил деньги. Ничем здесь не пользовались, ничего не создавали. Гед и Аррен в одиночестве прошли по узким улочкам, хотя несколько раз впереди мелькала знакомая фигура и тут же скрывалась за поворотом, едва различимая в густых сумерках. Увидев ее в первый раз, Аррен бросился было вперед с поднятым мечом, указывая им на нее, но Гед только покачал головой и спокойно продолжал свой путь. Аррен только тогда разглядел, что это фигура женщины, и движется эта женщина медленно, а вовсе не бежит от них.

Все те, кого они видели — а видели они немногих, ибо при всем великом множестве умерших страна их поистине бескрайня, — стояли неподвижно или двигались очень медленно, без какой-либо цели. Ни на ком не было заметно ни ран, в отличие от призрака Эррет-Акбе, вызванного злой волей в солнечный мир к месту своей гибели, ни следов какой-либо болезни. Их тела казались здоровыми и крепкими. Они были избавлены от страданий, избавлены от боли и — от жизни. И они отнюдь не выглядели страшными, отвратительными мертвецами, как того раньше боялся Аррен. Спокойны были их лица; они освободились от гнева и желаний, и в затененных их глазах не светилась надежда.

И тогда на смену страху безграничная жалость родилась в душе Аррена; если в основе этой жалости и лежал страх, то это был страх не за самого себя, но за всех смертных. Ибо увидел он мать и дитя, умерших одновременно; они оказались в Темной Стране вместе, но дитя не резвилось и не кричало, а мать не прижимала малыша к себе и даже не смотрела в его сторону. А те, что умерли из-за любви друг к другу, здесь, встречаясь на улице, проходили мимо, даже не повернув головы.

Неподвижно застыл гончарный круг, молчал ткацкий станок, холодна была печь хлебопека. Здесь никто никогда не пел.

Темные улицы среди темных домов вели их все дальше и дальше. Единственным живым звуком здесь был шорох их шагов. Становилось все холоднее. Сначала Аррен как-то не заметил этого холода, но постепенно тот проник, кажется, в саму его душу, которая здесь стала как бы одновременно и его плотью. Юноша страшно устал. Они, должно быть, зашли уже очень далеко. Зачем идти дальше? — думал он, понемногу замедляя шаг.

Вдруг Гед резко остановился, заглядывая в лицо какому-то человеку, что стоял на перекрестке. Человек был худ, высок, и лицо его показалось Аррену знакомым, только он не мог вспомнить, где его видел. Гед заговорил с ним. И впервые живой голос нарушил эту тишину с тех пор, как они перешагнули через каменную стену.

— О Торион, друг мой, как же ты-то здесь оказался?

И Гед протянул руки к Мастеру Заклинателю из Школы Волшебников, что на острове Рок.

Торион не ответил даже жестом. Он стоял неподвижно, и неподвижным было его лицо. Но серебристый свет посоха Геда глубоко проник в его затененные глаза и не то зажег в них слабенький ответный огонек, не то просто отразился в темных зрачках. Гед сам взялТориона за безжизненную руку и снова спросил:

— Что ты делаешь здесь, Торион? Это царство еще не властно над тобой. Ступай назад!

— Я последовал за бессмертным. И потерял путь. Не смог вернуться назад. — Голос Заклинателя звучал тихо и ровно, как у человека, который говорит во сне.

— Вверх: по направлению к стене, — сказал Гед, указывая туда, откуда они с Арреном только что пришли, вдоль длинной темной улицы. При этих словах лицоТориона дрогнуло, словно в нем пробудилась слабая надежда — словно болезненный укол шпаги вошел в его плоть.

— Я не могу отыскать пути назад, — сказал он. — О, господин мой, я не могу его отыскать.

— Возможно, все-таки найдешь, — ответил Гед и крепко обнял его. Потом пошел дальше, а Торион остался стоять неподвижно на перекрестке.

Они шли и шли. Аррену уже стало казаться, что в этом темном безвременье сумерек нет таких естественных понятий, как «позади» или «впереди», как нет ни востока, ни запада, как нет цели у их пути. Существует ли выход от-

сюда? Он стал думать о том, как они тогда спускались по склону горы, все вниз и вниз, вне зависимости от того, куда сворачивали; и все улицы в темном мертвом городе тоже вели вниз. Так что для того, чтобы теперь вернуться к каменной стене, пришлось бы все время подниматься вверх, и тогда на вершине холма они непременно ее обнаружат. Но они так и не повернули назад. Бок о бок уходили они все дальше и дальше. Следовал ли он послушно за Гедом? Или, может быть, сам вел его?

Они вышли из города. Страна, населенная множеством мертвецов, выглядела пустой. Ни деревца, ни колючего кустарника, ни травинки не было на каменистой земле под неподвижными звездами.

Здесь не было горизонта, ибо глаз не способен видеть так далеко во мраке; но впереди маленькие неподвижные звезды как бы скрывались за чем-то огромным, обладавшим извилистым неровным краем, подобно горной гряде. Когда они подошли ближе, горы стали видны более отчетливо: высокие вершины, которых никогда не касались ни ветер, ни дождь. На вершинах этих не лежали снега, способные блестеть в свете звезд. Вершины были совершенно черны. При виде их отчаяние одиночества вдруг охватило Аррена. Он отвернулся. Он их узнал. Вспомнил, и теперь они притягивали его взор. Каждый раз, как он смотрел на эти вершины, тяжкий хлад сковывал его сердце, убивая в душе упрямство и мужество. Но он продолжал идти — по-прежнему все вниз и вниз, ибо земля как бы сама несла их, уходила из-под ног. Спуск стал круче. Наконец Аррен не выдержал.

— Господин мой, что это за... — и он указал на горы; договорить он не смог: горло совсем пересохло.

— Они стоят на самой границе мира света, — ответил Гед, — как и та каменная стена. У них нет имени; к ним подходят слова «боль», «горе», «страдание». Это Горы Горя. Через них ведет путь, запретный для мертвых. Это недолгий путь, но он исполнен горечи.

— Я хочу пить, — с трудом выговорил Аррен. И товарищ его ответил:

— Здесь пьют пыль.

И они пошли дальше.

Аррену стало казаться, что Гед идет уже не столь быстро и как-то порой не совсем уверенно. Зато сам он

больше не испытывал сомнений, хотя усталость все накапливалась в его душе и теле. Они должны идти вниз, они должны идти дальше. И они шли дальше.

Порой им встречались другие мертвые города, где темные островерхие крыши домов вырисовывались на фоне звездного неба. Звезды по-прежнему не двигались. После городов вновь начиналась пустынная земля, где не росло ни былинки. Едва они успевали выйти за пределы города, как он проваливался во тьму, и уже ничего нельзя было разглядеть ни позади, ни впереди, кроме гор, которые все приближались, стеной вырастая перед путниками. Справа бесконечный склон вел вниз, как и раньше. Сколько времени тому назад начался их спуск по нему после того, как они перебрались через каменную стену?

— Что находится в той стороне? — прошептал Аррен. Его пугал звук собственного голоса.

— Не знаю. Это, возможно, путь, не имеющий конца, — покачал головой волшебник.

В том направлении, куда они шли, склон, похоже, становился все более пологим. Земля отвратительно скрипела под ногами, словно они шли по осколкам окаменевшей лавы. Но они по-прежнему шли только вперед, и теперь уже Аррен не думал ни о возвращении, ни о том, каким путем они могли бы вернуться. Не думал он и о том, чтобы остановиться и отдохнуть, хотя страшно устал. Один раз он попытался чуточку развеять тупую тьму, ослабить усталость и таившийся в душе ужас воспоминаниями о доме; но не смог вспомнить даже лица матери, не смог вспомнить, как выглядит солнечный зайчик. Ничего иного не оставалось, как идти вперед. И он шел вперед.

Он почувствовал, что поверхность под ногами стала почти ровной. Рядом с ним остановился Гед, как бы погруженный в сомнения. Тогда Аррен тоже остановился. Спуск прекратился: это был конец, дальше пути не было, как не было и необходимости продолжать идти.

Они находились в долине у самого подножия Гор Горя. Под ногами скрипели осколки камней, над головой нависали скалы с грубой шершавой поверхностью, похожей на шлак. Видно, когда-то, давным-давно по этой узкой горловине бежала живая река, а может быть, то была река огненной лавы, что изливалась некогда из остывшего те-

перь жерла вулкана — одной из тех черных безжалостных вершин, что вздымались над ними.

Аррен не двигался, не шевелился, и Гед тоже стоял рядом с ним совершенно неподвижно. Они были похожи сейчас на утративших цель существования мертвецов, которые даже не пытались что-либо разглядеть вокруг и тупо молчали. Аррен подумал с невнятным страхом: «Все-таки мы слишком далеко зашли». Хотя и это теперь не имело особого значения.

Как бы вторя его мыслям, Гед сказал вслух:

— Мы зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад. — Голос его звучал тихо, однако величественная мрачная пустота вокруг не могла полностью заглушить его, и этого живого звука оказалось достаточно, чтобы Аррен приободрился. Разве не для того они пришли сюда, чтобы встретить врага, которого искали?

Чей-то голос проговорил из темноты:

— Вы зашли слишком далеко.

Аррен громко ответил:

— Только слишком далеко и есть для нас достаточно далеко.

— Вы добрались до Сухой Реки, — сказал голос, — и теперь не сможете вернуться назад, к каменной стене. Не сможете вернуться к жизни.

— Назад — нет, — сказал волшебник куда-то во тьму.

Аррен едва различал его, хотя они почти касались друг друга: гора, в густой тени которой они стояли, закрывала по крайней мере половину звездного неба, и казалось, что по руслу Сухой Реки течет сама Тьма.

— Но мы найдем другой путь в мир света. Твой, — твердо закончил свою мысль Гед.

Ответа не последовало.

— Здесь мы встречаемся как равные. Если ты слеп, Коб-паук, то и мы пока еще только во тьме.

Ответа не последовало.

— Мы ничем не можем повредить тебе здесь; мы даже убить тебя не можем. Чего же тебе бояться?

— Я не боюсь ничего, — раздался голос во тьме. Затем медленно, слегка светясь волшебным светом, похожим на тот, что зажигался порой на конце посоха Геда, из тьмы появился человек; он стоял чуть выше Геда и Аррена, на самом берегу Сухой Реки, среди огромных, неясной формы валунов. Он был такой же высокий, широкоплечий и длиннорукий, как и тот, кто являлся им на вершине поросшей травой дюны и на песчаном берегу острова Селидор, только старше; длинные волосы его над высоким лбом были седыми и всклокоченными. Такой предстала пред ними его душа в царстве смерти; он не был сожжен огненным дыханием дракона и не был им искалечен, но и настоящим человеком он все-таки не был: глазницы его были пусты.

— Я не боюсь ничего, — повторил он. — Да и чего может бояться мертвый? — Он засмеялся, и смех этот прозвучал так неестественно и жутко здесь, в узкой каменистой долине, стесненной горами, что Аррен на мгновение почувствовал удушье. Однако только крепче сжал рукоять меча и стал слушать.

— Я не знаю, чего может бояться мертвый, — ответил ему Гед. — Полагаю, что не смерти. И все-таки, кажется, ты ее боишься. Потому что нашел лазейку, через которую можешь удрать от нее.

— Нашел. Я живу! Тело мое живет!

— Ну оно-то живет не слишком хорошо, — сухо откликнулся волшебник. — С помощью иллюзии можно скрыть возраст; но Орм Эмбар не слишком бережно обошелся с твоей драгоценной плотью.

— Ничего, это можно поправить. Мне известны секреты искусного врачевания и вечной молодости, а это не просто иллюзии. За кого ты меня принимаешь? Только потому, что сам стал Верховным Магом, ты считаешь меня простым деревенским колдуном? Меня, единственного среди магов, кто нашел Путь Бессмертия, до сих пор никем больше не найденный!

— Возможно, мы его и не искали, — сказал Гед.

— Вы искали его. Все вы. Ты искал его и не мог найти, а потому выдумал всякие заумные слова по поводу «принятия неизбежного», «сохранения равновесия» и «восстановления миропорядка», при котором жизнь якобы уравновешивает смерть. Но это всего лишь слова — ложь, прикрывающая твою позорную неудачу, твой страх перед смертью! Разве откажется человек жить вечно, если получит такую возможность? А я это могу! Я бессмертен. Я совершил то, чего вы совершить не смогли, а потому

теперь я ваш хозяин — и ты это понимаешь. Хочешь узнать, как я этого добился, Верховный Маг?

— Хочу.

Коб подошел чуть ближе. Аррен заметил, что, хотя у него и нет глаз, движения его не похожи на движения слепого; он, видимо, абсолютно точно представлял себе, где стоят Гед и Аррен, и остерегался их, хотя в сторону Аррена головы ни разу не повернул. Должно быть, он пользовался каким-то особым колдовским зрением, каким обладали, например, его посланники, способные видеть и слышать; во всяком случае, он прекрасно ориентировался, хотя настоящим зрением не обладал.

— Я жил на Пальне, — начал он, обращаясь к Геду, — после того, как ты, гордец, счел, что, унизив меня, заставил молчать. О да, ты действительно дал мне урок, но совсем не тот, на какой рассчитывал! Я тогда сказал себе: теперь я видел смерть, и я ее не хочу. Пусть вся эта глупая природа идет своим глупым путем, но я, человек, лучшее, что есть в природе, и я выше ее. Я этим путем не пойду и себе не изменю! И таким образом, окончательно решившись, я снова принялся штудировать труды мудрецов Пальна, но находил в книгах только поверхностные намеки да разрозненные сообщения о том, что мне требовалось. Так что я, по сути дела, расплел весь пальнский эльклор по ниточке и заново сплел, создав наконец заклятие. О, это было величайшее из заклятий, когда-либо существовавших на свете! Величайшее и последнее!

— Произнося это заклятие, ты и умер.

— Да! Я умер. У меня тогда хватило мужества умереть и найти то, что вы, трусы, никогда так найти и не смогли: путь из Страны Мертвых в мир живых. Я открыл ту дверь, что была крепко заперта с начала времен. И теперь я свободно прихожу в Темную Страну и свободно возвращаюсь в мир света. Я, единственный из людей, когда-либо существовавших на земле, стал Властелином Двух Миров. И найденная мной дверь открывается не только отсюда; она открывается там, в душах живых людей, в самых потаенных уголках бытия, в таких глубинах, где все мы равны перед Великой Тьмой. Люди понимают это и приходят ко мне. И души мертвых — все до одной! — обязаны являться на мой зов, ибо я ничуть не утратил волшебной силы живого мага: если я прикажу, они все начинают карабкаться через каменную стену — все, души великих

правителей, и магов, и гордых женщин!.. Из смерти — в жизнь; и обратно, из жизни — в смерть. По моей команде. Все обязаны подчиняться мне, живые и мертвые, мне, который умер, но остался жив!

— Где же они встречаются с тобой, Коб? Где они могут найти тебя?

— Меж двух миров.

— Но ведь это не жизнь и не смерть. Что такое жизнь, Коб?

— Власть.

— А что такое любовь?

— Власть, — вновь тяжко уронил слепой, чуть пожав плечами.

— Что такое свет?

— Тьма!

— Как твое имя?

— У меня его нет.

— Все в этой стране называются своими подлинными именами.

— Тогда назови свое!

— Мое имя Гед. А твое?

Слепой поколебался и сказал:

— Коб. Паук.

— Это только твои прозвища, а где же твое имя? Твое подлинное имя? Сама твоя суть? И в чем истина, в которую ты веришь? Не осталась ли она в Пальне, когда ты умер? Ты слишком многое забыл, Властелин Двух Миров. Ты позабыл, что такое свет, любовь, подлинное имя.

— Зато теперь я знаю твое имя, а стало быть, обладаю над тобой властью, Верховный Маг Гед! Вернее, который был Верховным Магом — пока был жив!

— Имя мое тебе не поможет, — спокойно промолвил Гед. — И нет у тебя никакой власти надо мной. Я живой человек; тело мое лежит на берегу Селидора под солнцем, на живой земле, которая по-прежнему вращается вокруг своей оси. И только когда умрет это тело, я окажусь здесь: но то будет уже одно лишь имя мое, всего лишь тень настоящего Геда. Разве ты этого не знаешь? Неужели ты никогда не понимал этого? Ты, который вызвал из царства мертвых столько душ; который заклятьем своим принудил явиться на землю тех, кто ушел от нас навсегда; который вызвал на свет даже душу повелителя моего Эррет-Акбе, мудрейшего из людей? Разве не понял ты, что он,

даже он — теперь всего лишь тень, бесплотное имя? Его смерть не умалила Жизни. Как не умалила она и славу его имени, и значение его великих деяний. Сейчас он там — *там*, не здесь! Здесь нет ничего, только пыль да тени. А там он стал землей и солнечным светом, листьями деревьев и полетом орла. Он жив. И все, кто умирает, тоже живут; они возрождаются, и нет у жизни конца и никогда не будет! Все человеческие жизни продолжаются вечно, кроме твоей. Ибо ты не желаешь собственной смерти. Ты утратил смерть, чтобы спасти себя, но ты утратил и жизнь. О да, ты спас себя! Свое бессмертное «я»! Но что оно такое? Кто такой ты сам?

— Я — это я. Моя плоть никогда не подвергнется тлению, никогда не умрет...

— Живая плоть ощущает боль, Коб; живое тело стареет и умирает. Смерть — вот та цена, которую мы платим за жизнь свою. И за Жизнь вообще.

— Я никому ни за что не плачу! Я могу умереть и в тот же миг ожить снова! Меня нельзя убить, я бессмертен, я единственный сохраняю свое «я», свою сущность вечно!

— Тогда кто же ты?

— Единственный бессмертный человек в мире. Я — бессмертный.

— Назови свое имя.

— Я — Великий Король.

— Назови мое имя. Я сказал его тебе не более минуты назад. Назови мое имя!

— Ты ненастоящий. У тебя никакого имени нет. Существую один лишь я.

— Да, ты существуешь — без имени, без плоти. Не можешь видеть свет дня; не можешь видеть тьму. Ты предал нашу зеленую землю, и ясное солнце, и звезды, чтобы спасти себя, свое «я». Ты даром отдал все и получил ничто. Так что теперь ты стремишься затянуть в свои сети весь мир, всю ту жизнь и тот свет, которые ты навсегда утратил; ты хочешь заполнить это ничто — свою собственную пустоту. Но ничто заполнить нельзя, Коб. Все песни земли и все звезды небес не заполнят твоей пустоты.

Голос Геда звенел металлом в холодном узком ущелье среди нависших гор, и слепой в ужасе отшатнулся. Он поднял голову, и слабый свет звезд упал на его искаженное лицо. Казалось, он плакал; но слез не было, ведь не было и глаз. Он то открывал, то закрывал рот — темный

провал на лице, — но слов не было, лишь слабое мычание и стон. Наконец с трудом он выговорил одно лишь слово своими искривившимися губами: «Жизнь».

— Я бы дал тебе жизнь, Коб, если б мог. Но я не могу. Ты мертв. Но я могу дать тебе смерть.

— Нет! — громко вскрикнул слепой и повторил: — Нет, нет! — Рыдания сотрясли его, но щеки остались так же сухи, как каменистое русло реки, по которой текла одна лишь ночная тьма. — Ты не можешь. Никто никогда не сможет освободить меня. Я отворил дверь между мирами и не могу закрыть ее. Никто не сможет ее закрыть. Она никогда больше не будет закрыта. И она тянет меня к себе, тянет... Я должен снова и снова возвращаться к ней. Я должен проходить в нее и снова возвращаться сюда — в пыль, холод, тишину. Она высасывает мои силы. Я не могу ни уйти от нее, ни закрыть ее. И она всосет в себя весь свет мира. Все реки станут такими, как эта Сухая Река. И нет такой силы, что могла бы закрыть ту дверь, которую отворил я!

Очень странно звучала эта смесь отчаяния и собственной вины, ужаса и тщеславия. Гед сказал лишь:

— Где она, эта дверь?

— Вон там. Недалеко. Ты можешь туда пойти. Но сделать ничего не сможешь. Не сможешь закрыть ее. Если даже все свои силы ты истратишь только на это, их все равно не хватит. Ни у кого никогда не хватит на это сил.

— Возможно, — ответил Гед. — Но хоть ты и предпочитаешь попусту предаваться отчаянию, запомни: мы пока до этого не дошли и будем действовать. Веди нас туда.

Слепой вскинул голову; на лице его отчетливо боролись страх и ненависть. Ненависть победила.

— Не поведу, — сказал он.

И тут вперед вышел Аррен и сказал:

— Поведешь.

Слепой словно окаменел. Леденящая тишина и тьма царства мертвых плотно обступала их; слова словно повисали в ней.

— Кто ты такой?

— Мое имя Лебаннен.

— Разве ты, называющий себя Великим Королем, не знаешь, кто это такой? — спросил насмешливо Гед.

И снова Коб застыл как изваяние. Потом сказал, чуть задыхаясь:

— Но он умер... И вы мертвы. Вы не можете вернуться назад. Отсюда нет выхода. Вы попали в ловушку! — Легкое свечение, которое он испускал раньше, постепенно меркло; потом он поспешно отступил назад, и тьма тут же поглотила его.

— Дай мне свет, о господин мой! — вскричал Аррен, и Гед, высоко над головой воздев свой посох, позволил яркому белому свету вспороть эту древнюю слепящую тьму, полную теней. Среди скал, спотыкаясь, спешил прочь высокий слепой человек, он падал, полз на четвереньках и вновь поднимался; не видя ничего, он тем не менее уверенно убегал от них вдоль русла Сухой Реки. Аррен с мечом в руках бросился за ним; следом поспешил Гед.

Вскоре Гед довольно сильно отстал, и свет его посоха уже не так хорошо освещал Аррену путь, к тому же мешали бесконечные валуны; однако Аррен хорошо слышал шаги Коба впереди и шел по его следу как гончая. Постепенно он стал нагонять врага, особенно когда путь стал круче. Теперь они карабкались вверх по узкой горловине бывшей реки, задохнувшейся от камней. Они поднимались к истокам Сухой Реки, русло которой напоминало здесь рану, прорубленную в каменистой породе. Камни с грохотом скатывались из-под ног, руки то и дело соскальзывали, так что приходилось почти ползти на четвереньках. Аррен, почувствовав, что русло реки снова сужается, в последнем решительном броске нагнал Коба и, схватив его за руку, заставил остановиться. Здесь было что-то вроде пустого каменного бассейна в три-четыре шага шириной, который, если когда-то здесь бежала вода, мог, вполне возможно, быть озерцом. Выше громоздились валуны и неподвижные скалы. И в этом каменном хаосе виднелась черная дыра: исток Сухой Реки.

Коб не пытался вырваться. Он стоял вполне спокойно, даже когда Гед, нагнав их, осветил его безглазое лицо. И это лицо теперь повернулось к Аррену.

— Вот это место, — выговорил Коб, и некое подобие улыбки исказило его губы. — То самое, что вы ищете. Видишь? Войдя туда, ты сможешь возродиться снова. Тебе нужно только последовать за мной, и ты будешь жить вечно. Мы будем королями оба.

Аррен смотрел на сухую темную пасть — исток Сухой Реки, пыльный зев страшной горы, то самое место, где эта мертвая душа, зарываясь в землю, во тьму, вновь рождалась на свет мертвой. Чудовищным показалось это ему, и он сказал хрипло, борясь с удушающей дурнотой:

— Пусть эта дыра закроется!

— Она непременно закроется! — откликнулся Гед. Подошел и встал с ним рядом. Свет, исходящий от его рук и лица, потоками хлынул на землю, словно звезда упала в эту бесконечную ночь. Прямо перед ним был сухой источник — страшный, широко разверстый зев. Там не было видно ничего, кроме пустоты, и невозможно было определить, насколько велика его глубина. Там не было ничего, что мог бы выхватить из темноты свет, что мог бы увидеть человеческий глаз. Это была черная бездна, сама пустота, где не было ничего — ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти. Это был путь в ничто.

Гед, вскинув в торжественном магическом жесте руки, заговорил словами Истинной Речи.

Аррен по-прежнему держал Коба за руку; слепой своей свободной рукой оперся о камень. Оба застыли в неподвижности, очарованные силой Великого Заклятия.

Все мастерство, обретенное за долгую жизнь, всю силу своей неистовой души вкладывал Гед в это Заклятие, пытаясь закрыть брешь в ткани мирозданья. И, повинуясь голосу его и жестам, скалы мучительно содрогнулись и начали сдвигаться, пытаясь вновь стать единым целым. Это почти произошло, когда исходивший от Геда свет начал вдруг меркнуть, умирать, затухать на лице его и руках, и даже посох почти перестал светиться: осталось лишь слабое мерцание волшебного огонька на самом его конце. При свете этого огонька Аррен увидел, что края страшной пасти почти сомкнулись.

Слепой руками ощутил движение камней и скал, почувствовал, что края двери смыкаются, и понял, что искусство его и сила сдают свои позиции, что он уже почти побежден... И громко вскрикнув: «Нет!» — он вырвался из рук Аррена, рванулся вперед и сжал Геда в слепых своих могучих объятьях. Повалив его на землю, Коб стиснул пальцы у него на горле.

Аррен взмахнул мечом Серриадха и сильным точным ударом отсек покрытую всклокоченными седыми волосами голову Коба.

Как живая душа обладает весом своего тела в мире мертвых, так и тень меча Серриадха обладала остротой своего клинка. Огромная рана открылась на шее врага:

меч рассек ему шейные позвонки. Хлынула черная кровь, и слабый свет, исходивший от меча, поблескивал на ее маслянистой поверхности.

Но разве можно убить мертвого? Коб давно уже, долгие годы был мертв. И рана сомкнулась, как чудовищная пасть, проглотив исходивший из нее поток крови. Слепец встал. Он показался Аррену вдруг очень высоким; он шарил вокруг своими длинными руками в поисках юноши, и лицо его подергивалось от злобы и ненависти: он как будто только сейчас понял, кто его настоящий враг и соперник.

И так страшно было видеть его живым после нанесенной ему смертельной раны — видеть эту неспособность умереть, которая оказалась ужаснее любой агонии, — что ярость, смешанная с отвращением, вскипела в Аррене, и, в неукротимом гневе вскинув меч, он снова ударил им в полную силу, нанеся врагу еще одну чудовищную рану. Коб упал с расколотым черепом, с залитым кровью лицом, но Аррен продолжал наносить удар за ударом, чтобы смертельная рана не успела закрыться, чтобы наконец добить противника до конца...

Гед, с трудом встав на колени, произнес где-то у него за спиной одно лишь слово.

При звуке голоса Геда Аррен застыл, словно чья-то рука перехватила в воздухе его руку с воздетым мечом. Слепой, который уже начал было снова подниматься на ноги, тоже застыл в абсолютной неподвижности. Гед выпрямился во весь рост; его слегка шатало, но он собрался с силами, повернулся лицом к черной дыре и ясным твердым голосом сказал:

— Да восстановится твоя целостность!

И посохом своим начертал светящимися линиями на каменных воротах в иной мир руну Агнен — Великую Руну Конца, что закрывает все пути. Эту руну изображают и на крышке гроба. И каменный бездонный зев среди скал сомкнулся. Дверь была заперта.

Мертвая пустыня содрогнулась у них под ногами, и по неизменно безоблачному небу прокатился долгий раскат грома, замерший вдали.

— Тем Словом, что не будет произнесено до конца времен, вызвал я твою душу. И тем Словом, что произнесено было в миг Созидания, я освобождаю тебя. Иди и будь свободным! — И, склонившись над слепым, что

скрючился, стоя на коленях, Гед шепнул что-то ему в ухо, скрытое седыми спутанными волосами.

Коб встал. Медленно огляделся зрячими теперь глазами. Посмотрел на Аррена, потом — на Геда. Он не сказал ни слова — только посмотрел на них своими темными глазами. В лице его больше не было ни гнева, ни ненависти, ни печали. Медленно повернулся он и пошел куда-то вниз, вдоль русла Сухой Реки, а вскоре совсем исчез из виду.

Огонек на конце тисового посоха Геда погас, погасло и лицо волшебника. Он стоял совершенно неподвижно в полной темноте. Когда Аррен подошел к нему, он ухватился за плечо юноши, чтобы удержаться на ногах. На какой-то миг сухое рыдание сотрясло его тело.

— Дело сделано, — сказал он. — И все позади.

— Дело сделано, дорогой мой господин. Мы должны идти.

— О да. Мы должны идти домой.

Гед казался то ли страшно растерянным, то ли совершенно обессилевшим. Он послушно двинулся следом за Арреном обратно, вдоль русла Сухой Реки, с трудом переставляя ноги и все время спотыкаясь о камни и валуны. Аррен не отходил от него ни на шаг. Когда берега реки стали более пологими, а земля — более ровной, Аррен свернул было на тот путь, по которому они пришли сюда. Путь этот по бесконечно длинному склону горы уходил куда-то вверх, во тьму. Аррен посмотрел туда и отвернулся.

Гед не сказал ни слова. Едва они остановились, он бессильно рухнул на первый же крупный камень и, измученный до предела, свесил голову на грудь.

Аррен понимал, что тот путь, по которому они пришли, для них закрыт. Они могли теперь идти только вперед. И пройти весь путь до конца. Иногда и «слишком далеко» на самом деле не так уж далеко, думал он. Он посмотрел вверх, на черные пики гор, холодные и молчаливые под вечно недвижимыми звездами, и снова тот же насмешливый голос в его душе — голос его собственной воли — безжалостно спросил: «Неужели остановишься на полпути, Лебаннен?»

Он подошел к Геду и очень нежно окликнул его:

— Мы должны идти дальше, господин мой.

Гед не ответил, однако поднялся на ноги.

— Я думаю, нам надо идти через горы.

— Веди ты, парень, — проговорил Гед хриплым шепотом. — Помоги-ка мне.

Обнявшись, они двинулись в путь — вверх по горному склону, покрытому пеплом и застывшей лавой, — поднимаясь все выше и выше в горы. Аррен помогал старшему другу как мог. В пропастях и ущельях царила непроницаемая тьма, так что юноше порой приходилось на ощупь определять путь, чтобы не свалиться в бездну. Все время поддерживать Геда было трудновато; они оба без конца спотыкались. Но скоро стало еще труднее: склоны вздымались все круче, и приходилось карабкаться на четвереньках, а шершавые камни обжигали ладони, словно раскаленное железо. Однако сами камни были холодными, и чем выше они поднимались, тем вокруг становилось холоднее. Но каждое прикосновение к самой земле превращалось в пытку. Земля жгла, как пылающие угли: внутри этих гор бушевало пламя. Но воздух оставался ледяным, а тьма вокруг ничуть не рассеивалась. В мертвой тишине ни разу не вздохнул ветерок. Только слышался хруст острых обломков под ногами. Черные крутые выступы и мрачные провалы внезапно возникали совсем рядом и тут же снова исчезали во тьме. Где-то внизу, далеко позади, осталось царство мертвых. Впереди, в вышине, чернели закрывавшие звездное небо вершины гор. И ничто на их мертвых склонах не шевелилось, не двигалось, лишь ползли по ним вверх две смертных души.

Гед начал особенно часто спотыкаться, ноги у него подкашивались. Он задыхался и, без конца ушибая руки о камни, стонал от боли. Слышать эти жалобные стоны Аррену было невыносимо тяжело. Он пытался как-то поддерживать Геда, оберегать его, но путь слишком часто оказывался для двоих узок или Аррену приходилось идти первым, чтобы нащупать дорогу. И, наконец, на крутом обрыве, который, казалось, уходил прямо к звездам, волшебник поскользнулся, упал ничком и больше не поднялся.

— Господин мой, — позвал его Аррен, опускаясь на колени. Потом выговорил его настоящее имя: — Гед!

Но тот не пошевелился и не ответил.

Аррен поднял его на руки и понес, с трудом поднимаясь на крутизну. Потом подъем вдруг кончился и они оказались на довольно ровной площадке в несколько шагов шириной. Здесь Аррен положил Геда на землю и сам

рухнул рядом, страдая от невероятной усталости и острой, как боль, безнадежности. Это была самая верхняя точка между двумя черными вершинами; это к ней он стремился, начав страшный подъем. Здесь был конец пути: ровная площадка обрывалась в вечность, во тьму. А в черном океане неба по-прежнему недвижимо висели маленькие звезды.

Однако стойкость и терпение порой оказываются сильнее безнадежности. Аррен все-таки пополз вперед, осторожно, как собака. Он заглянул за край темного обрыва и внизу, совсем недалеко, увидел вдруг песчаный берег цвета слоновой кости, белые барашки янтарных волн на закате, а за морем — солнце в золотистой вечерней дымке.

Аррен повернулся лицом к Темной Стране и пошел назад. Он очень бережно и нежно поднял Геда и из последних сил понес его вперед; он шел, пока силы его не иссякли совсем. И тут все разом кончилось, все исчезло: жажда, боль, тьма, свет солнца и шум морского прибоя.

13

КАМЕНЬ С ГОР ГОРЯ

Когда Аррен очнулся, серый туман окутывал море, дюны и холмы острова Селидор. Волны мурлыкали что-то, набегая на берег; из тумана доносился приглушенный грохот невысокого прибоя и снова сменялся нежным мурлыканьем. Был час прилива, и полоса сухого песка на берегу была сейчас значительно уже, чем когда они были здесь впервые. Волны в последнем усилии дотягивались пенными языками до откинутой в сторону руки Геда, лежавшего ничком на песке. Одежда и волосы волшебника были мокры, а свою одежду Аррен ощущал как ледяную корку, присохшую к телу. Видно, морю все-таки хоть раз, да удалось обрушиться на них со всей силой. От мертвого тела Коба не было и следа. Возможно, волны уже утащили его в море. Зато у себя за спиной Аррен увидел возвышающееся, подобно разрушенной башне, огромное и наполовину скрытое туманом серое чешуйчатое тело дракона. То был мертвый Орм Эмбар.

Аррен встал, дрожа от пронизывающих сырости и хо-

лода; он едва держался на ногах — очень замерз, все тело затекло и от слабости страшно кружилась голова. Видимо, он слишком долго лежал без движения и теперь пошатывался как пьяный. Но, едва руки и ноги стали более послушными, он первым делом подошел к Геду и постарался оттащить его как можно дальше от воды. К сожалению, это было все, что Аррен мог для него сделать. Гед показался ему очень холодным и очень тяжелым. С превеликим трудом Аррен перетащил его через ту границу, что отделяет смерть от жизни, но, вполне возможно, напрасно. Он приложил ухо к груди Геда, но все никак не мог унять собственную дрожь и стук зубов, чтобы как следует послушать, бьется ли у волшебника сердце. Потом снова встал и попытался немного походить, чтобы согреться или хоть ноги размять; потом, весь дрожа и шаркая ногами, как глубокий старик, принялся разыскивать их вещевые мешки. Они бросили их тогда у небольшого горного ручейка, сбегавшего на берег. Это случилось в тот день, когда они увидели хижину, построенную из костей дракона: давным-давно. Больше всего Аррена интересовал именно тот ручей, потому что он уже не мог думать ни о чем, кроме воды, свежей холодной воды.

Он вышел к ручью скорее, чем рассчитывал, в том месте, где он разливался на несколько рукавов, похожих на лабиринт или на серебристое деревце со множеством веток. Аррен упал на колени и стал пить, опустив лицо в воду, опустив в воду и руки, жадно насыщаясь водой, впитывая ее всей своей исстрадавшейся от жажды душой.

Наконец он сел, и тут на другой стороне ручья увидел нечто невероятно огромное: то был дракон.

Его голова цвета железной окалины, красновато-ржавая вокруг ноздрей, глазниц и вдоль челюстей, висела в тумане прямо перед Арреном, почти над самой его головой. Когти ушли глубоко в мягкий влажный песок у ручья, перепончатые крылья, сложенные за спиной, были немного похожи на паруса в тумане, но остальное немыслимо длинное тело терялось в туманной мгле.

Дракон не шевелился. Он просидел, нахохлившись, согнувшись, здесь, у ручья, может быть, много часов, а может быть, и лет или веков. Он был словно выплавлен из металла, а по форме напоминал скалу — однако его глаза, те самые, в которые Аррен смотреть не осмеливался, немного похожие на разноцветные пятна нефти на

воде или на желтый дым за оконным стеклом, эти непрозрачные глубокие желтые глаза внимательно следили за Арреном.

Он все равно ничего не смог бы сделать, а потому встал на ноги. Если дракону будет угодно убить его, он его убьет; а если нет, то Аррен все же попытается помочь Геду — если тому еще можно как-то помочь. И юноша двинулся вдоль по берегу ручья, разыскивая свои пожитки.

Дракон так ничего и не сделал. Он, не шевелясь, сидел в той же скрюченной позе и наблюдал. Аррен нашел мешки и наполнил обе кожаные фляги водой из ручья, а потом пошел обратно по песку к Геду. Едва он сделал несколько шагов, дракон тут же исчез за плотной завесой тумана.

Аррен напоил Геда, но поднять его не смог. Волшебник лежал недвижимый и холодный; голова его тяжело давила на подложенную под нее руку Аррена. Темнокожее лицо посерело, нос и скулы заострились, старые шрамы резко выступили на щеке. Даже тело его казалось очень худым, каким-то обугленным, как бы наполовину высохшим.

Аррен сидел на мокром песке, положив голову друга к себе на колени. Туман образовывал вокруг них некое замкнутое пространство с мягкими стенами, чуть более светлое над головой. Где-то рядом, в тумане, лежал мертвый дракон Орм Эмбар, а у ручья поджидал их живой дракон. И еще где-то на противоположном конце острова Селидор ждала их лодка по имени «Зоркая» — пустая и одинокая. А дальше на востоке было море. И там, за морем, в нескольких днях пути — ближайшие острова Западного Предела — но это если повезет; а оттуда недели две пути до Внутреннего Моря. Очень, очень далеко. «Далеко, как до Селидора» — так говаривали у них на Энладе. Старинные легенды, которые рассказывали детям, и всякие сказки всегда начинались одинаково: «Давным-давно, неведомо в каком году и так далеко, как отсюда до Селидора, жил-был один принц...»

Он сам был тем принцем. Только в старинных легендах было начало его истории, а теперь, похоже, наступил конец.

Аррен вовсе не отчаивался. Он, хотя и очень устал и горько оплакивал своего друга, не испытывал все же ни малейших сожалений. Вот только не осталось ничего та-

кого, что он мог бы в этих обстоятельствах сделать. Все уже было сделано.

Когда силы вернулись к нему, он решил, что стоит, наверно, попробовать поймать рыбу в приливной волне с помощью имевшейся в мешке лесы, ибо, утолив жажду, он почувствовал страшные муки голода. Но сухари он хотел сохранить, потому что размоченным в воде сухарем можно было попытаться покормить Геда.

Пожалуй, ничего больше он сделать и не мог. А дальше решил не заглядывать. Туман по-прежнему окружал их со всех сторон.

Аррен пошарил в карманах в поисках чего-нибудь полезного, и в кармане жилета обнаружил что-то тяжелое и острое. Он очень удивился, вытащив на свет небольшой камень, черный, пористый, но довольно тяжелый. Он уже хотел отшвырнуть его, но, ощупав острые края рукой, узнал в нем осколок валуна с тех черных гор — Гор Горя. Видно, камень завалился ему в карман, когда они карабкались на кручу или когда он полз к краю пропасти с Гедом. Аррен подержал камень на ладони — вечный, неизменный камень из страны горя. Потом сжал пальцы и спрятал его в кулаке. И тут же улыбнулся — мрачной и одновременно радостной улыбкой: он был совсем один, и никто не сказал ему ни слова похвалы, и он был затерян на самом краю света, но он совершил настоящую победу впервые в своей жизни — и понимал это.

Туман поредел и чуть приподнялся. Вдали за проплывавшими клочьями тумана и облаками он видел на волнах Открытого Моря солнечные блики. Дюны и холмы Селидора то появлялись, то снова пропадали, почти бесцветные и как бы увеличенные благодаря туманному покрывалу. Солнечные лучи играли на чешуе мертвого Орм Эмбара, величественного даже в своей смерти.

Черно-стальной дракон на той стороне ручья так и сидел, нахохлившись и неподвижно.

После полудня солнце вырвалось наконец из тумана и поплыло по небу, ясное и теплое; постепенно оно растопило последние клочки серой дымки над островом. Аррен, сбросив мокрую одежду, разложил ее на просушку, а сам бродил нагишом, оставив при себе только меч. Он высушил на солнце и одежду Геда; но хоть мощный поток целительного тепла и солнечного света изливался прямо на распростертое тело волшебника, он по-прежнему не приходил в себя и оставался недвижим.

Сначала Аррен услышал скрежет — словно железо терлось о железо, потом — будто свистящий шепот скрестившихся клинков. Стальной темно-серый дракон приподнялся на своих кривоватых лапах и двинулся вперед, через ручей; легкий шипящий звук исходил от его длинного, волочащегося по песку чешуйчатого тела. Аррен видел морщинистую кожу у него под мышками и стальную чешую на боках. Чешуя во многих местах была продырявлена, как доспехи у Эррет-Акбе. Видел юноша и зубы дракона, желтые и стесанные. Во всем — в его уверенной торжественной поступи, в глубочайшем и пугающем спокойствии — Аррен видел признаки старости: это было очень древнее существо, прожившее невероятно, немыслимо долго. Когда дракон остановился в нескольких шагах от Аррена и от лежащего на песке Геда, юноша встал между ним и своим господином и другом и спросил на ардическом языке Архипелага, поскольку не знал Истинной Речи:

— Ты Калессин?

Дракон ничего не ответил, но что-то похожее на улыбку промелькнуло в его глазах. Затем, опустив громадную голову и вытянув шею, он посмотрел вниз, на Геда, и позвал его по имени.

Голос его поистине был огромен и притом нежен; вокруг разлился запах кузницы.

И снова дракон позвал волшебника, и еще раз; и на третий раз Гед открыл глаза. Он попытался было сесть, но не смог. Тогда Аррен опустился возле него на колени, поддерживая за плечи, и Гед наконец заговорил:

— *Калессин*, — сказал он, — *сенваниссаи'н ар Рок*!

Слова эти отняли у него остаток сил, и в изнеможении он склонил голову Аррену на плечо, закрыв глаза.

Дракон не ответил. Он снова сгорбился, как раньше, и не шевелился. Снова все окутывал туман, закрывая клонившееся к западу солнце.

Аррен оделся и закутал Геда в плащ. Снова начинался прилив; далеко отошедшее за день море снова приближалось, и Аррен подумал, что пора оттащить Геда еще дальше, на сухой песок. Силы постепенно возвращались к нему.

Но, когда он уже наклонился, чтобы взять Геда на

руки, дракон вытянул свою огромную когтистую лапу и почти коснулся юноши. Лапа была украшена четырьмя когтями, а сзади торчало подобие шпоры, как у петуха, только когти и шпоры эти были из стали и длиной с лезвие косы.

— *Собриост*, — сказал дракон: будто зимний ветер просвистел в замерзших тростниках.

— Оставь жизнь моему господину. Он спас нас всех и ради этого отдал свои силы, а может быть, и жизнь. Не убивай его!

Так говорил дракону Аррен — говорил яростно и повелительно. Он был слишком потрясен и напуган, буквально переполнен страхом, и страх начинал ему надоедать, он больше не желал бояться кого бы то ни было. Он был зол на дракона, такого сильного, такого чудовищно большого и несправедливо могущественного. Аррен уже видел смерть; он попробовал ее на вкус, и никакая угроза больше не имела над ним силы.

Старый дракон Калессин искоса посмотрел на юношу одним своим длинным ужасным и прекрасным золотистым глазом. В глубине этих глаз таились века, сотни веков, а на самом дне глубоко была спрятана память об утре этого мира. И хоть Аррен дракону в глаза не смотрел, но все равно чувствовал, что тот смотрит на него с глубоко спрятанной насмешкой.

— *Арв собриост*, — сказал дракон и раздул свои ржаво-красные ноздри так, что в ямах этих стал виден безопасный до времени, усмиренный огонь.

Аррен поддерживал Геда за плечи и вдруг почувствовал, как голова волшебника чуть повернулась и слабый его голос сказал:

— Это значит «залезай сюда».

Какое-то время Аррен не в силах был пошевелиться. Это было уже полное безумие. Но огромная когтистая лапа была подставлена как лестница — перед ними ступня, чуть выше изгиб локтя, потом круглилось плечо и мощные мышцы крыла там, где оно соединялось с лопаткой: четыре ступеньки, настоящая лестница! А там, между крыльями и перед первым огромным стальным рогом на хребте, в углублении шеи было местечко для одного-двух человек, словно специально созданное, чтобы ехать на драконе верхом. Если, конечно, они с Гедом совсем сошли с ума, утратили всякую надежду и безумие овладело ими.

— Залезай! — снова повторил Калессин на Языке Созидания.

И Аррен встал, помог товарищу своему подняться, и Гед, держа голову прямо и опираясь на плечо Аррена, стал взбираться по этим четырем невиданным ступеням. Потом оба уселись на покрытую чешуей шею дракона, прямо в углубление между крыльями — Аррен сзади, чтобы поддерживать Геда, если понадобится. И оба почувствовали вдруг, как в их истерзанные тела проникает тепло, долгожданное тепло, похожее на жар солнца. Тепло исходило от дракона, на котором они собирались ехать верхом; жизнь буквально кипела огнем под его бронированной оболочкой.

Вдруг Аррен заметил, что они забыли тисовый посох волшебника. Посох лежал, полузасыпанный песком, и море тихонько подкрадывалось к нему, словно желая его украсть. Юноша уже собрался было за ним, но Гед остановил его.

— Оставь это. Я израсходовал все свое волшебство у Сухой Реки, Лебаннен. Теперь я больше уже не маг.

Калессин обернулся и искоса глянул на них; в узких глазах его плескался древний смех. Был ли Калессин мужского или женского пола, совершенно неизвестно, а что думал Калессин, узнать невозможно. Медленно поднялись и развернулись огромные крылья. Они были не золотистыми, как у Орм Эмбара, но красными, темно-красными, с чуть ржавым оттенком, подобные цвету крови или алым шелкам Лорбанери. Дракон поднял крылья бережно, стараясь не задеть своих крошечных наездников. Потом осторожно подобрался и прыгнул на своих громадных лапах в воздух, как кошка; крылья захлопали и понесли их над туманом, что своим покрывалом вновь окутывал остров Селидор.

Распластав алые свои крылья на вечернем ветру, Калессин кругами взмыл над Открытым Морем и повернул на восток.

В середине лета жители острова Улли заметили огромного низко летящего дракона; потом его видели на островах Усидеро и над северной частью острова Онтуэго. Хотя в Западном Пределе драконов смертельно боятся, потому что люди здесь знакомы с ними слишком хорошо, но все же после того, как этот дракон спокойно пролетел себе

мимо, жители повылезали из своих убежищ, и видевшие великолепный полет сказали:

— Не все, видно, драконы поумирали. Зря мы так считали. А может, и кое-кто из волшебников еще жив. Ну и красиво он летел, этот дракон! Может, это сам Старейший?

Где приземлялся Калессин, не видел никто. Среди дальних островов много таких, что богаты лесами и дикими горами; люди редко бывают в этих местах; здесь даже огромный дракон может приземлиться незамеченным.

Зато на Девяноста Островах среди людей царило настоящее безумие. Мужчины поплыли на веслах к западу, лавируя среди мелких островков с криками: «Прячьтесь! Прячьтесь! Дракон с Пендора нарушил свое слово! Верховный Маг погиб, и дракон летит сюда, чтобы пожрать нас всех!»

Не приземляясь и даже не поглядев вниз, огромный стальной змей пролетел над этими островами, над городками и фермами, не выдохнув ни единой искорки пламени для устрашения столь жалких людишек. Так пролетел он и над Гитом, и над Сердом, потом пересек просторы Внутреннего Моря, и вскоре вдали показался остров Рок.

Никогда на памяти людей — и даже легенды не сохранили памяти об этом — ни один дракон не осмеливался штурмовать как зримые, так и невидимые стены этого острова-крепости. Но дракон Калессин, не колеблясь, тяжело полетел на своих могучих крыльях прямо над западным берегом Рока, над его деревьями и полями к зеленому волшебному Холму, что возвышается над городом Твил, и здесь наконец мягко опустился на землю. Еще раз взмахнул своими красными крыльями и сложил их за спиной, а потом привычно сгорбился, нахохлился и застыл.

Из Большого Дома к нему бегом устремились ученики Школы. Ничто на свете не могло бы сейчас остановить их. Но при всей силе и молодости бежали они куда медленнее своих Учителей и явились на Холм вторыми: там был уже и Мастер Путеводитель, вышедший ради такого случая из своей Рощи, светлые волосы его ярко блестели на солнце; был там и Мастер Метаморфоз, который всего две ночи назад вернулся на Рок в обличье морской скопы — с подбитым крылом и совершенно измученный. Метаморфоз слишком долго оставался во власти собственного заклятья и не сразу обрел свою настоящую фор-

му; лишь в Имманентной Роще в ту ночь, когда Великое Равновесие было восстановлено Гедом и нарушенное вновь стало целым, Метаморфоз снова стал человеком. Мастер Заклинатель, тощий и хрупкий, всего лишь день назад вставший с постели, тоже успел прийти раньше своих учеников, а за его спиной стоял Мастер Привратник. И все остальные Мастера тоже были там.

Они все смотрели, как слезают со спины дракона «наездники» и один помогает другому. Они видели, как люди эти оглядываются вокруг с выражением странного мрачного удовлетворения и изумления. Дракон, сгорбившись и застыв как каменное изваяние, ожидал, пока «наездники» сползут с его спины и встанут рядом. Калессин чуть повернул голову, когда Верховный Маг заговорил с ним, и коротко ответил ему. Те, кто наблюдал эту сцену, заметили, как дракон, будто исподтишка, глянул на Верховного Мага своим желтым холодным глазом, отчего-то полным смеха. Те, кто понимал Истинную Речь, слышали, как Калессин сказал:

— Я принес молодого Короля в его королевство, а старого человека — домой.

— Мне нужно немножко дальше, Калессин, — сказал ему Гед. — Я еще не добрался туда, куда стремлюсь всей душой. — И он окинул взглядом крыши и башни Большого Дома, залитые солнцем, и легкая, едва заметная улыбка тронула его губы. Потом он обернулся к Аррену, что стоял с ним рядом, высокий и стройный, в поношенной одежде, еще не слишком уверенно держась на ногах от усталости после всего, что с ним произошло. В присутствии всех Гед опустился перед юношей на оба колена и преклонил пред ним свою седую голову.

Потом поднялся, поцеловал своего юного друга и сказал:

— Когда взойдешь на трон в Хавноре, господин мой и дорогой друг, правь долго и справедливо.

Верховный Маг еще раз посмотрел на всех Мастеров и молодых волшебников, на юных учеников и простых жителей города, собравшихся на склонах и у подножия Холма Рок. Лицо его было спокойно, а в глазах плясал огонек улыбки, подобной той, что таилась в очах дракона Калессина. Потом, сразу отвернувшись ото всех, Гед снова взобрался по ноге дракона и по его плечу, усевшись на прежнее место. Алые крылья раскрылись с барабанным стуком, и Калессин, Старейший, как бы прыгнул в воз-

дух. Пламя вырвалось из его пасти, дым, грохот и мгновенный вихрь, вызванный взмахами могучих крыльев, пронеслись над Холмом. Дракон совершил над Роком один лишь круг и полетел прочь, на северо-восток, в ту часть Земноморья, где возвышается над морем одинокий остров-гора под названием Гонт.

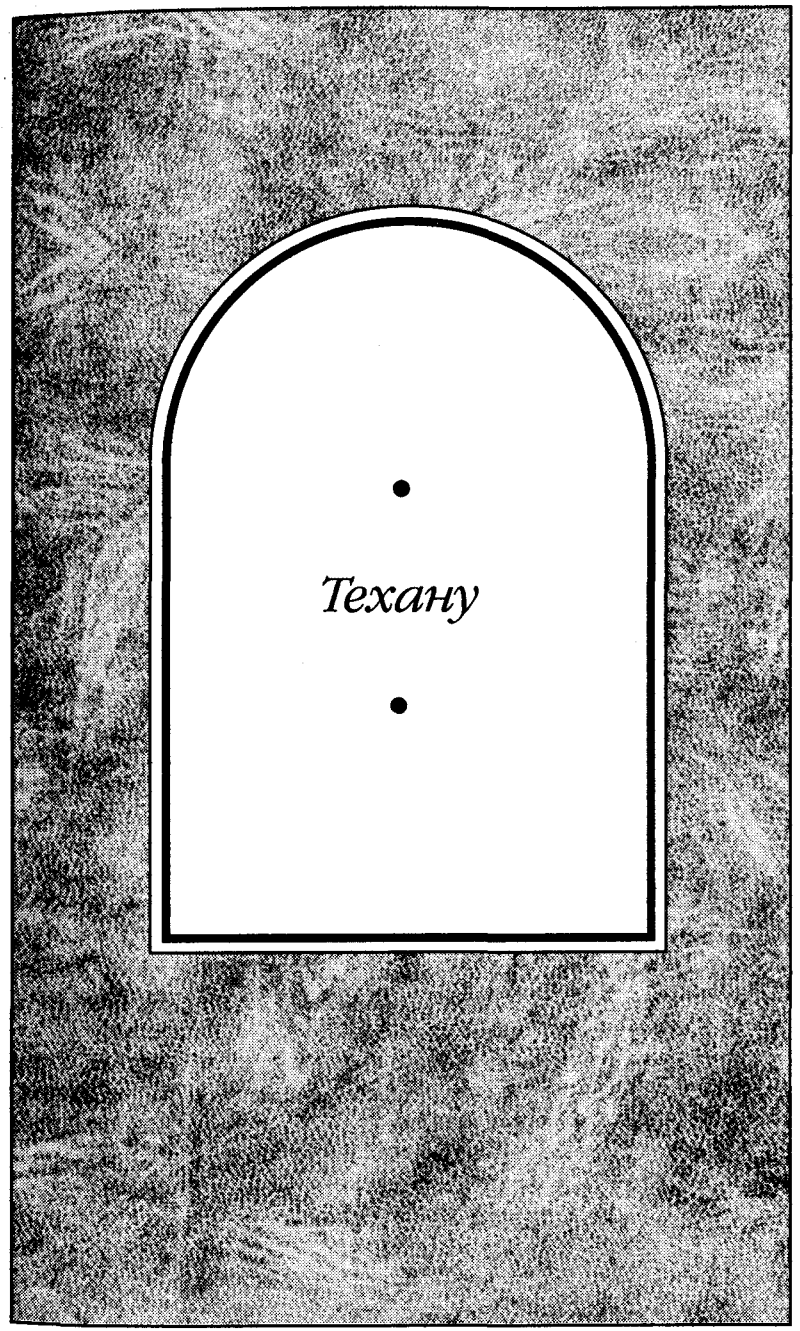
Мастер Привратник сказал, улыбаясь:

— Он покончил с делами. И теперь идет домой.

И все смотрели вслед летящему между ясным небом и синим морем дракону, пока тот не скрылся из виду.

В «Подвиге Геда» говорится, что бывший Верховный Маг Земноморья посетил церемонию коронования Короля Всех Островов, состоявшуюся в Башне Меча на острове Хавнор, что лежит в самом сердце Земноморья. Там говорится также, что, когда церемония была завершена и начался веселый праздник, Гед покинул своих друзей и один тихо спустился по улицам в порт. Там на воде покачивалась его верная лодка, старая, исхлестанная всеми штормами, испытанная временем; парус ее не был поднят, и в лодке никого не было, но Гед окликнул ее по имени: «Зоркая», и без помощи ветра, паруса или весел лодка двинулась с места, выплыла из гавани и взяла курс на запад, среди мелких островков. Так на запад плыла и плыла «Зоркая», и с тех пор ничего больше не было известно о волшебнике по имени Гед.

Однако на острове Гонт рассказывают эту историю иначе. Молодой король Лебаннен якобы сам приплывал на Гонт в поисках Геда, надеясь пригласить его на свою коронацию. Однако король не нашел волшебника ни в порту, ни в Ре Альби. Никто не мог сказать, где он; все знали только, что Гед, как всегда, ушел далеко в леса. Говорят, он часто уходил туда и не возвращался порой долгие месяцы, и никому не было известно, по каким путям бродит он в своем уединении. Кое-кто, правда, предложил его поискать, однако король запретил им это, говоря: «Он правит куда большим королевством, чем я». И с этими словами он покинул Гонт и вернулся в Хавнор, где и был коронован.

1

ЗЛОДЕЯНИЕ

После того как Флинт из Срединной Долины умер, вдова его осталась жить на Дубовой Ферме совсем одна: их сын стал моряком, а дочь вышла замуж за купца из Вальмута. По слухам, вдова Флинта была у себя на родине весьма знатной особой, да оно и верно: Маг Огион, бывая в их краях, всегда останавливался на Дубовой Ферме. Впрочем, что касается Огиона, то он мог с тем же успехом остановиться и в любом, самом бедном доме.

Имя у нее было нездешнее, но Флинт звал ее Гоха — так на острове Гонт зовут белого паучка, замечательного ткача. Прозвище это очень ей подходило, потому что она была невысокая, белокожая и отлично умела прясть козью и овечью шерсть. И вот теперь Гоха стала вдовой Флинта — хозяйкой большого стада овец и достаточно просторных пастбищ, а еще — четырех возделанных полей, грушевого сада, двух небольших домов, где жили арендаторы, старинной каменной усадьбы, укрывшейся в тени старых дубов, и фамильного кладбища, где покоился теперь и Флинт, ставший землей в земле.

— Всю жизнь рядом со мной чьи-то могилы, — сказала она как-то своей дочери Эппл по прозвищу Яблочко.

— Мама, ну перебирайся к нам в город! — упрашивала ее дочка, но вдова почему-то не решалась покинуть уединенную свою ферму.

— Может быть, позже, когда у вас будут детки и тебе понадобится моя помощь, — сказала она, с удовольствием глядя на свою сероглазую дочку. — Но не сейчас. Сейчас я тебе не нужна. И потом, мне здесь нравится.

Отослав Яблочко к молодому мужу, вдова вошла в дом, закрыла дверь и остановилась посреди кухни, где пол был выложен из плитняка. Сгущались сумерки, но она все не зажигала огня, думая о том, как эту лампу зажигал ее муж: ловкие руки, легкая искра, сосредоточенное тем-

нокожее лицо, освещенное вспыхнувшим огоньком... Дом был погружен в молчание. «Я ведь с детства привыкла жить в тихом доме, одна, — подумала она. — Ну и теперь проживу». И зажгла лампу.

Однажды, в самом начале жаркого лета, где-то после обеда ко вдове неожиданно заявилась Ларк, ее старинная подруга. Она жила в деревне и теперь чуть ли не бегом спешила к Дубовой Ферме по пыльной дороге.

— Гоха, — задыхаясь, сказала она вдове, занятой прополкой бобов, — ох, Гоха, случилось нечто ужасное! Ужасное! Может, сходишь со мной в деревню, а?

— Конечно, схожу, — сказала вдова. — Но что такого ужасного там могло случиться?

Ларк наконец перевела дыхание. Она была простой тучной деревенской женщиной лет сорока, и детское прозвище — Жаворонок — совсем ей не подходило. Впрочем, когда-то она была стройной и легкой и очень хорошенькой. Именно Жаворонок стала подругой юной Гохе, плюнув на мнение односельчан, которые вовсю сплетничали по поводу белокожей уроженки Каргада, которую Флинт привел в свой дом; с тех пор они и остались лучшими подругами.

— Ребенка чуть не до смерти сожгли, — выговорила наконец Ларк.

— Господи, да чьего же?

— Да этих бродяг.

Гоха быстренько заперла дверь, и они бросились в деревню. На ходу Ларк рассказывала, все время задыхаясь и обильно потея. Крошечные семена могучих трав, что росли на обочине дороги, липли к ее щекам и ко лбу, и она нетерпеливо смахивала их, но не умолкала.

— Они весь этот месяц прожили в палатке — в лугах у реки. Мужчина-то все за медника себя выдавал, да только вор он, а не медник, ну и женщина эта — при нем. А второй мужчина, помоложе, тоже с ними вместе по здешним деревням слонялся. И непохоже, чтобы кто из них работал. Воровали понемножку да попрошайничали, а женщина эта телом своим торговала. Гонцы из нижних деревень приносили ей кой-что из еды, чтобы с ней позабавиться. Знаешь небось, как это нынче делается! Да и кругом все не так — на дорогах бандиты, дома тоже грабят... На твоем месте я бы покрепче двери запирала. Ну так вот,

значит, приходит тот парень, что помоложе, в деревню и говорит: «Ребенок у нас заболел». Я-то не слишком и разглядела, что у них там еще и ребенок есть — словно хорек какой-то, мигом спрятался, я и рассмотреть толком не успела. Прямо зверек лесной. А парень мне: «Она обожглась, когда костер разжигала». И не успела я взять что нужно, как он наутек пустился. Да и исчез. А уж на лугу-то я и увидела, что и парочки той след простыл, только костер все еще дымится... И прямо в костре... на земле... — Утратив дар речи, Ларк некоторое время шла молча. Смотрела она прямо перед собой — на Гоху и не взглянула. — Они ее даже одеялом не прикрыли, — выговорила она наконец и прибавила шагу. — Прямо в горячий костер девочку толкнули! — Ларк судорожно сглотнула и принялась яростно смахивать прилипшие к потному лицу семена трав. — Можно, конечно, подумать, что она сама туда упала, да только если б так, то уж выскочить-то постаралась бы, это уж точно. Нет, они, видно, избили ее чуть не до смерти да и решили следы замести... — Ларк снова умолкла и решительно зашагала дальше. — Может, это и не он, — снова заговорила она. — Может, он-то как раз ее и вытащил. Ведь в конце концов именно он за помощью пришел... Это, верно, сам отец. Не знаю. Да и какая разница? Кто их там разберет? Кому какое дело до этой малышки? И почему все мы делаем то, что делаем?

Гоха тихонько спросила:

— А жить она будет?

— Может быть, — ответила Ларк. — Очень даже может быть. — И через некоторое время, когда они уже шли по деревенской улице, прибавила: — Не знаю, но мне почему-то непременно нужно было пойти за тобой... Там ведь сейчас Айви... да и девочке ничем, наверно, не поможешь уже.

— Я могла бы сходить в Вальмут, за Буком.

— Так тут и он ничего поделать не сможет. Это не... этому нельзя помочь! Я ее укрыла потеплее. Айви целебный отвар сварила и сонный заговор сказала. Она сейчас дома у меня. Ей лет, может, шесть или семь, да только весит она не больше двухлетней. Она так ни разу и не пришла в себя по-настоящему. И как-то так странно задыхается... Я знаю, что и ты ничего сделать не сможешь. Но мне очень хотелось, чтобы ты пришла.

— А я рада, что ты меня позвала, — откликнулась Гоха. Но, прежде чем переступить порог дома Ларк, на минутку закрыла глаза и затаила дыхание: ей было очень страшно.

Детей давно уже отослали на улицу, и в доме царила тишина. Девочка без сознания лежала на постели Ларк. Местная ведьма Айви по прозвищу Плющ смазала менее страшные ожоги мазью из волшебных орехов и иных целебных плодов и растений, но даже не прикоснулась ни к правой щеке девочки, ни к ее правой руке: здесь обугливавшаяся плоть была сожжена до кости. Над кроватью Айви начертала руну Пирр — вот и все, что было в ее силах.

— Можешь ты что-нибудь с ней сделать? — шепотом спросила Ларк.

Гоха, застыв и стиснув руки, смотрела на обожженного ребенка. Потом покачала головой.

— Ты ведь училась людей лечить, там, в Ре Альби? — В голосе Ларк слышались боль и стыд, а еще — гнев: вся ее душа, казалось, молила облегчить страдания невинного ребенка.

— Даже Огион не смог бы вылечить такое, — промолвила вдова.

Ларк, закусив губу, отвернулась и заплакала. Гоха обняла ее, поглаживая по седеющей голове. Так они и стояли, обнявшись, поддерживая друг друга.

Из кухни пришла ведьма Айви, нахмурившись при виде Гохи. Хотя вдова никогда не пользовалась ни заклятиями, ни иным волшебством, ходили слухи, что сразу после прибытия на Гонт она поселилась в Ре Альби и стала ученицей Мага Огиона; а еще говорили, что она хорошо знакома с самим Верховным Магом Земноморья, что родом с острова Гонт, а значит, наверняка обладает каким-то нездешним и непростым колдовским могуществом. Сгорая от ревности, ведьма подошла к кровати и занялась девочкой, потом смешала на плоской тарелке какие-то порошки, поднесла смесь к огню, и комната наполнилась вонючим дымом, ведьма же стала шептать исцеляющие заклятия, вновь и вновь повторяя их. Дым вызвал у девочки удушливый кашель; она приподнялась в постели, хватая ртом воздух и вся дрожа. Потом стала делать какие-то короткие странные вдохи, будто захлебывалась. Ее уцелевший глаз смотрел, казалось, прямо на Гоху.

Гоха шагнула к девочке и сжала ее левую ручонку в своих руках. Потом проговорила по-каргадски:

— Я служила им, но я их покинула. И я не отдам им тебя.

Девочка смотрела на нее, а может, и просто в никуда, пытаясь вздохнуть, потом еще раз и еще — вздохнула и задышала...

2

ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К ГНЕЗДУ ЯСТРЕБА

Прошло более года. Стояли жаркие солнечные дни — недавно был праздник Долгого Танца. По северной дороге в Срединную Долину пришел сверху, с гор, человек, который разыскивал вдову Гоху. Жители деревни вывели его на нужную тропу, и он объявился на Дубовой Ферме к вечеру того же дня. У него были словно ножом вырезанные черты лица, быстрые цепкие глаза. Он глянул на Гоху, на овец в загоне у нее за спиной и сказал:

— Отличный молодняк. Великий Маг из Ре Альби шлет тебе привет.

— Так ты от него? — удивилась Гоха. Огион, когда она бывала ему нужна, пользовался иными посыльными, куда лучше и быстрее: в таких случаях она слышала либо клекот орла из поднебесья, либо голос самого Огиона, который, тихонько назвав ее Подлинное Имя, спрашивал: *Придешь?*

Человек кивнул и пояснил:

— Он болен. А ты не собираешься случайно продавать приплод этого года?

— Может, и продам. Поговори с пастухом. Он там, в загоне. А может, хочешь сперва поужинать? И, если хочешь, прямо здесь и ночуй, только я уж задерживаться не стану: сразу пойду.

— Прямо сегодня?

На этот раз в ее взгляде благодушного любопытства не было и в помине — только насмешка.

— Ну а чего же мне ждать? — удивилась она. Что-то сказала старому пастуху по прозвищу Чистый Ручей и ре-

шительно двинулась к дому, построенному на склоне холма, среди дубов. Мужчина пошел за ней следом.

В кухне с полом из плитняка девочка, на которую он только раз взглянул и сразу же отвернулся, подала ему молоко, хлеб, сыр и зеленый лук, а потом вышла, не сказав ни единого слова. Потом она появилась снова вместе с Гохой; обе уже собрались в дорогу, за плечами — легкие кожаные мешки. Посыльный вызвался проводить их немного, и вдова заперла дверь дома. Все трое они вышли на дорогу; у посыльного были еще свои, весьма важные дела — покупка племенных баранов для Лорда Ре Альби, а весточку от Огиона он передал просто так, по пути, оказав старому Магу добрую услугу. Женщина и девочка с ужасным обгоревшим лицом попрощались с ним там, где дорога сворачивала к деревне, и двинулись туда, откуда он сам только что пришел: в горы, к северу и потом — снова вниз, к западным предгорьям.

Они шли по неширокой тропе, пока долгие летние сумерки не начали густеть. На ночлег расположились в лощине у ручья, быстрого и бесшумного, в воде которого отражалось бледное вечернее небо, просвечивавшее сквозь ветви низко склонившихся ив. В самой гуще зарослей Гоха приготовила им постель из сухой травы и ивовых листьев; было очень похоже на логово зайца. Она закутала девочку в одеяло и уложила спать.

— Ну вот, — сказала она, — теперь ты у нас кокон. А утром превратишься в бабочку и снова вылетишь на простор.

Она не стала разводить костер, а просто легла рядом с девочкой, глядя на звезды и слушая то, о чем тихонько рассказывал ручей, пока не заснула.

Их разбудил предрассветный холод; женщина разожгла небольшой костерок и вскипятила в котелке воды, чтобы сварить овсяную кашу для девочки и для себя. Маленькая, изувеченная огнем «бабочка» дрожа выбралась из своего кокона, и Гоха быстренько остудила горячий котелок в покрытой росой траве, чтобы девочка могла взять его в руки и есть прямо оттуда. На востоке небо уже посветлело; когда они вышли в путь, из-за высокого темного плеча горы виднелась полоса разгорающейся зари.

Они шли весь день, но очень медленно: девочка легко уставала. Душа женщины рвалась вперед, но она сдерживала себя. Долго нести девочку на руках у нее не хватало сил, поэтому, чтобы повеселить малышку и отвлечь ее от тягот пути, она рассказывала разные истории.

— Мы идем проведать одного человека, очень старого, его зовут Огион, — рассказывала она девочке, пока они плелись по узкой тропинке, подобно шраму перерезавшей поросший густым лесом склон горы. — Он настоящий мудрец и великий волшебник. Ты знаешь, что такое «волшебник», Терру?

Если у девочки когда-либо и было другое имя, она его не помнила или просто не желала сказать. Так что Гоха звала ее Терру.

Девочка покачала головой.

— Что ж, я ведь в общем-то тоже не знаю, — сказала женщина. — Зато я знаю, что волшебники умеют делать. Когда я была совсем молодой — постарше тебя, но все-таки очень юной, — Огион стал мне приемным отцом, так же как я тебе — приемной матерью. Он заботился обо мне и пытался учить меня всяким нужным вещам. Он тогда оставался со мной даже осенью, хотя осенью всегда предпочитал бродить по лесам в полном одиночестве. Он любил путешествовать в этих местах, где мы с тобой сейчас идем, и забирался порой очень далеко в лес, в самые глухие уголки. И везде ко всему присматривался, все и всех слушал. Он всегда всех слушал очень внимательно, потому его и прозвали Молчаливым. Но со мной он часто разговаривал. Рассказывал мне всякие истории. Не только о великих подвигах древних, которые всем известны, — истории о Героях и Королях и о том, что произошло невесть когда и где, — но и такие, которые знал лишь он один. — Гоха немного помолчала. — А теперь я расскажу одну из них тебе.

Все волшебники очень хорошо умеют превращаться во что-нибудь, изменяя свое обличье. Это волшебство так и называется — Превращение. Обычный колдун тоже может стать на кого-то похожим, даже на зверя какого-нибудь — во всяком случае, некоторое время и не разберешь, кто же это перед тобой на самом деле, как если бы человек вдруг надел маску. Но настоящие волшебники и маги способны на большее. Они умеют не только маски надевать, но и по-настоящему превращаться в иное существо. Например, если волшебнику нужно переплыть море, а лодки у него нет, то он может обернуться чайкой и

легко пересечь морской простор. Но ему следует быть очень осторожным. Пока он остается в обличье птицы, то и думает только о том, что важно птицам, забывая то, о чем должны думать люди. Так, может он лететь и лететь, оставаясь чайкой, и никогда больше не стать человеком. Говорят, что когда-то один великий волшебник, который очень любил превращаться в медведя, делал это слишком часто, так что в конце концов насовсем в него превратился и убил своего маленького сынишку; тогда люди были вынуждены начать на него загонную охоту и убить. Только Огион часто над этим подшучивал. Однажды, когда в его кладовую забрались мыши и перепортили ему весь сыр, он поймал одну мышку с помощью маленького заклятия, взял ее вот так, посмотрел ей в глаза и сказал: «Я же предупреждал тебя: не притворяйся мышью!» И знаешь, даже я почти поверила, что это он всерьез...

Ну хорошо, начнем. История эта немного связана с Великими Превращениями, но Огион считал, что все в ней значительно сложнее: там говорится о том, как можно одновременно быть как бы двумя разными существами и обладать двумя разными душами при одном лишь обличье. А еще он считал, что на такое не способен ни один волшебник. Однако с человеком, обладавшим этой способностью, он встретился в маленькой деревушке на северо-западном побережье Гонта; местечко это называется Кимей. Там жила тогда одна женщина, старая рыбачка, никакая не ведьма и совсем ничему не обученная; зато она слагала прекрасные песни. Благодаря песням Огион и узнал о ней. Он в тот раз бродил, как водится, без всякой особой цели вдоль северо-западного побережья и услыхал чье-то пение — так поют, занимаясь, например, починкой сети или шпаклюя лодку. Вот что пели эти люди:

На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...

Огион хорошо расслышал и мелодию, и слова, вот только никогда раньше не знал их, а потому спросил, откуда взялась эта песня. Ему отвечали все разное, и наконец кто-то сказал: «А, так ведь это песня той Женщины из Кимея...» Так что Огион отправился прямо в Кимей, небольшой портовый городок на самом берегу моря, где

живут в основном рыбаки; там жила тогда и та женщина. Огион отыскал ее дом и постучал в дверь своим волшебным посохом. Какая-то старуха открыла дверь и вышла на порог.

Теперь ты уже знаешь, Терру, — помнишь, мы говорили с тобой об этом? — что у детей должны быть разные детские имена и прозвища, как и у каждого человека есть ненастоящее имя или тоже какое-нибудь прозвище. Разные люди могут называть тебя по-разному. Для меня вот ты — Терру, но это каргадское слово, и, может быть, когда ты подрастешь, у тебя будет другое прозвище, ардическое, которым тебя будут называть все вокруг. Но в любом случае, когда ты станешь взрослой, то, если все пойдет как надо, непременно обретешь свое Подлинное Имя. Его дает человек, обладающий магической силой, — настоящий волшебник или Маг, ибо в знании Истинных Имен и заключено их могущество. Истинного, Подлинного Имени своего ты, возможно, никогда никому другому не скажешь, потому что в нем заключена будет сама твоя душа, твоя суть, вся твоя сила; ведь для кого-то другого знание чужого имени может оказаться тяжким бременем, серьезной опасностью, и подвергать человека и себя такому риску можно, только полностью ему доверяя и сознавая необходимость назвать ему свое Имя. Однако Великий Маг, которому ведомы все имена, может узнать твое имя, даже если ты ему его и не скажешь.

Итак, я остановилась на том, что Огион — а он настоящий Великий Маг — встретился на пороге маленького домишка со старой женщиной. И тут он вдруг, отступив немного назад, высоко поднял свой дубовый посох и левую руку, словно желая защитить себя от всепожирающего огня, и, глубоко потрясенный, в страхе очень громко произнес Подлинное Имя старой женщины:

— Дракон!

И сразу, как он сам рассказывал, женщина исчезла, зато в дыму и великолепии пламени, блестя золотистой чешуей и длинными когтями, перед ним явился дракон, глядевший на него своими огромными глазами. Говорят, что ни в коем случае нельзя смотреть дракону прямо в глаза...

Потом видение исчезло, и вместо дракона он увидел перед собой женщину, стоявшую на пороге ветхого домишка, — немного сутулую высокую старую рыбачку с

крупными натруженными руками. Она смотрела на него, он на нее. И вдруг она сказала:

— Входи же, Лорд Огион.

Ну он и вошел. Она угостила его ухой, они пообедали вместе, а потом стали беседовать у камина. Он думал, что старуха непременно владеет искусством Великих Превращений, однако, видишь ли, никак не мог понять, то ли это женщина, умеющая превращаться в дракона, то ли дракон, который может превращаться в женщину. Так что в конце концов он спросил ее: «Ты женщина или дракон?», и она на этот вопрос не ответила, только сказала:

— Я спою тебе одну старую песнь...

В башмак Терру попал камешек. Они остановились, вытряхнули его, а потом, очень медленно, пошли дальше, потому что дорога круто ползла вверх, зажатая темными каменными стенами, с которых свешивались ветви густых кустов; в кустах и нагретой траве пели цикады.

— Ну так вот, послушай же историю, которую поведала та женщина Огиону.

Когда в самом начале времен Сегой поднял острова Земноморья из глубин морских, то драконы первыми рождены были землей и ветром, что дул над островами. Так говорится в песни о Создании. А в песни той женщины говорилось еще и о том, что тогда дракон и человек были едины, принадлежали к одному народу, одной расе и пользовались одним языком — Истинной Речью.

И были они прекрасны и сильны, мудры и свободны.

Но с течением времени все меняется. Вот и в племени драконов-людей некоторые все больше стремились к полету под небесами и дикой вольности и все меньше времени уделяли Созиданию и Познанию, все меньше времени проводили в домах и городах. Им хотелось лишь лететь и лететь на просторе, охотиться, поедать добычу, не ведая ни забот, ни излишней премудрости, оставаясь вольными и дикими, стремясь к одной лишь свободе.

Другая часть этого племени, наоборот, все реже поднималась в поднебесье, но занята была сбором сокровищ, укреплением своего благополучия, созиданием и накоплением знаний. Они строили дома, замки и крепости, где

хранили накопленные сокровища, чтобы потом передать все это своим потомкам, и стремились всемерно увеличить свое наследство. Постепенно они стали побаиваться диких своих собратьев, которые способны были внезапно прилететь и — часто просто по небрежности или в пылу яростной схватки — уничтожить, сжечь все созданное ими с таким трудом и столь дорогое их сердцу.

Дикие же драконы не ведали страха. Они так ничему и не научились, а потому не умели спастись, когда те, что уже не летали, ловили их в ловушки, словно обычных диких зверей, и убивали. Но тогда другие дикие драконы прилетали и мстили, сжигая прекрасные здания, все уничтожая и круша на своем пути... В этих схватках в первую очередь гибли наиболее сильные и бесстрашные.

Боязливые же стремились избегать подобных сражений, прятались, а если прятаться было негде, то спасались бегством. Они пользовались обретенным мастерством и умением и строили корабли, на которых уплывали все дальше и дальше к востоку, все дальше и дальше от западных островов, где огромные крылатые их собратья вели нескончаемую войну друг с другом среди разрушенных дворцов и замков.

И вот единое ранее племя драконов-людей разделилось на два — одно из них, племя драконов, становилось все малочисленнее, и его представители все больше дичали, мучимые собственной бесконечной, бессмысленной алчностью и злобой, на дальних островах Западного Предела; племя людей, напротив, все более умножалось и процветало в своих богатых городах и селениях; люди жили уже на всех Внутренних Островах Земноморья, заселяя также восточные и южные. Но среди них сохранились еще и такие, кто сберег древнюю мудрость племени драконов — Великий Язык Созидания. Именно они потом стали волшебниками.

Но еще, говорилось в той песни, есть среди людей и такие, кто понимает, что когда-то был драконом. Как и среди драконов некоторые помнят о своем родстве с людьми. И понимающие это говорят, что в те времена, когда единое племя разделилось надвое, некоторые его представители, по-прежнему остававшиеся полудраконами и полулюдьми, улетели, но не на восток, а на запад, и летели все дальше и дальше над просторами Открытого моря, пока не достигли обратной стороны нашего мира. И там

пребывают они в ладу и покое — огромные крылатые существа, дикие и мудрые одновременно, обладая человеческим умом и сердцем дракона. Вот потому-то и были в той песни слова:

На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным...

Такова прекрасная песнь, которую спела Огиону та старая рыбачка из Кимея.

Выслушав ее, Огион сказал: «Едва увидев тебя, понял я твою подлинную сущность. Та женщина, которую я вижу сейчас, не более чем обличье, платье, которое на ней надето».

Но она лишь покачала головой, засмеялась и проговорила: «Ах, если бы это было так просто!»

Спустя какое-то время Огион вернулся в Ре Альби. А потом, когда он рассказывал эту историю мне, сказал вдруг вот что: «С того дня у меня из головы не выходит: бывал ли когда-нибудь человек или дракон так далеко на западе, как о том говорится в ее песни, и кто мы такие, в чем заключается наша сущность и наша целостность?..»

Ты не проголодалась, Терру? Вот здесь как раз очень хорошее местечко. Давай-ка посидим там, над обрывом. Оттуда мы, наверное, сможем увидеть и Порт Гонт, что расположен у самой подошвы горы. Это очень большой город, больше даже, чем Вальмут. Вот дойдем до поворота и немножко отдохнем.

Дорога, которая, петляя, шла вверх, на самом верхнем своем витке действительно открывала прекрасный вид на дальние склоны горы, покрытые лесом, и каменистые пастбища, спускавшиеся почти до самой кромки залива; отсюда были видны различные суда на темной воде, издали похожие на светлые легкие древесные стружки или на темных водяных жуков. Вдали, прямо над дорогой и склоном горы, высился обрывистый утес, где и находилось селение Ре Альби, что значит Гнездо Ястреба.

Терру ни разу не пожаловалась, но, когда, немного отдохнув, Гоха спросила: «Ну как, пойдем дальше?», девочка, пристроившаяся на краешке скалы, как бы между синью небесной и синью морской, отрицательно покачала головой. Солнце грело горячо, и они проделали слишком долгий путь с тех пор, как завтракали в лощине у ручья.

Гоха вытащила фляжку с водой, и они вдоволь напились, а потом она дала девочке мешочек с изюмом и орехами.

— Отсюда уже видно то место, куда мы с тобой идем, — сказала она, — и мне бы очень хотелось добраться туда до темноты. Здоровье Огиона сильно тревожит меня. Тебе, конечно, будет трудновато, но быстро мы не пойдем. Зато уже сегодня будем ночевать в тепле, уюте и безопасности. Привяжи-ка этот мешочек к поясу. Изюм прибавит твоим ножкам сил. Хочешь, я сделаю тебе посох — как у волшебников, — чтобы легче было идти?

Терру кивнула, не переставая жевать. Гоха вытащила нож и срезала толстую ветку орешника для девочки, потом, заметив чуть выше по дороге рухнувшую ольху, отломила одну из ее веток, очистила ее от мелких веточек и сучков и сделала себе крепкий и легкий посох.

Они снова двинулись в путь, и девочка держалась вполне бодро — видимо, изюм помог ей. Гоха запела, чтобы веселей было шагать; она пела любовные песни, пастушьи песенки и старинные баллады, которые выучила в Срединной Долине; но вдруг, резко оборвав мелодию, умолкла и остановилась, сделав предостерегающий жест.

Впрочем, четверо мужчин на дороге уже успели ее заметить, так что прятаться не имело смысла. Следовало либо идти дальше, либо свернуть на боковую тропу.

— Это просто странники, — шепнула она Терру, покрепче сжала свой ольховый посох и пошла вперед.

То, что говорила Ларк насчет засилья всяких бандитов и воров, было не просто пустой жалобой, свойственной каждому старшему поколению: дескать, все-то теперь не так, как надо, и мир проваливается в тартарары. За последние годы мирная и спокойная жизнь в городах и деревнях Гонта действительно претерпела серьезные изменения. Молодые люди вели себя среди собственных сородичей как чужие, злоупотребляли гостеприимством, воровали, продавали краденое. Нищенство пышным цветом расцвело там, где прежде попрошайничали очень редко, а если милостыня приходилась нищему не по вкусу, он еще и пускал в ход угрозы.

Женщины опасались передвигаться по дорогам в одиночку, хотя и очень страдали от этого. Зато некоторые девушки, наоборот, убегали из дома и присоединялись к бандам воров и браконьеров. И весьма часто уже через

несколько месяцев возвращались — мрачные, покрытые синяками и ссадинами и к тому же беременные. А среди деревенских колдунов и ведьм ходили слухи, что колдовству их стало чего-то не хватать: заклятия, что раньше исцеляли всегда, больше не помогали; необычайно трудно стало́ отыскать потерянный предмет, и порой отыскивалась совсем не та вещь, хотя все слова заклинания были произнесены правильно; любовные зелья вместо страстной любви вызывали кровожадную ревность. Но что хуже всего, те люди, которые и понятия не имели об искусстве магии, о его законах и способах применения, а также об опасности нарушения этих законов, стали называть себя могущественными волшебниками и обещали немыслимое богатство и даже бессмертие своим сторонникам.

Айви, ведьма из той деревни, где жила Гоха, весьма мрачно и непонятно говорила что-то о разрушении магических сил. То же самое говорил и Бук, колдун из Вальмута. Это был замкнутый, скромный человек, который специально пришел тогда, чтобы помочь Айви, старавшейся по мере сил облегчить страдания страшно изуродованной огнем Терру. И вот что он сказал Гохе:

— Мне кажется, что раз такое происходит в нашем мире, то наступает конец света, конец времен. Сколько уж столетий прошло с тех пор, как в Хавноре на престоле был настоящий король? Так оно продолжаться не может. Мы либо снова станем единым государством, либо просто погибнем все, когда острова пойдут войной друг на друга, сосед ополчится на соседа, отец — на сына... — Бук как-то застенчиво поднял на нее глаза, которые, однако, смотрели твердо и ясно. — Кольцо Эррет-Акбе возвращено в королевскую башню, — продолжал он. — Я знаю, кто его туда привез... То был знак... да, конечно, то был знак наступления новых времен! Но мы не вняли поданному знаку. Короля у нас по-прежнему нет. И мы по-прежнему разъединены. Мы должны найти сердце Земноморья, обрести должную силу. Может быть, наконец свое слово скажет наш Верховный Маг. — И колдун прибавил доверительно: — Он ведь и сам с Гонта.

Однако Верховный Маг так ничего и не предпринял, как не появился и законный претендент на королевский престол. А жизнь меж тем становилась все хуже и страшнее.

И теперь со страхом и сдерживаемым гневом смотрела мрачная Гоха на четверых мужчин на дороге. Они стояли по двое с каждой стороны, так что им с девочкой неизбежно пришлось бы пройти меж ними.

Гоха спокойно продолжала свой путь, хотя Терру буквально наступала ей на пятки, прижавшись сзади к ее юбке и совсем низко опустив голову. И все-таки за руку ее девочка не взяла.

Один из встречных, парень с широкой грудью и жесткими черными вислыми усами, заговорил было, чуть ухмыляясь:

— Эй, вы...

Однако Гоха тут же прервала его яростно и громко:

— Прочь с дороги! — И подняла свой ольховый посох так, словно он был волшебный. — У меня дело к Огиону!

И гордо прошла мимо растерявшихся мужчин, за ней трусцой поспешала Терру. Мужчины, видимо, приняв ее гнев за колдовство, так и застыли. Возможно, впрочем, на них просто подействовало само имя Огиона. А может быть, какие-то волшебные чары все-таки были в ней самой или девочке? Во всяком случае, когда обе скрылись из виду, один из мужчин сказал:

— Нет, вы видели? — И сплюнул, а потом особым жестом отогнал скверну.

— Настоящая ведьма со своим ведьминским отродьем! — потрясенно сказал второй. — Пусть себе идут своей дорогой!

Третий, человек в кожаной шапке и короткой кожаной куртке, даже немного задержался, молча глядя им вслед. На лице его были написаны ужас и отвращение, но все же он хотел было уже последовать за женщиной и девочкой, когда тот, с длинными черными усами, окликнул его:

— Идем, что ли, Ловкач! — И человек в кожаной куртке и шапке пошел следом за приятелями.

За поворотом, когда мужчины скрылись из виду, Гоха подхватила Терру на руки и бросилась бежать; она бежала до тех пор, пока не была вынуждена остановиться и усадить девочку прямо на землю, долго-долго хватая ртом воздух. Терру никаких вопросов не задавала, все понимала без слов. Едва Гоха отдышалась и смогла идти дальше, Терру, ни секунды не медля, двинулась за ней, не отставая ни на шаг и все время держа ее за руку.

— Ты вся красная, — сказала она. — Как огонь.

Она редко что-нибудь говорила, да и слова произно-

сила невнятно, хриплым голосом, но Гоха хорошо ее понимала.

— Я очень злая, — проговорила Гоха с каким-то странным смешком. — А когда я злюсь, то становлюсь красной. Такой же краснокожей, как варвары с Западных островов... Посмотри-ка, вон там впереди селение — это, должно быть, Дубовые Ручьи и есть. Ничего другого на этой дороге быть не может. Там мы с тобой немного передохнем. Может быть, удастся даже раздобыть молока. А потом постараемся — это, конечно, от тебя зависит — добраться до Гнезда Ястреба; мы могли бы там оказаться еще до наступления темноты.

Девочка молча кивнула, достала из своего мешочка немножко изюма и орехов и съела. Потом они пошли дальше.

Солнце давно уже село, когда они наконец миновали деревню и побрели к уединенному жилищу Огиона на самой вершине Большого Утеса. В небесах, над мощным валом облаков, над высоко вздымающимися волнами морскими, засверкали первые звезды. Вечерний бриз гнул к земле короткую траву. Где-то за невысоким домиком заблеяла на выгоне коза. Единственное окно светилось тусклым желтоватым светом.

Гоха прислонила оба их посоха к дверному косяку, взяла Терру за руку и один раз постучала.

Ответа не последовало.

Она резко распахнула дверь и вошла. Огонь в очаге давно погас, угли подернулись сизым пеплом, но крошечный масляный светильник на столе отбрасывал слабое пятнышко света, а с тюфяка, лежавшего на полу в дальнем углу комнаты, послышался голос Огиона:

— Входи, Тенар.

3

ОГИОН

Она уложила девочку спать в алькове у западной стены. Разожгла огонь в очаге. Потом подошла и уселась прямо на пол возле Огиона.

— И никто за тобой даже не ухаживает!

— Я их всех отослал прочь, — прошептал он.

Его темнокожее, с резкими чертами лицо было таким же, как и всегда, только волосы поредели и стали совсем белыми, а неяркий свет не вызывал ответного блеска в его глазах.

— Ты ведь так и умереть мог в одиночестве, — сердито сказала Тенар.

— Умереть мне поможешь ты, ладно? — попросил старик.

— Подожди еще немножко, пожалуйста, — сказала она и, наклонившись, прижалась лбом к его ладони.

— Хорошо. Не сегодня, — согласился он. — Завтра.

И один лишь раз нежно коснулся ее волос — только на это у него сил и хватило.

Она снова выпрямилась. Огонь в очаге разгорелся. Пламя пляшущими языками освещало стены и низкий потолок домика, разгоняя мрак и заставляя темные тени прятаться по углам единственной комнаты.

— Если бы только Гед объявился... — прошептал Огион.

— А ты послал ему весточку?

— Он пропал, — сказал старик. — Пропал. Словно облако густого тумана накрыло землю. И он ушел прямо в этот туман — к западу. И унес с собой ветку ясеня. Исчез в темноте облака. Пропал, пропал мой ястреб...

— Нет, нет, нет, — шептала она. — Он вернется!

Они долго молчали. Тепло от очага начинало окутывать обоих сонной пеленой, и Огион немного успокоился, то задремывал, то снова просыпался, так что Тенар смогла наконец немного передохнуть после целого дня пути. Она растерла ноющие ступни и плечи. Часть пути, особенно когда дорога в последний раз круто пошла вверх, ей пришлось нести Терру на руках, потому что девочка стала задыхаться — она совсем выбилась из сил, пытаясь поспеть за Тенар.

Потом она встала, согрела воды и тщательно смыла с себя дорожную пыль. Потом согрела молока и съела с ним кусок черствого хлеба, найденного у Огиона в кладовой. Потом снова подошла к старику и уселась рядом. Пока он спал, она сидела, задумчиво разглядывая при свете очага его лицо и тени на стенах.

И думала она о том, что когда-то давным-давно одна девушка часто сидела точно так же ночью в лишенном окон доме, в далекой-далекой стране. С раннего детства

девушка эта считала себя «Поглощенной». Единственной жрицей и служанкой Темных Сил Земли. А потом, и это тоже было давно, жила-была на свете женщина, и она тоже любила посидеть в мирной тиши деревенского дома и подумать, пока спят муж и дети, пока можно просто побыть часок наедине с самой собой... И когда эта женщина овдовела, с ней в том доме стала жить одна страшно изуродованная огнем девочка, ее воспитанница. Теперь же вдова эта сидела возле постели умирающего старика и очень ждала одного мужчину, надеясь, что он вернется. Как ждут все женщины в мире; как ждет любая из них. В полном соответствии со своей женской долей. Но волшебник Огион призвал ее к себе не тем именем, которое носила жрица Темных Сил, и не тем, которое носила жена, а потом и вдова фермера Флинта. Иным именем называл ее Огион, как и Гед когда-то — во тьме Гробниц Атуана; как и ее мать — страшно давно, очень далеко отсюда, — давшая ей это имя и помнившаяся ей лишь теплым прикосновением и золотистым, словно львиная шкура, светом огня в очаге...

— Я — Тенар, — прошептала она. Огонь, вспыхнув, обвил сухую сосновую ветку ярким желтым своим языком.

Огион вдруг начал задыхаться. Она старалась ему помочь, поддерживая за плечи. Потом он немного успокоился и снова уснул; задремала и Тенар, сквозь сон чувствуя, слушая странное, будто осязаемое молчание Огиона, прерываемое порой какими-то загадочными словами. Уже глубокой ночью он вдруг воскликнул, словно встретившись на дороге с хорошим другом: «Так, значит, и ты здесь! А его ты видел?» Еще как-то раз он начал говорить чистым детским голоском, когда Тенар встала, чтобы подбросить дров в очаг, и говорил с кем-то из давнего своего прошлого: «Я пробовал помочь ей, да крыша обвалилась и всех накрыла. Землетрясение же!» Тенар слушала. Она тоже когда-то видела землетрясение. «Я так хотел помочь!» — сказал старик голосом мальчика, и в голосе этом слышались страдание и боль. Потом Огион снова начал задыхаться.

С первыми проблесками зари Тенар проснулась от звуков, которые сперва приняла за удары волн о берег. Но то хлопали крыльями птицы — множество птиц, чудовищная стая, пролетавшая прямо над домом. Казалось, поднялась буря, даже свет в окнах померк из-за непрерывного мелькания черных теней. Стая в полном молчании совершила над домом круг и унеслась прочь. Тенар так и не поняла, что это были за птицы.

Домик Огиона, как бы сторонясь людей, примостился к северу от селения Ре Альби. Утром из Ре Альби пришла девушка-пастушка, чтобы подоить коз Огиона, с ней — какая-то женщина и еще люди; все спрашивали, не нужна ли их помощь. Тетушка Мох, деревенская ведьма, ощупав ольховый посох Тенар и ореховую палочку, служившую посохом Терру, сунула было нос в дом, однако войти не осмелилась, тем более что Огион прорычал, не вставая:

— Отошли их всех прочь! Пусть уходят! Все!

Он выглядел так, словно сил у него значительно прибавилось. Когда проснулась маленькая Терру, он немного поговорил с ней — в точности так, как когда-то с Тенар: чуть суховато, но очень добрым и тихим голосом. Потом девочка убежала играть на солнышке, и Огион сказал Тенар:

— Что означает то имя, которым ты ее называешь?

Он хорошо понимал Истинную Речь, но никогда не знал ни слова по-каргадски.

— «Терру» значит «горящий, пылающий», — ответила она.

— Так-так, — промолвил Огион, и глаза его заблестели. Потом он нахмурился, словно пытаясь найти нужные слова. — Этой девочке... — начал он и умолк. — Эту девочку... будут бояться.

— Ее и так уже боятся, — горько сказала Тенар.

Великий Маг покачал головой.

— Ты научи ее, Тенар, — прошептал он. — Научи ее всему!.. Нет, не на Роке. Боятся... Ах, зачем я отпустил тебя? Почему ты тогда ушла? Чтобы привести сюда ее? Слишком поздно...

— Лежи, лежи спокойно, — нежно уговаривала его Тенар, потому что Огион все пытался сказать что-то еще, найти какие-то важные слова, ему не хватало воздуха, он снова начал задыхаться. В конце концов, тряхнув головой, он выговорил с трудом:

— Научи ее! — и умолк надолго.

Есть он отказывался и только понемножку пил воду.

Где-то около полудня заснул, а проснувшись — ближе к вечеру, — сказал:

— Пора, дочка, — и сел.

Тенар, улыбаясь, взяла его за руку.

— Помоги-ка мне встать, — сказал ей Огион.

— Нет-нет, что ты!

— Да, — сказал он. — На волю. Я не могу умереть взаперти.

— Куда же ты хочешь пойти?

— Все равно. Но лучше бы на лесную тропу, — сказал он. — К тому буку, что растет на холме, над лугом.

Увидев, что у Огиона хватило сил самостоятельно встать и он полон решимости непременно выйти из дома, Тенар бросилась ему помогать. Вместе они добрались до двери, и он, обернувшись на пороге, окинул прощальным взором свое жилище. В темном углу справа от двери стоял, чуть-чуть светясь, его высокий посох. Тенар потянулась было за ним, но Огион только покачал головой.

— Нет, — сказал он, — не нужно. — И осмотрелся, словно пытаясь что-то вспомнить. — Пошли.

Когда на залитом солнцем крыльце в лицо ему ударил свежий западный ветер, он посмотрел куда-то вдаль и промолвил:

— Хорошо!

— Разреши мне позвать кого-нибудь из деревни, и мы отнесем тебя на носилках, — попросила его Тенар. — Все только и ждут случая, чтобы хоть что-нибудь для тебя сделать.

— Я хочу дойти на собственных ногах, — сказал старик.

Из-за дома выбежала Терру и с серьезным видом смотрела, как медленно, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, чтобы Огион мог отдышаться, идут они через поросший травами луг к лесу, снизу доверху покрывавшему крутые склоны Большого Утеса. Солнце пекло немилосердно, а ветер был почти ледяным. Им понадобилось очень много времени, чтобы пересечь луг. Лицо Огиона стало серым, ноги подгибались, словно трава под ветром, когда они наконец добрались до рослого молодого бука почти на самой опушке, в нескольких шагах от начала тропы, круто поднимающейся в гору. Там старый Маг рухнул на землю между корнями дерева, прислонившись спиной к стволу. Довольно долго он не мог ни говорить, ни двигаться, а сердце его билось такими отчаянными неровными толчками, что казалось — грудная клетка вот-вот разорвется. Наконец он успокаивающе кивнул Тенар и шепнул:

— Все в порядке.

Терру все время шла за ними следом на некотором расстоянии. Тенар подошла к девочке, обняла ее и что-то сказала. Потом вернулась к Огиону.

— Она сейчас принесет одеяло, — сказала она.

— Мне не холодно.

— Зато мне холодно, — чуть улыбнувшись, возразила Тенар.

Терру, нагруженная одеялом из козьей шерсти, вернулась очень быстро. Она что-то шепнула Тенар и снова убежала.

— Вереск позволила ей подоить козу. Заодно и присмотрит за девочкой, — сказала Тенар Огиону. — Так что я могу остаться здесь, с тобой.

— Вечные заботы и никогда ничего для себя, — сказал он хриплым свистящим шепотом: больше голоса у него не осталось.

— Да, почему-то всегда не меньше двух дел сразу, — согласилась она. — Но сейчас-то я здесь.

Он кивнул.

Довольно долго Огион молчал — просто сидел, опершись спиной о могучий ствол дерева и закрыв глаза. Глядя на его лицо, Тенар видела, как оно гаснет — так же медленно, как небо на закате.

Потом он открыл глаза, всматриваясь в видневшееся сквозь густые ветви небо. Казалось, он наблюдает, как там, в дальних далях, залитых золотистым светом, свершается нечто великое. Один раз он даже прошептал, неуверенно, словно сомневаясь:

— Дракон?..

Солнце село, улегся ветер. Огион перевел свой взгляд на Тенар.

— Кончено! — прошептал он возбужденно. — Теперь все переменилось!.. Все переменилось, Тенар! Ты жди... Жди здесь, потому что... — Тело Огиона сотрясла сильная дрожь, он, задыхаясь, затрепетал, словно ветка дерева на сильном ветру. Веки его то приподнимались, то опускались, взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх головы Тенар. Он накрыл ее руку своей рукой; она склонилась к

нему, и он назвал ей свое Подлинное Имя, чтобы после смерти остаться в памяти людей в истинном обличье.

Потом Огион сжал руку Тенар и, плотно зажмурив глаза, снова начал мучительную схватку со смертью, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха, пока не затих совсем. И тогда распростертый на земле Огион стал похож на один из корней могучего бука. На небе загорались первые звезды, и свет их падал сквозь листву и ветви деревьев.

Тенар сидела рядом с умершим в сгущающихся сумерках, в наступившей потом темноте... Вдруг на лугу огненной мухой мелькнул свет фонаря. Она укрыла теплым шерстяным одеялом и себя, и покойного, но рука ее, что крепко сжимала его руку, совершенно окоченела, как если бы она держала в ней ледышку. Она еще раз коснулась лбом ладони Огиона и с трудом встала. Голова у нее кружилась, тело не слушалось и казалось чужим. Тенар пошла навстречу тому, кто шел сюда по лугу сквозь ночь.

И до рассвета соседи Огиона сидели с ним рядом, и он никого не отослал прочь.

Дворец властелина Ре Альби возвышался на голой скале прямо над Большим Утесом. Рано утром, задолго до того, как солнце добралось до западного склона горы Гонт, волшебник, что служил у Лорда, спустился по дороге, ведущей из поместья через деревню к дому Огиона. Вскоре явился и еще один волшебник, преодолевший трудный крутой подъем от Порта Гонт до Ре Альби, да еще в темноте. То ли они получили известие о скорой кончине Огиона, то ли узнали о смерти Великого Мага благодаря собственной волшебной силе — неизвестно.

В Ре Альби не было своего волшебника или колдуна — рядом жил сам Огион, да еще кое-какую помощь людям оказывала местная ведьма, тетушка Мох; она могла отыскать потерянную вещь, вылечить от хвори, вправить кости — ради таких мелочей никто не стал бы беспокоить старого Мага. Тетушка Мох обладала весьма суровым нравом, никогда не была замужем и, похоже, никогда не мылась. Ее седые волосы являли собой чудовищное переплетение замысловатых магических узелков, а веки покраснели от бесконечных курений волшебных трав. Это она первой пришла тогда с фонарем через луг, а потом вместе с Тенар и остальными всю ночь просидела у тела

покойного Огиона. Во время этого бдения именно она зажгла восковую свечу под стеклянным колпаком и воскурила сладкие масла на глиняном блюде; она произнесла все необходимые в таких случаях слова и вообще сделала все, что нужно было сделать. Перед обмыванием тела она только раз глянула на Тенар, как бы испрашивая разрешения, и сразу же занялась привычным делом. Ведь именно деревенские ведьмы не только обряжают покойников, но часто и хоронят их.

Когда же в лес явился волшебник Лорда Ре Альби, высокий молодой человек с сосновым посохом, украшенным серебряным набалдашником, а потом пришел и второй, из Порта Гонт (это был полный мужчина средних лет с коротким тисовым посохом), тетушка Мох даже не подняла своих налитых кровью глаз, а продолжала кланяться и пришепетывать и снова кланяться, собирая воедино все свои небогатые запасы волшебства.

Когда же наконец она уложила покойного так, как ему должно лежать в могиле — на левом боку, с согнутыми коленями, — то напоследок вложила в его раскрытую левую ладонь крошечный амулет, плотно завернутый в кусок мягкой козьей шкуры и перевязанный крашеной тесемкой. Волшебник из Ре Альби небрежно отшвырнул сверточек концом своего посоха.

— Выкопана ли могила? — спросил волшебник из Порта Гонт.

— Да, — ответил ему волшебник Лорда. — Она вырыта во дворе моего господина, — и он показал в сторону поместья.

— Понятно, — сказал волшебник из Порта Гонт. — Я-то думал, что Великий Маг будет похоронен в центре нашего города, который когда-то спас от землетрясения.

— Мой господин пожелал сам удостоиться чести похоронить Лорда Огиона, — заявил тот, что из поместья Ре Альби.

— Но тогда получится... — начал было тот, что из Порта Гонт, и умолк, не желая спорить, но не смирившись со столь легковесными доводами. Потом глянул на покойного. — Придется его похоронить безымянным, — проговорил он с сожалением и горечью. — Я шел всю ночь, но все-таки опоздал. Из-за этого невосполнимая наша утрата становится еще горше.

Молодой волшебник промолчал.

— Его Подлинное Имя было Айхал, — сказала Тенар. — И согласно его воле он должен покоиться здесь, где лежит сейчас.

Оба волшебника уставились на нее одновременно. Молодой увидел всего лишь пожилую деревенскую женщину и молча отвернулся. Тот же, что пришел из Порта Гонт, долго не сводил с нее глаз, а потом спросил:

— Кто ты?

— Меня зовут Гоха, я вдова фермера Флинта, — отвечала она. — А уж кто я на самом деле — вам, по-моему, лучше знать. Да и с какой стати мне говорить вам это?

При этих словах волшебник Лорда сподобился удостоить ее взглядом.

— Эй, женщина, попридержи-ка язык! Как ты смеешь говорить так в присутствии двух волшебников! — бросил он.

— Постой, — добродушно попытался утихомирить его тот, что пришел из Порта Гонт. Он по-прежнему внимательно смотрел на Тенар. — Ты ведь была... когда-то его ученицей?

— И другом, — отрезала Тенар. Потом резко отвернулась и замерла: она услышала гнев в собственном голосе, произносящем слово «друг». И стала смотреть на своего старого друга, лежащего на земле, готового уйти в эту землю, навеки утраченного, недвижимого... А эти люди толпились вокруг, живые, полные сил, не испытывающие ни капли дружеского сочувствия — одну лишь зависть да удовлетворение при виде поверженного соперника и злобу.

— Простите, — сказала она. — Слишком долго тянется ночь. Я была с ним рядом, когда он умер.

— Но это не... — начал было молодой волшебник, но тут неожиданно его прервала тетушка Мох, яростно бросившаяся на защиту Тенар:

— Да, была! Была! Никого не было, кроме нее. Он за ней и послал. Молодого Таунсенда, торговца овцами, — чтоб весточку ей передал. И дожидался, все не умирал, пока она не пришла. И это она была с ним все время, и она знает, где он должен быть похоронен. Здесь вот!

— И он, — спросил тот волшебник, что был постарше, — он назвал тебе?..

— Назвал свое Имя. — Тенар посмотрела на них: недоверие написано было на лице старшего, удовлетворение, нескрываемое удовлетворение светилось на лице

более молодого. И она не стала скрывать своего презрения. — Я ведь уже один раз произнесла его вслух. Неужели я должна повторять?

К ужасу своему, по выражению их лиц она поняла, что волшебники эти действительно не расслышали Подлинного Имени Огиона: они тогда просто не обратили на него внимания.

— О! — воскликнула она. — Что за ужасные времена настали: даже такое имя остается неуслышанным и, произнесенное в тишине, звучит не громче упавшего на землю камушка! Разве умение слушать других — не великое мастерство? Что ж, слушайте снова: Имя его было Айхал. И после смерти будет — Айхал. И в песнях, что сложат о нем, он будет Айхалом с острова Гонт. Если в теперешние времена кто-то может еще слагать настоящие песни. Он был очень молчаливым человеком. А теперь умолк совсем. И, может быть, никаких песен больше не будет, одно лишь молчание. Не знаю. Устала я очень. Я потеряла отца и дорогого друга... — Голос ее предательски дрогнул, горло сдавили рыдания. Она отвернулась и хотела уйти. Но тут заметила на тропе, ведущей в лес, тот крошечный узелок, что приготовила для покойного тетушка Мох. Она подняла узелок, опустилась возле Огиона на колени, поцеловала открытую ладонь его левой руки и вложила туда амулет. Потом, не поднимаясь с колен, еще раз взглянула на возвышавшихся над ней двух мужчин. И тихо промолвила:

— Вы позаботитесь о том, чтобы могилу ему вырыли там, где он хотел?

Первым кивнул тот, что был постарше, следом за ним — молодой.

Она встала, отряхнула юбку и пошла прочь, через луг, залитый яркими лучами утреннего солнца.

4

КАЛЕССИН

«Жди, — сказал ей Огион, который теперь стал Айхалом, за мгновение до того, как ветер смерти оторвал его от жизни. — Кончено... Теперь все переменилось!.. — так прошептал он и прибавил: — Жди, Тенар...» Но не ска-

зал, чего же она должна ждать. Может, тех перемен, которые он предвидел или ощущал? Но каковы эти перемены? Может быть, он имел в виду собственную смерть? То, что будет, когда окончится его жизнь? Впрочем, он говорил почти радостно, возбужденно. И как бы возложил на нее ответственность за это ожидание.

«Ну что ж, как же иначе? — сказала она себе, подметая пол в его домике. — Разве в моей жизни было еще что-то, кроме ожидания?» — А потом, словно разговаривая с незабвенным Айхалом, спросила вслух:

— Мне ждать здесь, в твоем доме?

«Да», — чуть улыбнувшись, ответил ей Айхал Молчаливый.

Так что Тенар прибрала дом, вычистила очаг, проветрила тюфяки и матрасы. Выбросила всякие завалявшиеся черепки и худую сковородку, однако и с этим старьем обращалась очень бережно. Даже прижалась на минутку щекой к безнадежно треснувшей тарелке, прежде чем вынесла ее на помойку: старая тарелка видела, каким тяжким был прошедший год для старого, больного Мага. Суровый к себе, он жил столь же просто, как самые бедные крестьяне, однако, когда зрение его было ясным, а могущество в расцвете, он никогда бы не позволил себе пользоваться треснувшей тарелкой или дырявой сковородой, не починив их. Ей было больно видеть эти признаки слабости Огиона, и она горько жалела о том, что в трудное время ее не было с ним рядом. «Мне было бы очень приятно заботиться о тебе», — сказала она тому Огиону, каким помнила его, но он не ответил. Он никогда не позволил бы кому-то утруждать себя заботами о нем. Неужели он и ей бы сказал: «У тебя найдутся дела поинтереснее»? Она не знала. А он молчал. Но то, что теперь она живет в его доме, было совершенно правильным, это она прекрасно понимала и была в этом уверена.

Шанди и ее муж Чистый Ручей, что прожили на Дубовой Ферме дольше, чем Тенар, прекрасно могут присмотреть за овцами и за садом; а другие арендаторы, Тифф и Сис, вовремя уберут урожай с поля. Остальное же пусть пока что само о себе заботится. Ее малину оборвут соседские ребятишки. Это жаль: малину Тенар очень любила. Здесь, на Большом Утесе, где всегда дули сильные морские ветры, было слишком холодно для малины. И все-

таки на маленьком персиковом деревце, которое посадил Огион в защищенном от ветра уголке, у южной стены дома, зрели восемнадцать персиков. Терру следила за ними, как кошка за мышью, с самого первого дня. И наконец заявила своим хрипловатым тихим голоском:

— Два персика совсем желтые. И с красным бочком.

— Отлично, — сказала Тенар, и они вместе с Терру сорвали два первых созревших плода и съели их прямо под деревом. Сок стекал у них по подбородкам. Они с наслаждением облизали пальцы.

— Можно я ее посажу? — спросила Терру, разглядывая морщинистую твердую поверхность косточки.

— Конечно. Вон хорошее местечко рядом со старым деревом. Только не сажай слишком близко, чтобы второму деревцу тоже хватило места для корней.

Девочка выбрала место, выкопала крошечную могилку, опустила туда косточку и засыпала землей. Тенар наблюдала за ней. За те недолгие дни, что они прожили здесь, Терру очень переменилась. Она по-прежнему отвечала с трудом, не проявляя ни гнева, ни радости, но, с тех пор как они поселились в доме Огиона, ее болезненная настороженность и неподвижность стали незаметно исчезать. Вот только что, например, ей очень захотелось съесть персик. И даже посадить косточку, чтобы персиков в этом мире стало больше. На Дубовой Ферме она не боялась только двоих: Тенар и Жаворонка; но здесь ее Подружкой сразу же стала Вереск, пастушка из Ре Альби, добросердечная простушка огромного роста, басовитая и глуповатая, лет двадцати; Вереск обращалась с девочкой почти так же, как с одной из коз, которых пасла, или скорее как с хромым, беспомощным козленком. Что было в общем-то справедливо. Тетушка Мох тоже явно пришлась ко двору, и Терру было безразлично, какие от старой ведьмы исходили ароматы.

Когда двадцать пять лет назад Тенар впервые попала в Ре Альби, тетушка Мох была еще совсем молодой. Она с ужимками и гримасами кланялась и улыбалась «Белой Даме», ученице и приемной дочери Огиона, но никогда с ней не заговаривала первой и разговор всегда вела подчеркнуто уважительно. Тенар сразу тогда почувствовала, что за фальшивыми уважительными словами спрятаны ревность, неприязнь и недоверие, слишком хорошо зна-

комые ей по тем временам, когда она была вознесена на пьедестал Единственной, Верховной Жрицы Гробниц теми женщинами, которые считали себя столь же обычными, сколь необычной — ее, пользовавшуюся немыслимыми привилегиями по сравнению с ними. Жрица Гробниц Атуана, приемная дочь Великого Мага, она вечно оказывалась как бы поодаль от остальных, как бы над ними. Это преимущество, разделяя свое могущество с нею, предоставляли ей мужчины. А женщинам оставалось лишь взирать на нее с почтением, с ревностью, а порой с забавным смущением.

Она рассталась с той Тенар, что вечно оказывалась в стороне ото всех, захлопнула дверь в ту свою жизнь; бежала от тех Древних Сил, что обитали в Гробницах Атуана, отвернулась и от того могущества, что было даровано ей Знанием, уроками ее приемного отца и учителя Огиона, и пошла совсем иной дорогой, в иной мир, мир женщин, желая стать одной из них, такой же, как они: женой фермера, крестьянкой, матерью, хозяйкой дома, — и пользоваться лишь теми силами, которые даны женщине от рождения, и ощущать лишь то уважение, с каким относятся к женщине-матери с начала времен.

И там, в Срединной Долине, жена Флинта Гоха была принята в общем-то очень хорошо всеми женщинами; да, конечно, она осталась «иностранкой», она была белокожей да и говорила как-то странно, однако стала отменной хозяйкой, умела отлично прясть, вырастила здоровых и вежливых детей, и ферма ее процветала — во всех отношениях женщина достойная. Мужчины тоже воспринимали ее как жену Флинта, которая делает то, что и положено каждой женщине: постель, готовка, выпечка хлеба, уборка, шитье... Хорошая женщина, одним словом. Им она нравилась. В конце-то концов этому Флинту здорово повезло, говаривали они. Только интересно было бы узнать, кожа-то у нее везде такая белая? И они смотрели на нее жадными глазами, пока молодость ее не прошла. И тогда они просто перестали ее замечать.

А теперь, здесь, в один миг все переменилось, ничего от прежней жизни и в помине не осталось. После совместного ночного бдения у тела покойного Огиона тетушка Мох ясно дала понять, что зачислила Тенар в друзья и станет теперь ее другом, последовательницей, служанкой — кем только не пожелает сделать ее ученица Огиона. Тенар вовсе не была уверена, что ей так уж хочется видеть тетушку Мох среди своих близких друзей — ведьма была слишком непредсказуема, ненадежна, невежественна, обладала замкнутой и в то же время слишком страстной душой, к тому же была чересчур хитра и... грязна. Но зато старуха прекрасно ладила с девочкой. Может быть, именно благодаря ей свершилось и едва заметное пока раскрепощение души Терру. В присутствии тетушки Мох Терру была, как всегда, равнодушна, неразговорчива, послушна — точно кукла, неодушевленный предмет, камень. Но старуха неустанно делала ей разнообразные мелкие подарки — сладости, игрушки и прочие «сокровища», — подкупала ее, задабривала, льстила. «А теперь пойдем-ка с тетушкой Мох, милая моя! И тетушка Мох покажет тебе самую красивую на свете картинку...»

Нос тетушки Мох нависал над беззубым провалившимся ртом; на щеке красовалась бородавка размером с красную фасолину; некогда черные, а теперь с сильной проседью волосы представляли собой чудовищную путаницу из бесконечных волшебных узелков; кроме того, от нее исходил столь могучий, сложный, сшибающий с ног запах, какой исходит разве что от лисьего логова. «Пойдем-ка со мной на прогулку в лесок, милая! — так заманивали детей в сказках все ведьмы. — Я там покажу тебе одну красивенькую вещицу!» А потом, естественно, ведьма засовывала малыша в печь, славно поджаривала его до хрустящей корочки и съедала на ужин или бросала ребенка в колодец, где бедняжка мог сколько угодно карабкаться по стенам и звать на помощь. Или, например, укладывала какую-нибудь девочку спать лет на сто внутри большого камня, пока королевский сын, волшебный Принц, не раскрывал камень одним лишь волшебным словом, а потом он, конечно же, будил спящую в нем девушку поцелуем и убивал злую ведьму...

«Пойдем-ка со мной, милая!» — И тетушка Мох уводила Терру в поля, чтобы показать ей гнездо жаворонка, сплетенное из зеленых былинок, или тащила с собой на болота, собирать белую всесвятку, дикую мяту и голубику. Ей совершенно не нужно было ни совать девочку в огонь, ни превращать ее в чудовище, ни запирать внутри чего-нибудь: все это с Терру уже проделали.

Старая ведьма была очень добра к девочке, но доброта ее была все-таки какой-то льстивой. Вечно она первой заговаривала с Терру, что-то ей предлагала... Тенар не знала, что именно она рассказывает Терру, чему ее учит, и сомневалась, стоит ли позволять старухе морочить ребенку голову. *Слабый, как женские чары, опасный, как женские чары,* — это она слышала тысячу раз. И действительно не раз убеждалась, что колдовство таких ведьм, как Айви или тетушка Мох, часто бывало слабым с точки зрения волшебной силы, однако весьма зловредным — намеренно или просто из-за невежества. Деревенские ведьмы, хоть и могли порой знать довольно много заклятий, различных способов ведовства и даже некоторые из Великих Сказаний, никогда не учились Высшему Искусству или хотя бы азам Магии. Волшебство всегда было чисто мужским делом, мужским мастерством; сама магическая наука была создана мужчинами. Никогда не существовало ни единой женщины-мага. И хоть некоторые и называли себя волшебницами или чаровницами, волшебная сила их была стихийной, необузданной, полудикой; то была сила без знаний, без мастерства, а потому — весьма опасная.

Обычно деревенская колдунья, какой была и тетушка Мох, существовала за счет знания нескольких слов Истинной Речи, которые бережно передавались в ее роду из поколения в поколение, словно великие сокровища, или за высокую плату покупались у колдунов. Им хорошо служили и самые простые заклятия, помогающие найти потерянный предмет или починить сломавшуюся вещь, а также огромное количество совершенно бессмысленных, однако весьма загадочных ритуалов. Кроме того, все они благодаря старинным традициям обладали многочисленными навыками: могли принять роды, вправить сустав, вылечить сломанную ногу, прекрасно разбирались в болезнях домашних животных и скота, знали почти все о полезных злаках и диких травах. Колдовство же их было круто замешено на суевериях, к тому же нужно было учитывать, сколь мал или велик у этих женщин тот врожденный дар, что дает возможность лечить, пользоваться заклинаниями, изменять облик людей и предметов. Все это вместе давало как хорошие, так и весьма дурные результаты. Некоторые из ведьм, например, отличались яростным, желчным нравом и всегда готовы были навредить, сами порой не зная, зачем им это. Чаще всего в деревнях они занимались тем, что принимали роды, лечили от разных хворей, готовили любовные зелья и составляли заговоры, помогавшие женщинам родить ребенка и дававшие любовную силу мужчинам. К этому, впрочем, они относились с достаточным бесстыдством. Наиболее же мудрые, даже не обладая Высшим Знанием, употребляли свою врожденную волшебную силу только во имя добра, хотя и не способны были объяснить — а это могут даже младшие из учеников Школы Волшебников, — почему они так поступают, и несли всякую чушь по поводу Равновесия и Великого Пути, чтобы хоть как-то оправдать собственные поступки и устремления. «Да делаю, как сердце велит, — сказала Тенар одна из них, когда та была еще ученицей Огиона и жила у него в доме. — Лорд Огион — Великий Маг. Большая честь для тебя — у него учиться, однако, детка, будь осторожной и осмотрительной, особенно ежели то, чему он учит тебя, окажется тебе не по душе».

Тенар даже тогда догадалась, что мудрая женщина, по всей вероятности, права; но все-таки что-то явно оставалось за пределами ее понимания. Впрочем, она и теперь думала по-прежнему.

Наблюдая за тетушкой Мох и Терру, она сказала себе: вот тетушка Мох как раз и поступает, как сердце велит, хотя, может быть, сердце у нее необузданное, дикое, подозрительное, да и вообще она похожа на хитрую ворону, которая упрямо добивается желанной цели. И еще ей подумалось, что тетушка Мох возится с Терру не из одних лишь добрых побуждений: ее притягивает к девочке то несчастье, что с ней случилось, то насилие, тот страшный костер...

Ничто, однако, ни в словах Терру, ни в ее поведении не свидетельствовало о том, что тетушка Мох чему-то учит ее — разве что отыскивать гнезда жаворонков да собирать чернику; а еще она научила девочку играть в «путанку» одной рукой. Правую руку Терру хищный огонь превратил в некое подобие большого когтя, и с помощью изуродованного большого пальца этой руки можно было лишь ухватить что-то, как крабьей клешней. Но тетушка Мох знала великое множество замечательных способов

сплести «путанку». Для некоторых было вполне достаточно четырех пальцев одной руки и большого пальца другой; и каждый раз, переплетая травинку или нитку, можно было сказать какой-нибудь «волшебный» стишок вроде:

Путай, путай, цвет вишневый!
Жги, жги — пойдут дожди,
А ты дракона подожди!

...И тогда непременно получалось сразу четыре треугольника, которые легко, стоило только дернуть за конец, превращались в квадрат... Терру никогда громко не пела, но Тенар слышала, как она себе под нос нашептывает слова этой песенки, сидя в одиночестве на крылечке Огионова дома и трудясь над очередной «путанкой».

А еще Тенар думала о том, что же это за силы такие — куда более могучие, чем жалость, чем простая обязанность помочь беспомощному, — заставили ее так привязаться к этому ребенку? Девочка, конечно, осталась бы в доме Жаворонка, если бы Тенар тогда ее не забрала. Но Тенар забрала ее, даже ни на секунду не задумавшись, почему, собственно, так поступает. Следовала ли она зову своего сердца? Огион тоже ведь ничего не спросил у нее о Терру и все-таки сказал: «Ее будут бояться». А Тенар ему ответила: «Ее уже боятся», и это было действительно так. Может быть, и сама она боялась этой девочки, как боялась жестокости, насилия, пожара? Не этой ли силой — силой страха! — была она привязана к Терру?

— Гоха, — спросила Терру, сидя на корточках под персиковым деревцем и рассматривая то место, где жарким летним днем она посадила персиковую косточку, — а что такое дракон?

— Драконы — это огромные существа, похожие на ящериц, но только длиннее самого большого корабля и выше, чем дом. У них есть крылья, как у птиц. И они выдыхают пламя.

— А сюда они прилетают?

— Нет.

Больше Терру ни о чем спрашивать не стала.

— Это тетушка Мох рассказывала тебе о драконах?

Терру покачала головой:

— Нет, ты.

— Ах вот как! — удивилась Тенар. И, немножко помолчав, прибавила: — Тому персику, что ты посадила,

чтобы расти, нужна вода. Обязательно поливай его хотя бы раз в день, пока дожди не начнутся.

Терру вскочила и бегом бросилась за угол дома, к колодцу. Ее прелестные стройные ножки огонь пощадил. Тенар очень любила смотреть, как она ходит или бегает, как ступают ее смуглые, изящные ступни по этой земле. Девочка вскоре вернулась, с трудом волоча за собой тот кувшин, с которым всегда ходил за водой Огион, и устроила вокруг своего саженца небольшой потоп.

— Значит, ты запомнила ту историю, когда люди и драконы считали себя одним народом... Про то, как на островах Земноморья поселились люди, в первую очередь здесь, на востоке... а драконы остались далеко-далеко на западе.

Терру кивнула. Она, казалось, не придала своему вопросу значения, однако, когда Тенар произнесла «далеко-далеко на западе», показав куда-то в морскую даль, Терру вдруг вскинула лицо к высокому ясному небу, кусок которого виднелся между побегами фасоли и углом загона для коз.

На крыше загона показалась коза и повернулась к ним боком, надменно задрав голову. Судя по ее гордому виду, в данный момент она явно считала себя настоящей горной козой.

— Ну конечно, эта Сиппи снова удрала, — сказала Тенар.

— Эй, пошла, пошла! — закричала Терру, подражая деревенской пастушке, которая и сама вскоре появилась из-за угла и стала кричать на упрямую козу, но та не обращала на нее ни малейшего внимания, задумчиво созерцая растущую внизу фасоль.

Тенар предоставила им возможность поиграть в привычную игру под названием «поймай Сиппи» и побрела мимо грядок с фасолью к самому краю Большого Утеса и дальше, дальше над обрывом. Дом Огиона стоял в стороне от деревни, совсем близко от того места, где крутой склон горы переходил с одной стороны в каменистые, поросшие травой террасы, пригодные для выпаса коз, а с другой — стеной нависал над морем. По самой кромке обрыва шла тропа; на ней отчетливо видна была верхняя часть рудной жилы. А примерно в миле от деревни склоны Большого Утеса становились более пологими, превра-

щаясь в некое подобие козырька из красного песчаника, нависавшего над морем, которое уже значительно подмыло его основание.

Здесь, на самом дальнем краю Большого Утеса, не росло ничего, кроме мхов и лишайников, лишь кое-где мелькала голубая ромашка, потрепанная ветром и прибитая к земле, похожая на случайно оброненную пуговицу. Если же встать спиной к морю, а лицом — к северу и востоку, то почти сразу за узкой полоской заболоченной земли круто поднимался к небесам, скрывая горизонт, склон самой огромной горы, покрытый лесом почти до самой вершины. Большой Утес так далеко выступал над водами залива, что с его края можно было разглядеть часть береговой линии и долины Эссари вдали, тонувшие в дымке. А дальше на юг и на запад — только небо да синее море.

Тенар часто ходила к обрыву, когда жила в Ре Альби. Огион любил леса. А она столько времени прожила в пустыне, где на расстоянии многих дней пути не было ни единого деревца, разве что в саду при храмах росли яблони и персики; садовые деревья в течение всего долгого лета приходилось поливать вручную. Вокруг же не было ничего влажного, свежего, даже зеленой травы — только округлый холм, пустынная долина да небо над ней. И Тенар очень любила стоять на самом краю утеса, где столько воздуха и простора, где леса не обступают тебя со всех сторон, где над головой нет ничего, кроме бескрайнего неба. Это было замечательно!

Мхи, серые лишайники, приземистые некрупные ромашки тоже очень нравились ей: то были ее друзья. Она уселась на выступе скалы, у самой кромки обрыва, как всегда глядя в морскую даль. Солнце пригревало сильно, но вечный здесь ветер смягчал жар его лучей, осушал разгоряченное лицо и обнаженные руки. Она, запрокинув голову, оперлась руками о землю; солнце, ветер, синь небес целиком заполнили ее душу, она как бы вся была просвечена окружавшим ее простором моря и неба. Неожиданно укол в ладошку левой руки напомнил Тенар о собственной живой плоти, и она, очнувшись, посмотрела на землю. Это оказался крошечный, едва видимый стебель чертополоха, торчавший из трещины в камне; он жадно протягивал свои бесцветные колючки навстречу солнцу, упрямо сопротивлялся порывам ветра и крепко держался корнями за скалу. Тенар долго смотрела на крохотное растение.

Когда же она вновь подняла глаза, то увидела в далекой голубой дымке на горизонте синеватые очертания острова: Оранея, самый восточный из Внутренних Островов.

Она смотрела туда, на это призрачное видение, и о чем-то грезила, пока внимание ее не привлекла какая-то необычная птица, летевшая над морем с запада к острову Гонт. То явно была не чайка, ибо летела она слишком медленно, однако и для пеликана она летела слишком высоко... Может, это дикий гусь? Или альбатрос, редкий гость, великий скиталец Открытого моря, залетел на эти острова? Она смотрела, как медленно и плавно поднимаются и опускаются широкие крылья — где-то высоко над землей, в чуть дрожащем от жары мареве. Потом вдруг вскочила, отбежала подальше от края обрыва и застыла у скалы без движения; сердце билось так, словно вот-вот выскочит из груди, ей стало трудно дышать, ибо теперь ясно видны стали и изогнутое темно-стальное тело, и могучие перепончатые крылья, полыхающие красным заревом, и выставленные вперед когти, и вырывающиеся из чудовищной пасти клубы дыма.

Дракон летел прямо к Большому Утесу, прямо к тому месту, где стояла она. Тенар видела, как поблескивает ржаво-черная чешуя, как горят продолговатые страшные глаза. Красный язык пламени вырвался из пасти вместе с запахом гари, когда с шипением и ревом дракон развернулся и приземлился на скалистом обрыве над морем.

Когти его с металлическим скрежетом царапнули камни. Украшенный шипами хвост гремел, извиваясь, а крылья, совершенно алые там, где сквозь них просвечивало солнце, бурно хлопали и тоже гремели, пока дракон не успокоился и не сложил их за спиной. Тогда, медленно повернув голову, он посмотрел на женщину, что застыла в опасной близости от его когтей, похожих на лезвия косы. Женщина тоже посмотрела на дракона. От тела чудовища исходил нестерпимый жар.

Тенар давно знала, что нельзя смотреть дракону прямо в глаза, но сейчас ей почему-то все было нипочем. Дракон глянул из-под бронированных щитков, напоми-

навших черепашьи и прикрывавших широко расставленные по обе стороны плоской морды глаза, прямо на нее, а в глубине его ноздрей бушевало пламя, клубился дым. Однако она тоже не отвернулась, а смело встретила его взгляд своими темными глазами.

Никто не произнес ни слова.

Дракон чуть отвернул голову, видимо, чтобы не сжечь ее, когда раскроет пасть, — а может, ему вдруг стало смешно? — и выдохнул вместе с языком оранжевого пламени нечто вроде громоподобного «Ха!». И, почему-то совсем ссутулившись, проговорил почти нежно, но явно обращаясь не к ней:

— *Абивараибе, Гед.*

И тут же его окутали клубы дыма, в котором порой мелькал и тонкий язык пламени. Потом пламя и дым исчезли, дракон опустил голову, и Тенар впервые за все это время заметила, что на спине чудовища сидит человек, примостившись у самой шеи, у самых корней гигантских крыльев, в углублении между двумя похожими на огромные мечи шипами. Шипы эти спускались вдоль хребта дракона до самого кончика хвоста. Руки человека судорожно вцепились в ржаво-черную чешую, а голова была запрокинута и упиралась в основание мощного шипа; человек этот, похоже, спал.

— *Аби эбераибе, Гед,* — сказал дракон чуть громче, и Тенар показалось, что он все время улыбается своей длинной пастью, показывая зубы длиной с человеческую руку, желтоватые, с белыми острыми концами.

Человек у него на спине даже не пошевелился.

Дракон снова повернул голову на длинной шее и посмотрел на Тенар.

— *Собриост,* — сказал он — словно сталь прошелестела по стали.

Это слово Истинной Речи она знала. Огион называл ей все слова Истинной Речи, которые она хотела узнать. Дракон велел ей подняться наверх? И она вдруг отчетливо увидела ступени, ведущие к нему на спину: когтистая лапа, кривоватый локоть, плечевой сустав, мощное основание крыла — четыре ступени.

Она почему-то тоже выдохнула:

— Ха!

Но то был не смех — она просто пыталась перевести

дыхание, исторгнуть то, что комом застряло у нее в горле. Потом на мгновение опустила голову, чтобы преодолеть дурноту — ах, как близко были огромные когти, и длинная безгубая пасть, и желтый продолговатый глаз! — и уверенно поднялась на спину дракона. Коснулась руки сидевшего там человека, но он не пошевелился. Впрочем, мертв он не был, иначе дракон не стал бы разговаривать с ним.

— Ну же! — сказала Тенар, наконец разглядев его лицо и разжав впившиеся в драконову чешую пальцы. — Ну же, Гед! Пойдем!..

Он едва заметно приподнял голову. Открытые глаза его, однако, оставались как бы незрячими. Тенар пришлось обойти его, царапая ноги о горячую чешую дракона, и долго отцеплять пальцы правой руки, которыми он продолжал крепко сжимать шипастый выступ на шее чудовища. Она позволила Геду с той же силой вцепиться в ее собственную руку и благодаря этому сумела протащить его вниз по всем четырем «ступеням».

Он изо всех сил старался держаться за нее, однако силы совсем оставили его, и он мешком рухнул на каменистую землю.

Дракон склонил гигантскую голову и совершенно по-звериному обнюхал тело человека.

Потом встрепенулся, глухо пророкотали приподнявшиеся мощные крылья, и он чуть попятился от Геда к краю утеса. Там, повернув голову на шипастой шее, он снова посмотрел Тенар прямо в глаза и сказал — словно пламя заревело в огромном горне:

— *Тбессе Калессин.*

Морской ветер шуршал в его полураскрытых кожистых крыльях.

— *Тбессе Тенар,* — звонко ответила ему женщина, хотя голос ее чуть дрожал.

Дракон некоторое время смотрел вдаль, куда-то на запад, за море. Потом вдруг содрогнулся всем своим длинным телом, страшные когти лязгнули по камням, гигантские крылья с шелестом раскрылись, дракон подпрыгнул и будто свалился с утеса, подхваченный ветром. Только длинный хвост еще какое-то время волочился по земле. Несколько раз поднялись и опустились красные крылья,

и Калессин сразу оказался очень далеко от острова, направляясь прямо на запад.

Тенар смотрела ему вслед, пока он не стал казаться диким гусем или чайкой. Сразу похолодало. Рядом с драконом ей было жарко, словно все вокруг согрел он пламенем, бушевавшим у него внутри. Тенар поежилась от холода. Потом опустилась на землю возле Геда и в полный голос заплакала, закрыв лицо руками.

— Но что же я могу сделать? — шептала она. — Что же я могу сделать теперь?

Однако плакала она недолго и вскоре вытерла глаза и нос рукавом, обеими руками откинула назад волосы и перевернула лежащего рядом Геда лицом вверх. Теперь он лежал на этих голых скалах так спокойно и естественно, что казалось, улегся там навеки.

Тенар вздохнула. Ничего поделать с этим она не могла, но всегда ведь найдется, что можно сделать еще...

У нее не хватает сил отнести его домой. Нужна помощь. Значит, придется оставить его на какое-то время одного. Ей казалось, что он лежит слишком близко к краю и если попытается встать, то вполне может упасть вниз. Он слишком слаб и вряд ли сможет удержаться на ногах. Как бы ей его передвинуть? Он даже головы не поднял, когда она попыталась с ним заговорить, коснулась его. Тогда Тенар подхватила его под мышки и попробовала оттащить подальше от края. К ее удивлению, он оказался очень легким, несмотря на то, что лежал словно мертвый. Вдохновленная успехом, она оттащила его шагов на семь или восемь от обрыва и уложила не на голые камни, как раньше, а на тонкий слой земли, поросший пучками дикой травы, — это тоже давало ощущение безопасности. Там она его и оставила. Бежать Тенар была не в состоянии: ноги дрожали, дыхание со стоном вырывалось из груди; однако она старалась идти как можно скорее и, приближаясь к дому Огиона, громко звала на ходу тетушку Мох, Терру и пастушку Вереск.

Девочка первой выбежала на зов из-за козьего загона и, как всегда, послушно остановилась, однако навстречу Тенар не бросилась, не выразила ни малейшей радости сама и не искала встречной радости на лице своей приемной матери.

— Терру, сбегай в деревню и попроси кого-нибудь

прийти сюда... кого угодно, только посильнее... Там у обрыва раненый человек...

Терру так и застыла. Она никогда еще не ходила в деревню одна. И теперь в душе ее боролись привычное послушание и страх. Заметив это, Тенар спросила:

— А тетушки Мох здесь нет? А Вереск где? Мы бы втроем и сами смогли его отнести. Скорей, скорей, Терру, позови их! — Ей представилось, что если Гед, совершенно беззащитный, еще пробудет там, на краю обрыва, то непременно умрет. А она просто не успеет вернуться. Умрет, упадет или его унесут драконы. С ним-то уж все, что угодно, может случиться. Скорее, скорее туда! Флинт умер в одиночестве. Пастух случайно нашел его у ворот. Огион тоже умер, и она не сумела, не смогла удержать его. Гед тоже вернулся домой умирать, и наступил конец всему, ничего больше у нее не оставалось, нечего ей было делать в этом мире... Но все-таки приходилось действовать. — Скорей, Терру! Приведи же кого-нибудь!

Она сама побрела было, пошатываясь, к деревне, но тут увидела, как старая ведьма спешит к ней через пастбище, опираясь на толстую палку из ствола боярышника.

— Ты звала меня, милая?

Тенар сразу же стало легче на душе. Она обрела способность вновь нормально дышать и думать. Тетушка Мох не стала тратить время на расспросы и, лишь узнав, что какой-то человек ранен и его нужно перенести сюда, прихватила плотную циновку, которую развесила на изгороди Тенар, и поспешила на край обрыва. Вместе с Тенар они уложили Геда на эту циновку и уже тащили домой, хотя и с большим трудом, когда на помощь подоспела Вереск вместе с Терру и козой Сиппи. Девушка была молодой и сильной, и теперь они сумели поднять циновку за четыре угла и быстро перенести Геда в дом.

Тенар и Терру спали вместе — в алькове у западной стены. У противоположной стены была лежанка Огиона, теперь застланная плотной льняной простыней. На нее они и положили раненого. Тенар укрыла его одеялом, пока тетушка Мох суетилась вокруг постели и шептала всякие заклятия, а Вереск и Терру просто стояли и смотрели.

— Ну а теперь дайте ему отдохнуть, — сказала Тенар и выпроводила всех на крыльцо.

— А он кто? — спросила Вереск.

— И что у обрыва делал? — спросила тетушка Мох.

— Ты же его знаешь, тетушка Мох. Когда-то он был учеником Огиона... Айхала.

Ведьма покачала головой.

— То был парень родом из Десяти Ольховин, милая, — сказала она. — Он потом стал Верховным Магом на острове Рок.

Тенар согласно кивнула.

— Нет, милая, это не тот, — сказала старуха. — Он только похож на того. Но это не он. Этот человек никакой не маг. Даже и не колдун.

Вереск с любопытством поглядывала то на Тенар, то на тетушку Мох. Она мало что понимала из людских разговоров, но очень любила слушать, когда люди говорили друг с другом.

— Но я же узнала его, тетушка Мох! Это Ястребок. — Произнесенное ею старое, привычное прозвище Геда вдруг пробудило в ней прежнюю нежность, и она впервые действительно поняла, почувствовала, что это Гед, что все эти долгие годы, с того дня, как тогда, давным-давно, она увидела его, связь между ними оставалась неразрывной. Тогда она увидела свет в глубоком подземелье, звезды в темной ночи и в этом свете — его лицо... — Я знаю его, тетушка Мох. — Она слабо улыбнулась, потом улыбка ее стала шире. — Он первый мужчина, которого я увидела в жизни.

Тетушка Мох что-то забормотала; она явно колебалась. Ей не хотелось перечить «госпоже Гохе», однако слова той казались ведьме совершенно неубедительными.

— Бывают всякие трюки, ловушки, превращения, подмены... — проговорила она. — Ты бы лучше поостереглась, милая. Как он попал-то туда, на самый край обрыва? Вроде бы никто не видел, как он через деревню шел?

— А разве никто... не заметил?..

Они дружно уставились на Тенар. Она попыталась выговорить «того дракона» и не смогла. Губы и язык не слушались, слово «дракон» не выговаривалось. Зато само сложилось другое слово и заставило Тенар выдохнуть:

— ...Калессина...

Терру смотрела на нее во все глаза. Казалось, от девочки волнами исходит тепло, жар, словно она горит в

лихорадке. Она ничего не сказала вслух, лишь губы ее слегка шевельнулись — она про себя повторила имя дракона, и жар вокруг нее стал еще ощутимее.

— Фокусы, — заявила тетушка Мох. — Сейчас, когда наш старый маг умер, непременно сбегутся всякие трюкачи да шутники.

— Мы вдвоем с Ястребом на маленькой открытой лодке приплыли через море с Атуана на Хавнор, а потом — на Гонт, — сухо сказала Тенар. — Ты же видела его, когда он привез меня сюда, тетушка Мох. Тогда он еще не был Верховным Магом Земноморья, но выглядел точно так же. Разве у кого-нибудь еще есть такие шрамы?

Оскорбленная старуха так и застыла, пытаясь совладать с собой. Потом глянула на Терру.

— Нет, — сказала она. — Но...

— Неужели ты думаешь, что я бы его не узнала?

Тетушка Мох поджала губы, вся напряглась и, опустив глаза, потерла друг о друга большие пальцы рук.

— В этом мире много зла, госпожа, — сказала она. — Есть такие существа, что способны отнять у человека его тело, его обличье... даже его душу...

— Ты думаешь, он оборотень?

Тетушка Мох вздрогнула оттого, что страшное слово было произнесено вслух. И кивнула:

— Ведь и правда говорят, что однажды маг Ястреб явился сюда — это было давным-давно, еще до того, как он привез тебя, — и его преследовало одно из порождений Тьмы. Может быть, та тень по-прежнему ходит за ним по пятам. А может...

— Тот дракон, что принес Ястреба сюда, — сказала Тенар, — называл его Истинным Именем. И мне это имя известно! — В голосе ее зазвенел гнев, вызванный упрямой подозрительностью ведьмы.

Тетушка Мох стояла, не говоря ни слова. И это ее молчание было куда красноречивее любых слов.

— Возможно, тень, что витает над ним, — это тень его смерти. Возможно, он просто умирает сейчас. Не знаю. Если бы Огион...

Вспомнив Огиона, Тенар залилась слезами: Гед опоздал, дракон принес его сюда слишком поздно. Проглотив горький комок в горле, она подошла к камину и стала разжигать огонь с помощью кремня и огнива. Потом про-

тянула Терру пустой чайник, чуть коснувшись при этом губами ее щеки. Чудовищные уродливые шрамы были горячи на ощупь, но жара у девочки не было. Тенар опустилась перед камином на колени. Кто-то в их распрекрасном доме должен все-таки заниматься делами насущными — ведьма ли, вдова, девочка-калека или полубезумная пастушка! И нечего пугать ребенка всякими там слезами! Но тот дракон улетел, и неужели нечего больше ждать, кроме смерти?

5

ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

Он лежал как мертвый, однако мертвым не был. Где же бродил он? Сквозь какие испытания прошел? Вечером при свете очага Тенар сняла с него грязную, изношенную, заскорузлую от пота одежду, вымыла его и уложила обнаженным на чистые льняные простыни, укрыв толстым теплым одеялом из козьей шерсти. Он всегда был невысоким и на вид довольно хрупким, хотя и очень стройным, однако всегда как бы источал неиссякающую жизненную силу; теперь же он так исхудал, словно вся его сила ушла, а плоть истрачена без остатка; даже шрамы, бороздившие его левое плечо и левую щеку от виска до подбородка, как бы уменьшились, подернулись патиной времени. И совсем серебряной стала его голова.

«Я безумно устала — устала хоронить, — думала Тенар. — Меня тошнит от похорон, тошнит от горя утрат. Нет уж, его мне хоронить не придется: ведь он явился ко мне верхом на драконе!»

«А когда-то я хотела убить его, — вспомнила она. — Но теперь заставлю жить — если смогу». И она посмотрела на Геда с вызовом, а не с жалостью.

Так кто же из нас кого спас тогда, в Лабиринте, Гед?

Он спал и ничего не слышал, даже не шевельнулся ни разу. Тенар чувствовала чудовищную усталость. Она вымылась остатками теплой воды и забралась в постель рядом со свернувшейся тихим теплым клубочком Терру. Тенар уснула сразу, и сон неожиданно перенес ее в непо-

нятное, открытое всем ветрам пространство, совершенно бескрайнее и окутанное розовато-золотистой дымкой. Она летела. И звала: «Калессин!» И чей-то голос летел ей навстречу в потоках света.

Когда она проснулась, в полях и под застрехой уже вовсю щебетали птицы. Сев в постели, Тенар увидела утренний свет сквозь толстое дешевое стекло в низеньком окошке, выходившем на запад. Что-то таилось в ее душе, крохотное семя, отблеск неведомого, слишком далекого, чтобы можно было понять, что же это такое, но вся душа ее была охвачена совершенно новым чувством. Терру все еще спала. Тенар сидела с ней рядом, глядя в маленькое окошко на облака, просвеченные солнцем, и вспоминая свою дочку по прозвищу Яблочко — какой та была в детстве. Мимолетный образ тут же исчез, едва она попыталась присмотреться повнимательнее — крохотное тельце, пухлые, вздрагивающие от смеха щеки, рассыпающиеся кудряшки... А второй ее ребенок в шутку прозван был Искоркой — искру эту как бы высек Флинт Кремень. Она, мать, не знала его Подлинного Имени. Сын был в детстве настолько слабым и болезненным, насколько была здоровенькой Яблочко. Он родился до срока, совсем крошечным, да еще спустя два месяца чуть не умер от крупа, и первые два года ей все казалось, что она выхаживает едва живого воробышка — когда сегодня не знаешь, будет ли малыш жив завтра. Но ребенок выжил, крохотная искорка не потухла. И, подрастая, мальчик становился все более крепким и жилистым, совершенно неугомонным, даже настырным; проку от него на ферме не было никакого: у него не хватало терпения на животных, на растения, на людей; он и словами-то пользовался исключительно для удовлетворения собственных потребностей, но никогда — ради удовольствия беседы, для объяснения в любви, для обмена знаниями...

Однажды, как обычно скитаясь по лесам, к ним заглянул Огион — Яблочку тогда было тринадцать, а Искорке — одиннадцать. И Огион дал дочери Тенар ее Подлинное Имя, совершив обряд у истоков реки Кахеды. Она была очень красива — полуженщина-полудитя, — когда шла по зеленоватой воде. Огион назвал ее Хейохе. Он тогда прожил на Дубовой Ферме еще день или два и однажды спросил Искорку, не хочет ли тот отправиться в

путешествие с ним вместе. Мальчик только головой помотал. «А чем бы ты занялся, будь твоя воля?» — спросил его Огион, и Искорка сказал Великому Магу то, чего до сих пор не решался сказать ни отцу, ни матери: «Ушел бы в море». Так что после того, как колдун по прозвищу Бук дал ему Подлинное Имя — это случилось через три года после разговора с Огионом, — сын Тенар нанялся моряком на торговое судно, ходившее из Вальмута до острова Оранея и северных берегов Хавнора. Время от времени Искорка появлялся на ферме, но не часто и никогда не задерживался надолго, хотя после смерти отца ферма переходила к нему. Белокожий, как Тенар, он вырос высоким, жилистым и узколицым, как Флинт. Он так и не назвал родителям своего Подлинного Имени. Похоже, он никому на свете его не назвал. Тенар не видела сына уже три года. Может быть, он уже узнал о смерти отца, может быть, нет. А может быть, его и самого уже не было на свете — умер, утонул... Но она считала, что этого не могло случиться. Он просто обязан был пронести ту искру, что зажгла в нем жизнь, через все моря, сквозь любые шторма.

Вот и в ней сейчас словно зажглась какая-то искра, точно все ее существо уверовало в неизбежность перемен, во что-то новое, неведомое. Что же это? Она, пожалуй, и спросить не решилась бы. О таком не спрашивают. Как не спрашивают у человека, каково его Подлинное Имя, есть оно у него или нет.

Тенар встала, оделась. Несмотря на раннее утро, было уже совсем тепло, так что огня она разжигать не стала. Просто выпила кружку молока, сидя на крыльце и глядя, как тень горы Гонт, падавшая на море, втягивается постепенно внутрь острова. Здесь, на продуваемом всеми ветрами скалистом мысу, сейчас царило почти полное безветрие, и слабое дыхание, все-таки ощущавшееся в воздухе, пахло летом, дивными ароматами луговых трав. И что-то еще удивительно благостное разливалось вокруг — что-то непривычное, какая-то радость.

«Все переменилось!» — прошептал старый Огион, умирая, но тоже явно чувствуя радость. И накрыл ее руку своей. Он тогда принес ей в дар бесценную вещь — свое Подлинное Имя, словно отдавая его навсегда.

— Айхал! — прошептала она. Он не ответил, только проблеяли козы в загоне: они ждали, когда Вереск придет

их доить. «Бе-е», — сказала одна, а другая более низким, металлическим голосом откликнулась: «Бла-а! Бла-а!» Поверь козе, говаривал Флинт, если хочешь все испортить. Флинт, хотя и сам когда-то был пастухом, коз недолюбливал. А Ястреб в детстве был как раз козопасом — здесь, на Гонте, только с другой стороны горы.

Тенар вошла в дом и обнаружила, что Терру стоит у постели Геда и внимательно смотрит на спящего. Она обняла девочку, и, хотя Терру обычно слегка отстранялась при любом, даже самом ласковом прикосновении или по крайней мере проявляла полное равнодушие, на этот раз она ласку не только приняла с благодарностью, но даже, пожалуй, сама немного прижалась к Тенар.

Гед, обессиленно распростертый на постели, был погружен все в тот же непробудный сон. Четыре страшных шрама-отметины на левой щеке были отчетливо видны.

— Это огнем? — спросила шепотом Терру.

Тенар ответила не сразу. Она и сама толком не знала, что это за шрамы. Когда-то она спрашивала его об этом — давно, в Расписной Комнате Лабиринта, на острове Атуан. «Это, наверно, дракон?» — спросила она тогда насмешливо. А он совершенно серьезно ответил: «Нет, это не дракон. Это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал...» Вот и все, что ей было известно. Но она понимала, что для Терру значит слово «огонь».

— Да, — сказала она.

Терру продолжала смотреть на Геда. Она так наклонила головку, чтобы единственный ее зрячий глаз смотрел прямо на него, и от этого стала похожа на маленькую нахохлившуюся птичку — воробышка или зяблика.

— Пойдем-ка, птенчик, зяблик ты мой! Ему сейчас особенно нужно крепко спать, а тебе пора съесть персик. Интересно, созрел ли у нас там сегодня хоть один?

Терру тут же помчалась смотреть. Тенар пошла следом.

Поглощая персик, девочка внимательно изучала то место, где вчера посадила персиковую косточку. Она явно была разочарована тем, что там до сих пор ничего не выросло, однако ничего не сказала.

— Полей получше, — посоветовала ей Тенар.

После завтрака явилась тетушка Мох. Она замечательно умела плести корзины из тростника, росшего на болотах близ Большого Утеса, и Тенар как-то попросилась к ней в ученицы. С раннего детства, проведенного на острове Атуан, она любила учиться. А оказавшись на чужом для нее острове Гонт, обнаружила, что люди страшно любят кого-нибудь учить. Она научилась с благодарностью принимать любые знания и уроки, и благодаря этому ей быстро простили, что она чужестранка.

Когда-то свои знания ей передал Огион, потом — Флинт. Для нее естественно было всю жизнь чему-то учиться. И ей казалось, что еще столь многому на свете поучиться стоит, хотя раньше, слушая наставления жриц или будучи ученицей волшебника, она так не думала.

Тростник был замочен загодя, и сегодня с утра они собирались его расщеплять — занятие, требующее известного внимания, однако в общем несложное, так что вполне можно было и думать, и говорить о чем угодно.

— Тетушка, — спросила Тенар, сидя на крыльце перед корытцем с замоченным тростником и кучкой готовой щепы на циновке, — а как ты можешь угадать, волшебник человек или нет?

— То, что скрыто в глубине, ведомо лишь тем, кто глубоко видит, — сказала тетушка Мох прочувствованно и прибавила: — То, что рождено на этот свет, непременно заговорит. — И рассказала Тенар историю о муравье, который подобрал на полу во дворце один крошечный волосок и поспешил отнести его в свой муравейник, а ночью весь подземный муравейник засиял, точно туда упала звезда, ибо волосок тот был с головы Великого Мага Бреста. Но лишь мудрые могли увидеть тот свет в муравейнике. Обычным людям он казался погруженным во тьму.

— Значит, просто нужны знания, просто нужно учиться? — спросила Тенар.

— Может быть, нужно, а может быть, и нет. — Такова была суть весьма туманного ответа ведьмы. — Этот дар бывает порой врожденным, — пояснила она. — Даже если человек о нем и не знает, дар все равно остается при нем. И непременно засияет когда-нибудь, как тот волосок Великого Мага, что попал в муравейник.

— Да, — сказала Тенар, — такое и я видела. — Она аккуратно расщепляла стебли тростника и складывала щепу на циновку. — Тогда как же ты узнаешь, что кто-то вовсе не волшебник?

— Так ведь сразу видно! — воскликнула тетушка Мох. — У такого ничего особенного за душой нет, милая. Нет у него волшебной силы, и все. Вот посмотри. Если у меня есть глаза, так ими я могу увидеть, что и у тебя глаза тоже есть, так ведь? А если ты слепа, так я и это сразу увижу. Или если у тебя, к примеру, только один глаз зрячий, как у нашей малышки, или, скажем, три глаза — это ведь тоже сразу заметно, разве не так? Но если у меня самой ни одного зрячего глаза нет, так я ни за что не узнаю, зрячая ли ты, если ты сама мне об этом не скажешь! Но у меня-то глаза есть! Я знаю, что вижу прекрасно. Третий глаз! — Она коснулась собственного лба и разразилась смехом — громким сухим кудахтаньем, словно торжествующая наседка, которая только что снесла яйцо. Она была довольна, что отыскала нужные слова и сумела выразить именно то, что хотела. По большей части ее невнятная и довольно-таки двусмысленная манера выражать собственные мысли, как Тенар давно уже начала подозревать, была связана именно с неумением управлять словами. Никто никогда не учил ее выражать свои мысли последовательно. Никто никогда не прислушивался к тому, что она говорит. Все ждали от нее, ведьмы, именно этого невнятного, *загадочного, волшебного* бормотания. Она как бы не должна была иметь ничего общего с ясными значениями слов.

— Понимаю, — сказала Тенар. — Тогда... но, может быть, ты на этот вопрос и не захочешь отвечать? Скажи, вот если ты смотришь на кого-то этим своим «третьим глазом», то есть видишь его волшебным зрением, сразу ли ты понимаешь, какова его волшебная сила?

— Это скорее от знаний зависит, — сказала тетушка Мох. — Увидеть человека — это все равно что сказать: *Я его увидел.* Узнать и увидеть — не одно и то же. Я вот вижу тебя, вижу этот тростник, вижу эту гору. А с людьми знание нужно. Я, например, знаю, что есть в нашей милой малышке и нету в том мужчине... который у тебя в доме лежит. Что есть в тебе и нет в нашей пустоголовой пастушке Хетер. Я знаю... — Но дальше сопоставлять ей оказалось не под силу. Она что-то пробормотала и сплю-

нула. — Каждая хоть сколько-нибудь стоящая ведьма тут же другую ведьму признает! — выпалила она наконец.

— Значит, вы друг друга легко узнаете?

Тетушка Мох кивнула:

— Да, точно. Так оно и есть. Узнаем.

— И любая волшебница сразу узнает и поймет, что в тебе есть волшебная сила, что ты колдунья?..

Но тут тетушка Мох как-то странно ухмыльнулась — открылась черная пещера беззубого рта в паутине бесчисленных морщин — и посмотрела прямо на Тенар.

— Милая ты моя, ты, верно, хотела сказать «волшебник», а не «волшебница»? Разве можем мы сравниться с мужчинами-волшебниками?

— Но Огион...

— Лорд Огион был добр, — очень серьезно сказала тетушка Мох.

Некоторое время обе молчали, упорно продолжая расщеплять стебли тростника.

— Смотри не поранься, не занози руку, дорогая, — предупредила тетушка Мох.

— Но Огион же учил меня! Как если бы я вовсе не была девушкой. Как если бы я была его настоящей ученицей — как Ястреба. Он учил меня Языку Созидания. Что бы я у него ни спросила, обо всем он рассказывал мне.

— Другого такого человека на свете не было и нет.

— Это же я сама не захотела, чтобы он меня учил дальше. Я сама ушла от него. Зачем мне были бы его книги в деревне? Что хорошего они бы мне дали? Я тогда хотела жить как все, хотела иметь мужа, детей; я хотела прожить *свою собственную* жизнь.

Она аккуратно и ловко расщепляла ногтем стебли тростника.

— И все это у меня получилось, — прибавила она.

— Ты бери стебель правой рукой, а щепу откладывай левой, — посоветовала ведьма. — Что ж, дорогая моя госпожа, кто может знать заранее? Кто? Желание иметь своего мужчину не единожды приносило мне ужасные неприятности. А вот желания выйти замуж у меня особого не было. Нет-нет! Все это не для меня!

— Почему же? — спросила Тенар.

Удивленная тетушка Мох ответила просто:

— Как же, да разве мужчина станет жениться на ведьме? — И, как-то странно шевельнув челюстями, словно овца, жующая жвачку, прибавила: — Да и какая ведьма выйдет за обыкновенного мужчину?

Опять обе помолчали.

— А что плохого в обыкновенных мужчинах? — осторожно спросила Тенар.

И тетушка Мох тоже осторожно, почти шепотом, ответила:

— Не знаю, милая. Я об этом частенько думала. Да, частенько. И самое большее, что я могу о них сказать... видишь ли, мужчина заполняет собственную шкуру, словно ядрышко ореха скорлупку. — Она вытянула свои длинные крючковатые влажные пальцы так, словно обхватила ими орех. — И скорлупа эта плотная и твердая; и вся она изнутри заполнена им самим. Вся заполнена великолепной мужской плотью, мужским духом. И больше там не помещается ничего! Только он сам — и больше ничего!

Тенар немного подумала и наконец спросила:

— Ну а если это волшебник?

— Тогда там, внутри скорлупы, одна лишь его волшебная сила, видишь ли. Его могущество — это и есть он сам. Так-то оно с мужчинами. Так что коли уж его волшебная сила уходит, то и сам он исчезает вместе с ней. Только пустая скорлупа остается! — Она как бы расколола орешек и выбросила осколки скорлупы. — И ничего больше.

— Ну а что же ты о женщинах скажешь в таком случае?

— О, милая, женщина — это совсем другой разговор. Кто знает, где начинается и где кончается женщина? Послушай-ка, госпожа, вот у меня, например, есть корни — глубже, чем у этого острова. Глубже моря они и старше самых первых из островов Земноморья. Далеко во тьму уходят они. — Глаза тетушки Мох сверкнули странным огнем меж покрасневших век, а голос вдруг обрел неслыханную мелодичность. — Во тьму! Я появилась на свет раньше, чем луна. Никто, никто не знает, никто не может сказать, что я такое, что такое женщина и в чем ее могущество, и уж тем более — волшебное могущество женщины; женские корни глубже, чем корни деревьев, глубже, чем корни островов; женщина старше, чем наш Создатель Сегой, старше, чем луна в небе. Кто осмелится зада-

вать вопросы Тьме? Кто спросит Тьму, каково ее Подлинное Имя?

Старуха говорила вдохновенно, почти пела, забыв обо всем на свете; но Тенар сидела по-прежнему прямо, упорно и спокойно расщепляя один стебель за другим.

— Я спрошу ее, — сказала она. И расщепила еще один стебель. — Я достаточно долго прожила во тьме.

Время от времени она заглядывала в дом и видела, что Ястреб по-прежнему спит. Вот и сейчас она встала и пошла посмотреть на него. Когда же она снова уселась рядом с тетушкой Мох, то ей совершенно расхотелось продолжать этот разговор, потому что вид у старухи был кислый, даже сердитый, и Тенар сменила тему.

— Сегодня утром, проснувшись, я почувствовала... ну как если бы ветер новый подул. Какую-то перемену. Может быть, просто погода переменилась? А ты ничего такого не почувствовала?

Тетушка Мох не сказала ни да ни нет.

— У нас тут, на Большом Утесе, каких только ветров нет — и добрые, и злые... Одни ненастье приносят, другие ясную погоду, а некоторые приносят тем, кто, конечно, их услышать может, разные вести, да только тот, кто ветры слушать не желает, тот их и услышать не может. Ну а что я о ветрах знаю — старуха, которую и магии-то не учили, которая и книг-то великих не читала? Все мои знания — из земли, из темной земли. Той, что у них под ногами, у этих гордецов. У всех этих заносчивых Лордов и Великих Магов. Разве они станут с высоты своих знаний вниз смотреть? Да и что в конце концов может знать какая-то старая ведьма?

«Она была бы отличным противником, — подумала Тенар, — но дружить с ней трудно».

— Тетушка, — сказала она, снова беря в руки тростник, — я выросла среди женщин. Там, в стране каргов, далеко на востоке, на острове Атуан, меня окружали только женщины. Маленькой девочкой меня взяли из семьи и вырастили в пустыне, чтобы затем сделать Великой Жрицей. Не знаю, как по-настоящему называется та пустыня, мы ее называли просто Священным Местом. И это было единственное место, которое я знала. Храмы охраняли

воины, но им было запрещено входить на территорию, ограниченную Стеной. А мы не смели покидать ее. Мы выходили за ее пределы только толпой — сплошь женщины и девочки, сопровождаемые охраной, состоявшей из евнухов, которые держали всех мужчин на недосягаемом для глаза расстоянии.

— Кто это такие — те, кого ты только что назвала?

— Евнухи? — Тенар машинально употребила каргадское слово. — Оскопленные мужчины.

Ведьма уставилась на нее, проговорила: «Тсекб!» — и особым жестом отогнала зло. Потом нервно облизала губы. Она была чрезвычайно озадачена.

— Один из них, — продолжала Тенар, — практически заменил мне мать... Но поверишь ли, тетушка, я ни разу не видела настоящего мужчины, пока не стала совсем взрослой. Одних только девочек и женщин. И все-таки я не понимала как следует, что же женщины собой представляют, именно потому, что женщины были единственными людьми, которых я знала. Это, наверно, как у тех мужчин, что подолгу лишены женского общества, — у моряков, солдат и еще Магов с острова Рок; разве понимают они по-настоящему, что такое мужчины? Как они могут знать это, если даже никогда не говорили с женщиной?

— Они что же, поступают с ними, как с баранами да козлами? — занятая своими мыслями, спросила Мох. — Просто берут ножик и — чик?

Сейчас, вся охваченная ужасом и мрачной жаждой мести, которая сильнее даже гнева, она просто не способна была рассуждать здраво и говорить на какую-либо иную тему, кроме как о евнухах.

Тенар немногое могла ей рассказать. Она поняла, что никогда даже не задумывалась об этом. На Атуане было много евнухов, а один из них, Манан, нежно любил ее, и она его любила; но убила его во имя собственного спасения... А потом она попала на острова Архипелага, где никаких евнухов не было, и совсем позабыла о том, что где-то они еще существуют — они для нее словно навеки канули во тьму вместе с Мананом.

— По-моему, — сказала она, стараясь удовлетворить жадное любопытство тетушки Мох, — они выбирают ма-

леньких мальчиков и... — Она вдруг умолкла. Даже руки перестали двигаться.

— Так было и с Терру, — снова заговорила она после долгого молчания. — Для чего еще нужен ребенок? Какой от малыша прок? Вот им и пользуются. Насилуют, уродуют... Послушай, тетушка Мох. Когда я жила в тех местах, где поклоняются Тьме, там жрицы прямо-таки горели жаждой насилия. А попав сюда, я решила, что вышла из тьмы на свет. Я научилась понимать нормальные значения слов. У меня был муж, я родила от него детей, я, в общем, жила хорошо. И света мне вполне хватало. Но и при свете с нашей Терру... сотворили такое... Там, на лугу, у реки. У той самой реки, где когда-то Огион дал Подлинное Имя моей родной дочери. И солнце светило... А я все пытаюсь понять теперь, где же я могла бы жить, тетушка Мох. Ты меня понимаешь? Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Что ж поделаешь? — вздохнула старуха и, помолчав, прибавила: — Милая ты моя, вокруг столько горя, что его и искать-то не нужно — само придет. — И, заметив, как дрожат руки Тенар, пытающейся вновь приняться за работу, ласково предупредила ее: — Смотри не поранься, милая.

Лишь через сутки Гед пришел в себя. Тетушка Мох отлично умела выхаживать больных, несмотря на все свои причуды и грязноватую внешность. Она даже умудрилась влить раненому в рот несколько ложек мясного бульона.

— Долго голодал, — объявила она, — и прямо-таки высох от жажды. — И, внимательно осмотрев его, прибавила: — *Он слишком далеко зашел,* по-моему. После таких путешествий они обычно слабеют, милая, и потом не в состоянии даже пить, хотя вода — это единственное, что им совершенно необходимо. Я знавала одного волшебника, крупного и сильного мужчину, который после этого взял да и умер. В считанные дни тенью стал, знаешь ли.

Но благодаря неустанным и терпеливым заботам тетушки Мох больной все-таки понемногу пил крепкий бульон, сдобренный целебными травами.

— Ну теперь мы посмотрим! — сказала старая ведьма. — Хотя, по-моему, все-таки слишком поздно. Он от

нас ускользает. — Она говорила об этом без горечи, пожалуй, даже с облегчением. Этот незнакомый мужчина был ей безразличен; просто еще одна смерть — обычное дело. Возможно, ей удастся похоронить хоть этого Мага. Ей же не позволили похоронить старого Огиона.

Тенар как раз обмывала Геду израненные руки. Он, должно быть, слишком долго ехал на спине Калессина и слишком яростно цеплялся за железную чешую дракона: с ладоней у него была содрана вся кожа, а пальцы покрыты бесчисленными ссадинами и порезами. Даже во сне пальцы его оставались судорожно стиснутыми, словно он боялся разжать их и упасть со спины дракона. Тенар пришлось силой разжать ему руки, осторожно промыть и смазать целебной мазью раны. Однако он почти сразу же закричал и попытался покрепче ухватиться за что-то руками — во что бы то ни стало старался удержаться на Калессине. Потом глаза его вдруг открылись. Она тихонько окликнула его. Он посмотрел на нее и без улыбки сказал:

— Тенар... — всего лишь узнавая ее, но не проявляя никаких чувств. Но то, что он узнал ее, доставило ей несказанную радость — она словно увидела дивный цветок, вдохнула сладостный его аромат: остался все-таки на свете хотя бы один человек, знавший ее Подлинное Имя, и этим человеком был Гед.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Лежи спокойно, — сказала она. — Дай мне закончить.

Он подчинился и, вновь откинувшись на подушку, погрузился в сон, однако теперь уже руки его немного расслабились и пальцы не были так судорожно сжаты.

Позже, уже ночью, засыпая рядом с Терру, она подумала: но ведь я никогда его раньше не целовала. И мысль эта потрясла ее до глубины души. Сначала она даже не поверила себе. Неужели за все эти годы?.. Нет, не в Гробницах — потом, когда они вместе брели через горы... потом на «Зоркой» плыли в Хавнор... И позже, когда он привез ее сюда, на Гонт?..

Нет, Огион ведь тоже никогда не целовал ее, как и она — его. Огион называл ее дочкой, он очень любил ее, но, похоже, старался не прикасаться к ней; да и она, привыкшая к одиночеству, призванная исполнять роль Единственной Жрицы, святой и неприкосновенной, не искала возможности кого-то коснуться или просто не понимала,

что ищет ее. Она обычно лишь на минутку прижималась лбом или щекой к руке Огиона или же он сам мог погладить ее по голове — всего лишь разок легко коснуться ее волос.

А Гед никогда даже этого не делал.

«Неужели я никогда не задумывалась об этом?» — изумленно спрашивала она себя, испытывая нечто вроде смутного страха.

Она ничего не понимала. При мысли об этом какой-то ужас, ощущение совершаемого греха охватывали ее душу и медленно отступали, так и не найдя себе объяснения. Ее губы узнали теперь обветренную, суховатую, прохладную кожу его щеки у самого уголка рта, и одно лишь это теперь имело смысл, только это было важно для нее.

Она долго не могла уснуть. Но и во сне чей-то голос все звал ее: «Тенар! Тенар!», а она отвечала странными криками, словно морская птица, что летит над океаном в потоках света, вот только не понимала, чье имя выкрикивает в ответ.

Ястреб разочаровал тетушку Мох: он выжил. Через день-два она совсем сдалась и решила, что он чудом спасся от смерти, а потому упорнее, чем раньше, поила его бульоном из козлятины, разных корешков и целебных трав, бережно поддерживая при этом за плечи, окатывая могучим запахом своего давно не мытого тела, вливая в него жизнь ложку за ложкой и при этом постоянно бормоча что-то. Хотя и сам он узнал ее и называл, как все, тетушкой Мох и ей уже трудно было бы отрицать, что это именно Ястреб, ведьма все-таки была настороже. Не нравился он ей, и точка! «Все в нем не так, как надо», — говорила она. Тенар всегда с большим уважением относилась к необычайной проницательности тетушки Мох, и подобные заявления весьма ее беспокоили, но в собственной душе она не ощущала ни малейших сомнений или подозрений — только радость от одного лишь его присутствия, от того, что он хоть и медленно, но возвращается к жизни.

— Когда он снова станет самим собой, ты увидишь! — говорила Тенар тетушке Мох.

— Самим собой! Как бы не так! — презрительно откликалась та и снова показывала Тенар, как легко ломается в пальцах пустая ореховая скорлупка.

Довольно скоро Гед спросил об Огионе. Тенар ждала

этого вопроса с ужасом. Ей уже почти удалось себя убедить, что он вообще этого вопроса не задаст, что он сам узнает об этом, как и все маги, как узнали даже самые обычные волшебники из Порта Гонт и Ре Альби. Однако на четвертое утро, проснувшись, когда Тенар подошла к нему, Гед внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Это ведь дом Огиона.

— Да, это дом Айхала, — ответила она, стараясь казаться беззаботной; ей еще было трудно выговаривать вслух Подлинное Имя Великого Мага. Она не знала, известно ли оно Геду. Конечно же, известно. Может быть, от самого Огиона, а может быть, тому и говорить надобности не было.

— Значит, он умер.

— Десять дней назад.

Он снова умолк, глядя прямо перед собой, словно о чем-то размышляя, словно тщательно пытаясь вспомнить, отыскать что-то в своей памяти.

— Когда же я сюда попал? — еле слышно прошептал он, и ей пришлось нагнуться к нему совсем близко, чтобы разобрать, что он говорит.

— Четыре дня прошло.

— В тех горах больше никого не было, — проговорил он с трудом, и по телу его прошла судорога. Он зажмурился, словно от боли, весь напрягся и глубоко вздохнул.

Силы потихоньку возвращались к нему, однако напряжение из глаз не уходило; тяжкие вздохи, мучительно стиснутые руки — к этому Тенар почти привыкла. Силы возвращались к нему — но не душевный покой.

Как-то раз он сидел на пороге дома, греясь в лучах летнего полуденного солнца. Пока что он способен был дойти лишь от постели до крыльца. Сидя там, он любовался разгорающимся днем, и Тенар, половшая сорняки на грядках фасоли за домом, выйдя из-за угла, не смогла оторвать от него глаз. Не только серебряные волосы, но и сама словно пеплом подернутая плоть его, казалось, принадлежат человеку с того света. В глазах Геда не было прежнего огня. И все-таки этот похожий на тень, словно обугленный человек был тем Гедом, чье лицо она впервые увидела в сиянии его собственного волшебного могущества, — у него по-прежнему было сильное волевое лицо с ястребиным носом и тонко очерченным ртом; он

по-прежнему был красив. Он был таким, как всегда: красивым и гордым.

Она подошла к нему ближе.

— Солнышко для тебя сейчас важнее всего, — сказала она, и он согласно кивнул, но сидел, по-прежнему обхватив себя стиснутыми руками, словно замерз, хотя солнце буквально заливало его жаркими лучами.

Он почему-то был настолько молчалив в ее присутствии, что она даже подумала, не в ней ли причина его беспокойства. Может быть, он просто не привык видеть ее здесь и потому чувствует себя не в своей тарелке? В конце концов теперь он стал Верховным Магом Земноморья — она все время об этом забывала. И уже целых двадцать пять лет прошло с тех пор, как они вдвоем брели по горам Атуана, а потом плыли на «Зоркой» через Восточное море.

— А где сейчас «Зоркая»? — спросила она, сама удивившись этому вопросу, и тут же спохватилась: «Ах, какая я дура! Столько лет прошло, он теперь Верховный Маг, зачем ему та лодочка?»

— На Селидоре, — ответил он, и лицо его снова подернулось непроницаемой и необъяснимой пеленой печали.

Давным-давно, неведомо в каком году, и так далеко, как отсюда до Селидора...

— Это самый далекий из островов Земноморья? — зачем-то спросила она.

— Да, самый далекий — на западе, — откликнулся он.

После ужина, когда Терру убежала играть на улицу, они остались сидеть за столом.

— Так, значит, это с Селидора ты прилетел верхом на Калессине?

На этот раз имя дракона выговорилось как бы само собой; оно само заставило ее губы произнести нужные звуки, а в горле она почувствовала слабый привкус гари.

Он коротко, но остро глянул ей прямо в глаза, и только тут она поняла, что чаще всего он избегает смотреть прямо на нее. Он кивнул в ответ и, мучительно стараясь расставить все точки над «i», уточнил:

— С Селидора мы сперва прилетели на Рок. А потом уже на Гонт.

Сколько дней они были в пути? Десять, двадцать? Она понятия не имела. На Хавноре когда-то она видела огромные карты, но никто никогда не учил ее понимать то, что на них изображено и написано. *Так далеко, как отсюда до Селидора...* А как измерить скорость полета дракона?

— Гед, — сказала она, называя его Подлинным Именем, ибо сейчас они были одни, — я понимаю, что ты пережил ужасные страдания и опасности. Если не хочешь, не можешь или не имеешь права что-то рассказывать мне... Но если бы я знала хоть что-то! Может быть, тогда от меня тоже было бы больше толку. А мне бы очень хотелось стать тебе полезной. Наверное, с острова Рок за тобой скоро приедут или пошлют за тобой, Верховным Магом, корабль, а может быть — кто его знает! — даже дракона. Если ты снова надолго уедешь, мы так никогда как следует и не поговорим. — Она говорила и нервно ломала пальцы, чувствуя фальшь собственных интонаций и слов. Идиотская шутка насчет посланного за Гедом дракона показалась ей позаимствованной у сварливой крестьянской жены.

Он смотрел в стол — мрачный, усталый, словно крестьянин, весь день проработавший в поле и на закуску получивший дома скандал.

— По-моему, гостей с Рока здесь пока не будет, — напряженно выговорил он, некоторое время молчал и наконец закончил: — Погоди, дай мне время.

Тенар решила, что теперь он никогда уже больше говорить с ней не станет.

— Да, конечно, ты прости меня, — быстро сказала она и уже поднялась, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, когда он вдруг тихо и по-прежнему глядя в стол заявил:

— Теперь этим буду заниматься я.

Потом встал, поставил свою тарелку в таз с грязной посудой, помог Тенар убрать со стола. Сам перемыл тарелки, пока Тенар возилась в кладовке. Интересно, думала она, все сравнивая его с Флинтом, Флинт ни разу в жизни тарелки не вымыл. Еще бы, женская работа! Но Гед и Огион жили здесь холостяками, да и везде, где Гед жил подолгу, женщин в доме не было, так что ему доводилось делать и «женскую» работу, и он к этому относился спокойно. Было бы очень жаль, подумала она, если бы вдруг он стал относиться к такой работе иначе, испугался

бы, что его достоинство повисло на конце посудного полотенца.

Никто за ним с острова Рок не приехал. В тот раз, когда они впервые заговорили об этом, было просто рановато: ни одно судно — разве что легкокрылая «Зоркая», подгоняемая волшебным ветром, — не смогло бы так быстро дойти до Гонта. Однако день шел за днем, но не было для Геда ни письма, ни гонца. Тенар казалось странным, что Верховного Мага Земноморья столь долго не решаются беспокоить. Он, должно быть, просто запретил посылать за ним корабль; а может быть, скрылся здесь ото всех с помощью своего волшебного мастерства так, чтобы никто не смог догадаться, кто он такой и откуда. Ведь и жители Ре Альби тоже почти не обращали на него внимания.

То, что никто из поместья Лорда Ре Альби так и не явился к домику Огиона, удивляло Тенар куда меньше. Здешние Лорды всегда были с Огионом в довольно прохладных отношениях. Жены здешних правителей, если верить сплетням, всегда отличались склонностью к черной магии. Дочь одного из хозяев Ре Альби, по слухам, вышла замуж за какого-то страшного и могущественного чародея с северных островов, который заживо похоронил ее под каким-то волшебным камнем. Другая женщина из этого рода долго колдовала над своим не рожденным еще ребенком, пытаясь превратить его в могущественного волшебника, и он действительно сразу заговорил, едва успев появиться на свет, однако в теле его как бы не было ни единой косточки. «Словно пустой кожаный бурдюк! — шептала деревенская акушерка. — Словно бурдючок с глазами и человеческим голосом. И грудь не брал, только все лопотал что-то странное, а потом умер...» Что бы там ни было на самом деле, только правители Ре Альби всегда жили замкнуто. Спутница мага Ястреба, приемная дочь Огиона, Белая Дама, что доставила Кольцо Эррет-Акбе в Хавнор, возможно, со временем и удостоилась бы чести попасть в замок Ре Альби, однако такого не случилось. Тенар — к собственному большому удовольствию — предпочла поселиться в крошечном домике, принадлежавшем деревенскому ткачу Фану, жила там совершенно одна и крайне редко, да и то издали, видела людей из господского дома. Сейчас, как сказала бы тетушка Мох, дом этот лишился хозяйки: там жил один только старый Лорд,

его внук да еще тот молодой волшебник Аспен, которого специально пригласили в поместье из Школы Волшебников.

После того как Огиона вместе с амулетом тетушки Мох похоронили под буком на лесной тропе, Тенар Аспена не видела ни разу. Она была поражена: неужели он не ведает о том, что Верховный Маг Земноморья живет по соседству? А если он знает об этом, то по какой причине держится в стороне? Да и волшебник из Порта Гонт тоже после похорон Огиона больше ни разу не появился. Даже если он еще не узнал, что Ред здесь, то, конечно же, должен знать, кто такая она, Белая Дама, что носила когда-то Кольцо Эррет-Акбе на своей руке и возвратила целостность Руне Мира... «А как давно это было, старая ты дура! — сердито сказала она себе. — Все пытаешься собственный затылок рассмотреть? Смотри, нос набок не сверни!»

А все-таки именно она назвала им Подлинное Имя Огиона! Это чего-то стоит!

Впрочем, разве станут эти волшебники, мужчины, проявлять к ней какое-то внимание? Они люди могущественные. И общаются только с себе подобными. А у нее-то какое могущество? Да и было ли оно у нее когда-нибудь? Девочкой, жрицей, она служила лишь сосудом, который Великая Тьма наполняла своим могуществом, заставляя ее, Ару, исполнять свои желания, а затем опустошала, оставляя без сил, без чувств, без стремлений... Потом, еще молодой, она училась Великому Знанию у могущественного Мага и сама отказалась от этих знаний, никогда больше о них не вспоминала. Она тогда сделала свой выбор и обрела истинное женское могущество, однако и это прошло: свою роль матери и жены она сыграла, и теперь в ней не осталось никакой силы, способной добиться признания.

Но ведь дракон первым заговорил с ней! «Я Калессин», — сказал он, а она ответила: «А я Тенар».

«Что такое Повелитель Драконов?» — спрашивала она когда-то Геда в Лабиринте, во владениях Тьмы; она все пыталась унизить его, заставить признать ее могущество, а он ответил ей просто и честно (ее всегда обезоруживала эта его манера): «Это тот, с кем драконы станут разговаривать».

Значит, она та, с кем драконы разговаривать станут. Не это ли новое потаенное чувство, словно зернышко света, она ощутила в себе на следующее утро после встречи с Калессином, когда, проснувшись, глядела в маленькое окошко, выходящее на запад?

Через несколько дней после того разговора с Гедом Тенар полола сорняки вдоль дорожки, ведущей в сад и огород, спасая грядки от глушащей все на свете буйной травы. Гед, выйдя из загона для коз, тоже принялся за прополку, двигаясь ей навстречу. Некоторое время он работал споро, потом вдруг сел на землю и мрачно уставился на свои руки.

— Дай им сперва зажить как следует, — мягко сказала Тенар.

Он кивнул.

Высокие побеги фасоли цвели, распространяя сладкий аромат. Гед сидел, сложив худые руки на коленях, и смотрел, как сплетаются цветущие растения с теми, на которых уже висят молодые стручки. Трава была вся просвечена солнцем. Не прерывая работы, Тенар сказала вдруг:

— Перед самой смертью Айхал сказал: «Все переменилось...», и, хотя я по-прежнему горько оплакиваю его, что-то не дает моему горю стать слишком сильным. Словно должно родиться что-то прекрасное, словно что-то прекрасное обрело наконец свободу... И еще, во сне и потом, едва проснувшись, я уже знала: что-то тогда действительно изменилось в мире.

— Да, — сказал он. — С одним злом покончено. А еще... — Он заговорил снова только после длительного молчания. На нее он не смотрел, но впервые голос его звучал так, как помнилось ей — он говорил тихо, спокойно, с легким суховатым гонтским акцентом. — Помнишь, Тенар, как мы впервые приплыли в Хавнор?

«Разве могу я забыть?» — откликнулось ее сердце, но она промолчала, опасаясь, что звуками речи спугнет Геда.

— Мы вошли на «Зоркой» в гавань, причалили, поднялись по ступеням из мрамора... И кругом толпился народ... а ты подняла вверх руку, чтобы все видели Кольцо...

— Да, как подняла, так и забыла опустить: меня ужасно испугали все эти бесчисленные лица, голоса, множество цветов, башен, флагов, сверкание золота и серебра, громкая музыка — а ты был единственным, кого я знала...

в целом мире единственным, и это ты вел меня по улицам Хавнора...

— Сквозь толпу королевские слуги провели нас к башне Эррет-Акбе. И вдвоем с тобой мы поднялись по высокой лестнице, помнишь?

Она кивнула. И оперлась ладонями о рыхлую землю, которую полола, ощущая ее зернистую прохладную поверхность.

— Я с трудом открыл тяжелую дверь — она сперва плохо подавалась. И мы вошли. Ты помнишь?

Он спрашивал и спрашивал, словно желая получить подтверждение каждому своему слову: это действительно случилось, я правильно рассказываю?

— Мы вошли в огромный высокий зал, — сказала она. — Он был похож на мой Тронный Храм, где я когда-то была поглощена силами Тьмы. Но только потому, что был очень высоким. И свет туда проникал из-под самой крыши. Солнечные лучи, подобно лезвиям мечей, пересекали пространство...

— А трон? — спросил он.

— Трон? Да, конечно! Весь золотой и алый. Но тоже пустой. Как и тот, в моем Храме на острове Атуан.

— Теперь трон уже не пустует, — сказал он. И посмотрел на нее поверх зеленых стрелок лука. Лицо его оставалось, однако, напряженным, задумчивым, словно, говоря о радостном событии, сам он радости не испытывал: не мог. — Теперь в Хавноре есть настоящий король, — сказал он. — То, что было предсказано, осуществилось. Утраченная Руна стала целой, и мир тоже обрел целостность. Он... — Гед умолк и уставился в землю, стиснув руки, — он вынес меня из царства смерти назад, к жизни. Аррен с Энлада. Лебаннен, которого непременно еще воспоют потомки. Он теперь носит свое Подлинное Имя, Лебаннен, и это он Король Земноморья.

— Так, значит, — спросила она, опускаясь на колени и пытливо заглядывая ему в лицо, — это он принес в наш мир радость — словно люди вышли из тьмы на свет?

Гед не ответил.

«Значит, теперь в Хавноре есть Король», — подумала она и громко сказала:

— Настоящий Король в Хавноре!

Память об этом дивном городе хранилась в ее душе — она словно видела его сейчас: широкие улицы, мрамор-

ные башни, черепичные крыши, корабли с белыми парусами в гавани, поразительной красоты тронный зал, где солнечные лучи, падающие из окон, подобны лезвиям мечей; она помнила то ощущение благополучия, достоинства, гармонии и порядка, которое вызывал этот город. И сейчас ей казалось, что из этого светлого центра гармонии и порядка, словно круги по воде, расходятся во все стороны лучи мира.

— Как хорошо, что ты это сделал, друг мой дорогой! — сказала она.

Гед легким нетерпеливым жестом попытался остановить ее и вдруг отвернулся, прикрыв ладонью лицо. Ей невыносимо было видеть его слезы. Она склонилась над грядкой, выдернула один сорняк, второй, а третий оборвался у самого корня. Она рукой разгребла землю, пытаясь извлечь упрямый корень.

— Гоха, — голосок Терру, слабый, словно надтреснутый, донесся от ворот загона, и Тенар оглянулась. Девочка обоими своими глазами — зрячим и слепым — смотрела прямо на нее. Тенар подумала: может быть, я должна сказать ей, что в Хавноре теперь есть настоящий Король? Она выпрямилась и пошла к воротам загона, чтобы Терру зря не утруждала свое сожженное огнем горло. Когда девочка без сознания лежала близ горевших поленьев, то как бы вдохнула огонь. «Голос ее сгорел», — пояснил колдун Бук.

— Я все время смотрела за Сиппи, — прошептала Терру, — но она все равно удрала. И я никак не могу отыскать ее.

Это была, пожалуй, самая длинная фраза, когда-либо произнесенная ею. Девочка вся дрожала — она слишком долго бегала в поисках козы и теперь что было сил сдерживала слезы. «Ну вот, сейчас мы все тут плакать начнем, — подумала Тенар, — нет уж, глупости!»

— Ястреб! — окликнула она волшебника. — У нас тут коза сбежала.

Он сразу же распрямился и быстро подошел к ним.

— А в летнем загоне смотрели? — спросил он, глядя на Терру так, словно не замечал ни ее ужасных шрамов, ни ее самое — девочку, которая ищет сбежавшую козу. Такое ощущение, что на месте Терру он видел эту самую козу. — А в деревенском стаде?

Терру со всех ног бросилась к летнему загону.

— Она что, дочка твоя? — обернулся он к Тенар. До этого он ни разу ни слова не спросил о девочке, и Тенар даже стала думать, что мужчины все-таки очень странные существа.

— Нет, не дочка и не внучка. Она *мое дитя,* — сказала она. Зачем же она снова поддразнивает его, подшучивает над ним?

Он быстро отошел в сторону, и Сипли, коза с бело-коричневой шерстью, ринулась мимо него в ворота; ее по пятам преследовала Терру.

— Стой! — крикнул вдруг Гед и одним прыжком преградил козе путь, направляя ее точнехонько в руки Тенар. Та ухватила Сиппи за пышный воротник из шерсти, и коза сразу замерла как вкопанная, поглядывая одним своим желтым глазом на Тенар, а другим — на грядки с молодым луком.

— А ну пошла! — крикнула Тенар, выпроваживая ее за ворота загона на каменистое пастбище, где вредной козе, собственно, и полагалось находиться.

Гед уселся на землю там, где стоял; он, казалось, запыхался не меньше Терру, во всяком случае, хватал ртом воздух и явно чувствовал себя неважно, однако слез видно не было. Поверь козе, если хочешь все испортить.

— Вереск не должна была оставлять Сиппи на тебя, — сказала Тенар. — За этой дрянью никто углядеть не может. Если Сиппи снова сбежит, ты просто сразу скажи кому-нибудь и не волнуйся. Хорошо?

Терру кивнула. Она смотрела на Геда. Она редко смотрела на людей и еще реже — на мужчин, разве что мельком. А на него она смотрела и смотрела, не отрываясь, наклонив голову, нахохлившись, словно воробышек. Господи, что же это?

6

УХУДШЕНИЕ

Со дня летнего Солнцеворота прошло уже больше месяца, но вечера еще были долгими, особенно на обращенном к западу Большом Утесе. Однажды Терру вернулась домой очень поздно; они с тетушкой Мох весь день

бродили по горам в поисках целебных трав, и девочка настолько устала, что даже есть не могла. Тенар уложила ее в постель и села рядом, напевая песенку. Переутомившись, Терру как-то странно скрючивалась в кровати, словно парализованный зверек, и не мигая смотрела в пространство, пока у нее не начинались галлюцинации или кошмары; она и не спала, и не бодрствовала, но становилась как бы невменяемой. Тенар, правда, обнаружила, что таких приступов можно избежать, если сразу сесть рядом с девочкой, обнять ее и напевать что-нибудь негромко. Когда иссякал запас тех песен, которые Тенар выучила, будучи женой фермера Флинта из Срединной Долины, она принималась за нескончаемые каргадские гимны, оставшиеся в ее памяти со времен Гробниц Атуана, так что Терру засыпала под монотонные жалобные мольбы, обращенные к Безымянным и тому Незанятому Трону, что теперь, после землетрясения, был весь завален пылью и камнями. Она более не ощущала в этих ритуальных песнопениях никакой магической силы, лишь сама мелодия завораживала ее, да еще приятно было петь на родном языке; она, к сожалению, не знала тех песен, какие каргадские матери поют своим детям, какие пела и ей когда-то ее мать.

В конце концов Терру крепко заснула. Тенар осторожно разжала ее стиснутые пальцы, уложила девочку на подушку и еще минутку подождала, пока окончательно не убедилась, что малышка спит. Потом, быстро оглядевшись, с какой-то, пожалуй, виноватой торопливостью и одновременно с торжествующей радостью, словно предвкушая огромное удовольствие, приложила свою узкую светлокожую ладонь к той щеке Терру, что была сожрана огнем и покрыта безобразными шрамами. Уродство сразу исчезало. Плоть как бы вновь становилась невредимой, щека — округлой и мягкой; теперь это было самое обычное лицо милого спокойного ребенка, словно ее прикосновение каждый раз восстанавливало истину.

Неохотно отняла она свою легкую ладонь от щеки девочки, и тут же снова взору ее явилась рана, которая не заживет никогда.

Тенар наклонилась, поцеловала эти страшные рубцы и тихонько вышла из дома.

Солнце садилось в раскинувшуюся на западе жемчужную дымку. Возле дома никого не было. Ястреб, наверное, все еще бродил по лесу. Он давно уже начал один ходить на могилу Огиона, проводя там долгие часы под сенью могучего бука, а еще немного окрепнув, стал бродить по тем заповедным лесным тропам, которые так любил Огион. Он явно был равнодушен к еде, мало того, Тенар приходилось упрашивать его съесть хоть что-нибудь, и он по-прежнему сторонился людей, всему на свете предпочитая одиночество. Терру с радостью пошла бы за Гедом куда угодно; будучи чрезвычайно молчаливой, она не раздражала его, однако скоро уставала, и Гед отсылал девочку домой, уже в одиночестве забираясь все дальше и дальше, в такие края, о которых Тенар даже не слышала. Он возвращался домой к ночи, сразу ложился спать и зачастую снова исчезал еще до того, как Тенар и Терру успевали проснуться. Так что Тенар обычно оставляла ему на столе хлеб и мясо еще с вечера, чтобы он взял еду с собой.

Вдруг она увидела, как Гед идет к дому через луг по той тропе, которая казалась ужасно длинной, когда она в последний раз вела по ней Огиона. Гед, пересекая полосы закатного света, раздвигая колышущиеся под ветром травы, размеренной походкой приближался к ней, упрямо замкнувшись в своем несчастье, словно в оболочке из камня.

— Ты возле дома будешь? — окликнула она его с порога. — Просто Терру уже спит, а мне хочется немного пройтись.

— Да-да, конечно, иди, — сказал он.

На ходу она горько думала, сколь равнодушны мужчины к тем заботам, что правят жизнью любой женщины: к тому, например, что кто-то непременно должен быть неподалеку, если ребенок спит, что чья-то свобода непременно оборачивается чьей-то несвободой — ведь даже при ходьбе, чтобы сохранить равновесие, приходится опираться на одну ногу, пока второй делаешь шаг вперед... Однако мрачные мысли постепенно развеялись зрелищем гаснущего яркого заката и мягким, но довольно настойчивым ветерком. Теперь она просто шла и ни о чем не думала, пока не вышла на самый край обрыва над морем. Прямо перед нею в прозрачной розовой дымке тонуло солнце.

Тенар опустилась на колени и сперва взглядом, а по-

том на ощупь отыскала длинную неровную борозду в песчанике, ведущую прямо к краю утеса: след от шипастого хвоста Калессина. Она снова и снова проводила пальцами по его краю и словно плыла в потоках сумеречного света, мечтая о чем-то. Неожиданно губы ее сами произнесли вслух какое-то слово. На этот раз оно не жгло огнем, а медленно, с шипением выползало наружу: «Калес-с-с-с-син...»

Она посмотрела на восток. Склоны горы Гонт, покрытые лесом, были красны от заходящего солнца. Свет понемногу меркнул. Тенар опустила глаза, а когда снова, всего через несколько мгновений, посмотрела на гору, то склоны ее казались уже серыми, неясными, а лесистые участки были совсем черны.

Она дождалась первой звезды, вспыхнувшей над светлой дымкой заката, и медленно пошла домой.

Домой? Разве это ее дом? Почему она до сих пор здесь, в доме Огиона, а не в своем собственном? Почему она ухаживает за Огионовыми козами, за его луковыми грядками, а не за собственным стадом и садом? «Подожди», — сказал он ей тогда, она и ждала; и прилетел дракон; и теперь Гед уже почти здоров... Она свое дело сделала. До сих пор все хозяйство здесь было на ней. Но теперь она больше не нужна. И пора ей уходить отсюда.

Однако она никак не могла решиться оставить Большой Утес, это Гнездо Ястреба, и снова вернуться в долину, где жизнь на ферме куда легче, где нет таких ветров. Стоило ей подумать об этом, как сердце сразу холодело и душу заполнял мрак. А как же тот сон, что видела она здесь, под окном, выходящим на запад? И был ли дракон, прилетевший тогда именно к ней, к Тенар?

Дверь, как всегда, была распахнута настежь. Свежий вечерний воздух свободно вливался в дом. Ястреб сидел, не зажигая огня, на низенькой скамеечке у спящего очага. Это было его излюбленное место. Наверное, подумала Тенар, он и в детстве всегда сидел здесь. И сама она тоже придвигала эту скамеечку поближе к огню в ту зиму, когда жила у Огиона.

Он коротко глянул на нее, однако тут же снова уставился куда-то правее открытой двери, в темный угол. Там стоял тяжелый дубовый посох Огиона с отполированным временем набалдашником. Рядом Терру пристроила свой

ореховый посошок и ольховую палку Тенар, сломанные по дороге в Ре Альби.

Тенар вдруг подумала: а где же его собственный посох, подарок Огиона? И почему я не вспомнила о нем до сих пор?

В доме было совсем темно и все-таки душновато. На сердце давила странная тяжесть. Ей так хотелось, чтобы он как-нибудь остался дома и поговорил с ней обо всем, но теперь, когда он сидел в темноте у камина, она не находила нужных слов, как, наверное, и он.

— Я тут подумала, — сказала она наконец, поправляя тарелки на дубовом столе, — и решила: пора мне собираться назад, на ферму.

Он ничего не ответил. Может быть, кивнул, но она не видела — сразу повернулась к нему спиной.

Она вдруг почувствовала страшную усталость, ей хотелось спать; но он все сидел и сидел у камина, а темно было еще недостаточно, и не могла же она раздеваться прямо у него на глазах. Она даже рассердилась. И уже хотела попросить его выйти на минутку, когда он вдруг заговорил, сперва нерешительно покашляв:

— А книги? Книги Огиона? Книга Рун и еще две. Их ты заберешь с собой?

— Я?

— Ты же была его последней ученицей.

Она подошла и тоже присела у очага на трехногую табуретку Огиона.

— Я немного училась руническому письму, но почти все уже позабыла, конечно. Огион учил меня и Языку Созидания, на котором говорят драконы. Кое-какие слова я помню. Но мало. Я не пошла по его стопам, не стала волшебницей. Я просто вышла замуж, ты ведь знаешь. Разве оставил бы Огион свои мудрые Книги какой-то фермерше?

Помолчав, Гед сказал равнодушно:

— Кому же в таком случае он их оставил?

— Тебе, разумеется.

Он не ответил.

— Ты был его настоящим учеником, его гордостью, его другом. Он никогда об этом не говорил, но книги эти, конечно же, оставлены для тебя.

— Что же мне с ними делать?

Она уставилась на него в сгущающихся сумерках. На

другом конце комнаты в окошке слабо светилось закатное небо. Горечь, тревога, необъяснимая ярость, звучавшие в голосе Геда, рассердили ее.

— Ты, Верховный Маг, спрашиваешь об этом меня? Зачем тебе делать из меня дуру, Гед?

Он вдруг вскочил. Голос его дрожал, словно натянутая струна.

— Но неужели ты... не видишь... что все кончено... ушло навсегда!

Тенар сидела и напряженно пыталась разглядеть во тьме его лицо.

— У меня нет больше никакой волшебной силы! Я отдал ее... истратил... всю, что была у меня. Чтобы закрыть... Так что... Так что с магией покончено, покончено.

Она попыталась возразить, но не смогла.

— Это как вылить воду из чашки, — сказал он, — выплеснуть ее в песок. На пересохшую землю. Я вынужден был это сделать. Мне нечем теперь напиться. Впрочем, что значит одна-единственная чашка воды в бескрайней пустыне? Разве сама пустыня исчезла?.. Послушай! Так когда-то звал меня некий голос оттуда, из-за стены: иди сюда, слушай, слушай! И я пошел в эту мертвую пустыню — совсем еще молодым. И встретил там Ее, и сам стал Ею, вступил в брак с собственной Смертью. Но это она дала мне жизнь. Воду, животворную воду. Я стал фонтаном живой воды, ручьем, быстрой рекой... Но *там* все ручьи пересыхают. И все, что у меня под конец осталось, — это одна-единственная чашка воды, и я непременно должен был вылить ее в песок, на дно пересохшей реки, на скалы, окутанные мглой. И живая вода ушла. И теперь все кончено. Дело сделано.

Она достаточно много знала от Огиона и от самого Геда, чтобы сразу понять, о какой пустынной стране идет речь, и, хотя кому-то его слова могли показаться набором невнятных метафор, загадочными символами, скрывающими суть, ей было ясно, что это-то и есть правда, истина, которую он познал там. Она понимала также, что должна непременно возражать ему, опровергать все, что бы он ни сказал, даже если его слова — непреложная истина.

— Ты просто не успел еще прийти в себя, — сказала Тенар. — Возвращение от смерти к жизни — должно быть, слишком долгое путешествие. И трудное, даже если

обратно прилететь на спине дракона. Чтобы вернуться окончательно, нужно время. Время, покой, молчание. Тебе нанесли тяжелую рану. Но ты поправишься.

Он продолжал молча стоять. Она подумала уже, что ей удалось немного его успокоить. Но тут он вдруг спросил:

— Как поправилась эта девочка?

Словно острое лезвие ножа вошло в ее тело, острое настолько, что она даже не успела заметить самого удара.

— Не знаю, — сказал он уже знакомым ей, тихим, каким-то иссушенным голосом, — почему ты взяла ее к себе, понимая, что она неизлечима. Понимая, какова будет ее жизнь, изменить которую уже невозможно. Наверное, та часть жизни, которую мы только что прожили, — тьма, разруха, конец всему — затронула и ее. По-моему, ты взяла девочку по той же причине, что и я сам пошел навстречу своему смертельному врагу, потому что иначе ты поступить не могла. А теперь мы должны как-то жить дальше, вступать в новые времена искалеченными в боях со злом, хотя и одержав над ним победу, — ты со своей опаленной огнем девочкой, а я с опустошенной душой.

На пределе отчаяния чаще всего говорят именно так — ровным спокойным голосом.

Тенар обернулась и посмотрела на волшебный посох Огиона, стоявший в темном углу справа от двери: никакого света от него не исходило. Он казался абсолютно черным. В дверном проеме виднелись две звезды. Одна из них, которой она и раньше часто любовалась по вечерам, светилась белым светом и была видна на небе в летние месяцы. На Атуане ее называли Техану.

Вторая звезда, сиявшая рядом с Техану, была ей неизвестна. Не знала она и того, как называют звезду Техану на Гонте, не знала и ее Истинного Имени — того, которым называют ее драконы. Она знала лишь то название, которое слышала от матери, — Техану. Техану. Тенар, Тенар...

— Гед, — сказала она, по-прежнему глядя в дверной проем, — кто тебя воспитывал в детстве?

Он подошел, встал с ней рядом и тоже стал глядеть в подернутую дымкой морскую даль, на звезды, на темную громаду горы.

— Да никто особенно не воспитывал, — ответил он. — Мать моя умерла, когда я совсем маленьким был. Были

еще старшие братья, да только я их совсем не помню. А в общем, присматривали за мной отец мой, кузнец, и тетка, материна сестра. Тетка была у нас в деревне Десять Ольховин ведьмой.

— Как тетушка Мох, — сказала Тенар.

— Тетка моя была тогда помоложе. И от рождения имела волшебную силу.

— Как же ее звали?

Он помолчал.

— Не могу вспомнить, — медленно проговорил он.

Потом помолчал еще немного и сказал:

— Она учила меня Истинным Именам сокола, орла, скопы, тетеревятника, перепелятника...

— А как у вас называется вон та звезда? Белая?

— Сердце Лебедя, — сказал он, глядя в небо. — А в Десяти Ольховинах ее называли еще Стрелой.

Однако он так и не назвал Подлинного Имени звезды, как не назвал и тех Имен, которым учила его тетка-ведьма, — Подлинных Имен сокола, ястреба-перепелятника, скопы...

— То, что я говорил... там, у камина... это все неверно, — мягко сказал он. — Мне вообще не следовало ничего говорить. Ты прости меня.

— Если ты вообще ничего говорить не будешь, то мне-то как быть? Останется только уйти отсюда. — Она повернулась к нему. — Почему ты всегда думаешь только о себе? Только о себе! Выйди на минутку, пожалуйста, — совсем рассердилась она. — Я хочу раздеться и лечь.

Растерянный, бормоча какие-то извинения, он вышел на улицу; а она, раздеваясь на ходу, сразу нырнула в постель и спрятала лицо у шелковистого плеча Терру.

Понимая, какова будет ее жизнь...

Ее гнев, ее упрямое отрицание очевидного, ее нежелание согласиться со справедливыми доводами Геда — все это было результатом испытанного ею разочарования. Несмотря на то, что Ларк по крайней мере раз десять предупреждала ее, что ничего уже не поделаешь, даже и Ларк в глубине души все-таки надеялась, что Тенар сумеет вылечить эти страшные ожоги, несмотря на то, что и сама Тенар всегда говорила, что такое даже Огиону не под силу, она все-таки надеялась: Терру сможет вылечить Гед. Просто положит руку на ужасные шрамы, и все тут

же пройдет, кожа станет гладкой, в слепом глазу засверкает жизнь, скрюченная, сожженная рука оживет, а искалеченная, поруганная жизнь как бы начнется с самого начала.

Понимая, какова будет ее жизнь...

Отвращение, плевки через левое плечо, ужас, смешанный с любопытством, тошнотворная жалость и откровенные угрозы, ибо, как известно, беда притягивает беду... И никогда — мужской ласки. Никогда ни один мужчина не обнимет ее. Никогда и никто, только одна Тенар. Ах, конечно же, Гед прав, девочке тогда лучше было бы умереть. Им нужно было тогда отпустить ее душу на волю и не совать нос куда не следует — и ей самой, и Ларк, и Айви, старым теткам, чья сентиментальная доброта обернулась жестокостью. Он прав, он всегда прав. Но тогда, значит, те мужчины, что «позабавились» с Терру, и та женщина, что заставляла девочку страдать и в итоге отдала мужчинам для забавы, действовали правильно, когда, избив малышку до полусмерти, бросили ее прямо в костер? Да, видно, зло не совсем еще пожрало их души. Не выдержали, оставили в ребенке искорку жизни. И, конечно же, оказались не правы. И она, Тенар, тоже всегда и во всем была не права. Ребенком ее отдали силам Тьмы: она была ими поглощена, ее заставили служить им. Неужели она рассчитывала, уплыв за моря, выучив чужой язык и став женой и матерью — всего лишь начав жить своей собственной жизнью, — стать кем-то иным? Перестать быть Их служанкой, Их Пищей, Их вещью, Их забавой? Сама покалеченная жизнью, она притягивала к себе таких же увечных, они как бы становились частью ее собственного горя, ее собственной беды — плоть от плоти заключенного в ней зла.

У Терру были прелестные, теплые, сладко пахнущие волосы. Она лежала, свернувшись клубочком в объятиях Тенар, и спала. Какое зло может принести эта девочка? Да, ее жизнь погублена и поправить уже ничего нельзя, однако душа ее не сломлена до конца. Терру еще не потеряна для жизни, нет-нет! Прижимая девочку к себе, Тенар лежала неподвижно, надеясь, что ей приснится тот светлый сон — струи прозрачного воздуха, звук имени дракона и той звезды — Сердце Лебедя, Стрела, Техану.

Частым гребнем из толстой проволоки она чесала шерсть у черной козы, вычесывая мягкий подшерсток, — собиралась прясть. Ей хотелось попросить ткача соткать ту замечательную, теплую и мягкую материю, которой издавна славится Гонт. Старую черную козу чесали уже по крайней мере тысячу раз, ей это было приятно, и она с удовольствием подставляла Тенар то один бок, то другой. Серо-черные пучки шерсти образовали уже целое облако, мягкое и грязноватое, которое Тенар в конце концов запихала в плетеную сумку; напоследок она заботливо вытащила из длинных козьих ушей несколько засевших там колючек, ласково шлепнула черную козу по шерстистому боку и отпустила. «Ба-а!» — сказала коза и трусцой побежала прочь. Тенар вышла из загона и, обойдя дом, поднялась на крыльцо, откуда можно было увидеть, играет ли еще на лугу Терру.

Тетушка Мох научила девочку плести корзинки из травы, и, несмотря на то что управляться изуродованной рукой Терру было неловко, она уже начала входить во вкус. Сейчас она сидела посреди луга, положив на колени начатую корзинку, но как бы забыла о ней: наблюдала за Ястребом.

Он стоял довольно далеко от девочки, ближе к краю утеса, к ней спиной и не замечал, что кто-то на него смотрит: сам был поглощен наблюдением за птицей, молодой пустельгой. Пустельга же, в свою очередь, была поглощена охотой. Зависнув над самой травой и хлопая крыльями, она рассчитывала вспугнуть полевую мышь. Наблюдавший за хищницей Гед был напряжен и казался голодным, как и сама птица. Потом он медленно поднял свою правую руку, примерно до уровня плеча и вроде бы что-то сказал, хотя слышно не было: ветер отнес его слова в сторону. Пустельга резко метнулась, пронзительно крикнула и взмыла в небо, а потом скрылась в лесу на склоне горы.

Гед уронил руку да так и застыл, глядя вслед улетевшей птице. Девочка и женщина тоже застыли. И только птица осталась свободной.

«Однажды он явился ко мне в обличье сокола-сапсана, — рассказывал ей как-то зимним днем у камина Огион. В тот день они как раз говорили о Великих закля-

тиях и о маге Борджере, который стал медведем. — Он примчался с северо-запада и сразу сел ко мне на запястье. Я внес его в дом и посадил вот здесь, у огня. Говорить он не мог. Поскольку я узнал его, то смог и помочь ему сбросить обличье сокола и снова стать человеком. В нем ведь всегда было что-то ястребиное. У них в деревне его с малых лет прозвали Ястребком, потому что стоило ему слово произнести, как соколы и коршуны слетались к нему со всей округи. Кто мы вообще такие? Что значит быть человеком? Задолго до того, как Гед получил свое Подлинное Имя и какие-то магические знания, настоящий ястреб уже сосуществовал в нем с человеком и Великим Магом, больше того — он уже был тем, кем является теперь и кого мы даже назвать не в силах. И с каждым так».

И девушка, глядя в огонь и слушая Огиона, видела того ястреба, того человека, к которому сами подлетают вольные птицы, стоит ему произнести лишь слово, — подлетают, хлопая крыльями, садятся ему на руку, сжимая запястье человека страшными когтями... видела и себя в обличье ястреба, дикой и вольной птицы.

7

МЫШИ

Таунсенд, торговец овцами, тот самый, что принес ей тогда весточку от Огиона, однажды в полдень подошел к дому старого Мага.

— Овец продавать будешь? Ведь Лорд Огион умер.

— Возможно, и буду, — спокойно ответила Тенар. Она, кстати сказать, была весьма озабочена тем, как им прожить, если они с девочкой останутся в Ре Альби. Как и все волшебники на Гонте, Огион получал все необходимое для жизни от жителей деревни, которым верой и правдой служил с помощью своего мастерства. Ему достаточно было спросить, и все с благодарностью ему доставлялось, ибо сделка с искусным волшебником всегда выгодна; впрочем, ему и просить-то никогда ничего не приходилось. Он скорее отдавал обратно все, что считал лишним из еды, одежды и всего прочего, что ему дарили

или просто оставляли у порога. «Что же мне со всем этим делать?» — частенько удивлялся он, стоя над лукошком, полным глупых пищащих цыплят, или над целой грудой тканей, или над горшками с маринованной свеклой.

Ну а Тенар давно уже покинула свою ферму в Срединной Долине, даже не подумав тогда, сколь долго задержится в доме Огиона. Она не взяла с собой даже денег — пластинки из слоновой кости, оставшиеся в наследство от Флинта. Впрочем, такие деньги в деревне были практически бесполезны: с их помощью в лучшем случае можно было бы купить землю или дом или заключить сделку на партию товара с торговцем из Порта Гонт — из тех, что продают мех пеллави или шелка Лорбанери гонтийским богатым фермерам и мелким князькам. Ферма Флинта вполне могла обеспечить их с Терру всем необходимым — едой и одеждой; однако шесть коз Огиона и его огород — несколько грядок с фасолью и луком — служили скорее для удовольствия, чем для удовлетворения насущных потребностей. До последнего времени она жила благодаря старым запасам в кладовой волшебника, кое-что в память об Огионе ей дарили жители деревни, да тетушка Мох проявляла постоянную заботу и щедрость. Не далее как вчера ведьма, например, заявила: «Милая, а наседка-то моя, та, что с ожерельем вокруг шейки, цыпляток вывела, так я тебе двух-трех принесу, как только окрепнут. Огион-то всегда цыпляток держал, мелюзга бестолковая, так он говорил, да только что за дом без цыпляток?»

У самой тетушки Мох куры свободно ходили по всему дому, спали прямо на кровати и немало способствовали поддержанию той постоянной вони, которой отличалась ее избушка.

— Есть у меня одна годовалая козочка, бело-коричневая такая; отличная молочная коза будет, — сказала Тенар Таунсенду.

— Я вообще-то намеревался, ежели покупать, так всех сразу, — ответил он. — Если ты согласишься, конечно. Их ведь и всего-то штук пять или шесть, верно?

— Шесть. Они сейчас на верхнем пастбище; можешь посмотреть, если хочешь.

— Непременно посмотрю. — Однако даже шага не

сделал. Впрочем, Тенар тоже никакой радости по поводу возможной сделки не выразила. — Видела, как в гавань большой корабль входил? — вдруг спросил Таунсенд.

Из дома Огиона можно было видеть только скалы на северо-западном берегу залива и Сторожевые Утесы; зато из самой деревни Ре Альби хорошо была видна и извилистая крутая дорога в порт, и вся гавань с доками и причалами. Наблюдать за происходящим в гавани было основным развлечением деревенских жителей. На просторной скамье за кузней всегда сидело несколько стариков — отсюда гавань была видна лучше всего; зачастую старики эти ни разу в жизни не спускались в сам Порт Гонт, однако наблюдали за причаливающими и отплывающими судами с огромным интересом — словно представление смотрели, пусть довольно странное и давно знакомое, но как бы специально предназначенное для того, чтобы развлечь их.

— Сын кузнеца говорил: из Хавнора корабль-то. Он вчера в порт ходил, насчет слитков рядился. А к ночи вернулся и рассказал, что тот большой корабль приплыл из самой столицы Земноморья, — продолжал между тем Таунсенд.

Он, вполне вероятно, заговорил об этом, только чтобы отвлечь ее от мыслей о том, сколько можно запросить за коз Огиона. Хитроватые глаза его так и бегали — впрочем, может быть, так уж они у него были устроены. Однако столица Земноморья крайне мало торговала с Гонтом, островом бедным и далеким, известным лишь благодаря своим волшебникам, пиратам да козьей шерсти. И что-то еще в словах Таунсенда насчет «большого корабля» встревожило Тенар. Она и сама не знала, что именно.

— Парень тот говорит, будто, по слухам, в Хавноре теперь есть настоящий король, — сказал торговец, искоса на нее взглянув.

— Вот это было бы очень хорошо! — откликнулась она.

Таунсенд согласно кивнул:

— Теперь-то уж каргадские налетчики будут подальше держаться.

Тенар, хоть и была родом с Каргадских островов, охотно покивала.

— Но только в порту кое-кто будет не больно-то дово-

лен. — Таунсенд имел в виду гонтийских пиратов, чьи суда держали в страхе почти все северо-восточные моря, из-за чего в последнее время многие старинные торговые связи Гонта с центральными островами Архипелага оказались либо прерваны, либо сильно ослаблены. От этого не было выгоды никому, кроме самих пиратов, тем не менее в глазах большей части гонтийцев они выглядели настоящими героями. Кроме того, и собственный сын Тенар тоже стал матросом пиратского корабля. Что было, пожалуй, даже безопаснее, чем служба на обычном торговом судне. Ведь недаром говорится, что лучше быть акулой, чем селедкой.

— Ну, недовольные-то всегда найдутся, — ответила Тенар, привычно следуя правилам беседы, однако уже начиная терять терпение, и заявила, вставая: — Ладно, покажу тебе коз. Сам гляди. Не знаю, правда, станем ли мы кого из них продавать. — Она проводила торговца к загону на верхнем пастбище и ушла. Таунсенд был ей неприятен. Не его вина, конечно, что однажды именно он принес ей плохие вести — впрочем, кажется, уже и не однажды. А все-таки глаза у него удивительно противно бегают! Не продаст она ему Огионовых коз! Даже вредную Сиппи не продаст.

Так ни о чем с ней и не договорившись, Таунсенд наконец ушел, и она вдруг ощутила смутную тревогу. Она ведь сказала: «Не знаю, станем ли мы кого из них продавать», что было весьма глупо. Она сказала «мы», а не «я», хотя Таунсенд даже не спрашивал разрешения поговорить с Ястребом, даже не вспомнил о нем, хотя торговец, заключающий сделку с женщиной, прямо-таки обязан обратиться к кому-либо из живущих в доме мужчин, особенно если женщина ему отказывает. Она не знала, как в деревне сейчас относятся к Ястребу, к его внезапным появлениям и исчезновениям. Огион, замкнутый и молчаливый, внушавший им уважение и даже в какой-то степени страх, долгое время был здесь единственным магом. Жители Ре Альби, возможно, даже гордились Ястребом — точнее, его званием Верховного Мага Земноморья. Они знали, что он когда-то недолго прожил здесь, а потом уплыл в чужие края и совершил немало всяких чудес. Например, обманул дракона, будучи волшебником на Девяноста Островах; привез обратно в Хавнор Кольцо Эррет-Акбе и так далее. Однако его самого, человека и волшебника, они не знали, да и он их не знал. Он так ни разу и не сходил в деревню с тех пор, как снова объявился здесь, — его манили леса, дикие горы. Раньше она как-то об этом не задумывалась, однако было совершенно очевидно, что Гед сторонится деревни, как и маленькая Терру.

Должно быть, сплетни о нем ходили. Ре Альби — самая обыкновенная деревня, и люди в ней, конечно, болтают всякое. Однако особенно болтать о волшебниках и магах как-то не принято. Слишком это серьезный предмет, да и кто ведает, каковы жизненные пути могущественных чародеев? У них ведь жизнь совсем иная, чем у простых смертных. «Да пусть его, — однажды услышала Тенар обрывок разговора крестьян из Срединной Долины не то насчет заезжего волшебника, не то насчет заклинателя погоды, не то по поводу действий их собственного колдуна Бука. — Не твое это дело. Вот и оставь его в покое. Они ведь живут по-своему, не так, как мы».

Что же касается того, что она по-прежнему живет здесь и ухаживает за могущественным волшебником, как нянька, то и это для них не являлось предметом обсуждения. «Да пусть ее», — снова сказали бы они. Она и сама-то не слишком часто появлялась в деревне; там по отношению к ней не выказывали ни особого дружелюбия, ни особой неприязни. Когда-то она даже жила в Ре Альби в домике старого ткача Фана; к тому же она считалась приемной дочерью Огиона, который перед смертью послал именно за ней торговца Таунсенда; так что в деревне к ней относились вполне нормально. Но когда она явилась сюда с девчонкой, на которую и смотреть-то было страшно, все сразу перестали появляться рядом с домом Огиона даже днем и даже ненароком. Да и то: разве ж с обычной женщиной такое может случиться? Сперва у одного волшебника учится, потом другого на ноги поднимает... Нет, тут уж точно без колдовства не обошлось! Да она еще и чужестранка к тому же. С другой стороны, Гоха считалась женой богатого фермера из Срединной Долины, хотя теперь-то фермер умер, а она стала вдовой. Да разве ж поймешь их, ведьм этих? Пусть ее живет, лучше таких не трогать...

Она столкнулась с бывшим Верховным Магом Земноморья у садовой ограды и сообщила ему:

— Говорят, в порт прибыл корабль из Хавнора.

Он застыл как вкопанный. Дернулся было, но тут же взял себя в руки и попытался скрыть, что первым его желанием было немедленно убежать, скрыться, спрятаться, зарыться в траву — как мышь от коршуна.

— Гед, — спросила она, — в чем дело? Я ничего не понимаю.

— Я не могу... — проговорил он. — Не могу встречаться с ними.

— С кем?

— С людьми, которых прислал он. Король.

Смуглое лицо его приобрело пепельный оттенок, как в тот день, когда дракон Калессин принес его сюда; он все время затравленно озирался, словно искал убежища.

Его ужас был настолько неподдельным и сам он казался таким беззащитным, что она не могла поступить иначе: нужно было пощадить его.

— Тебе и не нужно с ними встречаться. А если кто-нибудь сюда и заглянет, так я сразу прогоню. Пойдем-ка лучше в дом. У тебя ведь целый день крошки во рту не было.

— Сюда приходил кто-то? — спросил он.

— Это Таунсенд. Все к козам нашим приценивается. Ну уж от него-то я отделалась! Не стой, пойдем скорее!

Он поспешно пошел за ней следом, и она сразу заперла дверь изнутри.

— Не беспокойся, Гед, не могут они тебе ничего плохого сделать.

Он уселся за стол и тупо покачал головой:

— Им это не нужно, нет.

— А им известно, что ты здесь?

— Не знаю.

— Чего ж ты тогда боишься? — Она спрашивала спокойно и твердо, не проявляя ни малейшего нетерпения.

Он закрыл лицо руками, потом, глядя в пол, потер виски и лоб, словно вспоминая о чем-то.

— Я был... — начал он, — я не...

И умолк.

Она сама прекратила этот мучительный разговор:

— Ну ладно, неважно, хорошо, хорошо.

Она не решалась даже прикоснуться к нему, боясь, что испортит все, унизив его своей жалостью. И из-за этого сердилась на него и на всех тех, кто нанес ему такую тяжкую душевную рану.

— Никого не касается, — сердито говорила Тенар, — где ты теперь живешь и как, что ты намерен делать и чего не намерен! Если вздумают совать нос в чужие дела, то очень даже легко с носом и останутся! — Жаворонок частенько так говорила. Тенар внезапно охватило страстное желание увидеть ее, такую простую и благоразумную. — Да и вообще корабль этот, очень даже вероятно, не имеет к тебе никакого отношения. Может, они просто за пиратами охотятся — тут их не счесть. Тоже бы неплохо, коли у короля руки до этого наконец дошли... Слушай, я у Огиона в кладовой две бутылки вина отыскала — интересно, сколько времени он их там прятал? По-моему, нам обоим не повредило бы сейчас выпить по стаканчику. А вот и хлеб с сыром. Девочку-то я уже покормила, они с этой пастушкой, Вереск, пошли лягушек ловить. Так что на ужин, вполне возможно, будут лягушачьи окорочка. А пока что перекуси тем, что есть. И вина выпьем. Интересно, откуда оно, кто его Огиону привез и сколько лет назад?

Тенар, не умолкая, несла типично женскую чушь, не давая Геду времени на ответы, не позволяя ни на секунду задуматься, пока он не взял наконец себя в руки и не начал есть, запивая еду старым, не слишком крепким красным вином.

— Мне, наверное, все-таки лучше уйти отсюда, Тенар, — сказал он. — Мне нужно время, чтобы научиться быть таким, каким я теперь стал.

— Уйти? Но куда?

— Выше, в горы.

— Станешь бродить... как Огион? — Она посмотрела на него и вспомнила, как когда-то шла с ним рядом по дорогам Атуана и насмехалась: «А что, волшебники часто милостыню просят?» И он тогда ответил: «Да, но стараются дать что-нибудь взамен». Помолчав, она осторожно спросила: — А ты не мог бы какое-то время просто погоду заклинать или потерянные вещи отыскивать? — И снова до краев наполнила его стакан вином.

Он только головой покачал в ответ. Выпил вино и молча уставился неведомо куда.

— Нет, — промолвил он. — Ничего из этого я не могу. Ничего.

Она не поверила. Ей хотелось возмущенно крикнуть ему в лицо: «Да как это может быть? Как ты можешь такое говорить? Что ж ты, забыл все, что знал, все, чему выучился у Огиона и на острове Рок, все, что постиг за время своих скитаний? Не мог же ты забыть все те имена, то мастерство, которым владел. Ты столько всего знал! Ты столько мог! Ты был таким сильным!» Однако она сдержала себя и ничего этого не сказала, только прошептала:

— Не понимаю. Как это может быть?..

— Из чашки всего лишь вылили воду, — сказал он, слегка наклоняя стакан с вином, словно намереваясь показать ей, как это делается. Потом, немного помолчав, снова заговорил: — Чего я не понимаю, так это зачем он вынес меня оттуда. Доброта молодых подчас оборачивается жестокостью... Ну вот, теперь я здесь и вынужден с этим мириться — пока не смогу вернуться назад.

Она не очень хорошо понимала, о чем он. Однако отчетливо расслышала в его словах не то обвинение, не то жалобу, и это — в нем! — особенно поразило и рассердило ее. Она сухо сказала:

— Сюда тебя принес Калессин!

При закрытых дверях в домике было почти совсем темно, лишь единственное маленькое, выходящее на запад окошко пропускало немного закатного света. Она не смогла разобрать, что выражало его лицо. Вдруг он поднял свой стакан, чокнулся с ней со странным подобием улыбки на губах и осушил стакан до дна.

— Это прекрасное вино, — сказал он. — Должно быть, Огиону его привез какой-то богатый купец или знаменитый пират. Никогда такого пить не доводилось. Даже в Хавноре. — Он все вертел в руках небольшой стакан, рассматривая его. — Я назовусь как-нибудь иначе и уйду на другую сторону горы, куда-нибудь в Армут, в Восточные Леса, откуда я родом. Там сейчас как раз сенокос начнется. Так что пока работа будет.

Она не знала, что ему ответить. Хрупкий, нездоровый на вид, такую работу он сможет получить только из жалости или, напротив, у человека равнодушного и жестокого; а если и получит, то вряд ли с ней справится.

— Дороги теперь не те, что раньше, — сказала она. — За последние годы столько воров и бандитов развелось! Да и иноземные налетчики, как их Таунсенд называет, попадаются. В общем, ходить в одиночку опасно.

В полутьме она пристально всматривалась в его лицо, пытаясь понять, каково это — никогда в жизни никого не бояться и вдруг научиться страху.

— Огион же ходил... — начал было Гед и осекся: вспомнил, что Огион был Магом.

— В долинах, на юге, — сказала Тенар, — всегда полно работы. Пасти коз, овец, коров. Скот перегоняют на верхние пастбища незадолго до праздника Долгого Танца и пасут там до осенних дождей. В тех местах всегда пастухи нужны. — Она отпила большой глоток из своего стакана и словно снова произнесла имя дракона — так обожгло ей рот вино. — А почему бы тебе не остаться?

— В доме Огиона? Так сюда они в первую очередь заявятся.

— Ну и что? Даже если заявятся? Что им от тебя может быть нужно?

— Чтобы я снова стал тем, кем был раньше.

Ей стало холодно — так безнадежно звучал его голос.

Она молчала, пытаясь вспомнить, каково это — быть всесильной Единственной Жрицей Гробниц Атуана, поглощенной силами Тьмы, а потом вдруг сразу все это потерять; самой отбросить власть и могущество, стать самой собой, стать просто Тенар, просто женщиной, заиметь мужа, детей и снова в один миг все потерять, превратиться в старуху, безмужнюю, бессильную... Но, даже вспомнив все это, она не была уверена, что понимает, насколько ему сейчас стыдно, тяжело, сколь сильна агония его теперешней униженности. Возможно, подобные переживания свойственны только мужчинам. Женщины, в общем-то, привыкли к унижениям.

А может быть, права тетушка Мох? Когда ядрышко ореха съедено, остается лишь пустая скорлупка.

Так я и сама на ведьму стану похожа, подумала Тенар. И чтобы перестать думать об этом и Геда тоже заставить думать о чем-нибудь ином, а еще потому, что вкусное, но

все-таки довольно крепкое вино развязало ей язык, она снова заговорила:

— А я знаешь, о чем подумала... вспомнила, как Огион учил меня, а я все не хотела учиться дальше, а потом взяла и ушла, нашла себе подходящего фермера, вышла замуж — так вот, я тогда все время думала, даже в день свадьбы, что Гед, конечно же, очень рассердится, когда услышит об этом! — Она засмеялась.

— Я и рассердился, — сказал он.

Она промолчала.

— Я был разочарован, — пояснил он.

— Рассержен, — сказала она уверенно.

— Рассержен, — согласился он.

И снова наполнил ее стакан до краев.

— Тогда я и сам обладал могуществом и способен был различить его в других, — сказал Гед. — А ты... ты вся светилась там, под землей, в этом ужасном Лабиринте, во тьме кромешной...

— Ну хорошо, тогда скажи: что мне было делать со своим могуществом, со всеми магическими знаниями, которые пытался вбить в мою голову Огион?

— Использовать их.

— Как?

— Как используется Великое Искусство Магии.

— Кем?

— Волшебниками, — ответил он с затаенной болью.

— Магия, значит, и есть всего лишь умение, мастерство магов?

— Что же еще?

— А разве это все?

Он задумался, изредка поглядывая на нее.

— Когда Огион учил меня, — сказала она, — вот здесь, у очага, словам Истинной Речи, я так же легко и твердо выговаривала их, как и он сам. Как если бы я вспомнила язык, который знала с рождения. Зато вся остальная мудрость — старинные руны, великие заклятия и правила — казалась мне мертвой. Все это было мне совершенно чуждо. Я часто думала: все это похоже на то, как если бы меня одели в военные доспехи, дали меч и копье, шлем с перьями и все такое... насколько нелепо я бы во всем этом выглядела, разве не так? Ну зачем мне, например, меч? Что героического я могла бы совершить с его помощью? Я в этих доспехах даже и ходить-то нормально не могла бы — все равно осталась бы женщиной, осталась бы самой собой.

Она отпила немного вина.

— Так что я все эти волшебные доспехи с себя сбросила, — сказала она, — и надела привычную мне одежду.

— А что сказал Огион, когда ты собралась уходить?

— А что он мог сказать?

На его губах появилось подобие улыбки, но он промолчал.

Она утвердительно кивнула. И через некоторое время продолжала более спокойно:

— Я стала его ученицей только потому, что меня привез сюда ты. После тебя он больше учеников не брал и уж никогда не взял бы в ученицы девушку. Это ты упросил его. Зато он меня любил. И уважал. И я его тоже очень любила и уважала. Но он не сумел дать мне то, что мне было необходимо, а я не умела взять у него то, что он должен был мне дать. Он понимал это. Ах, Гед, он ведь совсем иными глазами смотрел на Терру. Он увидел ее всего за день до смерти. Вы с тетушкой Мох говорите, что могущественные волшебники сразу узнают друг друга. Не знаю, что Огион увидел в Терру, но мне он сказал: «Научи ее всему!» А еще он сказал... — Она вдруг умолкла. Гед терпеливо ждал.

— Он сказал: «Ее будут бояться». И повторил: «Научи ее всему! Не на Роке». Не знаю, что он имел в виду. Да и откуда мне знать? Если бы я тогда осталась с ним, то, возможно, и узнала бы, возможно, смогла бы чему-то научить девочку. Я считала, что, когда придет Гед, уж он-то, конечно, будет знать, чему ее учить, что ей необходимо знать, моей искалеченной малышке.

— Я этого не знаю, — проговорил Гед очень тихо. — Я увидел... В этом ребенке я увидел только одно! Ей причинили страшное зло. Зло.

Он залпом допил вино.

— Мне нечего ей дать. — И он умолк.

В дверь слегка постучали. Гед вскочил с уже знакомым Тенар выражением лица: искал, где бы спрятаться.

Она пошла к двери и не успела еще толком отворить ее, как тут же почуяла знакомый запах тетушки Мох.

— Гости в деревне, — выразительно тараща глаза, за-

шептала старуха. — Похоже, добрые люди. Они, по слухам, с того большого корабля, что приплыл из Хавнора. Говорят, что ищут Верховного Мага.

— Он не хочет никого видеть, — слабым голосом сказала Тенар. Она понятия не имела, что теперь делать.

— Да уж, пожалуй, не хочет, — сказала ведьма. Помолчала немного, словно ждала чего-то, и спросила: — Где ж он сам-то?

— Здесь, — ответил Ястреб, подходя к двери и пошире открывая ее. Тетушка Мох только глянула на него и ничего не сказала. — А они знают, где я? — спросил он.

— Коли и знают, то не от меня, — ответила ведьма.

— Если они заявятся сюда, — сказала Тенар, — ты, в конце концов, всегда можешь отослать их прочь — как Верховный Маг!..

Ни Гед, ни тетушка Мох не обратили на ее слова никакого внимания.

— В мой-то дом они и заглядывать не станут, — сказала ведьма. — Если хочешь, пошли со мной.

Он, не раздумывая, пошел за ведьмой, мельком взглянув на Тенар, но не сказав ей ни слова.

— А мне-то как отвечать им? — спросила она растерянно.

— А никак, милая, — ответила ведьма.

Вереск и Терру вернулись с охоты на болоте с добычей — в веревочной сетке было целых семь крупных лягушек, и Тенар занялась приготовлением лягушачьих окорочков на ужин охотницам. Она уже почти закончила сдирать шкурки, когда снаружи послышались голоса, и, глянув в открытую дверь, она увидела, что на пороге стоят незнакомые мужчины в шляпах, в отделанных золотым шитьем костюмах...

— Госпожа Гоха? — послышался чей-то вежливый вопрос.

— Входите, — пригласила она.

Они вошли. Их было пятеро, но казалось — вдвое больше: в комнатке с низким потолком все они выглядели огромными и высокими. Гости изумленно озирались, и Тенар наконец догадалась, что именно их здесь так поразило.

У кухонного стола стояла женщина с длинным и острым ножом в руках, а перед ней, на разделочной доске, лежали зеленовато-белые лягушачьи лапки и рядом кучка окровавленных останков. В темном углу за дверью прятался ребенок, чудовищно изуродованный, как бы лишенный половины лица и с какой-то клешней вместо руки, похожей на коготь. В алькове под единственным окошком сидела на кровати высокая костистая девица, тупо уставившаяся на вошедших с разинутым ртом. Руки ее были все в грязи и крови, а мокрая юбка явственно пахла болотом. Когда девица заметила, что гости смотрят на нее, то попыталась прикрыть лицо юбкой, совершенно неприлично ее задрав.

Мужчины сразу отвернулись; теперь им оставалось только смотреть на женщину у стола, заваленного дохлыми изрезанными лягушками.

— Госпожа Гоха? — повторил свой вопрос один из них.

— Да, так меня зовут, — сказала она.

— Мы прибыли из Хавнора, нас послал король, — вежливо пояснил тот же человек. Ей плохо было видно его лицо, ибо стоял он в тени и спиной к двери. — Мы ищем нашего Верховного Мага, Ястреба с Гонта. В день осеннего Солнцеворота состоится коронация короля Лебаннена, и он очень хотел бы, чтобы Верховный Маг, его друг и учитель, помог ему подготовиться к этой церемонии и сам короновал бы его, если пожелает.

Гость говорил ровным спокойным голосом, обращаясь к Тенар словно к придворной даме. Одет он был скромно: кожаные штаны, льняная рубашка, запылившаяся за время пути из Порта Гонт, однако из очень тонкого, дорогого полотна и у ворота вышитая золотыми нитками.

— Его здесь нет, — ответила Тенар.

Парочка деревенских мальчишек сунула было носы в раскрытую дверь, тут же исчезла, снова появилась и снова исчезла. Их крики замерли в отдалении.

— А не могли бы вы сказать нам, где он, госпожа Гоха? — вежливо спросил мужчина.

— Не могу.

Она рассматривала их по очереди. Страх, который она испытала вначале и бывший результатом панического ужаса самого Ястреба или скорее просто глупой растерянностью при виде чужеземцев, постепенно уступал место уверенности. Она спокойно стояла у кухонного

стола в доме Огиона и теперь прекрасно понимала, почему Огион никогда не боялся высокопоставленных людей.

— Вы, должно быть, устали после долгой дороги, — сказала она. — Не хотите ли присесть? Вино на столе. Сейчас, я только вымою и подам стаканы.

Она сдвинула разделочную доску на самый край, отнесла лягушачьи окорочка в кладовую, смела все отходы в мусорное ведро, чтобы Вереск потом отнесла их свиньям ткача Фана, тщательно вымыла руки до локтей и кухонный нож, потом налила в миску чистой воды и вымыла два стакана, из которых они с Ястребом только что пили. В шкафу был еще один чистый стакан, а на кухне — две глиняные чашки с отбитыми ручками. Все это она поставила на стол и налила гостям вина: оставшегося в бутылке как раз хватило всем. Мужчины переглянулись и садиться не стали. Извинением этому в какой-то степени служило отсутствие нужного количества стульев. Однако правила приличия требовали принять угощение хозяйки дома. Каждый из гостей принял стакан или чашку из ее рук, каждый что-то пробормотал в знак благодарности. Они дружно выпили в ее честь.

— Вот это да! — вырвалось у одного.

— Андрады. Урожай прошлого года, — сказал другой, вытаращив от изумления глаза.

Третий покачал головой и торжественно определил:

— Точно, Андрады. Но только Год Дракона.

Четвертый молча кивнул, соглашаясь с этим, и с почтением пригубил драгоценный напиток.

Пятый же, тот, что первым заговорил с Тенар, поднял глиняную чашку, поклонился хозяйке дома и промолвил:

— Это большая честь, госпожа, пить настоящее королевское вино.

— Это вино Огиона, — сказала она. — И дом тоже Огиона. Теперь, правда, он стал домом Айхала. Вы знали об этом?

— Знали, госпожа. Король послал нас на Гонт, будучи уверенным, что Верховный Маг непременно придет именно в этот дом; когда же известие о смерти хозяина этого дома достигло островов Рок и Хавнор, уверенность короля еще более укрепилась. После того как Верховный Маг покинул остров Рок верхом на драконе, ни единой весточки не получили от него ни в Школе Волшебников, ни

в королевском дворце. А король прямо-таки мечтает узнать — да и все мы тоже, — где же Верховный Маг, здоров ли он. Так его здесь не было, госпожа?

— Не могу сказать, — ответила она, тщетно пытаясь увернуться от прямого ответа; она заметила, что и гости это понимают, встала и обошла стол с другой стороны. — То есть я вам этого не скажу. По-моему, если Верховному Магу захочется повидать вас, он это сделает. Если же ему захочется, напротив, укрыться от всех, вы его никогда не найдете. Вы ведь, разумеется, не станете противиться его воле?

Самый старший и самый высокий из гостей сказал:

— Для нас закон — воля короля.

А тот, что заговорил с нею первым, примирительно пояснил:

— Мы ведь только посланники. А тайные дела короля и Верховного Мага ведомы только им одним. Нам бы лишь передать ему послание короля да ответ получить.

— Я постараюсь позаботиться о том, чтобы он получил послание короля.

— А как быть с ответом? — спросил самый старший.

Она промолчала, а тот, что заговорил с нею первым, сказал:

— Мы еще несколько дней погостим в доме Лорда Ре Альби, который, услышав о прибытии нашего корабля, великодушно пригласил нас к себе.

Она вдруг почувствовала, что вот-вот попадет в ловушку, что петля вот-вот затянется вокруг ее шеи. Хотя и не понимала, откуда это ощущение возникло. Уязвимость и слабость Ястреба и то, что он это сознавал, подействовали, видимо, и на нее. Растерявшись, она решила притвориться деревенской простушкой, кумушкой средних лет — да только разве она притворялась? Ведь так оно и было на самом деле; в данном случае отличить притворство от действительности было бы куда труднее, чем во время волшебных превращений и фокусов.

— Да, это вам больше подходит, господа мои. Вы ведь видите: мы здесь живем очень просто, так и старый маг жил.

— И пьете андрадское вино, — прибавил тот, что определил год изготовления вина, привлекательный мужчина с ясными глазами и победоносной улыбкой. Она, про-

должая играть свою роль, снова склонила голову набок, словно не понимая. Но когда они уже один за другим вышли за дверь, поняла, что даже если они пока и не догадались, кем она притворяется и кем является на самом деле, — не догадались, что она та самая Тенар с Кольцом, — то все равно достаточно быстро узнают об этом, а стало быть, и о том, что она близко знает Верховного Мага и может стать проводником к его убежищу.

Когда дверь за ними закрылась, она глубоко вздохнула, переводя дух. Вереск последовала ее примеру и закрыла наконец свой рот, который оставался разинутым все время, пока гости были в доме.

— Я — никогда! — сказала Вереск с глубоким и полным удовлетворением и пошла посмотреть, как там козы.

Из темного уголка за дверью выбралась Терру; она забаррикадировалась там от чужих посохом Огиона, дорожной палкой Тенар и своим собственным маленьким ореховым посошком. В ней вдруг снова появилась какая-то неловкость, опасливость, хотя манеру эту она давно оставила — с тех пор как они стали жить тут; сейчас она даже головы не подняла, а изуродованную половину лица все старалась поплотнее прижать к плечу.

Тенар подошла, опустилась перед девочкой на колени и обхватила ее обеими руками.

— Терру, — сказала она, — не бойся, они не причинят тебе вреда. Они не собираются никому вредить.

Девочка на нее смотреть не желала. Совершенно застыла, и Тенар словно деревянную колоду обнимала.

— Ты только скажи, я ведь могу их больше и в дом не пускать!

Наконец девочка шевельнулась и спросила своим низким сиплым голосом:

— А что они теперь сделают с Ястребом?

— Ничего, — ответила Тенар. — Они не причинят ему зла! Они прибыли... они хотели оказать ему честь.

Но она уже начинала понимать, что такая попытка оказать ему честь могла бы натворить — они ведь не ведали о его утрате, о его тоске, о том, чего он лишился, и в неведении своем заставляли бы его играть роль в том спектакле, к которому он больше не имел никакого отношения.

Когда Тенар отпустила девочку, та подошла к шкафу

и достала оттуда Огионову метелку. Затем тщательно вымела пол — особенно там, где стояли эти люди из Хавнора; вымела прочь все их следы, всю пыль с их ног вымела и выбросила за порог!

Наблюдая за ней, Тенар приняла решение.

Она подошла к полке, где стояли три Великие Книги, и, порывшись там, отыскала несколько гусиных перьев и полувысохшие чернила, однако не нашла ни клочка бумаги или пергамента. Она закусила губу: очень не хотелось портить столь священную вещь, как Книга Огиона; нахмурившись, она оторвала тонкую полоску бумаги от последней пустой страницы в Книге Рун. Потом уселась за стол, обмакнула перо и стала писать. Однако с засохшими чернилами, как и со словами, сладить было нелегко. С тех пор как четверть века назад она сидела за этим столом и писала, а Огион, заглядывая ей через плечо, обучал ее ардическим и Старшим Рунам, ей, пожалуй что, и не доводилось больше хоть что-нибудь писать. И все-таки Тенар удалось нацарапать следующее:

Ступай на Дубовую Ферму в Средин. Дол. к Чистому Ручью скажи Гоха послала смотреть за садом и овцами.

Ей понадобилось не меньше времени, чтобы перечесть написанное. Терру, закончив уборку, внимательно наблюдала за ней. Подумав, Тенар прибавила еще два слова: сегодня ночью.

— А где Вереск? — спросила она у девочки, сложив листок пополам и еще раз пополам. — Мне нужно, чтобы она отнесла это в дом тетушки Мох.

Ей очень хотелось пойти самой и повидать Ястреба, но она не осмеливалась: боялась, что ее заметят эти люди, особенно если они следят за ней в надежде, что она приведет их к Геду.

— Я схожу, — прошептала Терру.

Тенар остро глянула на нее:

— Тебе придется пойти одной, Терру. Через всю деревню.

Девочка кивнула.

— Отдай письмо только самому Ястребу!

Девочка снова кивнула.

Тенар засунула записку поглубже в карман ее фартучка, обняла, поцеловала и отпустила. Терру убежала и двигалась не горбясь и не кособочась, а совершенно свобод-

но, словно летела. Летела как птица, как дракон — невинное дитя, — летела совершенно свободная, и Тенар смотрела ей вслед, пока девочка не растворилась в вечерних сумерках за распахнутой настежь дверью.

8

КОРШУНЫ

Вскоре Терру возвратилась и принесла ответ от Геда: он сказал, что сегодня же вечером уйдет.

Тенар удовлетворенно выслушала девочку; ей было приятно, что он согласился с ее планом и решил держаться подальше от королевских гонцов, вызывающих у него такой ужас. Она возилась весь вечер: накормила Терру и Вереск, устроив им настоящее пиршество из жареных лягушачьих окорочков, уложила Терру спать, спела ей на ночь и только тогда села в одиночестве у очага, не зажигая лампы. Сердце ей сжимала тоска. Он ушел. Он больше не был сильным; он растерялся, утратил уверенность в себе; ему нужны были друзья, но она отослала его прочь от тех, кто действительно был и кто хотел бы стать ему другом. Он ушел, а она должна остаться здесь, должна сбить гончих со следа; по крайней мере убедиться в том, остались ли королевские посланники на Гонте или уплыли обратно в Хавнор.

Его панический страх и то, что она сама подпала под воздействие этого страха, теперь казались ей совершенно неразумными; она даже подумала, что достаточно неразумно, даже нелепо, если он на самом деле уйдет. Мог бы пошевелить мозгами и просто спрятаться пока в домике тетушки Мох — уж туда-то король в поисках Верховного Мага заглянет в последнюю очередь. Хорошо бы он пересидел там, пока присланные королем люди не покинут остров. А потом смог бы просто вернуться сюда, в дом Огиона, в свое родное гнездо. И все бы пошло как прежде: она бы заботилась о нем, пока он не восстановит свои силы, а он просто был бы с ней рядом.

Звезды, которые были видны в открытую дверь, вдруг заслонила чья-то тень.

— Ш-ш-ш! Спит! — И вошла тетушка Мох. — Ну что ж, ушел он, — сказала она тоном торжествующего заговорщика. — Пошел по старой лесной дороге. Говорит, так он срежет большой угол и к завтрашнему утру пройдет мимо Дубовых Источников.

— Хорошо, — сказала Тенар.

Ведя себя несколько более вольно, чем обычно, тетушка Мох уселась с ней рядом без приглашения.

— Я дала ему в дорогу каравай хлеба да немного сыра.

— Спасибо тебе, тетушка Мох. Ты очень добра.

— Госпожа Гоха, — голос тетушки Мох в темноте звучал так, словно она произносила свои заклятия, — я все хотела сказать тебе одну вещь, милая, да боялась совать свой нос в такие дела, что мне знать не положено; я-то ведь знаю, что ты жила среди великих людей да и сама была одной из великих, это-то и заставило меня прикусить язык, когда мне всякие мысли в голову приходить стали. А все ж таки есть кое-какие вещи, что мне ведомы, а у тебя и возможности узнать их не было, хоть ты и выучилась руны писать, познала Язык Древних и многое другое здесь и там, в далеких странах.

— Да, это верно, тетушка Мох.

— Ну что ж, вот и хорошо. Помнишь, мы с тобой как-то говорили, как одна ведьма может узнать другую, и о том, как один могущественный волшебник узнает другого, и я еще сказала о нем — о том, кто отсюда ушел теперь, — что теперь он больше никакой не маг, кем бы он ни был раньше, а ты все-таки отрицала это... Помнишь? Но я ведь была тогда права, разве не так?

— Да. Так.

— Ну да. Права я была.

— Он и сам то же самое говорил.

— Ну конечно, говорил. Он-то врать не станет да и выдумывать, что это, дескать, не так, а то не этак, пока совсем не запутаешься, вот что я тебе о нем скажу. К тому же он не из тех, что пробуют ехать в телеге без быка. А и правда, я рада, что он ушел! Так бы оно долго не продержалось — коли уж такое с ним случилось, переменилось все в нем и все такое прочее...

Тенар совершенно ее не понимала; понятным было разве что сравнение с попыткой ехать на незапряженной телеге.

— Я не понимаю, почему он так боится, — сказала она. — Нет, отчасти, конечно, понимаю, но до конца понять не могу, откуда у него этот стыд. Я знаю: он считает, что лучше бы ему было умереть. Но знаю и то — так я понимаю жизнь вообще, — что жизнь заключается в том, чтобы делать свое дело, и делать его как следует. Тогда получишь и удовольствие, и славу, и все остальное. А если ты этого не можешь или если у тебя твое дело отняли, тогда все теряет смысл. Непременно нужно, чтобы что-то было...

Тетушка Мох слушала и кивала, словно Тенар изрекала чрезвычайно мудрые слова, а потом, немного помолчав, сказала:

— Очень неприятно старому человеку чувствовать себя пятнадцатилетним мальчишкой, это уж точно!

У Тенар чуть не вырвалось: «О чем это ты говоришь, тетушка Мох?», но что-то помешало ей. Она поняла вдруг, что все время ждала, когда Гед наконец вернется из своих скитаний по горам и войдет в их дом; что все это время она хотела услышать его голос, что все ее тело не желало мириться с его отсутствием. Она вдруг глянула на ведьму через плечо: та бесформенной черной грудой тряпья примостилась на стульчике Огиона у незажженного очага.

— Ах! — сказала она в ответ тем бесчисленным мыслям, что вдруг сразу пришли ей на ум. — *Так вот почему, вот почему* я никогда... — Она надолго умолкла, потом наконец спросила: — А разве они... разве волшебники... это что же, заклятие?

— Конечно, конечно, милая, — сказала тетушка Мох. — Они зачаровывают сами себя. Некоторые называют это *обменом* — вроде как брачный договор наоборот, скрепленный клятвами и все такое прочее. Говорят, что благодаря такому *обмену* получили свое могущество. Но мне что-то не больно верится: все равно как мне, простой ведьме, рассказывать, что мне Древние Силы помогают... Да и старый Маг — он тоже говорил мне, что ничем таким волшебники не занимаются. Хоть я и знавала кой-кого из ведьм, что и не такое делали, и особого вреда это им не принесло.

— Те, кто воспитали меня, делали это, пообещав вечно оставаться девственницами.

— О, да-да, никаких мужчин, ты мне говорила, да и те, что есть, какие-то *юрнихи*. Ужасно!

— Но почему, почему... почему я никогда даже не думала...

Ведьма громко рассмеялась.

— Потому что именно в этом-то и заключено их могущество, милая. Ты не думаешь! Не можешь! И они не могут ничего, кроме как воспользоваться своим заклятием. А как же иначе? Силу-то свою они отдали! Вот и не получается, нет, не получается. Так-то оно, точно! Ты просто ничего не получишь, если не отдашь столько же. В этом-то все и дело. Так что они это понимают, ведьмы, и колдуны, и могущественные волшебники, понимают лучше, чем кто-нибудь другой. И все-таки, знаешь ли, мужчине трудно перестать быть мужчиной, даже если по его зову солнце сходит с небес. Так что они стараются задурить себе головы на этот счет с помощью своих заклятий. И правда, даже в недавние плохие времена, что тянулись так долго, когда все заклятия на свете свою силу утратили, я ни разу не слышала, чтоб какой-нибудь волшебник нарушил заклятие и использовал свое могущество ради собственных плотских радостей. Даже самые никудышные опасаются. Ну конечно, всегда найдутся такие, что к иллюзиям привыкли, да только они ведь сами себя обманывают. А еще всякие жалкие колдунишки, ведьмы и знахари — шушера, в общем, — пытаются иногда особыми заклинаниями пользоваться, чтобы обманом деревенских женщин завлекать, но уж кто-кто, а я-то знаю: такие заклинания недорого стоят. Тут ведь в чем дело? В том, что одна сила не слабее другой и у каждой свои цели. Вот как я это понимаю.

Тенар сидела в глубокой задумчивости.

— Они сами себя от остальных отгораживают, — наконец сказала она.

— Да. Волшебник так и должен поступать.

— Но ты-то этого не делаешь.

— Я? Я всего лишь старая ведьма, милая.

— Старая?

Возникла пауза, потом тетушка Мох в темноте проговорила с едва различимой усмешкой:

— Старая *достаточно,* чтобы больше ни о чем не беспокоиться.

— Но ты сказала... Ты ведь не давала обета безбрачия?

— А что это такое, милая?

— Как все волшебники?

— О нет. Нет и нет! Сама никогда красоткой не была, и смотреть-то особенно было не на что, зато на мужчин я смотреть умела так... и знаешь ли, вовсе не колдовством пользовалась, ты ведь, милая, понимаешь, о чем я... нужно только посмотреть на него по-особому, и он тут как тут; рот разинет, как ворона, и через день, два или три — а ко мне точно придет!.. «Мне бы для собаки лекарство, чесотка у нее», «А мне — лекарственный чай для бабушки» — но я-то знала, чего им надо, так что если кто был по нраву, то частенько и получал свое. И только ради любви, ради любви — я ведь не из таких, знаешь ли, хотя, может, некоторые ведьмы этим и занимаются, да только, по-моему, колдовство позорят. За колдовство мне платят, а за удовольствие — любовь дарят, вот что я тебе скажу. Не то чтобы в этой любви одно лишь удовольствие было, правда. Я как-то долго по одному сохла, уж больно хорош собой был, да только сердце холодное, жестокое... Теперь-то он давно уж умер. Отец того Таунсенда, что недавно вернулся в наши края, ну да ты его знаешь. Ах, как я сходила с ума по тому человеку — даже колдовством раз воспользовалась. Уж сколько заклятий на него ни накладывала — все напрасно! Все ни к чему. В свекле крови не сыщешь... Да и сюда, в Ре Альби, я перебралась из-за неприятностей с одним парнем из Порта Гонт. Я тогда еще совсем молодой была. Семья у них богатая, знатная, так что я ни о чем и заикаться не смела. Будто они волшебной силой обладали, а не я! Да и не желали они, чтобы сынок их путался с простой девчонкой, с какой-то замарашкой — они меня так и называли. Они все равно меня со своей дороги убрали бы, это им все одно что кошку убить, так что если б я тогда не убежала сюда, в горы... Но господи, как же я того парня любила! У него были такие сильные гладкие руки и ноги, глаза большие, темные — я все эти годы его перед собой так и вижу...

Они долгое время сидели в темноте молча.

— А когда у тебя появлялся мужчина, тетушка Мох, тебе с колдовством приходилось проститься?

— Ничуточки, — заносчиво ответила ведьма.

— Но ты же сказала, что ничего нельзя получить, спе-

рва не отдав столько же. Значит, это для женщин и для мужчин неодинаково?

— Что неодинаково, милая?

— Не знаю, — сказала Тенар. — Мне кажется, что мы сами же все эти различия создаем, а потом жалуемся. Я не понимаю, почему Высшее Искусство, почему сама волшебная сила не даются равно мужчинам и женщинам? Это понятно только тогда, когда люди по-разному одарены от рождения или по-разному — один хуже, другой лучше — изучали искусство Магии.

— Мужчина больше отдает, милая. Женщина больше принимает в себя.

Тенар молчала, не удовлетворенная таким объяснением.

— Наша, женская сила с виду вроде как слабее, меньше, чем у них, — сказала тетушка Мох. — Зато она куда глубже. Она как бы вся из одних корней. Как старый кустик черники. А сила волшебника похожа на высокую ель, самую высокую в округе, мощную — да только во время бури самые высокие деревья как раз и ломаются. А вот кустик черники сломать не так-то просто. — Она насмешливо закудахтала, довольная таким сравнением. — Ну что ж! Теперь уж он, должно быть, далеко ушел, им его не найти. Вот только люди болтать начнут...

— О чем?

— Ты женщина уважаемая, милая, а репутация уважаемой женщины — это ее благополучие.

— Ее благополучие, — тупо повторила Тенар и, помолчав, сказала еще раз: — Ее благополучие. Ее сокровище. Ее наследство. Ее цена... — И внезапно вскочила, словно не в силах была сидеть спокойно, и потянулась всем телом. — Это как у драконов, которые подыскивают пещеры, строят крепости и хранят там свои сокровища, заботятся о своем наследстве, спят на своем имуществе, сливаясь с ним, превращаясь в него... Все брать и брать, но никогда ничего не отдавать!

— Ты еще узнаешь цену хорошей репутации, — сухо сказала тетушка Мох, — когда утратишь ее. Это, конечно, в жизни не самое главное. Но заполнить такую брешь трудно.

— А ты бы согласилась не быть ведьмой, чтобы стать уважаемой женщиной, тетушка Мох?

— Не знаю, — задумчиво проговорила та. — Не знаю,

как бы это у меня получилось. У меня один-единственный талант, наверно, другого нет.

Тенар подошла к ней и взяла ее руки в свои. Удивленная этим порывом, тетушка Мох вскочила и чуть отпрянула от нее, но Тенар притянула ее к себе и поцеловала в щеку.

Старая женщина высвободила одну руку и застенчиво коснулась волос Тенар — лишь краткое ласковое прикосновение, так когда-то гладил ее по голове Огион. Потом ведьма резко отодвинулась и забормотала что-то насчет того, что пора домой, засобиралась, но на пороге все-таки спросила:

— А может, ты хочешь, чтобы я здесь пожила, пока всякие чужеземцы вокруг шныряют?

— Ступай, тетушка Мох, — ласково сказала Тенар, — я к чужеземцам привыкла.

В ту ночь, засыпая, она снова вдруг оказалась в просторных разливах света и ветра, но свет был почему-то затянут дымной пеленой, красен, как от пожара, потом появились оранжевые и янтарные языки пламени, словно горел сам воздух. То ли она была частью этого мира, то ли ветер увлекал ее за собой и она была частью ветра, той его силой, что не знает преград?.. И ни один голос не позвал ее...

Утром она сидела на крылечке, расчесывая волосы. Она была белокожей, но в отличие от большинства каргадцев волосы у нее падали на плечи темной волной. Только теперь в темных волосах ее мелькала порой тонкая серебряная нить. Она вымыла голову той водой, которую приготовила для стирки, решив, что стиркой займется попозже, раз уж Гед ушел и ее репутация уважаемой женщины в полной сохранности. Она сушила волосы на солнце, медленно расчесывая их. Утро было жаркое, ветреное, на волосах ее следом за гребнем вспыхивали искры и с треском сбегали вниз.

Терру подошла и остановилась у нее за спиной, внимательно наблюдая. Тенар обернулась и заметила, насколько девочка напряжена: она почти дрожала.

— В чем дело, птичка моя?

— Из тебя огонь вылетает, — сказала Терру то ли со страхом, то ли с восхищением. — По всему небу разлетается!

— Да это просто от волос моих искры летят, — сказала Тенар, немного смутившись. Терру заулыбалась, и Тенар вдруг вспомнила, что раньше эта девочка не улыбалась никогда. А теперь она обеими руками, здоровой и обожженной, пыталась поймать искры, разлетающиеся от распущенных, развевающихся на ветру волос Тенар, и смеялась:

— Искорки, искорки!

И тут Тенар впервые спросила себя: интересно, каким видит Терру весь этот мир и ее, Тенар? И поняла, что у нее нет ответа на этот вопрос, что невозможно знать, каким видит мир тот, у кого выжгли один глаз. И снова вспомнились ей слова Огиона: «Ее будут бояться», но страха за Терру она почему-то не испытала, наоборот! И продолжала расчесывать волосы, яростно драла их гребнем, чтобы искр было как можно больше, чтобы снова и снова слышать этот тихий, хрипловатый, радостный смех.

Потом она перестирала простыни, полотенца для посуды, свое белье и платье, а также вещички Терру и разложила все на лугу для просушки, убедившись прежде, что козы надежно заперты. Вещи она прижала камнями, потому что дул сильный порывистый ветер и в нем ощущалась какая-то дикая, необузданная сила зрелого лета.

Терру росла. Она по-прежнему казалась слишком маленькой и худенькой для своих лет (ей было где-то около восьми), но за последние месяца два ее ожоги совсем поджили, перестали причинять ей страдания, и она стала значительно больше времени проводить на улице да и есть стала гораздо лучше. Платья, позаимствованные у младшей, пятилетней дочурки Ларк, стали ей малы.

Тенар подумала, что надо бы сходить в деревню, к ткачу Фану, и попросить у него кусок материи из остатков в обмен на пойло для свиней, которое она все время отсылала ему с пастушкой Вереск. Она бы с удовольствием что-нибудь сшила Терру. Да и просто повидать старого Фана ей хотелось. Смерть Огиона и болезнь Геда заставляли ее сторониться деревенских жителей. Оба эти волшебника, как всегда, насильно вытащили ее из того знакомого мира, в котором она прекрасно умела себя

вести и который сама избрала для себя, — то вовсе не был мир королей и королев, могущественных волшебных сил и высших искусств, великих путешествий и приключений (обо всем этом Тенар думала, собираясь в деревню и выглядывая в окошко, чтобы видеть Терру), но мир самых обычных людей и самых обычных дел, где люди женились, воспитывали детей, возделывали поля, пасли коз, шили, стирали... Она думала об этом с каким-то мстительным чувством — словно спорила с Гедом, который сейчас, должно быть, прошел уже больше половины пути к Срединной Долине. Она представляла, как он идет по дороге мимо того ручья, где они с Терру ночевали, стройный, седовласый, одинокий и молчаливый путник, у которого в заплечном мешке полбуханки хлеба, испеченного ведьмой, а на сердце — тяжкий груз сознания собственного ничтожества.

«Пора и тебе кое-что понять! — подумала она. — Пора понять, например, что ты вовсе не всему выучился на Роке!» И тут же вспомнила совсем иное — одного из тех мужчин, что тогда поджидали ее с Терру на дороге. Невольно Тенар вскрикнула: «Будь осторожней, Гед!», страшась за него, ведь он и обыкновенной палки с собой не взял. Но вспомнила она не того огромного парня с усами, а другого, более молодого, в кожаной шапке, что так пристально смотрел на Терру.

В деревне она специально направилась сперва к маленькому флигельку рядом с домом Фана: здесь она когда-то жила. И вдруг мимо флигеля — буквально у нее под носом — прошел человек. Это был тот самый парень в кожаной шапке, которого она только что вспоминала! Ее он не заметил, и она смотрела, как он размеренной походкой, не останавливаясь, поднимается по деревенской улице то ли к постоялому двору, то ли к перекрестку горных дорог за деревней.

Не раздумывая, Тенар пошла за ним следом, держась на некотором расстоянии, пока не увидела, как он повернул к поместью Лорда Ре Альби, а не вниз, не в ту сторону, куда ушел Гед.

Немного успокоившись, она пошла в гости к старому Фану.

Будучи почти отшельником, как большинство ткачей, Фан даже в те времена проявил доброту по отношению к

каргадской девчонке, впрочем, несколько застенчивую и настороженную. Сколько же людей уже тогда защищали ее достоинство! Теперь, почти ослепнув, Фан завел ученицу, которая и делала большую часть работы. Он был очень рад гостье, восседая, точно на троне, на старинном резном стуле под тем самым веером, от которого и произошло его прозвище Фан-Веер. Веер этот, огромный, искусно разрисованный, подарил деду Фана один пират в благодарность за чрезвычайно быстро сотканную парусину. Веер висел на стене в раскрытом виде. Изящные фигурки мужчин и женщин в пышных одеяниях розового, зеленого, бирюзового цвета, башни и мосты, пестрые знамена Великого Хавнора были Тенар хорошо знакомы. Гости Ре Альби непременно заходили полюбоваться веером старого ткача. Во всем селении согласно общему мнению он был самой замечательной вещью.

Тенар с восхищением смотрела на веер, зная, что это приятно старику, а еще потому, что веер на самом деле был удивительно красив, и тут Фан сказал:

— Тебе ведь не много подобных вещей встречалось во время твоих путешествий, правда?

— Нет, совсем не встречалось. А в Срединной Долине такого и в помине нет, — ответила Тенар.

— А когда ты жила здесь, со мной рядом, разве я никогда не показывал тебе обратную его сторону?

— Нет, — ответила она, и, разумеется, пришлось снять веер со стены; она влезла на табурет и осторожно отцепила его, потому что сам Фан видел очень плохо, а уж забраться на табурет и подавно не мог. Он с беспокойством руководил ею. Спрыгнув на пол, Тенар положила веер ему на колени, и он своим затуманенным взором впился в дивные изображения, то раскрывая веер, то закрывая его, чтобы удостовериться, что все пластинки целы. Наконец Фан сложил веер, перевернул и вручил ей.

— Открывай, но медленно, — сказал он.

Она так и поступила. Дивное зрелище разворачивалось перед ней. Тонкий и бледный рисунок на пожелтевшем шелке — драконы бледно-красного, голубого, зеленого цвета — и все они двигались, собирались в стаи среди облаков и горных вершин, точно так же, как собирались вместе люди, изображенные на оборотной стороне веера.

— Подними его повыше и поднеси к свету, — сказал старый Фан.

И тут она увидела обе стороны одновременно, обе картины, как бы слившиеся воедино благодаря свету, проникавшему сквозь тонкий шелк; горные вершины и облака совпали с башнями столицы, мужчины и женщины стали крылаты, а драконы смотрели с рисунка человеческими глазами.

— Видишь?

— Вижу, — прошептала она.

— Я-то их теперь и разглядеть не могу — сердцем помню. Я мало кому это показывал.

— Просто поразительно, чудесно!

— Я все собирался показать это старому Магу, — проговорил Фан, — да то одно, то другое — вот и не показал.

Тенар еще раз перевернула веер, держа его против света, потом повесила его на прежнее место, и драконы спрятались во тьму, а женщины и мужчины шли себе, как обычно, освещенные солнцем.

Затем Фан повел Тенар на двор показать своих свиней — отличную парочку, успешно толстеющую, чтобы осенью пойти на колбасу. Они немного посетовали на безответственность Вереск, которая приносила ткачу помои для свиней не слишком регулярно. Тенар сказала, что мечтает о небольшом куске ткани — девочке на платье, и Фан с удовольствием вынул для нее из сундука нетронутую штуку тонкого полотна, а молодая женщина, бывшая у него в подмастерьях, похоже, полностью воспринявшая не только уроки его мастерства, но и его необщительность, тем временем продолжала работать, постукивая ткацким станком, совершенно невозмутимая и сосредоточенная.

Направляясь домой, Тенар думала, что и Терру могла бы сидеть за таким вот станком. Работа, конечно, довольно нудная, однообразная, зато всеми уважаемая, а порой ткачество относили даже к благородным искусствам. И люди привыкли к тому, что ткачи — обычно люди застенчивые, часто одинокие, полностью поглощенные своей работой. А то, что они работают в четырех стенах, позволило бы Терру не слишком часто показываться людям на глаза. Но как быть с изуродованной рукой? Сможет ли девочка такой рукой научиться передвигать челнок, натягивать основу? И неужели ей всю свою жизнь придется прятаться?

Но как же быть ей, Тенар? «Зная, какова будет ее жизнь...»

Она попыталась переключить свои мысли на что-нибудь другое. Стала думать, какое платье сошьет Терру. Платьица дочерей Ларк были грубоватыми, примитивными, как сама земля. А можно покрасить половину материи в желтый или красный цвет мареной с болота, а сверху будет нарядный белый передник с пелериной в оборочках... Нет, ну неужели малышке придется вечно прятаться во тьме у станка и никогда не видеть даже красивой юбки с оборкой и кружевами?.. Если кроить достаточно экономно, тогда останется еще и на блузку, и на второй фартучек...

— Терру, — окликнула она, подойдя к дому. Вереск и Терру были в загоне с козами, когда она уходила. Тенар еще раз позвала девочку, желая показать ей материю и рассказать о будущем платье. И тут из-за летнего сарая появилась неуклюжая Вереск, тащившая на веревке Сиппи.

— А Терру где?

— С тобой пошла, — с искренним изумлением ответила Вереск, и Тенар даже оглянулась, словно девочка стояла у нее за спиной, прежде чем поняла, что Вереск понятия не имеет, где Терру, и просто выдает желаемое за действительность.

— Где ты ее оставила?

Вереск и об этом понятия не имела. Она никогда раньше не отпускала от себя Терру, считая, видимо, что девочку нужно все время держать на привязи, точно козу. Впрочем, возможно, это скорее понимала сама Терру и старалась быть на виду у кого-нибудь из старших. Тенар, так и не дождавшись сколько-нибудь вразумительных объяснений от пастушки, подумала немного и принялась искать и звать девочку. Однако тщетно.

Она старалась не думать об обрыве так долго, как только могла. В первый же день она объяснила Терру, чтобы та никогда не ходила одна ни по круто поднимающимся террасам полей, расположенным ниже дома Огиона, ни к обрывистому утесу, ибо единственным зрячим глазом невозможно определить ни реальную глубину, ни реальное расстояние. Тогда девочка ей подчинилась. Она вообще

всегда подчинялась. Но дети склонны забывать свои обещания. Впрочем, Терру своих обещаний не забывает. Однако она могла ведь и нечаянно, даже не заметив этого, выйти на край обрыва? Нет, она, конечно же, просто отправилась к тетушке Мох! Вот именно! Она уже ходила одна в деревню вчера вечером и теперь решила повторить свой подвиг. Вот оно в чем дело!

У тетушки Мох Терру не оказалось. Ведьма ее не видела.

— Я отыщу ее, отыщу, милая, — заверила она Тенар; однако, вместо того чтобы пойти вверх по лесной тропе на поиски девочки, как надеялась Тенар, зачем-то начала вязать дурацкие узелки из собственных волос, явно намереваясь произнести заклятие.

Тенар бегом бросилась назад, к дому Огиона, снова и снова зовя девочку. И на этот раз осмелилась посмотреть вниз, на террасы полей, надеясь увидеть там среди валунов маленькую фигурку. Но за бесчисленными ступенями террас увидела одно лишь море, покрытое рябью и потемневшее, и от этого простора у нее даже закружилась голова и подогнулись колени.

Тенар пошла к могиле Огиона и чуть дальше, мимо нее, в лес, зовя Терру. Когда она возвращалась обратно, на лугу резвилась пустельга; именно здесь когда-то за этой птицей наблюдал Гед. Пустельга ринулась вниз и тут же снова взлетела, зажав в когтях какого-то маленького зверька, и понеслась к лесу. Птенцов кормит, подумалось Тенар. В мозгу ее без конца роилось множество самых разнообразных мыслей, множество живых и точных образов. Она прошла мимо выстиранного белья, разложенного на траве; теперь белье высохло, его необходимо до вечера собрать... Необходимо поискать возле дома повсюду, в сарае, в загоне — везде и более тщательно. Это ее вина. Это она виновата, потому что думала, как сделать из Терру ткачиху, как запереть ее в доме, за работой, сделать уважаемой всеми... Хотя Огион сказал тогда: «Научи ее, научи ее всему, Тенар!» Хотя она сама понимала, что неправильное обращение с этой девочкой может иметь необратимые последствия. Хотя знала, что девочка поручена именно ей, но со своей задачей не справилась, не оправдала надежд, не оправдала доверия Терру, потеряла ее, потеряла единственный доставшийся ей великий дар...

Тенар обыскала каждый уголок в доме, обшарила все остальные постройки, снова заглянула в альков и под вторую кровать. Потом остановилась, чтобы выпить воды, ибо рот ее пересох, словно песок в пустыне.

За дверью, как всегда, стояли три деревянных посоха — Огионов и их с Терру. И вот один из них, окутанный тенью, вдруг двинулся и сказал:

— Я здесь.

Девочка совершенно скрючилась в самом темном углу, словно втянувшись внутрь собственного тельца, и казалась сейчас не больше собачонки: голова прижата к плечу, руки и ноги поджаты под горло, единственный зрячий глаз изо всех сил зажмурен.

— Птичка ты моя, воробышек, огонечек мой, что случилось? Что? Что они с тобой сделали?

Тенар прижала к себе застывшее и холодное, словно камешек, маленькое тельце, баюкая девочку.

— Разве можно так пугать меня? Разве можно так от меня прятаться? Ох, как я на тебя сердита!

Она плакала, и слезы ее капали на лицо ребенку.

— Ах, Терру, Терру! Никогда больше так не делай!

Скрюченные, застывшие руки и ноги девочки вздрогнули и понемногу расслабились. Терру шевельнулась и вдруг судорожно прильнула к Тенар, спрятав лицо в ямку между ее грудью и плечом, прижимаясь к ней все крепче, с каким-то отчаянием. Она не плакала. Она никогда не плакала; возможно, все ее слезы были выжжены тем смертоносным костром. Но она исторгла какой-то протяжный стон, а может быть, рыдание.

Тенар обнимала ее и укачивала, укачивала. Очень, очень медленно отчаянные объятия девочки чуть ослабели. Головка сонно улеглась Тенар на грудь.

— Скажи-ка мне... — прошептала женщина, и девочка сразу ответила своим слабым, хриплым шепотом:

— Он приходил сюда.

Сперва Тенар подумала о Геде, но тут же под воздействием пережитого страха догадалась, кто был этот «он» для ее девочки! Она сухо усмехнулась про себя и, добиваясь четкого ответа, снова спросила Терру:

— Кто это «он»?

Ответа не последовало; Тенар почувствовала, как девочку стала бить с трудом сдерживаемая дрожь.

— Тот самый? — тихо спросила Тенар. — Тот, в кожаной шапке?

Терру коротко кивнула.

— Тот, кого мы видели тогда на дороге?

Девочка промолчала.

— Там было четверо мужчин — я на них еще рассердилась, помнишь? Это один из них?

И тут ей пришло в голову, что Терру тогда шла потупясь, пряча сожженную щеку, как всегда в присутствии чужих.

— Ты знаешь его, Терру?

— Да.

— С тех пор как... как вы жили в палатке у реки?

Терру снова коротко кивнула.

Тенар еще крепче прижала девочку к себе.

— Так это он приходил сюда... — проговорила она, и весь ужас, который она носила в себе, сразу превратился в гнев, в ярость, сжигавшую ей нутро, сидевшую в ней словно раскаленный прут. Тенар как-то странно усмехнулась — «Ха!» — и почему-то сразу вспомнила Калессина, то, как дракон смеялся.

Но ей, человеку, женщине, оказалось вовсе не легко удержать этот огонь в себе. Да и ребенка необходимо было успокоить.

— А он тебя видел?

— Я спряталась.

Тенар быстро заговорила, поглаживая Терру по голове:

— Он никогда больше к тебе не притронется, Терру. Ты пойми меня и поверь: он больше никогда не коснется тебя. Он больше никогда тебя не увидит — во всяком случае, пока я с тобой. Ты же понимаешь это, моя дорогая, моя драгоценная, моя красавица! Ты не должна его бояться. Да и отчего тебе его бояться? Он-то хочет как раз, чтобы ты его боялась. В твоем страхе он черпает силы. А мы заставим его поголодать! Пусть голодает, пусть гложет сам себя! Пусть задохнется, кусая собственные кости... Ах, не слушай ты меня, я ужасно сердита, я чудовищно зла!.. Я очень красная? Такая же, как женщины с Гонта? Как тот дракон? Красная? — Она пыталась шутить, и Терру, подняв к ней свое изуродованное робкое личико, заглянула ей в глаза и сказала:

— Да, красная. Ты — красный дракон.

Мысль о том, что этот человек приходил в их дом, был здесь, ходил вокруг, любуясь содеянным, может быть, даже обдумывая, как довести неоконченное дело до конца, — мысль об этом, скорее даже не мысль, а дурнотное чувство, подобное тошноте, охватывая Тенар, как бы сгорало само собой во вспыхивающем тут же в ее душе гневе.

Они встали, умылись, и Тенар решила, что наиболее явственное и реальное из множества ее теперешних чувств — голод.

— У меня совершеннейшая пустота в животе, — сказала она Терру и приготовила им роскошную трапезу: сыр, хлеб, холодные бобы, приправленные маслом и специями, ломтики лука и твердой копченой колбасы. Терру ела с отменным аппетитом, а Тенар — с еще большим.

Когда они съели все до последней крошки, Тенар сказала:

— А теперь, Терру, запомни: я никогда больше тебя одну не оставлю, и ты тоже не оставляй меня. Хорошо? А сейчас мы вместе с тобой сходим к тетушке Мох. Она там сотворила заклятие, чтобы отыскать тебя, так что пусть больше не беспокоится на этот счет.

Терру так и замерла. Она только раз взглянула на открытую настежь дверь и сразу отшатнулась.

— А еще нам с тобой нужно принести высохшее белье. Захватим его на обратном пути. А когда вернемся, я покажу тебе материю, которую добыла сегодня. Платье буду шить. Новое платье для тебя. Красное.

Девочка словно не слышала.

— Если мы будем прятаться, Терру, это ему только на руку. Но мы прятаться не станем, будем сильными сами. Так что ему не понравится. А ну-ка пошли!

Преодоление порога потребовало от Терру неимоверных усилий. Она отворачивалась, прятала лицо, дрожала, потом вдруг пошла, нерешительно, спотыкаясь, и казалось невыносимо жестоким заставлять ее перешагивать этот порог, чуть ли не силой тащить ее из дома, но Тенар не знала жалости.

— Пойдем же! — настойчиво повторила она, и девочка пошла с ней.

Держась за руки, они прошли через поля к домику тетушки Мох. Один или два раза Терру даже заставила себя поднять глаза от земли.

Тетушка Мох вовсе не удивилась, увидев их, однако выглядела она грустной и усталой. Она велела Терру сбегать в дом и полюбоваться юными цыплятами, которых только что вывела ее несушка с ожерельем на шейке, а потом выбрать и для себя парочку; Терру точно ветром сдуло.

— Она все время была в доме, — сказала Тенар. — Пряталась.

— Ну что ж, хорошо, что она умеет прятаться, — сказала ведьма.

— Почему? — резко спросила Тенар. Ей не хотелось сейчас скрывать свое настроение и быть покладистой.

— Да... всякие тут ходят... — сказала ведьма, однако совсем не важничая, а скорее с неохотой.

— Негодяи всякие тут ходят! — заявила Тенар, и тетушка Мох, глянув на нее, даже немножко отодвинулась.

— Ну-ну, успокойся, — сказала она. — Успокойся, милая. Ты вся прямо-таки огнем горишь, вокруг головы свет сияет. Я сотворила заклятие, чтобы отыскать девочку, однако оно не подействовало. Почему-то все шло не так, как хотела я, и я так и не поняла, кончилось ли действие этого заклятия. Что-то я растерялась совсем. Я видела Великих. Искала нашу девочку, а видела Великих, что парили над вершинами гор, среди облаков. А теперь и ты на них похожа, и волосы твои будто пламенем охвачены. Что случилось, что не так?

— Да есть тут один, в кожаной шапке, — сказала Тенар. — Такой молодой... Ну хватит так на меня смотреть! У него, кажется, куртка на плече разорвана. Ты его случайно тут не видела?

Тетушка Мох кивнула:

— Его в усадьбе на сенокос наняли.

— Я же рассказывала тебе, что она... — Тенар глянула в сторону дома, — что она была тогда с женщиной и двумя мужчинами. Он — один из тех двоих.

— Ты хочешь сказать, один из тех, что...

— Да.

Старуха застыла, словно деревянная статуя.

— Не знаю, — проговорила она наконец. — Мне казалось, что я знаю достаточно. Но это не так. А что... Что будет... А он что же... захочет прийти и повидать ее?

— Если он ее отец, то, возможно, просто потребует вернуть ее.

— Потребует вернуть?

— Она же *его собственность*.

Тенар говорила довольно спокойно. И при этом смотрела на вершину горы Гонт.

— Но я думаю, что отец все-таки не он. Я думаю, тот, другой. Тот, что пришел тогда в деревню и сказал моей подруге, что девочка «поранилась».

Тетушка Мох еще не совсем пришла в себя, она по-прежнему была во власти собственных чар и видений, ее испугала и ярость Тенар, и то, что неизбежное зло где-то рядом. Старуха в отчаянии потрясла головой.

— Я не знаю, — повторила она. — Хотя считала, что знаю достаточно. Как же он может вернуться сюда?

— Чтобы совсем уничтожить ее, — сказала Тенар. — Уничтожить, поглотить, пожрать. Я больше ее одну не оставлю! Вот только завтра, с самого утра, я, возможно, попрошу тебя, тетушка Мох, посторожить ее. С часок примерно. Сделаешь это для меня? А я пока схожу в усадьбу Лорда.

— Конечно, милая. Конечно. Я могу наложить укрывающее от чужих глаз заклятие, если хочешь... Однако... Они-то ведь сейчас как раз там, те посланцы короля из Хавнора...

— Ну так что ж, пусть и они посмотрят, какова здесь жизнь у простых людей, — сказала Тенар так, что тетушка Мох снова отшатнулась от нее: ей показалось, что сноп искр разлетелся от Тенар — словно от костра на ветру.

9

ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА

Они заготавливали сено на лугу Лорда, вытянувшемся вдоль всего склона; луг перерезали четкие утренние тени. Косцов было пятеро — три женщины и двое мужчин, один совсем юный, насколько Тенар могла догадаться издали, а второй — седой и сутулый. Она поднялась к ним,

ступая меж скошенных валков, и спросила одну из женщин о человеке в кожаной шапке.

— Это тот, что с Вальмута будет, иль нет? — переспросила та. — Ума не приложу, куда он подевался.

К ним подошли остальные. Ни один не знал, куда вдруг исчез человек из Срединной Долины и почему он не косит с ними вместе.

— Такие бездельники нипочем работать не станут, — сказал сутулый. — Неумеха. А ты что ж, госпожа, знаешь его?

— Случайно видела, — ответила Тенар. — Он все что-то возле нашего дома вынюхивал... девочку мою испугал. Я даже не знаю, как его зовут.

— Сам-то он себя Ловкачом называет, — удалось вставить мальчишке. Остальные смотрели на нее молча или старались не смотреть вообще. Они уже начинали догадываться, что она та самая женщина с Каргадских островов, что живет в доме старого Мага. Все они были вассалами Лорда Ре Альби, а потому подозрительно относились к тем, кто живет в деревне, не говоря уж о тех, кто имел дело с Огионом. Они поточили свои косы и пошли от нее прочь, разбрелись по лугу, вновь принявшись за работу. Тенар по краю поля, мимо посаженных там ореховых деревьев, спустилась к дороге.

Там, словно поджидая ее, стоял какой-то человек. Сердце у нее упало. Она поспешила навстречу.

То был Аспен, волшебник из усадьбы. Он стоял в тени придорожного дерева, изящно опершись о свой длинный сосновый посох. Когда Тенар наконец вышла неподалеку от него на дорогу, он сказал:

— Что, работу ищешь?

— Нет.

— Господину моему на поле нужны рабочие руки. Жара вот-вот кончится, так что сено необходимо поскорее убрать.

Для Гохи, вдовы Флинта, слова его звучали вполне нормально, так что Гоха и ответила ему тоже вежливо:

— Но ведь твое искусство, без сомнения, сможет справиться с дождевыми тучами, пока все сено не уберут.

Однако он прекрасно знал, что Тенар — та самая женщина, с которой перед смертью говорил Огион и которой старый Маг назвал свое Истинное Имя; и если учитывать, что он это знал, то слова его звучали в высшей степени оскорбительно и на редкость фальшиво — словно скрытая угроза или предупреждение. Она уже собралась спросить, не знает ли он, где теперь человек по прозвищу Ловкач. Но вместо этого сказала:

— Я просто пришла сообщить вашему управляющему, что человек, которого он нанял на сенокос, беглый вор и даже хуже. Он ведь совсем не такого хотел нанять, правда? Хотя и этот, кажется, уже куда-то исчез?

Она спокойно смотрела на Аспена, не отводя глаз до тех пор, пока он с трудом не проговорил ей в ответ:

— Я ничего не знаю об этих людях.

В ту ночь, когда умер Огион, волшебник этот показался ей высоким, молодым и даже довольно привлекательным в своем сером плаще с украшенным серебряным набалдашником посохом. Но он был совсем не так уж молод и вообще как будто высох, съежился с тех пор. Во взгляде его и голосе теперь отчетливо чувствовалось презрение, и она ответила ему так, как ответила бы Гоха:

— Да я просто так спросила. И прошу прощения. — Ей вовсе не хотелось еще и здесь неприятностей. Она уже повернула назад, когда Аспен вдруг крикнул:

— Погоди!

Она остановилась.

— Вор и даже хуже, ты говоришь, да только клевета недорого стоит, а женский язычок пострашнее иного ворюги будет. Ты ведь сюда нарочно пришла, чтобы среди косцов воду мутить, чтобы порядочных людей оговаривать да ложью опутывать — вот они, драконовы семена, что каждая колдунья сеет. Неужели думала, я не догадаюсь, что ты ведьма? Да я как только увидел это чертово отродье, что вечно к тебе липнет, так сразу и понял, где ты ее взяла и для какой надобности! И правильно сделали, что сжечь ее хотели! Только дело это надо было до конца довести. Ты уже один раз оскорбила меня у тела старого волшебника, но я тогда не стал тебя наказывать — ради покойного и в присутствии остальных. Но теперь ты зашла слишком далеко! Я предупреждаю тебя, женщина! Я не позволю тебе больше ходить по этой земле. Если же ты еще станешь мне перечить или снова осмелишься заговорить со мной, я сделаю так, что тебя вышвырнут из Ре Альби да еще и с собаками погонят. Ты меня поняла?

— Нет, — сказала Тенар. — Я никогда не понимала таких мужчин, как ты.

Она отвернулась и пошла по дороге.

Внезапно ее словно ударили чем-то острым прямо по позвоночнику, так что волосы у нее от боли встали дыбом. Она резко обернулась и увидела, что волшебник вытянул свой посох по направлению к ней, а вокруг конца посоха пляшут темные молнии. Губы Аспена уже приоткрылись для заклятия. И тут она поняла: все это потому, что Гед утратил свое могущество. Я считала дурными всех мужчин, но я ошибалась!.. Вдруг чей-то спокойный голос спросил:

— Ну-ну, что тут у нас происходит?

Двое из столичных гостей спускались на дорогу прямо из вишневого сада, что тянулся вдоль нее. Они смотрели то на Аспена, то на Тенар и явно ничего не понимали, однако держались вежливо, словно сожалея о необходимости помешать волшебнику, сознавая, что не допустят насилия.

— Госпожа Гоха, — изысканно поклонился ей человек в расшитой золотом рубахе.

Другой, с ясными глазами, тоже вежливо поздоровался с ней и улыбнулся.

— Госпожа Гоха, — проговорил он, — это женщина, которая, подобно нашему королю, открыто называет свое имя и, по-моему, ничего на свете не боится. На Гонте она, вероятно, предпочитает, чтобы ее называли простым гонтийским именем? Однако, поскольку нам известны ее великие деяния, я прошу у нее позволения оказать мне честь, ибо именно она носила на руке то Кольцо, которое не надевала больше ни одна женщина со времен прекрасной Эльфарран. — Он самым естественным движением преклонил перед Тенар одно колено, легким быстрым жестом взял ее правую руку и коснулся кисти своим лбом. Потом поднялся и улыбнулся своей добродушной и чуть таинственной улыбкой.

— Ах, — сказала Тенар, польщенная и словно согревшаяся от этих слов, — каких только могущественных сил нет на свете! Благодарю вас.

Волшебник стоял как вкопанный, глядя на нее. Он уже успел сомкнуть губы, готовые произнести злобное за-

клятие, и опустил свой посох, однако вокруг него и в его глазах все еще вполне отчетливо видна была некая мгла.

Она не знала, было ли ему известно раньше или он только сейчас узнал, что она Тенар, доставившая Кольцо Эррет-Акбе. Это было, впрочем, неважно. Все равно он не мог бы ненавидеть ее сильнее. Ее беда была в том, что она женщина. Ничто не могло быть хуже — в его глазах, разумеется; ничто не могло спасти ее от кары; ни одно наказание для нее не было бы достаточно сильным, ведь он видел, что сотворили с Терру, и вполне одобрил содеянное.

— Господин мой, — сказала она тогда тому, кто был постарше, — даже что-либо чуть меньшее, чем честность и открытость, уже кажется почти бесчестьем нашему королю, от чьего лица говорите вы — и действуете так, как сейчас. Лестно, что король и его посланник оказали мне честь... Однако собственная честь моя связана данным словом, пока мой друг сам не освободит меня. Я... я уверена, господа мои, что со временем он сам пошлет вам весть о себе. Только, молю вас, дайте ему время.

— Разумеется, — откликнулись оба посланника в один голос. — Столько времени, сколько ему будет угодно. А твое доверие, госпожа, возвышает нас более всего прочего.

Она пошла по дороге дальше в Ре Альби, потрясенная случившимся — столь стремительными переменами, неприкрытой ненавистью волшебника, собственной, какой-то сердитой резкостью, собственным ужасом перед лицом неожиданной опасности, его откровенным желанием причинить ей зло и, наконец, внезапным спасением благодаря посланникам короля, явившимся сюда из благословенного рая на белокрылом корабле, из Башни Меча, средоточия правосудия и порядка. Ее сердце было исполнено благодарности. Да, теперь на троне действительно настоящий король, и главное украшение его короны отныне — Руна Мира.

Ей понравилось лицо молодого гостя, умное и доброе; и то, как он преклонил перед ней колена — словно перед королевой; и его улыбка, будто таившая некую тайну. Она оглянулась. Оба посланника шли вместе с волшебником Аспеном по направлению к поместью Лорда Ре Альби.

Все трое, похоже, вполне дружески беседовали, словно ничего и не произошло.

Это немного поколебало ее веру в них. Они, разумеется, были настоящими придворными. И не их дело — впутываться в ссоры или открыто осуждать кого-то. А он ведь волшебник, да к тому же волшебник того Лорда, что оказал им гостеприимство. И все-таки, подумала она, не стоило бы им так вот прогуливаться и беспечно беседовать с ним.

Гости из Хавнора еще несколько дней прожили у Лорда Ре Альби, возможно, не теряя надежды, что Верховный Маг передумает и придет к ним; однако сами они его не искали и не приставали к Тенар с вопросами о том, где он может быть. Когда они наконец покинули Гонт, Тенар сказала себе, что должна теперь непременно решить, как же ей быть дальше. Никакой видимой причины долее оставаться в доме Огиона не было, зато покинуть Ре Альби она стремилась по крайней мере по двум весьма серьезным причинам: из-за Аспена и из-за Ловкача. И нисколько не сомневалась, что они не оставят их с Терру в покое.

И все-таки она никак не могла окончательно решиться: ей трудно было даже думать о расставании с Огионом. Она была уверена, что, покинув Ре Альби, потеряет его навсегда, а пока она поддерживает порядок в его доме и пропалывает его грядки с луком, связь между ними, пусть не очень сильная, все-таки остается. И еще она подумала: «Там, в долине, мне никогда уже больше не приснится небо». Здесь, где побывал Калессин, она действительно была Тенар — во всяком случае, так ей казалось. А в Срединной Долине она вновь станет всего лишь Гохой. И она тянула, откладывала уход, говоря себе: «Ну неужели стоит бояться этих негодяев? Неужели я так вот просто возьму и сбегу от них? Ведь им этого и нужно: командовать мною». Она ни на шаг не отпускала от себя Терру. И день шел за днем.

Порой заходила тетушка Мох, чтобы рассказать какую-нибудь историю. Тенар уже спрашивала ее о волшебнике Аспене — разумеется, только лишь намекнув на его угрозы. Она и вообще-то уже стала думать, что Аспен хотел только припугнуть ее. Тетушка Мох обычно избегала говорить о том, что касалось Лорда Ре Альби, однако происходящее в его поместье ее живо интересовало, и она

охотно болтала с тамошними своими знакомыми, с той старухой, например, у которой сама училась принимать роды, и с другими, кого считала приличными знахарями. Их-то она и заставляла выкладывать все, что происходило в господском доме. Все они Аспена ненавидели, а потому говорили о нем всегда с большой охотой, однако в их рассказах больше половины было продиктовано злословием и страхом. И все-таки среди любых вымыслов всегда можно обнаружить зерно правды. Тетушка Мох и сама утверждала, что, пока здесь три года назад не появился Аспен, юный Лорд, внук старого, пребывал в добром здравии, хотя и тогда отличался застенчивостью и мрачным нравом. «Вроде как напуганный», — говорила старая ведьма. Потом умерла мать мальчика, и старый Лорд послал на остров Рок за волшебником... «А для чего? — спрашивала тетушка Мох. — Ведь сам Огион жил от поместья в получасе ходьбы. Да и все эти лорды там, в Ре Альби, колдуны и чародеи».

Но тем не менее Аспен прибыл. Он только раз пришел к Огиону, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и больше не появлялся. По словам тетушки Мох, он всегда предпочитал оставаться наверху, в поместье. И с тех пор внука старого Лорда стали видеть все реже и реже; поползли слухи, что мальчик теперь день и ночь проводит в постели, «точно младенец больной, и весь будто усох совсем». Зато старый Лорд, которому, по словам тетушки Мох, было «по крайней мере лет сто или около того», просто процветал и «был полон жизненных соков». Один из слуг — ибо прислуживать в поместье нанимали только мужчин — рассказывал своей приятельнице, дружившей и с тетушкой Мох, что старый Лорд нанял волшебника Аспена для того, чтобы самому жить вечно, и что волшебник этот делает, как ему велено, а потому вроде бы как скармливает старику жизненные силы внука. И мужчина тот ничего дурного в этом не находил, говоря: «А кому ж не хочется вечно-то жить?»

— Так, — сказала возмущенная Тенар, в очередной раз выслушав тетушку Мох, — гнусная история! А разве об этом в деревне ничего не говорят?

Тетушка Мох пожала плечами. Словно, как всегда, хотела сказать: «Пусть их». Деяния власть имущих не подлежали обсуждению среди бесправных. А кроме того,

мешала какая-то неясная, слепая верность Ре Альби: старик ведь всегда был их господином, и никого не касалось, чем он там занимается... Тетушка Мох, видимо, разделяла эту точку зрения. «Рискованно это, — говорила она, — ошибиться легко». Но ни разу не назвала происходящее в поместье отвратительным.

Никаких следов мужчины по имени Ловкач Тенар так и не обнаружила. Страстно желая убедиться в том, что он покинул Большой Утес, Тенар расспросила о нем своих немногочисленных приятелей из деревни, однако отвечали ей весьма неохотно и как-то двусмысленно. Им не было дела до ее тревог. «Пусть ее...» Один лишь старый Фан обращался с ней по-дружески. Однако, возможно, лишь потому, что своими почти слепыми глазами не мог как следует рассмотреть Терру.

Она теперь всегда брала девочку с собой, отправляясь в деревню или куда бы то ни было из дому.

Терру нисколько не тяготила эта нерасторжимая связь. Напротив, она жалась к Тенар, как и большинство маленьких детей к матерям, помогала ей по хозяйству, играла рядом. Основным ее развлечением стало плетение бесконечных путанок и игра с двумя костяными фигурками, которые Тенар нашла в маленькой соломенной сумке, лежавшей на полке в уголке. Одна из фигурок напоминала не то собаку, не то овцу, а вторая — определенно человека, но не поймешь, женщину или мужчину. Тенар не усматривала в этих безделушках ничего таинственного или опасного, да и тетушка Мох тоже сказала: «Это просто игрушки». Терру же фигурки казались по-настоящему волшебными. Она порой часами играла с ними, выдумывая всякие истории и не произнося вслух ни слова. Иногда она строила для человечка и его зверька дома — пирамидки из камешков, хижины из глины и соломы. Фигурки всегда были у нее под рукой, в кармане. Потихоньку Терру училась прясть, но не могла пока держать шерсть в своей изуродованной огнем руке, а другой одновременно крутить веретено. С самого первого дня они с Тенар регулярно вычесывали Огионовых коз, и теперь набралось уже порядочно шелковистой шерсти, которую надо было спрясть.

«Но мне же нужно учить ее по-настоящему! — огорчалась Тенар. — «Научи ее всему», — сказал Огион. А я ее

чему учу? Готовить и прясть? — И сама же себе возражала, но уже как бы голосом Гохи: — А разве умение прясть не настоящее мастерство, всем нужное и всеми уважаемое? Разве мудрость заключена только в словах?»

И все-таки вопрос этот очень ее беспокоил, и однажды днем, когда Терру выбирала из козьей шерсти всякий мусор, сидя рядом с Тенар в тени персикового дерева, она сказала:

— Терру, может быть, тебе уже пора начать учить Истинные Имена вещей? Есть такой язык, на котором все вещи называются своими Настоящими Именами, а поступок и слово воспринимаются как единое целое. Слова этой речи произнес впервые Сегой, когда поднимал острова Земноморья из глубин морских. На этом языке говорят драконы.

Девочка слушала молча.

Тенар отложила чесальные гребни и подобрала с земли камешек.

— На этом языке, — сказала она, — камешек называется *ток*.

Терру смотрела внимательно; потом повторила *ток*, но совершенно беззвучно, одними губами, изуродованными ожогом справа.

Камешек как ни в чем не бывало лежал на ладони Тенар — самый обыкновенный камешек.

Обе они молчали.

— Рановато еще, — сказала Тенар. — Не этому должна я тебя учить сейчас. — Она бросила камешек на землю и снова взялась за свои гребни; к этому времени Терру приготовила уже целую гору серой, словно туча, шерсти. — Может быть, когда ты пройдешь обряд имяположения и обретешь Подлинное Имя? — снова заговорила Тенар. — Может быть, тогда будет можно? Но не сейчас. А знаешь что? Давай-ка займемся разными древними историями, пора тебе их послушать. Я могу много рассказать тебе о жизни Архипелага и Каргадских островов. Раньше я рассказывала только то, что сама узнала когда-то от Айхала Молчаливого, а теперь хочу, чтобы ты послушала одну историю, которую моя подруга Ларк рассказывала нашим с ней детям. Это история об Андауре и Аваде.

Так давно, как вечность, и так далеко отсюда, как Се-

лидор, жил да был дровосек по имени Андаур, который часто в одиночку уходил далеко в горы. Однажды, забравшись глубоко в лес, он срубил там огромный дуб. И, падая, дуб крикнул Андауру человеческим голосом...

Обе они весьма приятно провели тот день.

Однако ночью, лежа рядом со спящей девочкой, Тенар уснуть не могла. Беспокойство мучило ее, одна глупая мысль сменяла другую — и все какие-то мелочи: заперла ли она калитку загона, отчего болит рука — от бесконечного чесанья шерсти или это артрит начинается, и так далее и тому подобное. Потом вдруг ей стало совсем не по себе: ей показалось, что рядом с домом кто-то ходит. Что же это я до сих пор собаку не завела, подумала она. Глупо жить без собаки, когда в доме только женщина да ребенок! В такое время непременно следует завести собаку! Но ведь это же дом Огиона: ни один злоумышленник сюда никогда не проникнет. Да ведь Огион-то умер, умер и похоронен под корнями дерева на опушке леса. И никто ей на помощь не придет — Ястреб далеко, беглец. Он теперь уже и не Ястреб, так — тень Ястреба, никчемный, пустой, мертвый человек, которого силой заставляют жить. А у меня волшебной силы нет, тут от меня проку никакого. Я говорю слово Созидания, и оно у меня еще во рту умирает, теряет смысл. Камешек. А я — женщина, старая, слабая, глупая... Все, что я делаю, я делаю неправильно. Все, к чему я прикасаюсь, превращается в прах, в тени, в камень. Я создание тьмы, я переполнена тьмой. И очистить меня может только огонь. Только огонь может меня поглотить, поглотить полностью, как...

Она села и вскрикнула по-каргадски: «Да отвратится твое заклятие, да оборотится оно против тебя самого!» — и, выпростав из-под одеяла правую руку, указала ею куда-то вниз и прямо — на закрытую дверь. Потом осторожно выскользнула из кровати, подошла к двери, распахнула ее рывком и громко сказала прямо в пасмурную ночь:

— Ты пришел слишком поздно, Аспен! Я давно уже поглощена. Иди и очисти свой собственный дом от скверны!

Ответа не последовало, и вообще не слышно было ни звука, только в воздухе висел слабый, кисловатый, неприятный запах — чего-то горелого, то ли подожженного платья, то ли волос.

Она захлопнула дверь и подперла ее посохом Огиона, а потом проверила, спит ли по-прежнему Терру. Сама же она в ту ночь так и не уснула.

Утром они с Терру пошли в деревню, чтобы узнать у старого Фана, не нужна ли ему только что спряденная ими шерсть. Это был подходящий повод, чтобы уйти подальше от дома и некоторое время побыть среди людей. Старик сказал, что с радостью возьмет их пряжу, и они еще некоторое время поговорили с ним, сидя под огромным разрисованным веером, а хмурая помощница Фана все это время безостановочно стучала и клацала ткацким станком. Когда Тенар и Терру выходили на улицу, Тенар успела заметить, как кто-то спрятался за угол того домика, где она раньше жила. То ли оводы, то ли пчелы начали вдруг жалить Тенар в шею и в голову, а с небес вдруг полил грозовой дождь, хотя на небе не было ни облачка — да не просто дождик, камни посыпались! Она видела, как они отскакивают от земли. Терру остановилась, потрясенная и ошеломленная, озираясь вокруг. Из-за домика выбежали двое мальчишек, и непонятно было, то ли они хотели спрятаться, то ли, наоборот, выставляли себя напоказ, вопя и смеясь.

— Пойдем, — спокойно сказала Тенар, и они пошли к дому Огиона.

Тенар трясло, и озноб еще усилился по дороге. Она старалась скрыть это от Терру, которая казалась очень встревоженной, но не испуганной, хотя явно не понимала, что же произошло.

Едва они вошли в дом, как Тенар поняла, что здесь кто-то побывал, пока они ходили в деревню. Пахло горелым мясом и жженым волосом. Покрывало на их кровати было все скомкано.

Еще только решая, как быть дальше, она поняла, что на ней лежит заклятие. Теперь зло поджидало ее дома. Она никак не могла унять дрожь, в голове все путалось, мысли стали неповоротливыми, медлительными, она ни на что не могла решиться. Она и думать-то толком не могла. Тогда она произнесла одно лишь слово, Истинное

Имя камешка, и вот сегодня в лицо ей полетели камни — в ее лицо, в лицо зла, в лицо ужаса... Она тогда осмелилась заговорить... А теперь она не могла говорить совсем...

Она подумала по-каргадски: *Я не могу думать на ардическом языке. Я не должна этого делать.*

По-каргадски думать она могла. Хотя и не быстро, а так, словно сперва должна была просить девушку Ару, которой была когда-то давно, чтобы та вышла из тьмы и подумала за нее. Чтобы помогла ей, Тенар, как помогла вчера ночью, отвратив заклятие колдуна и оборотив его зло против него самого. Ара не знала многого из того, что знали Тенар и Гоха, однако проклинать она умела; и жить во тьме — тоже; и еще — умела молчать.

Молчать Тенар было особенно тяжело. Ей хотелось выплакаться. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь — пойти к тетушке Мох и рассказать той, что произошло, почему она должна уходить отсюда, да, наконец, просто чтобы попрощаться. Она попыталась сказать пастушке Вереск: «Козы теперь твои», и ей даже удалось произнести это на ардическом, так что Вереск вроде бы должна была понять, однако она не поняла. Она уставилась на Тенар, засмеялась и ответила: «Ой, так ведь это же козы Лорда Огиона!»

Тенар тщетно попыталась пояснить свою мысль, но тут смертельная слабость охватила ее, и она услышала, как выкрикивает пронзительным голосом: тупица, полудурок, скотина, глупая баба!

Вереск уставилась на нее и перестала смеяться. Тенар прикрыла рот ладошкой, взяла ее за руку и повела смотреть, как зреют сыры в молочной; она стала поочередно показывать то на них, то на Вереск, пока та не кивнула слабо и снова не засмеялась — уже от радости.

Тенар кивком подозвала Терру, а сама пошла в дом, где отвратительный запах был сильнее, и Терру уже начала от него кашлять.

Тенар выбросила на улицу их дорожные сумки и башмаки. Потом в свою суму уложила сменное платье, два стареньких платьица Терру и наполовину сшитое новое ее платье, а также смену белья и остаток материи; положила еще веретена, немного еды и глиняную фляжку с водой на дорогу. В сумку Терру были уложены лучшие ее корзиночки из травы, костяной человечек и костяной

зверек, несколько ярких перышек, маленькая плетеная циновочка-головоломка, которую подарила Терру тетушка Мох, и мешочек с орехами и изюмом.

Тенар хотелось сказать: «Пойди и полей персиковое деревце», но она не осмеливалась, а просто вывела девочку на улицу и показала, что нужно сделать. Терру старательно полила крохотный росток.

Они подмели и все прибрали в доме, работая быстро, в полном молчании.

Тенар поставила кувшин обратно на полку и увидела на другом ее конце три Великие Книги, принадлежавшие Огиону.

Ара тоже увидела их, но для нее они ничего не значили — какие-то большие кожаные коробки, полные бумаги.

Но Тенар уставилась на них, прикусив костяшку пальца, напряженная, пытаясь решить, что же ей делать и как донести такую тяжесть. Она не могла одна справиться с этим, но была *должна*. Книгам было не место в доме, утратившем свою священную неприкосновенность, куда теперь проникла ненависть. Они принадлежали Огиону. Геду. Ей. То было Знание. *Научи ее всему!* Она вытащила всю шерсть и готовую пряжу из мешка, который собиралась прихватить с собой, и положила Книги туда; потом стянула мешок кожаным ремешком, закрепив петлю так, чтобы удобно было тащить мешок по земле. И наконец сказала:

— Теперь мы должны уходить, Терру.

Она сказала это по-каргадски, но ведь и имя девочки тоже было каргадским; этим словом карги обозначают пламя, горение; и девочка последовала за Тенар, не задавая никаких вопросов, с дорожной сумой за плечами, куда было сложено все ее небогатое имущество.

Они взяли в руки свои дорожные посохи — ореховую ветку и ветку ольхи. Посох Огиона они оставили за дверью, в темном углу, а дверь в дом широко распахнули, предоставив гулять там морскому ветру.

Каким-то звериным чутьем Тенар чувствовала, что нужно держаться подальше от полей и от верхней дороги, по которой они пришли сюда. Они срезали путь, спустившись по крутым ступеням уходящих вниз пастбищ. По-

том, крепко держась за руки, вышли на проезжую дорогу, что, петляя, вела в Порт Гонт. Тенар понимала, что, если им сейчас встретится Аспен, она пропала; а еще она подумала, что волшебник, возможно, поджидает ее на дороге. Хотя, может быть, и не на этой.

Примерно через полчаса ходьбы она вновь обрела способность нормально рассуждать. Во-первых, до нее дошло, что дорогу она выбрала правильно: слова ардического языка постепенно возвращались к ней, а потом — и слова Истинной Речи, так что она даже остановилась на минутку, подобрала с земли камешек и подержала его в руке, повторяя про себя: *ток*. Потом опустила камешек в карман. Посмотрела в небесную высь, на быстро летящие тучи, один раз прошептала: *Калессин,* и душа ее тут же очистилась, мысли стали ясными и такими же прозрачными, как воздух вокруг.

Они миновали длинную вырубку, по краям затененную высокими травами и выступами скал; здесь Тенар чувствовала себя несколько неуверенно. Когда они добрались до поворота дороги, перед ними внизу открылся простор темно-голубого залива. Между Сторожевыми Утесами в гавань Гонта как раз входил красивый корабль с поднятыми парусами. В прошлый раз именно такой корабль испугал и встревожил Тенар, однако теперь она страха не ощутила. Ей, напротив, даже захотелось побежать по дороге навстречу этому кораблю.

Но побежать она не могла: Терру была уже на пределе. Она ходила теперь гораздо быстрее, чем два месяца назад, да и спускаться вниз было, конечно, значительно легче, чем ползти по крутой дороге в Ре Альби. Но корабль как бы сам устремился им навстречу. В его парусах был, видно, волшебный ветер; словно низко летящий лебедь, пересек он залив и причалил в порту прежде, чем Тенар и Терру преодолели половину длинного своего пути.

Все города, большие и маленькие, всегда казались Тенар немного странными. Она никогда раньше не жила в городах. Когда-то она недолго гостила, правда, в самом большом городе Земноморья, Хавноре, а потом вместе с Гедом приплыла в Порт Гонт, но улиц его почти не видела: они тогда сразу пошли по дороге вверх к Большому Утесу. Единственным городом, который она хоть как-то знала, был Вальмут; там жила ее дочь. Вальмут был сон-

ным, залитым солнцем морским городком, раскинувшимся на берегу уютной бухточки, и в его порту даже прибытие корабля с Андрадских островов казалось значительным событием; основной темой для разговоров здесь служила вяленая рыба.

Они с девочкой спустились по улице Порта Гонт, когда солнце над западным краем моря стояло еще достаточно высоко. Терру за все это время ни разу не пожаловалась, хотя была на ногах уже больше восьми часов; она, конечно же, сильно устала, но измученной не выглядела. Тенар тоже очень устала, к тому же она совсем не спала прошлой ночью, да и беспокойство буквально снедало ее. А Книги Огиона оказались весьма тяжкой ношей. Где-то на середине пути она переложила их в заплечный мешок, а еду и одежду — в тот мешок из-под шерстяной пряжи, который несла в руке; так оказалось значительно удобнее, но все равно очень тяжело. Теперь они еле брели вдоль окраины к городским воротам, где дорога, проходя между двумя каменными изваяниями драконов, превращалась в городскую улицу. У ворот на них уставился стражник. Терру тут же опустила голову, прижав изуродованную огнем щеку к плечу, а сожженную скрюченную ручонку спрятала под фартук.

— Вы к кому идете, госпожа? — спросил стражник, всматриваясь в девочку.

Тенар не знала, что сказать. Она не знала, что у городских ворот всегда стоит стража. Ей нечем было заплатить ни подорожную пошлину, ни за постой в харчевне. Она в этом городе не знала ни души — кроме разве что того волшебника, что приходил хоронить Огиона. Как же его звали? Нет, она и этого не помнила. И стояла у ворот, открыв рот, словно придурковатая Вереск.

— Ладно, проходите уж, — раздраженно бросил стражник и отвернулся.

Ей хотелось спросить, как попасть на южную дорогу, что идет вдоль побережья через холмы в Вальмут. Но она не решилась снова привлекать к себе внимание стражника, чтобы тот не прогнал ее, как обычную бродяжку, ведьму или кого-то еще, кому он вместе с каменными драконами обязан был преградить путь в этот город. Они быстро прошли мимо драконов и устремились дальше — Терру даже немножко приподняла голову, чтобы на ходу взгля-

нуть на великолепные резные изваяния, и поплелась следом за Тенар, спотыкаясь о каждый камень, все больше и больше удивляясь, смущаясь и постепенно сникая. Тенар казалось, что в этом огромном городе можно найти все, что угодно, все на свете. Высокие каменные дома, различные повозки, ломовые телеги, тележки, рогатый скот, ослики, рынки, магазины, толпы людей, люди, люди, люди — чем дальше они шли, тем больше им встречалось людей. Терру жалась к руке Тенар, льнула к ней, пряча лицо под свисавшими волосами. Тенар и сама старалась держаться поближе к Терру. Она понимала, что здесь им не место, так что они сразу пошли на юг, рассчитывая двигаться до наступления темноты — а теперь темнело рано — и потом заночевать где-нибудь в лесу. Тенар высмотрела какую-то толстуху в немыслимо пышном белом фартуке, закрывавшую ставни своего магазинчика, и решила спросить у нее, как выйти из города на южную дорогу. Суровое красное лицо женщины казалось довольно располагающим, однако, пока Тенар набиралась храбрости, Терру вдруг буквально впилась ногтями в ее руку и попыталась спрятаться у нее за спиной. Подняв глаза, Тенар увидела, что по улице прямо к ним идет тот самый человек в кожаной шапке. Он тоже сразу увидел ее. И остановился.

Тенар покрепче ухватила Терру за руку и поволокла, потащила ее за собой.

— Скорей! — велела она и решительно двинулась прямо на того человека. Миновав его, она еще быстрее устремилась вниз, навстречу сиянию заката и темнеющей воде, навстречу причалам и сходням, видневшимся в конце круто спускавшейся улицы. Терру бежала следом, задыхаясь так, как задыхалась тогда, когда ее, обожженную, вытащили из костра.

Высокие мачты толпились на фоне красно-желтого закатного неба. Тот прекрасный корабль со свернутыми парусами стоял у каменного причала, скрытый гребной галерой.

Тенар оглянулась. Мужчина в кожаной шапке шел за ними, он был совсем близко. Он не спешил.

Она выбежала на причал, но через несколько шагов Терру споткнулась и не смогла идти дальше: у нее не хватало дыхания. Тенар подхватила малышку на руки, и та

прильнула к ней, спрятав лицо у нее на плече. Но с такой ношей и сама Тенар едва переставляла ноги. Они у нее дрожали и подгибались. Шаг, другой, третий — и Тенар подошла к узким деревянным сходням, которые были перекинуты с корабля на причал. Она положила руку на перила.

Какой-то моряк, простой жилистый парень, глянул на нее с палубы.

— В чем дело, госпожа? — спросил он.

— Это... это корабль из Хавнора?

— Из столицы, да, точно.

— Пустите меня на борт!

— Ну я-то этого разрешить не могу... — сказал парень, ухмыляясь, однако ободряюще подмигнул ей и стал смотреть на человека в кожаной шапке, остановившегося рядом с Тенар.

— Да не беги ты от меня! — сказал ей Ловкач. — Я ведь тебе зла не причиню. Никому я вредить не собираюсь. Ты же ничего не понимаешь. Я ведь и тогда пришел за помощью для нее, разве не так? Мне по-настоящему жалко было, что оно так вышло. Я вам помочь хочу... — Он протянул руку, словно его неудержимо тянуло к Терру, хотелось коснуться девочки. А Тенар не могла даже пошевелиться. Она ведь обещала Терру, что этот человек больше никогда не дотронется до нее! И беспомощно смотрела, как его пальцы скользнули по вздрогнувшей обнаженной ручке ребенка.

— Эй, чего тебе от нее надо? — послышался другой голос. На месте того жилистого парня появился другой, совсем молодой, Тенар даже подумала сперва, что это ее сын. Ловкач поспешил ответить:

— Так она... ребенка моего унесла. Племянницу. Девчонка-то моя. А она ее, понимаешь, околдовала да и убежала с ней...

Тенар по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Все слова покинули ее, их словно у нее отобрали. Тот молодой моряк не был ее сыном. У него было тонкое и суровое лицо, ясные глаза. Глядя на него, она нашла наконец слова:

— Позвольте мне подняться на борт, пожалуйста!

Молодой человек протянул Тенар руку. Она ухвати-

лась за нее и, пошатываясь, прошла по сходням на палубу корабля.

— А ты подожди там, — сказал юноша Ловкачу и снова обернулся к Тенар: — Пойдемте со мной, госпожа.

Но ноги уже не держали ее. Грудой тряпья Тенар рухнула на палубу столичного корабля, уронив свой тяжелый мешок, но крепко прижимая к себе девочку.

— Не позволяйте ему забирать ее, ах, господин мой, умоляю, только не отдавайте ему ее снова, нет, нет, нет!..

10

ДЕЛЬФИН

Она ни за что не соглашалась отпустить девочку от себя. Все они на корабле были мужчинами! Лишь очень не скоро она обрела способность воспринимать то, что они говорят, что происходит вокруг. Когда она поняла, кто такой тот молодой человек, которого она сперва приняла за своего сына, то ей показалось, что она все время знала это, только не имела возможности подумать как следует. Она была не в состоянии ни о чем подумать как следует.

Юноша вернулся с причала на палубу корабля и теперь разговаривал у сходней с седовласым моряком — похоже, шкипером. Потом он через плечо посмотрел на Тенар, которая съежилась между перилами и рубкой, крепко прижимая к себе Терру. Чрезмерная усталость, тяжкие испытания этого дня одержали верх над всеми страхами: Терру глубоко спала. Тенар подложила девочке под голову ее маленький мешок и укрыла своим плащом. Потом медленно распрямила ноги и встала; молодой человек тут же бросился к ней. Она поправила юбки и пригладила откинутые на спину волосы.

— Я Тенар с Атуана, — сказала она. Он не шелохнулся. Она прибавила: — Мне кажется, ты наш король.

Он был очень молод. Моложе ее сына Искорки. Ему вряд ли исполнилось двадцать. Но что-то такое в его облике давало понять: он вовсе не так уж молод; а глаза смотрели так, словно видели все, даже адский огонь.

— Имя мое Лебаннен с Энлада, госпожа, — сказал он

и уже собирался поклониться или даже преклонить перед ней колена, но она поймала его за руку, так что теперь они стояли лицом к лицу.

— Ты не должен этого делать предо мной, — сказала она, — как и я перед тобой!

Он удивленно рассмеялся и задержал ее руки в своих, с откровенным любопытством ее рассматривая.

— Откуда ты знаешь, что я искал тебя? Ты, значит, шла ко мне, когда тот человек...

— Нет-нет. Я убегала... от него... от... от бандитов... я пыталась попасть домой, вот и все.

— На Атуан?

— Ах нет! На свою ферму. В Срединную Долину. Это здесь, на Гонте. — Она тоже засмеялась сквозь слезы. Слезы безудержно лились у нее из глаз, сейчас их можно было наконец выплакать. Она выпустила руки короля, чтобы утереть свои слезы.

— Где это, Срединная Долина? — спросил он.

— На юго-востоке острова, за холмами. Там есть еще город Вальмут.

— Мы тебя туда отвезем, — сказал он, радуясь тому, что может ей это предложить и чем-то помочь.

Она улыбнулась и кивнула.

Король обернулся к шкиперу:

— Стакан вина, немного еды, отдых, а еще постель помягче для девочки.

Шкипер внимательно слушал, отдавая соответствующие приказания. Жилистый матрос, которого она помнила, казалось бы, с незапамятных времен, вышел вперед, собираясь взять Терру на руки, но Тенар преградила ему путь. Она никому не могла позволить коснуться девочки.

— Я сама понесу ее, — сказала она звенящим, как натянутая струна, голосом.

— Там трап, госпожа. Давайте лучше я, — предложил матрос, и она поняла, что он добрый человек, но все-таки не могла позволить ему коснуться Терру.

— Можно мне? — спросил молодой король и, взглянув на Тенар, опустился на колени, взял спящую девочку на руки, понес к люку и стал очень осторожно спускаться по трапу. Тенар шла следом.

Он положил Терру на койку в тесной каюте. Неуклю-

жий, ласковый. Заботливо подоткнул плащ. Все это Тенар ему позволила.

На корме, в большой каюте с широким окном, обращенным в сторону окутанного сумерками залива, король попросил Тенар присесть за дубовый стол. Сам взял из рук юнги поднос, сам налил красного вина в тяжелые хрустальные кубки, сам предложил ей фрукты и печенье.

Она пригубила вино.

— Очень хорошее вино, правда, не Года Дракона, — сказала она.

Он ошарашенно посмотрел на нее, растерявшись, как мальчишка.

— Это вино с Энлада, не с Андрадских островов, — кротко пояснил он.

— Отличное вино, — заверила она его, отпив еще глоток. Потом взяла печенье. Печенье было сухое, рассыпчатое, очень сдобное и не слишком сладкое. Зато зеленый и янтарно-желтый виноград казался почти приторным и чуточку терпким. Живой вкус еды и вина был для нее точно швартовы для корабля: он вновь привязывал ее к этому миру, к ее собственному разуму. — Я была очень напугана, — сказала она, как бы оправдываясь. — Теперь, наверное, скоро оправлюсь. Вчера... нет, сегодня, сегодня утром... случилось... на меня было наложено заклятие... — Оказалось непереносимо трудно, почти невозможно произнести это слово. Тенар стала заикаться. — П-п-проклятие... я была п-п-проклята... у меня отняли речь и разум. И тогда мы сбежали, но попали прямо в руки тому человеку, который... — Она в отчаянии подняла глаза на молодого короля, который внимательно слушал ее. Его мрачный спокойный взгляд помог ей выговорить то, что выговорить было необходимо. — Он был одним из тех, что изувечили девочку. Он и ее родители. Они изнасиловали ее, избили до полусмерти и сунули в костер; такое тоже порой случается, господин мой. Такое порой случается даже с детьми. И этот человек продолжает преследовать девочку, пытается во что бы то ни стало до нее добраться. И...

Она заставила себя передохнуть, отпила немного вина, стараясь неторопливо насладиться его вкусом и ароматом.

— И это от него я бежала к тебе. В рай. — Она огляделась, осмотрела низкие резные балки под потолком, полированный стол, серебряный поднос, тонкое спокойное молодое лицо короля. У него были темные и мягкие волосы, чистая кожа, цвета красновато-золотистой бронзы; одет он был хорошо и просто, никакой цепи или кольца, ни единого символа королевской власти. Но по его виду сразу можно было сказать, что это король.

— Мне очень жаль, что я его отпустил, — сказал Лебаннен. — Но его еще вполне можно найти. А кто проклял тебя?

— Один волшебник. — Ей не хотелось называть его имя. Не хотелось вспоминать все это. А хотелось, чтобы все поскорее осталось далеко-далеко позади. Никакой мести, никакой погони. Пусть разбираются со своей ненавистью сами, пусть остаются там, позади, пусть забудутся.

Лебаннен не настаивал, однако спросил:

— А будешь ли ты в безопасности на своей ферме?

— Надеюсь. Если бы я тогда не так устала, не растерялась бы так... если б голова у меня работала как следует — а то ведь я даже думать не могла, — я бы и Ловкача не испугалась. Да и что бы он, собственно, мог мне сделать? Когда кругом полно народу — на улицах и везде? Мне не следовало убегать от него. Но тогда я чувствовала только ЕЕ СТРАХ, и ничего больше. Она еще так мала! Пока что она умеет только бояться его. Ей нужно еще научиться его не бояться. Я должна научить ее этому... — Она размышляла вслух. Думала она по-каргадски. Неужели она и говорила по-каргадски? Он вполне может подумать, что она сошла с ума, старая, безумная, что-то бормочущая старуха. Она остро глянула на него. Его темные глаза смотрели не на нее, а на язычок пламени за стеклом лампы, что висела низко над столом. Маленькое, спокойное, чистое пламя. Его лицо было слишком печальным для столь юного существа.

— Ты приплыл сюда, чтобы найти его, — сказала она. — Верховного Мага. Ястреба.

— Геда, — поправил он, глядя на нее с едва заметной улыбкой. — Ты, и он, и я — все мы зовемся Подлинными Именами.

— Ты и я — да. Но он — только с тобой и со мной.

Король кивнул.

— Он сейчас в опасности. Ему грозят всякие завистливые люди... злоумышленники... а у него сейчас нет... нет никакой защиты. Ты об этом знаешь?

Она не могла заставить себя выражаться яснее. Лебаннен сказал:

— Он говорил мне, что его могущество, его волшебная сила исчерпаны во время того подвига, что спас и меня, и всех нас. Но в это так трудно поверить! Мне не хотелось верить ему.

— Мне тоже. Но это так и есть. И поэтому он... — Снова Тенар колебалась. — Он хочет побыть один, пока раны его не зарубцуются, — осторожно договорила она.

— Он и я, мы вместе были в темной стране, в иссушенной пустыне, — сказал Лебаннен. — Вместе мы умирали. Вместе прошли через те горы. Сюда можно вернуться, если пройти через те горы. Там есть еще один путь. И он это знал. Но имя тех гор — Горе. Камни... Острые камни тех гор наносят такие глубокие порезы — очень долго не заживает...

Он посмотрел на свои руки. Она вспомнила руки Геда, израненные и обожженные, судорожно стиснутые, все в запекшейся крови. Он все старался зажать свои раны...

Ее собственная рука сжала в кармане тот камешек — то самое Слово, что она подобрала на крутой горной дороге.

— Почему он прячется от меня? — вскричал юноша в тоске. И тихо прибавил: — Я так хотел, так надеялся увидеть его. Но если он сам того не желает, то, разумеется, и говорить не о чем. — В этих словах она услышала ту же холодноватую вежливость, то же достоинство, что и в речах посланцев Хавнора; она высоко ценила подобную воспитанность; она хорошо знала, чего это стоит. Но юноша был дорог ей именно потому, что у него вырвались эти слова тоски.

— Он, конечно же, придет к тебе. Только дай ему время. Он получил такой тяжкий удар — у него отнято все... все... Но когда он говорил о тебе, когда произносил твое имя — ах, в такие минуты я снова видела Геда таким, каким он был когда-то!.. каким он будет снова... Гордым!

— Гордым? — повторил Лебаннен удивленно.

— Да. Конечно, гордым. Кому и гордиться, как не ему?

— Я всегда считал его... он был так бесконечно терпелив... — Лебаннен помолчал и засмеялся собственным противоречивым словам.

— Ну а теперь терпения-то ему как раз и не хватает, — сказала Тенар, — и он беспредельно жесток по отношению к себе. Мы ничего не можем для него сейчас сделать, разве что не мешать ему следовать тем путем, который он сам для себя избрал — «чтобы на другом конце привязи обнаружить себя самого». Так здесь говорят, на Гонте... — И вдруг сама она почувствовала, будто ходит вокруг колышка на привязи, и такая предельная усталость навалилась на нее, что показалась ей болезнью. — По-моему, мне пора отдохнуть, — сказала она.

Он тут же поднялся.

— Госпожа Тенар, ты сказала, что бежала от одного врага и встретила другого; зато я явился сюда в поисках одного друга, а нашел двоих!

Она улыбнулась его сметливости и доброте. Что за чудесный мальчик, подумала она.

Корабль, казалось, весь находился в движении: слышались стон и скрежет корабельной обшивки, грохот бегущих ног над головой, стук разматываемой парусины, крики матросов. Терру разбудить было нелегко, и, проснувшись, она ничего не могла понять; возможно, у нее даже был жар, хотя она всегда была такой горячей, что Тенар даже не пыталась определять, не больна ли девочка. Терзаясь угрызениями совести из-за того, что заставила малышку прошагать больше восьми часов да еще пережить весь тот ужас вчерашнего дня, Тенар попыталась развеселить ее, рассказывая, что они плывут на корабле и эта маленькая комнатка, где они спали, принадлежит самому королю, а корабль везет их домой, на ферму, и тетушка Ларк ждет их там, а может быть, ждет и Ястреб. Но ничто не интересовало Терру. Она оставалась совершенно равнодушной, вялой, все время молчала.

На ее маленькой худенькой ручке Тенар заметила красные следы четырех пальцев — словно клеймо, словно ее коснулись раскаленные наручники. Но ведь Ловкач даже не сжимал ей руку, он только чуть дотронулся до нее? Она, Тенар, когда-то сама пообещала ей, что этот человек никогда больше ее не коснется. И обещания не сдер-

жала. Ничего ее слово не стоит! Да и какое слово может справиться с тупой мощью насилия?

Она наклонилась и поцеловала отметины на ручонке Терру.

— Жаль, что я не успела дошить твое красное платьице, — сказала она. — Королю, наверно, очень приятно было бы увидеть тебя в нем. Хотя, по-моему, на кораблях люди не носят нарядное платье, даже короли.

Терру села на койке, низко склонив голову и ничего не отвечая. Тенар расчесала ее волосы. Они наконец-то стали расти как следует; густые, шелковистые пряди темной волной закрывали обожженную щеку и руку.

— Хочешь есть, птенчик? Ты ведь вчера даже и не поужинала. Может быть, король даст нам позавтракать? Вчера вечером он угощал меня печеньем и виноградом.

Ответа не последовало.

Когда Тенар сказала, что им пора выйти из каюты, девочка подчинилась. Наверху, на палубе, она стояла, прижав голову к плечу. Она не смотрела ни вверх, на белоснежные паруса, наполненные сильным утренним ветром, ни на искрящуюся воду, ни на гору Гонт, вздымавшуюся у них за спиной к самым небесам, ни на великолепие лесов. Она не подняла глаз и тогда, когда с ней заговорил Лебаннен.

— Терру, — ласково сказала Тенар, опускаясь возле нее на колени, — когда с тобой говорит король, следует отвечать.

Девочка молчала.

На лице Лебаннена, не сводившего с Терру глаз, ничего прочесть было нельзя. Возможно, то была просто маска воспитанного человека, скрывающего свое отвращение и потрясение. Однако его темные глаза были спокойны. Он легонько коснулся детской ручонки и сказал:

— Тебе, должно быть, очень странно было проснуться посреди моря?

Она согласилась поесть и съела немножко фруктов. Когда Тенар спросила, не хочет ли она вернуться в каюту, девочка кивнула. Тенар неохотно оставила ее там, забившуюся в угол, и вернулась на палубу.

Корабль проплывал между Сторожевыми Утесами, до самого неба вздымавшимися каменными стенами, которые, казалось, вот-вот коснутся парусов. Лучники в маленьких крепостях, прилепившихся, словно гнезда стрижей, высоко на утесах, смотрели вниз, на палубу корабля, и матросы радостно вопили: «Дорогу королю!», а в ответ доносилось — куда громче крика ласточек и стрижей в небесах: «Да здравствует наш король!»

Лебаннен стоял на носу судна со шкипером и каким-то пожилым, аккуратно одетым в серый плащ мага, узкоглазым человеком с острова Рок. Гед тоже надел такой красивый серый плащ, когда они с ним привезли Кольцо Эррет-Акбе в Башню Меча; а старый его плащ, весь в пятнах, грязный и изношенный, служил ему некогда единственным одеялом — там, в Гробницах Атуана и в пустынных горах, когда они вместе шли к побережью. Тенар думала об этом, глядя, как у бортов корабля разлетаются хлопья пены и высокие утесы пропадают вдали за кормой.

Когда корабль миновал последние рифы и начал сворачивать к востоку, к Тенар подошли трое. Лебаннен, один из них, сказал:

— Госпожа моя, это Мастер Ветродуй с острова Рок.

Великий Маг поклонился, с восхищением глядя на нее живыми острыми глазами, в которых светилось и любопытство. Это такой человек, решила она, которому нравится знать, куда дует ветер.

— Ну, значит, теперь мне уже не нужно мечтать, чтобы хорошая погода продержалась еще немного: я просто на это рассчитываю, — сказала она Ветродую.

— В такой день, как сегодня, я всего лишь обычный пассажир, — ответил ей Маг. — Кроме того, с таким капитаном за рулем, как Мастер Серратен, не требуется никакой заклинатель погоды.

Все мы очень вежливы, думала она, все мы — дамы и господа, изысканно кланяемся и говорим друг другу комплименты. Она быстро глянула на молодого короля. Тот смотрел на нее улыбаясь, по-прежнему сдержанный.

Она чувствовала себя примерно так же, как когда-то девочкой в Хавноре: маленькая варварка, неловкая среди всеобщей изысканной обходительности. Однако теперь уже былого священного трепета перед этим блеском Тенар не испытывала; лишь удивлялась тому, как эти мужчины подчинили свою жизнь какому-то вечному танцу масок и как легко и просто любая женщина может научиться исполнять этот танец.

Ей сказали, что понадобится один только сегодняшний день, чтобы доплыть до Вальмута при таком свежем ветре и ясной погоде. Уже после обеда они причалят в тамошней гавани.

Все еще чувствуя сильную усталость после пережитых вчера волнений, Тенар рада была присесть на «ложе», которое уже знакомый ей матрос соорудил для нее из соломенного тюфяка и куска парусины; она смотрела на бегущие волны, на чаек, на меняющиеся очертания горы Гонт, синей и сонной в полуденном свете, на крутые обрывистые берега. Потом привела наверх и Терру, чтобы та побыла на солнышке; девочка пристроилась с ней рядом, то глядя по сторонам, то снова погружаясь в дремоту.

Какой-то матрос, очень темнокожий, беззубый, босой, с подошвами ног, твердыми, как подковы, и чудовищно искривленными, изуродованными пальцами, подошел к ним и положил что-то на тюфяк возле Терру.

— Для малышки, — хрипло сказал он и тут же снова отошел, однако потом все посматривал украдкой, занимаясь своим делом, в сторону девочки, чтобы убедиться, что ей понравился его подарок. Терру не пожелала даже коснуться маленького свертка. Развернуть его пришлось Тенар. Это было прелестное изображение дельфина, изящная вырезанная из кости статуэтка длиной не больше пальца.

— Он может жить вместе с другими твоими костяными фигурками, — посоветовала Тенар.

При этих словах Терру будто ожила, достала свою плетенную из травы сумочку и положила дельфина туда. Но пойти поблагодарить скромного дарителя пришлось тоже Тенар. Терру не желала ни смотреть на него, ни говорить с ним. Через некоторое время она снова попросилась в каюту, и Тенар оставила ее там играть с костяным человечком, зверьком и дельфином — веселой компанией.

Ах, до чего же легко, с яростью думала она, до чего легко этому Ловкачу было отнять у ее девочки солнечный свет, и этот корабль, и юного короля, и само ее детство; и как же трудно вернуть все это ей обратно! Целый год я старалась вернуть ей эту радость, а он лишь чуть прикоснулся к ней и снова все у нее отнял. Зачем? Неужели в этом предмет его гордости, его могущества? Неужели сила его оборачивается пустотой?

Она подошла к королю и Магу Ветродую, стоявшим у перил. Солнце уже сильно клонилось к западу, и корабль плыл по великолепию волн, сверкающих дивными красками. Тенар почему-то вспомнила вдруг тот свой сон, когда летала вместе с драконами в небесах.

— Госпожа Тенар, — сказал король, — я не оставлю никакого письма для нашего общего друга. Мне кажется, что этим я обременил бы тебя и посягнул бы на его свободу. Я не хочу делать ни того, ни другого. В этом месяце состоится моя коронация. Если бы это он держал корону над моей головой, правление мое началось бы так, как того желает моя душа. Но будет так или нет — а именно он возвел меня на трон. Именно он сделал меня королем. Я этого никогда не забуду.

— Знаю, что не забудешь, — ласково сказала она. Этот мальчик был так напряжен, так серьезен, словно закован в броню дворцового этикета, и тем не менее очень уязвим из-за своей честности, из-за чистоты своих побуждений. Она принимала его всем сердцем. Он думает, что познал Великое Горе, но он познает его снова и снова, и всю свою жизнь будет познавать его, и ничего из этого горького опыта никогда не забудет.

А потому и не станет в отличие от Ловкача искать простых путей.

— Я охотно передам твое послание, — сказала она. — Мне это вовсе не трудно. А вот захочет ли он выслушать — это уж от него зависит.

Мастер Ветродуй усмехнулся.

— Так всегда было, — сказал он. — Всегда все зависело только от него самого.

— Ты давно знаешь его?

— Дольше, чем ты, госпожа моя. Я его когда-то учил, — сказал Маг. — Тому, чему мог... Он ведь явился в Школу на остров Рок, как ты знаешь, совсем мальчишкой и принес письмо от Огиона, в котором сообщалось, что в этом пастушке заключена великая сила. Но в первый же раз, когда я отправился с ним на лодке, чтобы научить его разговаривать с ветрами, он, знаешь ли, поднял водяной смерч. И тогда я понял, что всех нас ждет: мальчик либо утонет еще до того, как ему исполнится шестнадцать, либо станет Верховным Магом еще до того, как

ему стукнет сорок... А может, мне просто кажется теперь, что тогда я так думал...

— Он по-прежнему Верховный Маг Земноморья? — спросила Тенар. Вопрос казался абсолютно бестактным, а ответное молчание напугало ее еще больше: значит, это не просто бестактность с ее стороны.

Наконец Ветродуй пояснил:

— В настоящее время на острове Рок нет Верховного Мага. — Голос его звучал чрезвычайно настороженно, и слова он выговаривал очень четко.

Она не осмелилась спросить, что он имел в виду.

— Я полагаю, — сказал король, — что Восстановивший Руну Мира может быть членом любого совета в Земноморье; а ты, господин мой, разве так не думаешь?

Последовала еще одна пауза — и после очевидной борьбы с собой Маг выговорил:

— Разумеется.

Лебаннен немного подождал, но больше Ветродуй не прибавил ни слова.

Молодой король окинул взором сияющие закатным светом воды и заговорил напевно, словно рассказывая сказку:

— Когда мы с ним прилетели с самого дальнего запада на спине дракона... — Он помолчал, и имя дракона прозвучало в душе Тенар словно удар колокола: *Калессин*. — Дракон оставил меня на острове Рок, а его унес прочь. И тогда Привратник Школы сказал: «Он покончил с делами. Он идет домой!» А еще раньше, на берегу Селидора, Гед бросил свой посох, сказав мне, чтобы я о посохе не беспокоился, ибо сам он больше уже никакой не маг. Ну и потом Мастера острова Рок собрались на совет, чтобы выбрать нового Верховного Мага.

На этот совет они пригласили и меня, дабы я как будущий король смог приобщиться к их премудрости. А еще, наверное, я вошел в их число, потому что необходимо было занять пустующее место: местоТориона, Мастера Заклинателя, чье искусство обернулось против него же по умыслу тех злых сил, которые господин мой Ястреб в конце концов уничтожил. Когда мы были там, в пустынной стране, что простирается между каменной стеной и Горами Горя, я видел МастераТориона. Мой господин окликнул его и рассказал ему, как можно вернуться на-

зад, к жизни. Но, по-моему, Торион не пошел по указанному пути. И к жизни не вернулся.

Сильные тонкие пальцы Лебаннена изо всех сил сжали поручни. Он по-прежнему не отрывал глаз от сияющего моря. Через некоторое время он снова заговорил.

— Итак, я дополнил число «девять», необходимое для того, чтобы выбрать нового Верховного Мага. Великие Маги с острова Рок — люди очень мудрые, — сказал он, посмотрев на Тенар. — Они не только прекрасно осведомлены в своих науках и искусствах, но и обладают богатым жизненным опытом. Все они очень разные, но используют свои различия, как я это понял гораздо раньше, лишь для того, чтобы общее решение было более весомым, многогранным. Однако на этот раз...

— Дело в том, — вмешался Мастер Ветродуй, заметив, что Лебаннену, видимо, не хочется критиковать Великих Мастеров, — что на этот раз у нас были одни разногласия и никакого решения мы вынести не могли. Мы никак не могли прийти к согласию. Может быть, из-за того, что Верховный Маг по-настоящему не был мертв — он был жив, видишь ли, но уже не был Магом... и тем не менее, по всей видимости, оставался Повелителем Драконов... Да и Мастер Метаморфоз еще не совсем оправился от собственных чар, чуть его не погубивших. Метаморфоз все еще надеялся, что Заклинатель сможет побороть смерть и вернуться из ее Царства, и умолял нас подождать... А Мастер Путеводитель и вообще не желал ничего говорить. Он ведь карг, госпожа моя, как и ты; ты это знала? Он прибыл к нам с Карего-Ат. — Проницательные глаза Мастера Ветродуя наблюдали за Тенар: в какую сторону подует ветер на этот раз? — По всем этим причинам в нашей Девятке многого не хватало и все у нас не ладилось. Когда Привратник спросил, какие имена мы могли бы назвать, не было названо ни одного имени. Каждый посматривал на соседа...

— Я смотрел в землю, — вставил Лебаннен.

— И в конце концов все мы воззрились на того, кому ведомо самое большое количество имен: на Мастера Ономатета. А он, в свою очередь, не сводил глаз с Мастера Путеводителя, который так и не сказал ни слова и сидел среди своих волшебных деревьев как пень. Ты же знаешь, наверное, что подобные встречи происходят всегда в Им-

манентной Роще, среди деревьев-великанов, чьи корни глубже, чем корни островов Земноморья. Был уже поздний вечер. Порой в Роще мелькают огоньки, но тогда все окутывала тьма и небо казалось черным, беззвездным. Вдруг Путеводитель встал и заговорил — но на своем родном языке, а не на ардическом и не на Языке Созидания. Мало кто из нас владел языком каргов, и мы были в полной растерянности. Но Ономатет все разъяснил нам. Мастер Путеводитель, оказывается, сказал: это *одна женщина с Гонта*.

Ветродуй умолк. На Тенар он больше не смотрел. Помолчав, она спросила:

— И больше ни слова?

— Больше ни слова. Когда мы попросили его уточнить, он только удивленно смотрел на нас, но ответить ничего не мог: полностью был во власти видения — понимаешь, он прекрасно представлял себе форму предмета и путь к нему, но почти ничего из этого не мог выразить словами, конкретными понятиями. И то, что ему удалось произнести, он понимал не лучше остальных. Вот и все, чего мы тогда добились.

Мастера с острова Рок все были прирожденными учителями, а Мастер Ветродуй к тому же был очень хорошим учителем и ничего не мог с собой поделать: он и сейчас старался рассказывать Тенар обо всем предельно понятно и просто. Возможно, чересчур просто. Он умолк, осторожно глянул на нее и отвернулся.

— Итак, теперь тебе ясно, госпожа моя, — снова заговорил он, — что нам непременно нужно было побывать на Гонте. Но кого нам следовало искать здесь? «Одна женщина» — не слишком точное указание для начала поисков. Видимо, предназначение этой женщины — повести нас за собой, каким-то образом указать нам путь к нашему Верховному Магу. И сразу, как ты и сама уже догадалась, госпожа моя, речь зашла о тебе — ибо о какой еще подобной женщине с острова Гонт могли мы когда-либо слышать? Остров этот невелик, зато твоя слава велика. И тогда один из Мастеров сказал: «Она отведет нас к Огиону». Но все мы знали: Огион давным-давно отказался быть Верховным Магом Земноморья и тем более теперь, когда он стар и болен, этого предложения ни за что не примет. И, по-моему, как раз в тот вечер Огион собирался покинуть наш мир. Сразу возникло другое предположение: «Она отведет нас к Ястребу!» И тут мы совсем запутались...

— Да, совсем, — подтвердил Лебаннен. — К тому же вдруг в Имманентной Роще пошел самый настоящий дождь! — Он улыбнулся. — Я уж думал, что больше никогда не услышу стука дождевых капель по листьям, и так обрадовался!..

— Девять человек промокли до нитки, — сказал Мастер Ветродуй, — но один из них при этом был счастлив.

Тенар засмеялась. Она ничего не могла с собой поделать: этот старый Маг ей нравился. Если он и держался с ней настороженно, так ведь и она тоже была настороже, хотя в присутствии Лебаннена, казалось, можно было говорить только откровенно.

— Ваша «одна женщина с Гонта», уж во всяком случае, не я, потому что к Ястребу я вас не поведу.

— Таково было и мое мнение, — совершенно искренне воскликнул Ветродуй. — Это не могла быть ты, госпожа моя, иначе Путеводитель непременно произнес бы твое Подлинное Имя. Ведь таких, кто открыто зовется своим Подлинным Именем, очень мало! И все-таки я уполномочен Советом Рока спросить тебя, не знаешь ли ты какой-нибудь другой женщины на этом острове, которая походила бы на ту, кого мы ищем? Может быть, это сестра или мать наделенного волшебной силой человека, а может быть, его наставница — ведь и среди простых ведьм встречаются по-своему очень и очень мудрые. Может быть, Огион знал такую женщину? Говорят, что он знал на этом острове каждого человека, хотя и жил в полном одиночестве да и бродить любил по диким местам. Мне бы так хотелось, чтобы он был сейчас жив! Уж он-то смог бы нам помочь!

Тенар тут же вспомнила ту рыбачку, о которой ей рассказывал Огион. Но женщина та уже была старой много лет назад, а теперь, конечно же, умерла. Хотя драконы, подумала вдруг Тенар, живут очень долго, во всяком случае так всегда считалось.

Она довольно долго молчала, потом сказала лишь:

— Нет, ни одной такой женщины я не знаю.

Она хорошо понимала, что Маг изо всех сил старается быть с ней терпеливым. Мало ли что у нее на уме? Да и

неизвестно еще, чего она сама хочет? Он, несомненно, думает именно так. Тенар вдруг удивилась, как это она осмеливается молчать. А ведь это его глухота заставляет ее молчать! И она не может даже объяснить ему, насколько он глух.

— Значит, — медленно проговорила она наконец, — в Земноморье теперь Верховного Мага нет? Зато есть король.

— На которого возложены все наши надежды и упования, — сказал Маг с такой теплотой, что сразу переменился к лучшему. Лебаннен, наблюдавший за ними и прислушивавшийся к их разговору, улыбнулся.

— За последние годы, — неуверенно начала Тенар, — случилось столько всяких несчастий, столько бед. Моя... мою девочку... такое стало происходить слишком часто. И еще я слышала, как могущественные волшебники и чаровницы жаловались, что слабеют их силы, уходит мастерство.

— Это вина того, кого наш Верховный Маг и мой господин победил в Пустынной стране; он носил лишь прозвище — Коб — и вызывал никому доселе не ведомые беды и разрушения. Нам еще много-много лет придется восстанавливать наше искусство, исцелять наших мудрецов, оздоравливать наше волшебство, — решительно произнес Маг.

— А вдруг потребуется куда больше — не просто восстанавливать и лечить? — задумчиво проговорила Тенар. — Хотя лечить, конечно, тоже необходимо... Но мне хотелось бы знать вот что: не может ли... не может ли еще один такой Коб снова обрести могущество, хотя все в мире так переменилось... хотя перемены затронули наш мир сверху донизу? Хотя благодаря этим переменам у нас в Земноморье снова есть настоящий король — и, может быть, именно король нам теперь нужнее, а не Верховный Маг?

Мастер Ветродуй смотрел на нее так, словно вдруг на совершенно безоблачном небосклоне увидел очень далекую грозовую тучу. Он даже поднял было правую руку, как бы намереваясь произнести заклятие, связывающее ветер, потом опустил ее. И улыбнулся.

— Не бойся, госпожа моя, — сказал он. — Остров Рок

и Высшее Искусство Магии не погибнут. Наше сокровище охраняется очень хорошо!

— Скажи это Калессину, — буркнула Тенар, не в силах более выносить его непроизвольное пренебрежение. Ну конечно! Он прямо-таки остолбенел, услышав имя старого дракона. Но ее-то он даже и теперь услышать не сумел! Да и где ему суметь — ведь он в последний раз слушал женщину, когда его мать пела ему колыбельную.

— А ведь и правда! — воскликнул Лебаннен. — Калессин же приземлился на острове Рок, который, как известно, совершенно недоступен для драконов, и отнюдь не благодаря каким-то заклятиям моего господина — в нем тогда уже не осталось волшебной силы... и я не думаю, Мастер Ветродуй, что леди Тенар боится за себя.

Маг предпринял отчаянную попытку загладить нанесенное Тенар оскорбление:

— Прости, госпожа моя, что я говорил с тобой как с обычной женщиной.

Тенар едва сдержала смех. Этот смех мог бы потрясти его до глубины души. Она лишь равнодушно сказала:

— В моих опасениях и нет ничего необычного. — Но и это не помогло: он просто не способен был услышать ее. Зато молодой король молчал, чутко прислушиваясь. Юнга с верхушки мачты, явившись из мира спутанных снастей и раскачивающихся парусов, крикнул ясным и звонким голосом: «Город прямо по курсу!», и через минуту те, кто был на палубе, увидели разбросанные на берегу дома, столбы дыма над серо-голубыми сланцевыми крышами, светящиеся закатным светом стекла в окнах, а потом, совсем рядом — пирсы и причалы Вальмута, раскинувшегося у залива с шелковисто-синей водой.

— Причаливать или вы воспользуетесь заклятием, господин мой? — спокойно спросил шкипер, и Мастер Ветродуй ответил:

— Причаливай сам, шкипер. Лень возиться с этой водоплавающей мелочью! — И он показал на несколько дюжин рыбачьих лодок, что почти сплошь покрывали воды залива. Королевский корабль, точно лебедь среди утят, осторожно вошел в гавань под крики приветствий, раздававшиеся с каждой лодки.

Тенар заметила, что у причалов нет ни одного большого морского судна.

— У меня сын — моряк, — сказала она Лебаннену. — Я думала, что его корабль, может, тоже в здешнем порту...

— А как называется его корабль?

— Он был третьим помощником капитана «Чайки Эскила» — но уже больше двух лет назад. Наверно, теперь на другом корабле плавает. Он у нас непоседливый... — Она улыбнулась. — Когда я в первый раз тебя увидела, то решила, что это он. А вы с ним совсем и не похожи, только оба высокие, худые и молодые. Просто я тогда не в себе была, испугалась очень... Ничего особенного, конечно...

Старый Маг давно ушел на капитанский мостик, так что они с Лебанненом остались вдвоем.

— Слишком много страхов, в которых нет ничего особенного, — сказал он.

Это была последняя возможность поговорить с ним наедине, и слова стали срываться у нее с губ поспешно и неуверенно.

— Я хотела сказать... впрочем, это бессмысленно... но разве не может быть так, что на Гонте найдется такая женщина — не знаю, кто она, понятия не имею, но ведь может быть, что и есть такая или еще будет, а они именно ее-то и ищут, она-то им и нужна?.. Разве это невозможно?

Он слушал. Он не был глух. Но нахмурился, насторожился, словно пытаясь понять чужой язык. И сказал едва слышно, будто выдохнул:

— Это возможно.

Какая-то рыбачка на маленьком ялике подгребла к ним: «Откуда вы?», и мальчишка-юнга сверху возвестил, словно петушок с высокой крыши: «Из столицы, от короля!»

— Как называется этот корабль? — спросила Тенар. — Мой сын спросит, на каком корабле я приплыла сюда.

— *Дельфин,* — ответил Лебаннен, улыбаясь ей.

«Сын мой, король мой, дорогой мой мальчик, — подумала она. — Как бы мне хотелось всегда быть рядом с тобой!»

— Я должна привести малышку, — сказала она.

— Как ты доберешься домой?

— Пешком. Отсюда всего несколько часов ходьбы, это чуть выше, в горах. — Она указала ему за город, туда, где широко раскинулась между двумя отрогами горы Гонт залитая солнцем Срединная Долина. — Моя деревня на самом берегу реки, а ферма — в четверти часа ходьбы от

нее. Это один из самых чудесных уголков твоего королевства.

— Но будешь ли ты там в безопасности?

— О да! Сегодня я переночую у дочери в Вальмуте. А в нашей деревне на любого можно положиться. Одна я не останусь.

На мгновение глаза их встретились, но ни один не произнес того имени, о котором подумал.

— Они снова приплывут сюда с острова Рок? — спросила она. — Станут искать «одну женщину с Гонта»... или его самого?

— Его искать не станут. Это я им делать запрещу, даже если они и вознамерятся, — сказал Лебаннен, не сознавая, сколь многое сказал ей этим. — Ну а нового Верховного Мага или ту женщину из видений Мастера Путеводителя они, конечно, будут искать и, может быть, еще не раз явятся сюда. А может, и прямо к тебе.

— Рада буду приветствовать их на Дубовой Ферме, — сказала она. — Хотя и не так рада, как если бы туда приехал ты сам.

— Я приеду, как только смогу, — сказал он, чуть посуровев, и задумчиво прибавил: — И *если* смогу.

11

ДОМА

Чуть ли не все жители Вальмута собрались на пристани, чтобы посмотреть на корабль из Хавнора, услышав, что сюда прибыл сам молодой король, о котором успели уже сложить новые песни. В Вальмуте новых песен пока не знали, зато помнили старые, и Релли под аккомпанемент своей арфы спел отрывок из «Подвига Морреда» для юного короля Земноморья, который, как известно, был потомком Морреда. Появившийся на палубе король оказался таким молодым, высоким и красивым, каким и должен быть настоящий правитель Земноморья; рядом с ним стояли старый Маг с острова Рок, какая-то женщина и маленькая девочка — обе в старых плащах и похожие на нищенок. Однако король обращался с ними так, как если

бы то были королева и принцесса. Может, они ими и были, кто знает?

— Может, это мать его? — сказала молоденькая Шинни, пытаясь разглядеть короля получше, но ей мешали головы мужчин, толпившихся впереди. И тут ее подруга Эппл по прозвищу Яблочко сжала ей руку и тихонько вскрикнула — точнее, прошептала:

— Ой... это же мама!

— Чья мама? — спросила Шинни, и Эппл ответила:

— Моя. А это Терру. — Но проталкиваться вперед сквозь толпу не стала, даже когда с корабля на берег сошел офицер и пригласил старого Релли на судно, чтобы тот сыграл для короля. Яблочко ждала вместе со всеми. Она видела, как король принял нотаблей Вальмута, слышала, как Релли пел для него. Потом король стал прощаться со своими гостьями: корабль уже снова готовился к отплытию, чтобы еще до наступления ночи взять курс на остров Хавнор. Наконец по сходням на пристань сошли Терру и Тенар. Король торжественно обнял их на прощание, касаясь щекой щеки, а чтобы обнять Терру, опустился на колени. «Ах!» — воскликнула толпа у причала. Солнце садилось в золотистой дымке, на поверхности залива пролегла широкая золотая дорога. В руках у Тенар был тяжелый мешок и сумка; Терру, как всегда, шла опустив голову, и лицо ее было скрыто волосами. Сходни убрали, матросы засуетились, офицеры громко раздавали приказания, и вот корабль «Дельфин» поплыл прочь от острова Гонт. Тогда Яблочко протолкалась наконец сквозь толпу.

— Здравствуй, мама, — сказала она, и Тенар откликнулась:

— Здравствуй, дочка.

Они поцеловались, и Яблочко, подхватив Терру на руки, воскликнула:

— Ну и выросла ты! В два раза больше стала! Ну пошли, пошли к нам.

В тот вечер Яблочко почему-то немножко стеснялась собственной матери, даже в своем уютном доме, будучи женой молодого вальмутского купца. Она несколько раз задумчиво, даже испуганно поднимала на Тенар глаза и снова их опускала.

— Мне вообще-то всегда это было как-то безразлично, ты же знаешь, ма, — сказала Яблочко, появляясь в дверях спальни, — и эта Руна Мира... и твое торжественное прибытие в Хавнор с Кольцом... Для меня это все равно что какая-нибудь старинная песня... про то, что случилось тысячу лет назад! Но это ведь действительно была ты? Правда?

— Это была одна девушка с острова Атуан, — сказала Тенар. — И это случилось тысячу лет назад. А вот я сейчас, по-моему, вполне способна тысячу лет проспать.

— Ну тогда скорее ложись. — Яблочко взяла лампу и собралась уходить. — А еще с королем целовалась! — сказала она насмешливо.

— Ступай, ступай себе, — устало откликнулась Тенар.

Яблочко с мужем упросили Тенар погостить у них пару дней, но вскоре она так решительно засобиралась на ферму, что Яблочко решила проводить их с Терру домой, и они втроем отправились в путь по берегу тихой серебристой реки Кахеды. Лето клонилось к осени. Солнышко еще пригревало вовсю, но ветер был уже прохладный. Листва на деревьях казалась пыльной и потрепанной; поля были уже убраны или готовы к уборке.

Яблочко без умолку говорила о том, как сильно выросла и окрепла Терру, как уверенно она ходит теперь.

— Видела бы ты ее в Ре Альби, — сказала Тенар, — до того, как... — и умолкла, решив не тревожить дочь.

— А что случилось? — все-таки встревожилась Яблочко и так настойчиво принялась выяснять это, что Тенар сдалась и тихо ответила:

— Один из *тех*.

Терру бежала впереди, длинноногая, в ставшем коротким платьишке, и все высматривала чернику на опушке леса.

— Ее отец? — спросила Яблочко; ее тошнило при одной только мысли об этом.

— Ларк говорила, что вроде бы прозвище ее отца Треска. А этот помоложе. Тот самый, что приходил тогда и сказал Ларк, что случилось с девочкой. Его зовут Ловкач. Он... все слонялся вокруг да около, а потом — вот уж не повезло! — мы прямо на него налетели в Порту Гонт.

А молодой король его прогнал. И вот нас привезли сюда, а он там остался, так что все в порядке.

— Вот Терру, должно быть, напугалась! — сказала Яблочко, мрачнея.

Тенар кивнула.

— А зачем вы пошли в порт?

— А, так получилось. Этот тип, Ловкач, работал на одного... волшебника в поместье у Лорда, и волшебнику этому я чем-то не понравилась... — Она все пыталась хотя бы прозвище этому волшебнику придумать — и не могла, ничего не могла; в голову ей лезло одно лишь слово: *туабо*. Каргадское слово, обозначающее какое-то дерево, она даже не могла вспомнить какое...

— Ну и что?

— Ну и то! В итоге пришлось мне поскорее отправляться домой.

— За что ж этот волшебник так невзлюбил тебя?

— В основном за то, что я женщина.

— Да ну! — возмутилась Яблочко. — Ах он, старая сырная корка!

— Да он молодой совсем.

— Тем хуже! Ну что ж, по крайней мере у нас здесь никто родителей девочки не видел — если их так называть можно. А вот если они все-таки по-прежнему слоняются неподалеку, тогда очень плохо, что ты на ферме одна будешь.

Вообще-то очень приятно, когда твоя собственная дочь обращается с тобой по-матерински; сразу хочется начать капризничать. А потому Тенар нетерпеливо сказала:

— Со мной все будет в полном порядке!

— Могла бы уж по крайней мере собаку завести!

— Я уже думала об этом. У кого-нибудь в деревне, наверное, найдется щенок. Мы спросим у Жаворонка, когда мимо проходить будем.

— Не щенок тебе нужен, мама. Собака. Настоящая.

— Но хотя бы молодая? Чтобы Терру могла с ней играть! — умоляюще сказала Тенар.

— Ну да, милый такой теленочек, который будет со всеми, а заодно и с бандитами, лизаться! — съязвила Яблочко, шагая рядом с матерью — хорошенькая, здоровая, сероглазая.

Они пришли в деревню где-то около полудня. Ларк

обрушила на Тенар и Терру настоящий ураган поцелуев, объятий, разнообразных вопросов и лакомств. Тихий муж ее только поздоровался приветливо. Однако соседи заглядывали один за другим. Тенар наконец почувствовала, что счастлива, что вернулась домой.

Жаворонок и двое ее младших ребятишек — их у нее было семеро, — мальчик и девочка, проводили прибывших до самой Дубовой Фермы. Дети, конечно же, знали Терру, поскольку именно в их дом она попала сперва, знали и ее повадки, хотя за два месяца порядком отвыкли от нее и сперва немного стеснялись. С ними и даже с Ларк Терру казалась замкнутой, пассивной — такой, как в давние дурные времена.

— Девочка просто вымоталась за долгую дорогу — и вообще... Ничего, она скоро придет в себя и прекрасно будет играть с ребятами, — говорила Тенар Жаворонку, но Яблочко не дала ей так просто обойти эту тему.

— Один из тех негодяев объявился! Запугивал и ее, и маму, — сказала Яблочко. И потихоньку-помаленьку дочь и подруга вытянули из Тенар всю ту историю целиком — пока открывали холодный, запущенный, пыльный дом, приводили его в порядок, проветривали постели, склоняли головы над грядками с луком, заросшими сорняками, разжигали огонь, ставили сковородку, чтобы разогреть еду, и готовили огромную кастрюлю супа на вечер. Правда, рассказывала Тенар в час по чайной ложке и, похоже, так и не смогла рассказать, что же все-таки сделал с нею волшебник. Это было какое-то проклятие, неопределенно сказала она, а еще, может быть, именно он послал Ловкача за ней следом. Зато когда она начала рассказывать про короля, слова у нее изо рта так и посыпались!

— И там был он — король! Тонкий и прекрасный, словно лезвие меча... И Ловкач этот весь съежился и прямотаки пополз от него прочь... А я-то сперва решила, что это мой Искорка! Правда! Нет, правда, мне показалось — похож... Наверно, я была не в себе...

— Ну ладно, — сказала Яблочко. — Насчет Искорки все как раз нормально; а вот моя подружка Шинни приняла тебя за мать короля! Уж больно здорово было смотреть, как ты плывешь на королевском корабле! А знаешь, тетя Ларк, она ведь его поцеловала! Поцеловала короля!

Просто так взяла и поцеловала! Я уж думала, что потом она и старого Мага поцелует. Но она почему-то не стала.

— Да уж конечно нет, что за выдумки! Какой еще маг? — спросила Ларк, ныряя под стол. — Где у тебя ларь с мукой, Гоха?

— Ты на него руками опираешься. Был там Маг, настоящий, с острова Рок; явился сюда искать нового Верховного Мага.

— Сюда?

— А почему бы и нет? — возмутилась Яблочко. — Последний небось тоже с Гонта был, разве не так? Но того-то они не больно долго искали. Сразу уплыли назад в Хавнор, едва мама от них отделалась.

— Как ты смеешь так говорить, негодница!

— Он говорил, что Маги ищут какую-то женщину с Гонта, — не обращая на них внимания, сказала Тенар. — Но, кажется, сам старый Маг был не очень-то этому рад.

— Волшебник — и женщину искал? Это что-то новое, — заявила Ларк. — Я уж было подумала, что мука твоя вся жучком заражена, а она еще вполне хорошая, так что я, пожалуй, парочку пресных лепешек испеку, не возражаешь? Где у тебя масло?

— Нужно сперва налить в бутылку из фляги. А фляга в леднике. Ой, Шанди! Неужели это ты! Ну, как дела? Как Чистый Ручей? Продал ягнят?

Когда они все вместе сели ужинать, то за длинным деревенским столом оказалось уже девять человек. Кухню заливал желтый закатный свет; Терру уже начала понемногу снова приподнимать голову и даже несколько раз обратилась за чем-то к детям Ларк. Но страх по-прежнему таился в ее душе, и, по мере того как на улице становилось все темнее, она старалась сесть так, чтобы ее зрячий глаз мог видеть окошко.

Сгустились сумерки; Ларк с детьми отправились домой; Яблочко пела Терру песенку, укладывая ее спать; а Тенар с Шанди мыли посуду. И только сейчас она наконец спросила о Геде. Ей почему-то не хотелось говорить о нем в присутствии Ларк и дочери: потребовалось бы слишком много объяснять. Она вообще «забыла» упомянуть о том, что Гед вместе с ними жил в доме Огиона. Ей совсем не хотелось вновь вспоминать о Ре Альби. Казалось, что при этом она сразу сбивается с мысли.

— Я сюда с месяц назад человека присылала — с работой помочь, как он?

— Ох, я и забыла совсем! — воскликнула Шанди. — Хок его зовут, верно? Такой весь в шрамах — все лицо исполосовано?

— Да, — сказала Тенар. — Хок. В шрамах.

— Ой, ну конечно, а как же! Только он сейчас наверху, у Горячих Источников, — овец Серри пасет, по-моему. Явился он сюда, значит, и говорит, это ты его послала, а туточки у нас для него ну ни крошки работы, знаешь ли. Мы-то со стариком за овцами смотрим, я молочное хозяйство веду; а старые Тифф и Сис помогают мне, коли нужда случится, и уж я думала-думала, а ничего не придумала. Тут старик мой и говорит: «Пойди да спроси у Серри или у его главного пастуха, что овец на берегу Кахеды пасет, не нужен ли им пастух на верхние пастбища». Вот что он посоветовал, а Хок этот так и поступил; взяли его на работу-то, он уже на следующее утро овец на верхние пастбища погнал. «Пойди да у Серри спроси» — так старик мой посоветовал, так Хок этот и поступил, и точно, вышло у него. Ну а теперь-то он вернется только к осени, не раньше. Там он, на Долгих Просеках, точнехонько над Лиссу-рекой. Только вот не помню точно: может, они его коз пасти наняли? Хорошо говорил этот парень... Только вот овец или коз — не помню. Небось тебе-то все одно. Конечно, Гоха, тут мы его не оставили, да только и правда ведь — ни капельки работы для него не было, мы сами с Чистым Ручьем управляемся, да еще Тифф и Сис помогают... А парень этот еще сказал, что там, откуда он родом, ему коз пасти приходилось; а родом он с той стороны, из-под Армута, так вроде; да, точно, говорил он, что овец-то ему прежде пасти не доводилось. Так что, наверно, они его коз пасти отправили, на верхние-то пастбища...

— Наверно, — сказала Тенар. Она вполне успокоилась, однако была разочарована. Ей, конечно, очень хотелось узнать, что Гед в безопасности, что у него все в порядке, но еще больше ей хотелось, чтобы он оказался здесь.

Ладно, хватит с тебя и того, что ты уже дома, сказала она себе. Может, оно даже и лучше, что его здесь нет, что никакого волшебства здесь нет, что все ужасы, мечты, надежды навсегда остались в Ре Альби. Все, все это оста-

лось там, а она теперь здесь, и это ее дом, знакомые каменные полы и стены, маленькие застекленные окошки, за которыми темнеют в лунном свете старые дубы, и эти тихие, аккуратно прибранные комнаты... Она довольно долго лежала без сна в ту ночь. Дочь ее спала в соседней комнате — в детской, вместе с Терру, а Тенар — в своей собственной, супружеской постели, но только совсем одна.

Потом она уснула. И когда проснулась, не помнила ни одного из своих снов.

Прошло несколько дней; за это время Тенар вряд ли хоть раз задумалась о проведенном на Большом Утесе лете. Все это случилось далеко-далеко отсюда и очень давно. Несмотря на настойчивые уверения Шанди о том, что ни крошки работы на ферме нет, Тенар обнаружила ее целую пропасть, и все дела нужно было переделать как можно скорее: за лето все хозяйство оказалось запущено, да к тому же пора было убирать урожай, варить сыры и тому подобное. Тенар работала от зари до зари, и, если — совершенно случайно — у нее выдавался свободный часок, она для отдыха либо пряла, либо шила платье для Терру. Красное платьице наконец было почти готово; и белый передничек для парадных случаев, а коричневато-золотистый на каждый день.

— Ну вот, теперь ты у нас красивая! — сказала Тенар, когда Терру впервые надела платье. Она очень гордилась собственным изделием.

Терру тут же отвернулась.

— Ты действительно очень красивая, — настойчиво повторила Тенар. — Послушай-ка меня, Терру. Подойди поближе. Конечно, у тебя есть шрамы, и довольно уродливые — такие же, как то зло, которое тебе причинили. Люди этих шрамов не могут не видеть. Но ведь они видят и тебя целиком, а ты не из одних только шрамов состоишь. Сама ты вовсе не безобразна. И вовсе не зла. Ты — это ты. Ты — Терру, и ты красива. Ты — Терру, которая умеет хорошо работать, красиво двигаться, легко бегать и танцевать. И особенно ты хороша в красном платьице!

Девочка молча слушала; ее нежная, не тронутая огнем щека казалась застывшей и равнодушной. Она посмотре-

ла на руки Тенар и легонько коснулась их своими тоненькими пальчиками.

— Это очень красивое платье, — сказала она своим тихим хрипловатым голосом.

Когда Тенар осталась одна, складывая остатки красной материи, жгучие слезы вдруг навернулись ей на глаза. Она чувствовала себя незаслуженно обиженной. Она правильно поступила, сшив это платье, и она говорила девочке правдивые слова. Но этого было недостаточно. Между ее правильными поступками и настоящей правдой была как бы пустота, пропасть. Любовь, ее любовь к Терру и любовь Терру к ней — вот что создавало тоненький мостик над этой пропастью, тонкий как паутинка, но заполнить эту пустоту не могла даже любовь, эта трещина никогда не могла сомкнуться. Никогда. И девочка понимала это куда лучше, чем Тенар.

Наступило осеннее равноденствие; все еще яркое солнце просвечивало сквозь легкую туманную дымку. Среди дубовой листвы появились первые бронзовые пятна. Когда Тенар в молочном сарае дочиста отмывала ушаты из-под сливок, настежь распахнув окно и дверь, чтобы впустить сладковатого прохладного воздуха, она вспомнила, что сегодня в Хавноре состоится коронация ее молодого короля. Вокруг него будут князья и придворные дамы в своих прекрасных одеждах — голубых, зеленых, алых, — а сам он будет весь в белом, представилось ей. Он поднимется по лестнице на Башню Меча — по той самой лестнице, по которой они с Гедом поднимались тогда, — и на голову его будет возложена корона Морреда. Он обернется, заслышав ликующие звуки труб и горнов, и воссядет на трон своего королевства, что пустовал так много лет; а потом посмотрит вокруг своими темными глазами, которые хорошо понимают, что такое боль, горе и страх. «Правь хорошо, правь долго, — подумала она. — Бедный мальчик мой! Это Геду следовало бы возложить корону на твою голову. Он должен был непременно быть там».

Но Гед пас то ли овец, то ли коз, принадлежавших богатому хозяину, и был сейчас высоко в горах. Стояла ясная, сухая, золотая осень, так что стада пробудут на верхних пастбищах до первого снега.

Как-то раз, оказавшись в деревне, Тенар решила зайти

в домик ведьмы Айви, что находился в самом конце Мельничной улицы. Она уже подружилась с тетушкой Мох в Ре Альби, и теперь ей хотелось познакомиться поближе и с Айви, если, разумеется, удастся преодолеть чудовищную подозрительность деревенской ведьмы. Тенар часто с грустью вспоминала тетушку Мох, хотя теперь рядом и была Ларк; тетушка Мох многому ее научила, и Тенар полюбила старую ведьму, которая давала им с Терру столь необходимые тепло, защиту и еще что-то очень важное. Нужно было найти кого-то, кто заменил бы ей тетушку Мох и здесь. Однако Айви, хоть и была много чище и благонадежнее с виду, чем тетушка Мох, явно не намерена была менять свое отношение к Тенар и воспринимала все ее попытки подружиться с прежней подозрительностью и высокомерным удовлетворением, которое Тенар, впрочем, считала вполне объяснимым. «Ты ступай своим путем, а я пойду своим», — каждым своим жестом, казалось, говорила эта ведьма. И Тенар смиренно продолжала при встречах выказывать Айви несколько преувеличенное уважение. Прежде я вечно держалась с ней слишком заносчиво, думала Тенар, так что за все следует платить. Явно придерживавшаяся того же мнения ведьма принимала эту дань с полной невозмутимостью.

В середине осени в долине появился колдун Бук. Его пригласил один богатый фермер, страдавший подагрой. Как обычно, Бук некоторое время пожил в деревнях Срединной Долины и однажды днем заглянул на Дубовую Ферму проведать Терру и поговорить с Тенар. Он тоже был учеником одного из учеников Огиона и всю жизнь оставался преданным старому Магу. Тенар, к изумлению своему, обнаружила, что ей гораздо легче рассказывать о смерти Огиона, чем о тех людях из Ре Альби, так что она рассказала о последних днях старого Мага все, что могла. Когда она умолкла, он осторожно спросил:

— А наш Верховный Маг — он все-таки появился?

— Да, — коротко ответила Тенар.

Бук был добродушным, чуть полноватым человеком лет сорока, с гладкой кожей и вечными темными кругами под глазами, странно противоречившими сладостному выражению самих глаз. Он только глянул на Тенар и больше вопросов задавать не стал.

— Он пришел уже после того, как Огион умер. И сразу снова ушел, — пояснила она. — Он теперь больше не Верховный Маг. Ты это знал?

Бук кивнул.

— А ты не слышал, выбрали они там нового Верховного Мага?

Колдун отрицательно покачал головой.

— Недавно к нам заходил корабль с Энладских островов, но им ничего об этом не было известно, они говорили только о предстоящей коронации. Прямо-таки лопались от гордости! И похоже, все действительно складывается к лучшему. Если расположение магов чего-то еще стоит, тогда наш молодой король — очень богатый человек... И очень деятельный. Как раз перед тем как я ушел из Вальмута, туда из Порта Гонт был прислан приказ, чтобы старейшины, купцы и мэр города с его советом собрались все вместе и решили, являются ли управляющие округами достойными и надежными людьми, ибо все они теперь находятся у короля на службе и обязаны выполнять его приказания и блюсти его законы. Представляешь, как этому был рад Лорд Гено!

Гено был предводителем всех пиратов с Гонта, и уж в южной-то части острова все чиновники были у него в кармане.

— Но теперь кое-кто решил пойти против Гено, чувствуя поддержку самого короля. По большей части управляющих сменили, назначили пятнадцать новых, вполне достойных людей, которым платить будут из казны мэра. Гено, не дождавшись конца собрания, вихрем вылетел вон, на чем свет стоит кляня короля и обещая жестоко мстить. Новые времена настали! Конечно, не все сразу, но жизнь переменится! Жаль, что Мастер Огион не дожил до этих дней.

— Он дожил, — сказала Тенар. — Перед смертью он улыбнулся и сказал: «Все переменилось...»

Бук выслушал ее со своим обычным сурово-доброжелательным видом и медленно кивнул.

— Все переменилось, — повторил он.

Немного помолчали, потом он сказал:

— Малышка растет очень хорошо!

— Да, неплохо... Хотя иногда мне кажется, что дела могли бы идти и лучше.

— Госпожа Гоха, — сказал колдун, — если бы я, или

любой другой колдун, или ведьма, или, осмелюсь предположить, даже волшебник посвящали бы ей все свое время и все свои волшебные силы, чтобы излечить ее от того, что с ней сделали, она и то не могла бы стать здоровее. Может быть, даже не смогла бы поправиться хотя бы настолько, как сейчас. Ты сделала не только *все, что можно было сделать,* госпожа моя. Ты сотворила настоящее чудо!

Она была тронута его искренней похвалой, и все-таки ей стало грустно; и она призналась ему, почему грустит.

— Этого мало, — сказала она. — Я не могу до конца исцелить ее. Она... Чем ей суждено быть в жизни? Что из нее получится? — Тенар поправила нить на кружащемся веретене — она пряла шерсть и только что сняла очередной моток. — Я боюсь, — сказала она.

— За нее? — Его вопрос прозвучал как утверждение.

— Боюсь, потому что боится она; боюсь за нее; боюсь того, чего она боится. Боюсь потому...

Но она не могла подыскать нужных слов.

— Если она будет жить в страхе, то станет творить зло, — выговорила она наконец. — Этого-то я и боюсь.

Колдун задумался.

— Я тут подумал, — сказал он наконец, как всегда несколько неуверенно, — что, если у нее есть волшебный дар — а мне кажется, он у нее есть, — ее можно было бы немного поучить магии. А если она станет ведьмой, то ее... внешность не будет так уж бросаться в глаза... возможно... — Он прокашлялся. — Ведь некоторые ведьмы делают очень важную и полезную работу, — закончил он.

Пробуя ровность и прочность только что спряденной нити, Тенар пропустила ее между пальцами.

— Огион сказал мне: «Научи ее всему». А потом прибавил, что учить ее нужно не на острове Рок. Не знаю, что он имел в виду.

Бук, однако, догадался сразу.

— Он хотел сказать, что на Роке учат Высшим Искусствам — это не подходит для девушки. Не говоря уж о том, что с этой малышкой сделали... Но если Огион сказал, что ее нужно учить всему, кроме Высших Знаний, то, похоже, и он считал, что ей подошла бы профессия ведьмы. — Бук подумал и продолжал с куда большим воодушевлением, как бы чувствуя поддержку Огиона, неожиданно оказавшегося его сторонником: — Через год-два,

когда она совсем окрепнет и немного подрастет, ты могла бы попробовать поговорить с Айви: пусть та понемногу начнет учить ее, пока девочка не пройдет обряд имяположения.

Тенар почувствовала, что всей душой яростно противится этому предложению. Она промолчала, однако Бук был достаточно чутким.

— Айви, конечно, довольно неприятная особа, — сказал он. — Однако то, что ей ведомо, она применяет честно. Чего нельзя сказать о прочих ведьмах. Слабый, как женские чары, но, как тебе известно, и опасный, как женские чары. Я знавал ведьм, обладавших истинным даром целительниц. Исцелять людей — что может быть лучше для женщины! Это для нее так естественно. Девочку вполне можно к этому приохотить — тем более она сама так сильно пострадала.

Это он по доброте душевной, подумала Тенар, от чистого сердца. Она искренне поблагодарила колдуна, пообещав, что непременно все это тщательно обдумает. И она действительно много думала об этом.

Месяц еще не кончился, а жители Срединной Долины собрались у Круглого Амбара в Содеве, чтобы выбрать своих бейлифов и офицеров и назначить налог на их содержание. Таков был приказ короля, разосланный мэрам городов и старостам деревень, и все охотно подчинились ему, ибо на дорогах развелось столько наглых нищих и воров, что крестьяне и фермеры рады были установить порядок и обрести покой. Однако в последнее время кое-какие отвратительные слухи поползли и о том, что Лорд Гено создал некий Совет Негодяев, куда записывал всех желающих собираться в банды и ломать шеи представителям королевской власти; однако по большей части люди не испугались и, повторяя «Пусть только попробует!», разошлись по домам, уверенные, что теперь-то уж честный человек может наконец спать спокойно и все безобразия, что творились раньше, король непременно устранит. Хотя налоги, конечно, оказались выше всяческих ожиданий, и многие теперь боялись разориться.

Тенар с радостью, хотя и не слишком внимательно, выслушала рассказ Жаворонка об этом собрании. Она

очень много работала и с тех пор, как вернулась домой, почти не задумываясь, как-то машинально не позволяла мыслям о Ловкаче и ему подобных тревожить душу и уж тем более управлять жизнью Терру. Она не могла непрерывно держать девочку при себе, тем самым вновь пробуждая в ней старые страхи: вечно помня о том, что с ней случилось, Терру просто не могла бы нормально жить. Ребенок должен расти свободным и знать, что он свободен.

Терру понемногу переставала дичиться, начала ходить по всей ферме, и вокруг, и даже в деревню совсем одна. Тенар ни единым словечком ее не останавливала, даже если приходилось буквально затыкать себе рот. На ферме Терру была, в общем-то, в безопасности, да и в деревне тоже никто не собирался вредить ей — это необходимо было твердо усвоить. Тенар старалась не слишком часто в этом сомневаться. На ферме кроме них жили еще Шанди со своим старым мужем по прозвищу Чистый Ручей, а в дальнем коттедже еще двое стариков — Сис и Тифф; в деревне, совсем близко, — Ларк со своим многочисленным семейством. Стояла прекрасная золотая осень — благодатное время в Срединной Долине. Какое же зло могло грозить невинному ребенку?

Тенар взяла собаку, услышав, что есть именно такая, какая ей требовалась: крупная гонтийская овчарка с умной мордой и длинной кудрявой шерстью.

Порой она вспоминала: «Я же должна учить девочку! Так велел Огион». Но как-то так получалось, что Терру ничему не выучивалась. Ей нравилась только обычная работа на ферме да всякие истории, которые Тенар рассказывала вечерами. Теперь дни стали короче, и они подолгу сидели в кухне у очага после ужина, прежде чем идти спать. Может быть, прав был Бук? И Терру следовало отдать в ученицы какой-нибудь ведьме? Это все-таки лучше, чем отдавать ее в подмастерья к ткачу, как сперва хотела поступить Тенар. Впрочем, не намного лучше. Да и Терру пока что слишком мала и слишком несведуща в жизни даже для своего возраста: ее ведь совсем ничему не учили, пока она не попала на Дубовую Ферму. Она тогда была похожа на дикого зверька, едва понимавшего человеческую речь и совсем незнакомого с человеческими привычками. Она все воспринимала очень быстро и была раза в

два послушней и старательней вольнолюбивых и буйных детей Ларк — ее умненьких дочек и ленивых, вечно смеющихся сыновей. Терру умела убрать дом, подать на стол, научилась довольно прилично прясть, немножко готовить и немножко шить; могла присматривать за птицей, кормить коров и прекрасно справлялась с работой в молочной. Настоящая деревенская девчонка — так говорил старый Тифф, немного льстя Терру. Тенар не раз видела, как Тифф тайком делал жест, отгоняющий зло, когда мимо проходила Терру. Как и большинство людей, Тифф верил в то, что написано на роду: богатые и могущественные всегда процветают; те же, кому в жизни не повезло, должны по справедливости нести свой крест.

Так что Терру вряд ли помогло бы даже то, что она стала бы лучшей из лучших деревенских девчонок острова Гонт. Даже благополучная жизнь не уничтожила тех шрамов, что изуродовали ее лицо и душу. Так что Бук тогда принимал во внимание именно это клеймо, надеясь использовать его во благо, если девочка станет ведьмой. А может быть, именно это имел в виду и Огион, говоря, что учить ее нужно не на острове Рок? И еще, когда сказал: «Ее будут бояться»? Неужели же все это так просто?

Однажды, когда «счастливая случайность» вновь свела их на деревенской улице, Тенар сказала Айви:

— Мне хотелось бы задать тебе, госпожа Айви, один вопрос. Он касается твоего ремесла.

Ведьма внимательно и довольно злобно посмотрела на нее:

— Моего ремесла? С чего бы это?

Тенар промолчала, стараясь сохранить спокойствие.

— Ну что ж, пошли, — сказала Айви, пожав плечами, и повела Тенар по Мельничной улице к своему домику.

Это была вовсе не замусоренная развалюха, полная цыплят и кур, как у тетушки Мох; это было настоящее жилище ведьмы. С балок свисали пучки сухих и сушащихся трав, огонь в очаге тлел под золой, и маленький уголек посматривал оттуда красным глазком, как бы подмигивая; толстый черный кот с одним белым усом спал на полке, свернувшись клубком; повсюду стояло множество всяких коробочек, горшочков, кувшинчиков и заткнутых пробками бутылок, источавших самые различ-

ные ароматы — зловонные, сладкие или совсем никому не ведомые.

— Чем могу служить, госпожа Гоха? — сухо спросила Айви, когда они вошли в дом.

— Скажи мне, если захочешь, конечно: кажется ли тебе, что моя воспитанница Терру обладает... какой-то... волшебной силой?

— Она? Конечно! — отрезала ведьма.

Столь решительный ответ несколько ошеломил Тенар.

— Ну хорошо, — медленно проговорила она. — Бук, похоже, тоже так думает.

— Слепая летучая мышь в своей пещере и то это заметит! — сказала Айви. — Это все?

— Нет. Мне нужен твой совет. Я уже задала один вопрос, и теперь ты можешь назвать мне цену ответа, который дала мне. Это справедливо?

— Справедливо.

— Тогда мой второй вопрос: как ты думаешь, стоит ли Терру учиться у какой-нибудь ведьмы, когда она подрастет?

Некоторое время Айви молчала, решая, как показалось Тенар, что бы ей запросить за ответ. Но она ничего не запросила, а просто сказала:

— Я ее в ученицы не возьму!

— Почему?

— Я бы побоялась это делать, — честно призналась ведьма, яростно сверкнув глазами.

— Побоялась? Чего же?

— Ее! Кто она?

— Просто ребенок. С которым очень плохо обращались!

— Это еще далеко не все.

Черный гнев охватил Тенар, и она сказала:

— Значит, в ученицы к ведьме годятся только девственницы, так, что ли?

Айви уставилась на нее. Потом промолвила:

— Я вовсе не это имела в виду.

— А что же?

— Я имела в виду только то, что я не знаю, кто она такая. Я имела в виду то, что когда она глядит на меня своим единственным зрячим глазом, то я не знаю, что именно она видит. Я вижу, как вы с ней повсюду ходите вместе, словно она самый обыкновенный ребенок, и думаю: кто же они обе такие? Что же за сила в этой женщине? Она ведь вовсе не так глупа, чтобы хватать огонь голыми руками или крутить веретено с помощью урагана? Говорят, госпожа, ты в юности жила среди Древних Сил Земли и была у этих Сил и королевой, и служанкой. Может быть, поэтому ты и не боишься ее могущества? Что в ней за сила заключена, я не скажу: не знаю. Но могущество ее куда больше того, чему я способна кого-то научить, — больше, чем у Бука, больше, чем у любого другого колдуна или ведьмы, каких я знала в жизни! Я дам тебе совет, госпожа, — просто так, бесплатно. Будь осторожна! Берегись ее — особенно в тот день, когда она откроет в себе эту силу! Вот и все, что я могу сказать тебе.

— Благодарю тебя, госпожа Айви, — вежливо поклонилась ей Тенар и с достоинством Жрицы Гробниц Атуана вышла из теплой комнатки на улицу, где дул резкий, колючий ветер — ветер поздней осени.

Гнев еще не погас в ней. Никто не хочет помочь, думала она. Она понимала, что самой ей эту задачу не решить — но неужели никто так и не захочет помочь? Огион умер, тетушка Мох болтает всякую ерунду и смеется, а Айви предупреждает о грозящей опасности; Бук ясно сказал, что положение очень серьезно, и Гед тоже — а ведь именно Гед и мог бы помочь по-настоящему. Но Гед сбежал. Удрал, словно побитая собака, и даже весточки ни разу не прислал, даже ни разу не вспомнил о ней или о Терру! Только и может теперь думать, что о своем драгоценном позоре. Словно это его дитя, его любимое чадо, которое он холит и лелеет. Это единственное, что его волнует. Он никогда и не думал о ней по-человечески. Что она ему? Его интересует только могущество — ее могущество, его собственное могущество и то, как можно стать еще могущественнее, соединив сломанное Кольцо, восстановив Руну Мира, посадив на трон короля... А теперь, когда волшебная сила его иссякла и осталось лишь его собственное «я» да его собственный позор и пустота, он и вовсе способен думать только о себе — об этом своем позоре.

«Ты несправедлива», — сказала Гоха Тенар.

«Справедливость! — возмутилась Тенар. — А он вел себя справедливо?»

«Да, — сказала Гоха. — Он был справедлив. Или пытался быть».

«Ну что ж, тогда пусть играет в свою справедливость с козами, которых пасет; мне это совершенно не интересно», — сказала Тенар, пробираясь домой под порывами ветра и колючим ледяным дождем.

— Сегодня, верно, снег ночью пойдет, — сказал Тифф, повстречавшись ей на дороге, что вилась в лугах по берегу Кахеды.

— Снег? Так рано? Может, еще нет?

— Во всяком случае, подморозит, это уж точно!

И действительно, стало подмораживать сразу после заката: дождевые лужицы и оросительные канавы покрылись сперва ледяной коркой по краям, а потом превратились в ледяные дорожки; ручьи, сбегавшие в реку, умолкли, скованные ледяным покровом, и даже ветер притих, словно тоже замерз и утратил способность двигаться.

У очага, где пахло куда приятнее, чем у Айви, потому что в нем горели яблоневые дрова, заготовленные еще весной, когда в саду спилили старую яблоню, как всегда, после ужина устроились Тенар и Терру — рассказывать истории и прясть шерсть.

— Расскажи еще раз о кошках-оборотнях, — попросила своим хрипловатым голоском Терру, запуская веретено и ловко свивая нитку из темной шелковистой козьей шерсти.

— Это летняя история.

Терру вопросительно склонила голову набок.

— Зимой рассказывают о великих деяниях, — пояснила Тенар. — Зимой учат Песнь о создании Эа, чтобы исполнять ее вместе со всеми в праздник Долгого Танца. Зимой учат Зимнюю песню и Песнь о подвиге молодого короля, чтобы спеть их в день весеннего солнцеворота, когда солнце поворачивается лицом к северу и приносит с собой весну.

— Я же не могу петь, — прошептала девочка.

Тенар сматывала готовую нить в клубок, ловкие руки ее ритмично двигались.

— Поют не только голосом, — сказала она. — Иногда поет только душа. И даже самый красивый в мире голос ничего спеть не сможет, если душе песни неведомы. —

Она отцепила от веретена последний кусок нити. — В тебе есть сила, Терру, а невежественная сила опасна.

— Как в тех, кто учиться не хотел, — сказала Терру. — В диких. — Тенар не поняла, что она хочет этим сказать, и вопросительно на нее взглянула. — В тех, что остались на западе, — пояснила Терру.

— А-а, в драконах... Это ты песнь той женщины из Кимея вспомнила... Да. Совершенно верно. Итак, с чего мы начнем? С того, как наши острова были подняты из глубин морских, или с того, как король Морред отогнал прочь Черные Корабли?

— С островов, — прошептала Терру.

Тенар надеялась, что она предпочтет «Подвиг юного короля», потому что Морред казался ей похожим на Лебаннена. Однако девочка, в общем-то, выбрала правильно.

— Хорошо, — сказала Тенар и посмотрела на полку, где стояли Книги Огиона, словно черпая в них вдохновение; если она что-то и позабыла, то всегда может заглянуть в них; потом она перевела дыхание и начала свой рассказ.

Когда пришло время ложиться спать, Терру уже знала, как Сегой поднял первые острова из глубин Времени. Вместо того чтобы спеть девочке колыбельную, Тенар присела к ней на постель, подоткнула одеяло, и они вместе тихонько повторили слова первой песни Созидания.

Потом Тенар отнесла маленький масляный светильник обратно в кухню, прислушиваясь к полнейшей тишине вокруг. Мороз сковал мир, запер все живое вокруг. На небе не было ни единой звезды. Чернота снаружи давила на окошко ее кухни. Холод полз по каменному полу.

Она снова уселась у очага, потому что спать ей еще не хотелось. Ее взволновали возвышенные слова песни, а в душе еще не совсем улеглись гнев и беспокойство, вызванные сегодняшней беседой с Айви. Тенар взяла кочергу и помешала дрова в очаге, чтоб разгорелись получше. Когда она ударила по полену, в дальнем конце дома послышался стук — словно ей откликнулось эхо.

Она выпрямилась и замерла, прислушиваясь.

И снова: то ли тупой удар, то ли толчок в окно молочного сарая.

Все еще держа в руках кочергу, Тенар прошла по темным сеням к двери, что вела в холодную кладовую. За

кладовой был молочный сарай. Дом стоял на склоне холма, так что оба эти помещения упирались в холм, словно подвалы, хотя и находились на одном уровне со всеми остальными комнатами дома. В холодной кладовой были только небольшие отверстия для проветривания; зато в молочном сарае — и дверь, и окно, низкое и широкое, точно такое же, как в кухне; оно было сделано в той единственной стене, что выходила наружу. Тенар стояла у двери в кладовую и слушала, как окно сарая пытаются то ли открыть, то ли выдавить; слышала она и шепот: шептались мужчины.

Флинт был хозяин рачительный. Все двери в его доме за исключением одной были с двух сторон снабжены крепкими запорами — широкой полосой толстого железа во всю ширину двери, посаженной в скобы. Все запоры содержались в порядке, всегда были смазаны, хотя в доме никогда не запирали ни одну дверь.

Тенар закрутила болты на запоре той двери, что вела из кладовой в сарай. Засов вошел в гнездо совершенно бесшумно, точно попав в щель на дверном косяке.

И тут она услышала, как отворилась дверь молочного сарая, ведущая на улицу. Один из них все-таки в конце концов решил попробовать войти через дверь, прежде чем выбьют окно, и обнаружил, что дверь не заперта. Она слышала бормотание нежданных гостей. Потом вдруг наступила тишина, достаточно долгая, чтобы услышать, как, молотом отдаваясь в ушах, стучит ее сердце; она даже испугалась, что больше ничего уже расслышать не сможет. От страха у нее подгибались колени, а холод с каменного пола пробирался под юбку, словно чья-то ледяная рука.

— Эта дверь открыта, — прошептал какой-то мужчина совсем рядом с ней, и сердце у нее болезненно сжалось. Она на всякий случай коснулась рукой запора, и оказалось, что в итоге она его не заперла, а отперла! Она стремительно задвинула его, услышав, как заскрипела дверь, ведущая из холодной кладовой в молочный сарай. Ей был хорошо знаком этот скрип верхней петли. Она узнала и голос, но не на слух, а как бы внутренним чутьем. «Это кладовая, — сказал Ловкач, и немного погодя запертая на засов дверь, возле которой она стояла, содрогнулась, а Ловкач сообщил кому-то: — А эта заперта». Дверь снова содрогнулась. Тонкий лучик света, словно лезвие ножа,

мелькнул в щели между створкой двери и косяком. Луч коснулся груди Тенар, и она отпрянула так резко, словно в нее вонзился нож.

Дверь снова дрогнула, но не сильно. Она была прочной, тяжелой, да и засов был надежный.

Они что-то злобно бормотали за дверью. Тенар понимала, что теперь они обойдут дом и попытаются войти через парадную дверь. Даже не помня как, она тут же оказалась сама перед этой дверью и поспешно задвинула засов. Может быть, все это просто страшный сон? Ей и раньше снились всякие кошмары — например, как они пытаются войти в дом, как просовывают свои острые ножи между растрескавшимися плитами пола... Двери же... А нет ли в доме еще одной двери, через которую они могут войти? И окна?.. Ставни на окнах спальни... Она вдруг задохнулась: ей показалось, что она не успеет добраться до комнаты Терру, но в мгновение ока оказалась там, закрыла тяжелые деревянные ставни. Петли были тугие, так что ставни захлопнулись со стуком. Теперь они все поняли. И сразу же пошли туда. Они непременно успеют к окну соседней комнаты, ее комнаты, прежде чем она сможет закрыть ставни. Так оно и случилось.

Пытаясь поднять крюк, державший левую ставню, она увидела в темноте за окном их лица, неясные очертания их фигур. Крюк заржавел. Она никак не могла вышибить его. Чья-то рука коснулась стекла и плотно прижалась к нему, став совсем белой.

— Там она.

— Эй, впусти нас. Мы тебя не тронем.

— Нам с тобой поговорить надо.

— Он только девчонку свою повидать хочет.

Она наконец откинула крюк и закрыла ставни. Но если они выбьют стекло, то все равно легко смогут попасть в комнату: ведь ставни скреплены слабо, нужно только ударить посильнее.

— Впусти нас, мы тебя не обидим, — снова сказал один из них.

Она слышала их шаги по промерзлой земле, шорох опавших листьев у них под ногами. Проснулась ли Терру? Грохот закрываемых ставней вполне мог ее разбудить, но она не шелохнулась. Тенар стояла в дверном проеме между своей комнатой и комнатой Терру. Было темно, как в

колодце, и очень тихо. Она боялась коснуться девочки, чтобы не разбудить ее. Она должна оставаться здесь, рядом с ней. Она должна сражаться. У нее ведь в руках была кочерга... интересно, где она ее оставила? Она положила ее на пол, когда закрывала ставни, и теперь не могла найти. Она шарила в непроницаемой темноте по полу, и ей казалось, что в комнате больше нет стен.

Парадная дверь затряслась, задрожала.

Надо непременно найти кочергу; она останется здесь, она будет с ними сражаться.

— Сюда! — позвал вдруг один из них, и Тенар догадалась, что именно он обнаружил: низкое кухонное окно, широкое, без ставней. Залезть в него было проще простого.

Она очень медленно, ощупью пошла к двери. Теперь это была комната Терру, а раньше — комната детей Тенар. Детская. Именно поэтому дверь в ней с внутренней стороны не запиралась. Чтобы дети, заперевшись изнутри, не могли испугаться, если запор вдруг не откроется.

Совсем недалеко, за холмом, за садом, спят Шанди и Чистый Ручей. Если она закричит, то Шанди, возможно, услышит. Если она откроет окошко в спальне и громко позовет на помощь... или если разбудит Терру, они выберутся через окошко в сад и побегут что есть силы... но эти негодяи там, прямо под окном. Ждут.

Больше она вынести это ожидание не могла. Не могла вынести того леденящего душу и тело ужаса, который лишал ее способности двигаться. Тенар в ярости бросилась на кухню — перед глазами плыл красный туман, — схватила длинный острый мясницкий нож, с размаху отперла засов и остановилась на пороге.

— Ну, подходите! — сказала она.

Не успела она это сказать, как послышался какой-то странный вой, чье-то тяжелое дыхание и кто-то из мужчин завопил:

— Эй, смотрите, смотрите! Осторожней!

Потом крикнул второй:

— Сюда! Сюда! Ко мне!

Потом воцарилась тишина.

Свет из распахнутой двери сделал видимыми черные замерзшие лужицы, блестящие черные ветви дубов и серебристые опавшие листья. Взор Тенар прояснился, и она увидела, что по тропе прямо к ней ползет на четвереньках какое-то темное существо или привидение — ползет и то ли стонет, то ли воет. Где-то на границе света и тьмы мелькнула темная фигура, сверкнули серебром длинные лезвия ножей...

— Тенар!

— Стой там, где стоишь! — сурово сказала она, поднимая нож.

— Тенар! Это же я — Хок, Ястреб!

— Стой, где стоишь, — повторила она.

Быстрый и ловкий человек в темном одеянии застыл рядом с тем существом на тропинке, что теперь лежало без движения. Видно было все-таки плоховато, она с трудом различила вроде бы знакомое лицо, вилы с длинными зубьями, воздетые вверх... Словно посох волшебника, подумала вдруг она. И спросила:

— Это ты?

Он уже опустился на колени возле темной фигуры на тропе.

— По-моему, я его убил, — сказал он. И, оглянувшись через плечо, поднялся на ноги. Других бандитов не было ни видно, ни слышно.

— Где они?

— Убежали. Помоги мне, Тенар.

В одной руке она по-прежнему сжимала нож. Другой подхватила под мышку того человека, что лежал на тропе. Гед поддерживал его с другой стороны, и они вместе потащили его по ступенькам крыльца в дом. Положили на каменный пол в кухне. Кровь бежала у него из пробитой груди и живота, словно вода из прохудившегося кувшина. Из-под верхней губы выглядывали оскаленные зубы, глаза закатились под лоб.

— Запри дверь, — сказал Гед, и Тенар заперла дверь.

— Простыни в шкафу, — сказала она, и он вытащил одну и разорвал на бинты, которыми она бесконечно долго обматывала грудь и живот раненого. Три зубца вил из четырех со всего размаху вошли в его плоть, и из трех дыр теперь кровь текла ручьем; бинты промокали все время, пока Тенар бинтовала его, а Гед поддерживал за плечи.

— Что ты здесь делаешь? Ты пришел вместе с ними?

— Да. Но они об этом не знали. Больше ты, пожалуй, уже ничего для него сделать не сможешь, Тенар. — Гед

тяжело опустил бесчувственное тело на пол и сам сел рядом, тяжело дыша и вытирая потное лицо тыльной стороной окровавленной ладони. — Мне кажется, я его убил, — повторил он.

— Может быть, и убил. — Тенар смотрела, как на плотной ткани, которой были перебинтованы тощая волосатая грудь незнакомца и его живот, увеличиваясь, расплываются яркие красные пятна. Она встала и вдруг пошатнулась: резко закружилась голова.

— Садись поближе к огню, — сказала она Геду. — Ты, должно быть, смертельно продрог.

Она не понимала, каким образом ей все-таки удалось узнать его в темноте. Наверное, по голосу. Он был одет в неуклюжую уродливую зимнюю куртку из овчины мехом внутрь, какие носят пастухи, и в вязаную пастушью шапку, низко надвинутую на лоб; лицо его избороздили морщины; оно казалось совершенно измученным; волосы отросли и были теперь стального цвета. От Геда пахло древесным дымом, морозом и овцами. Его била такая дрожь, что он не мог этого скрыть.

— Иди поближе к огню, — повторила она. — Подложи-ка побольше дров.

Он повиновался. Тенар налила в чайник воды и повесила его на железную перекладину над самым огнем.

На юбке у нее была кровь, и она стала мокрой тряпкой стирать пятно. Геду она тоже дала мокрую тряпку — вытереть кровь с рук.

— Как это ты пришел с ними вместе, но они об этом не знали?

— Я как раз шел вниз, в долину. По той дороге, что идет мимо Ручьев Кахеды. — Он говорил как-то монотонно, тихим голосом, словно ему не хватало воздуха, а дрожь делала его речь совсем невнятной. — Услышал — кто-то идет сзади, ну и отошел в сторонку, в лес. Разговаривать с ними не хотелось. Не знаю почему. Что-то в них было не то. Я их боялся.

Она нетерпеливо покивала и села напротив, у очага, чуть наклонившись вперед и внимательно слушая; стиснутые руки ее лежали на коленях. Мокрая юбка холодила ноги.

— Когда они проходили мимо, я услышал, как один

из них сказал: «Дубовая Ферма». После этого я уже от них не отставал. Один все время говорил... О девочке.

— Что же он говорил?

Гед помолчал. Потом наконец выговорил:

— Что он собирается забрать ее и наказать. А потом вернуться за тобой. Потому что это ты украла ее. И еще он сказал... — Гед снова умолк.

— Что он и меня тоже накажет?

— Они все об этом говорили. Ну... *об этом*.

— Тот человек не Ловкач. — Она кивнула в сторону раненого. — Это не...

— Он говорил, что она принадлежит ему. — Гед тоже посмотрел на раненого, потом отвернулся к огню. — Он умирает. Нам нужна помощь.

— Не умрет, — сказала Тенар. — Утром я пошлю за Айви. Остальные-то по-прежнему неподалеку — сколько их там?

— Двое.

— Если он умрет, то пусть умрет; если выживет, пусть живет. Никто из нас наружу не выйдет! — Она вскочила, подавляя новый приступ страха. — Ты внес в дом эти вилы, Гед?

Он показал — четыре длинных зубца светились в углу возле двери.

Тенар снова села у очага, но теперь уже начало трясти ее; ее колотило так, что зуб на зуб не попадал — как раньше его. Гед потянулся над очагом и коснулся ее руки.

— Все теперь в порядке, — сказал он спокойно.

— А что, если они все еще там?

— Они убежали.

— Они могли вернуться.

— Двое против двоих? И к тому же у нас вилы.

От ужаса она совсем перешла на шепот:

— Крюк для подрезки веток и все косы остались в сарае, в углу!..

Он покачал головой:

— Они убежали. Они видели... его... и тебя в дверях.

— Что ты с ним сделал?

— Он бросился на меня. Так что пришлось и мне...

— А раньше, что ты сделал там, на дороге?

— Они замерзли, да еще дождь пошел, вот они и стали все больше говорить о том, как заявятся сюда. Сперва-то

один только тот говорил о девочке и о тебе — обо всяких там уроках и наказаниях... — Гед судорожно сглотнул. — Очень пить хочется.

— И мне тоже. Чайник вот-вот вскипит. Рассказывай пока.

Он перевел дыхание и попытался рассказать все как следует:

— Остальные двое не очень-то его слушали. Может, он в сотый раз им это повторял. Все они спешили поскорее добраться до Вальмута. Словно бежали от кого-то. Старались скрыться. Но тут здорово похолодало, а этот тип все продолжал долдонить о Дубовой Ферме, и один из них, в кожаной шапке, сказал: «Что ж, а почему бы нам и не переночевать там? Да заодно...»

— И вдовой попользоваться, да?

Гед закрыл лицо руками. Она молча ждала.

Глядя в огонь, он медленно начал рассказывать дальше:

— Потом я на какое-то время потерял их из виду. Дорога стала в долине ровнее и шире, и я уже не мог идти за ними по пятам, как раньше, в лесу. Пришлось красться через поля, чтобы они меня не заметили. Я здешних мест почти не знаю и боялся сбиться с пути, если срежу путь и отойду далеко от дороги. К тому же начинало темнеть, и я уж решил, что прошел мимо фермы, промахнулся в потемках. Тогда я вернулся к дороге и припустил чуть не бегом. А на самом повороте догнал их. Они видели, как какой-то старик их нагоняет, и решили подождать. Были уверены, что больше в такой час мимо фермы никто не пройдет. Они ждали в сарае, а я — снаружи. Нас друг от друга отделяла только стенка.

— Ты, должно быть, насквозь промерз, — тупо сказала Тенар.

— Да, холодно было. — Он протянул руки к огню, словно воспоминания снова вызвали у него озноб. — Я тем временем отыскал вилы, они были прислонены к наружной стене за дверью. Когда эти типы вышли из сарая, то зашли с задней стороны дома, так что я, наверное, мог бы успеть подойти к парадной двери и предупредить тебя — именно так и нужно было поступить, — но я тогда способен был думать только о том, как бы застать их врасплох... Мне казалось, что это мое единственное преимущество, единственная надежда... Я считал, что дом

заперт и им нужно будет ломать двери, чтобы войти. Но тут я услышал, что они проникли внутрь через заднюю дверь. И следом за ними тоже пробрался в молочный сарай. Я едва успел выскочить наружу, когда они выяснили, что дверь в дом заперта изнутри. — Гед как-то странно рассмеялся. — Они прошли в темноте прямо у меня под носом. Я мог бы подставить кому-нибудь ножку... Один с помощью кремня высек искру и поджег немного трута — им нужно было разглядеть запор. Потом они пошли к парадной двери. Я слышал, как ты закрывала ставни, и понял, что ты знаешь об их присутствии. Они все собирались выбить то окно, в котором видели тебя. Потом тот, в кожаной шапке, заметил другое окно... вон то, — Гед кивком показал на широкое кухонное окно, — и сказал: «Дайте-ка мне камень, я его с одного раза высажу»; они уже собирались подсадить его, когда я завопил так, что этот тип свалился на землю, а один из них — вот этот — бросился прямо на меня.

— Ах, ах! — задыхался раненый на полу, словно помогая Геду рассказывать. Гед встал и наклонился над ним.

— Мне кажется, он все-таки умирает.

— Нет, не умирает, — сказала Тенар. Она все еще не могла успокоиться, хотя озноб теперь стал как бы внутренним. Запел чайник. Она быстро заварила чай и обхватила руками толстые бока заварочного чайника. Потом налила две чашки и еще одну, третью, в которую добавила немного холодной воды. — Слишком горячий, — пояснила она Геду. — Ты осторожней пей, а я попробую что-нибудь в него влить. — Она присела на пол возле раненого, приподняла его голову и поднесла ему ко рту прохладный чай, вдвинув краешек чашки между оскаленными зубами. Теплая влага потекла ему в горло; он глотнул. — Он не умрет, — заявила Тенар. — Пол совершенно ледяной. Помоги-ка мне перенести его поближе к огню.

Гед снял было козью шкуру со скамьи, что тянулась вдоль стены до входа в гостиную, но Тенар остановила его.

— Эту не бери, это хорошая шкура. — И она принесла из кладовки старый войлочный плащ, который расстелила на полу. Они уложили на плащ безвольное тело раненого, и в свете очага стало видно, что красные пятна на бинтах пока больше не стали.

Вдруг Тенар вскочила и замерла как вкопанная.

— Терру, — только и вымолвила она.

Гед огляделся, но девочки рядом не было. Тенар бросилась вон из кухни.

В детской, где спала Терру, было абсолютно темно и тихо. Тенар ощупью пробралась к кровати и коснулась тепло́го плеча девочки, прикрытого одеялом.

— Терру?

Девочка дышала спокойно. Она так и не проснулась. Тенар чувствовала жар, исходивший от маленького тела: девочка словно светилась в холоде детской.

В своей комнате Тенар провела рукой по поверхности сундуков и сразу нащупала холодный металл: то была кочерга, которую она забыла именно здесь, когда закрывала ставни. Она отнесла кочергу обратно на кухню, небрежно перешагнув через тело раненого, повесила ее на крюк у очага и остановилась, глядя в огонь.

— Я же ничего не могла поделать! — проговорила она с отчаянием. — Что, я должна была на улицу выскочить?.. бежать?.. кричать?.. звать на помощь стариков-арендаторов?.. Эти негодяи не должны были добраться до девочки. Ни за что!

— Да, конечно, ты права. Они бы заперлись в доме вместе с Терру, а ты бы осталась снаружи вместе со стариками. А еще они могли бы просто прихватить девочку и сбежать. Ты сделала то, что могла и должна была сделать. Все правильно. Когда ты распахнула дверь и в ярком свете предстала с ножом в руках... да и я ведь был там, так что они смогли наконец разглядеть вилы, а потом этот упал... Вот они и сбежали.

— Такие только и могут, что сбежать, — сказала Тенар. Повернулась и слегка пнула ногу раненого носком своего башмака — словно это был какой-то неживой предмет, вызывающий одновременно любопытство и гадливость, что-то вроде дохлой гадюки. — Это ты все сделал правильно, — прибавила она.

— Не думаю, что он эти вилы заметил. Просто налетел на них. Это было словно... — Гед так и не сказал, на что это было похоже. Только рукой махнул. — Пей чай, — и сам налил себе еще из чайника, который стоял, чтобы не остыть, на горячих кирпичах очага. — Вкусный. Сядь, — ласково и настойчиво сказал он ей, и она подчинилась. — Когда я был мальчишкой, — продолжал он, немножко

помолчав, — карги напали на мою деревню и варварски разграбили ее. У них были длинные копья с перьями...

Тенар кивнула.

— Воины Богов-Близнецов, — сказала она.

— Я сотворил... заклятие тумана. Чтобы сбить их с толку. Они все-таки прошли — некоторые из них. Я видел, как один напоролся прямо на вилы. И вилы проткнули его насквозь. Чуть ниже пояса.

— Этому ты попал в ребро, — сказала Тенар.

Он кивнул.

— Это было единственной твоей ошибкой, — сказала она. Зубы у нее стучали. Она отпила горячего чая. — Гед, а что, если они вернутся назад?

— Не вернутся.

— Они могут поджечь дом...

— Этот дом? — Он оглядел каменные стены.

— Сенник...

— Они не вернутся, — упрямо повторил он.

— Нет. Наверное, нет.

Они бережно держали чашки с чаем в ладонях, постепенно согреваясь.

— Девочка все это проспала.

— Ну и молодец.

— Но она увидит его... Здесь... утром...

Они уставились друг на друга.

— Лучше бы я его убил... лучше б он умер! — с яростью сказал Гед. — Я бы оттащил его подальше и закопал...

— Ну так сделай это.

Он только сердито помотал головой.

— Разве это имеет какое-то значение — когда? Почему, ну почему мы не можем этого сделать сейчас? — настаивала Тенар.

— Не знаю.

— Как только станет светло...

— Я увезу его из дома. На тачке, а старик мне поможет.

— Старик и поднять-то ничего не в силах. Я помогу тебе.

— Да ладно, я и сам могу все сделать. Отвезу его в деревню. Там есть какой-нибудь лекарь?

— Ведьма. Айви.

Внезапно Тенар почувствовала чудовищную, беспредельную усталость. Она едва могла держать в руках чашку.

— Там еще есть чай, — сказала она; язык едва ворочался во рту.

Он налил себе снова полную чашку.

Языки пламени плясали у нее перед глазами. Они плыли, взметались ввысь, опадали, снова разгорались, зажатые закопченными камнями, а темное небо постепенно светлело в потоках странного, словно вечернего света, лившегося из воздушных глубин, что за пределами этого мира... Языки пламени — желтые, оранжевые, оранжево-красные, красные... языки пламени, пламенные языки... сами слова она уже выговорить не могла.

— Тенар!

— Мы называем эту звезду Техану, — вдруг сказала она.

— Тенар, дорогая моя, пойдем. Пойдем со мной.

Они больше не сидели у очага. Они были в темной гостиной. В темном коридоре, в лабиринте... Они уже были там когда-то, вели друг друга, шли друг за другом — в темноте, под землей.

— Это верный путь, — сказала она.

12

ЗИМА

Она просыпалась, не желая проснуться. Слабый сероватый свет просачивался снаружи сквозь щели в ставнях на окне. А почему закрыты ставни? Она поспешно вскочила и прошла через прихожую в кухню. Никто больше не сидел у огня, никто не лежал на полу. Нигде не было ничьих следов — ничего! Кроме чайника и трех чашек на буфете.

Вскоре встало солнце, а за ним — и Терру; они, как обычно, позавтракали вдвоем; убирая со стола, девочка спросила:

— Что случилось?

И приподняла за уголок разорванную простыню, замоченную в тазу. Вода была мутной, красноватой от крови.

— А, это мои женские дела слишком рано начались, — ответила Тенар, удивленная собственной ложью и тем, как легко ее выговорила.

Терру некоторое время стояла неподвижно; ноздри ее раздувались; она была напряжена, словно зверь, почуявший запах. Потом она опустила простыню в воду и вышла на двор — кормить цыплят.

Тенар чувствовала себя нездоровой: все тело ломило. Ей было по-прежнему холодно, так что она старалась не выходить из дому. Она попыталась было и Терру тоже держать при себе, но, когда порывы резкого холодного ветра совсем разогнали утренний туман и солнце засияло вовсю, Терру тут же потребовала, чтобы ее отпустили на улицу.

— Побудь с Шанди в саду, — сказала ей Тенар.

Терру ничего не ответила и выскользнула из дому.

Обожженная щека ее стала совершенно неподвижной из-за поврежденных мышц и грубых поверхностных шрамов, однако шрамы несколько поблекли, да и Тенар давно привыкла не отводить глаз при виде этого уродства, а видеть под страшными шрамами лицо хорошенькой девочки, так что для нее теперь и эта половина лица Терру имела свое определенное выражение. Когда Терру бывала встревожена, ее сожженная щека как бы «закрывалась» — так казалось Тенар; когда же девочка бывала возбуждена или сгорала от любопытства, то казалось, что даже слепой ее глаз видит, а шрамы на лице краснели и становились горячими на ощупь. Сейчас же, когда Терру выходила из дому, то выглядела и вовсе необычно: лицо ее казалось вовсе не человеческим: оно будто принадлежало какому-то дикому созданию, зверю с грубой и толстой шкурой и единственным зрячим глазом, молчаливому и спасающемуся бегством зверю.

И Тенар прекрасно понимала: раз она сама только что впервые солгала Терру, то и Терру впервые в жизни сейчас ей не подчинится. В первый, но не в последний раз.

Она с усталым вздохом села у огня и некоторое время сидела так, в полном бездействии.

В дверь постучали: Чистый Ручей и Гед — нет, Хок, она должна называть его Хок — стояли на пороге. Старик жаждал высказаться и вид имел в высшей степени важ-

ный; Гед, темнокожий и спокойный, казался неуклюжим в своей уродливой пастушьей куртке.

— Входите, — сказала она. — Выпейте чаю. Что-нибудь случилось?

— Мерзавцы пробовали удрать в Вальмут! Да только королевские стражники из Кахеданана тут как тут — словили их, у Черри в сарае! — объявил, размахивая руками, Чистый Ручей.

— Так он жив? — Тенар охватил ужас.

— Тех двоих поймали, — ответил Гед. — Не его.

— Знаешь, тело-то крестьяне нашли на старой бойне, там, на Круглом Холме, — прямо всмятку все. Крестьян не меньше десятка было, так что кто-то за стражниками сбегал, да и пошли все вместе по следу. По всем деревням искали, а нынче утром, только-только рассвет занялся, их и нашли — в сарае у Черри. Они там закоченели совсем.

— Значит, он умер? — ошеломленно спросила Тенар.

Гед только что стряхнул с плеч свою тяжеленную куртку и, сидя на стуле возле двери, снимал кожаные гетры.

— Он-то жив, — Гед говорил совершенно спокойно. — Им Айви занимается. Я отвез его к ней утром на тележке. На дороге было полно людей, хотя еще и не рассвело как следует. Они за теми охотились. Эти негодяи там, в горах, женщину убили.

— Какую женщину? — прошептала Тенар.

Она смотрела Геду прямо в глаза. Он слегка кивнул.

Чистый Ручей намерен был во что бы то ни стало сам рассказать все и заговорил громко, перебивая Геда:

— Я-то с некоторыми тамошними говорил, так они рассказывают, что их четверо было; все слонялись без дела возле Кахеданана, палатки ставили, а женщина та часто в деревню приходила милостыню просить, вся избитая, ссадины да синяки по всему телу. Они ее такую-то специально посылали попрошайничать, мужики эти, чтобы добывала побольше; и она говорила людям, что ежели с пустыми руками вернется, так они ее еще пуще изобьют. Ну так тамошние ей и говорят: чего ж назад-то возвращаться? Но если б она не вернулась, так те бы за ней непременно сами явились — так она сказала. А она завсегда при них была, вместе они бродяжничали. Ну а потом-то они ее, видно, до смерти забили: перестарались. А тело оттащили на старую бойню да там и бросили; там,

знаешь, все еще тухлятиной попахивало, так они, верно, думали, что это им следы замести поможет. А сами решили удрать по дороге вниз, сюда, в аккурат прошлой ночью. А ты чего ж на помощь-то не звала, не кричала? Гоха? Хок говорит, что тут они были, возле дома шастали, когда он на них набрел. Я бы точно тебя услыхал, да и Шанди тоже, у нее-то уши поострее моих будут. Ты ей ничего еще не говорила, а?

Тенар покачала головой.

— Ну так я счас ей и расскажу, — заявил старик, обрадованный тем, что первым сообщит Шанди все новости, и заковылял через двор прочь. На полпути он обернулся и крикнул Геду: — Вот уж никогда не думал, что ты так с вилами управляться умеешь! — и, смеясь, хлопнул себя по ляжкам.

Гед наконец стянул с ног тяжелые гетры, стащил грязные сапоги и выставил все это на крыльцо; потом в одних носках подошел к огню. Старые грубые штаны, рубаха из домотканой шерсти — настоящий гонтийский пастух с меднокожим лицом, ястребиным носом и ясными черными глазами.

— Скоро еще люди явятся, — сказал он. — Чтобы рассказать тебе ту историю и расспросить о том, что произошло здесь. Они поймали тех двоих в старом винном погребе, где и вина-то уже никакого нет; теперь человек пятнадцать-двадцать их сторожат, а два-три десятка мальчишек крутятся рядом и подглядывают... — Он зевнул, встряхнулся, а потом, взглянув на Тенар, попросил разрешения присесть у огня.

Она молча указала ему на стул.

— Ты, должно быть, до смерти измотался, — прошептала она.

— Я тут вчера немножко поспал. Просто не мог больше — глаза слипались. — Он снова зевнул. И пытливо посмотрел на нее, стараясь понять, о чем она думает.

— Это была мать Терру, — сказала она шепотом. Говорить громко она по-прежнему не могла.

Гед кивнул. Он сидел, чуть сгорбившись и положив руки на колени — так, бывало, сидел и Флинт, глядя в огонь. Они были очень похожи и все же совсем разные — настолько разные, как зарывшийся в землю камень и парящая в поднебесье птица. У Тенар болело сердце, все

кости ломило, а душа пребывала в смятении, мучимая дурными предчувствиями, тоской, не забытым еще страхом.

— Та ведьма раненого приняла, — сказал Гед. — Перевязала. По-моему, ему уже лучше. Она ему все дырки заткнула — паутиной и заклятиями, что кровь останавливают. Говорит, вылечу его специально, чтобы потом этого мерзавца повесили.

— Повесили?

— Теперь уж это дело Королевского Суда. Либо повесят, либо на каторгу сошлют.

Она хмуро покачала головой.

— Ты же не могла просто отпустить его, Тенар, — мягко сказал он, глядя на нее.

— Нет.

— Они непременно должны быть наказаны, — сказал он, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— «Наказаны»... Да-да, *это же его слова! Накажем девчонку.* Она плохая. Ее нужно наказать. Накажи и меня за то, что я ее взяла. За то, что... — Ей было трудно говорить. — Я не хочу больше никаких наказаний!.. Этого вообще не должно было случиться... Лучше бы ты убил его!

— Я сделал все, что мог, — сказал Гед.

Она долго молчала, потом рассмеялась каким-то дребезжащим смехом:

— Да уж, это точно.

— Подумай, как легко это было бы, — проговорил он, снова уставившись на уголья, — если бы я был волшебником. Я мог бы наложить на них связующее заклятие еще там, на верхней дороге; они бы даже понять ничего не успели. Я мог бы один отвести их всех в Вальмут, словно стадо овец. Или прошлой ночью, здесь, — подумай! Какой отличный фейерверк я мог бы для них устроить! Они бы никогда и не догадались, что же с ними происходит.

— Они и сейчас не догадываются, — сказала Тенар.

Он быстро глянул на нее. В его глазах светился слабый отблеск торжества.

— Нет, — сказал он. — Не догадываются.

— Здорово с вилами управляться умеешь, — прошептала она.

Он зевнул во весь рот.

— Может, ляжешь поспишь? Здесь есть свободная комната — из прихожей вторая дверь. Если только ты не намерен развлекать рассказами целую компанию: сюда, между прочим, идут Ларк и Дейзи, а еще целая куча детей. — Тенар поднялась, заслышав голоса.

— Пожалуй, я действительно лягу спать, — сказал Гед и тихо скользнул прочь.

Ларк с мужем и Дейзи, жена кузнеца, а потом и другие жители деревни целый день шли и шли к ней с рассказами и расспросами. Как ни странно, именно эти бесконечные разговоры и вернули ее к жизни, отвлекли от страшных воспоминаний о прошлой ночи; постепенно ей стало легче говорить об этом: теперь она чувствовала, что все это случилось уже давно, а не происходит с ней непрерывно и никогда не оставит ее душу в покое.

Именно этому должна научиться и Терру, подумала она, но только не за одну ночь: за целую жизнь.

Когда ушли остальные, Тенар сказала Жаворонку:

— Что меня больше всего бесит в самой себе, так это собственная глупость.

— Я же предупреждала: держи двери запертыми.

— Нет... Может быть... Да, наверное, в этом все и дело.

— Конечно.

— Нет, я хотела сказать, что, когда они были здесь... я могла бы выбежать, позвать стариков... может, даже прихватить с собой Терру... Или пойти в сарай и взять эти вилы сама... Или крюк для подрезки веток... В нем все-таки семь локтей длины, а лезвие острое как бритва, он у меня всегда в полном порядке, как у Флинта когда-то... Почему же я ничего этого не сделала? Почему?.. Почему я просто заперлась в доме — ведь в этом не было ни малейшего смысла? Если бы он... если бы Хок тут не оказался... Все, на что я была способна, — это загнать себя и Терру в ловушку. В конце-то я, правда, взяла большой нож, и вышла на крыльцо, и стала на них кричать... Я чуть с ума не сошла тогда. Но нож-то мой их бы, конечно, не отпугнул.

— Не знаю, — сказала Жаворонок. — Не уверена. Конечно, это было безумие, но может... Не знаю. А что тебе еще оставалось? Только двери запереть. Мы, похоже, всю

свою жизнь только и делаем, что двери запираем. Таков уж наш дом.

Вокруг них были каменные стены, напротив — каменный очаг; в окошко кухни ярко светило солнце; это был дом фермера Флинта.

— Та девушка, вернее, та женщина, которую они убили... — сказала Жаворонок, проницательно глянув на Тенар, — это та самая?

Тенар кивнула.

— Кто-то мне сказал, что она была беременна. Месяца четыре-пять.

Обе снова помолчали.

— Попалась в ловушку, — сказала Тенар.

Ларк сидела, откинувшись назад, положив руки поверх своих тяжелых бедер, обтянутых юбкой; спина прямая, миловидное лицо печально.

— Страх, — сказала она. — Чего мы так боимся? Почему позволяем убеждать нас в этом? И чего боятся они сами? — Она подняла с пола чулок, который вязала, повертела его в руках, помолчала и наконец спросила: — Почему они так боятся нас?

Тенар пряла шерсть и ей не ответила.

Вприпрыжку вбежала Терру.

— Вот и девочка наша! — ласково приветствовала ее Ларк. — А ну-ка, подойди, дай я тебя поцелую, золотко ты мое!

Терру бросилась ей на шею.

— Что это за людей поймали в деревне? Кто они? — требовательно спросила она своим хриплым, лишенным выражения голосом, глядя то на Ларк, то на Тенар.

Тенар остановила веретено. И медленно ответила:

— Один из них был Ловкач. Второго звали Баклан. А того, что был ранен, звали Треска. — Она не сводила глаз с лица Терру и видела, как разгорается тот внутренний огонь, как краснеют шрамы. — А женщину, которую убили, по-моему, звали Сенни.

— Сенини, — прошептала девочка.

Тенар кивнула.

— Они ее совсем убили? До смерти?

Тенар снова кивнула.

— Головастик говорит, что они и сюда приходили?

Тенар кивнула еще раз.

Девочка обвела взглядом комнату, но вид у нее при этом был такой, словно она абсолютно ничего не воспринимала и не видела перед собой даже стен.

— Ты их убьешь?

— Они, возможно, будут повешены.

— Умрут?

— Да.

Терру кивнула — как-то полубезразлично. И снова убежала на улицу — играть с детьми Ларк у колодца.

Обе женщины долго молчали. Пряли шерсть и о чем-то думали в тишине у огня. В доме фермера Флинта.

Наконец Жаворонок нарушила молчание:

— А что с тем парнем, с пастухом, что пришел сюда за ними следом? Хок вроде бы его звать?

— Он спит. Там, — сказала Тенар, кивком указав на дальнюю комнату.

— Ага, — сказала Жаворонок и снова умолкла.

Жужжало веретено.

— Я знала его и до вчерашней ночи.

— Там, в Ре Альби, да?

Тенар кивнула. Веретено продолжало жужжать.

— Чтобы одному против троих выйти в темноте, да еще с вилами, — для этого теперь немалое мужество требуется. А он ведь к тому же не молод, верно?

— Нет. Не молод. — Тенар помолчала, потом прибавила: — Он сильно болел, и ему очень нужна была работа. Вот я его и послала сюда, чтобы Чистый Ручей ему на ферме работу подыскал. Но Чистый Ручей считает, что по-прежнему может сам со всем справиться, так что Хока он в горы отослал, на летние пастбища. Он как раз оттуда и возвращался.

— Ну так, я думаю, теперь ты его здесь оставишь?

— Если он захочет, — сказала Тенар.

Потом приходили еще люди, чтобы тоже послушать, что произошло с Гохой, и рассказать, какое участие сами принимали в поимке убийц; они рассматривали вилы с четырьмя длинными зубьями, вспоминали кровавые пятна на бинтах того типа по кличке Треска, а потом все начинали перемалывать сначала. Тенар даже обрадовалась,

когда наконец наступил вечер; она позвала Терру домой и заперла все двери.

Она уже подняла было руку, чтобы задвинуть последний засов. И снова опустила ее, заставив себя уйти и оставить эту дверь незапертой.

— А в твоей комнате Ястреб спит, — сообщила ей Терру, возвращаясь в кухню с лукошком яиц, взятым в холодной кладовой.

— Я и забыла предупредить тебя, что он там... Ты уж меня прости.

— Но я же его знаю, — сказала Терру, старательно умываясь. А когда в кухню вошел Гед с припухшими глазами и всклокоченной шевелюрой, девочка подошла прямо к нему и потянулась, чтобы его обнять.

— Здравствуй, Терру, — сказал он ласково, подхватил ее на руки и прижал к себе. Она легонько обняла его за шею и тут же высвободилась.

— Я знаю начало «Создания Эа», — сообщила она ему.

— Ты мне его споешь? — Снова взглядом спросив разрешения у Тенар, он сел на прежнее место у очага.

— Я могу только рассказать.

Он кивнул и приготовился слушать; вид у него при этом был довольно-таки суровый. Девочка продекламировала:

Разрушив — создашь.
То конец ли? Начало?
Одно — из другого...
Кто знает наверно?
Одно лишь мы знаем:
Есть дверь меж мирами,
В нее мы уходим,
Навек расставаясь.
Но есть существа,
Что приходят обратно...
Среди них старейший —
Привратник Сегой...

Голос девочки напоминал шуршание металлической щетки по металлу, или шорох сухих листьев, или шипение горящих дров... Когда она закончила первый стих «...из пены морской поднимается Эа, красою сияя», Гед коротко одобрительно кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Вчера вечером, — сказала Тенар. — Только вчера вечером она это впервые услышала и выучила. А кажется, будто год назад.

— Я могу еще дальше выучить, — сказала Терру.

— И выучишь, — откликнулся Гед.

— А теперь закончи чистить кабачок, пожалуйста, — велела девочке Тенар, и та послушно принялась за работу.

— А мне что делать? — спросил Гед.

Тенар озадаченно посмотрела на него:

— Нужно принести воды для чайника...

Он кивнул и отправился к колодцу.

Они приготовили ужин, с аппетитом поели и вместе убрали со стола.

— Повтори-ка мне снова «Создание Эа» до того места, до которого помнишь, — попросил Гед девочку, когда они уселись у очага, — и мы с тобой пойдем дальше.

И она тут же выучила второй стих, повторив его один раз вместе с Гедом и еще один раз вместе с Тенар, а потом — самостоятельно.

— А теперь марш в кровать, — сказала Тенар.

— А ты не рассказала Ястребу о короле?

— Лучше ты сама ему расскажи, — сказала Тенар, обрадованная поводом для того, чтобы пока не оставаться с Гедом наедине.

Терру встрепенулась. Лицо ее — обе его половины — горело воодушевлением.

— Тот король приплыл на корабле. У него был меч. А еще он дал мне дельфинчика из кости. И корабль его летел как птица, только я тогда болела, потому что до меня дотронулся Ловкач. А король взял да и тоже дотронулся, и та противная отметина исчезла. — Она показала ему свою нежную тонкую ручонку. Тенар тоже посмотрела. О следах, оставленных пальцами Ловкача, она совсем позабыла. — Когда-нибудь я хотела бы полететь туда, где он живет, — сообщила Ястребу Терру. Он кивнул. — Я непременно полечу! А ты его знаешь?

— Да. Я его знаю. Мы вместе были в одном очень долгом путешествии.

— Где это?

— Там, где солнце не встает и не загораются звезды. И мы вместе вернулись из этой страны.

— А вы с ним летели?

Гед покачал головой.

— Я умею только ходить, — сказал он спокойно.

Девочка задумалась, а потом, словно весьма удовлетворенная собственными мыслями, сказала:

— Спокойной ночи. — И пошла в свою комнату. Тенар хотела было проводить ее и спеть колыбельную, но Терру не захотела. — Я лучше расскажу «Создание» в темноте, — сказала она. — *Оба стиха.*

Тенар вернулась на кухню и села напротив Геда.

— Как быстро она меняется! Мне за ней не успеть. Слишком стара, видно, чтобы ребенка воспитывать. А она... Она меня, конечно, слушается, но только потому, что сама так хочет.

— Это единственное оправдание для послушания, — заметил Гед.

— Но если уж ей взбредет в голову меня не послушаться, то с ней не сладить! Есть в ней что-то дикое. Иногда она — моя девочка, моя Терру, иногда же — совсем иное существо, недосягаемое для меня, неведомое. Я спрашивала Айви, не стоит ли отдать Терру ей в ученицы. Это Бук мне посоветовал. Но Айви сразу отказалась. «Почему же нет?» — спросила я. «Я ее боюсь!» — сказала она... Но ведь ты ее не боишься? Как и она тебя. Ты и Лебаннен — единственные мужчины, которым она позволяет себя касаться. Я не смогла помешать этому... этому Ловкачу... не могу об этом говорить! Ох как я устала! Я уже ничего не соображаю...

Гед положил в очаг толстое полено — чтобы горело потихоньку, медленно, и оба они некоторое время молча смотрели, как извиваются и дрожат языки пламени.

— Я бы хотела, чтобы ты остался здесь, Гед, — сказала Тенар. — Если тебе это по душе, конечно.

Он ответил не сразу, и она спросила:

— Может быть, ты собираешься в Хавнор?..

— Нет, нет. Мне некуда идти. Я просто искал работу.

— Ну что ж, здесь работы полно. Старик, правда, так не считает, однако при его артрите он теперь годится разве что за садом присматривать. Мне все время очень нужен был помощник — с тех самых пор, как я вернулась. Я бы могла, разумеется, выругать этого упрямца за то, что он отослал тебя в горы, но это бесполезно. И слушать бы не стал.

— Мне это только на пользу пошло, — сказал Гед. — Больше всего мне нужно было время.

— Ты там овец пас?

— Коз. На самых верхних пастбищах, почти там, где начинаются голые скалы. Мальчишка, которого они наняли раньше, заболел, так что Серри послал меня туда в первый же день. Коз ведь держат наверху до поздней осени, до самых холодов, чтобы подшерсток гуще стал. А последний месяц я там жил практически совсем один. Серри прислал мне эту вот куртку и кое-какие припасы и просил оставаться в горах так долго, как только смогу. Вот я и остался до самых морозов. Там, в горах, замечательно было!

— Одиноко, наверно, — сказала она.

Он кивнул, чуть улыбнувшись.

— Ты всегда был одиноким.

— Да, всегда.

Она промолчала. Он посмотрел на нее.

— Я рад буду работать у тебя на ферме, — сказал он.

— Значит, решено, — сказала она. И чуть погодя прибавила: — Уж по крайней мере хоть зиму-то пробудешь?

В тот вечер подморозило еще сильнее. Мир вокруг совсем затих, слышался лишь шепот огня. Молчание было ощутимым, словно присутствие рядом с ними кого-то третьего. Тенар подняла голову.

— Ну хорошо, Гед, — сказала она и посмотрела прямо на него. — А в чьей постели мне теперь спать? В постели Терру или в твоей?

Он затаил дыхание. Потом тихо сказал:

— В моей. Если захочешь.

— Захочу.

Молчание, казалось, теперь опутало его по рукам и ногам. Было заметно, какие усилия он прилагает, чтобы высвободиться из этих пут.

— Если у тебя хватит терпения... — проговорил он.

— У меня хватило терпения на целых двадцать пять лет, — сказала она. Посмотрела на него внимательно и засмеялась. — Ну же... ну, ну, дорогой мой!.. Лучше поздно, чем никогда! Я, конечно, теперь всего лишь старуха... Ничто не проходит даром, ничто никогда не проходит даром. Ты сам учил меня этому. — Она встала. Поднялся и он. Она протянула ему руки, и он взял их в свои. Потом

они обнялись — все теснее и теснее сжимая объятия. И столько в этих объятиях было страсти и нежности, что все вокруг как бы перестало для них существовать: в этом мире были сейчас только они одни. Не имело никакого значения, в какой постели они собираются спать. В ту ночь они легли прямо на каменный пол у очага, и там она открыла Геду ту тайну, которую не смог бы ему открыть даже самый мудрый волшебник.

Один раз он встал, чтобы подбросить дров в огонь, а со скамьи снял ту красивую козью шкуру и постелил им на пол. Тенар ни слова не возразила. Укрылись они ее плащом и его курткой из овчины.

Оба проснулись на рассвете. Слабый серебристый свет окутывал полуоблетевшие ветви дубов за окном. Тенар потянулась всем телом и почувствовала живое тепло лежащего рядом с ней человека. Потом прошептала:

— Он тоже лежал здесь. Тот тип по прозвищу Треска. На этом самом месте, на полу...

Гед что-то слабо негодующе промычал в ответ.

— Вот теперь ты настоящий мужчина, — сказала Тенар. — Сперва вилами превратил в решето бандита, потом с женщиной ночь провел... По-моему, именно в таком порядке обычно и получается.

— Помолчи, — прошептал он, поворачиваясь и кладя голову ей на плечо. — Не надо.

— Буду! Ах, Гед, бедняга! Нет во мне жалости, только справедливость. Меня жалости не учили. Умение любить — вот единственная милость, которая была мне дарована. Ах, Гед, не бойся меня! Ты же был мужчиной, когда я впервые увидела тебя! Не оружие и не женщина делают мужчину мужчиной; и не магия, и не какая-нибудь иная сила — только он сам!

Они лежали в тепле и молчании, исполненном нежности.

— Расскажи мне что-нибудь.

Он в ответ сонно пробормотал что-то невнятное.

— Как тебе удалось расслышать, что они говорят? Треска, Ловкач и тот, третий? Как тебе удалось оказаться именно там и именно в нужный момент?

Гед чуть приподнялся на локте, чтобы видеть ее лицо. Его собственное лицо казалось сейчас таким беззащитным, на нем была написана такая детская радость и такая

нежность, что Тенар пришлось подтянуться и коснуться его губ там, куда она впервые его поцеловала несколько месяцев назад, и он, конечно, тут же снова обнял ее, и разговор свой дальше они продолжали уже без слов.

Были кое-какие формальности, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, сообщить Чистому Ручью и прочим арендаторам, что она заменила «старого хозяина» новым работником. Это она проделала быстро и решительно. Они ничего не могли с этим поделать, впрочем, им в данном случае ничто и не грозило. Вдова могла владеть собственностью покойного мужа, только если у того не было ни одного наследника мужского пола. Единственным наследником Флинта был его сын, моряк, так что вдова просто как бы вела хозяйство на ферме в его отсутствие. Если бы она умерла, тогда в отсутствие наследника хозяйство вел бы Чистый Ручей; а если бы ее сын так никогда и не востребовал бы своего наследства, ферма отошла бы дальнему родственнику Флинта, жившему в Кахеданане. Так что обе пары, давно арендовавшие эти земли, могли не опасаться быть изгнанными из своих жилищ тем, кого вдова наймет на работу, даже если бы она вышла за этого человека замуж. Однако Тенар опасалась, что старики обвинят ее в недостаточной верности памяти Флинта, которого они, в общем-то, знали куда дольше, чем она. К ее радости, впрочем, они вовсе не возражали против такого решения. Хок завоевал их вечное расположение одним-единственным удачным ударом вилами. Кроме того, с точки зрения их всех, желание Гохи иметь в доме мужчину, который способен ее защитить, было вполне разумным. Если же Гоха допустит его в свою постель — что ж, аппетиты вдовушек давно вошли в пословицу. Да к тому же она ведь нездешняя...

Отношение остальных жителей деревни к случившемуся было примерно таким же. Немного пошептались, посплетничали — вот и все. Оказалось, что быть уважаемой женщиной куда легче, чем полагала тетушка Мох. А может, старые вещи просто всегда меньше ценятся?

Она чувствовала себя настолько замаранной и униженной тем, что они так легко все это приняли, как если бы все было как раз наоборот. Одна лишь Ларк нисколь-

ко не угнетала ее — она вообще ни слова не сказала ни в похвалу, ни в осуждение; она видела, что происходит между этими двоими, наблюдала за ними с интересом, с любопытством, с завистью, но, в общем, доброжелательно.

Ибо старинная подруга Тенар видела Хока не сквозь расхожие слова «пастух», «работник», «вдовушкин ухажер». Впрочем, она замечала многое такое, что ее озадачивало. Например, его достоинство и простота были вроде бы самыми обычными, такими же, как у многих, кого Ларк знала, но как бы отличались от них по качеству; в нем всегда чувствовалась некая значимость, некое не сразу заметное глазу величие души и ума. Она как-то сказала Айви:

— Этот человек не всю свою жизнь среди коз провел. Он о мире знает куда больше, чем о крестьянском труде.

— Я бы иначе сказала: он либо колдун, кем-то проклятый, либо волшебник, отчего-то силу свою утративший, — откликнулась ведьма. — Такое случается.

— А-а-а... — только и промолвила Ларк.

Так или иначе, но само звание Верховный Маг было слишком пышным и величественным, оно больше годилось для королевских приемов и дворцов, а не для этого темноглазого седоволосого человека с Дубовой Фермы, так что Ларк оно никогда и в голову не приходило. А если бы пришло, то она уже никогда бы не смогла чувствовать себя с ним так естественно и просто, как теперь. Даже сама мысль о том, что Хок, возможно, когда-то был колдуном, несколько встревожила ее. Слово «колдун» как бы мешало ей воспринимать его таким, какой он есть, пока она снова не увидела его совсем иными глазами. Он в тот момент сидел на одной из старых огромных яблонь, срезая высохшие сучья, и поздоровался с ней оттуда, сверху. До чего же на коршуна похож, подумала она, особенно когда сидит вот так, нахохлившись, на ветке! И она приветливо помахала ему рукой и улыбнулась.

Тенар так и не забыла того вопроса, который задала Геду, когда они лежали на каменном полу у очага, накрывшись курткой из овчины. Она снова задала его несколькими днями позже — время для них теперь пролетало легко и приятно в этом доме с мощными каменными стенами, окруженном зимними снегами.

— Ты так и не объяснил мне, — сказала она, — как же

все-таки тебе удалось услышать, о чем они говорили тогда, на верхней дороге.

— По-моему, я рассказывал тебе, что шел по обочине, почти невидимый, когда эти люди нагнали меня.

— Почему по обочине?

— Потому что я был один и знал, что на дороге хозяйничают бандиты.

— Да, конечно... Но, значит, когда они поравнялись с тобой, Треска уже говорил о Терру?

— По-моему, в этот момент он говорил о Дубовой Ферме.

— Возможно. Во всяком случае, звучит очень убедительно.

Понимая, что это не потому, что она не верит ему, он решил подождать, что она скажет еще.

— Такое порой случается — но только с волшебниками, — сказала Тенар.

— И с другими людьми тоже.

— Возможно.

— Дорогая моя, ты ведь не хочешь... убедить меня в том, что силы мои вернулись?

— Нет. Нет, совсем нет. Это было бы просто глупо с моей стороны. Ведь, если бы ты снова стал волшебником, тебя бы здесь уже не было, верно?

Они лежали на широкой кровати с дубовой рамой, тепло укрытые овечьими шкурами и пуховыми одеялами, потому что в этой комнате не было очага, а ночь стояла морозная, да и снег давно уже выпал.

— Я вот что хочу понять: нет ли чего-то еще помимо того, что вы называете волшебной силой, такого, что появляется как бы до нее? Или чего-то большего, чем волшебная сила, которая сама по себе является только частью этого большего? Ну вот, например, Огион говорил, что еще до того, как ты успел чему-то научиться, познал волшебную премудрость, ты *уже был магом. Прирожденным магом,* так он говорил. Так что мне всегда казалось, что для того, чтобы обладать волшебной силой, чтобы воспринять ее, нужно иметь в своей душе какое-то особое место. Некую пустоту, которую необходимо заполнить. И чем больше будет в душе этого места, тем больше поместится там волшебной силы. Но если волшебной силы вообще не дать, или если ее отобрать, или если

самому ее отдать, то место-то для нее в душе все равно останется?

— Только пустота, — сказал Гед.

— «Пустота» — это всего лишь слово, одно из тех, которыми можно назвать это незаполненное место в душе. Может быть, и не самое правильное слово.

— Способность? — полувопросительно произнес он и покачал головой. — Предрасположенность?..

— Мне кажется, что ты оказался там, на верхней дороге, именно в том месте и именно в тот час, благодаря этому качеству — благодаря тому, что с тобой такое может произойти. Ты не сам заставляешь события свершаться. Ты их не вызываешь. И тот случай тоже не был связан с твоей «волшебной силой». Это просто с тобой *случилось*. Из-за твоей способности... из-за этой «пустоты» в твоей душе.

Помолчав немного, он сказал:

— Все, что ты говоришь, очень похоже на то, чему меня в юности учили на острове Рок: настоящая Магия призывает делать только совершенно необходимое. Но этот закон имеет свое продолжение: не делать что-то самому, а быть вынужденным что-то сделать...

— Не думаю, что это так уж верно. Больше похоже на объяснение причин великих деяний. Разве ты не пришел и не спас мне жизнь? Разве не проткнул этого мерзавца вилами? Вот это и было «действием», настоящим, таким, которое ты должен был совершить...

Гед снова задумался и наконец спросил:

— Этой премудрости тебя учили, когда ты была жрицей Гробниц?

— Нет, — она потянулась, глядя в темноту, — Ару учили: для того чтобы быть могущественной, нужно приносить жертвы. Себя и других людей. Сделка такая: отдай — и получишь. И не могу сказать, что это так уж неверно. Но душе моей тесно в этих рамках — око за око, зуб за зуб, смерть за жизнь... Есть некая свобода за пределами этого порядка. За пределами неизбежной расплаты, неизбежного возмездия, неизбежного искупления — за пределами всех сделок и всякого равновесия сил — там, за пределами всего этого существует свобода...

— *Есть дверь меж мирами,* — сказал он тихонько.

В ту ночь Тенар снился сон. Ей снилось, что она видит эту дверь меж мирами из «Создания Эа». Она была похожа на небольшое окошко из толстого пузырчатого мутного стекла, прорубленное низко в западной стене какого-то старого дома, стоящего над морем. Окно было крепко заперто и закрыто прочными ставнями. Тенар хотела открыть его, но существовало какое-то слово, какой-то ключ, что-то в этом роде, что она позабыла — слово ли, ключ ли или чье-то имя, — и никак она не могла открыть окошко. Она искала и искала этот потерянный, забытый ключ в комнатах с каменными стенами, и комнат становилось все меньше, и стены все сдвигались, и со всех сторон наступала темнота... и тут она почувствовала, что Гед обнимает ее, пытаясь разбудить и успокоить, и все приговаривает:

— Все в порядке, родная моя, успокойся, все будет в порядке!

— Я не могу стать свободной! — заплакала она, прижимаясь к нему.

Он успокаивал ее, гладил по голове; потом они снова улеглись, прижавшись друг к другу, и он прошептал:

— Посмотри.

Светила полная луна. Ее сияние, отражаясь от только что выпавшего снега, наполняло комнату холодным белым светом, потому что, несмотря на мороз, закрывать ставни Тенар не хотелось. Светился весь воздух вокруг. Изголовье кровати было в тени, но казалось, что потолок над их головами — всего лишь тонкая прозрачная вуаль, за которой открываются бесконечные серебристые спокойные глубины света.

В ту зиму на Гонте выпали глубокие снега, да и сама зима была долгой. Урожай был очень хорош. Для людей и животных еды хватало, а дел особых зимой не было, разве что готовить еду да сохранять тепло в доме.

Терру выучила «Создание Эа» до конца, а после нее — «Зимнюю Песнь» и «Подвиг юного короля». Она умела сделать аппетитно румяной корочку пирога, умела отлично прясть, знала даже, как изготовить мыло. Она знала название и применение каждой травинки, что появлялась из-под снега, и выучила много еще всего о травах и народной мудрости и о том, что Гед хранил в своей памяти

с тех пор, как сам учился у Огиона и в Школе Волшебников. Но он так и не снял с полки Книгу Рун, как и ни одну другую книгу Огиона, и не научил девочку ни единому слову из Речи Созидания.

Они с Тенар часто говорили об этом. Она рассказала ему, как однажды пыталась научить Терру одному-единственному слову — «ток», — а потом вдруг бросила это занятие: что-то смущало, даже пугало ее, хотя она и не понимала, что именно.

— Я тогда решила, что, может быть, это потому, что сама я никогда по-настоящему не пользовалась Истинной Речью и никогда не занималась Магией. И, наверно, девочке лучше учиться Языку Созидания у настоящего волшебника, который им пользуется постоянно.

— Такого волшебника не существует.

— А уж волшебницы и подавно.

— Я хотел сказать, что только драконы пользуются Истинной Речью как своей родной.

— А они учат этот язык?

Застигнутый этим вопросом врасплох, он ответил не сразу, по всей очевидности припоминая все то, что ему когда-либо довелось узнать о драконах.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Да и что мы, в сущности, знаем о них? Испытывают ли они желание передавать знания — как это делаем мы — от матери к ребенку, от старшего к младшему? Или они, подобно животным, чему-то учатся в процессе жизни, но большую часть знают от рождения? Нам ведь неведомо даже это. Но на мой взгляд, сам дракон и речь его суть едины. Одно существо.

— И они не говорят ни на одном другом языке?

Он кивнул.

— Они ничему не учатся, — сказал он. — Они просто существуют.

В кухню вбежала Терру. Одной из ее обязанностей было постоянно пополнять короб со щепой для растопки, и она как раз была занята этим, одетая в теплую куртку из овчины, перешитую Тенар, и такую же шапку. Девочка рысцой бегала туда-сюда — из дровяного сарая в кухню и обратно. Вытряхнув очередную порцию щепок в короб, стоявший у камина в углу, она снова убегала.

— Что это она такое поет? — спросил Гед.

— Терру? Поет?

— Да, когда остается одна.

— Но она никогда не поет! Она не может петь.

— Поет по-своему. «На самом далеком западе...»

— А! — воскликнула Тенар. — Это та старая история! Неужели Огион никогда не рассказывал тебе о Женщине из Кимея?

— Нет, — сказал Гед, — расскажи мне, пожалуйста.

И Тенар рассказала ему под жужжание веретена — отличный аккомпанемент для длинного рассказа. А под конец она прибавила:

— Когда Мастер Ветродуй рассказал мне, почему он приехал искать «одну женщину с Гонта», я сразу подумала о ней, об этой Женщине из Кимея. Но она теперь, уж конечно, умерла. Да и разве может какая-то рыбачка — пусть она даже раньше и была драконом — стать Верховным Магом Земноморья?

— Ну, Путеводитель ведь не сказал, что некая женщина с острова Гонт непременно должна стать Верховным Магом, — возразил Гед. Он старательно штопал свои чудовищно изношенные штаны, сидя возле окна и пытаясь поймать остаток света уходящего серого дня. Прошло уже с полмесяца после Солнцеворота, но все еще было очень холодно.

— Но что же он в таком случае имел в виду?

— «Одну женщину с Гонта». Так и ты мне сказала.

— Но они же спрашивали: кто должен стать следующим Верховным Магом?

— И не получили ответа на этот вопрос.

— *Бесконечны споры магов между собой,* — сухо и разочарованно проговорила Тенар.

Гед перекусил нитку и аккуратно смотал оставшийся конец.

— На Роке меня немного учили играть словами, — согласился он. — Но это вовсе не словесная головоломка, так мне кажется, Тенар. «Одна женщина с Гонта» не может стать Верховным Магом. Ни одна женщина на свете не может им стать. Она разрушит само это понятие, став им. Маги острова Рок — всегда только мужчины; их волшебство — это волшебство мужчин; их знания — это знания мужчин. То, что они мужчины, как и то, что они волшебники, имеет одно основание: власть и могущество

принадлежат мужчинам. Если бы у женщин была власть, то кем бы должны были считаться мужчины, как не женщинами, которые не способны вынашивать детей? И кем бы считались женщины, как не мужчинами, которые могут родить ребенка?

— Ха! — выдохнула Тенар и быстро, не без лукавства спросила: — А разве в мире никогда не было королев? Разве великие королевы не были просто женщинами, наделенными властью?

— Королева — это всего лишь женщина-король, — отрезал Гед.

Тенар презрительно фыркнула.

— Я хотел сказать, что королевскую власть ей дали мужчины. Они дали ей возможность воспользоваться их властью. Но ей самой эта власть не принадлежит, разве не так? Так. И вовсе не потому она облечена властью, что является женщиной, но вопреки этому.

Она кивнула. Она сидела очень прямо, отодвинувшись от своего веретена.

— В чем же тогда могущество женщины? — спросила она.

— Не думаю, чтобы мы это понимали.

— Когда же в таком случае женщина обретает могущество, будучи всего лишь женщиной? Родив детей, я полагаю? На какое-то время...

— В своем доме — быть может.

Она оглядела кухню.

— Но все двери закрыты, — сказала она, — все двери заперты.

— Потому что вам, женщинам, цены нет.

— О да! Мы поистине драгоценны. До тех пор, пока бессильны... Я помню, когда я впервые поняла это! Коссил запугала меня — меня, Единственную Жрицу Гробниц! И я поняла, что совершенно беспомощна. У меня были почести; но власть была у нее — она получила ее от Короля-Бога, от мужчины. Ах, как это злило меня! И пугало... Мы с Жаворонком как-то раз говорили об этом. Она сказала: «Почему все-таки мужчины так боятся женщин?»

— Если сила твоя покоится только на слабости другого, ты живешь в постоянном страхе, — промолвил Гед.

— Да, но женщины, похоже, страшатся собственной силы, боятся самих себя.

— А разве их когда-нибудь учат в себя верить? — спросил Гед, и тут как раз снова вошла занятая своими делами Терру. Гед и Тенар посмотрели друг на друга.

— Нет, — сказала Тенар. — Верить в себя нас вовсе не учат. — Она смотрела, как девочка вытряхивает щепки в короб. — Если власть — это вера в себя, — продолжала она, — то мне это слово нравится. Если же нет — то все эти бесконечные ступени... король, повелитель, маг, хозяин... Все это кажется мне таким ненужным. Настоящая власть, настоящая свобода должна была бы покоиться на вере и доверии, а не на силе и насилии.

— На вере, подобной вере детей в своих родителей, — сказал Гед.

Оба помолчали.

— При существующем порядке вещей, — сказал он, — даже вера портит человека. Мужчины на острове Рок верят и доверяют друг другу. Их власть чиста, ничто не пятнает ее чистоты, и чистоту этой власти они принимают за мудрость. Они и представить себе не могут, что это неверно.

Тенар вскинула на него глаза. Гед никогда прежде не говорил так о Мастерах острова Рок — совершенно свободно, совершенно независимо.

— Может быть, нужно, чтобы там появились женщины — просто чтобы эти мудрецы знали, что и они могут ошибаться, — сказала она, и он рассмеялся.

Тенар снова запустила веретено.

— Я по-прежнему не понимаю, почему, если могут существовать женщины-короли, то не могут существовать женщины-маги?

Терру внимательно слушала.

— Горячий снег, сухая вода! — Это была гонтийская поговорка. — Королям власть дается другими людьми. Сила же мага принадлежит только ему — она в нем самом и дается от рождения.

— И она остается чисто мужской силой — это потому, что никто из нас даже не знает, что представляет собой сила женская. Ну хорошо. Понимаю. Но в таком случае почему же они никак не могут подыскать нового Верховного Мага — мужчину?

Гед изучал обветшавший, облохматившийся шов на своих штанах.

— Что ж, — сказал он, — если тогда Путеводитель и не ответил на их вопрос, то он по крайней мере дал ответ на вопрос, которого они не задавали. Может быть, им нужно лишь задать его.

— Это что же, загадка? — спросила Терру.

— Да, — сказала Тенар. — Но самой загадки мы не знаем. Мы знаем только отгадку. А она такова: «Одна женщина с Гонта».

— Но ведь их так много! — сказала Терру, немного подумав. И, явно довольная собой, отправилась за очередной порцией щепок.

Гед смотрел ей вслед.

— Все переменилось, — сказал он. — Все... Иногда я думаю, Тенар... мне хотелось бы знать: а вдруг правление короля Лебаннена — это только начало? Та дверь меж мирами... А сам он — Привратник у этой двери. Чтобы просто так пройти было нельзя.

— Он кажется таким юным, — нежно сказала Тенар.

— Столь же юным был и Морред, когда встретил Черные Корабли. Столь же юным был и я сам, когда... — Он умолк, глядя в окошко на серые замерзшие поля, просвечивающие сквозь оголенные ветви деревьев. — Или ты, Тенар, в той темнице... Где кончается юность, где начинается зрелость? Не знаю. Иногда мне кажется, что я прожил тысячу лет, иногда — что жизнь моя не длиннее полета ласточки, увиденной в маленькое окошко. Я уже умирал и снова возродился, и в Пустынной стране, и здесь, под живым солнцем, это происходило не один раз. А песни о Создании учат нас, что все мы лишь вернулись сюда и будем вечно возвращаться к источнику жизни, и источник этот неисчерпаем. И жизнь после смерти... Я думал об этом там, высоко в горах, когда пас коз, и день длился вечно, и все же вечер и утро почему-то мгновенно сменяли друг друга... Я учился козьей мудрости. Так мне думалось. Так о чем же я грущу? Кого из людей оплакиваю? Верховного Мага Геда? Но зачем из-за него пастуху Хоку так горевать и так стыдиться? Да и что я сделал такого, чего мне следовало бы стыдиться?

— Ничего, — сказала Тенар. — Никогда и ничего!

— О да, — сказал Гед. — Все величие человека основано на чувстве стыда, оно как бы выросло из него. Вот потому-то пастух Хок оплакивал Верховного Мага Геда. А еще — пас коз, как это мог бы делать любой мальчишка, каким и сам пастух Хок был когда-то...

Тенар немного помолчала, потом улыбнулась и чуть застенчиво сказала:

— Тетушка Мох говорила, что тебе тогда было лет пятнадцать?

— Да, почти. Огион совершил обряд и дал мне имя где-то осенью, а следующим летом я отбыл на Рок... Кто был тот мальчик? Пустота в душе... предрасположенность... свобода — за запертой дверью...

— Кто такая Терру, Гед?

Он не отвечал так долго, что она уж решила, что он и не собирается этого делать, но тут он сказал:

— Она же такая... какая свобода ей еще требуется?

— Значит, наша свобода — в нас самих?

— Думаю, что так.

— Ты, обладая своим могуществом, казался настолько свободным, насколько это вообще возможно. Но какой ценой? Что делало тебя свободным? А я... Меня сделали, вылепили, словно из глины, своей волей те женщины, что служили Древним Силам или мужчинам, которые владели всем — храмами, дорогами, площадями — не знаю уж теперь, чем еще. Потом я стала свободной — с тобой — и была какое-то время свободной с тобой и с Огионом. Но то была не моя свобода. То была свобода выбора; и я сделала выбор. Я сама вылепила из себя нечто пригодное для нужд фермы и ее хозяина и наших детей. Я превратилась в глиняный сосуд. Его форму я знаю. Но не знаю состава той глины. Жизнь била во мне ключом, это был танец жизни. Я танцевала разные танцы. Но не знаю, кто же танцор.

— А она, — проговорил Гед после долгого молчания, — если она когда-нибудь начнет свой танец...

— Ее станут бояться, — прошептала Тенар. Тут снова вошла Терру, так что разговор переключился на квашню с тестом, что подходило у печки. Разговор их лился мирно и тихо, переходя от одной темы к другой и снова возвращаясь к прежней, словно по кругу, так промелькнула незаметно половина короткого дня; они часто затевали такие разговоры, прядя, сшивая свои жизни воедино,

скрепляя их словами, годами и поступками и теми мыслями, которые были у каждого из них в отдельности. Потом снова умолкали, работали, думали и мечтали, и молчаливая девочка была с ними вместе.

Так прошла зима, начался сезон скота, и какое-то время от работы было не продохнуть, тем более что дни становились все длиннее и светлее. Потом с южных солнечных островов прилетели первые ласточки — из Южного Предела, оттуда, где звезда Гобардон светит в созвездии Конца; но все ласточки говорили друг с другом только о том, что жизнь начинается снова.

13

МАСТЕР

С возвращением весны между островами, подобно ласточкам, начали порхать парусные суда. В деревнях судачили, перемывая слухи из Вальмута о том, что король объявил охоту на морских бандитов, на пиратов-грабителей, лишал богатства вожаков, оставляя буквально нищими, конфискуя их суда и состояния. Сам Лорд Гено выслал три своих лучших, самых быстрых корабля под командованием старого морского волка, колдуна Талли, которого боялись все торговые суда от Солеа до Андрадских островов; пиратские корабли намеревались изгнать королевский флот из Оранеи и уничтожить его. Но в гавань Вальмута вскоре вошел тем не менее именно королевский корабль, и на борту его находился морской волк Талли, закованный в цепи. Корабль привез приказ: срочно доставить Лорда Гено в Порт Гонт и там подвергнуть его допросу по поводу бесконечных пиратских налетов и убийств. Гено забаррикадировался в своем каменном доме на холме, что неподалеку от Вальмута, однако забыл развести в камине огонь, поскольку стояли теплые весенние деньки, так что пятеро или шестеро молодых королевских воинов влезли в дом через каминную трубу и захватили Гено, а потом в окружении целого отряда стражников провели его по улицам Вальмута, прежде чем

отправить в Порт Гонт, где он должен был предстать перед судом.

Услышав об этом, Гед сказал с любовью и гордостью:

— Все, что подвластно королю, он делает хорошо.

Ловкач и Баклан тоже вскоре отправились под конвоем по северной дороге в Порт Гонт, а вскоре и Треска, когда поджили его раны, последовал за ними. Их должны были судить королевским судом за убийство. Новость о том, что негодяев сослали на галеры, была встречена с огромным удовлетворением, и жители Срединной Долины поздравляли друг друга с таким поворотом событий, хотя Тенар и Терру, жавшаяся к ней, слушали все это молча.

Приплывали и разные другие корабли, привозившие различных королевских чиновников и офицеров; эти не так хорошо и без особой радости принимались горожанами и крестьянами — грубоватыми гонтийцами: королевские шерифы, являвшиеся с ревизией деятельности бейлифов и офицеров, призванных охранять покой и порядок, слышали немало жалоб и нареканий от простых людей; то и дело заявлялись сборщики податей; бывали и благородные гости, которых интересовала верность вассалов — мелких князьков с острова Гонт — им самим и его величеству королю Земноморья. Заезжали и различные волшебники всех мастей; их встречали повсюду, но, похоже, проку от них было мало, да и поговорить с ними как следует не удавалось.

— Мне кажется, что в конце концов они решили учинить настоящую охоту на нового Верховного Мага, — сказала Тенар.

— Или ищут вредных колдунов, — предположил Гед, — ведь колдовство теперь как бы сбилось с пути.

Тенар хотела было сказать: «Ну, тогда они непременно должны были бы заглянуть в поместье Лорда Ре Альби!», но язык ее словно прилип к гортани. «Что же это такое я сказать собиралась? — пыталась вспомнить она. — Неужели я никогда не рассказывала Геду... ах, я становлюсь забывчивой! Что же это такое я хотела ему сказать? Ах вот что: нам бы надо починить ворота на нижнем пастбище, пока коров на поскотину не выпустили».

Всегда находилась масса неотложных дел по хозяйству, которые заслоняли собой все остальное. «Одного дела тебе всегда мало», — говаривал когда-то Огион. Даже те-

перь, когда ей помогал Гед, все ее мысли и время были посвящены ферме. Он делил с ней и хлопоты по дому, чего Флинт не делал никогда; но Флинт был фермером, а Гед — волшебником. Он быстро учился всему, но учиться нужно было еще многому. Они все время работали. На бесе́ды же времени почти не оставалось. Вечером они вместе ужинали, потом вместе ложились спать и вместе просыпались на рассвете, снова принимаясь за работу, и так по кругу, по кругу — словно круги на воде, словно водяная мельница, что без конца поднимает полные ведра и опускает пустые, и дни изливались на землю, точно полные ведра прозрачной колодезной воды.

— Здравствуй, мать, — окликнул ее как-то тощий парень у ворот. Ей показалось, что это старший сын Ларк, и она приветливо спросила:

— Тебе чего, милый? — Она была занята: кормила кудахчущих кур и важных гусей. Потом вгляделась в него снова и крикнула: — Искорка! — и бросилась к нему, распугав птицу.

— Ну ладно, ладно, — сказал он. — Хватит тебе.

Он позволил ей поцеловать себя и даже погладить по щеке. Потом вошел в дом и сел в кухне за стол.

— Может, поешь? А Яблочко ты не видел?

— Поесть можно.

Она опрометью бросилась в битком набитую кладовую.

— Ты на каком корабле служишь? Все еще на «Чайке»?

— Нет. — Он помолчал. — С моим кораблем покончено.

Она в ужасе обернулась:

— Потонул?

— Нет. — Он невесело усмехнулся. — Команда разбежалась. А часть королевские офицеры арестовали.

— Но... это ведь был не пиратский корабль...

— Нет, не пиратский.

— Тогда почему же?..

— Сказали, что у капитана нашего как раз такие товары, какие им нужны, — неохотно отвечал Искорка. Он был такой же худой, как прежде, но повзрослел, загорел до черноты и стал очень похож на Флинта — прямоволосый, с длинным узким лицом. Только черты лица более жесткие. — А где отец? — спросил он.

Тенар окаменела.

— Ты у сестры так и не побывал?

— Нет, — равнодушно откликнулся он.

— Флинт умер три года назад, — сказала Тенар. — От удара. Прямо в поле — вернее, на тропинке, что ведет от загона с ягнятами. Его Чистый Ручей нашел. Три года уже прошло...

Повисло молчание. Он или не знал, что нужно говорить в таких случаях, или ему просто нечего было сказать.

Она наставила перед ним мисок и тарелок с едой. Он начал есть так жадно, что она тут же принесла еще.

— Ты когда ел-то в последний раз?

Он пожал плечами, продолжая жевать.

Тенар присела напротив него за стол. Была поздняя весна. Лучи солнца проникали в низенькое окошко и ложились полосами на стол, сверкали на бронзовой каминной решетке.

Наконец он оттолкнул от себя тарелку.

— Так кто ж фермой-то до сих пор занимался? — спросил он.

— А тебе-то что до этого, сынок? — спросила она его мягко, но довольно сухо.

— Ферма моя, — ответил он тоже довольно сухо.

Помолчав, Тенар встала и принялась убирать со стола.

— Да, это верно.

— Ты, конечно, можешь тоже тут оставаться сколько угодно, — сказал он как-то неловко; может быть, хотел пошутить? Нет, шутником он никогда не был. — А Чистый Ручей все еще здесь?

— Да, все они здесь. И еще один человек живет со мной. По имени Хок. И маленькая девочка, которую я воспитываю. Здесь. В этом доме. Тебе придется пока спать на чердаке. Я лестницу принесу. — Она снова посмотрела ему в лицо. — Так ты, значит, сюда надолго?

— Возможно.

Вот так и Флинт отвечал всегда на ее вопросы — в течение двадцати лет, как бы отрицая ее право их задавать и никогда не говоря ни «да», ни «нет», сохраняя при этом собственную свободу, основанную на ее неведении. Довольно-таки убогая, маленькая, совсем крошечная свобода, подумала Тенар.

— Бедный ты мой, — сказала она сыну, — команду твою разогнали, отец твой мертв, в доме твоем чужой — и

все в один день на тебя свалилось. Тебе понадобится время, чтобы к этому привыкнуть. Прости меня, сынок. Но я рада, что ты пришел. Я о тебе часто думала: как ты там, в море, особенно во время штормов, зимой.

Он ничего не ответил. Ему нечего было предложить ей, а принять хоть что-то в дар он был не в состоянии. Он оттолкнул свой стул и уже собирался встать из-за стола, когда вдруг появилась Терру. Полупривстав, он не мигая уставился на нее.

— Что это с ней случилось? — спросил он.

— Обожглась. Это вот мой сын, Терру, о котором я тебе столько рассказывала. Моряк. Его зовут Искорка. А это Терру, твоя младшая сестренка.

— Сестренка?

— Приемная.

— Сестренка! — снова повторил он и посмотрел по сторонам, словно призывал кого-то в свидетели; потом уставился на мать.

Она тоже смотрела на него, не отводя глаз.

Он встал, старательно обошел застывшую на месте Терру и громко хлопнул дверью на прощание.

Тенар начала было что-то объяснять девочке, но не выдержала.

— Не плачь, — сказала та. Сама она не плакала и, подойдя к Тенар, погладила ее по руке. — Он тебе сделал больно?

— Ах, Терру! Дай-ка я тебя обниму! — Тенар села у стола, взяла Терру на колени и крепко прижала к себе, хотя девочка была уже слишком большой, чтобы ее баюкали, как младенца, да и всегда в таких случаях старалась отстраниться. Но Тенар все обнимала ее и плакала, и Терру наконец склонила свое изуродованное лицо к ее плечу, прижалась щекой, и вскоре та и другая промокли от слез.

Гед и Искорка вернулись домой одновременно, но с противоположных концов фермы. Искорка, по всей очевидности, успел побеседовать с Чистым Ручьем и обдумать ситуацию, а Гед, что тоже было очевидно, только теперь пытался ее оценить. За ужином разговаривали крайне мало и настороженно. Искорка не возразил против

того, что его лишили собственной комнаты, но сразу после ужина взлетел по лестнице на чердак — сразу видно, моряк бывалый — и явно был доволен роскошной постелью, которую приготовила ему мать, потому что спустился к завтраку на следующий день лишь ближе к полудню.

Он сразу сел за стол, рассчитывая, что ему все будет подано. Его отцу всегда подавали еду мать, жена, дочь. Неужели он хуже? А может, мать хочет ему это доказать таким способом? Но она подала ему завтрак, потом убрала после него со стола и только тогда снова вернулась в сад, где они вместе с Терру и Шанди жгли пораженные гусеницами старые ветки, а то можно было погубить все молодые деревца.

Искорка прошел мимо них и присоединился к Чистому Ручью и Тиффу. И все последующие дни провел в основном в их компании. Всю тяжелую работу на ферме — уход за полевыми культурами и за овцами — делали Гед, Шанди и Тенар, а двое стариков, всю свою жизнь прожившие на этой ферме, приятели отца Искорки, повсюду водили парня с собой и рассказывали, как они одни справлялись со всей этой работой, и действительно начинали верить в это; и он тоже разделял с ними их ложную уверенность.

Тенар стала чувствовать себя в родном доме отвратительно. Только вне его стен, занимаясь привычной тяжелой работой, она испытывала некоторое облегчение; ее душили гнев и стыд из-за того, как вел себя Искорка, — из-за присутствия в доме собственного сына!

— Теперь мой черед! — горько сказала она Геду в их залитой лунным светом спальне. — Мой черед терять то, чем я больше всего гордилась.

— Что же ты потеряла?

— Своего сына. Которого не сумела воспитать настоящим мужчиной. Ничего у меня с ним не получилось. — Она прикусила губу, глядя во тьму сухими глазами.

Гед не стал спорить с ней или уговаривать не печалиться. Он только спросил:

— Как ты думаешь, он здесь останется?

— Да. Он боится снова идти в море. Он ведь так и не сказал мне правды, точнее, сказал правду о том, что сталось с его кораблем. Он был помощником капитана и, как мне кажется, занимался перевозкой краденого. И пере-

продажей. Не в этом, в общем-то, дело. Все гонтийские моряки — наполовину пираты и воры. Но он соврал мне. И продолжает врать. И ревнует к тебе, и завидует. Бесчестный, завистливый человек.

— Просто напуганный, по-моему, — сказал Гед. — Но не злой. И не такой уж дурной. И, кроме того, это ведь его ферма.

— Ну так пусть и забирает ее! И пусть она будет столь же щедра к нему, как...

— Нет, родная, — сказал Гед, пытаясь голосом и руками удержать ее гнев, — не говори так... не говори злых слов!

Его порыв был настолько искренним и страстным, что гнев Тенар обернулся вдруг любовью, ибо именно любовь и вызвала эту яростную вспышку гнева.

— Нет, не бойся, я не стану проклинать ни сына, ни ферму его!.. Я об этом даже не думала! Но мне так больно — и так стыдно! Ах как мне жаль, Гед!

— Нет, нет, нет! Милая, мне совершенно безразлично, что этот мальчик думает обо мне. Вот только с тобой он очень груб.

— И с Терру. Он обращается с ней так, будто... Он сказал... сказал мне: «Что это она натворила, что в такую уродину превратилась?» Что она натворила!..

Гед гладил ее по голове — как всегда, легкими, медленными, нежными прикосновениями, которые обычно нагоняли на них обоих сон и любовную негу.

— Я могу снова наняться пасти коз, — сказал он наконец. — Тогда тебе тут будет полегче. Разве что с работой...

— Я уж лучше пойду с тобой.

Он продолжал гладить ее по голове и размышлял вслух:

— Наверное, мы смогли бы уйти вместе. Там, наверху, над Лиссу в прошлый сезон было две семьи. Обе пары овец пасли. Но ведь после лета приходит зима...

— Может быть, наймемся к кому-нибудь. Я работать умею... и с овцами обращаться... а ты с козами... да и вообще ты во всякой работе ловкий...

— Хорошо с вилами управляюсь, — прошептал он, и она тихонько то ли засмеялась, то ли всхлипнула.

На следующее утро Искорка встал рано и завтракал со всеми вместе: он собрался на рыбалку со старым Тифом. Поев, он поблагодарил мать куда теплее, чем обычно, и пообещал:

— К ужину рыбы принесу.

Тенар к утру уже приняла решение и откликнулась:

— Погоди-ка, сынок. Сперва убери, пожалуйста, со стола. Грязную посуду поставь в таз и залей водой. А вечером я все вместе вымою.

Некоторое время он изумленно смотрел на нее, потом сказал:

— Это женская работа, — и надел свою шапку.

— Эту работу может делать любой человек, если он ест здесь.

— Но только не я, — равнодушно ответил сын и вышел на улицу.

Тенар пошла за ним следом. И остановилась на пороге.

— Значит, Хок может, а ты нет? — спросила она.

Он молча кивнул и пошел прочь через двор.

— Слишком поздно, — сказала она, возвращаясь в кухню. — Ничего у меня не получится. Я потерпела неудачу. — Она чувствовала, как лицо ее вдруг покрылось морщинами — вокруг рта, вокруг глаз — и застыло. — Можно сколько угодно поливать камень, — сказала она, — да только расти он не будет.

— Начинать нужно, непременно когда они молоды и нежны душой, — сказал Гед. — Как я, например.

Но на этот раз она его шутке даже не улыбнулась.

Вернувшись домой после целого дня работы, они увидели у ворот какого-то мужчину; он разговаривал с Искоркой.

— Это тот парень из Ре Альби, верно? — спросил Гед, который по-прежнему прекрасно видел.

— Пойдем, пойдем, Терру, — сказала Тенар, потому что девочка сразу же остановилась как вкопанная. — Какой еще парень? — Она была довольно близорука и щурилась, тщетно пытаясь разглядеть человека у ворот. — А, так ведь это, как его там, торговец овцами. Таунсенд! Чего это он сюда снова явился, стервятник паршивый?

Она весь день была чрезвычайно сердитой, так что Гед и Терру благоразумно промолчали.

Тенар первой обратилась к торговцу:

— Ты что, насчет ягнят выясняешь, Таунсенд? Так ты

на целый год опоздал; но у нас есть еще этого года, в овчарне.

— Так мне и хозяин сказал, — ответил Таунсенд.

— Да неужели? — удивилась Тенар.

Тон у нее был такой, что у Искорки потемнело лицо.

— Ну, в таком случае не стану вам с хозяином мешать, — сказала она и уже повернулась к ним спиной, когда Таунсенд окликнул ее:

— Я ведь к тебе снова с поручением, Гоха.

— Третий раз волшебный.

— Та старая ведьма, ну, ты знаешь, тетушка Мох очень больна. Она велела, раз уж я все равно иду в Срединную Долину, зайти к тебе и сказать, что она совсем плоха. «Скажи, — говорит, — госпоже Гохе, что я хотела бы повидать ее, прежде чем умру, если у нее такая возможность будет».

Стервятник, паршивый стервятник, думала Тенар, с ненавистью глядя на Таунсенда, который снова принес ей дурные вести.

— Она так сильно больна?

— Должно, помрет скоро. — И Таунсенд как-то странно подмигнул, что, вероятно, должно было означать сожаление. — Очень сильно всю зиму проболела, и все хуже ей, все хуже, вот она и велела передать тебе, что уж больно тебя видеть хочет, пока не померла.

— Спасибо, что весточку передал, — мрачно поблагодарила его Тенар, отвернулась и пошла к дому. А Таунсенд отправился с Искоркой к овчарням.

Пока готовили обед, Тенар сказала Геду и Терру:

— Я должна пойти.

— Конечно, — согласился Гед. — Пойдем все вместе, если хочешь.

— Правда? — Впервые за весь день лицо ее прояснилось, грозовые тучи, скрывавшие чело, чуть приподнялись. — Ах! — вырвалось у нее. — Как это... было бы хорошо!.. Я не решалась спрашивать, боялась, что может быть... Терру, а тебе не хочется вернуться назад, в тот маленький домик, где жил Огион? И, может быть, остаться там навсегда?

Терру застыла.

— Я тогда могла бы повидать свое персиковое деревце... — задумчиво произнесла она. — И еще там Вереск...

и Сиппи... и тетушка Мох... Бедная тетушка Мох! Ох, мне все время хотелось, так хотелось туда вернуться! Но почему-то казалось, что это неправильно. Здесь ведь ферма, она ухода требует... и вообще...

Тенар казалось, что есть и какая-то иная причина, по которой они не могли вернуться в домик Огиона, из-за чего она даже думать себе не позволяла об этом, даже сумела почти забыть, как сильно ей хочется туда вернуться; но, в чем бы ни заключалась эта причина, вспомнить она не могла, и повод для беспокойства исчез, ускользнул, словно тень, словно забытое слово.

— Интересно, ухаживает ли кто-нибудь из деревенских за тетушкой Мох? И послали ли они за лекарем? Она ведь единственная ведьма на Большом Утесе, но ведь в Порте Гонт и другие есть; они наверняка могли бы как-то помочь ей. Ах, бедняжка! Надо поскорее пойти туда... Сейчас, конечно, слишком поздно, но завтра прямо с утра, пораньше!.. А хозяин фермы пусть готовит себе завтрак сам!

— Он научится, — сказал Гед.

— Нет, и учиться не станет. Просто найдет себе какую-нибудь дуру, которая будет делать все для него. Ах! — Она оглядела знакомую кухню; лицо ее было светлым и одновременно каким-то свирепым. — Мне противно даже думать о том, что я оставлю ей этот стол, который скребла целых двадцать лет! Надеюсь, она это оценит!

Искорка пригласил Таунсенда к ужину, но ночевать торговец овцами отказался, хотя ему из вежливости это предложили. Его пришлось бы тогда укладывать на одну из их собственных постелей, а Тенар даже мысль об этом была неприятна. Она обрадовалась, когда он вышел за дверь, в синие весенние сумерки, и отправился ночевать к тем хозяевам, у которых обычно останавливался в деревне.

— Завтра утром мы уходим в Ре Альби, сын, — сообщила Тенар. — Хок, Терру и я.

Он взглянул на нее несколько испуганно.

— Просто так возьмете и уйдете?

— Да. Точно так же, как и ты — ушел и пришел, — ответила ему мать. — Теперь смотри, Искорка: вот шкатулка твоего отца. Там семь костяных пластинок и долговые расписки от старого Бриджмена, только он никогда не за-

платит, ему и платить-то нечем. Вот эти четыре андрадские пластинки Флинт получил, когда продал овечьи шкуры торговцу из Вальмута четыре года назад — ты тогда еще совсем мальчишкой был. Эти три — с Хавнора: нам ими заплатил Толли за участок земли у Верхнего Источника. Я уговорила твоего отца купить тот участок и помогала ему расчистить его и продать. Так что эти три пластинки я возьму себе — я их заработала. Остальное, как и сама ферма, принадлежит тебе. Ты здесь хозяин.

Высокий, худой, сын стоял перед ней и не сводил глаз со шкатулки.

— Возьми все. Мне это не нужно, — сказал он тихо.

— Мне тоже. Но все равно спасибо, сынок. Оставь себе эти четыре пластинки. Когда женишься, скажи своей жене, что это мой ей подарок.

Тенар поставила шкатулку на прежнее место — за большим блюдом на верхней полке буфета, где ее всегда хранил Флинт.

— Терру, ты соберись с вечера, потому что выйдем мы очень рано.

— Когда ты намереваешься вернуться? — спросил Искорка, и тон, каким он это спросил, вдруг напомнил Тенар того беспокойного хрупкого ребенка, каким ее сын был когда-то. Но ответила она так:

— Не знаю, милый. Если буду нужна тебе, то приду.

Она занялась сборами, вытащила дорожную обувь, потом спросила:

— Искорка, ты не мог бы кое-что для меня сделать?

Он угрюмо сидел у камина и неуверенно посмотрел на мать.

— Что?

— Сходи, не откладывая, в Вальмут и повидайся с сестрой. Скажи ей, что я вернулась на Большой Утес. И еще — если я буду ей нужна, пусть пошлет весточку.

Искорка кивнул. Он смотрел на Геда, который уже сложил свой небогатый скарб с той аккуратностью и ловкостью, какая присуща бывалым путешественникам; теперь же Гед расставлял на полках вымытые тарелки, чтобы оставить кухню в полном порядке. Потом сел напротив Искорки у очага и стал вдевать в специальные отверстия своего заплечного мешка еще одну веревку, стараясь затянуть его потуже.

— Для этого специальный узел есть, — сказал вдруг Искорка. — Морской.

Гед молча передал ему свой мешок, и Искорка, тоже молча, продемонстрировал, как завязывается этот узел.

— Вот, сам соскальзывает, видишь? — спросил он, и Гед кивнул.

Они вышли в путь, когда было еще совсем темно и холодно. Солнце поздно появляется на западной стороне горы Гонт, и лишь ходьба согревала их, пока солнце во всем своем великолепии не поднялось над громадой южных отрогов.

Терру шла в два раза быстрее, чем прошлым летом, но все равно им предстояло по крайней мере два дня пути. Ближе к полудню Тенар спросила:

— Ну что, попытаемся сегодня добраться до Дубовых Ручьев? Там есть что-то вроде постоялого двора. Мы там еще молоко пили, помнишь, Терру?

Гед смотрел вдаль с каким-то отсутствующим выражением лица.

— Я знаю одно хорошее местечко...

— Прекрасно, — сказала Тенар.

Незадолго до привала на ночь они вышли на тот верхний поворот дороги, с которого был виден Порт Гонт. Здесь Гед свернул с дороги прямо в лес. Закатное солнце посылало свои красно-золотые лучи, пронизывая сумрак, густеющий, между деревьями и под густыми ветвями. Они примерно с полчаса карабкались вверх без какой бы то ни было тропинки, заметной глазу, и наконец вышли на небольшой выступ или на вершину скалы, поросшую травой и укрытую от ветра деревьями и громоздящимися вокруг утесами. Отсюда хорошо видны были северные отроги, а между вершинами гигантских елей ясно просвечивало море. Стояла полная тишина, только порой в елях вздыхал ветер да горный жаворонок пел свою нескончаемую нежную песнь где-то в пронизанной вечерним солнцем вышине, чтобы с наступлением сумерек спуститься в свое гнездо, устроенное в никем не измятой траве.

Они поели хлеба с сыром и, отдыхая, смотрели, как из моря медленно поднимается мгла, окутывая склоны гор. Потом расстелили свои плащи и улеглись спать. Глубо-

кой ночью Тенар проснулась. Тенар — между Терру и Гедом. Где-то рядом ухала сова, мелодичное уханье напоминало удары колокола. А где-то вдали, в горах, ей вторила другая сова — словно эхо колокольного звона. Тенар решила: «Полюбуюсь, как звезды опускаются в море», однако почти мгновенно снова уснула, словно младенец.

Открыв глаза уже серым утром, она увидела, что Гед сидит с ней рядом, накинув на плечи плащ, и смотрит в просвет между деревьями куда-то на запад. Его темнокожее лицо казалось застывшим, исполненным глубокого молчания — таким она уже видела его когда-то давно, на берегу Атуана. Только сейчас глаза его смотрели в бесконечную даль, на запад так, словно видели что-то чудесное. Она посмотрела туда же и тоже увидела: наступал новый день, великолепие розовых и золотых тонов зари дивным образом отражалось в водах моря.

Гед повернулся к ней, и она сказала:

— Я любила тебя всю жизнь, с тех пор как впервые увидела.

— О ты, жизнь дающая, — едва слышно промолвил он, наклонился и поцеловал ее в губы и в грудь. Она на мгновение прижала его голову к себе. Потом оба встали, разбудили Терру, позавтракали и продолжили свой путь; однако, уже войдя в лес, Тенар один раз все-таки оглянулась на маленький приютивший их лужок, словно заклиная его хранить то счастье, которое она там испытала.

В первый день их основной целью было пройти как можно больше. Сегодня же они должны были добраться до Ре Альби. Так что Тенар думала в основном о тетушке Мох, прикидывая, что же такое могло приключиться со старухой и действительно ли она при смерти. Но день близился к концу, а путь уже был пройден немалый, и она перестала думать о тетушке Мох да и вообще о чем бы то ни было серьезном. Она очень устала, и ей очень не хотелось снова идти этой дорогой навстречу чьей-то смерти. Они миновали Дубовые Ручьи, вошли в узкую горловину ущелья и снова начали подниматься. На последнем прямом отрезке пути Тенар уже с трудом волочила ноги, а мысли в голове были одна глупее другой и все время путались, цепляясь то за какое-нибудь слово, то за какой-нибудь образ. То ей виделась полка с посудой в доме Огиона, то почему-то привязывались слова «костяной дельфин» (это из-за того, что она заметила травяную сумочку Терру с ее игрушками). Слова эти она повторяла про себя без конца, пока они почти не утратили всякий смысл.

Гед легко шагал по дороге походкой бывалого путника, и Терру не отставала от него — та самая Терру, которая еще в прошлом году вымоталась здесь до того, что ее пришлось нести на руках! Но тогда они тащились гораздо медленнее. И девочка еще только поправлялась после страшной своей болезни.

А она, Тенар, видно, стала слишком стара для столь долгих переходов. До чего же тяжело было подниматься вверх! Старухам следует сидеть дома, у очага. Костяной дельфин, костяной дельфин. Костяной, окостеневший, связанный, связующее заклятие... Костяной человечек и костяной зверек. Вон там они — ушли вперед и ждут ее. Она идет так медленно. Она смертельно устала. Тенар с огромным трудом преодолела последний участок пути и наконец догнала их там, где дорога шла по самому краю Большого Утеса. Над морем. Слева виднелись горбатые крыши Ре Альби, справа дорога поворачивала в господскую усадьбу...

— Сюда, — сказала Тенар.

— Нет, — возразила девочка, показывая налево, в сторону деревни.

— Нет, сюда, — повторила Тенар и двинулась направо. Гед последовал за ней.

Они шли меж садами, обрамленными ореховыми деревьями, и заросшими травой лугами. Был теплый, почти летний день. Птицы вовсю распевали среди ветвей. Он вышел на дорогу из Большого Дома и двинулся им навстречу — тот, чье имя она так и не могла вспомнить.

— Добро пожаловать! — сказал он и остановился, улыбаясь.

Они тоже остановились.

— Что за великие люди оказали своим приходом честь дому Лорда Ре Альби, — сказал он. Туахо — нет, это было не его имя. Костяной дельфин, костяной зверек, костяное дитя...

— Господин мой. Верховный Маг Земноморья! — Он низко поклонился, и Гед тоже поклонился ему в ответ.

— Госпожа моя. Леди Тенар с Атуана! — Ей он поклонился еще ниже, и она вдруг опустилась на колени, пря-

мо на дорогу, еще влажную от росы. Голова ее безвольно поникла, руки оперлись о землю, вся она скрючилась и даже лицом, даже губами коснулась той грязи, что была у него под ногами.

— Ну а теперь ползи, — сказал он, и она поползла к нему.

— Стой, — сказал он, и она остановилась.

— Говорить можешь? — спросил он.

Она ничего не сказала, у нее больше не было слов, что могли бы сорваться с губ, но тут Гед ответил своим обычным спокойным голосом:

— Да.

— Где чудовище?

— Не знаю.

— А я думал, что эта ведьма и своего выкормыша с собой притащит. Но вместо той твари притащила тебя, господин Верховный Маг по прозвищу Ястреб. Замечательная замена! Все, что я могу сделать для этой ведьмы и ее чудовища, — это очистить от них мир. Но с тобой, кто все-таки был нормальным человеком, я могу и поговорить, в конце концов, ты способен вполне разумно отвечать. И понять способен, за что тебя наказывают. Ты ведь считал, что находишься в безопасности, — разве не так? — когда твой король оказался на троне, а мой повелитель — наш повелитель! — был уничтожен? Ты считал, что твоя воля одержала победу, что ты уничтожил надежду на вечную жизнь, так ведь?

— Нет, — сказал Гед.

Она не могла его видеть.

Она могла видеть лишь грязь на дороге и чувствовать во рту ее вкус. Но услышала, как Гед говорит. Он сказал:

— *Жизнь после смерти...*

— Болтай себе, болтай, старые песни ты знаешь хорошо. Мастер с острова Рок — школьный учителишка! Что за дивное зрелище: Верховный Маг Земноморья, а с виду — вылитый козопас, в котором ни грана волшебного могущества... И этот «маг» ни единого волшебного словечка не помнит!.. Может быть, заклятие произнесешь, а, Верховный Маг? Хоть малюсенькое? Самое крохотное заклятие, самую простенькую иллюзию создашь? Нет? Ни единого словечка? Мой повелитель все-таки одержал над тобой победу! Теперь-то ты это понимаешь? Ты не смог

его победить. Его сила жива! Я могу на некоторое время оставить тебя в живых, чтобы ты видел, какова эта сила — моя сила! Чтобы ты видел, как я не даю смерти взять старика — и для этого могу и твою жизнь использовать, если понадобится; чтобы ты увидел, как твой настырный король сядет в лужу вместе со всеми своими лордами-приспешниками и глупцами с Рока, которые ищут какую-то женщину! Какая-то женщина! Чтобы женщина правила нами! Только править этим миром будут отсюда, хозяин Земноморья здесь, здесь, в этом доме. Весь год я собирал здесь оставшихся, тех, кто понимает, что такое настоящая сила и власть. Некоторых из них я вытащил с острова Рок, прямо из-под носа у собственных учителей. Некоторых — с Хавнора, из-под носа этого так называемого Сына Морреда, который жаждет правления женщины в Земноморье. Я увел их у твоего короля, который считает, что вокруг стало так безопасно, что он повсюду может называться своим Истинным Именем. Знаешь ли ты мое имя, о Верховный Маг? Помнишь ли ты меня, когда четыре года назад ты был величайшим из Великих Магов, величайшим из Мастеров, а я — всего лишь смиренным учеником на острове Рок?

— Ты звался Аспен, — сказал исполненный терпения голос Геда.

— А каково мое Истинное Имя?

— Этого имени я не знаю.

— Как? Ты его не знаешь? Разве ты не можешь вспомнить? Разве Великие Маги знают не все имена?

— Я не маг.

— Ах, скажи-ка еще разок!

— Я не маг.

— Мне нравится, как ты это говоришь. Скажи снова.

— Я не маг.

— Зато я маг!

— Да.

— Скажи это!

— Ты маг.

— Ах! Получилось куда лучше, чем я надеялся! Я готовился поймать угря, а поймал кита! Ну, пошли же, познакомьтесь с моими друзьями. Ты можешь идти. А она — пусть ползет.

И они пошли вверх по дороге к дому Лорда Ре Альби.

Тенар ползла на четвереньках, потом взобралась по мраморным ступеням крыльца, потащилась по мраморным полам вестибюля...

Внутри дома было темно. И тьма все плотнее окутывала душу Тенар, ибо она понимала все меньше и меньше из того, что говорилось вокруг. Лишь некоторые слова и отдельные голоса воспринимались ею отчетливо. Она, например, понимала то, что говорил Гед, и, когда он говорил, думала о его имени, всей душой своей цеплялась за это имя. Но Гед говорил что-либо очень редко и только тогда, когда отвечал на вопросы того, чье имя было не Туахо. Тот человек говорил время от времени и с ней, называл ее Сукой.

— Это моя новая собака, — пояснил он остальным мужчинам; некоторые из них все время оставались во тьме, там, где от свечей пролегали тени. — Посмотрите, как она хорошо натаскана. Ну-ка, перевернись! — И она переворачивалась, и мужчины смеялись.

— У нее и щенок есть, — говорил он. — Которого нужно было наказать как следует, а то его бросили, зажарив только наполовину. Но собака моя принесла мне отличную птичку — взамен своего щенка. Ястребка поймала! Завтра мы поучим эту птичку летать.

Другие мужские голоса произносили какие-то слова, но она больше никаких слов не понимала.

Ее шею чем-то перевязали, а потом снова заставили ползти по ступеням бесконечных лестниц и загнали в какое-то помещение, где пахло мочой, гнилым мясом и еще чем-то сладковатым. Голоса что-то бубнили вокруг. Холодная, как камень, рука слегка стукнула ее по голове, и чей-то голос засмеялся: «Хе-хе-хе» — словно скрипнула старая дверь, болтающаяся на ржавых петлях. Потом ее пнули ногой и заставили ползти обратно в вестибюль. Она не могла уже ползти достаточно быстро, так что ее еще раз пнули в грудь и в лицо, попав по губам. Потом перед ней оказалась дверь, потом дверь захлопнулась, и она очутилась в тишине и темноте. И, услышав, как кто-то плачет, решила: это ребенок, ее ребенок. Ей очень хотелось, чтобы ребенок перестал плакать. И наконец все прекратилось.

14

ТЕХАНУ

Девочка, свернув налево, успела уже немного пройти по дороге, прежде чем оглянулась назад и спряталась за цветущей зеленой изгородью.

Человек по имени Аспен, чье Истинное Имя было Эризен и кого она воспринимала как раздвоенную и корчащуюся темную тень, связал ее мать и отца ремнем, пропущенным сквозь язык Тенар и сквозь сердце Геда, и повел их туда, где прятался сам. Ее тошнило от запаха его логова, но она все-таки немного прошла за ними следом, чтобы посмотреть, что он будет делать дальше. Он впустил Тенар и Геда внутрь и закрыл за ними дверь. Дверь была из камня. Она не могла войти туда.

Ей совершенно необходимо было полететь, но летать она не могла: она не принадлежала к тем, кто обладал крыльями.

Тогда она побежала так быстро, как только могла, — прямо через поля, мимо дома тетушки Мох, мимо дома Огиона, мимо сарая с козами — прямо на тропу, ведущую вдоль края утеса, куда ей запрещено было ходить, потому что она могла видеть только одним глазом. Но она была очень осторожна и этим своим глазом смотрела очень внимательно. Она остановилась на самом краю обрыва. Где-то далеко внизу плескалась вода, а у линии горизонта садилось солнце. Она посмотрела в сторону далекого запада своим единственным зрячим глазом и совсем иным, чем у девочки Терру, голосом призвала Истинным Именем того, чье имя слышала во сне своей матери Тенар.

Она не стала ждать ответа, но просто пошла назад — сперва пройдя мимо дома Огиона, чтобы посмотреть, как выросло ее персиковое деревце. Старое дерево было на прежнем месте, увешанное множеством маленьких зеленых плодов, но нигде не было видно даже следов юного ростка. Его, видно, давно съели козы. Или деревце просто засохло, потому что она его не поливала. Она немного постояла, глядя в землю, на то место, где рос юный персик, глубоко вздохнула и пошла через поля к дому тетушки Мох.

Куры уже усаживались на насест; они заквохтали и зашумели, негодуя по поводу ее вторжения. Маленький домик был, как всегда, погружен в полутьму и насквозь пропитан всякими запахами.

— Тетушка Мох! — окликнула она тем своим голосом, каким пользовалась при этих людях.

— Кто там?

Старуха лежала в постели, спрятавшись под одеялом. Она была ужасно напугана и все пыталась создать вокруг себя волшебную стену, чтобы никто не мог до нее добраться, но стена не получалась: тетушке Мох не хватало сил для такого колдовства.

— Кто там? Кто пришел? Ох, это ты, моя дорогая... милая моя девочка, малышка моя поджаренная, красавица моя!.. А что ты здесь делаешь одна? Где Тенар, где твоя мать? Она тоже здесь? Она вернулась? Не входи, не входи, милая! Я проклята! Он наложил страшное заклятие на старую женщину! Не подходи ко мне близко! Не подходи!

Тетушка Мох плакала. Девочка протянула руку и коснулась ее.

— Ты совсем холодная, — сказала она.

— А ты горишь, как огонь, детка, твоя рука прямо жжется. Ох, не смотри на меня! Он сделал так, что плоть моя гниет, тело мое съеживается, но умереть он мне не дает — говорит, что я сперва должна привести к нему тебя. Я пробовала умереть, несколько раз пробовала, но он держит мою жизнь в своих руках, оставляет меня в живых против моей воли, не позволяет мне умереть! Ах, позвольте мне умереть!

— Ты вовсе не должна умирать, — сказала девочка, нахмурившись.

— Детка, — прошептала старуха, — милая моя... назови ты меня... назови меня моим подлинным Именем.

— Хатха, — сказала девочка.

— Ах! Я знала... Отпусти меня на волю, милая!

— Нужно подождать, — сказала девочка. — Пока они не придут.

Ведьма лежала, немного успокоившись, и дышала уже не так трудно.

— Кто это «они», кто это «они», милая? — прошептала она.

— Мой народ.

Длинные холодные пальцы тетушки Мох лежали, словно связка палочек, в руке девочки. Она крепко сжимала их. Теперь за стенами домика стало так же темно, как и внутри его. Хатха, которую остальные звали «тетушка Мох», уснула; и вскоре девочка, сидевшая на полу возле ее лежанки, и устроившаяся у нее под боком несушка уснули тоже.

Мужчины вошли к ней вместе со светом. ОН сказал:

— А ну-ка, вставай!

Она встала на четвереньки. ОН засмеялся, приговаривая:

— Вставай! Вставай! Ты — сука умная, можешь и на задних лапах ходить, правда? Вот так. Человеком притворяешься? А теперь нам нужно кое-куда пойти. А ну-ка, пошли!

Ошейник с поводком все еще был у нее на шее, и ОН дернул за поводок. Она пошла за ним следом.

— Эй, а ну-ка, веди ее сам! — сказал ОН, и теперь рядом оказался другой, тот, которого она любила, но больше не помнила, как его имя, и он вел ее за поводок.

Все вместе они вышли из темного дома. Камни дверей разверзлись и выпустили их, а потом снова сомкнулись у них за спиной.

ОН все время шел за ней по пятам, как и тот, что вел ее за поводок. Остальные чуть отстали — еще трое или четверо мужчин.

Поля были серыми от росы. Темный силуэт горы вырисовывался на фоне бледного неба. В садах и на зеленых изгородях начинали петь птицы. Все громче и громче.

Они подошли, казалось, к самому краю этого мира и пошли вдоль края, пока не достигли такого места, где земля превратилась в один лишь камень, а краешек, по которому они шли, стал очень узким. На скале была проведена черта, и она посмотрела на эту черту.

— Пусть столкнет ее, — сказал ОН, — а потом и сам пусть летит, если сможет, ястреб этот.

ОН отстегнул поводок.

— Иди и встань на краю, — велел ОН.

Она пошла к той черте. Внизу было море, и больше ничего. Над морем — только небо, только воздух.

— Ну а теперь Ястребок ее подтолкнет, — проговорил ОН. — Но сперва спросим: может, она захочет что-нибудь сказать? У нее ведь так много важных мыслей. У всех женщин их много. Разве вы ничего не хотите нам сказать, леди Тенар?

Говорить она не могла, но указала в небо над морем.

— Подумаешь, альбатрос, — сказал ОН.

Она громко рассмеялась.

И тут в потоках света из небесных врат вылетел огромный дракон — кольца дыма, языки пламени, броня чешуи! Тенар наконец заговорила.

— Калессин! — крикнула она и, схватив Геда за руку, быстро оттолкнула его назад, к скале, за скалу, потому что ревущее пламя пронеслось прямо у них над головой, раздался металлический шелест чешуи, зашипел ветер в распростертых крыльях, чудовищные когти клацнули по камням, словно лезвия кос...

С моря дул ветер. Крохотный пушистый кустик чертополоха, росший в расщелине между камнями возле руки Тенар, все кивал и кивал ей под порывами ветра.

Гед был с ней рядом. Они распластались на камнях, прижавшись друг к другу, за их спинами внизу плескалось море, а перед ними был дракон.

Дракон смотрел на них чуть искоса одним своим длинным желтым глазом.

Гед вдруг заговорил хриплым дрожащим голосом на том языке, на каком говорят все драконы, и Тенар понимала его: «Мы благодарны тебе, о Старейший».

Глядя на Тенар, Калессин заговорил — загудел, словно по огромной металлической тарелке ударили молотом:

— *Аро Техану?*

— Девочка моя, — сказала Тенар, — Терру! — и вскочила, чтобы бежать, чтобы искать свою бедную малышку. И увидела, как та спешит по самому краешку обрыва прямо к дракону.

— Не беги, Терру! Осторожней! — крикнула она, но девочка уже увидела ее и, конечно же, бросилась бежать — и угодила в объятия Тенар. Они крепко прижались друг к другу.

Дракон повернул свою немыслимо огромную, словно покрытую темной ржавчиной голову, чтобы видеть их

обеих как следует. Ямы его ноздрей, огромные, точно котлы, были полны яркого жаркого пламени; время от времени оттуда вырывались клубы дыма. Жар, исходивший от тела дракона, делал почти неощутимым даже ледяной ветер, дувший с моря.

— *Техану,* — сказал дракон.

Девочка повернулась и посмотрела на него.

— *Калессин,* — сказала она.

Тогда Гед, до сих пор стоявший пред драконом на коленях, поднялся в полный рост, дрожа и пошатываясь. Чтобы удержаться на ногах, он ухватился за руку Тенар и засмеялся.

— Теперь я знаю, кто позвал тебя, о Старейший! — сказал он.

— Я позвала, — сказала девочка. — Я же не знала, как еще вам помочь, Сегой.

Она не сводила с дракона глаз и говорила на Языке Созидания, легко произнося каждое слово.

— Ты хорошо поступила, дитя мое, — сказал ей дракон. — Я долго искал тебя.

— А сейчас мы полетим туда? — спросила девочка. — Туда, где все остальные? Туда, где дуют другие ветры?

— А тебе хочется все это покинуть?

— Нет, — сказала девочка. — А разве они не могут полететь с нами?

— Нет, не могут. Их жизнь — здесь.

— Я останусь с ними, — сказала она, чуть вздохнув.

Калессин отвернулся, чтобы выдохнуть из своей чудовищной топки то ли огненный вздох удовлетворения, то ли смех, то ли гнев — «Ха!» Потом, снова посмотрев на девочку, сказал:

— Это хорошо. У тебя здесь много работы.

— Я знаю, — ответила она.

— Я прилечу за тобой, — сказал ей Калессин. — Со временем. — И обернулся к Геду и Тенар: — Я отдаю вам свое дитя, как вы отдадите мне свое.

— Со временем, — сказала Тенар.

Огромная голова Калессина едва заметно склонилась — это он кивнул — и огромная пасть раздвинулась в улыбке, обнажив немыслимые зубы величиной с меч; уголки губ чуть приподнялись.

Гед и Тенар вместе с Терру отошли как можно дальше, пока дракон разворачивался на краю утеса, волоча свои чешуйчатые доспехи по скалам и аккуратно умащивая когтистые лапы; потом он напружинил черные ляжки, словно кошка перед прыжком, и как бы сорвался с обрыва. Перепончатые крылья сверкнули алым в свете юной зари, шипастый хвост со свистом стегнул по камням, дракон взлетел и исчез — словно чайка над морем, словно ласточка в небе, словно мысль.

Там, где он только что был, лежали лишь обгорелые лохмотья, куски кожи, что-то еще...

— Пошли отсюда, — сказал Гед.

Но женщина и девочка все никак не могли оторвать глаз от страшного пятна на камнях.

— Это все каменные люди, — сказала Терру. Отвернулась первая и двинулась прочь. Она шла по узкой тропе впереди мужчины и женщины.

— Это ее родной язык, — сказал Гед. — Язык ее матери.

— Техану, — сказала Тенар. — Ее имя Техану.

— Оно было дано ей великим Ономатетом.

— Она всегда была Техану, с самого начала! Всегда, всегда она была Техану!

— Пошли скорей, — сказала им девочка, оглядываясь. — Тетушка Мох больна.

Они успели вытащить тетушку Мох на воздух, на солнышко, промыть ее болячки и пролежни, сжечь прогнившие простыни, пока Терру бегала за чистыми простынями в дом Огиона. Заодно она привела с собой и пастушку Вереск. С помощью пастушки они удобно устроили старуху в постели, в окружении любимых цыплят и кур; Вереск тут же ушла, пообещав принести им что-нибудь поесть.

— Кому-то нужно сходить вниз, в Порт Гонт, — сказал Гед, — за тамошним волшебником. Чтобы он позаботился о тетушке Мох; ее не так уж трудно исцелить. И еще нужно сходить в поместье Лорда. Теперь старый Лорд умрет. А его внук, напротив, будет жить, и жить нормально. Если в доме хоть немного прибрать... — Он сидел на пороге домика тетушки Мох, прислонившись виском к

дверному косяку, и грелся на солнце, закрыв глаза. — Почему, ну почему мы совершаем все наши поступки? — спросил он.

Тенар долго мыла руки, лицо, плечи в тазу с чистой водой, которую только что набрала в колодце. Вымывшись, она огляделась. Совершенно выбившись из сил, Гед так и заснул на крылечке, повернув лицо навстречу солнечным лучам. Она села с ним рядом и положила голову ему на плечо. «Неужели нас помиловали? — подумала она. — Как это так получилось, что нас оставили в живых?»

Она посмотрела вниз: рука Геда, расслабленная и повернутая ладонью вверх, лежала на земляной ступеньке. Она вспомнила о крохотном пушистом кустике чертополоха, что трепетал на ветру, и о когтистой лапе золотисто-красного дракона. Она почти задремала, когда рядом с ней присела девочка.

— Техану, — прошептала Тенар.

— А мое маленькое деревце погибло, — сообщила ей девочка.

Несколько мгновений потребовалось усталому и сонному мозгу Тенар, чтобы осознать, что случилось, и она наконец достаточно проснулась, чтобы спросить девочку:

— А на старом дереве персики есть?

Они разговаривали очень тихо, чтобы не разбудить спящего Геда.

— Только очень маленькие, зеленые.

— Они созреют — после Долгого Танца. Теперь уже скоро.

— Можно нам тогда посадить еще одну косточку?

— Столько, сколько захочешь. А в доме все в порядке?

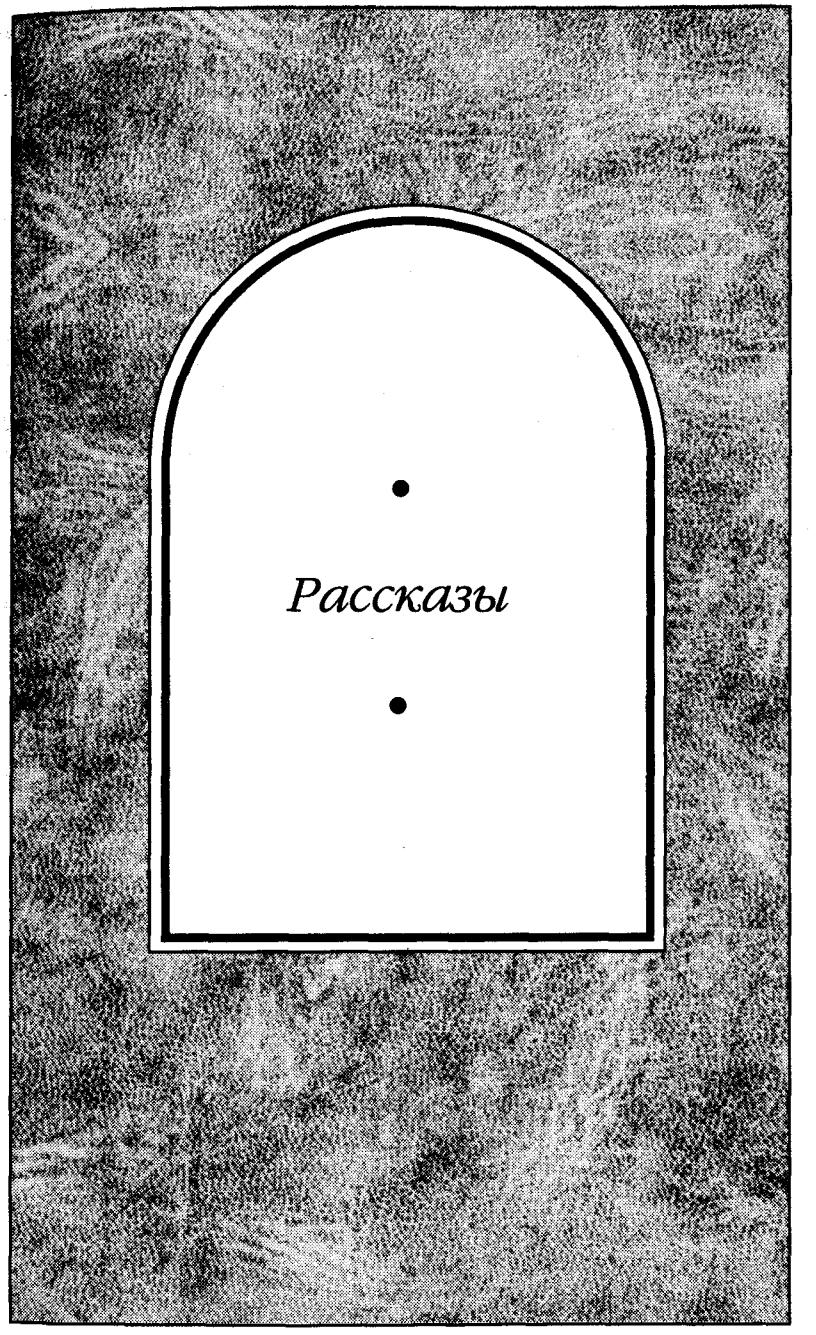
— Там очень пусто.

— Ну что, останемся тут жить? — Тенар чуть приподнялась и, обняв девочку, прижала ее к себе. — У меня есть деньги, — сказала она. — Хватит, чтобы купить стадо коз и зимнее пастбище у Турби, если он его еще продает. Гед знает, как и где нужно пасти коз в горах летом... Интересно, та шерсть, которую мы тогда собирали, сохранилась? — И она вдруг подумала: «Мы же забыли Книги! Книги Огиона! На каминной полке. Мы оставили их Ис-

корке на Дубовой Ферме — ах, бедный парень, он не сможет в них прочесть ни слова!»

Но это, похоже, не имело теперь такого уж значения. Теперь появились новые вещи, которым, безусловно, нужно еще учиться. А потом она кого-нибудь пошлет за Книгáми, если они понадобятся Геду. И за своим веретеном. Или сама сходит туда, в долину — попозже, осенью — и повидается с сыном, зайдет к Жаворонку, немножко поживет у Яблочка. А прямо сейчас им нужно заняться садом и огородом Огиона, если они хотят, чтобы в этом году были свои овощи на зиму. Тенар вспомнила о длинных грядках бобов, о запахе цветущего сада. И еще — о маленьком окошке, выходящем на запад.

— Я думаю, мы сможем здесь жить, — твердо сказала она.

Шкатулка, в которой была тьма

По мягкому песку, по самой кромке моря шел, не оставляя следов, маленький мальчик. В ярко-синем, лишенном солнца небе кричали чайки, в несоленом море плескалась и играла форель. Далеко, почти у самой линии горизонта, гигантский морской змей на миг взвился над водой, изогнушись семью великолепными арками, и тут же снова исчез в море. Мальчик посвистел ему, но змей больше не появился — был занят охотой на китов. Мальчик пошел дальше, не отбрасывая тени, не оставляя следов, по узкой полоске песка, намытого между прибрежными утесами и морем. Впереди показался поросший травой, далеко выдающийся в море мыс. На нем примостилась хижина. Пока мальчик карабкался к ней по крутой тропинке, хижина, поджидая его, радостно подпрыгивала и потирала одну об другую свои передние лапы. При этом она была похожа то ли на большую муху, то ли на довольного адвоката в зале суда. А вот стрелки часов в домике никогда даже не шевелились и вечно показывали десять минут одиннадцатого.

— Что это у тебя там, Дики? — спросила мальчика его мать и бросила в рагу из кролика веточку петрушки и щепоть перца. Рагу на плите исходило аппетитным паром.

— Коробочка, ма.

— Где ж ты ее нашел?

Еще один член семьи, материн черный кот, тихо скользнул вниз с балки, украшенной связками лука, и, словно лисий воротник, обвился вокруг шеи ведьмы, сообщив:

— У моря.

Дики кивнул:

— Это правда. Море выкинуло ее на берег.

— А что там внутри?

Кот говорить ничего не стал, только замурлыкал. Ведьма обернулась и глянула в круглое лицо сынишки.

— Что же там внутри? — повторила она.

— Тьма.

— Да? Дай-ка посмотреть.

Она нагнулась, и кот, по-прежнему мурлыча, зажмурился. Осторожно прижимая шкатулочку к груди, мальчик чуть-чуть приоткрыл крышку.

— Верно, — подтвердила его мать. — Убери-ка ее подальше, чтобы кто-нибудь нечаянно на пол не уронил. Интересно, куда это ключ от нее подевался... А теперь беги и мой руки. Столик, накройся!

И пока малыш возился во дворе с тяжелым насосом, мыл руки и лицо, домик наполнился звоном тарелок, вилок, ножей.

Потом мать прилегла отдохнуть, а мальчик потихоньку взял с полки, где хранились его сокровища, отполированную морем и инкрустированную песком и ракушками шкатулочку и пошел с ней куда-то в дюны, в противоположную от моря сторону. По пятам за ним следовал черный материн кот, терпеливо пробираясь по песку между стеблями колючей травы. Тень была только у него.

На вершине холма принц Рикард обернулся в седле и посмотрел назад, на плюмажи и знамена своего войска, узкой лентой растянувшегося по дороге. Дорога вела от украшенных башнями крепостных стен столицы к морю. Правителем этого королевства был отец Рикарда. Под лишенными солнца синими небесами город в долине мерцал и переливался подобно жемчужине и казался таким же хрупким. Здания и крепостные стены не отбрасывали тени. Снова увидев, сколь прекрасна столица, Рикард твердо решил, что она никогда и никем не будет захвачена! Сердце его запело от гордости. Он велел офицерам двигаться быстрее и поторопить воинов, а сам пришпорил своего белого коня, тот заржал и, словно ветер, рванул вперед. Грифон, любимец принца, с пронзительным воплем тут же спикировал с высоты, злобно щелкнув клювом прямо перед носом у жеребца, — он вечно дразнил его, успевая, однако, каждый раз увернуться, когда разъяренный конь пытался укусить грифона за змеиный хвост или ударить своими серебряными копытами. Потом грифон с чудовищным кудахтаньем и ревом совершил над дюнами круг

и снова стремительно спикировал. Так он мог забавляться без конца. Опасаясь, что зверь переутомится еще до начала битвы, Рикард привязал его, и тот полетел с ним рядом вполне спокойно, то что-то мурлыча по-кошачьи, то щебеча по-птичьи.

Наконец перед Рикардом открылось море; где-то там, среди утесов, скрывался отряд врага под предводительством его родного брата. Дорога теперь шла вниз по песчаным дюнам, море мелькало то справа, то слева, все ближе и ближе. Внезапно дорога кончилась; белый конь взлетел над трехметровым обрывом и с топотом приземлился на песчаном пляже. Дюны остались позади; перед Рикардом длинной стеной стояло вражеское войско, а в море виднелись три корабля под черными парусами. Его собственные воины пока еще не все миновали обрыв. Один за другим скатывались они на пляж, и голубые флаги в их руках колыхал морской ветер, а шум волн заглушал голоса. Без малейшего предупреждения, без какого бы то ни было сигнала оба отряда сошлись врукопашную. С громким пронзительным воплем грифон взмыл в воздух, выдернув из рук Рикарда поводок, и, словно ястреб, разинув клюв, распростерши крылья, ринулся с небес на высокого человека в сером плаще, предводителя вражеского войска. Однако тот успел выхватить меч. И когда железный клюв грифона, скользнув по его плечу, попытался достать горло, стальной клинок взлетел и вонзился в грифоново брюхо, вспарывая его. Грифон конвульсивно дернулся, согнулся в воздухе пополам и рухнул прямо на человека в сером, выбив его из седла. Чудовищный зверь беспорядочно хлопал мощными крыльями, пронзительно кричал и пятнал песок черной кровью. Высокий человек в сером, шатаясь, поднялся на ноги и, взмахнув мечом, отсек грифону голову и крылья. Сам он ничего не видел из-за запорошившего глаза песка и заливавшей лицо крови, так что заметил Рикарда только тогда, когда меч его уже завис над ним. По-прежнему молча человек в сером обернулся и своим еще дымящимся от крови грифона мечом отразил удар. Потом попытался рубануть по ногам белого коня, но это ему не удалось: конь попятился, заржал и, встав на дыбы, ринулся на врага. Снова меч Рикарда блеснул в воздухе над головой высокого челове-

ка, и тот вдруг почувствовал, как руки его наливаются свинцовой усталостью, а легкие с трудом хватают воздух. Рикард пощады не знал. В последний раз высокий человек сделал выпад, и тут же разящий меч брата ударил его прямо в лицо. Он упал совершенно беззвучно. Коричневатые фонтанчики песка, взметнувшись из-под копыт белого жеребца, засыпали его распростертое тело, а Рикард, развернувшись, направил коня в самую гущу сраженья.

Вражеские воины упорно наступали, но ряды их редели, их теснили к воде, и наконец последние человек двадцать, рассыпавшись в разные стороны, что было сил бросились к кораблям, навстречу высоким волнам прибоя. Рикард громко приказал своим воинам собраться вокруг него, и все живые подошли к нему, перешагивая через трупы врагов, а тяжелораненые подползли на четвереньках. Все, кто мог стоять на ногах, построились у подножия дюны, на вершине которой стоял Рикард. За его спиной на волнах моря покачивались три черных корабля, весла были спущены на воду.

В полном одиночестве Рикард сел на густую траву, покрывавшую вершину холма, и закрыл руками лицо. Рядом с ним, словно каменное изваяние, застыл белый жеребец. Внизу молча стояло его войско. На песке у воды лежал с окровавленным лицом высокий человек, а рядом — мертвый грифон. Чуть поодаль лежали еще мертвые, их остановившиеся глаза глядели в ясное небо, где никогда не бывало солнца.

Легкий ветерок с шуршанием прошелся меж песчаных холмов. Рикард поднял голову; юное лицо его было мрачно. Он подал знак своим офицерам, вскочил в седло и неспешно пустился в обратный путь, к столице, не оглядываясь и не желая видеть ни того, как пристанут к берегу черные корабли, ни того, как его войско, окончив построение, двинется за ним следом. Когда оживший грифон с пронзительным криком снова ринулся к нему с высоты, он привычно поднял обтянутую перчаткой руку, улыбаясь огромному зверю, который пытался угнездиться на запястье хозяина, хлопая крыльями, как курица, и вопя, словно мартовский кот.

— Эх ты, непослушный! — сказал Рикард. — Ну что

раскудахтался? Ступай-ка к своим цыплятам! Тоже мне, наседка.

Чудовище, оскорбившись, взмыло в небеса и понеслось на широких своих крыльях к столице. За принцем, немного отставая, тянулось его войско, но никто не оставлял на песчаной дороге ни единого следа. И позади светло-коричневый песок на берегу снова лежал плотным слоем: на нем не осталось ни единого следочка, ни единого пятнышка. Черные корабли с черными поднятыми парусами уже готовы были к отплытию. На носу первого стоял мрачный высокий человек в сером плаще.

Желая поскорее попасть домой, Рикард свернул и проехал мимо хижины на четырех птичьих ногах, стоящей на мысу. Ведьма махнула ему рукой с порога. Рикард еще раз свернул и, натянув поводья, остановился точно у ворот. Он смотрел на молодую ведьму. Она была очень красива, с черными, как уголь, волосами, развевавшимися на морском ветру. И смотрела прямо на принца в белых доспехах, верхом на белом коне.

— Принц Рикард, — сказала вдруг ведьма, — что-то уж больно часто участвуешь ты в сражении.

Он рассмеялся:

— Что же мне делать? Позволить брату осадить столицу?

— Да, позволь. Все равно ведь никто не может взять столицу штурмом.

— Я знаю. Но отец мой и наш государь сослал брата, и теперь тот не смеет даже ногой ступить на берег нашего королевства. А я — солдат. Я подчиняюсь своему королю. И своему отцу. По его приказу иду я в бой.

Ведьма долго смотрела в морскую даль, потом снова взглянула на юношу. Ее темнокожее лицо вдруг как-то осунулось, высокий лоб от переносицы вздымался, словно корона, глаза сверкали.

— Подчиняйся, но заставляй и других подчиняться себе. Командуй другими, но слушайся и чужих приказов... Твой брат не пожелал ни подчиняться, ни командовать... Ой, принц, берегись... — Лицо ее снова помолодело, потеплело и стало очень красивым. — Нынче утром море дарит странные подарки, дуют странные ветры, трескаются мои магические кристаллы... Берегись!

Мрачно, но благодарно поклонился он ей, пришпо-

рил коня и скрылся вдали — весь в белом, похожий на чайку над длинной дюной.

Ведьма вернулась в дом и стала проверять, все ли там в порядке: летучие мыши и связки лука под потолком, котелки на плите, коврики на полу, метлы в углу, сушеные мухоморы и волшебные прозрачные кристаллы, которые сегодня вдруг все покрылись трещинами, тоненький серпик месяца, подвешенный к каменной трубе, древние Книги и старинный ее приятель кот... Она еще раз все осмотрела, а потом вдруг выбежала на улицу с криком:

— Дики!

С запада дул сильный холодный ветер, низко клонил к земле пышные травы.

— Дики!.. Кис-кис-кис!..

Ветер сорвал с губ ее голос, подхватил его, разодрал на клочки и унес прочь.

Ведьма щелкнула пальцами. Из двери со свистом вылетела метла и замерла, зависнув невысоко над землей, а сам домишко, словно от волнения, затрясся и закудахтал.

— Заткнись! — рявкнула ведьма; дверь домика тут же послушно закрылась, кудахтанье стихло. Сев на метлу верхом, ведьма плавно взлетела и понеслась над песчаным пляжем на юг, то и дело призывая: — Дики!.. Эй, котик! Кис-кис-кис!

Молодой принц, нагнав свое войско, спешился и пошел рядом со всеми. Выйдя за последний поворот, они увидели внизу, в долине, столицу. Неожиданно кто-то потянул принца за плащ.

— Принц Рикард...

Маленький мальчик — совсем малыш, еще не успевший утратить младенческую пухлость и розовощекость, — стоял и чуть-чуть обиженно смотрел на него, держа в руках старенькую, потертую, облепленную песком шкатулочку. Рядом с ним сидел какой-то странный черный кот и во весь рот улыбался.

— Море принесло ее... для нашего принца — правда, правда!.. Пожалуйста, возьми ее! — И мальчик протянул шкатулку Рикарду.

— А что в ней такое?

— Тьма, господин мой.

После недолгих колебаний Рикард чуть приоткрыл шкатулку и заглянул в щелку.

— Она просто изнутри выкрашена черным, — сказал он с усмешкой.

— Нет, принц, честное слово, не выкрашена! Открой пошире!

Рикард осторожно приподнял крышечку на палец и снова глянул внутрь. Потом быстро захлопнул шкатулку, потому что малыш испуганно вскрикнул:

— Только смотри, чтобы ветер не унес ее, принц!

— Я передам это нашему королю.

— Но я подарил ее тебе, господин мой...

— Все подарки моря принадлежат королю. И все равно — спасибо, малыш. — Они некоторое время внимательно смотрели друг на друга — маленький пухлощекий мальчик и сильный, стройный, красивый юноша. Потом Рикард повернулся и быстро пошел дальше, а Дики потащился назад, вниз по склону холма, молчаливый, подавленный и безутешный. Еще издалека, откуда-то с юга, устышал он зов матери и попробовал ей ответить, но ветер нарочно унес все слова в другую сторону, да и приятель его, кот, куда-то вдруг запропастился...

Бронзовые ворота распахнулись перед входящим в город войском. Залаяли сторожевые псы, стражники подтянулись и выпрямились, городской люд низко кланялся, когда белый конь Рикарда промчался, стуча копытами, по мраморным улицам прямо во дворец. Там принц, как всегда, взглянул на большие бронзовые часы на самой высокой из девяти белых башен, украшавших стены королевского дворца. Недвижимые стрелки показывали десять минут одиннадцатого.

В Тронном зале принца ждал отец — свирепого вида седовласый человек в железной короне. Он восседал на троне, вцепившись пальцами в железные подлокотники, которые оканчивались головами чудовищных химер. Рикард преклонил колена, низко опустил голову и, даже не взглянув в лицо отцу, сообщил ему об одержанной победе:

— Изгнанник мертв; погибла большая часть его войска; остальные бежали на своих кораблях.

В ответ послышался скрипучий голос короля — будто дверь отворилась на ржавых, давно не смазанных петлях:

— Поздравляю с удачей, принц.

— Я принес тебе подарок моря, о мой король. — По-прежнему не поднимая головы, Рикард протянул отцу деревянную шкатулку.

Глухое рычание донеслось из пасти одной из железных химер.

— Да, это моя шкатулка! — Король так резко выкрикнул это, что Рикард даже на минутку поднял глаза и с изумлением увидел, что у всех химер оскалены пасти, а глаза короля яростно сверкают.

— Потому-то я и принес ее тебе, о мой король.

— Она моя... это я подарил ее морю, я принес ему этот дар! А море выплюнуло его обратно... — Король долго молчал, потом сказал, как бы чуть смягчившись: — Что ж, возьми ее себе, мой принц. Морю она не нужна, мне — тоже. Теперь шкатулка в твоих руках! Храни же ее... закрытой. Храни ее закрытой, принц!

Рикард, по-прежнему не поднимаясь с колен, еще ниже склонил голову, рассыпаясь в благодарностях, потом поднялся и пошел к дверям, так больше ни разу и не посмотрев на короля, своего отца. Когда он спустился по ярко освещенной парадной лестнице, офицеры и придворные сразу же собрались вокруг, как всегда готовые расспросить его о результатах битвы, пошутить, поболтать и выпить. Но принц прошел мимо, не сказав ни единого слова и ни на кого не посмотрев. В полном одиночестве направился он прямо к себе, бережно прижимая к груди шкатулку.

Очень светлая, лишенная теней и окон комната его была вся разукрашена золотом, топазами, опалами и другими каменьями, но самой большой драгоценностью здесь были горящие живым пламенем свечи, но и пламя недвижимо застыло над золочеными подсвечниками. Принц поставил шкатулку на стеклянный столик, небрежно бросил плащ на кресло, отстегнул перевязь, сел и вздохнул. Из спальни тут же притащился, стуча когтями по мозаичному полу, грифон и положил тяжелую голову хозяину на колени, ожидая, чтобы тот почесал его покрытый перьями загривок. А еще по комнате, тихо ступая, ходил огромный кот — тот самый, ведьмин, с черной лоснящейся шерстью. Рикард не обратил на него ни малейшего внимания. Дворец был полон всяких животных — котов, собак, обезьян, белок, молодых гиппогрифов, белых мышей, тигров... У каждого придворного имелась по крайней мере дюжина ручных зверьков; у каждой дамы непременно был собственный ручной единорог. У принца же — только грифон; он всегда помогал Рикарду в бою. Он был, по сути дела, его единственным, никогда не задающим лишних вопросов другом. Принц почесал грифону загривок, поглядывая на него и ловя ответный взгляд любящих золотистых круглых глаз. Время от времени Рикард посматривал на шкатулку, спокойно стоявшую на столике. Ключа, чтобы запереть ее, у него не было.

Где-то в одной из дальних комнат тихонько играла музыка; нескончаемое монотонное переплетение звуков было подобно журчанию воды в фонтане.

Принц обернулся и посмотрел на каминные часы — их золотой циферблат был отделан синей эмалью. Часы показывали десять минут одиннадцатого: время вставать, снова надевать перевязь, созывать войско и отправляться на битву. На родную землю возвращался изгнанник, одержимый намерением захватить столицу и предъявить свои наследные права на трон. Его черные корабли под черными парусами должно отогнать прочь от берегов королевства. Братья неминуемо должны сразиться, один из них — пасть в бою, а второй — спасти город. Рикард решительно встал, и грифон, разумеется, тоже немедленно вскочил и завилял змеиным хвостом, готовый идти в бой.

— Ну хорошо, пойдем! — сказал ему Рикард, хотя голос его прозвучал невесело и холодно. Он пристегнул меч в разукрашенных жемчугом ножнах, а грифон, посвистывая от нетерпения, потерся клювом о руку принца. Но принц не обратил на своего любимца внимания. Он очень устал, странная печаль, невнятная тоска снедали его... Но отчего он грустил? Ему захотелось вдруг вновь услышать ту музыку, которая больше не была слышна, ему захотелось вновь хоть раз поговорить со своим братом, прежде чем они сойдутся в бою как смертельные враги... Он не знал, чего именно ему хочется. Наследник и защитник королевства, он обязан был подчиняться

своему королю. Он надел серебряный шлем и обернулся, чтобы взять плащ, небрежно брошенный на кресло. Украшенные жемчугом ножны при этом звонко стукнулись обо что-то, он обернулся и увидел, что шкатулка, открытая, лежит на полу. Он стоял и смотрел на нее в оцепенении холодным, отсутствующим взглядом, а из шкатулки меж тем, подобно облачку дыма, поднималась темная мгла. Принц наклонился, поднял открытую шкатулку, и Тьма потекла между его пальцами.

Грифон, жалобно свистя, попятился назад.

Высокий, светловолосый, в белых доспехах и серебряном шлеме, стоял принц Рикард посреди сверкающей светом комнаты и, держа в руках открытую шкатулку, смотрел, как оттуда капля за каплей медленно сочится густой полумрак. Теперь все вокруг него было погружено в сумерки. Сначала он стоял неподвижно. Потом медленно поднял шкатулку и перевернул ее донышком вверх точно над своей головой.

Тьма потекла по его лицу. Он огляделся: теперь стихла не только та далекая музыка, но и все вокруг было наполнено странной тишиной. Горели свечи, огоньки их отражались в золотых украшениях и разноцветных камнях, вделанных в стены; радужные зайчики прыгали по полу и потолку. Но в углах комнаты была густая Тьма, Тьма притаилась за каждым креслом, а когда Рикард повернул голову, то по стене метнулась его тень. Он выронил шкатулку и быстро подошел к одному из темных углов — там ярко блестели чьи-то красные огромные глаза... Ну конечно, это грифон! Принц протянул к своему любимцу руку и нежно заговорил с ним. Грифон не пошевелился, но издал странный металлический клекот.

— Ну хватит, выходи! Ты что же, темноты испугался? — сказал ему принц и тут же сам ощутил страх. Тогда он вытащил меч. Все вокруг было недвижимо. Рикард осторожно отступил к двери, и тут чудовищный зверь прыгнул. Принц успел увидеть, как потолок закрыли два огромных черных крыла, услышал, как щелкнул страшный железный клюв, звякнули об пол железные когти; грифон навалился на него всей тушей прежде, чем он успел нанести удар мечом снизу вверх. Он что было сил боролся с грифоном, но железный клюв щелкал уже у самого его

горла, а страшные когти терзали ему руки и грудь. Наконец принцу удалось высвободить одну руку с мечом и нанести первый удар. Потом он снова замахнулся и ударил... Вторым ударом он почти отсек грифону голову. Чудовище разжало лапы и рухнуло на пол, извиваясь среди черных теней и ярких световых пятен, отраженных зеркалами, хрусталем и драгоценными каменьями. Через некоторое время грифон перестал биться и застыл.

Рикард со стуком уронил меч на пол. Руки принца были покрыты коркой — его собственной запекшейся кровью. В комнате с трудом можно было что-либо рассмотреть: мощные крылья грифона загасили, сбив на пол, почти все свечи. Горела только одна. Принц ощупью добрался до стула и сел, жадно хватая ртом воздух. А потом сделал то же самое, что и тогда, после сражения, на вершине дюны: опустил низко голову и закрыл руками лицо. Вокруг стояла полная тишина. Последняя свеча слабо мерцала в золотом подсвечнике; свет ее отражался, дробясь, в гранях топазов и аметистов, украшавших стены. Наконец Рикард поднял голову.

Грифон по-прежнему лежал неподвижно. Под ним на полу натекла целая лужа крови, такой же черной, как та собранная в комок Тьма, что была в маленькой шкатулке. Железный клюв чудовища был разинут, открытые глаза напоминали два красных камня.

— Он мертв, — сказал негромкий голосок, и вошел ведьмин кот, осторожно пробираясь среди осколков разбитого вдребезги стеклянного столика. — Теперь уже навсегда. Послушай, принц! — Кот сел и аккуратно обвил хвостом передние лапки. Рикард стоял неподвижно, с отсутствующим выражением лица, пока какой-то странный звук не вывел его из глубокой задумчивости. То был слабый звон, раздававшийся совсем рядом. Потом вдруг в башне высоко над дворцом прозвучал глубокий глухой удар колокола, эхом отозвавшийся в каменных стенах дворца, в ушах принца, в его крови. Часы на башне били десять!

За дверью вдруг послышался топот, по коридорам разнеслись чьи-то голоса, чьи-то испуганные крики, заглушая последние гулкие удары колокола, — там словно

метались насмерть перепуганные животные. Кто-то к чему-то призывал, кто-то спешно отдавал приказы...

— Ты опоздаешь на битву, принц, — сказал кот.

Рикард, пошарив на полу, отыскал в луже крови, в густой тени свой меч, пристегнул его к перевязи, накинул плащ и пошел к двери.

— Сегодня будет настоящий полдень, — сказал кот ему вслед, — и будут сумерки, и наступит ночь. И тогда один из вас вернется домой, в столицу — ты или твой брат. Но только один из вас, принц.

Рикард на мгновение застыл как вкопанный.

— А светит ли сейчас там, снаружи, солнце?

— Да, сейчас светит.

— Ну, тогда все хорошо! Тогда все это было не напрасно, — с облегчением вздохнув, сказал юноша и, открыв дверь, прошел по залитым солнечным светом залам и коридорам дворца, где царили паника и суматоха. А следом за ним двигалась его черная тень.

Одержавший победу

Он стоял на берегу моря и смотрел вдаль, за пенную гряду облаков на горизонте, где поднимались или скорее угадывались неясные очертания Островов. Там, сказал он морю, там — мое королевство. Ну а море сказало ему в ответ те же слова, которые говорит всем людям. По мере того как из-за спины Лифа на море наползал вечер, пенные облака на горизонте бледнели, ветер стихал, а где-то далеко засветилась уже то ли звезда, то ли огонек, то ли свет его надежды.

Снова был уже поздний вечер, когда он поднимался по улицам родного города к себе домой. Теперь знакомые магазинчики и дома соседей выглядели совсем пустыми, заброшенными; товары и домашняя утварь были вывезены или упакованы: люди готовились к Концу. Большая часть горожан участвовала сейчас в очередной церемонии покаяния в Храме на холме; остальные, из числа «гневных», ушли с Рейджерами в поля. А Лиф пока не решался ни уйти из собственного дома, ни собрать и вынести на двор вещи; его изделия и все в его доме было слишком тяжелым, чтобы с ним так просто было расправиться, слишком прочным, чтобы сломать или сжечь. Только время, долгие века разрушат все это. Когда его изделия складывали в аккуратные штабеля, или роняли с высоты, или даже специально швыряли оземь, надеясь разбить, они все равно образовывали нечто, напоминающее или даже очень похожее на обитаемый город. Так что Лиф и не пытался избавиться от них. Его двор по-прежнему был завален множеством кирпичей — тысячами и тысячами прекрасных кирпичей, сделанных его руками. Печь для обжига была холодна, однако полностью готова к работе; бочки с глиной, сухой известью и известковым раствором, творило, строительный инструмент — лотки, тачки, ло-

патки, мастерки — все было на месте. Один из парней с улицы Ростовщиков как-то спросил его, усмехаясь:

— Ты никак собираешься кирпичную стену построить да и спрятаться за ней, когда миру Конец придет, а, старик?

Другой его сосед остановился по пути в Храм и некоторое время задумчиво смотрел на бесконечные штабеля, кучи, груды, курганы отлично сформованных, прекрасно обожженных кирпичей золотисто-красного цвета — того, каким бывает солнце на закате, — а потом вздохнул, ибо тяжело даже ему было смотреть на всю эту красоту:

— Вещи, вещи!.. Освободись от вещей, Лиф, освободись от того груза, что тянет тебя вниз! Пойдем с нами — и мы вместе поднимемся над Концом этого мира!

Лиф взял из кучи один кирпич, аккуратно положил его в ряд уже почти готового штабеля и лишь смущенно улыбнулся в ответ.

Когда все наконец разошлись кто куда, сам он не пошел ни в поля — уничтожать посевы и скот, ни в Храм — молиться; он двинулся вниз, на берег моря, на самый краешек этого гибнущего мира, дальше которого была только вода.

Вот и сегодня: когда он вернулся на заваленный кирпичом двор, то не захотел с безумным хохотом предаваться разрушительному отчаянию, подобно его соседям Рейджерам, не захотел облегчать тоску в слезах вместе с теми, кто молился в Храме на холме. В душе своей он ощущал пустоту; а еще ему очень хотелось есть. Лиф был плотным коренастым мужчиной, прочно стоявшим на земле, так что даже яростный морской ветер здесь, на самом краю земли, оказался не в силах сдвинуть его с места.

— Привет, Лиф! — поздоровалась с ним вдова с улицы Ткачей; она попалась ему навстречу почти у самого дома. — Я видела, как ты поднимаешься от моря, а больше никого не видала с тех пор, как солнце село. Здесь вечерами становится так темно и тихо, гораздо тише... — Она так и не договорила, зато спросила: — Ты ужинал? А то я как раз собираюсь доставать жаркое из духовки; нам с малышом никогда в жизни не справиться с таким кусищем мяса до наступления Конца. Будет очень жаль, если такая прекрасная еда пропадет зря.

— Что ж, спасибо тебе большое за приглашение, — сказал Лиф, снова надел свою куртку, и они стали спускаться по улице Каменщиков на улицу Ткачей. Вокруг было темно, ветер с моря продувал крутые улочки насквозь.

В уютном, освещенном лампой домике вдовы Лиф поиграл с ее сынишкой, последним рожденным в городе ребенком. Пухлый малыш как раз пытался вставать. Лиф поставил его на ножки, мальчик засмеялся и упал, а вдова тем временем накрывала на стол: достала хлеб, вытащила из духовки жаркое. Потом они уселись ужинать, и даже малыш старательно трудился с помощью четырех новеньких зубов над горбушкой хлеба.

— Что ж это ты не пошла вместе со всеми на холм или в поля? — спросил Лиф, и вдова ответила так, словно причина у нее была более чем уважительная:

— О, так ведь у меня же маленький!

Лиф осмотрелся: этот уютный домик построил когда-то ее муж, каменщик, один из его заказчиков.

— Хорошо тут у вас, — сказал он. — Я уж, по-моему, с год такого мяса не пробовал.

— Да-да, я понимаю! Домов ведь больше не строят...

— Ни единого! — сказал он. — Ни одной стеночки не поставили, ни одного курятника, даже дырки ни одной не залатали. Ну а твое ремесло как? Ткать-то еще приходится?

— Да; кое-кто непременно хочет встретить Конец во всем новом. Это вот мясо я купила у Рейджера, который всех своих овец разом прирезал. А заплатила ему теми деньгами, что получила за кусок тонкого полотна от княжеской дочери. Ей хочется сшить по случаю Конца новое платье! — Вдова как-то не то насмешливо, не то сочувственно фыркнула и продолжала: — Но теперь не осталось больше ни льна, ни шерсти, так что ни прясть, ни ткать не из чего. Поля сожжены, овец всех прирезали...

— Да, — сказал Лиф, наслаждаясь прекрасно приготовленной бараниной. — Черные времена наступили, хуже не бывает.

— Да и хлеб-то, — продолжала вдова, — теперь откуда возьмешь? А воду? Люди ведь в колодцы отраву подсыпают! Что-то и я заговорила как те, что плачут да каются в Храме, да? Ешь, пожалуйста, еще, Лиф. Молодой барашек — самое вкусное блюдо на свете, так и муж мой всегда говорил, пока осень не наступала. А уж осенью он на-

чинал говорить, что нет ничего вкуснее жареной свининки. Давай-давай! Отрезай еще кусок, да побольше!..

В ту ночь Лифу приснился сон. Обычно он спал как мертвый, без сновидений — так спят во дворе сделанные им кирпичи. Но на этот раз он плыл и плыл по волнам снов, всю ночь напролет плыл к тем желанным Островам, а когда проснулся, неопределенности как не бывало: все его неясные догадки словно высветило солнцем, которое неизбежно затмевает свет звезд. Теперь ему все стало ясно, он знал, что делать дальше. Но как же он во сне перенесся туда, на Острова? Он ведь не летел над водой, не шел по ее поверхности, не плыл в ее глубине, подобно рыбе; и тем не менее пересек серо-зеленые, волнуемые ветром водяные холмистые просторы и попал на Острова! Он слышал зовущие его голоса, видел огни городов...

Одна мысль занимала его теперь: как человеку перебраться через море? Он вспомнил, как полые стебли травы легко плывут по ручью, и догадался, что можно, наверное, сплести из травы большой матрас, лечь на него и грести руками; однако почти сразу в его пробном изделии стали образовываться дыры, стебли рассыпались, разваливались под напором воды — они были слишком тонкими и непрочными, а связки ивовых прутьев, что горой лежали когда-то во дворе корзинщика, теперь уже были все сожжены. На тех Островах, во сне, он видел то ли тростник, то ли какую-то еще гигантскую траву высотой метров в пятнадцать, с коричневыми толстыми стеблями — пальцами не обхватишь. Стебли тянулись к солнцу, и на них трепетали бесчисленные продолговатые зеленые листья. Вот это да! Если бы ему такие стебли приспособить, так можно бы и за море поплыть. Только у них-то подобных растений нету. Здесь вообще, кроме травы, ничего не растет. Хотя в Храме на холме с давних пор хранилась ручка от ножа, сделанная из твердого коричневого материала, который, по слухам, назывался деревом; только вот деревья эти произрастали где-то далеко, в иных землях. Не плыть же, в самом деле, по бурным морским волнам на ручке от ножа?

Промасленные шкуры тоже неплохо держатся на воде, вот только дубильщики кож уже несколько недель бездельничали — больше шкур для продажи не приносили. Все. С тем, что здесь осталось, ничего не придумаешь.

Туманно-белым ветреным утром он перетащил лоток и самую большую тачку на берег моря и опустил их на поверхность тихих вод залива. И они поплыли, по-настоящему поплыли! Правда, чуть-чуть погрузившись в воду. А стоило ему одной рукой слегка нажать на них сверху, как и лоток, и тачка сразу наполнились водой и затонули. Да, это не то, подумал он. Тяжести они не выдержат.

Тогда он снова поднялся на крутой берег, прошел по улицам у себя во дворе наполнил тачку прекрасно обожженными, но бесполезными теперь кирпичами и покатил ее вниз. В последние годы рождалось совсем мало детей, так что любопытная ребятня вокруг не собиралась. Только двое типов из семейства Рейджеров, все еще не протрезвевшие после вчерашнего чудовищного пира, исподлобья глянули на него, стоя в темном дверном проеме, когда он шел по залитой солнцем улице. Весь тот день он возил на берег кирпичи, готовил раствор, а на следующее утро — хотя сон про Острова так больше и не приснился — начал что-то строить на исхлестанном ветрами и мартовским дождем берегу. Здесь под рукой было достаточно песка для раствора. Он сложил нечто вроде небольшого сосуда, хитро выложенного, с закругленными боками и похожего на рыбу. Кирпичи для этого приходилось класть как бы по спирали, что оказалось довольно сложно. Если на воде может держаться наполненная воздухом тачка, то почему не сможет эта кирпичная рыбка? Она к тому же будет и очень прочной. Но, когда застыл раствор и Лиф, напрягшись, с трудом перевернул свое произведение и столкнул в набегающие волны, кирпичная рыба сразу же стала погружаться все глубже и глубже и зарылась во влажный песок, словно морской моллюск или песчаная муха. Волны заливали ее, отбегали назад и снова набегали, а он все пытался вычерпать из своей «рыбки» воду, пока огромная волна, зеленая с белой шапкой, не налетела на нее и не поволокла за собой. Волна ударила «рыбку» о берег, и на песке в полосе прибоя осталась лишь груда кирпичей. Лиф стоял рядом, мокрый до ушей, вытирая соленую влагу с лица. Ничего там, на западе, нет! Только гигантские морские валы да дождевые облака... Нет! Острова все-таки там! Он точно знал это, он сам видел их — они были покрыты высоченными травами, раз в десять выше человеческого роста. Там золотились

поля, по которым волнами проходил морской ветерок; там высились белые прекрасные города, стройные башни смотрели с холмов в морскую даль, слышались голоса пастухов, что пасли стада на сочных пастбищах...

Все-таки мое ремесло — кирпичи делать да строить, а не с морем сражаться, решил Лиф, внимательно обдумав свои действия. Теперь они казались ему довольно-таки глупыми, и он торопливо двинулся по мокрой от дождя боковой тропе наверх, за новой тачкой кирпичей.

Теперь, освободившись от власти дурацкой затеи с плаванием по воде, он заметил наконец, что Кожевенная улица совершенно опустела. Дубильня тоже разворочена и пуста. Лавки кожевенников зияют разверстыми черными пастями, а окна жилых комнат над лавками темны и слепы. В конце улицы какой-то старый сапожник жег костер, в котором с ужасающей вонью горела целая куча новых, ненадеванных башмаков. Рядом с сапожником терпеливо ожидал оседланный ослик, прядая ушами и фыркая от противного дыма.

Во дворе Лиф снова наполнил тачку кирпичами. На этот раз, когда он покатил ее вниз на берег, откидываясь назад и с трудом осаживая на крутых улицах свой тяжелый груз, скользя и едва сохраняя равновесие на извилистой тропе, спускающейся к морю, где его чуть не сдуло сильным ветром, за ним увязались двое. Потом подошли еще человека два-три с улицы Ростовщиков, потом — еще несколько с тех улиц, что возле рыночной площади, так что, когда Лиф смог наконец выпрямиться и вздохнуть — у самой кромки моря, где черная пенящаяся вода лизала его босые грязные ноги и пот высыхал на разгоряченном лице, — на берегу уже собралась небольшая толпа. Люди стояли вдоль глубокой колеи, продавленной колесом его тяжелой тачки. У них был тот же равнодушно-праздный вид, что и у пьяноватых Рейджеров тогда, утром. Так что Лиф и внимание на них обращать не стал, хотя заметил, что на вершине утеса стоит вдова с улицы Ткачей и смотрит вниз с перепуганным лицом.

Он закатил тачку в море и, когда вода достигла его груди, опрокинул кирпичи в воду, а потом легко выбрался на берег с сильной приливной волной, волоча за собой полную пены морской тачку.

Кое-кому из семейства Рейджеров это уже надоело, и

он пошел прочь по берегу. Высокий парень с улицы Ростовщиков, окруженный кучкой таких же, как сам он, лентяев, усмехаясь, спросил Лифа:

— Что ж ты их прямо с утеса не сбросишь, старина?

— Так они тогда только на песок упадут, — пояснил Лиф.

— А, так ты их утопить хочешь! Прекрасно! Знаешь, кое-кто уж решил, что ты что-то из них строить задумал здесь, на берегу! Так парни из тебя самого раствор сделать были готовы. Пусть-ка эти кирпичи в холодной водичке помокнут! А ты молодец, старина!

И тип с улицы Ростовщиков, ухмыляясь, двинулся со своей компанией дальше, а Лиф пошел по тропе вверх за новой порцией.

— Приходи ужинать, Лиф, — встревоженным голосом сказала ему вдова на вершине утеса; сынишку она крепко прижимала к груди — уж больно ветер был сильным.

— Приду, — сказал он. — И буханку хлеба принесу. Осталась парочка про запас — с тех пор, когда хлебопеки еще здесь были. — И он улыбнулся вдове, но та не ответила на его улыбку.

Они пошли рядом, и через некоторое время она спросила:

— Ты выбрасываешь свои кирпичи в море, да, Лиф?

Он громко рассмеялся и ответил:

— Да.

И на лице у нее появилось странное выражение — одновременно печальное и успокоенное. Впрочем, за ужином в своем уютном светлом домике она казалась спокойной и естественной, как всегда. Они с аппетитом ели сыр с черствым хлебом.

Весь следующий день он продолжал возить кирпичи на берег — тачку за тачкой. Если даже Рейджеры и видели это, то наверняка считали, что и он тоже занят — как и они сами, как и все вокруг — *разрушением*. Прибрежная отмель была довольно пологой, так что до настоящей глубины было еще далеко, и он мог заниматься своим делом почти незаметно для посторонних, так как кирпичи все время находились под водой — он начал укладывать их во время отлива, при низкой воде. Правда, во время прилива работать было очень тяжело, потому что море вокруг кипело, плевало ему прямо в лицо и волны с грохотом обрушивались ему на голову. Однако он продолжал рабо-

тать. Ближе к вечеру, в сумерках, он принес на берег длинные железные прутья и сделал крепежные скобы, чтобы волны не подмыли и не разрушили его стену, в которой было уже целых два с половиной метра. Даже при отливе никто из «гневных» не смог бы ничего заподозрить. Парочка пожилых горожан, возвращавшихся из Храма с очередного покаяния, встретилась ему, когда он с лязгом и скрипом тащил пустую тачку по камням мостовой; люди мрачно улыбнулись Лифу.

— До чего же хорошо освободиться наконец от власти вещей, — сказал один тихонько, а второй согласно кивнул.

На следующий день — хотя снов про Острова так больше и не было — Лиф продолжал строить. Отмель начала резко уходить вглубь, и теперь он делал так: вставал на ту часть стены, которую только что сложил, и рядом с собой вываливал в море из тачки аккуратно уложенные кирпичи; потом вставал на кучу кирпичей и продолжал работу по горло в воде, задыхаясь, выныривая на поверхность и вновь погружаясь, но стараясь класть кирпичи точно в том направлении, которое заранее определил воткнутыми в дно железными прутами. Потом снова шел по серому пляжу, поднимался по тропе, грохотал по затихшим улицам города, направляясь за очередной порцией строительного материала.

Вдова, встретившись с ним у кирпичного двора, сказала вдруг:

— Разреши мне помогать тебе, хотя бы сбрасывать их с утеса; это ведь по крайней мере раза в два сократит тебе время.

— Груженая тачка слишком тяжела для тебя, — отвечал он.

— Ой, да ничего! — воскликнула она.

— Ну ладно, помогай, если хочешь. Но кирпичи-то, они, черти, тяжелые! Так что ты особенно много не нагружай. Я тебе и тачку поменьше дам. А твой мышонок зато сможет тоже прокатиться.

Итак, вдова начала помогать ему. Стояли красивые дни; серебристый туман по утрам застилал берег моря, рассеиваясь к полудню, когда начинало пригревать весеннее солнце. На прибрежных утесах и в расселинах зацвели травы. Больше на берегу не осталось ничего, что могло бы цвести. Теперь дамба уходила в море уже на

много метров, и Лифу пришлось выучиться тому, чего раньше не умел никто, разве что рыбы: теперь он мог плавать как на поверхности воды, так и под водой, не касаясь при этом земной тверди.

Он никогда прежде не слыхивал, чтобы человек плавал в море, однако не слишком над этим задумывался — был занят весь день напролет. Вокруг него крутилась морская пена, всплывали пузырьки воздуха, когда он нырял, и капли воды оставались на коже, когда он выныривал, и приползали туманы, и шел апрельский дождь, и влага небесная сливалась с влагой морской. Порой Лиф чувствовал себя почти счастливым в этом мрачноватом зеленом мире, где невозможно было дышать; он упорно укладывал ставшие под водой странно твердыми и странно легкими кирпичи вдоль намеченного курса, и лишь потребность в воздухе заставляла его выныривать на волнующуюся под сильным ветром поверхность моря, задыхаясь и поднимая тучи брызг.

Он строил с утра до ночи. Ползал по песку, собирая кирпичи, которые его верная помощница сбрасывала ему с обрыва, потом нагружал тачку и тащил ее по дамбе в море; дамба была совершенно прямая, сверху — с полметра воды. Добравшись до ее конца, он сбрасывал кирпичи в море, нырял и начинал кладку; потом возвращался на берег за новой порцией. В город он поднимался только вечером, совершенно измотанный, изъеденный соленой водой до чесотки, голодный как акула. Он делил с малышом и вдовой ту нехитрую трапезу, которую ей удавалось приготовить. Была уже поздняя весна, стояли долгие теплые тихие вечера, но город казался очень мрачным, темным и каким-то застывшим.

Как-то раз, когда он, несмотря на усталость, все же заметил разительные перемены в городе и заговорил об этом, вдова пояснила:

— Ой, так ведь они же давно все уехали! Мне кажется...

— Все? — Он помолчал. — И куда же они уехали?

Она пожала плечами. И подняла на него свои темные глаза. Они сидели за освещенным столом напротив друг друга в полной тишине. Она долго и задумчиво смотрела на него.

— Куда? — переспросила она. — А куда ведет твоя морская дорога, Лиф?

Он вздрогнул и застыл.

— На Острова, — наконец промолвил он, потом с облегчением рассмеялся и тоже посмотрел ей в глаза.

Она даже не улыбнулась. Только сказала:

— А они там есть? Неужели это правда: там есть Острова?

Потом оглянулась и посмотрела на спящего мальчика. В открытую дверь вливалось тепло позднего весеннего вечера, темным покрывалом окутавшего улицы, по которым больше никто не ходил, где никто больше не жил и не зажигал света в своем доме. Потом женщина наконец снова взглянула на Лифа и сказала:

— Знаешь, Лиф, кирпичей ведь совсем мало осталось. Всего несколько сотен. Тебе, наверное, придется сделать еще. — И она тихонько заплакала.

— О господи! — сказал Лиф, подумав о том, что его подводная дорога — длиной всего метров в сорок, а в этом море от берега до берега... — Так я поплыву туда! Ну успокойся, не плачь, милая. Неужели ты думаешь, что я могу оставить вас с мышонком одних? После того, как ты столько кирпичей мне на берег перетаскала? Ведь ты так старалась, что чуть ли не на голову мне их высыпала!.. После того, как ты бог знает из каких загадочных трав и ракушек готовила нам еду? После того, как мы с тобой столько раз сидели за этим вот столом, греясь у разожженного тобой огня? Неужели я могу забыть твои ласковые руки, твой смех? И оставлю тебя одну, в слезах? Ну успокойся, не плачь. Дай мне подумать, как нам всем вместе добраться до Островов.

Но он знал, что добраться ему туда не на чем. Во всяком случае, кирпичей ему не хватит. Все, что было в его силах, он уже сделал: сорок метров дамбы, уходящей в море.

— Как ты думаешь, — спросил он после долгого молчания — она за это время успела уже вытереть со стола и перемыть посуду: теперь, когда Рейджеры уехали, вода в их колодце снова, вот уже много дней, была чистой и прозрачной, — как ты думаешь: может быть, это... это... — Ему оказалось очень трудно договорить последнее слово, но она стояла рядом, притихнув, и ждала, так что он все-таки выговорил: — Это и есть Конец?

И сразу стало очень тихо. И в этой единственной освещенной комнате города, и во всех остальных темных комнатах темных домов, и на всех улицах, и на сожженных полях, и на заброшенных землях — замерло все. Замер, казалось, сам воздух. Все замерло и в Храме на холме, и даже на небесах. Повсюду разлилось молчание, нерушимое, всеобъемлющее, не дающее ответа. И только издали доносились живые звуки моря и еще — гораздо ближе — слышалось тихое дыхание спящего ребенка.

— Нет, — сказала женщина. И снова села напротив него, положив руки на стол, тонкие, загорелые до черноты руки с нежными, цвета слоновой кости ладонями. — Нет, — повторила она. — Конец и будет всему концом. А это — все еще *ожидание* Конца.

— Тогда почему же здесь остались... только мы одни?

— Ах вот что! — удивилась она. — Но ты же все время был занят своими кирпичами, а я — малышом...

— Завтра мы должны уходить, — сказал он, еще немного помолчав. Она только согласно кивнула.

Они поднялись еще до рассвета. Есть в доме было нечего, так что она сложила в сумку кое-какие детские вещички, а он сунул за ремень нож и мастерок, оба надели теплые плащи — он взял плащ, принадлежавший раньше ее мужу, — и, покинув домик, пошли под холодными еще лучами едва проснувшегося солнца по заброшенным улицам вниз, к морю. Он впереди, она следом; на руках она несла спящего ребенка, прикрыв его полой плаща.

Лиф, не сворачивая ни на северную дорогу, ни на южную, прошел прямо, мимо рыночной площади, к утесу и по каменистой тропе стал спускаться на берег. Она не отставала. Оба молчали. У самой кромки воды он обернулся к ней.

— Я буду поддерживать тебя над водой, пока хватит моих сил, — сказал он.

Она кивнула и тихонько ответила:

— Да, мы пойдем по той дороге, которую ты построил, как можно дальше.

Он взял ее за руку и повел прямо в воду. Вода была холодна. Обжигающе холодна. Холодный свет зари играл на пенистых гребнях волн, с шипением лизавших песок. Когда они ступили на дамбу, то почувствовали, какая она на удивление прочная и ровная, так что мальчик, проснувшийся было, снова уснул у женщины на плече, прикрытый полой плаща.

Они шли дальше, а волны все яростнее били в стену из кирпича: начинался прилив. Потом высокие валы ста-

ли окатывать их с головы до ног, одежда, волосы — все теперь промокло насквозь. Но вот они достигли конца дамбы, которую он столь упорно строил. Совсем недалеко, почти у них за спиной, виден был песчаный берег; песок в тени утеса казался черным; над утесом высились молчаливые бледные небеса. Вокруг кипели дикие волны, несли на гребнях клочья пены. А впереди — лишь безбрежное, беспокойное море, немыслимая бездна, темная пропасть.

Огромная приливная волна, стремясь к берегу, ударила их с такой силой, что они едва устояли на ногах; ребенок проснулся, разбуженный грубым шлепком моря, и заплакал. Странным был этот слабый жалобный плач в безбрежности холодного, злобно шипящего моря, которое всегда говорит людям одно и то же.

— Нет, я не могу! — заплакала мать, но только крепче сжала руку мужчины и еще теснее прижалась к нему.

Подняв голову, чтобы сделать последний шаг туда, где не было ни границ, ни пределов, он увидел вдруг на западе, на вздымающихся волнах, какой-то темный силуэт, потом — подпрыгивающий в воздухе огонек, мелькание белого паруса, напоминающего грудку ласточки в ярких лучах солнца. Ему показалось, что над морской далью раздаются голоса.

— Что это? — спросил он, но женщина не ответила: склонив голову к ребенку, она пыталась унять его слабый плач, словно бросавший вызов неумолчному шуму моря. Лиф застыл, вглядываясь в безбрежную даль, и снова увидел белизну паруса и танцующий над волнами огонек. Огонек этот, покачиваясь, приближался к ним, навстречу великому свету зари, что разгоралась у них за спиной.

— Подождите! — донеслось до них с той загадочной штуковины, что плыла по серым, с пенными гребнями волнам. — Подождите немного! — Голоса людей сладкой музыкой звучали над морем, и парус уже белым крылом почти склонялся над головой Лифа, и он уже видел лица, видел тянущиеся к нему руки, слышал, как незнакомцы зовут его: — Идите к нам, на судно, не бойтесь! И мы вместе поплывем на Острова...

— Держись, милая, — нежно сказал он женщине, и они сделали последний шаг.

Правило имен

Мистер Горовик стоял у подножия своей горы, улыбаясь и глубоко вдыхая прохладный зимний воздух. С каждым выдохом из ноздрей его вылетали две белые струйки пара, серебрившиеся в солнечных лучах. Мистер Горовик глянул вверх, на ясное декабрьское небо, и еще шире улыбнулся, показав свои белоснежные зубы. А потом пошел по дороге вниз, в деревню.

— Доброго вам утречка, мистер Горовик! — здоровались с ним деревенские жители, когда он шел по неширокой улице между домами с красными островерхими крышами, похожими на шляпки мухоморов.

— И вас с наступающим днем! — отвечал он каждому. Всем известно, что нет хуже приметы, чем желать кому-то *доброго* утра; вполне достаточно просто указать, какое сейчас время суток; нужно осторожнее обращаться со словами, тем более на Сатиновых островах, весьма подверженных различным волнебным Влияниям и сглазу; здесь ведь любое необдуманно произнесенное прилагательное может, например, вызвать затяжной, на целую неделю, дождь.

Все встречные непременно здоровались с ним — одни ласково, другие чуть пренебрежительно. Он был единственным волшебником на этом маленьком островке и хотя бы уже поэтому заслуживал уважения — но, скажите на милость, как можно всерьез уважать пожилого толстого коротышку, что ковыляет по дороге, нелепо загребая ногами и выдыхая длинные белые струи пара, да еще чему-то улыбается? К тому же волшебником он тоже был не ахти каким. Всякие его фокусы с огнем, правда, удавались на славу, зато зелья почти не действовали. Когда он сводил бородавки, то они чаще всего вырастали снова уже дня через три. Заговоренные им помидоры были не крупнее мелких дынь. А в те редкие дни, когда в порту

Сатинового острова пришвартовывался иноземный корабль, мистер Горовик и носа не высовывал из своей норки под горой: говорил, что боится сглазу. Иными словами, он был примерно таким же волшебником, как пьянчуга Ган — плотником: с тем и другим приходилось мириться за неимением лучшего. Приходилось мириться и с плохо пригнанными дверями, и с недействующими заклятиями. Так уж оно получилось. Ну, жители зато и обращались с мистером Горовиком по-свойски, по-соседски, совсем его не боялись, а иногда даже приглашали к себе пообедать. Однажды и он пригласил нескольких человек и устроил замечательное пиршество — на столе серебряные приборы, хрусталь, дорогая скатерть, жареный гусь, искристое андрадское вино, которому не менее шестисот лет, а на десерт сливовый пудинг с роскошным соусом. Но мистер Горовик так нервничал во время трапезы, что веселья не получилось. К тому же уже через полчаса все были снова голодны как волки. А вообще-то он гостей не любил; в его пещеру редко кто заходил, да и то не дальше прихожей. Когда мистер Горовик видел, что к нему кто-то идет, он тут же проворно выбегал навстречу гостю.

— Давайте посидим лучше вон там, под соснами! — говорил он в таких случаях, с улыбкой указывая в сторону сосновой рощи; а если шел дождь, предлагал: — А может, лучше чего-нибудь выпьем в харчевне? Как вы на этот счет? — Хотя все знали, что он не пьет ничего крепче колодезной воды.

Деревенские мальчишки никак не могли смириться с вечно запертой дверью пещеры под горой; они все время вынюхивали да высматривали, нельзя ли попасть туда, пока мистера Горовика нет дома; но маленькая дверца всегда была накрепко затворена заклятием, которое в кои-то веки оказалось вполне действенным. Однажды двое мальчишек, знавших, что волшебник отправился на западный берег острова лечить заболевшего ослика миссис Рууны, притащили к дверям его жилища лом и топор. Однако после первого же удара изнутри донесся чудовищный гневный рев и вырвалось облако ярко-красного дыма. Видно, мистер Горовик успел вернуться домой раньше обычного. Мальчишки сбежали. Впрочем, мистер Горовик так и не вышел из дому, так что им даже и не попало ничуть. Они только все удивлялись, как это такой маленький толстячок мог издавать столь ужасные звуки — рев и жуткое шипение.

А сегодня у мистера Горовика были в деревне дела: нужно было купить три дюжины яиц и фунт печенки, а кроме того — заглянуть к капитану Фогено и подновить чары, с помощью которых волшебник пытался вылечить ему глаза — занятие довольно бессмысленное при отслоении сетчатки. Однако мистер Горовик упорно продолжал лечение. А под конец он намеревался зайти поболтать к своей старой приятельнице Гуди Гульд, вдове мастера, изготовлявшего концертино. Друзьями мистера Горовика в основном были люди немолодые. Он очень смущался в присутствии сильных молодых мужчин; а девушки при нем почему-то сами начинали смущаться и нервничать. «Мистер Горовик действует мне на нервы — слишком уж часто он улыбается!» — говаривали они все как одна и при этом недовольно надували губы и начинали накручивать на палец шелковистые локоны. «Действовать на нервы» было выражение новомодное, так что матери отвечали им сурово: «Нервы — надо же! Драть вас некому! Глупость, вот как это называется. Мистер Горовик — очень уважаемый волшебник!»

Переделав все дела и посетив Гуди Гульд, мистер Горовик проходил мимо школы. В тот день ученики занимались прямо на лужайке. Поскольку грамотных людей на Сатиновых островах не было, то не было и книг, по которым можно было бы научиться читать; не было и школьных досок, на которых можно было бы научиться писать буквы; не было и парт, где можно было бы вырезать первые буквы своего имени, а потом не было и самой школы. В дождливые дни дети занимались на чердаке общинного амбара и вечно вылезали оттуда покрытые сенной трухой; а когда светило солнышко, школьная учительница Палани сама выбирала место для занятий. Сегодня на лужайке три десятка любознательных ребятишек не старше двенадцати в окружении сорока совершенно равнодушных к знаниям овец (не старше пяти лет) изучали одну из важнейших тем школьной программы: правило имен. Мистер Горовик, застенчиво улыбаясь, остановился на минутку послушать и посмотреть. Палани, хорошенькая пухленькая девушка лет двадцати, окруженная детьми и овечками на залитой солнцем лужайке под

большим дубом с облетевшей уже листвой, являла собой дивную картинку. За ее спиной расстилались море, песчаный берег, ясное бледное зимнее небо. Она говорила с жаром, лицо ее порозовело от ветра и от значимости произносимых слов.

— Ну вот, дети, теперь вы уже знаете все правила имен. Их всего два, и на всех островах Земноморья они одинаковы. Каково же первое из них?

— Невежливо спрашивать человека, каково его имя! — выкрикнул толстый шустрый мальчуган, но ему не дала договорить какая-то девчонка, пронзительно завопив:

— А вот уж что никогда нельзя, так это говорить свое собственное имя! Кто бы тебя ни спросил! Так мне моя ма сказала!

— Верно, Суба. Верно, Попи, дорогая, только не визжи так. Вы оба верно ответили. Никогда не спрашивайте человека о его имени. Никогда не называйте своего. А теперь подумайте минутку и скажите: почему мы называем нашего волшебника мистер Горовик? — Она улыбнулась, глядя поверх кудрявых головенок своих учеников, одетых в теплые меховые и шерстяные безрукавки, на мистера Горовика, который прямо-таки сиял, нервно прижимая к груди кошелку с яйцами.

— Потому что он живет под горой! — громко ответили дети.

— А как вы думаете, это его подлинное имя?

— Нет! — сказал тот же толстый мальчик, и ему эхом откликнулась визгливая маленькая Попи:

— Нет!

— А почему вы решили, что нет?

— Потому что прибыл он на наш остров совсем один и никто не знал тогда его подлинного имени и не мог назвать его, чтобы все остальные узнали, а сам мистер Горовик этого сделать *не мог*...

— Очень хорошо, Суба. Попи, не кричи! Верно. Даже волшебник не может никому говорить своего подлинного имени. Когда вы, дети, окончите школу и пройдете обряд посвящения, то расстанетесь со своими детскими именами и получите настоящие, подлинные ваши имена, которые нельзя никому говорить и ни у кого нельзя спрашивать. А откуда взялось такое правило?

Дети молчали. Тихонько проблеяла овца. На этот вопрос ответил мистер Горовик.

— Это потому, — застенчиво сказал он своим тихим хрипловатым голосом, — что подлинное имя воплощает самую суть вещи. Назвать имя — значит обрести над этой вещью власть. Я верно отвечаю, госпожа учительница?

Она улыбнулась ему и склонилась в реверансе, хотя и была сильно смущена его неожиданным участием в уроке. Так что мистер Горовик поспешил прочь, прижимая к груди кошелку с яйцами. Почему-то за те несколько минут, в течение которых он наблюдал за Палани и детьми, в нем пробудился страшный голод. Торопливо произнесенным заклятием мистер Горовик запер за собой дверь, но, должно быть, в произнесенном заклятии чего-то не хватило: дверь закрылась недостаточно плотно, и сквозь щели вскоре просочились аппетитные запахи яичницы и жареной печенки.

В тот день с запада дул легкий прохладный ветерок и к полудню пригнал в порт небольшую лодку под парусом, сверкавшим на солнце. Не успела лодка войти в бухту, как какой-то востроглазый мальчишка, издали заметив ее и отлично зная, как, впрочем, и все дети на острове, паруса всех сорока имевшихся в гавани лодок, бросился по улице с криком: «Чужая лодка, чужая лодка!» Очень-очень редко посещали этот уединенный уголок Земноморья суда — как с других островов Восточного Предела, так и с Архипелага. Когда лодка пришвартовалась наконец у пирса, там собралась по меньшей мере половина деревни, чтобы приветствовать смелого путешественника. Гостеприимные рыбаки повели его к себе домой, а пастухи, землекопы и местные травники — все как один — торчали на окрестных холмах вдоль дороги, ведущей от гавани в деревню.

Но дверь мистера Горовика так и осталась запертой.

На лодке приплыл один-единственный человек. Старый капитан Фогено, когда ему об этом сообщили, высоко задрал брови над своими невидящими глазами.

— Во Внешние Пределы в одиночку плавают только колдуны, волшебники да Великие Маги... — сказал он.

Так что теперь жители деревни, затаив дыхание, надеялись, что в кои-то веки смогут полюбоваться на настоящего Мага, одного из тех могущественных волшебников,

которых много на внутренних островах Архипелага. Впрочем, они были несколько разочарованы, ибо путешественник оказался молодым, чернобородым и красивым парнем, который весело махнул им рукой из своей лодки и с радостным нетерпением выскочил на пирс — как и все моряки, добиравшиеся до долгожданной земли. Он поздоровался и назвался бродячим морским торговцем. Но, когда люди рассказали об этом капитану Фогено, прибавив, что у незнакомца есть дубовый посох, с которым тот не расстается, старик только головой покачал:

— Два волшебника в одном городе... Плохо дело! — И, пожевав губами, как старый карп, замолчал.

Поскольку приезжий не мог назвать им своего имени, они тут же дали ему прозвище сами: Чернобородый. Гость был окружен всеобщим вниманием. Он привез кое-какие товары: одежду, сандалии, пушистые перья *писви* для оторочки плащей, недорогие благовония, волшебные камни, якобы дающие способность летать, разные лечебные травы, а еще крупные стеклянные бусы с острова Венвей — обычный набор бродячих торговцев. Не было на острове человека, что хоть раз не зашел бы к Чернобородому: просто поболтать, посмотреть товары, а то и купить что-нибудь. «Хотя бы просто на память!» — скрипела старая Гуди Гульд, которая, как и все женское население деревни, была сражена красотой и умными речами Чернобородого. Что же касается мальчишек, то те просто целыми днями готовы были толочься возле него и слушать рассказы о путешествиях на неведомые острова Дальних Пределов или на богатые острова Архипелага, во внутренние моря, где пересекаются пути многочисленных судов с белоснежными парусами, где золотятся шпили прекрасных башен столицы Земноморья — Хавнора. Люди охотно слушали его истории, но некоторые удивлялись: зачем Чернобородому понадобилось плавать по дальним морям в одиночку? — и не сводили глаз с его дубового посоха.

А мистер Горовик по-прежнему отсиживался в пещере под горой.

— Впервые попадаю я на остров, где нет своего волшебника, — сказал Чернобородый как-то вечером в гостях у Гуди Гульд. Она пригласила заморского гостя, своего племянника Берта и учительницу Палани на чашку

чая. — Как же вы обходитесь, если зуб заболит или у коровы молоко пропадет?

— Как же! У нас ведь для этого мистер Горовик есть! — ответила старуха.

— Да уж, на это его волшебства только-только и хватает, — пробормотал ее племянник, рыбак Берт, смутился, покраснел и пролил чай на скатерть. Берт был крупным, сильным, очень храбрым, но чрезвычайно молчаливым молодым мужчиной. Он давно был влюблен в школьную учительницу, но самое большее, на что он осмеливался, — это в знак великой любви преподносить полные корзины свежепойманной макрели кухарке ее отца.

— О, так у вас есть волшебник? — спросил Чернобородый. — Он что же, невидимка?

— Нет, он просто очень застенчивый, — сказала Палани. — Вы ведь здесь всего неделю живете, а у нас, знаете ли, чужеземцы редко бывают... — Она тоже слегка покраснела, но чаем заливать свое смущение не стала.

Чернобородый улыбнулся ей.

— Он, наверное, здешний? Уроженец Сатиновых островов, да?

— Нет, — ответила ему Гуди Гульд, — он такой же здешний, как и вы. Еще чашечку, племянник? Только уж постарайся на этот раз чай выпить. Нет, дорогой мой, он, знаете ли, приплыл сюда один, в маленькой лодчонке, года четыре назад. Так ведь? Как раз через день после того удачного лова сельди, когда сети тащили всей деревней, а пастух Понди еще ногу сломал, — должно, теперь уж пять лет будет? Нет, четыре все-таки... Да нет, пять, пожалуй: это ведь в тот год было, когда чеснок не пророс? Ну, стало быть, приплывает он сюда на утлой лодчонке, доверху загруженной всякими сундуками да шкатулками, и говорит капитану Фогено, который тогда еще не совсем ослеп, хоть и был совсем старым, так что мог бы успеть и дважды ослепнуть: «Я слышал, что у вас здесь нет ни колдуна, ни волшебника, так что, может, он вам требуется?» — «Конечно, требуется, — говорит капитан, — только чтоб магия его непременно белой была!» В общем, мы и глазом моргнуть не успели, как мистер Горовик поселился в пещере под горой и начал заклинаниями лечить от чесотки рыжего кота Гуди Белтоу. Чесотка и впрямь прошла, только шерсть у кота на облысевших местах вы-

росла серая, так что масти он стал — не разбери поймешь. Помер этот кот прошлой зимой, в холода. И уж так Гуди Белтоу, бедняжка, по нем убивалась — куда больше, чем по мужу, когда тот на Долгой Отмели утонул!.. Это еще когда селедка хорошо ловилась, а племянник мой Берт в пеленках лежал.

Тут Берт от смущения снова пролил чай, Чернобородый ухмыльнулся, но Гуди Гульд и бровью не повела, так что разговор затянулся до темноты.

На следующий день Чернобородый отправился к причалу и извлек со дна своей лодки кусок старой обшивки какого-то судна, который, похоже, давно возил с собой. Словоохотливые жители тут же окружили его.

— Скажите, а какая из этих лодок принадлежит вашему волшебнику? — спросил Чернобородый. — Или, может, он на волшебной лодке приплыл? Маги превращают ее в ореховую скорлупку, когда она им без надобности.

— Нет, — флегматично ответил ему один рыбак, — лодку свою он прячет у себя в пещере, под горой.

— Он что же, отнес лодку, на которой приплыл, к себе в пещеру?

— Ну да. Точно. Я сам ему помогал. Ох и тяжелая же она была, прямо будто свинцом налита! Доверху набита всякими сундучками да шкатулками, а в шкатулках, он говорил, всё книги с заклинаниями. Да уж, как только руки не оторвались — такую тяжесть тащить! — И флегматичный рыбак покачал головой и меланхолично вздохнул.

Племянник Гуди Гульд, Берт, возившийся с сетью неподалеку, поднял голову и спросил спокойно и безмятежно:

— А может, вы хотите с самим мистером Горовиком потолковать?

Чернобородый посмотрел прямо на него. Умные черные глаза его встретились с открытым взглядом честных голубых глаз Берта. Они долго смотрели друг на друга, потом Чернобородый улыбнулся и сказал:

— Да, хотелось бы. Может, ты меня проводишь к нему, Берт?

— Конечно, провожу. Вот только сперва с работой покончу, — ответил рыбак.

И когда сеть была починена, они с заморским гостем двинулись по деревенской улице к высокому зеленому

холму, что виден был сразу за деревней. Когда они шли через выгон, Чернобородый вдруг сказал:

— Погоди-ка минутку, друг мой Берт. Надо мне кое-что рассказать тебе, прежде чем мы с вашим волшебником встретимся.

— Ну рассказывай, — сказал Берт, усаживаясь под огромным дубом.

— История эта началась сто лет назад, и конца ей пока не видно... Но он скоро наступит, очень скоро! Среди островов Архипелага, которые сидят в море так густо, как мухи на меду, есть небольшой остров под названием Пендор. Правители Пендора обладали силой и властью в те дни, когда в Земноморье еще часто случались войны и мир меж островами не был заключен. Награбленное и полученное в виде дани добро суда свозили на Пендор, где в итоге собрались несметные богатства. Так оно было в давние времена. Потом откуда-то с запада, с тех голых островов, покрытых лавой, где драконы живут и выводят свое потомство, прилетел один из них — огромный и могучий. Он не имел ничего общего с теми ящерицами-переростками, которых вы, обитатели Восточного Предела, называете драконами. Это было огромное, чернокрылое и чертовски умное чудовище, полное сил и коварства. Как и все драконы, он больше всего на свете любил золото и драгоценные камни. И убил правителей Пендора, уничтожил их войско, а мирные жители, оставшиеся в живых, под покровом ночи бежали за море. Все до одного люди покинули остров Пендор, оставив свернувшегося кольцом дракона среди разрушенных башен. И целых сто лет дракон бродил, волоча свое отвратительное брюхо, по россыпям изумрудов, сапфиров и золотых монет. Он покидал остров лишь раз в один-два года, когда начинал чувствовать голод. Тогда он летел к населенным островам... ты знаешь, Берт, что едят драконы?

Берт кивнул и ответил шепотом:

— Девушек.

— Верно, — подтвердил Чернобородый. — Ну так вот, не век же было терпеть выходки дракона, тем более людям даже думать было противно, как он там сидит, на своих сокровищах. И когда в Земноморье установился мир, прекратились войны и пиратские налеты, жители островов решили атаковать Пендор, прогнать дракона и

забрать все золото и драгоценности в казну правителей Земноморья. Итак, пятьдесят крупных островов прислали свои корабли, и огромная флотилия двинулась к Пендору. Семеро Великих Магов стояли на носу самых больших и крепких судов... Когда они высадились на берег, то нашли остров мертвым и опустевшим. В заброшенных домах на накрытых к обеду столах тарелки были полны столетней пыли. Побелевшие от времени кости правителя Пендора и его придворных валялись в залах дворца и на лестницах. Главная башня пропиталась драконьей вонью. Но самого дракона не было нигде. И нигде не находили они никаких сокровищ — ни одного, даже самого малюсенького, с маковое зернышко, алмаза, ни одной серебряной монетки... Видимо, вовремя осознав, что не сможет противостоять могуществу семи Великих Магов, дракон бежал и унес с собой свое сокровище. Люди пошли по его следу и обнаружили, что дракон перебрался на пустынный северный островок под названием Удратх; там было множество его следов и... снова побелевшие кости. То были его кости — кости дракона. Однако сокровища люди так и не нашли. Видимо, какой-то неведомый волшебник сумел не только уничтожить дракона в бою, но и увез все сокровища Пендора прямо из-под носа у посланников Земноморья!

Рыбак слушал довольно внимательно, хотя выражение его лица оставалось бесстрастным.

— Ну и разумеется, это должен был быть весьма могущественный и умный волшебник — чтобы сначала убить дракона, а потом вот так скрыться, не оставив никаких следов! Правители Архипелага и Великие Маги так и не смогли выследить его, так и не узнали, ни откуда он приплыл, ни куда делся потом. А прошлой весной, когда после трехлетнего плавания в Северный Предел я вернулся домой, они попросили меня помочь им. Обратились они точно по адресу: я ведь не только волшебник — как кое-кто на вашем острове правильно догадался, — но еще и потомок правителей Пендора. Так что сокровище принадлежит мне. И знает, кто его хозяин. А глупцы с Архипелага не смогли отыскать его потому, что оно принадлежит не им, а роду моих предков. Звезда нашей сокровищницы, знаменитый изумруд Иналкиль, знает своего властелина. Смотри! — Чернобородый поднял свой дубовый

посох и громко крикнул: — Иналкиль! — И верхушка посоха начала наливаться зеленым светом, вокруг повисла зеленая дымка цвета апрельской травы, и посох склонился в руках волшебника, указав точно на холм, что возвышался перед ними. — Там, в Хавноре, далеко отсюда, свечение не было, разумеется, таким сильным, — прошептал Чернобородый, — но и там посох мой указал верное направление! Иналкиль всегда отзывался мне. Этот камень хорошо меня знает, а я знаю, кто его украл, и вызову вора на поединок! Да, это могущественный волшебник, раз смог одолеть дракона. Но я все-таки сильнее его! Хочешь знать, почему, парень? Потому что я знаю его имя!

Чернобородый говорил все заносчивее, вид у него становился все более высокомерным, а Берт, наоборот, смотрел все более тупо и бесстрастно. Однако, заслышав последние слова Чернобородого, он вздрогнул, закрыл разинутый от удивления рот и недоуменно уставился на гостя с Архипелага.

— Как же... тебе удалось... узнать его имя? — очень медленно проговорил он.

Чернобородый только усмехнулся, но не ответил.

— Благодаря Черной Магии?

— Ну а как же еще?

Берт побледнел и ничего больше не спросил.

— Я правитель острова Пендор, парень, и я получу то золото, которое завоевали мои предки, и драгоценности, которые носили женщины нашего рода, и Зеленый Камень Иналкиль! Ибо все это принадлежит мне по праву!.. А ты теперь сможешь рассказать деревенским простакам мою историю — но только после того, как я, одержав победу над этим волшебником, покину ваш остров. Подожди здесь. Впрочем, можешь пойти со мной и посмотреть, если не боишься. Иной возможности увидеть поединок двух великих волшебников у тебя не будет! — Чернобородый резко повернулся и, даже не взглянув на Берта, быстро пошел к основанию холма, где виден был вход в пещеру.

Очень медленно двинулся за ним следом и Берт. На довольно большом расстоянии от пещеры он остановился, спрятался за кустом боярышника и стал ждать. Гость с Архипелага стоял перед разверстой пастью пещеры; его темная фигура отчетливо выделялась на зеленом склоне.

На какое-то мгновение он застыл в полной неподвижности, а потом вдруг, взмахнув посохом над головой, отчего вокруг разлилось изумрудное сияние, крикнул:

— Эй, вор, похититель сокровища Пендора, выходи!

Внутри пещеры что-то зазвенело, загремело, словно разбили большой глиняный сосуд, и оттуда вылетело целое облако черной пыли. Пыль запорошила Берту глаза, он закашлялся, а когда снова смог видеть, то Чернобородый по-прежнему неподвижно стоял у входа в пещеру, откуда, весь засыпанный пылью и взъерошенный, вышел мистер Горовик. Он выглядел маленьким, жалким, косолапым; ножки, обтянутые черными штанами, были коротенькие и кривые; и посоха у него в руках не было — у него вообще никогда не было никакого посоха, вдруг подумал Берт. И тут мистер Горовик заговорил.

— Кто ты такой? — спросил он своим глухим слабым голосом.

— Я повелитель Пендора, а ты — вор, и я пришел потребовать назад свои сокровища!

Щеки мистера Горовика медленно порозовели, как всегда, когда люди разговаривали с ним грубо. Но потом он вдруг совершенно изменился: как-то пожелтел, волосы у него встали дыбом, он не то кашлянул, не то странно рыкнул — и вот уже желтый лев прыгнул прямо на Чернобородого, сверкнули страшные клыки зверя...

Но Чернобородого там не оказалось: огромный тигр, цвета изрезанной молниями ночи, бросился льву навстречу...

Лев исчез. Чуть ниже пещеры вдруг откуда ни возьмись выросла целая роща деревьев с черными в зимнем свете солнца стволами. Тигр, зависнув в воздухе посредине прыжка, превратился в пламя, которое стало жадно пожирать сухие черные ветви...

И сразу там, где только что стояли деревья, земля начала вспучиваться, и оттуда серебристой аркой вылетела мощная струя воды, с шумом устремившаяся по склону на бушующее пламя. Но и пламя исчезло...

И тут прямо на глазах у изумленного рыбака выросли два холма — один зеленый, давно знакомый, и новый, голый, коричневый, готовый впитать мощные струи воды. Все произошло настолько быстро, что Берту пришлось как следует протереть глаза, а когда он их снова открыл,

то не только изумленно захлопал ресницами, но даже застонал: то, что он видел теперь, было куда страшнее. Вместо коричневого холма, точнее, на его вершине, закрывая черными крыльями его целиком, возвышался дракон. Чудовищные стальные когти бороздили землю, а из темной, покрытой чешуей пасти вырывались языки пламени и клубы дыма.

Перед чудовищем у подножия зеленого холма стоял Чернобородый и смеялся.

— Можете превращаться во что угодно, мистер Горовик! — дразнил он противника. — Я вас все равно узнаю. Однако игра ваша, милый толстячок, начинает меня утомлять. Теперь я желаю взглянуть на сокровища Пендора, на свой Иналкиль. Да, большой ты дракон, да волшебник маленький! А ну-ка прими свое истинное обличье! Приказываю это тебе и заклинаю истинным твоим именем — Йевод!

Берт будто окоченел — даже моргнуть не мог. Дрожа от страха, смотрел он на происходящее, хотя смотреть ему вовсе не хотелось. Он видел, как чудовищный черный дракон завис в воздухе над Чернобородым. Он видел, как из пасти его вырывается пламя, а из красных ноздрей валит дым. Он видел, как лицо Чернобородого побледнело, побелело как мел и губы его, прикрытые черной бородой, задрожали.

— Твое имя Йевод!

— Да, — хрипло прошипел могучий дракон. — Мое подлинное имя действительно Йевод, а мое подлинное обличье — вот это.

— Но ведь дракон был убит... они же нашли кости дракона на острове Удратх...

— То были кости другого дракона, — проревело чудовище и, словно ястреб, вытянув когти, ринулось вниз. Берт зажмурился.

Когда же он наконец открыл глаза, небо над головой у него было пустым и чистым. И склон холма тоже опустел, лишь красновато-черное пятно осталось на нем — словно кого-то вдавили там в землю — да вокруг на примятой траве виднелись следы от когтистых драконьих лап.

Когда Берт смог подняться на ноги, он бросился бежать — через выгон, разгоняя овец во все стороны, прямо

в деревню, к дому отца Палани. Сама Палани оказалась в саду: сажала настурции.

— Идем со мной! — задыхаясь, проговорил Берт.

Она удивленно уставилась на него, но он схватил ее за руку и потащил за собой. Она для порядка возмутилась, однáко особенно сопротивляться не стала. Они примчались на пристань, Берт столкнул девушку в свою рыбачью лодку по имени «Королевна», схватил весла и стал грести как бешеный. В последний раз увидели Сатиновые острова парус «Королевны», стремительно удалявшийся в сторону западных островов. Больше ни Берта, ни Палани жители деревни не встречали.

Сперва новость о том, как Берт, племянник старой Гуди Гульд, потеряв разум, уплыл неведомо куда со школьной учительницей, потрясла деревню. Тем более что в тот же день бесследно исчез и молодой торговец по кличке Чернобородый, бросив все свои драгоценные перья и бусы. Однако тема эта оказалась исчерпанной уже дня через три, ибо мистер Горовик вышел наконец из своей пещеры, и теперь у жителей деревни хватало иных тем для разговоров.

А мистер Горовик решил, что раз уж его подлинное имя стало всем известно, то можно больше не скрывать и своего подлинного обличья. Ходить ему всегда было куда труднее, чем летать, а кроме того, уже давненько он по-настоящему не обедал...

Освобождающее заклятие

Где же это он? Жесткий, покрытый слизью пол, воздух черен и пропитан зловонием. Остальное совершенно неясно. Вот только голова очень болит.

Лежа на ледяном полу, Фестин со стоном приказал: «Эй, посох!» Но ольховый волшебный посох так и не появился. И тут Фестин понял, что ему угрожает страшная опасность. Он сел и, поскольку посоха у него не было и он не мог зажечь настоящий волшебный огонь, щелкнул пальцами и пробормотал нужное заклинание. Слабый голубоватый огонек — частица его души, — вызванный к жизни волей волшебника, вспыхнул в воздухе, рассыпая искры. «Поднимись-ка повыше», — сказал ему Фестин, ощущая в парящем огоньке частицу самого себя, и светящийся шарик поплыл вдоль стены к потолку, все выше и выше, пока наконец не осветил крышку люка — метрах в пятнадцати от пола. С этой высоты лицо самого Фестина казалось бледным пятном на дне темного колодца. Огонек не отражался в сочащихся влагой стенах: они с помощью магии были сотканы из ночной тьмы, поглощающей всякий свет. Потом светящаяся частица души Фестина вернулась в его тело, и волшебник сказал огоньку: «Погасни», и тот погас. А Фестин сидел в темноте и, отчаянно ломая пальцы, думал.

Наверняка его застали врасплох, подло подкравшись сзади. Последнее, что осталось в памяти, — обычный вечерний разговор с деревьями в лесу. В его любимом лесу. Недавно, достигнув середины жизненного пути и долгие годы проведя в одиночестве, Фестин вдруг понял, что время потрачено зря; неизрасходованные силы томили его. Желая запастись терпением и не совершать более бессмысленных поступков, покинул он тогда мир людей и ушел в леса. С тех пор он общался только с деревьями, в основном с дубами, каштанами и серыми ольховинами, чьи корни близки глубинным источникам, бьющим из-

под земли. С человеком он в последний раз разговаривал примерно полгода назад. Все это время он был занят подлинными, жизненно важными вещами, никого не беспокоил, не произнес даже ни единого заклятия. Так кому же он понадобился? Кто лишил его силы и бросил в этот вонючий колодец? «Кто?» — спросил он у стен, и на них медленно проступило имя и стекло вниз, подобно тяжелой черной капле влаги, выделяемой порами камня и мерзкой плесенью: Волл.

Фестин почувствовал, как покрывается холодным потом.

О Волле Беспощадном он слышал уже давно. Ходили слухи, что он больше, чем волшебник, но меньше, чем человек; говорили также, что на своем пути с острова на остров, вплоть до самых Дальних Пределов, он разрушает все древние творения человека, превращает людей в рабов, вырубает леса и отравляет поля, пряча в страшных подземных колодцах-могилах любого волшебника или Мага, пытающегося с ним сразиться. Люди, спасшиеся с разоренных им островов, всегда рассказывали одно и то же: Волл прилетел под вечер на темной туче, влекомой морским ветром; его рабы следовали за ним на кораблях. Рабов этих люди видели собственными глазами, но никто никогда так и не смог как следует разглядеть самого Волла... Однако в Земноморье хватало и злодеев, и загадочных существ, так что Фестин, молодой еще волшебник, жаждущий знаний, не стал обращать особого внимания на страшные истории о Волле Беспощадном. «Свой остров я пока защитить в силах», — думал он, уверенный в собственном волшебном могуществе, и жил среди дубов и каштанов, слушал шорох их листьев на ветру, музыку играющих в стволах и ветвях соков, вместе с деревьями ловя солнечный свет и ощущая вкус подземных вод, питающих их корни... Где-то они теперь, старые верные друзья? А что, если Волл уничтожил его лес?

Очнувшись от грез, Фестин встал, выпрямился во весь рост, сделал два широких жеста негнущимися руками и громко произнес то слово Истинной Речи, которое непременно должно было разрушить любые запоры, настежь распахнуть любые, созданные человеком двери. Но эти стены, пропитанные ночной тьмой и укрепленные именем своего создателя, не поддавались, они даже не дрогнули. Произнесенное заклятие вернулось столь громогласным эхом, что Фестин, чуть не потеряв сознание, упал

на колени и зажал руками уши. Потом, когда снова наступила тишина, он, еще не оправившись от потрясения, сел и стал думать.

Слухи оказались верны: Волл действительно был необычайно силен. Здесь, в его владениях, в глубине подземной темницы, выстроенной с помощью страшных заклятий, просто так с ним не справиться, тем более что могущество самого Фестина уменьшалось вдвое с утратой посоха. Но никто, даже пленивший его злодей, не смог бы отнять у него способности мысленно переноситься куда угодно, в любое место, а еще — способности к Превращениям. Фестин потер виски — их нестерпимо ломило — и начал первое Превращение. Медленно, неощутимо тело его расплылось облаком тумана.

Лениво обвисая по краям, туман поднялся над полом и поплыл вверх, вдоль осклизлых стен туда, где арка кровли соединялась со стеной. В этом месте была тоненькая, не толще волоса, трещинка. Через нее туман капля за каплей просочился наружу. Он уже почти вырвался на свободу, когда вдруг налетел горячий ветер — горячий, словно воздух над раскаленной плитой, — и стал безжалостно высушивать туман. Он поспешно втянулся назад, в трещинку под сводом, стек по стенам на пол и обрел свое подлинное обличье. Потом Фестин, еле дыша, вытянулся на холодном каменном полу. Превращение всегда требует огромного душевного напряжения и расхода физических сил, когда же к этому примешивается ужасное предвкушение гибели в нечеловеческом обличье, то пережить столь чудовищное испытание непросто. Некоторое время он был почти без чувств. К тому же злился на самого себя. Слишком это просто — превращаться в туман. Любому дураку подобный фокус известен. Вполне возможно, Волл, предвидя это, что называется, на всякий случай оставил на страже горячий ветер. Фестин еще немного подумал, потом собрал свое тело в маленький черный комок, превратился в летучую мышь, взлетел к потолку и, обернувшись тонкой струйкой воздуха, просочился сквозь трещину наружу.

На этот раз освободиться из темницы ему удалось. Невидимый и прозрачный, поплыл он через зал, в котором оказался, к окну; и тут острое чувство опасности заставило его снова превращаться — в первую пришедшую на ум вещь: золотое колечко. И вовремя. Налетевший ле-

дяной смерч тут же превратил бы легкую струйку воздуха в ничто. Даже упавшее на пол колечко чуть покрылось инеем. Когда смерч миновал, Фестин-кольцо лежал на мраморном полу и раздумывал: в каком бы виде выбраться наружу через окно?

Однако он думал слишком долго и слишком поздно решил убраться с того места, где лежал. Чудовищный тролль с черным лицом вихрем промчался через зал и успел схватить кольцо своей огромной белой, словно из извести сделанной, лапой. Потом подбежал к люку, поднял крышку за железную рукоять и, пробормотав заклятие, бросил кольцо в темный колодец. Фестин камешком пролетел все пятнадцать метров и звонко ударился о каменный пол.

Обретя свое истинное обличье, он сел, мрачно потирая разбитый локоть. Ну ладно, довольно превращений на голодный желудок. Больше всего ему сейчас хотелось вернуть свой посох: тогда он по крайней мере смог бы как следует пообедать. Без посоха он хотя и мог изменять собственое обличье, поскольку сохранил еще волшебную силу, однако не имел возможности вызвать заклинанием ни одно материальное тело — будь то молния или баранье ребрышко.

«Ничего, потерпишь», — сказал себе Фестин и, отдышавшись, растворил свое тело в бесконечно сладостных запахах жаркого из барашка. Потом еще раз попробовал просочиться сквозь щель. Поджидавший снаружи тролль подозрительно потянул было носом, но Фестин уже успел сменить обличье и, превратившись в сокола, устремился прямо к окну. Тролль бросился за ним, но промахнулся, взревел — словно камни загрохотали — «Ловите! Ловите сокола!», но было поздно. Взмыв в небеса с потоками ветра, Фестин покинул заколдованный замок и полетел к своему родному лесу, что лежал на западе, как бы окутанный темной пеленой. Он летел стрелой, однако иная стрела, более быстрая и смертоносная, настигла его. И Фестин, вскрикнув, стал падать. Солнце, и море, и башни закружились у него перед глазами и исчезли.

Он очнулся все в той же сырой темнице, на полу. Волосы намокли от крови, рот тоже был окровавлен. Стрела ранила сокола в основание крыла — то есть в человеческое плечо. Стараясь не шевелиться, Фестин пробормотал заклятие, и рана стала затягиваться. Вскоре он уже смог

сесть и, наконец собравшись с силами, выговорил более сильное и многословное заклятие — исцеляющее раны. Однако он потерял слишком много крови, а вместе с ней и сил, и теперь холод пробирал его до костей. Даже исцеляющее заклятие не могло согреть его. Перед глазами плыла темная пелена, хотя он все-таки сумел зажечь крохотный волшебный огонек; то была такая же черная пелена, что окутывала теперь его лес и селенья его острова.

Он должен был защитить эту землю!

Но впрямую больше действовать он не мог. Так ему отсюда не спастись: он слишком ослабел и устал. И слишком много растратил волшебных сил. Теперь он будет слаб в любом обличье и непременно попадет в очередную ловушку Волла.

Дрожа от холода, Фестин скрючился на полу и погасил волшебный огонек. Тот с шипением погас, испустив слабый запах болотного газа. Этот запах напомнил Фестину о болотах, что тянутся между стеной леса и морем у него на острове. То были его любимые болота, куда не ступала нога человека; осенью над ними длинной вереницей низко пролетали лебеди, а между озерцами стоячей воды и заросшими тростником островками по направлению к морю всегда бежали быстрые тихие ручейки. Ах, вот бы стать рыбкой в одном из этих ручьев! А еще лучше — оказаться у их истоков, под сенью деревьев, в тех темных водах, что омывают корни ольховин, в загадочных водах, питаемых подземными источниками...

Здесь требовалось Великое Заклятие. Фестин редко произносил их. Но он мечтал, как и любой другой человек, оказавшись в изгнании или в опасности, — мечтал коснуться родной земли, испить воды из ее источников, увидеть перед собой двери милого сердцу дома, знакомый обеденный стол, ветви дерева за окном своей спальни... Лишь во сне удается немногим, кроме разве Великих Магов, воплотить в жизнь мечту об утраченном доме... Но Фестин все же был настоящим волшебником, а потому, несмотря на пробирающий до костей холод, сковавший даже его нервы и жилы, все же поднялся на ноги, собрал всю свою волю и в молчании, меж страшных темных стен, начал творить Великое Заклятие.

И стены исчезли. Теперь он находился как бы внутри земли; скалы и гранитные жилы были ее костями, подземные воды — кровью, корни деревьев и вещей — нер-

вами. В обличье слепого червя медленно продвигался Фестин сквозь землю — на запад. Сзади и спереди — со всех сторон его окружила тьма. И вдруг неожиданно его спины и живота коснулся бодрящий, не оказывающий сопротивления, не истощающий силы ласковый холодок. Он попал в воду, почувствовал ее течение. Превратившись в серебристую рыбку, глазами, лишенными век, увидел он, что находится в глубоком пруду с коричневатой водой, среди мощных корней ольховин. Фестин, отсвечивая серебром, нырнул поглубже, в тень. Он все-таки обрел свободу! Он был дома.

Вода текла и текла из неиссякающего чистого родника... Фестин лежал на песчаном дне озерца: пусть родниковая вода, что действует сильнее любого исцеляющего заклятия, залечит его раны; пусть ее прохлада придет на смену мертвящему холоду темницы, пропитавшему его тело... Но, отдыхая, он слышал, как дрожит под чьими-то тяжелыми шагами земля в лесу. Кто это ходит там? Он был еще слишком слаб, чтобы снова сменить обличье, и скрыл свое серебристое тело — тело форели — за толстым корнем ольхи. Спрятавшись, он стал ждать.

Огромные серые пальцы шарили в воде, перетирали песок. Сквозь замутившуюся воду было видно, как над озерцом склоняются чьи-то бледные лица, чьи-то немигающие глаза пытаются кого-то разглядеть в глубине. Сетка и руки упорно делали свое дело. Сначала они, правда, упустили его, но потом все-таки вытащили на берег. Форель извивалась на песке. Фестин тщетно пытался обрести прежнее обличье — и не мог: был связан Великим Заклятием, что привело его домой. Он мучительно дергался в сетях, ловил ртом сухой, прозрачный, ужасный воздух суши, он погибал. Агония казалась бесконечной, и все желания в нем постепенно гасли...

Прошло очень много времени, прежде чем Фестин потихоньку начал осознавать, что вновь обретает человеческое обличье. Какая-то острая, горькая жидкость против его воли лилась ему в горло. Время как бы остановилось... Потом он обнаружил, что лежит ничком на полу все той же темницы. Он снова оказался во власти своего врага. И хотя теперь он снова мог нормально дышать, но был уже на самом пороге смерти.

Теперь холод окутывал его со всех сторон; тролли, слуги Волла, должно быть, превратили в месиво хрупкое

тело форели, потому что, когда Фестин шевельнулся, боль в груди и в плече буквально оглушила его. С переломанными костями, совсем без сил лежал он в этом колодце с магическими страшными стенами. У него не осталось более волшебного могущества, и обличье свое он изменить больше не мог. Оставался лишь один путь к освобождению.

Лежа неподвижно и стараясь по мере сил не думать о терзающей его боли, Фестин размышлял: почему же он все-таки не убил меня? Зачем держит меня в темнице, сохраняя мне жизнь?

Почему я ни разу его не видел? Чьи же глаза способны увидеть его? И ходит ли он по этой земле?

Он боится меня, хотя я совсем обессилел.

Говорят, что все волшебники и просто люди с сильной волей, которых он сумел победить, заживо похоронены в тайниках, в таких вот колодцах, как этот; они живут там долгие годы, тщетно пытаясь освободиться...

А если избрать иной путь: отказаться от жизни?

И Фестин решился. Последняя мысль: если я ошибся, то люди подумают, что я просто струсил, — ненадолго задержалась в его мозгу. Чуть повернув голову набок, он закрыл глаза, глубоко вздохнул и прошептал Великое Слово, дающее вечную свободу. Слово, которое произносят лишь раз в жизни.

Это было не Превращение. Фестин совсем не изменился. Его тело, его длинные руки и ноги, его умные, послушные пальцы, его глаза, что так любили смотреть на деревья и ручьи, — все было тем же. Но только неподвижным, застывшим, источающим хлад. Черные стены исчезли. Исчезли и созданные магией мрачные своды, исчезли залы и башни, исчезли море и дальний лес, исчезло вечернее небо. Все исчезло, и Фестин медленно побрел куда-то вниз по длинному склону Холма Жизни, над которым светили иные звезды.

Когда-то он обладал великим могуществом — и еще не забыл об этом. Подобно свету свечи двигался он по безбрежным пустынным просторам. И, словно вдруг что-то вспомнив, громко назвал имя своего врага: Волл!

Призванный подлинным именем, не в силах сопротивляться этому зову, Волл явился — настоящий, только очень бледный человек, ясно видимый в свете звезд. Фестин подошел к нему вплотную, и Волл, в ужасе отшатнув-

шись, вскрикнул так, словно обжегся. Потом бросился бежать. Фестин следовал за ним по пятам. Они долго бежали по остывшим потокам лавы, вытекшей когда-то из давно потухших вулканов, что вздымали свои вершины к безымянным звездам; по каменистым склонам молчаливых холмов; по долинам, заросшим короткой черной травой; мимо пустых городов, по неосвещенным улицам, между домами, в окнах которых не появилось ни одно лицо. Звезды неподвижно висели в небе — ни одна не скатилась с небосклона, ни одна новая не появилась там. Здесь ничто никогда не менялось. И никогда не наступил бы день. Они шли все дальше и дальше, и Фестин по-прежнему преследовал своего врага. Но вот перед ними оказалось высохшее русло реки. Когда-то очень-очень давно эта река текла сюда из царства живых. В ныне сухом ее русле среди валунов лежало обнаженное тело — тело старика. Его остановившиеся глаза были обращены к неподвижным звездам, которые и перед смертью безгрешны.

«Вот твоя плоть. Войди в нее!» — приказал Фестин душе Волла. Тень взвыла. Фестин подошел ближе, и Волл пополз было на четвереньках прочь, но споткнулся и нырнул прямо в разверстый рот мертвого тела.

И труп тут же исчез. На сухих валунах при свете звезд не было заметно ни малейших следов, ни единого пятнышка. Фестин некоторое время еще постоял неподвижно, потом медленно опустился на один из камней, чтобы немного отдохнуть. Пока только отдохнуть; спать было нельзя: он должен быть начеку до тех пор, пока тело Волла не истлеет в своей могиле, не превратится в прах; пока не иссякнет вся заключенная в нем злая сила, пока прах его не разнесет ветер, не смоют в море дожди. Фестин должен стеречь это место — ведь когда-то именно здесь смерть нашла лазейку в мир живых. Исполненный бесконечного терпения, Фестин сидел и ждал среди валунов, где никогда больше не побежит живая вода, ибо в этой стране никогда не было выхода к морю. Звезды у него над головой застыли в вечной неподвижности; он все смотрел на них, и медленно, постепенно из памяти его уходили голоса ручьев, шум падающего дождя, шорох дождевых капель, стекающих по листьям в лесу его жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ. *Роман* 5
ГРОБНИЦЫ АТУАНА. *Роман* 187
НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ. *Роман* 325
ТЕХАНУ. *Роман* 531

РАССКАЗЫ

ШКАТУЛКА, В КОТОРОЙ БЫЛА ТЬМА 753
ОДЕРЖАВШИЙ ПОБЕДУ. 765
ПРАВИЛО ИМЕН 777
ОСВОБОЖДАЮЩЕЕ ЗАКЛЯТИЕ 791

Урсулы

ЛЕ ГУИН

Ursula K. Le Guin

ISBN 978-5-699-07249-1

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН